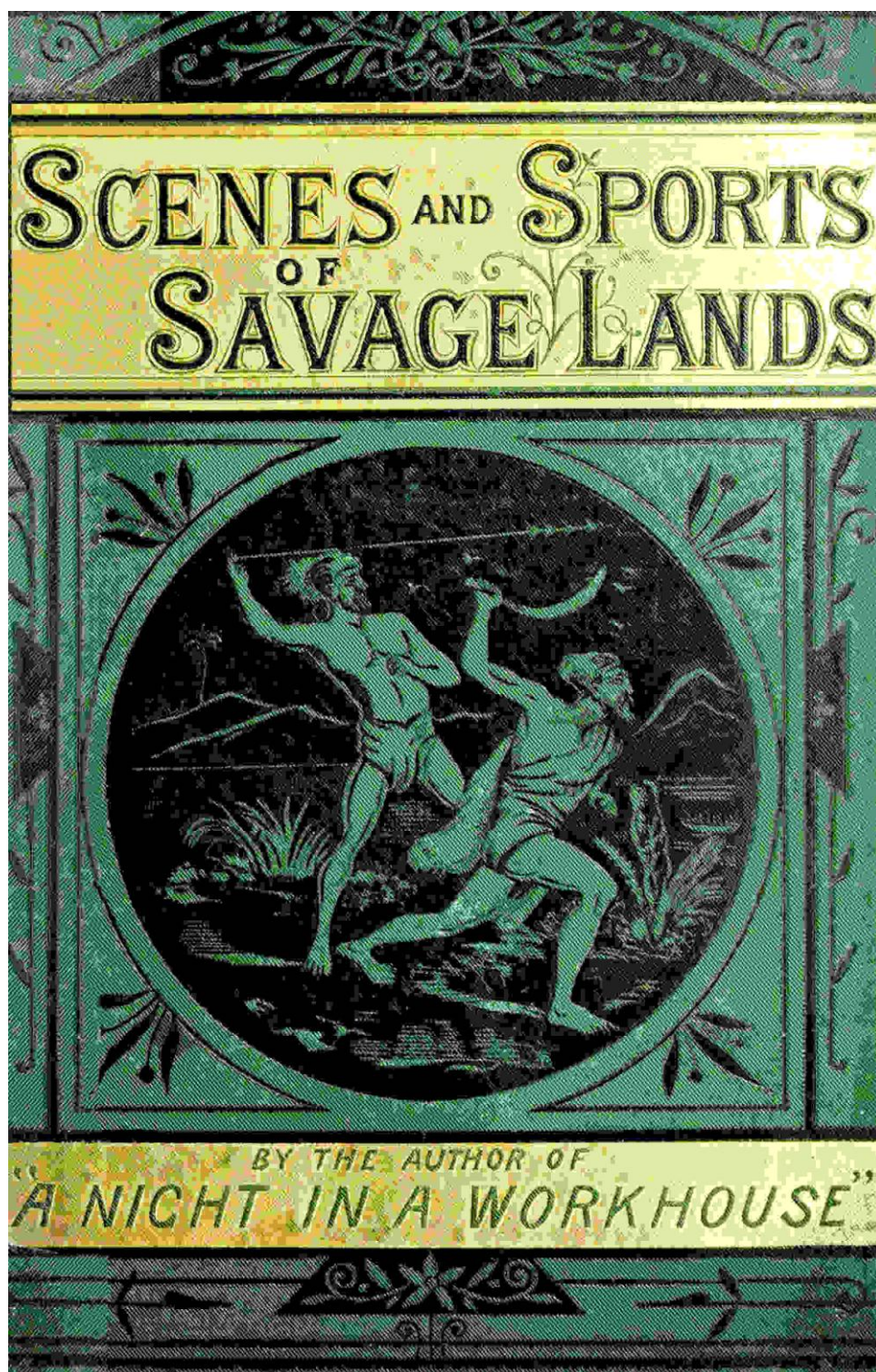

Волнующие сцены в диких землях

Джеймс Гринвуд

The Project Gutenberg eBook of Stirring scenes in savage lands.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Волнующие сцены в диких землях

Рассказ о нравах, обычаях, привычках и развлечениях, мирных и воинственных, нецивилизованного мира

Автор: Джеймс Гринвуд

Дата выхода: 28 августа 2023 года [eBook #71512]

Язык: Английский

Оригинальное издание: London: Ward, Locke & Co, 1865

Кредиты: Брайан Коу, Карин Спенс и группа распределенной онлайн-корректур на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK STIRRING SCENES IN SAVAGE LANDS ***

БИБЛИОТЕКА БИТОНА

ЭРКМАНН-ШАТРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Для молодых, изучающих историю, для пожилых, желающих извлечь уроки из опыта, или для более женственных умов, которым нравятся захватывающие истории, полные очаровательных подробностей чистой любви и привязанности, свидетельствующие о патриотической преданности и заканчивающиеся самой жизнью - для всех добрых сердец и утонченных интеллектуалов, изысканные тома ММ. Эркмана-Шатриана звучат в тонах благотворного и бодрящего воздействия.

Фсар. 8vo, обертка, 1s. каждая; ткань с позолотой, 2s. 6d.; золоченые края, 3s. 6d.

- 1. Мадам Тереза.
- 2. Призывник.
- 3. Великое вторжение во Францию.
- 4. Блокада.
- 5. Генеральные штаты, 1789 год.
- 6. Страна в опасности, 1792 год.*
- 7. Ватерлоо.
- 8. Прославленный доктор Матеус.*

- **9. Истории о Рейне.***
- **10. Друг Фритс.***
- **11. Эльзасский школьный учитель.***
- **12. Польский еврей.***
- **13. Мастер Дэниел Рок.**
- **14. Война.**
- **15. Первый год Республики, 1793 г.*.**
- **16. Гражданин Бонапарт, 1794-1815.**
- **17. Исповедь кларнетиста.***
- **18. Кампания в Кабилии.**
- **19. Человек-волк.**
- **20. Дикий егерь.**

*Тканевые издания тех томов, которые отмечены знаком *, прекрасно иллюстрированы.*

"Произведения ММ. Эркмана-Шатриана обладают удивительно увлекательным интересом..... Они переносят нас сердцем и душой в среду французского народа и показывают нам, каков он на самом деле, а не таким, каким его так часто ложно представляют." - Пресс.

"ММ. Рассказы Эркмана-Шатриана известны во всем мире как одни из самых увлекательных повествований, когда-либо написанных."-Bookseller.

Лондон: УОРД, ЛОК И КО,

Warwick House, Dorset Buildings, Salisbury Square, E.C.

Молодежная библиотека чудес и приключений.

ВКЛЮЧАЯ ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Crown 8vo, фантазийный переплет, 1s.; ткань с позолотой, 2s.

The Times пишет: "Книги М. Верна, безусловно, чрезвычайно умны и заслуживают всяческого успеха. Их сенсация одновременно ужасно захватывающая и абсолютно безвредная".

1. Путешествие в недра Земли. Жюль Верн. С цветными картинками.

2. Англичане на Северном полюсе. Жюль Верн. С цветными картинками.

3. Ледяная пустыня. Жюль Верн. С цветными картинками.

4. Пять недель на воздушном шаре. Жюль Верн. С цветными картинками.

5. Таинственный документ. Жюль Верн. С цветными картинками.

6. На трассе. Жюль Верн. С цветными картинками.

7. Среди каннибалов. Жюль Верн. С цветными картинками.

8. **Двадцать тысяч лье под водой.** (*Первая серия.*) Жюль Верн. С цветными картинками.
 9. **Двадцать тысяч лье под водой.** (*Вторая серия.*) Жюль Верн. С цветными картинками.
 10. **Два года до мачты.** Личное повествование о жизни на море. Ричард Генри Дана, младший.
 11. **От Земли до Луны.** Жюль Верн. С цветными картинками.
 12. **Вокруг Луны.** Жюль Верн. С цветными картинками.- Сиквел к "С Земли на Луну".
-

Лучшие и самые привлекательные тома Жюль Верна.

ДВОЙНОЙ ТОМ.

Crown 8vo, boards, 2s.; cloth gilt, 3s. 6d.

1. **Приключения капитана Хаттераса.** Жюль Верн. Содержит "Англичане на Северном полюсе" и "Ледяная пустыня". С цветными иллюстрациями.
 2. **Двадцать тысяч лье под водой.** Жюль Верн. Содержит первую и вторую серии. С цветными картинками.
 3. **Чудесные путешественники.** Жюль Верн. Содержит "Путешествие в недра Земли" и "Пять недель на воздушном шаре". С цветными картинками.
 4. **Путешествие на Луну.** Жюль Верн. Содержит рассказы "С Земли на Луну" и "Вокруг Луны". С цветными картинками.
-

Лондон: WARD, LOCK, & CO., Dorset Buildings, Salisbury Square, E.C.

ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ СЦЕНЫ В ДИКИХ СТРАНАХ.

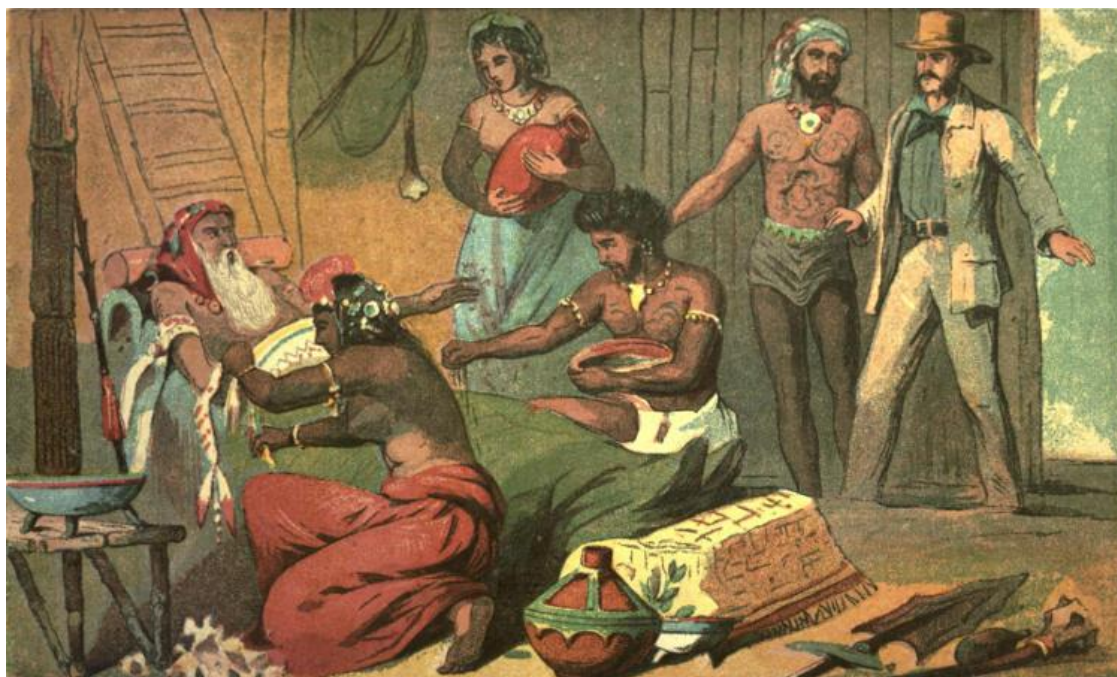
БИБЛИОТЕКА МАЛЬЧИКА БИТОНА.

Demу 8vo, ткань с позолотой, цена 5s. за каждую; позолоченные края, 6s.

1. **Истории войн.** Джон Тиллотсон. Цветные картинки и множество других иллюстраций.
2. **Приключения мальчика в войнах баронов;** или Как я выиграл свои шпоры. By J. G. Edgar. Цветной фронтиспис и множество иллюстраций.
3. **Кресси и Пуатье.** By J. G. Edgar. Цветной фронтиспис и множество иллюстраций.
4. **Раннимид и ярмарка Линкольна.** Автор Дж. Г. Эдгар. Цветной фронтиспис и множество полностраничных гравюр на тонированной бумаге.
5. **Дикие виды спорта мира.** Дж. Гринвуд. Восемь цветных пластин и множество гравюр на дереве.

6. **The Wild Man at Home**; or, Pictures of Life in Savage Lands. По Дж. Гринвуду. Со многими иллюстрациями.
7. **Hubert Ellis**: A Story of King Richard the Second's Days. By F. Davenant. Цветной фронтиспис, полностраничные и другие иллюстрации.
8. **Дон Кихот**. С почти 700 иллюстрациями
9. **Путешествия Гулливера**. Цветной фронтиспис и около 300 иллюстраций.
10. **Робинзон Крузо**. С воспоминаниями автора, цветными и другими пластинами, а также множеством гравюр на дереве.
11. **Silas the Conjuror**: His Travels and Perils. Автор Дж. Гринвуд. Много иллюстраций.
12. **Будоражающие сцены в диких землях**. По Дж. Гринвуду. Со многими иллюстрациями.
13. **Рубен Дэвидгер**. By J. Greenwood. Со многими иллюстрациями.
14. **Храбрые британские солдаты и Крест Виктории**. Полностраничные гравюры и другие иллюстрации.
15. **Zoological Recreations**. Цветной фронтиспис и множество иллюстраций.
16. **Дикие животные на свободе и в неволе**. Цветной фронтиспис и 120 иллюстраций.
17. **The World's Explorers**: Включая открытия Ливингстона и Стэнли. Цветной фронтиспис и множество иллюстраций.
18. **Человек среди обезьян**; или Девяносто дней в Апеланде. Иллюстрировано Гюставом Доре и другими.
19. **Золото Америки**. Джон Тиллотсон. Со многими иллюстрациями.

Лондон: WARD, LOCK & CO., Warwick House,
СОЛСБЕРИ-СКВЕР, Э.К.

ПОХОРОНЫ ЖИВОГО КОРОЛЯ.

ВОЛНУЮЩИЕ СЦЕНЫ В ДИКИХ СТРАНАХ.

РАССКАЗ О НРАВАХ, ОБЫЧАЯХ, ПРИВЫЧКАХ И РАЗВЛЕЧЕНИЯХ, МИРНЫХ И ВОИНСТВЕННЫХ, НЕЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА.

ДЖЕЙМС ГРИНВУД,

АВТОРА КНИГ "ДИКИЕ ВИДЫ СПОРТА МИРА", "НОЧЬ В РАБОТНОМ ДОМЕ".
"НОЧЬ В РАБОЧЕМ ДОМЕ" И ДР.

С гравюрами на дереве и рисунками Хардена С. Мелвилла,

ГРАВИРОВАННЫЕ Х. НЬЮСОМ ВУДСОМ.

И ЦВЕТНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ С АКВАРЕЛЬНЫХ РИСУНКОВ

Ф. У. КЕЙЛА И Р. ХАТТУЛА.

ЛОНДОН:

WARD, LOCK AND CO., WARWICK HOUSE,

DORSET BUILDINGS, SALISBURY SQUARE, E.C.

В ОДНОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ С ЭТИМ ТОМОМ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

THE WILD MAN AT HOME; OR, *Pictures of Life in Savage Lands.*

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ.

ЧАСТЬ VII.

КОРОЛИ И ДВОРЫ ДИКАРЕЙ.

Гл. XVII. - Дикарь как дитя природы - для чего он живет - короли по рождению - король, которому желают смерти - знакомство командора Форбса с королем Дагомеи - формальности, которые следует соблюдать при приближении к дагоманской королевской особе - дворец, огороженный человеческими черепами - приветственное приветствие - король королей Гезо - его величество "стоит стоком" - грандиозная демонстрация рома и пороха - церемония Эх-бах-тонг-ах-бах, или демонстрация царских богатств - красный бассейн у порога - дахоманские "полуголовы" - царь Гезо - "леопард" и "ястреб" - предметы богатства его величества - "одна сковорода для мытья, семь кастрюль с черепами и бабушка" - зонтик, украшенный восемьюдесятью челюстными костями - вероятная стоимость всей партии - большой крик и мало шерсти - церемония Эк-ке-ну-ах-тох-мех или бросание подарков - королевский помост и голодная толпа внизу - как одет его величество - ром, табак и коровьи ягоды, раздаваемые людям - короли и послы присоединяются к толпе - человеческие жертвы и ожидающие дикари - кормите нас! "Мы голодны" - жертвы спускают в яму - недавний грандиозный обычай - "Маленький Попо, 6 августа 1862 года" - рад видеть голландца - прием голландца королем - выставка распятого миссионера - землетрясение в разгар "обычая" - двадцать четыре живых мужчины брошены голодным - шестнадцать женщин, 16 женщин, 4 лошади и 1 аллигатор принесены в жертву - Буллфинч Ягненок - его свидетельства о том, каким был Дагомея в старые времена - 10 000 фунтов стерлингов, которые король требует в качестве выкупа за Буллфинча - он пишет домой, описывая свои страдания - он показывает себя лисой, а не Ягненком - Буллфинч завоевывает сердце короля, сделав его котенком - королевство Або и его правитель - мистер Бейки. Байки в королевской резиденции - дворце из грязи и соломы - король Ишукума - королевские одежды - сестра короля выступает в роли "глашатая" при дворе - король Адже - его ноги без ботинок и красный ночной колпак - Адже дает мистеру Байки свой "рывок". Байки - его визит к ужасному Неам Наму - некоторые из его последователей бегут при одном только виде города - людоеды окружают искателей приключений - надежды на веселый пир - надежды обмануты - друг в беде - "Посмотрите на вещи, которые они держат в руках; не трогайте их" - чудесные последствия выстрела - щекотливый момент - добрая воля каннибалов обеспечена - фернандийский город Иссапоо и король Бровуди - Мр. Хатчинсон описывает дворец Бровуди - королевское снаряжение: "старый грязный табурет для трона, старая шляпа из бамбуковых листьев для короны" - коронация в Иссапо - что может есть его новоиспеченное величество, и что он должен оставить в покое - королевская власть в Старом Калабаре - король Эямба - государственная повозка, называемая "коровником белого человека" - комичное использование повозки - барабан Эгбо - Аква-эль-дере или день отбивных в Дуктауне - королевский пир - дерево джу-джу и соус для пилуль - интересный способ питания за королевским столом - "Король Эйю Честность" - как он соблюдает субботу - его группа - орден Эгбо - как он создан - его сходство с вольным каменщиком - Идем и его

ужасный кнут из коровьей шкуры - возмутительные привилегии - колокола Эгбо - медный день Эгбо - суды и преступники Эгбо - "Кровники" Дуктауна - Мамбо из Лунды - его великолепные наряды и то, как он держит двор - его Муата Казембе или премьер-министр - семь зонтиков Муата - жены Мамбо - выборы Джаги - необычная церемония, сопровождающая их - как Джага выбирает место для дворца - новый обряд Самбаменто - несчастный Никанго - его судьба. Страницы 1-137.

Гл. XVIII - Королевская власть на юге Африки - доктор Ливингстон и Шинте - король Маколото - королевская корона из бус и гусиных перьев - прием доктора - сто жен его величества и его главная жена - королевский рояль и четыре пианиста - доктор и его последователи попадают в руки Манембо, южноафриканской вождя - она дает гостям немного своих мыслей - ее совет доктору Ливингстону - "теперь, маленький, я хочу, чтобы ты был с нами". Ливингстон: "Теперь, мой маленький человек, делай, как все" - из Южной Африки в Абиссинию - мистер Стерн среди фалашей - грубое нарушение придворного этикета - абиссинское лекарство от меланхолии - мистер Брюс. Брюс испытывает это лекарство - знакомство Брюса с леди Ситтина - ее великолепный наряд - галантность Брюса ничуть не удивляет леди - он дает полезный совет как врач - деликатный разговор - король Синаар - как его намазали - лекарство от рыжих волос - трон на Мадагаскаре - знакомство мадам Иды Пфиффер с королевой - оплата за "ногу" - ее величество не слишком любезна и не слишком вежлива - дворец на Малагасее Малагасейский дворец - его главная опора - пять тысяч рабочих для его возведения - смерть пятнадцати тысяч строителей - серебряный дворец - церемония по случаю смерти малагасейского короля - праздник купания королевы - великое ликование по этому случаю - малагасейская армия и военный оркестр - жалкое состояние солдат - горсть риса на день - бал при малагасейском дворе - бальные платья - танец "сегу" - черномазое поведение ее величества. Страницы 38-53.

Гл. XIX. - Борнео и борнеанцы - воцарение даякского *ораджа* - горячий совет и *холодный* совет - церемония выборов, описанная Байя Бруком - "пусть правительство будет холодным" - визит к вождю грунгов - захват старухами - отвратительные обычаи - даякский танец - больше физикалий - Кореа и острова Великого Лоо Чу - вождь Кореа - его визит на британское судно "Лира" - достойное поведение вождя - его шумные сопровождающие - он Приказ об аресте - дешевое развлечение - наказание арестованного - вождь теряет самообладание и свободно использует свой служебный жезл - двор короля Финоу - свадьба его старшей дочери с великим вождем Туитонга - помазание невесты и ее свадебные одежды из тончайших циновок - подружки невесты - брачный пир - двадцать печеных свиней - музыка и танцы - король Джон из Аделаиды, Австралия - его смерть, расчленение и запекание - ужасная церемония - послушные *лубры* запеченного короля - мумия "на эвкалиптовом дереве" - король Джон - самый толстоголовый король из когда-либо известных - его череп, доказывающий это - предсмертная судьба простого бушмена - отпевание "духа, который убивает" - могила бушмена - траурные обычаи бушменов. Страницы 54-66.

ЧАСТЬ VIII.

Доктор медицины Сэвидж.

Гл. XX. - Хирургия и медицина в диких странах - доктор медицины в Полинезии - как лечить сломанную шею - выпрямление вывихнутого позвонка - трепанация с помощью *какао* в Полинезии - как лечить сломанную шею - выпрямление вывихнутого позвонка - трепанация с помощью кусочка *какао*... ореховая скорлупа - свиные мозги вместо человеческих - больной на Фиги - краткий метод избавления от проблемных инвалидов - "будьте благоразумны и позвольте кому-нибудь избавить вас от страданий" - нежное лекарство для больной принцессы - пациент в конце концов задушен - нежное лечение потерпевшего кораблекрушения моряка - сингулярная злость *фигийских* больных - врач на Самоа - никаких

лекарств - странные предсказания умирающих самоанцев - человек с Токелау, который вышел на луну - врач от всех болезней - "исповедуйтесь, безошибочный метод извлечения копья - полинезийские *производители болезней* - тайна сожжения *нохака* - новый способ сжечь врага до смерти - как справляться с болезнями намаки на юге Африки - старухи, которых нашел миссионер Моффат - "я стара и немощна и больше не приношу пользы" - больной маленький Макалоло - ничей ребенок - Гальтон и расчетливый дикарь - не может сосчитать больше десяти - как преодолеть эту трудность - стоматология в стране Дамара - путешественник Гальтон чуть не стал жертвой - таскал до тех пор, пока "что-то" не поддалось - доктор в старом Калабаре - как калабеец принимает лекарство - доктор Абиадионг - как он оперирует своими волшебными бусами - хоронит собаку заживо, чтобы спасти больного - как обмануть демона оспы - М.оспы - M.D. среди индейцев Северной Америки - квалификация врача пауни - случай, свидетелем которого был путешественник Мюррей - как лечить кашель - вправление сломанной руки и нескольких ребер - сломанные кости, вылеченные дымом - медицинский танец - индейские потогонные ванны и потогонные средства - как изготовить дешевую паровую ванну - врачевание в Абиссинии - мистер Брюс берется вылечить трех больных. Брюс берется вылечить трех королей - описание нашим соотечественником своих интересных пациентов - могильные обязанности абиссинского врача - "что значит вылечить меня, если ты выставляешь меня нищим?" - несколько полезных советов восточным путешественникам - стимуляторы, которых следует избегать - не купаться в слишком холодной воде. Страницы [67-87](#).

ЧАСТЬ IX.

ВОЙНА ДИКАРЕЙ.

Гл. XXI.-Самые воинственные дикари - потомственные пираты на Борнео - флот из девяносто семь пиратских кораблей - Раджа Брук и пираты - посещение флота - охота на пиратов - экскурсия на "Дидос" - приключения "Веселого холостяка" - "много раз проскальзывал между рукой и кораблем" - старпом для пиратского вождя - никаких кварталов с даяками - победоносный "Веселый холостяк" - пиратский герой - даяк считается солдатом - военный совет - подготовка к грандиозному сражению - мечи и копья, мушкеты и ранчо - *два* стрелка на один мушкет - как заряжается двигатель - тактика ведения боя на Борне - продвижение войск сэра Дж. Брук - соперничающие армии ругают друг друга - воин Накота рассказывает о своем искусном полководце - "ты ударил меня, вот и все!" - Даякский сумпитан - как его носят, заряжают и выпускают отравленные стрелы - *иланг* - *оружие* индейцев Амазонки - *пекуна* и ее использование - сходство с борнейским сумпитаном - индейское духовое ружье - военные танцы среди илланунов и гиллоло - охота за головами на Борнео - драка между сиго и синге - отвратительный трофей - развешивание голов - сэр Дж. Брук в защиту борнейских обычаев - охотники за мозгом на Филиппинских островах - опыт Ла Жироньера на пиршестве мозга - ужасная чаша - борнейский дикарь в сравнении с другими. Страницы [88-106](#).

Гл. XXII.-Война среди североамериканских индейцев - одоление военной мечты - соратники по оружию - "жертвенная скво" - ее лошадь, сумка со снадобьями и трубка - в походе - нельзя чесать голову - индейские военные танцы и речи - хвастовство воинов - подвиг, которым стоит хвастаться - что значит быть "храбрецом" - проглотить лошадь индейца - смена лагеря - похвальная забота о стариках и молодых - красавица вечеринки - "Как, Как" - пример индейского героизма - демонстрация своим врагам, как чиппева может умереть - как сиу демонстрировали свое восхищение этим героизмом - Махтотопа Мандан снова - как он сражался на дуэли с известным шайеном - драгоценный скальп - еще один драгоценный скальп и как он был получен - доверие индейского воина к снам - "где мой мунеду?" - удивительная сила пилы мунеду - об индейском каноэ - его древность - алгонгское каноэ -

при строительстве каноэ не используются гвозди и шурупы - строительство лодок - работа для портного - женщины, строящие лодки - мореходность хрупких судов - военные действия на Самоа - как предотвратить вражду - "мы пришли, и вот ножи, чтобы разрезать нас" - преданность жен и возлюбленных самоанских храбрецов- военные инструменты и символы самоанца- его военная тактика- четыре сотни сожженных пленных- почетное право отрезать голову- удивительно чистое бритье- мертвые воины- корм для собак- храбрая самоанская мать- большая привилегия короля Самоа- "Возможно, вверх по лицу" - проявление королевского милосердия - резня христиан - судьба добытчиков сандалового дерева - протекция жителей Сосновых островов - история захвата "Сестер" - мстящий "порошок" - тревожные счета с партией каторжников - двое из партии спасены - их неблагодарность - еще раз прощены - туземцы не так черны, как их рисуют - небольшая история, рассказанная мистером Коултером. Коултер - полезные карронады - замечания гуманного и возмущенного капитана - значительные потери - очень жаль, но ничего не поделаешь! - причудливая, но вероятная картина. Страницы [107-133](#).

Гл. XXIII.- Военные действия в *Фиги-боле-боле* или вызов-"Сэр, вы меня знаете? Ваши враги скоро узнают" - фигийский "фустин" - мнение миссионера Уильямса о фигийце как о человеке войны - военные ораторы - тактика боя - падение первого воина - "первое вырывание корня" - ношение мертвого врага в качестве ожерелья - боевые орудия фигийцев - оружие Тонга - пяти-как король Финоу избавлялся от пленных воинов - непокорный Какахо - усыновление ребенка умирающего врага - героизм вдовы Монфахо - строительство фигийских кораблей - удивительное мастерство дикарей-лодочников - необычные морские женщины - суеверие фигийских моряков - приглашение бриза - воин в Новой Зеландии - утверждение боевых мужчин - произнесение хаха - "Уходи, уходи"-распределение локонов убитых-жарение сердец воинов-каннибальские пиры после битвы- военное искусство в Австралии- австралийские военные инструменты- бумеранг и его различные применения- "хиклеман" и "ваммера"- знаменитые жертвы австралийского копья- австралийские дуэли- толстые головы и тонкие головы- "удовлетворение" австралийского джентльмена. Страницы [134-155](#).

Гл. XXIV.-Война среди дикарей Африки - хвостатые глашатаи - великий крик и маленькая резня - военный танец Кафре - военный напев Басуто - боевая песня знаменитого Кукутля - Грикуа Питшо - военный совет - обращение вождя к баролонгам и батлапи - "Пусть каждый выскажет свое мнение, а потом я скажу снова" - некоторые высказывают свое мнение довольно свободно - "Вы погрязли в апатии; покажите себя мужчиной и королем" - упрек пожирателям почек - африканский дикарь лучше американца - смерть перед бесчестием - охота в Восточной Африке - фанаты-каннибалы считаются лучниками - их боевое оружие в целом - их ядовитые дротики, боевые ножи и мозговые тесаки - их щиты из слоновьей шкуры - женщины-воины Дагомеи - обзор армии "прекрасного" пола - "пальцы" короля Гезо - амбиции пожилой дамы - "я мечтаю убить слона, чтобы показать королю свое уважение" - Гезо уподобляется курице - амазонки-штандартывоины в Абиссинии - красивое изображение вождя галла - птицы-людоеды - неверующий в английскую артиллерию - убежденные скептики - мощный огарок свечи - металлургия дикарей - ценность пары мехов - кузнец в Папуа - король и кузнец - Ле Вайян становится мастером по ремонту мехов. Страницы [156-182](#).

ЧАСТЬ X.

СЛУЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ЛИЧНЫМИ ОПАСНОСТЯМИ И НЕУДОБСТВАМИ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.

Гл. XXV.- Пороки и наказания исследователей и искателей приключений - эгоизм читателя - ночлег мистера Хатчинсона в Брассе, городе на западе Африки - его кровать - его соседи -

как глупо было задуть свет!-кусание, царапанье, ползание внутри и вечный гогот без дневного света, и тайна раскрыта - ночлег на берегу Гамбии - голоса ночи - испуганные москиты - "Я чувствую запах крови англичанина" - сон на муравьях и тараканах - "Сижу" на ночь - ночлег в дендрарии - поднимаюсь в постель, устраиваясь поудобнее - полсигары на ужин - неприятные соседи - леопарды и другие нежные звери внизу - комары вверх и вокруг - одиннадцатичасовое лежание - брошенная кушетка - потерянные и голодные - найденные и обрадованные - дикарские переживания доктора Ливингстона - одна из многих тысяч ночей - косарь и кувшин для палатки - "котла" или палаточный костер - спящие, и собаки, которые приходили и съедали одеяла - мойщики посуды и повара - каждый человек сам себе прачка - строгая чистота доктора - "сомнительно, что спуск к варварскому образу жизни когда-либо возвышает человека в глазах дикаря" - сторожа и сторожевые собаки - тревожный случай в походе - главный враг африканского путешественника, маленькая муха цеце - ее совершенная безобидность по отношению к людям и диким животным - ее смертельная привязанность к тягловым волам и лошадям - симптомы яда цеце - скот целого племени, почти уничтоженный цеце - путешественник в пустыне Восточной Африки - опыт мистера Бертон. Опыт Бертон - его рассказ о дневном марше - пробуждение лагеря - носильщики, не желающие отходить от костра - "собрать", "упаковать", "собирать", "упаковывать", "отправляться" - наконец, в путь - африканский носильщик, требующий предоплаты - привилегии и льготы пагази - его роскошные наряды и знаки отличия - как пагази ведет счет нарушителям на дороге - озорная стрельба по хижинам - странные указания пагази, где можно найти воду - носильщики из слоновой кости и как они несут свой груз - среднее количество переносимых тяжестей - никаких изяществ в дороге - не в дороге не носят нарядов - находят применение "бюстам" - каждый мужчина носит оружие для защиты - рекреации на дороге - знаки остановки - храбрость носильщиков - сто пятьдесят из них напугали корову - валы на дороге - разбитые головы - никаких провокаторов дурной крови - расистские способы борьбы - африканцы очень не любят спешить - не привыкли к этому - повседневная жизнь дома - вполне счастливы при достаточном количестве сна, "помбе", табаке и сплетнях - домашний африканец, склонный к азартным играм - "голова или решка" - высокая игра - моя бабушка против твоей - еда, единственная цель его жизни - сорок глотков после ужина - не поклонник максимы "рано ложиться спать" - первый подход европейцев к каннибальскому берегу - три рыболовных крючка для лобстера - огромные карманы, чтобы положить рыболовные крючки - пахнущее место, к которому прикоснулся белый человек - недоверие вождя к стулу - гигантские дикари - наглая попытка украсть хижину. мальчишка, настроенный на воровство - попытка обокрасть мастифа и его конуру - более удачная попытка с котенком - собака приходит в себя и освобождается с помощью икры ноги вора - увольнение недобросовестных гостей. Страницы [183-203](#).

ЧАСТЬ XI.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ И СУЕВЕРИЯ.

Гл. XXVI. Религия в дикарских странах - таинственный "тихий голос" - его существование неотделимо от человеческой природы - "непостижимое" синоним "зла" в сознании дикаря - ничто не является таким непостижимым, как смерть - ничто не вызывает такого страха - смерть - отравленный медовый горшок дикаря - грегрин - человек должен покровительствовать любой ценой - мифология самуамов - Тангалоа и дочь - она спускается и сажает ползучее растение на бесплодной скале - что выросло из этого растения человек должен получать покровительство любой ценой - самоанская мифология - Тангалоа и его дочь - она спускается и сажает ползучее растение на бесплодной скале - до чего оно выросло - человек, который толкнул небеса вверх - юноши, решившие посетить луну - один был выкурен, а другой забрался наверх - как луна спустилась и приняла насмешливую

женщину- дитя солнца- это великое светило в опасности быть задушенным веревкой- "О! пощади меня и сохрани мне жизнь" - фигийская версия потопа - утомительное путешествие души с земли на небо - дикое очарование - отчаянные попытки обмануть мрачных паромщиков - ссорящиеся фигийские боги - необычный случай похищения - одинокий Найогабуи и смелый Равовоникаугава - успех экспедиции - Рокуа узнает о побеге и отправляется в погоню - маскируется - все справедливо в любви и на войне - провал уловки Рокуа - еще одна попытка - на этот раз под видом рыбачки - злая Найогабуи предает своего отца, Аид самоанцев - различные боги самоанцев - божество для каждой деревни - самоанская форма клятвы - чаша правды - оплакивание разрушения образа бога - самый модный бог в Полинезии - человеческие жертвоприношения - целые семьи, выделенные для этой цели, чтобы их приводили, когда нужно - внезапная смерть жертвы - тапу - его древний институт - всеобщее влияние тапу - г-н Эллис, по его мнению. Мнение Эллиса о работе "тапу"- намордники на свиней и цыплят с завязанными глазами- заклеенные свиньи- церемония снятия "тапу" со свиней- принцы и дворяне демонстрируют свое мастерство в переноске свиней- представление его величеству свиного жаркого- грандиозный праздник- институт "тапу" в Новой Зеландии- неудобство быть заклеенным- хорошая куртка, потерянная из-за суеверия- ужасный зольный ящик- как получить каноэ- священная голова вождя - священные земли кумара - священный шест и миссионеры - позвоночник вождя - разница между *ноа* и тапу - тапуирование реки - Пакека и железный горшок - одно из лучших применений тапу - его преимущества и недостатки - тапу среди самоанцев - змея, акула и громовой тапус - рождение тапуса - колдовство в Новой Зеландии - знакомство англичанина с "отставной" ведьмой - как он ее нашел - она отказывается действовать, бросив свое дело и став "молящейся" женщиной, она поддается на уговоры, Маленький жук в соломе - бог, просящий одеяло - англичанин не вполне убежден - Религия среди даяков суши и моря - верховный Тевата - суть их религиозной системы - "физика" для священного помазания - четыре главных духа в вере даяков - как человек стал меньше духов - что становится с даяком, когда он умирает - искусный "Умот Перусонг" - "Мино Буау, "Мино Буау", или призраки-воины - пугающее явление безголовой собаки - даякские методы умиловления богов - удачные дни, предзнаменования и предупреждения - церемония создания братьев - как Сингаудинг стал братом мистера Св. Как кинийцы вступают в братство - создание братства в Западной Африке - скрепление кровью - добрые и злые духи даяков - к чему снится Сингаллонг Буронг, бог войны - деликатный способ намекнуть на оспу - "он" покинул вас?-Карам из Барама и его бог Тотадунган - даяк, который попал на небо - что он увидел - священный борнейский бык - суеверия даяков относительно собак и змей - легенда о нарисованной собаке - дикарь из Северной Америки и его "счастливая охотничья территория" - "Кичи-маниту" и "Матчи-мунеду" - версия потопа у североамериканских индейцев - дикий Ной - как была преобразована земля - гагара, бобр и мускусная крыса - легенда о Китчи-Маниту - он встречает первого человека, жалеет его и находит ему пару, Маами по имени - счастливая встреча - их райский сад со "столами и стульями и стеклянными окнами" - Китчи-Маниту предостерегает их от плодов злого дерева - Маами поддается искушению и падает - она приглашает своего мужа, и его слабость оказывается слишком сильной для него - гнев Китчи-Маниту - изгнание Китчи-Маниту. Маниту - изгнание провинившейся пары - они начинают свои мирские заботы - муж Маами находит книгу - она кажется ему слишком большой, чтобы носить ее с собой, он отказывается от нее - ему дают книгу удобного размера, в которой он учится искусству медицины - индеец, совершивший обратное путешествие на небо - как он туда попал, что он увидел, и как он вернулся на землю - человек из огненного камня - его великий враг Манабожо - между ними происходит страшная схватка, и человек из огненного камня побеждает - как Манабожочеловек из камня побежден - как Манабожо старался на благо человечества - его друг Чибиабос - Манитусы

разыгрывают Чибиабоса хитростью - горе Манабожо - друзья объединяются - открытие "громового гнезда" - Ганс Хансом и бобровый траппер - "второе зрение" у виннебаго - пророчество - его проверка - сон Маленькой Осы - индейская картинаписьмо - знаки разных племен - что означает "убить" - рассказ в пантомиме - комплименты Краши Джейн редактору - мистер Кэтлин. Катлин рисует "старого медведя" - художнику это очень нравится - испуганные дикари целуют подол ласточкиного хвоста мистера Катлина - он не очень ладит с дамами - все трудности преодолены - Манданский праздник потопа - "ищет, кого поглотить" - смущение и бегство князя тьмы - вероломство североамериканских индейцев - мистер Мюррей. Опыт Мюррея в этом вопросе - старый джентльмен, который жаждал эластичную куртку - как он нашел ее плотно прилегающей - "хорошее создание в ледяной месяц" - старые народы оджиббевей - пауни - делавары - конфедеративные шесть народов - шауни - из Северной Америки в Абиссинию - религиозные церемонии в этой стране - матери малого счета - очищение домов и тарелок - Калиджас и Лубас - относительно Будаса - экзорцисты Буда - мистер Стерн знакомится с ними. Штерн знакомится с будой - огромные усилия женщины и прибытие экзорциста - его операции - он допрашивает буду и получает от нее интересную информацию - ее странные капризы, прежде чем она соглашается уйти - Зар - религия дахоманов - пища священных канюков - фетиш змеи и наказание за причинение им вреда - народ бонни и евреи - популярные суеверия - королевские чары против колдовства - жертвоприношение бару - жертва без сознания - его гибель - священные свиные челюсти - "говори и молись" - поклонение дьяволу - "Сукия" с Москитового берега - ее неприятная внешность - мистер Бард дает ей кусок ткани. Бард дает ей кусок бязи при условии, что она будет стоять посреди пылающего костра - она зарабатывает бязь и живет, чтобы носить ее - боги живота у тингианцев - Мадагаскар "страна без бога" - "Сикиди" - церемония прикосновения к быку - религиозные убеждения короля Пеппеля - невкусные для его соболиного величества речи - "Если бы Бог был здесь, я должен был бы убить его" - скромное желание жить вечно - мистер Моффат и африканский король. Моффат и африканский король - поразительная новость о всеобщем воскрешении: "Воскреснут ли все убитые в бою?" религиозные представления вождя намакуа - жарка солнца в горшке - "когда мы мертвы, мы мертвы" - Болес-ки-бо - ведьма-искательница из Басутоса - угадать легко - конец фарса, начало трагедии - нечистое мясо дамаров - изготовление дождя - засуха в Курумани - посланный за дождем за которым посылают мастера дождя - приказы великого благодетеля - он выжимает дождь из молочного мешка - дождь из козла и дождь из быка - церемония загубленного дерева - окропление людей хвостом зебры, смоченным в воде - дождя все еще нет - он требует бабуина "совершенного до волоска" и не жалеет, что его нельзя достать - у него должно быть сердце льва - у него должно быть что-то еще, слишком ужасное, чтобы назвать, и у него это есть - но небеса неумолимы - последний призыв: "Лицо белого человека пугает дождевые тучи" - неприятное положение для человека с белым лицом - конец самозванца - прекрасный день для мясницкого ножа - Фиджиан вступает в возраст - как мистер Петерик "Барнумизировал". Петерик "барнумизировал" туземцев как создатель дождя - совершает нечто, не дотягивающее до богохульства - хитроумное устройство мухоморов - суббота в экваториальной Африке - поклонение Нджамбаи - плата за подглядывание - "кто околдовал короля?" обращение к Илого - неудачливый волшебник - ужасный конец колдуна - всемогущий Мфумбо - что получилось из вырубki "дьявольского дерева" - дела мганги - как он указывает дорогу путнику - танцевальный фетиш короля Пассола - его необыкновенное представление на ходулях - "он де дебил" - бал-маске - "танцуй, о змея! ибо это действительно счастливый день" - старый король Калабар - "Набикемс" - калабарская мода - мнение йоруба о хамелеоне. Страницы [204-336](#).

ЧАСТЬ XII.

СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ ДИКАРЕЙ.

Гл. XXVII. Неуважение к человеческой жизни не синоним личного безразличия к смерти - погребальные обряды у каннибалов-фигов - фиго не уважают людей в том, что касается этого обычая - подготовка к погребению живого короля - "могильная трава" - мощение королевской могилы - ласковый сын - "видишь, его тело движется, но делает это бессознательно"- фигийские символы траура- траурные костюмы из листьев- "вызывание смеха"- убийство фигийского больного- "молитесь, не хороните меня"- работа секстона- самый бедный дикарь уверен в удобной "узкой кровати"- вой собаки считается зловещим- то же самое, когти кошки на могиле женщины - как смерть пришла в мир - жертвоприношение пальцев - знак кровавого фартука - искусство бальзамирования - труп -молящийся священник - "яма греха" - церемония погребения короля Финоу - героические призывы его воинов к ушедшему королю - сцена у гроба - путешествие носильщиков песка - бритье головы и сожжение скул - двадцатидневный траур - Ми то Бугги - песенное выражение верности - верные рыбаки Финоу - траурный знак жителей Сандвичевых островов - выбивание зубов - отрезание ушей - вырезание языка - меланхоличная процессия - дом Киве - жалкое зрелище - запрет на вход в священное здание - табу Пахио - здешние города- убежища. Страницы [337-360](#).

Гл. XXVIII.-Погребальные обряды на Самоа - погребение заживо - отвоз свиней на лучший рынок - самоанский инквест - самоанские поминки - перенос мертвого тела - самоанские гробы - искусное бальзамирование - загадочные могильные костры - ловушка для поимки заблудшей души - погребальные обычаи новозеландцев - украшение мертвого тела - пономарь на Борнео - плачущий камень пермуджанов - сжигание мертвых в Западном Сараваке - сжигание менее эффективно, чем захоронение - наследственная должность пономаря - трудности с поиском пономаря - супулхральные обряды морских даяков - полезные вещи для потребления в следующем мире, помещаемые в могилу - морские даяки, которые падают траур среди индейцев Северной Америки-глубина - самый любимый символ-бомбы в воздухе-изгнание злого духа-обычаи саков и лисиц-тахалисов-новокаледонцев-новокаледонская сутта-варварское обращение с вдовой- ее опаление, и ее трехлетний траур и тяжелый труд - деревня мертвых - погребение, неизвестное среди манданов - место для черепов манданов - молитва мертвым - обычные церемонии, сопровождающие погребение оджиббевей - скорбящие оджиббевей - распоряжение имуществом мертвых - история о призраке чиппева - невидимое присутствие - одухотворенный призрак - почитание мертвых - королевские похороны. Страницы [361-385](#).

Гл. XXIX.-Похоронные обряды в стране Дамара-обязательное поведение старшего сына умершего-гробница Дамара-принесение ведра молока на могилу-метод коосан избавления от мертвых-отказ от больных-обязанности жены умершего коосана-возвращение ночью, чтобы сжечь дом-ожерелье из волос бычьего хвоста, которое носит вдовец коосана-вожди коосанов, похороненные в загоне для скота-колдунья среди коосанов-не восстанавливать пролитую воду-не лечить, судьба неудачливого смертного, которого осуждает волшебная женщина - смерть в Центральной Африке - пробуждение умершего человека - отсутствие полутраура у дикарей - гости, приглашенные на поминки - Бота *voa* - огромная буза - рабский барракон в Сантанге - зрелище, которое видел М. Шайю. Тысяча обесцвеченных скелетов - погребальные церемонии в Анголе - веселье в связи со смертью матери - бранные останки бечуанов - обкладывание головы травой - место захоронения в Фетиш-пойнт - нежелание туземцев приближаться к месту захоронения - гробница старого короля Пассола - богатый владелец могилы - захоронение в Анбаро, Western Africa—the bereaved wife carried a pick-a-back—security for “Gungo”—a Barrodo Beondo funeral—occupying the bed of the deceased—“making a cry” among the Bulloms and Timannecs—King Archibongo and his devil house—the painted widows—the “chop-Малагасейские погребальные обряды - церемониал по случаю смерти принца Разахуатрино - лежание в состоянии покоя - сопровождающие рабы и

мухобойки - подписка среди скорбящих на оплату похоронных расходов - 1500 быков
 зарезаны и съедены на похоронном пиру - перешагивание через мертвых быков - отсутствие
 специальных мест для захоронения на Мадагаскаре - смерть в Австралии - имя умершего
 никогда не упоминается оставшимися родственниками - вешать мертвых старух на ветки
 деревьев - "примите это за смерть!" Абиссинцы верят в доктрину чистилища - танцы, пение и
 расцарапывание лиц - похороны айлата - как хоронят индейцев самбо - тело в яме - бегство с
 трупом, чтобы обмануть дьявола - хитроумное устройство трупоносиц - спиливание пальм -
 способ узнать, обманули ли "Вулашу" - что видел путешественник Стивенс в Ла-Райясе, в
 Мексике - *христианское* погребение - смерть в Дагомее - последний великий обычай -
 гениальное приспособление короля для более готового исполнения человеческих
 жертвоприношений - спасенная жертва - как хоронят короля Дагомеи - обеспечение его
 величества средствами для оплаты его пути на тот свет. Страницы [386-418](#).

Список вырезок из дерева,

ПО ЭСКИЗАМ ХАРДЕНА С. MELVILLE.

ГРАВИРОВАНО Х. НЬЮСОМОМ ВУДСОМ.

	СТРАНИЦА
ПРИЕМ ФОРБЕ КОРОЛЕМ ДАГОМЕИ	1
БАЛ В МАЛАГАСЕЕ	52
БОРНЕО	54
АВСТРАЛИЙСКОЕ ОРУЖИЕ	66
ПОЛИНЕЗИЙСКОЕ ВОЕННОЕ КАНОЭ	67
ВОЕННЫЙ ТАНЕЦ НОВОЗЕЛАНДЦЕВ	88
ОРУЖИЕ ДАЯКОВ И МАЛАЙЦЕВ	93
ЛОДКА С ПОЛИНЕЗИЙСКИМИ ТОВАРАМИ	106
ОРУЖИЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ	111
ВОИН ЧИППЕВА	115
БОЕВЫЕ ОРУДИЯ ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ	122
ХИЖИНА ЕВРОПЕЙЦА В ПУСТЫНЕ	133
КАНОЭ ТОРРЕСА В ПРОЛИВАХ	147
АВСТРАЛИЙСКАЯ ДУЭЛЬ	154
АФРИКАНСКОЕ ОРУЖИЕ	162
УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ	168
ДИКАРЬ-БОУМЕН	169

ПАПУАССКИЕ КУЗНЕЦЫ	180
ДОРОГА ИССЛЕДОВАТЕЛЯ	183
ДВЕ СОБАКИ ИЛИ НИ ОДНОЙ	192
ЛОДОЧНИКИ ЗАЛИВА РОКИНГЕМ	203
ИСТИННОЕ СЛОВО, РАЗЪЯСНЕННОЕ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ	204
ПОКЛОНЕНИЕ САМОАНСКИМ ИДОЛАМ	218
ПОЛИНЕЗИЙСКИЙ ИДОЛ	221
ПРИЗРАК БЕЗГОЛОВОЙ СОБАКИ	240
СОЗДАНИЕ БРАТЬЕВ	243
КОВАРНЫЙ ПЕШКА	275
ИРОКЕЗСКИЙ ВОИН	280
ЖЕНЩИНА ПОД ВЛИЯНИЕМ БУДЫ	289
НАКАЗАНИЕ ЗА УБИЙСТВО ФЕТИШИСТСКИХ ЗМЕЙ	293
ЦЕРЕМОНИЯ ПРИКОСНОВЕНИЯ К БЫКУ	301
СЦЕНА ГАДАНИЯ	307
ПРИГОТОВЛЕНИЕ ДОЖДЯ	312
ВЗГЛЯД ДЮ ШАЙЮ НА ЯЗЫЧЕСКИЙ ХРАМ	321
ВОЛШЕБНИК В КОЛОДКАХ	324
ЖИТЕЛИ СТРАНЫ ФАНАТОВ	336
ПОГРЕБЕНИЕ ЗАЖИВО В ФИДЖИ	337
ТРАУРНЫЙ КОСТЮМ ИЗ ЛИСТЬЕВ	341
ПОХОРОНЫ КОРОЛЯ ФИНОУ	354
САМОАНСКАЯ УСЫПАЛЬНИЦА	364
МАНДАНСКИЙ ВОЖДЬ	374
МАНДАНСКОЕ МЕСТО ЧЕРЕПОВ	375
"ОН СЛЫШАЛ, КАК ОНИ РАССКАЗЫВАЛИ О СВОИХ ДОБЛЕСТНЫХ ДЕЯНИЯХ"	380
МОГИЛА ДАМАРЫ	387
АФРИКАНСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ	392
"ХОЗЯИН ЖИЗНИ" В ЭКВАТОРИАЛЬНОЙ АФРИКЕ	395
ПОСЛЕДНИЙ ДАХОМАНСКИЙ "ОБЫЧАЙ"	414

Прием Форбса королем Дагомеи.

ЧАСТЬ VII. КОРОЛИ И ДВОРЫ ДИКАРЕЙ.

ГЛАВА XVII.

Дикарь как дитя природы - приветствие Гезо, короля королей - предметы королевской сокровищницы Дахомани - распределение подарков - короли и послы, участвующие в толчее - человеческие жертвоприношения - "великий обычай" 1862 года - король Або - ужасный Неам Нам - Броувди, король Иссапу - король старого Калабара - король Эйо - честность - порядок Эгбо - мамбо Лунда - Джага.

На первый взгляд, трудно представить себе большую аномалию, чем бездумный, подчиняющийся инстинктам народ дикарей, соглашающийся на то, чтобы его контролировал и управлял собрат-варвар, столь же бездумный и морально бессильный; И эта аномалия становится еще более поразительной, если рассматривать дикаря так, как его воспринимают вульгарные люди, - как свободнорожденное "дитя природы", нетерпимое к правилам и руководствующееся во всем своем поведении определенными инстинктивными чувствами и огромными способностями ума, которые требуют лишь культивирования, чтобы их обладатель мог достичь всего, что когда-либо было успешно предпринято человеком. Однако это очень далеко от действительности. Несомненно, и в этом нам достаточно обратиться к нашему собственному древнему варварству, чтобы убедиться, зародыш совершенной мужественности заложен в каждом дикаре, но, подобно золотой и железной руде, истинный металл лежит глубоко, и освободить его от окалины и сделать его блеск очевидным - процесс нелегкий и небыстрый. И опять же, подобно золотой руде, в которой драгоценный осадок проявляется то тут, то там с блеском, несомненно свидетельствующим о его присутствии, разум дикаря проявляет свое существование в виде случайных вспышек и проблесков, которые, увы! лишь показывают ему, какой он беспомощный жалкий человек и какая ужасно ответственная штука - жизнь, с детьми, женой и всем прочим драгоценным имуществом, которое в один миг может пролиться и исчезнуть, как опрокинутая бочка с водой.

Это - конец жизни - конец всего для нашего брата-дикаря; жизнь для него хороша только в зависимости от того, насколько легко она позволяет ему жить в той земле, где он живет. Первое дело его жизни - создать себе удобства; второе - как удержать те удобства, которые он приобрел. Если он маленький человек, то любой человек ненамного больше, оказавшись на его пути, может раздеть его, захватить в рабство его жену и детей, стукнуть его по голове и присвоить его хижину; если он большой человек, то два больших человека, решившие сговориться, могут служить ему таким же жестоким образом: что же остается делать, как только объединиться ради общего блага? *Колесо* можно сравнить с общим *колесом*: *вождь - основа*, различные *старосты*, или советники, - *спицы*, или спицы, а *собратья* - столько же дикарей, сколько племен, или групп, или *покрышек*.

И все же, кто должен быть "королем", или "вождем", или "джагой", или "мамбо", или как угодно еще, представляя собой основу или общий центр упомянутого колеса? Однако нам не стоит беспокоиться по этому поводу, и просто потому, что, как королева пчел рождается в улье, так и мужчины рождаются командирами людей, то есть изначально; тот факт, что их потомки вырождаются и оказываются совершенно непригодными для того, чтобы владеть скипетром, не имеет никакого значения. Обычай и мода вступают в дело, и эти двое сами по себе являются монархами, достаточно могущественными, чтобы разрешить самый серьезный вопрос, который только может возникнуть, даже в самых цивилизованных странах мира. Где бы ни требовался лидер, он найдется; он может быть ошибочным, или тщеславным, или жестоким, или произвольным; но если он остается у руля в течение всего лишь года, вы можете быть уверены, что он не выдумка; И самое худшее, что можно сказать о таком человеке, - это то, что жаль, что король должен обладать столькими плохими

качествами; что он заслуживает смерти за них, если хотите; более того, дойдите до того, чтобы убить его, и насколько ваши чувства будут отличаться от того, как если бы вы убили простого презренного выскочки.

Конечно, я говорю об "убийстве" как о фигуре речи, в самом крайнем смысле. Однако в настоящее время существует один король, который, если бы своей жизнью положил конец отвратительной кровавой бойне, царящей в его государстве, вполне мог бы пожелать смерти. Я имею в виду короля Дагомеи, который как торговец человеческими существами, живыми и мертвыми, является язвой на лице мира; человек, чья вина настолько черна, что ее никогда не смыть, хотя бы его омывали реками воды, столь же глубокими, как те слезы и кровь, которые он заставил течь.

Мы очень мало слышим об этом властителе. Время от времени какой-нибудь отважный европеец проникает в его ужасные владения и рассказывает миру об ужасах, которые он видит и слышит; время от времени мы читаем в "Африканских новостях", что "король Дагомеи угрожает резней в таком-то месте" или что варварский "ежегодный обычай" вот-вот начнется, с перечислением жертв, которые уже обеспечены и чья кровь нужна, чтобы "оросить могилу покойного короля". Из всех англичан, ставших свидетелями мерзостей Дагомеи, никто не описал их более наглядно, чем командор Форбс, и именно из его рассказа в основном и взято то, что здесь рассказывается о Дагомее.

Первое знакомство командора Форбса с королем Дагомеи было, мягко говоря, рассчитано на то, чтобы произвести неизгладимое впечатление на его память. На небольшом расстоянии от королевской резиденции мистер Форбс и его партия остановились в доме своего друга, облачились в полную униформу, а затем двинулись вперед к тенистым деревьям, чтобы дожидаться прибытия карбуцеров, которые должны были проводить их в королевское присутствие. Вслед за отважными европейцами пришла толпа людей в гамаках и других последователей Дахомана. Примерно в четверти мили от места остановки стояло огромное сборище карбуцеров и солдат с государственными зонтами, плоскими и украшенными, как у китайцев, и знаменами всех оттенков и самых разнообразных устройств. Рядом с дагоманскими штандартами, каждый из которых был украшен человеческим черепом, развевались национальные флаги Франции, Англии, Португалии и Бразилии, а у каждого карбуцера был свой особый вымпел.

Первым вождем, вышедшим навстречу команде Форбса из этой веселой толпы карбусиров, был Бо-пех, губернатор столицы, одетый в деревенскую одежду, обернутую вокруг тела, в надвинутой на глаза шляпе, с ожерельями из кораллов и других бусин, и вооруженный красивым мечом. За ним следовала свита солдат, его штандарт, государственный зонтик и табурет для званий, и, наконец, оркестр с самой диссонирующей музыкой. Оказавшись перед группой Форбса, он поклонился, а затем трижды обошел справа налево вокруг их мест, завершая каждый круг низким поклоном. На третьем круге он разрядил три мушкета и станцевал короткий танец, затем вышел вперед, пожал руки и сел на свой табурет, который его носильщик поставил по правую руку от англичанина.

За ним последовали А-хо-пех, брат короля, и Гасех-дох, начальник карбуцеров Дагомеи, с такими же сопровождающими и церемониями. Когда все расселись по местам, часть королевских домочадцев, обрив половину головы, заняла позицию впереди и пропела приветственный гимн англичанам. Дахоманская гвардия была нарядно одета в алые одежды, отделанные бисером и другими украшениями, а их головы покрывали серебряные шапочки, некоторые из которых отличались парой маленьких серебряных рожков. В правой руке каждый из них держал кнут из конского хвоста, которым он отбивал такт в такт песнопениям.

Следом вышел По-не-су (одновременно офицер, придворный и староста) со своей партией мушкетеров, которые также произвели салют, а затем выпили здоровья с европейцами; после этого последние улеглись в свои гамаки, и вся партия направилась ко дворцу под выстрелы из мушкетов и коротких медных ружей.

Путешественники обнаружили дворец Данге-лах-кордеха, окруженный на расстоянии двадцати футов человеческими черепами, многие из которых со временем рассыпались или разлетелись. Площадь дворца была заполнена вооруженными людьми, сидящими на окошках, полированные стволы их мушкетов стояли как в лесу. Под соломенными воротами сидел король в окружении своих ближайших жен, по обе стороны от него сидели амазонки, все в форме, вооруженные и укомплектованные, а в центре площади сидели на корточках мужчины. Сотни знамен и зонтиков оживляли сцену, а постоянная стрельба из больших и малых пушек усиливала волнение.

Приблизившись к королевскому креслу, европейцы остановились, а карбованцы поклонились и поцеловали пыль. Пройдя перед троном, они поклонились и трижды совершили круг по площади, причем карбованцы каждый раз преклоняли колена. Затем англичане встали со своих гамаков и подошли к королю, который лежал, но теперь поднялся, и несколько диссонирующих оркестров заиграли быстрый шаг, в то время как стреляли пушки, и все кричали, кроме министров и карбоцеров, которые встали и посыпали головы пылью, когда мистер Форбс вышел вперед и пожал руку королю.

Королю Дагомеи Гезо было около сорока восьми лет, он выглядел хорошо, в его чертах не было ничего негритянского, а лицо не имело нескольких оттенков черного; вид у него был властный, а лицо интеллигентное, хотя и суровое до крайности. По описанию, его нельзя назвать красавцем только по легкому прищуру. Он был одет в свободный халат из желтого шелка, украшенный атласными звездами и полумесяцами, сандалии Мандинго и испанскую шляпу, отделанную золотыми кружевами.

Заняв места напротив королевской циновки, гости вступили в любезную беседу, после чего министры были поименно представлены нашим соотечественникам. Затем Его Величество поинтересовался, не желают ли гости посмотреть смотр его амазонок, и, конечно, гости с радостью приняли это предложение. Три полка прошли парадом, один из них отличался белой фуражкой, украшенной синим аллигатором, другой - синим крестом, третий - синей короной. Офицеров можно было узнать по коралловым ожерельям и превосходным платьям; каждый из них нес небольшой кнут, которым они свободно орудовали, когда требовалось. Стрельба, беготня туда-сюда и выступление к трону, чтобы обратиться к королю, были главными особенностями смотра; в завершение два герольда-амазонки с длинными трубами дали залп и затем провозгласили многочисленные имена Гезо, короля королей.

Король, предложив командору Форбсу выпить, поднялся и с бокалом в руке коснулся бокала каждого из своих гостей; затем прогремел залп из пушек, почти заглушенный криками толпы. Министры и карбуцеры танцевали, а дамы держали перед королем наряды. Мужчины не должны были видеть, как король ест или пьет. В целом, по глубокому убеждению мистера Форбса, ни один король не мог быть более вежливым или более снисходительным.

Этому же джентльмену посчастливилось присутствовать на церемонии Эк-бах-тон-эк-бах, или "демонстрации богатства короля", , которая носит совершенно уникальный характер и не имеет аналогов во всем мире. Основопологающим принципом правления короля Дагомеи является щедрость по отношению к своим подданным. Его постоянная цель - внушить

подданным мысль о том, что его богатства безграничны, а его доброта не менее велика. То, насколько пусты и надуманны оба эти предположения, было достаточно очевидно для командера Форбса, хотя ради своей головы он не осмелился высказать такое убеждение, находясь в стране "Великой таможни".

"Было чуть больше семи часов утра, когда нам сообщили, что прибыл королевский гонец, чтобы позвать нас в качестве свидетелей обычая, который должен быть выполнен в этот день, - Эк-ба-тон-эк-ба, или "демонстрация королевских богатств". На небольшом расстоянии от наших ворот дорога была огорожена, а на временных воротах поставили стражу, чтобы никто не мог войти, если его не пригласили принять участие в происходящем в этот день. Желавшие осмотреть королевские сокровища, которые должны были быть показаны народу, собрались на рыночной площади Ахджахи.

"Когда мы прибыли на дворцовую площадь у подножия лестницы, ведущей к дворцовому дому, с каждой стороны лежали по три человеческие головы, недавно обезглавленные, из которых еще сочилась кровь; на пороге входных ворот была лужа крови от шести человеческих жертвоприношений, через которую нам пришлось переступить. На площади стояла огромная модель слона на колесах, на которой король отправляется в короткие путешествия. Король никогда не ходит пешком и не ездит верхом, его либо несут в гамаке, либо везут на этом слоне, либо в карете или кресле на колесах. В центре двора стоял малиновый шатер или павильон высотой в сорок футов, украшенный эмблемами в виде человеческих и бычьих голов, черепов и других приспособлений, столь же варварских и отвратительных. На вершине была изображена фигура дахоманского знаменосца (или полуголовы, как их называют, у которых половина головы выбрита), несущего штандарт, на котором красовался череп в калабаше, стоящий на трех других черепках. Во дворе было много флагов всех цветов, на некоторых из них были изображены люди, отрубавшие головы другим, а на других - связывающие пленных, и много национальных флагов, среди которых было несколько "Юнион Джеков". В павильоне и около него находились женщины - министры, карбуцеры, амазонки, жены и девственницы. Король еще не прибыл; все были нарядно одеты, вооружены и укомплектованы.

"На нейтральной площадке, где мы стояли лицом к павильону (в то время как майо и це-а-буган корчились в пыли, как мандарины, кланяющиеся королевскому креслу), бродили страус, эму, несколько карликов, горбунов, и альбиносов, а также целые отряды собак почти всех стран и сортов. Все министры и карбонцы были одеты в красные полосатые струящиеся одеяния, украшенные ожерельями из кораллов и других бусин. Каждый из них носил скимитар, короткий меч и булаву.

"Вскоре под салют из мушкетов и небольших медных орудий внутри двора и пушек снаружи прибыл король, одетый в белый шелковый халат с голубыми цветами и шапку с золотым шнурком, и занял свое место на диване под павильоном. Вскоре заиграли оркестры, и герольды провозгласили, что Гезо, Леопард и Ястреб, занял свое место; пятьдесят восемь министров и карбуцеров одновременно промаршировали три раза в одном строю, а в третий раз все встали на колени и поцеловали пыль. Как только эта церемония была завершена, начались дела дня. Это публичная демонстрация богатства монарха, которое несут на головах рабов через весь город на рынок и обратно. Процессия состояла из шести-семи тысяч человек".

Перечисление всех "богатств", которые несли эти шесть или семь тысяч человек, конечно, утомило бы читателя, даже если бы он был леди, любящей, помимо обладания золотом и драгоценными камнями, слушать и читать о них; кроме того, среди "драгоценностей короны"

Дагомеи есть много такого, что читательница могла бы сравнить по ценности со своей стиральной машиной или дровяной комнатой. Давайте сделаем несколько заметок о членах процессии:...

- 52 женщины несли вазы с белыми цветами.
- 6 женщин несли кувшины.
- 10 несли французские украшения под стеклянными абажурами.
- 1 несет кастрюлю для мытья посуды.
- 1 несет малиновое кресло-качалку с подушками.
- 1 несет коробку.
- 1 несет умывальник.
- 1 туалетный столик, ящики и стакан.
- 2 табурета.
- 3 со знаменами.
- 1 несет череп в медной кастрюле.
- 2 несут калабаши, полные черепов.
- 2 несут щиты.

Мать главного бунсе в алом, в шлеме лейб-гвардейца и с плюмажем, с дамой в шляпе Карла II и с плюмажем, обе великолепно одеты.

8 жен малама.

Оркестр из 20 человек.

Гвардия из 100 человек.

Оркестр из 12 человек.

4 женщины несут кастрюли с черепами.

2 несут кувшины, увенчанные черепами.

1 несет большую кастрюлю с черепами.

1 несет знамя.

2 несут зонтики над женщинами и сопровождающими короля, в платьях из малинового сукна и надвинутых на глаза шляпах, отделанных золотом.

Оркестр из 20 человек.

Гвардия из 30 человек.

2 женщины несут кастрюли с черепами.

2 женщины несут кувшины с черепами.

2 человека несут знамя и по два зонтика.

Царская бабушка в головном уборе из серебра, малиновой и серебряной мантии и шлейфе, которую держит дева с золотым наконечником.

Одна из вдов деда короля в алом и золотом.

1 мужчина со знаменем.

1 человек несет поднос с тремя человеческими черепами.

Омывательная ванна короля, которую несут 30 стражников.

2 человека несут алое и золотое кресло-седло.

300 человек несут блюда с корзиной в каждом.

55 человек несут кубки из синего стекла.

50 человек несут кубки из белого стекла.

6 человек несут барабан, украшенный черепами.

1 несет зонт, украшенный восемьюдесятью человеческими челюстными костями.

Мужчины несут туземный диван. И т.д. и т.п.

Все имущество короля, от его бабушки до стиральной машины, было найдено и, несомненно, представляло собой грандиозное зрелище, хотя не без оснований можно сказать, что сумма "королевского богатства", пущенная с молотка лондонским аукционистом, будет не больше, чем содержимое любой первоклассной виллы в Клэпхэме или Ричмонде.

Следует, однако, отметить, что наряду с этим домашним скарбом выносилась и королевская казна. И в этом королю повезло: *каури* составляют валюту Дагомеи, и одному богу известно, сколько тысяч их нужно, чтобы сделать один английский суверен, поэтому было достаточно легко устроить так, чтобы, хотя в денежном выражении король обладал не более чем тысячей фунтов, носильщик за носильщиком проходили мимо, каждый с таким грузом денег, что у зрителей от зависти замирали рты.

Что ж, их желание не осталось неудовлетворенным. Король, хоть и очень богат, но не жаден; ежегодно он делает подарки всем и каждому из своих верных подданных; не в норах и углах, а публично - толпа перед ним, и богатства, коровьи крысы, тюки тканей, табак и бочонки рома кучами, грудями и пирамидами у его локтя; и расхватывает эти удивительные подарки честно и без поблажек - так кажется. Давайте, однако, посмотрим, что говорит по этому поводу мистер Форбс.

"В последний день мая начинается обычай Эк-ке-ну-ах-тох-мех, или бросание подарков из Ах-тоха. Именно в этот день король приносит человеческие жертвы среди подарков своему народу. В центре рыночной площади воздвигли помост высотой двенадцать футов, обнесенный парапетом высотой в грудь. Все это было покрыто полотнищами всех цветов, над ними возвышались палатки, аляповатые зонтики и знамена самых разных оттенков и рисунков, среди которых, как обычно, было несколько "Юнион Джеков". На западном фронте Ах-тоха, площадь которого, должно быть, составляла не менее ста футов, возвышался барьер из колючей акации, а внутри него лежали жертвы для дневного жертвоприношения, привязанные в корзинах и каноэ, как и вчера. Плотная голая толпа занимала площадь, а стража из солдат не давала им снести барьер. Позади, во всех направлениях, стояли группы людей, собравшихся вокруг знамен и зонтиков различных министров и кабуцеров. Голая толпа состояла из солдат короля, его братьев и сыновей, министров и высших кабуцеров: каждый нес на поясе мешок из травяной ткани, и главным делом дня было публичное

проявление щедрости короля, который расхватывал среди этих воинов всевозможные товары.

"Король опередил нас, и когда мы заняли свои места под навесом справа от Ах-тоха, Его Величество появился на помосте под тенью красивого зонтика из малинового бархата и золота, одетый в старую черную жилетку, белый ночной колпак и сукно вокруг поясицы, и был встречен громкими криками ожидающих военных, которые теперь сформировались в группы и, неся своих офицеров на плечах, маршировали мимо королевской позиции, причем во главе шли сами короли. Так они проделали три раза, , а затем остановились непосредственно под позицией короля, который проинструктировал их о неуместности драки во время схватки и, бросив несколько коровьих орехов в качестве испытания, приказал нам присоединиться к нему.

"Поднявшись по лестнице, мы увидели поистине необычный вид: в трех отдельных кучах в разных частях помоста лежали три тысячи голов коровьего дерева, несколько куч тканей, ром в бочонках и рулоны табака; с одной стороны стояли палатки королевских жен, а в разных частях помоста группировались другие люди в вульгарных нарядах. В верхней части стоял король в окружении своих министров, а в нижней - под навесами из зонтиков - два стола с напитками и бокалами, один для ча-ча-ча, другой для нас. После того как мы заняли свои места, нам велели встать под зонтик лицом к толпе, и теперь началась настоящая драка, король усердно сбрасывал коровьи вишни, ткани, табак и т. д. Коровьи ягоды, по-видимому, принадлежали счастливым, которые их ловили, но ткани тут же передавались офицерам, а если нет, то начиналась драка, на которую было страшно смотреть.

От обнаженной толпы исходил запах, сравнимый разве что с затхлой атмосферой невольничьего корабля, а когда масса колебалась, возникал пар, похожий на миазмы болота, так как они были совершенно омыты потом".

"Помимо того, что Его Величество разбрасывал подарки солдатам, он с улыбкой и либеральностью делал пожертвования министрам и некоторым другим лицам; но никому не было дано крупной суммы. В один раз он прислал нам в подарок корзину с десятью головами каури и двумя кусками ткани, а в другой - постоянный запас каури и ткани для разбрасывания среди толпы".

Среди получателей королевских щедрот были два короля и несколько послов, в том числе один из Ашанти по имени Кокоа Саути".

"Ближе к полудню бригантина на колесах отчалила, чтобы выгрузить свой груз рома, табака и каури, который был добавлен к куче на платформе. Солдаты короля, державшиеся вместе, были, очевидно, главными получателями, и вскоре мы обнаружили, что между ними произошло нечто похожее на равное распределение. Мое внимание привлек капитан мушкетеров по имени По-ве-сох, одновременно офицер, придворный дурак и староста, и я бросил ему три куса ткани, набитых коровьим мясом; получив третий, он приказал сойти на землю. *Элите* на помосте раздали ром, а для нас, кроме еды для министров и жен, был приготовлен завтрак.

"К двум часам одна из куч в тысячу голов каури была выброшена, а часть другой отдана высшим классам. После того как исчезли три или четыре сотни кусков ткани, несколько бочонков рома и рулонов табака, Его Величество удалился, чтобы немного отдохнуть.

"Господи, хотел бы я на этом закончить рассказ о событиях этого дня, просто рассказав о варварской политике разжигания самых низких страстей в человеке, чтобы заставить людей поверить в обильную раздачу жалованья, которое, если бы раздавалось по отдельности, было бы просто грошовым. Толпа не имеет ни малейшего представления о сумме, на которую она набросилась; все, что она знает, это то, что непрерывный ливень продолжается в течение семи часов, и они считают, что она должна быть огромной. Даже если человек не получает ничего, он довольствуется тем, что ему не повезло, и если он объявит о своем невезении, ему не поверят, полагая, что каждый скрывает от другого реальное количество, которое он получил".

"Во время отсутствия короля, как по общему согласию, царила мертвая тишина; когда она случайно нарушалась, евнухи звонили в свои металлические колокольчики, возвещая о смерти одиннадцати человеческих существ. Из четырнадцати, выведенных на помост, нам, недостойным орудиям Божественной воли, удалось спасти жизнь троим. Закованные в корзины, эти крепкие мужчины встретили взгляд своих преследователей с поразительной стойкостью. Не было слышно ни единого вздоха. За всю свою жизнь я никогда не видел такого хладнокровия вблизи смерти. Это не казалось реальным, но вскоре оказалось ужасающе правдоподобным. Один из монстров приложил палец к глазам жертвы, свесившей голову вниз, но, не обнаружив влаги, вызвал насмешки со стороны своих сотоварищей по несчастью. Десять человеческих жертв кровожадной толпы, а также аллигатор и кошка охранялись солдатами, остальные четыре - амазонками.

"Тем временем вернулся король и, подозревая нас с наших мест на дальнем конце помоста, спросил, не желаем ли мы стать свидетелями жертвоприношения. Мы с ужасом отказались и попросили разрешить нам сохранить их часть. После некоторого разговора с его придворными, видя, что он колеблется, я предложил ему по сто долларов за первого и последнего из десяти, в то же время мистер Бикрофт сделал аналогичное предложение за первого из четырех, которое было принято, и трое были немедленно освобождены из своего шаткого положения, но вынуждены оставаться зрителями ужасного деяния, которое предстояло совершить над их менее удачливыми соотечественниками. О чем, должно быть, они думали?

"Король настоял на том, чтобы мы осмотрели место жертвоприношения. Тут же под королевской трибуной в разрыве кустов акации стояли семь или восемь опустившихся грубиянов, одни вооруженные дубинками, другие - сциметами, жутко ухмыляясь. При нашем приближении толпа испуганно вскрикнула и призвала короля "накормить их - они были голодны". Именно на подобной выставке Ахарде (президент Йены), когда он вместе с королем заглядывал в яму, был схвачен, брошен вниз и убит на месте. С отвращением, не поддающимся описанию, мы удалились на свои места, куда удалился и ча-ча; но не его братья, ибо, к сожалению, они остались восхищенными зрителями агонии смерти этих невинных жертв. Когда мы заняли свои места, воздух разорвал страшный вопль. Жертвы были подняты высоко над головами их носильщиков, и обнаженные грубияны таким образом признали милость своего принца. Снова воцарилась тишина, и король произнес речь, сообщив, что из пленных он отдает часть своим солдатам, как это делали его отец и дед. Назвав их имена, с ближайшего из них сняли одежду, поставили ножку корзины на парапет, после чего король придал верхней части толчок, и жертва сразу же упала в яму внизу. Падение с высоты двенадцати футов могло оглушить его, и прежде чем разум успел вернуться, ему отрубили голову, а тело бросили толпе, которая, вооружившись дубинами и ветками, жестоко изуродовала его и оттащила в дальнюю яму, где оно было оставлено в качестве пищи для хищных зверей и птиц. После того как третья жертва была принесена в

жертву, король удалился, а вожди и работоторговцы завершили дело, за которое монарх краснел".

Еще раз напомним читателю, что это ужасное дело не прошлого, а настоящего. Правда, в 1849-50 годах мистер Форбс был свидетелем ужасов, которые он описывает, но если бы он был в Дагомее в 1859-60 годах, то стал бы свидетелем такого же ужаса, а то и хуже. Вот, например, взятый из газеты *"Таймс"* отчет о самом последнем дахомейском "Великом обычае".

"Следующая информация из Дагомеи была получена в Церковно-миссионерском доме от командира корабля Ее Величества "Гриффин" в Литтл-Попо 6 августа 1862 года.

"Сэр, - я считаю своим долгом представить вам с минимальной задержкой следующие сведения о Дагомее:

"5 августа, стоя на якоре у Малого Попо, я получил письмо с берега, в котором говорилось, что мистер Эушарт, голландский купец, проживающий в Попо, только что вернулся из Дагомеи и что у него есть новости, представляющие большой интерес для моего слуха. С этим господином Эушартом я часто беседовал, и у меня есть все основания полагать, что его сведения наиболее точны, достоверны и надежны. Поэтому я позаимствовал лодку для прибоа с голландского брига, стоявшего на рейде, и, укомплектовав ее десятью своими груманами, с большим трудом высадился на берег: две лодки из трех, которые пытались пристать к берегу в тот день, были опрокинуты из-за сильного прибоа. Я излагаю суть информации мистера Юсхарта как можно точнее, записав ее в свой блокнот во время нашего разговора.

"Оказывается, мистер Эушарт отправился в Уайду по делам в середине июня, а 24 июня, еще находясь в Уайде, получил палку короля Дагомеи с указанием, что его присутствие требуется в Абомее. Мистер Эушарт испробовал все способы уклониться от поездки, но безуспешно: карбонцы из Уайды открыто заявили ему, что он будет доставлен в Абомей в качестве пленника, если немедленно не подчинится посланию короля.

"Соответственно, в час дня 26 июня, снабдив себя шестью людьми в гамаках, он выехал из Уайды в Абомей в сопровождении вооруженной партии дахомейцев и достиг Алады, старой резиденции короля Дагомеи, в тот же вечер; 27 июня, в час дня., выехал из Алады и прибыл в Табур в десять часов вечера; 28 июня, в 5.30 утра, отправился в Камос, через болото, которое легко миновал; в 9.30 утра отправился в путь и прибыл в Абомей в 7.30 вечера, дорога по пути была очень хорошей. Его сразу же провели в очень хороший дом и велели остаться там на ночь. 29 июня получил сообщение от короля, что он будет представлен на следующий день. 30 июня вошел в обнесенную стеной часть города через королевские ворота; там его приняли два старших карбованца, которые приветствовали его, сказав: "Король никогда не видел голландца; отец короля никогда не видел голландца; а теперь у них много людей, которых можно убить, и они очень рады видеть голландца". Затем ему приказали четыре раза выпить за здоровье короля, после чего карбованцы танцевали вокруг него, пели и стреляли из ружей. Затем его отвели в королевский дворец, где его принял премьер-министр, сказав, что король примет его на следующий день.

"1 июля - принят королем, который сидел за пределами дворца на возвышении, окруженный амазонками. Он отсалютовал королю в европейском стиле. Король сразу же встал, пожал ему руку, сказал, что очень рад видеть голландца, и продолжал говорить на португальском языке около десяти минут. Затем ему было приказано вернуться в свой дом и не выходить из него три дня.

"5 июля его привели на рыночную площадь, где ему сказали, что накануне вечером было убито много людей. Сначала он увидел тело мистера Уильяма Дозэрти (уроженца Сьерра-Леоне), в прошлом миссионера и церковного катехизатора в Ишагге. Тело было распято на большом дереве - один гвоздь в лоб, один в сердце, по одному в каждую руку и ногу; левая рука была согнута, а в руке был большой хлопковый зонт. Затем его отнесли на рынок, где король сидел на возвышении, с которого он говорил с народом много "военных речей" и обещал им напасть на Аббеокуту в ноябре. Затем были розданы каури, ткани и ром. Перед рыночной площадью выстроились ряды человеческих голов, свежих и кровавых, и все место было залито кровью - головы, очевидно, принадлежали кому-то из пленников Ишагги, которых убили ночью, подвергнув самым страшным пыткам.

"До 10 июля мистеру Эушарту было приказано сохранять тишину в своем доме, не двигаться и не выходить на улицу после заката.

"10 июля земля сильно задрожала - очевидно, судя по дате, это последствия землетрясения, которое ощущалось в Аккре. Мистера Эушарта сразу же привели на рыночную площадь, где он обнаружил короля, снова сидящего на возвышении в окружении амазонок; король сказал ему, что землю трясет дух его отца, жалуясь на то, что "таможня не была сделана должным образом". Тогда к королю привели трех вождей ишагга и сказали, что они должны пойти и передать его отцу, что "обычаи должны быть лучше, чем когда-либо". Каждому вождю дали по бутылке рома и голове каури, а затем обезглавили. Затем вывели двадцать четыре человека, связанных в корзины, с только что показавшимися головами, и поставили на помост перед королем; затем их бросили вниз, к народу, который танцевал, пел и кричал внизу; когда каждый человек был брошен вниз, его схватили и обезглавили, головы сложили в одну кучу, а тела в другую; каждый, кто поймал жертву и отрубил голову, получил одну голову брусники (около 2 с.). После того как все были убиты, мистера Эушарта проводили домой.

"11 июля - Отвезли в другую часть города, где творились точно такие же ужасы.

"12 июля - Все платформы были убраны, и программа заключалась в стрельбе из пушек, пении и танцах в течение всего дня; в течение десяти дней не было публичных жертвоприношений, но предполагается, что многие из них происходили по ночам.

"22 июля - Поехали посмотреть "Великую таможню" во дворце покойного короля, у ворот которого были сооружены две платформы; на каждой платформе разместились шестнадцать мужчин и четыре лошади; внутри дома была поставлена еще одна платформа, на которой разместились шестнадцать женщин, четыре лошади и один аллигатор. Все мужчины и женщины были из Сьерра-Леоне, захваченные в Ишагге, и одеты в европейскую одежду; каждая группа из шестнадцати мужчин сидела, вернее, была связана, на стульях, расставленных вокруг стола, на котором стояли стаканы с ромом для каждого. Затем король поднялся на помост, где поклонился дагомейскому фетишу и, казалось, поклонился пленникам, чьи правые руки были развязаны, чтобы они могли поднять бокал и выпить за здоровье короля. После того, как здоровье короля было выпито, люди выставляли на парад вещи покойного короля и поклонялись им; затем начался грандиозный смотр войск, и, когда каждый проходил мимо, король обращался к ним с речью, обещая взять Аббеокуту в ноябре. Почти все войска носили огнестрельное оружие; несколько отдельных корпусов имели винтовки, но большая часть была вооружена мушкетами с кремневыми замками. Артиллерия насчитывала около двадцати четырех орудий (двенадцатифунтовых). Общая численность войск вряд ли могла быть меньше 50 000 человек, включая 10 000 амазонок, и все они, очевидно, были хорошо дисциплинированы. После окончания смотра пленным отрубили

головы тупыми ножами; в то же время избавились от лошадей и аллигаторов, особенно тщательно следя за тем, чтобы их кровь не смешалась с кровью пленных людей.

"Когда все было закончено, мистеру Эушарту разрешили покинуть Абомея, что, надо ли говорить, он немедленно и сделал, получив великолепную *виатику* из восьми голов каури (16 с.), одного куска деревянной ткани и двух фляг рома.

Мистер Эушарт твердо уверен, что Аббеокута, без сомнения, будет атакована всей дахоманской армией в конце ноября".

Т. Л. Перри, командир".

"Губернатору Лагоса".

Поучительно перейти от этого, одного из последних сообщений из этой страны человеческой резни, к другому письму, написанному еще 27 ноября 1724 года неким Буллфинчем Лэмбом, "гостем по принуждению" Трудо Андати, в то время короля Дагомеи. Послание опубликовано в книге "Дагомея и дахомейцы" и, судя по всему, является излиянием джентльмена, связанного со службой британской короне и попавшего в переделку скорее благодаря своему настоящему коммерческому духу, чем неизбежному выполнению долга или добровольному приключению.

"17 ноября 1724 года.

"Сэр, - Около пяти дней назад король этой страны вручил мне ваше письмо от 1-го числа и потребовал, чтобы я ответил на него в его присутствии, что я и сделал, хотя и в совершенно иной манере, так что если я не напомню о нем, то надеюсь, что вы извините меня за это так же, как и за это. Что касается позднейшего разговора, который я имел с его величеством, получив ваше письмо, то я думаю, что он не хочет назначать цену, чтобы отпустить меня, ибо когда я сильно надавил на него, чтобы он сказал мне, на каких условиях он отправит меня, его ответ был, что он не хочет продавать меня, я не черный человек; но когда я снова надавил на него, он в шутку потребовал сумму в 700 рабов, я думаю, около 10 000 фунтов, или 14 фунтов за голову. От этой странной ироничной манеры говорить, как я ему сказал, у меня кровь стыла в жилах; и, придя в себя, я спросил его, думает ли он, что король моей страны выслушает такое возмутительное предложение и что вы и вся компания подумают, что и он, и я потеряли рассудок, если я напишу что-нибудь подобное тому, что он сказал. На что он рассмеялся и сказал, чтобы я не писал ничего подобного в письме, так как он прикажет своему главному капитану торговли поговорить с вами по этому вопросу, и если у вас нет для него чего-нибудь очень хорошего в Уайде, то вы должны написать в компанию. На это я сказал ему, что опасаясь умереть в его стране, и что я пошлю только несколько вещей и предметов первой необходимости, которые, как я хотел, он позволит своим людям привезти для меня, и он согласился на это, так что я не нахожу другого способа выкупить меня, кроме как прислать ему в подарок от компании корону и скипетр, которые должны быть оплачены из того, что осталось от покойного короля Ардаха. Я не знаю ничего другого, кроме того, что он сочтет нужным, поскольку у него много пластин, кованого золота и других богатых вещей, а также всевозможных богатых платьев, тканей, шляп, шапок и т. д. У него также есть всевозможные обычные товары сверх меры, и он раздает бугаи, как грязь, и бренди, как воду, ибо он непомерно тщеславен и горд; но при этом он, как я полагаю, самый богатый король и великий воин в этой части света, и вы можете положиться, что со временем он покорит большинство стран вокруг себя. Он уже обставил два своих главных дворца мужскими черепами, такими толстыми, какие только могут лежать на стенах, один за другим, и это те, кого он убил на войне; каждый из этих дворцов в окружности больше Сент-

Джеймсского парка, около полутора миль в окружности. Надеюсь, мои королевские повелители примут во внимание мое дело и подумают о том, как долго и много я страдал на их службе, и в каком жалком состоянии я все еще нахожусь, как бы изгнанный из всех удовольствий этой жизни, не только от моей жены и других друзей, но и от всех разговоров в целом; Так что я словно заживо погребен от мира и думаю, что ничто не может приблизить мою несчастную судьбу - терять время и тратить молодость, как бы впустую, в таком проклятом месте, как это, и не видеть вероятности выбраться из него, но что я должен закончить свои дни здесь. Чтобы предотвратить все это, я надеюсь, что они и вы, от их имени, приложите все усилия, используя все необходимые средства, для моего освобождения, о чем я буду очень нетерпеливо молить Бога, чтобы это свершилось.

Губернатор Болдуин в последний раз обещал мне, что по прибытии в Лондон он изложит мое дело нашим королевским хозяевам. Поэтому, когда вы будете писать, прошу вас напомнить ему и им об этом и принять к сведению содержание того, что я сейчас пишу. Если из Англии для меня придут какие-либо письма, я полагаю, что они или что-либо другое попадет в мои руки в целостности и сохранности благодаря людям короля. Он очень хочет, чтобы ко мне приходили письма или что-либо еще. Он также не будет виновен в каком-либо подлом поступке, скрывая от меня что-либо, даже если это будут двадцать рабов. Я также не верю, что он задержит любого белого человека, который придет сюда, кроме меня, которого он считает пленником, захваченным в его войнах. Он придает мне большое значение: у него никогда не было здесь белого человека, только старый мулат-португалец, которого он купил у людей Попоз за 500 фунтов стерлингов, насколько я могу судить. И хотя этот белый человек - его раб, он содержит его как великого карбованца, подарил ему два дома, кучу жен и слуг. Бывает, что раз в два-три месяца он чинит (он портной по профессии) какую-нибудь мелочь для его величества, но на дьявольский манер. Так что если любой портной, плотник, кузнец или любой свободный белый человек захочет прийти сюда, он найдет очень хорошее поощрение, и его будут очень ласкать, и он получит деньги, если сможет довольствоваться своей жизнью в течение некоторого времени; его величество платит всем очень дорого, кто работает на него. И тогда это могло бы быть одним из средств отпустить меня с обещанием вернуться и торговать с ним; но теперь он говорит, что если я уеду, то он не знает, увидит ли он еще белых людей, считая, что они добавляют ему величия; так что если какой-нибудь парень поднимется и снова спустится, то это внушит ему мысль, что придут еще белые люди, и поэтому он отпустит меня, чтобы поощрить их приход. Или, если мой маленький слуга, Генри Тенч, он в Уайде и захочет прийти ко мне, это со временем может оказаться весьма полезным для его интересов, поскольку, будучи еще мальчиком, король будет к нему благосклонен, ибо, хотя я ничего для него не делаю, он поселил меня в доме и дал мне полдюжины мужчин и женщин-слуг, а также постоянное снабжение, чтобы содержать себя и их. Если бы я любил бренди, я бы скоро покончил с собой, имея его в достатке, а также сахар, муку и тому подобное. А когда он убивает волов, что бывает часто, я уверен в четверти, а иногда и в живом боровке, овце или козе, так что я не умру с голоду (но это пустяки, я все равно хочу довольства). А когда он выходит в свет, нас с португальцами зовут сидеть целый день на солнце, только нашим мальчикам разрешается держать над головой наши кидсоли или зонтики; но за это он нам неплохо платит, иногда давая по две, иногда по три или четыре штуки кэбэ, и огромную флягу бренди, чтобы пить там, и еще по одной-две на каждого, чтобы нести домой. Большая часть чернил, которые вы мне прислали, к сожалению, пролилась, и я прошу вас прислать мне пачку чернильного порошка. Его величество также забрал у меня большую часть бумаги, задумав сделать воздушного змея, который, хотя я и сказал ему, что годится только для игры мальчиков, но он говорит, что я должен сделать его для него и меня, чтобы играть с ним, поэтому я прошу вас прислать мне два квадрата обычной бумаги и немного бечевки для этого, а также партию спичек, поскольку его величество требует, чтобы

я иногда стрелял из его больших пушек; и я очень боюсь, что мои глаза вылетят от осколков. У него двадцать пять пушек, некоторые из которых весят больше тысячи, так что можно подумать, что сам дьявол помог их сюда доставить; это место находится примерно в двухстах милях от Уайды и по меньшей мере в ста шестидесяти от Арды. Его Величество получает огромное удовольствие, дважды обстреливая их в каждый базарный день, только теперь его люди делают для них повозки. И хотя он, кажется, человек с такими же природными данными и чувством, как и любой из его цвета, все же он получает огромное удовольствие от пустяковых игрушек и прихотей, так что если у вас есть что-нибудь в этом роде, я прошу вас прислать мне их, или какие-нибудь гравюры или картинки, он очень любит смотреть в книгу и обычно носит в кармане книгу латинской мессы, которую он получил от мулата; И когда ему вздумается пошутить над кем-нибудь, он смотрит в свою книгу так внимательно, как будто понимает ее, и не может занять свои мысли ничем другим; и очень любит черкать на бумаге, часто посылает мне свои письма, но потом присылает переводчика с хорошей фляжкой бренди и гранд-кабесом или двумя.-Ваш покорный слуга,

"Ягненок Буллфинч".

Так что в целом нельзя не задаться вопросом, почему это мастер Буллфинч, который в ходе своего письма показывает себя таким эгоистом, не может успокоиться и устроиться поудобнее. Удалось ли ему спастись, хроника не сообщает; скорее всего, нет; да и не так уж это важно, если учесть бессовестное предложение мистера Лэмба о том, что полдюжины его несчастных соотечественников можно побудить сунуть свои головы в пасть дахомейского льва, чтобы он, мастер Лэмб, смог спастись.

Кроме короля Дагомеи, в этой четверти Африки есть множество других больших и малых монархов, но, хотя они в десять раз более дикие - если быть диким значит быть удаленным от цивилизации и ее влияния, - мы не найдем ни одного столь же вероломного и жаждущего крови. В ходе своих исследований в Западной Африке мистер Бейки имел честь встретиться с несколькими королями, среди которых были монархи Або и Игбо. Давайте обратимся к бывшему королевскому присутствию.

"Мы обещали сойти на берег на следующее утро и засвидетельствовать свое почтение. Соответственно, я поднялся рано утром и в сопровождении мистера Мэя, мистера Кроутера и доктора Хатчинсона отправился на гичке и пиннасе, экипажи которых были одеты в огненно-красные колпаки и рубашки. Або расположен почти в миле вверх по ручью, устье которого почти не видно даже с очень близкого расстояния. Войдя в него, мы обнаружили, что сначала он был настолько узким, что нам пришлось налечь на весла и воспользоваться гребками, но через некоторое время он открылся в широкое пространство, поверхность которого была покрыта каноэ различных размеров. Множество жителей смотрели на нас, и в целом здесь было больше суеты, активности и признаков торгового народа, чем во всем, что мы наблюдали ранее. Достигнув места высадки, мы двинулись в своеобразной процессии, возглавляемой человеком-кру, несущим английский прапорщик, и сопровождаемой королевским посланником с ярким флагом. Нам было нелегко поддерживать порядок в узких улочках, густо запруженных народом; туземцы, как мужчины, так и женщины, постоянно шли нам навстречу и настаивали на рукопожатии, которое здесь совершается следующим образом: обе стороны крепко держатся за пальцы правой руки друг друга, а затем разжимают их, издавая в этот момент щелкающий звук при помощи большого пальца. Мы не пожалели, что добрались до дворца Ишукумы - низкого жилища из грязи и соломы, в центре которого находился небольшой двор площадью около двадцати футов. Он был окружен

своеобразной верандой, на которой мы и расположились: для меня принесли стул, а для остальных - циновки. Рядом с нами стоял фетиш, состоящий из нескольких старых костей и нескольких безделушек, а рядом, под балдахином из белой бязи, лежала огромная циновка для его королевского высочества. Вскоре он вошел в сопровождении нескольких своих жен и других родственниц, которые сидели слева от него. Он казался маленьким пожилым человеком, легкого нрава и не слишком умным. Одет он был в шерстяной ночной колпак, белую рубашку и домотканые панталоны из туземного сукна, сшитые по крайне голландскому образцу. К этому времени двор был полностью заполнен толпой туземцев, чей непрекращающийся шум и болтовня мешали нам начать, и в конце концов я вынужден был попросить его обеспечить тишину. Он тщетно пытался это сделать, пока, наконец, ему не помогли более энергичные из его супругов, и в особенности одна решительно настроенная сестра, чьи пронзительные звуки, раздававшиеся высоко над грохотом, окончательно подавили все сопротивление и вызвали временное затишье. Я воспользовался моментом и через нашего переводчика сказал Ишукуме, что мы пришли, чтобы завязать с ним знакомство и дружбу, а также выяснить, готовы ли люди торговать с нами. Я выразил нашу печаль, узнав о смерти Оби, который был другом белого человека, а также сожаление по поводу отсутствия его брата. Я сказал, что мы хотим выполнить обещание, данное офицерами во время предыдущих экспедиций, и что мы должны постараться сделать добро его стране. В ответ он выразил свое удовлетворение тем, что снова видит здесь белых людей, поблагодарил нас за комплименты и предложил, если мы сможем подождать несколько дней, прислать за его братом специальное каноэ. Я сказал ему, что нам предстоит долгий путь и что мы должны идти, пока в реке много воды, но по возвращении мы должны снова обратиться к нему".

Однако, как ни впечатляюще была беседа с таким ужасным величественным существом, мистеру Бейки удалось ее пережить; более того, он настолько привык к обществу королей, что ничего не мог поделаться со встречей с двумя, а то и тремя королями в течение недели. Через день или около того после визита ко двору короля Або он поставил свои корабли на якорь у владений короля Адже, и результатом послания к этой августейшей особе стало то, что он посетит нашего путешественника на борту.

"Вскоре к Адже подъехали на большом каноэ с семнадцатью веслами на борту в сопровождении нескольких его жен и нескольких его братьев с женами. Был произведен еще один салют, после чего мы приняли гостей на борт и с некоторым трудом усадили их всех на полуюте. Адже - высокий, довольно крепкий, молодой человек, очень похожий на своего брата и, как говорят, манерами и лицом очень напоминающий своего отца. Он появился в домашних штанах из алого сукна, в алом форменном пальто, в розовой бобровой шапке, под которой, видимо, чтобы придать ей форму, был надет красный камвольный колпак; обуви не было, на шее - бусы, а в руке - экспедиционный меч Нигера. Поговорив об общих делах, я рассказал о его отце, о капитане Троттере (бывшем исследователе), о торговле, о наших желаниях и намерениях; на что он ответил, что считает обязательным для себя все, что пожелает или пообещает его отец, добавив, однако, что мы, похоже, очень долго не выполняем свою часть договора. Я дал ему двустольное ружье, большую саблю, алый халат, немного ткани и бус, ножницы, зеркала и иглы для его жен, а также три круса (27 000) брусники. Это последнее, сказал он, должно быть разделено его братом, на что я предложил Тишукуме равную сумму и дал ему также другие подарки. Всем этим Адже остался недоволен и спросил, почему мы не дали столько же, сколько капитан Троттер, на что я сослался на наше долгое плавание, множество подарков, которые мы раздали, и на то, что наши запасы исчерпаны. Он все еще спрашивал о том, чего у меня не было, и я был вынужден говорить более откровенно, указывая ему, как неразумно его поведение и как оно

не похоже на то, что я ожидал от сына Оби. Тогда он рассмеялся, показывая, что просто пытается получить как можно больше - обычная практика Або. Затем Адже позвал торговцев, за которыми послали, и показал им множество дров, ямса, пальмового масла и быка, которого он выставил на продажу. Он оказался очень ловким и расставался со своими товарами только по высокой цене; он сам за всем следил, видел, как вещи передают на борт, как пересчитывают коровы. Он отдал мне свой тир, быка и двести ямсов, которые здесь были хоть и очень хороши, но очень малы и округлы. Я провел его по кораблю, отстрелил перед ним вертлюг и показал ему двигатель. Я объяснил ему, что, поскольку наша провизия почти израсходована, я могу предложить ему совсем немного, на что он сказал, что попросит лишь немного бисквита, который я ему и дал. Его очень позабавила душевая ванна, на которую он позвал посмотреть всех своих жен, и он был очень доволен немецким аккордеоном, который я ему подарил".

Однако самое большое приключение мистера Бейки произошло с грозным королем или вождем Неам-Нама, чьи подданные считались в окрестных племенах чудовищами самого черного цвета, а сам вождь - Фе-фо-фумом людоедов. Туземцы умоляли его не думать о посещении этого гнезда скорпионов, где он и его отряд, несомненно, будут убиты и съедены, и должны считать, что им крупно повезло, если они избежали жесточайших пыток при заключении сделки. Бейки нужны были проводники, но получить их он смог только на самых неслыханных условиях, а также носильщики, которые должны были нести подарки, чтобы умиловить ужасного Неама Нама. Однако в конце концов эти трудности были преодолены, и авантюристы, проделав немалый путь, оказались в Мундо, деревне Неам Нам. "Я не смог, однако, убедить их войти в нее, и, сбросив с себя груз, они разбежались, оставив только переводчика в крепкой хватке двух моих последователей. Ничуть не обескураженные, мои люди подхватили брошенный груз, и мы двинулись к деревне. Когда мы приблизились к ней, звук нескольких тумаков и пронзительный свист их призывов ясно указывали на то, что Неам Нам на чеку. Большой отряд с оружием и щитами вышел нам навстречу и, выстроившись в линию поперек нашего пути, казалось, решил помешать нашему продвижению. Не обращая внимания на это препятствие, мы продолжили путь, а мои хартумеры, находясь в прекрасном расположении духа, заодно присоединились к песне. Вид дикарей перед нами был внушительным: каждый мужчина защищал большую часть своего тела большим щитом, держа в правой руке вертикально копье. Они были явно удивлены уверенностью и безразличием нашего приближения и проявляли больше желания убежать, чем напасть. Мы радостно пошли вперед, и когда приблизились к ним на расстояние двух ярдов, их ряды разомкнулись, давая нам возможность пройти сквозь них, чем мы, разумеется, воспользовались, и вошли в деревню (очевидно, покинутую женщинами и детьми), а Неам Нам следовал сзади, и, пройдя через улицу хижин, расположенных довольно далеко друг от друга, мы достигли небольшой возвышенности, с которой открывался прекрасный вид на плодородную страну. Во время нашего марша туземцы продолжали шуметь, но, не обращая внимания на последствия, мы заняли позицию под сенью великолепного платана вблизи нескольких хижин и, избавившись от багажа, спокойно расположились в кругу вокруг него, выставив перед собой туземцев, которые вскоре окружили нас в большом количестве, явно удивляясь нашему хладнокровию; Постепенно они сомкнулись, и, когда передняя шеренга уселась, их близость стала неприятной, так как они прижали нас к себе так тесно, что некоторые из них фактически уселись на наши ноги, предаваясь при этом смеху и громкому разговору, которого мы не могли понять. Набравшись терпения и убедившись, что в случае необходимости безобидный выстрел из пистолета или двух разбросает наших гостей, я с некоторым трудом узнал от переводчиков Баера и Дора, что эти дикари смотрят на нас как на быков, пригодных для заклания, и что они собираются пообедать нами; но они оспаривают уместность заклания

нас до прибытия их вождя, которого, как я узнал, нет в деревне. Зная это, мои храбрые спутники, уверенные в своих силах, от души смеялись и отпускали множество шуток по поводу своего положения, но вели себя превосходно. Чрезмерная радость наших будущих мясников прекратилась при появлении седобородого старика, который после короткого общения с баерским переводчиком громким голосом обратился к толпе со следующими словами: "Неам Нам, не обижайте этих странных людей; вы знаете, откуда они пришли?" "Нет, но мы будем пировать на них", - прозвучало в ответ. Тогда седобородый старик, подняв копье и приказав молчать, продолжил: "Знаете ли вы какое-нибудь племя, которое осмелилось бы приблизиться к нашей деревне в таком малом количестве, как эти люди?" "Нет", - снова прозвучало в ответ. Очень хорошо, вы не знаете, откуда они пришли, как и я, который намного старше вас и чей голос вы должны уважать. Их страна, должно быть, очень далека, и то, что они преодолели множество племен между их страной и нашей, должно служить для вас доказательством их доблести. Взгляните на то, что они держат в руках: это не копья, не булавы, не луки и стрелы, а непонятные куски железа, прикрепленные к дереву. Нет у них и щитов, чтобы защищать свое тело от нашего оружия; поэтому, раз они проделали такой долгий путь, надо полагать, что их средства сопротивления должны быть столь загадочны для нас и намного превосходят любое оружие, которое может противопоставить им любое племя - даже наше собственное: поэтому, Неам Нам, я, который вел вас на многие битвы и советам которого вы часто следовали, говорю: не проливайте свою кровь напрасно и не навлекайте позора на ваших отцов, которые никогда не были побеждены. Не трогайте их, но докажите, что вы достойны дружбы такой горстки храбрецов, и сделайте себе честь, развлекая их, а не унижайте себя продолжением ваших оскорблений".

"Это обращение, похоже, произвело благотворный эффект на большинство. Старик, отодвинув двух или трех из них с дороги, сел рядом со мной и попытался заговорить со мной, но, потерпев неудачу, позвал переводчика. Первым его желанием было осмотреть мою винтовку: сняв чехол, я передал ее ему. Он долго и молча осматривал ее, причем самым непонятным показалось дуло, в котором, вместо острия, было отверстие. Положив туда палец, он посмотрел на меня с величайшим изумлением, и, чтобы дать ему практическое объяснение, я взял из рук моего любимого охотника мушку и, указав на парящего над нами стервятника, выстрелил: не успел он коснуться земли, как толпа замерла и скорчилась в пыли, словно каждый из них был подстрелен. Голова старика, зажавшего уши руками, лежала у моих ног; когда я поднял его, вид у него был ужасный, а глаза смотрели на меня с бессмысленным выражением. Я подумал, что он лишился чувств. Встряхнув его несколько раз, мне удалось привлечь его внимание к упавшей птице, трепыхавшейся в последней агонии между двумя его людьми. Первые признаки возвращения к жизни он подал, приложив руку к голове и осматривая себя, словно в поисках раны. Постепенно он пришел в себя и, как только вновь обрел голос, обратился к толпе, которая одна за другой сначала поднимала головы, а затем снова опускала их при виде своих, казалось, безжизненных товарищей. После повторного призыва старика они осмелились подняться, и начался общий осмотр мнимых ран. Я попытался завязать разговор со стариком, которого звали Мурмангаз, и узнал, что вождя зовут Димоо и что он совсем недавно сменил на посту вождя своего покойного отца. Обретя доверие, он снова обратился к нашему оружию, к которому, однако, боялся прикасаться, и попросил рассказать, как производится шум; и пока я пытался объяснить ему, что такое оружие, прибыл вождь в сопровождении многочисленных последователей. К моему разочарованию, он отнесся к нам с большим недоверием и, собрав своих людей, похоже, собирался напасть на нас, о чем состоялся долгий разговор между стариком и им самим. В этот момент к деревне приближался одинокий слон. Вождь, стоявший на месте, подошел ко мне и, указав на слона, резко спросил, может ли наш гром убить его. На мой утвердительный ответ: "Сделайте это, - сказал он, - и я буду вас уважать".

Положение дел теперь было совсем не мирным, но, полагаясь на свои силы и дипломатию, я решил заручиться доброй волей вождя и послал половину своих лучших стрелков попытаться завалить слона, а с другой половиной, в случае чего, я знал, что смогу защитить нашу собственность. Храбрецы уверенно выступили вперед, хотя у нескольких из них были только винтовки, слишком легкие для ожидаемой от них работы, а у других - только двустволки, заряженные шариками. За ними последовали все дикари, приблизившись к слону примерно на триста ярдов, когда охотники рассредоточились и одновременно выстрелили в слона с расстояния в двадцать ярдов с разных сторон. При первом же выстреле Неам Нам и их вождь проявили все признаки страха: одни упали на землю, другие встали на пятки. Слон, молодой самец с бивнями длиной около фута, получал выстрел за выстрелом в быстрой последовательности. Он лишь поднял хобот и уши и двигался, как на шарнире, пока в его голову и плечи не было выпущено около двух выстрелов с двойным зарядом пороха; он упал, и наш престиж был утвержден. Вождь и его последователи оправились, подошли скорее в образе просителей, чем агрессоров, и заявили, что если мы только не будем греметь, они станут нашими лучшими друзьями. Подарив бусы Димоо и нашему старому другу, мы заключили договор; а когда нам сообщили, что такие же ценности будут отданы за провизию, вождь объявил об этом вслух прохожим, которые заявили, что готовы снабдить нас всем, что есть в деревне".

Задерживаясь в Западной Африке, мы прибываем в фернандийский город Иссапоо, короля которого зовут Броувди. Мистер Хатчинсон знакомит нас с его величеством, а также с его дворцом.

Монархия здесь, как и во всех фернандийских городах, наследуется не от отца к сыну, а от дяди к племяннику. Его дворец, безусловно, был самым необычным местом для проживания человека. И все же, когда я вошел внутрь, первым, что он мне показал, были, как объяснил переводчик, его трон и корона: первый состоял из грязного табурета, который выглядел достаточно старым и грязным, чтобы передаваться в его семье на протяжении нескольких десятков поколений; а второй - из столь же грязной старой шляпы из бамбукового листа с обезьяньим хвостом на подвеске. Внутри дома свет проникал через десятки щелей в стенах и крыше. Стена состоит только из досок, положенных друг на друга, доходящих от земли до крыши, и все они подвижны, так что заключенному достаточно сдвинуть одну или две с любой стороны, и он впускает или выпускает себя, как ему заблагорассудится. По всему дому внутри расставлены шесты, на которых висят шапки, шкуры, ржавые ружья, ткани и калабаши; но ни окон, ни табуретов, ни кроватей, ни столов, кроме старого трона, нет, и сборщик налогов обнаружил бы здесь большую нехватку доступного имущества. Коронация короля - это церемония, которую я еще не имел удовольствия наблюдать, но мне сообщили, что она имеет интересные особенности. Она настолько связана с их представлениями о духе или дьяволе, что я считаю необходимым объяснить особенности их веры в этот последний пункт. Мааон - это титул, данный дьяволу, а ботакимаон (его верховный жрец), как предполагается, имеет влияние на него через общение с кобракапеллой, кукаруко. Их вера в Бога, которому дано имя "Руп", является более возвышенным стремлением, чем вера в дьявола, но они считают, что благосклонность божества можно получить только путем заступничества через кукаруко, стоящего внизу, кандидата на царские почести, стоящего рядом, и всех его подданных в будущем, находящихся около. Эта конференция, как я полагаю, проводится с помощью чревовещания, способностью к которому, как сообщается, наделены многие фернандийцы. Затем ботакимаон передает королю послание от кукаруко для руководства в его высоком положении, встряхивает над ним некоторое количество желтого порошка под названием "ишеобо", который получают, собирая кремевый слой, встречающийся на воде в устьях некоторых небольших рек, испаряя воду и образуя меловую

массу из остатка. Судя по легкости и рыхлости этого материала, я полагаю, что он имеет растительную природу". Затем на его голову надевают шапку, которую носил его дядя, и коронация завершается. После того как он становится королем, его величеству запрещается есть какао, оленину или дикобраза, которые являются обычными приправами народа; церемония завершается тем, что ботакимаон растирает немного желтого порошка на лбу, с указанием использовать тот же материал подобным образом каждое утро в течение семи дней.

Из Иссапу мы едем с мистером Хатчинсоном в Дуктаун, и по дороге этот джентльмен рассказывает нам о железном дворце, который несколько лет назад был прислан из Ливерпуля для покойного короля Эямбы; и который, хотя сейчас он полностью разрушен, можно вспомнить в его расцвете, а также короля Эямбы в таком же завидном состоянии и еще одного короля, некоего Арчибонга, хотя был ли Арчибонг преемником Эямбы или *наоборот*, не совсем ясно. Впрочем, читатель может судить сам.

"Ни один человек не был более впечатлен идеей достоинства, связанного с атрибутами королевской власти, чем Эямба, и поэтому у него должна была быть карета. Но лошади вскоре умерли, продержавшись некоторое время. Во время моего первого визита в Дуктаун в окрестностях были видны скелеты только двух, совершенные *анатомии живых существ*. Лошади не являются уроженцами этой части страны, и лексикографы долго ломали голову, пытаясь найти для них название на их этикском языке, на котором говорят в Старом Калабаре. В конце концов они пришли к термину *Euang makara*, что означает "корова белого человека"; и, чтобы еще больше довести дело до абсурда, озаглавили повозку Эямбы *Efot euang makara*, что буквально означает "коровник белого человека". Когда я увидел характер улиц и дорог в городе и его окрестностях, то удивился, как Эямба смог найти достаточно широкое или ровное место, чтобы по нему могли катиться четыре колеса. Но он выделил несколько ярдов для этой цели; и там, по его обычаю, карету перед ним запрягали несколько рабов, а он шел за ними, с блестящей медной короной на голове и огромным зонтиком в цвет вечеринки, который держал на крыше крепко сбитый человек. Ирландец, который сел в кресло и, обнаружив, что у него нет дна, сказал, что с таким же успехом он мог бы ходить пешком, если бы не его величественность, имел более близкое сходство с государством, чем этот умопомрачительный монарх, который часто хвастался своим желанием увидеть Веллингтона и Наполеона, чтобы показать свое превосходство над ними; и который привык подписывать все свои письма и документы как Эямба V., король всех черных людей. Во время моего визита в этот некогда великолепный дом все в нем находилось в состоянии совершенной разрухи и упадка, поскольку его величество умер через несколько лет после его постройки. Такое положение дел можно объяснить тем, что среди жителей Старого Калабара, как и среди большинства языческих народов западной Африки, существует глупое суеверие, согласно которому, когда человек умирает, ему требуется дух всего, что принадлежало ему в этом мире, его жены, рабы, одежда, имущество и мебель, для использования в неизвестном мире, в который он отправился. В зависимости от того, какова была его компетенция и каковы были возможности его друзей принести за него соответствующую жертву, можно оценить и его ожидаемый комфорт в следующем мире. Впоследствии мне сообщили, что через несколько часов после падения дворца на месте его прежнего расположения не было найдено ни одного фрагмента его строения, ибо все жители вели себя как множество человеческих индюков, и самая ранняя птица, конечно, выбрала себе самых лучших червей. Выйдя из дворца и не пройдя и пятидесяти ярдов от него, хотя мне пришлось спускаться с холма, карабкаться через колею и подниматься на возвышенность, я оказался перед палатой Дуктауна, своего рода сенаторским форумом, где король и эгбо обсуждали и решали все законодательные дела страны, муниципальные дела

города, споры по общественным или частным вопросам. Палатный дом состоит из двух стен, идущих параллельно на протяжении около сорока ярдов и заканчивающихся поперечной стеной длиной около стольких же футов с крышей из крепкого бамбука. Торец, через который в него входят, открыт стороны в сторону; между вершинами продольных стен и крышей остается пространство почти в восемнадцать дюймов; с дороги можно подняться по полудюжине ступеней на пол, который твердый и гладкий. В центре входа - огромный полый медный столб, достигающий до крыши, дальше - еще два такого же внушительного диаметра, а между ними - большой колокол и кусок дерева; последний по форме напоминает барабан, с продольной прорезью, и прикреплен к столбу. Это барабан Эгбо, в который бьют, чтобы встревожить жителей в случае пожара, предупредить о нападении врага или сообщить о поимке леопарда; каждый случай обозначается особенностью ударов в барабан, которая становится известна, как только раздается звук. В самом дальнем углу дома находится частное святилище, в которое по случаю собраний эгбо не пускают никого, кроме привилегированных, а перед входом - два цветущих дерева джу-джу, перед которыми стоят пять каменных столбов, как говорят, из застывшей базальтовой лавы, привезенной с острова Принца и установленной там в память о пяти государях Старого Калабара. Неподалеку от этого дворца находилась резиденция покойного короля Арчибонга I. В ней не было ничего примечательного, кроме того, что есть в жилище любого другого джентльмена-торговца; но король был одним из самых необычных образцов соболиной человечности, которые я когда-либо встречал. Он не умел ни читать, ни писать по-английски, но говорил на очень несовершенном говоре, и, когда бы вы ни пришли к нему в дом, он почти всегда находился в таком состоянии, что можно было ожидать, что он согласится с мнением Санчо Пансы: благословен тот, кто первым изобрел сон. В первый день недели, состоящей из восьми дней, он имел обыкновение развлекать обедом всех суперкарго и хирургов на реке, и это называлось Chop-day. В Дуктауне день Чопа называется Аква-эль-дере и приравнивается к нашему воскресенью, но только как день отдыха - главными посвящениями являются распитие рома и пальмового вина. В это утро они моют свои дворы коровьим навозом и водой, а в Аква-эль-дере проводится самый большой рынок за неделю. Эямба, будучи королем, выбрал этот день в качестве своего дня отбивных, потому что он был самым почетным на неделе, а он хотел, чтобы его считали самым влиятельным человеком в стране. Король Арчибонг последовал по его стопам в отношении той же практики. Аналогичный обычай принят и во второй день недели, который называется Аква-ибибио. Блюда, подаваемые королем Арчибонгом, были очень достойны его кулинарного заведения. Они состояли из различных видов супов, содержащих мясо козла, рыбу, свинину, лист и корень какао, подорожники, бананы и множество других блюд, таких, которые никогда не улыбались Апицию, Мег Доду или Алексису Соеру, и которые, как говорят, содержали "столько перца, что им можно было ошпарить серебряную ложку". За ними следовали жареная кукуруза, молотые орехи и креветки в качестве десерта. Мимбо или мим-эфик, туземное название пальмового вина, было напитком на этих ужинах. Это молочная жидкость, имеющая иногда кислый, а иногда сахаристый вкус, которую получают из определенного вида пальмы, постукивая по ее верхушке и позволяя соку вытекать в калабаши, установленные там для его приема. Одним из блюд, которое очень любил король, было блюдо из толченого ямса, превращенного в замазку, похожую на древесину джу-джу, с супом под названием соус палав. Ели его так: брали с блюда комочек, раскатывали его на ладони в форме мяча для ракетки, вставляли в центр указательный палец, макали в суп и прикручивали. Стол всегда был аккуратно сервирован серебряным сервизом, а яства приносили в больших калабахах, накрытых белыми полотнищами, на голове нескольких женщин-рабынь.

Вот и все об ушедших королях Дуктауна и их эксцентричности; теперь перейдем к нынешнему правителю этой местности, а также соседнего поселения Криктаун. Эта история

стоит того, чтобы привести один из сотни примеров того добра, которое приносит учение христианства, а также дать ответ тем удивительно мудрым людям, которые насмеются над миссионерами и их делами. "Король Эйо Честность" - это почетный титул нынешнего монарха Дуктауна.

"Король Эйо стремится к цивилизации своего народа и возделыванию своей страны, но ему некого научить этому, и поэтому плодородная почва его владений лежит без урожая, если не считать единственного материала - пальмового масла. Те, кто согласен со мной в том, что христианство и цивилизация являются причиной и следствием в Африке, как и во всем мире, будут рады услышать, что он оказывает всяческое содействие и помощь пресвитерианским миссионерам, обосновавшимся в Старом Калабаре. Он прекрасно говорит, читает и пишет по-английски, ведет собственную бухгалтерию и переводит проповеди преподобного мистера Уодделла на язык эфиков для своей общины. Сыновья короля - единственные члены его семьи, которые открыто исповедуют свою веру в доктрины христианства, но Эйо предписывает свято соблюдать день Господень, не устраивает обед для торговцев, когда он наступает на восьмой день своего чередования, упразднил рынок, который раньше проводился по воскресеньям в Криктауне, требует еженедельного присутствия своих людей на миссионерской службе в церкви из оцинкованного железа, очень почтителен и внимателен во время богослужения и следует за проповедником, переводя предложение за предложением для слушателей. Это мужчина старше сорока лет, ростом около пяти футов восьми дюймов, крепкого мускулистого телосложения, с глазами и губами, обычно выделяющимися на лице эфиопа, и седыми усами. Его одежда состоит из ткани, обычно шелковой, повязанной вокруг поясицы, шелкового платка, наброшенного на плечи, черной шляпы с золотой лентой и переплетом из того же материала по краю. Его украшения - круги из голубого стекла или коралловых бусин на шее, запястьях и лодыжках, а также массивное золотое кольцо на указательном пальце. Он свободно пьет нюхательный табак, который носит его раб в серебряной шкатулке. Это единственная роскошь, которой он предается, ведь он никогда не курит, а в спиртных напитках ни один человек не может быть более воздержанным. Когда он отправляется в Дуктаун, как всегда по делам, к торговым кораблям на реке, его неизменно сопровождает вереница больших каноэ, из одного из которых стреляют из пушки, чтобы возвестить о его приближении, когда королевская партия поворачивает за угол напротив Олдтауна. Король всегда сидит на шестивесельной двуколке, принадлежащей кораблю, на который он направляется, а в каноэ находятся его старший сын, молодой Эйо, и три его брата с бесчисленным сонмом рабов. В этих случаях он держит над головой гигантский зонтик цвета парти, как и во время прогулок по городу или сидя в одном из дворов за своими торговыми книгами. Музыкальный оркестр, сопровождающий короля, состоит из барабана Эгбо, установленного поперек каноэ, в который бьют не по концам, как в наши барабаны, а по верхней части его продольной поверхности палочками; инструмента, сделанного из железа, как из блюдец двух лопат, сваренных лицом к лицу, и ударяемого куском того же металла; коровьего рога, в который дуют довольно диссонансно; и звенящие коробочки из бамбуковой циновки, к которым привязана веревка, которую держат в руках, как испанские кастаньеты, и энергично трясут, чтобы вызвать шум от колебания камешков или кусочков разбитой посуды, которые в них находятся. И все же, наряду с этой примитивной попыткой музицирования, знамена, развевающиеся на каноэ, одновременное поднятие флагов на всех судах на реке и ответный салют с судна, на которое он направляется, когда становится видна партия короля, придают всей сцене очень оживленный вид".

Кстати, уже несколько раз упоминалось о любопытном учреждении, существующем в этой части света и известном как орден "Эгбо". Это своего рода негритянское братство королей, вождей и свободных людей, а название происходит от "Экпе", эфикского названия тигра. Существует одиннадцать рангов, три высших из которых не могут быть куплены рабами. В прежние времена титул Эгбо принадлежал исключительно свободным людям, но второе или третье поколение рабов, родившихся в пределах жилища эгомана, освобождалось от него и могло приобрести его после смерти родителей. Его нельзя сравнить ни с одним институтом, знакомым европейским умам, кроме масонства. Перед посвящением кандидат в эгбо обязан пройти через ряд церемоний; так, например, при приеме в орден "медный эгбо" - один из высших классов - его тело обливают желтой краской, чтобы имитировать латунь, и по этому случаю приносят в жертву животных. Секреты и встречи мужчин Эгбо строго конфиденциальны. Если у мужчины, женщины или ребенка есть претензии к хозяину или соседу, ему достаточно сообщить об этом, ударив джентльмена эгбо по передней части тела или выйдя на рыночную площадь и позвонив в большой колокол эгбо. Джентльмен, извещенный первым способом, обязан немедленно созвать собрание эгбо, чтобы устранить причиненную обиду, а если она окажется пустяковой, то жалобщик будет наказан. Когда человек из племени эгбо хочет сделать заявление о совершенной краже или о взыскании долга, он посылает в город то, что считается *Idem*, или духовным представителем эгбо, - человека с черной ящерицей на черном лице, а все его тело покрыто фантастическим платьем из бамбуковых циновок. Этому персонажу иногда предшествуют несколько барабанщиков, а на боку у него всегда прикреплен колокольчик, который звонит, когда он идет. В левой руке он держит пучок зеленых листьев (считается, что он изгнан из леса и, конечно, должен сохранять свой сельский характер), в правой - огромную плеть из коровьей кожи, которой он порол каждого встречного раба, мужчину или женщину, в зависимости от вкуса или склонности. Жестокая особенность эгбошипа заключается в том, что отсутствие одной разновидности титула подвергает того, кто так несчастлив, что не имеет его, ударам плетью идема того сорта, который он не приобрел. Если человек, владеющий всеми низшими сортами и тремя высшими, оказывается на улице в тот день, когда гуляет идем того сорта эгбо, который ему нужен, его выделяют из общей массы и обращаются с ним с особой строгостью. Если во время обхода идем не встретит на улице ни одного раба, которого можно было бы выпороть, он имеет право зайти к ним в дом и выпороть их по своему усмотрению. Звук колоколов Эгбо и названия дня Эгбо достаточно, чтобы напугать всех рабов Дуктауна, и, услышав его, они прячутся во всех доступных местах. В последнее время женщинам разрешили покупать привилегии эгбо, но им не разрешается присутствовать на советах господ эгбо, а также входить в любое время за стену палаты эгбо. Когда от дома короля развеивается желтый флаг, считается, что это день Брасс Эгбо, и никому, кроме нескольких привилегированных, не разрешается выходить за границу. Полоса ткани того же цвета, прибитая к двери любого человека, означает, что его дом находится под мощной защитой Брасс Эгбо, и это свидетельствует об отсутствии хозяина дома. Если идэм встречает на своем пути европейца, то при наличии двух дорог или тропинок идэм уходит по той, которая отличается от той, по которой приближается белый человек; если же дорога одна, то последний должен повернуться спиной и дать предполагаемому духу пройти незамеченным и не потревоженным. "Аква Осонг", последний день калабарской недели, - это великий день эгбо, в который устраивается карнавал и шествие эгбо с обычной жестокостью. Все юридические и судебные процессы в стране проходят под демонстрациями эгбо, очевидно, для того, чтобы сохранить законность в отношении рабского населения. И нет более убедительного доказательства этого, чем то, что человек, судимый и осужденный по закону Эгбо, должен лишиться всех своих рабов и другого имущества, находящегося в его

собственности, независимо от того, кому это имущество принадлежит. Все это делится как добыча между высшими властями Эгбо. Лицам, приговоренным к смерти по суду эгбо, предоставляется привилегия покинуть этот мир в состоянии опьянения. Существует класс людей, называемых Кровниками, которые живут в глубине страны на плантациях и чье присутствие в Дуктауне не слишком успокаивает власти Эгбо. После смерти короля Эамбы в 1846 году несколько рабов, принадлежавших к семье герцога, сбежали от своих хозяев и заключили кровный договор о взаимной защите. Через некоторое время к ним присоединились другие, и теперь их насчитывается несколько тысяч. Нынешний король Дьюктауна, герцог Эфраим, является прямым потомком хозяина первых беженцев и, следовательно, имеет на них значительное влияние. Некоторое время назад они пытались добиться разрешения на создание для себя отдельного эгбошипа, но им было отказано. Они приезжают в город всякий раз, когда нужно совершить какую-либо церемонию, связанную с кровным делом; но каково их отношение к ордену эгбо, до сих пор остается глубокой тайной. У господ в Старом Калабаре в домах есть все частные фетиши - человеческие черепа, кости леопардов, бегемотов, крокодилов и манаттисов, расставленные по вкусу и фантазии владельца. Особые виды пищи не употребляются многими семьями из-за того, что некоторые их члены умирают после употребления таких приправ, и дзю-дзюцу, соответственно, накладывает запрет на их использование.

В Лунде, другом поселении в Западной Африке, человека, стоящего во главе государства, называют "Мамбо". Эта великолепная личность вместе со своими главными министрами описана путешественником Вальдесом, которому была дана аудиенция:

"Мамбо восседал на нескольких тигровых шкурах, расположенных так, что все хвосты расходились, образуя фигуру большой звезды, а в центре была расстелена огромная львиная шкура, которая покрывала часть всех остальных. Табурет, покрытый зеленой тканью и поставленный на львиную шкуру, служил треном Мамбо. Этот сановник был одет в самом великолепном стиле, превосходящем по великолепию показов все остальные властители внутренних районов Африки. Его голову украшала митра высотой около двух саженей, по форме напоминающая пирамиду и состоящая из перьев ярко-алого цвета. Его лоб окружала диадема, украшенная множеством ценных драгоценных камней большого блеска; на затылке возвышалось нечто вроде оборки или веера из зеленой ткани, поддерживаемого двумя маленькими стрелами из слоновой кости; шея и плечи были покрыты чем-то вроде спенсера или капюшона без рукавов. Верхняя часть накидки была украшена нижней частью раковин каури, под которой находился ряд имитированных драгоценных камней. Нижняя часть имела самый блестящий и ослепительный эффект, так как по всему ее периметру со вкусом было расставлено множество маленьких зеркал, или квадратных и круглых кусочков зазеркалья, чередующихся с драгоценными камнями. Таким образом, его плечи, грудь и спина были покрыты одеянием, на которое никто в этом блистательном солнечном свете не мог ни на секунду задержать взгляд.

"Руки выше локтей были украшены полосой ткани шириной около четырех дюймов, к границам и краям которой были прикреплены полоски кожи, а волосы длиной около четырех или пяти дюймов свисали вниз, как бахрома. Этот знак королевской власти разрешается носить только Муата Казембе, или премьер-министру, и его ближайшим родственникам. От локтей до запястий руки были украшены небесно-голубыми камнями, а от талии до колен простиралась желтая ткань, чем-то похожая на килт горца. Эта одежда имела две каймы шириной около четырех дюймов, верхняя - синяя, а нижняя - красная.

"У него также был своеобразный пояс или кушак длиной в несколько ярдов, который носили довольно своеобразно: один его конец прикреплялся к другому маленькой стрелкой из

слоновой кости чуть ниже талии, а затем все это обматывалось вокруг тела небольшими равномерными складками. Кожаный пояс, опоясывающий тело, удерживает эту одежду на своем месте. Оба эти предмета считаются знаками императорской власти.

"Инсипо, или пояс из шкуры, вырезается из шкуры быка по всей длине и составляет около пяти или шести дюймов в ширину. Когда инсипо подпоясывается, кисточка хвоста остается под своеобразным веером, образованным складками или косичками, о которых говорилось выше. Муата Казембе подвешивал к инсипо под правой рукой нитку жемчуга, к концу которой был прикреплен маленький колокольчик, который, ударяясь о его ноги при движении, звонил через определенные промежутки времени. Вокруг его ног от колен вниз были нанизаны жемчужины, аналогичные тем, что он носил на руках. В то время как все его тело было богато украшено, лицо, руки и ноги оставались полностью непокрытыми.

"У Муата Казембе было семь зонтиков, образующих навес, укрывающий его от солнца. Они различались по цвету и крепились к земле длинными бамбуками, обтянутыми материалом разных оттенков, изготовленным туземцами. Двенадцать негров, одетых просто, и каждый из них держал в руке хвост нхумбо, расположились вокруг зонтиков.

"Нхумбо - антилопа размером с трехлетнего быка, каштанового цвета, с черным крестом вдоль спины и большим количеством шерсти на лопатках - примерно столько же, сколько у лошади на гриве и хвосте. У него перепончатые ноги, голова и рога, как у буйвола, а мясо - отличная пища. Хвосты нхумбо, которые держат негры, имеют форму метлы, а та часть, которая служит ручкой, украшена бусинами разных цветов. Все хвосты приводились в движение в одно и то же время, когда Муата Казембе считал нужным сделать знак маленьким таким же хвостом, который он использовал сам.

"На небольшом расстоянии от него стояли негры, занятые поиском и сметанием всего, что было неприятно или оскорбительно на вид. За ними шли еще двое негров с корзинами на плечах, чтобы подбирать все, что можно было упустить из виду; но место было настолько чистое, что ни один из них не мог найти себе занятия, хотя, по обычаю, поддерживалась видимость занятости. Две изогнутые линии выходили из кресел Муата и сходились на расстоянии двадцати шагов впереди, напротив Мамбо. Линия слева была обозначена острием палки, пущенной по земле, а справа - мелом. Перед этими изогнутыми линиями, образующими аллею шириной около трех пролетов, стояли две шеренги фигур, напоминающих идолов, начиная от боковых сторон изогнутых линий. Размер этих фигур, которые были только в половину роста, составлял около двадцати дюймов; они были прибиты к палкам, воткнутому в землю, были очень грубо сделаны, имели каффирские черты и были украшены рогами зверей. В центре аллеи стояла клетка в виде бочки, в которой находилась еще одна фигура поменьше.

"Два негра сидели на земле возле двух крайних фигур, обращенных к королю, перед каждым из них стоял глиняный сосуд, наполненный живым пеплом, и занимались тем, что бросали в огонь множество листьев, от которых шел густой ароматный дым. Спины изображений были обращены к Муата Казембе, из-под последнего - ближайшего к глиняным сосудам - к ногам Мамбо была протянута веревка; с какой целью, я так и не смог выяснить.

"Две жены мамбо были единственными, кто присутствовал в чипанго, ворота которого были открыты. Одна из них сидела на табурете, покрытом зеленой тканью; ее руки, шея и грудь были украшены камнями разных цветов, а голову украшали алые перья, как в головном уборе мамбо, но короче и меньше.

"Вторая жена сидела на львиной шкуре с левой стороны ворот, не имея никакой другой одежды, кроме полотна, которое было совершенно без украшений. За двумя женами стояло более четырехсот женщин разного возраста, одетых в нхандас - вид переплетенной ткани, сделанной из коры деревьев".

В другой части этой странной страны правитель известен под благозвучным титулом "Джага"; и всякий раз, когда в правительстве появляется вакансия из-за смерти Джаги, Тендалла или премьер-министр созывает глав коллегии выборщиков, в которую входят Макота или советники, Казас или дворяне, и Катондо или главнокомандующий, которые вместе с ним (Тендаллой) составляют совет кабинета. Когда этот орган собран, он приступает к рассмотрению претензий различных лиц, связанных с семьями, которые считаются законными претендентами на королевское достоинство.

Определившись сначала с семьей, они приступают к следующему расследованию, касающемуся личности, наиболее подходящей для ношения королевского достоинства; но дело редко заходит так далеко, поскольку члены коллегии выборщиков, как правило, заранее знают, кто является законным и популярным претендентом.

После решения этих важных вопросов они приступают к строительству подходящего дома для нового джаги, разбивке сада и т. д., а также к возведению домов для себя вокруг него. После этих предварительных процедур они направляют свои шаги к , где живет выбранный ими человек, и, бесцеремонно войдя туда, выводят его, словно преступника, и представляют толпе, которая, среди звона маримб и ударов барабанов, одновременно поднимает крик при его появлении. Затем его несут на плечах его сыновей или людей в киломбо или укрепленную резиденцию, отведенную для него, где он остается в течение нескольких дней, и никому не разрешается посещать его, за исключением двух родственников и Тенделлы. По истечении двух месяцев он удаляется в заранее приготовленный дом на берегу реки Ундуа, где остается на двадцать или тридцать дней. Здесь он, можно сказать, формирует свое новое министерство, снимая одних чиновников и назначая других. По этому случаю он также выбирает себе главную жену. Когда все эти приготовления закончены, джага возвращается в местность, где он намеревается жить, и определяет точное место следующим образом: сформировав свой киломбо, он берет свой лук и выпускает стрелу, и там, куда она упадет, он должен возвести свою постоянную резиденцию, называемую Семба. Вокруг него строятся дома его жен, которых в целом насчитывается до пятидесяти. Рядом с ними располагаются сензале макота и их жены из числа последователей прежнего Джаги, и, наконец, те, кто был с избранным Джагой в сензале, где раньше он исполнял обязанности макиты.

Последняя из этих церемоний называется Самбаменто, после которой джага считается готовым выполнять все функции своего поста.

Неизвестно, в какой период зародился этот жестокий и варварский обычай. Известно, что некоторые яги вообще отказались от него.

Когда решено отпраздновать Самбаменто, некоторые из Сова или Макита отправляются на поиски Никанго или жертвы. Выбирается, как правило, чернокожий, который не должен иметь никаких отношений или связей с джагой или кем-либо из макитас или макотас. Когда никанго прибывает, его принимают в Киломбо и обращаются с ним так же, как с джагой; ему предоставляют все необходимое, и все его приказы выполняются с той же быстротой.

Назначается день, в который будет праздноваться самбаменто, об этом сообщается макитам, и приглашается столько людей, сколько может поместиться в Киломбо, все они собираются перед резиденцией джаги. Макитас и макотас образуют круг, остальные собираются вокруг. Джага занимает место в центре круга на железном табурете круглой вогнутой формы с отверстием в центре вершины. Бансакуко садится рядом с Ягой, вместе со всеми наложницами. Затем Кассанж-Кагонг ударяет в гонг, железный, в форме арки, с двумя маленькими колокольчиками, прикрепленными к нему, и с перекладиной поперек. Кассанж-кагонг продолжает звонить в колокольчики во время церемонии.

Затем вводится Никанго и ставится перед Джагой, но спиной к нему. Джага, вооружившись полукруглым тесаком, начинает разрезать спину Никанго, пока не дойдет до сердца, которое он извлекает, выплевывает и отдает на сожжение.

Макоты тем временем держат труп Никанго таким образом, что кровь из раны на спине вытекает на грудь и живот джаги и, падая через отверстие в железном стуле, собирается макитами в руках; затем они мажут ею грудь и бороду, издавая при этом громкие возгласы: "Велика джага и обряды государства".

Затем труп Никанго относят на некоторое расстояние, где с него сначала снимают кожу, а затем делят на мелкие кусочки и варят вместе с мясом быка, собаки, курицы и некоторых других животных. Приготовленное блюдо сначала подается джаге, затем макитам и макотам, а затем всем собравшимся, и горе тому несчастному, кто имеет наглость отказаться от трапезы из-за неприязни к ингредиентам, так как в этом случае по закону он и его семья теряют свободу и немедленно продаются в плен.

Пение и танцы завершают самбаменто.

ГЛАВА XVIII.

Прием доктора Ливингстона в Шинте - южноафриканская вождь - она дарит гостям "немного своего ума" - нарушения придворного этикета - абиссинское лекарство от меланхолии - мистер Брюс и леди Ситтина - награждение короля Синаара - величество на Мадагаскаре - дворец в Малагасее - праздник бани королевы - придворный бал на Мадагаскаре.

Переходя от Западной к Южной Африке, посмотрим, как ведут себя королевские особы. Как и в первом случае, выбор властителей очень широк, но мы возьмем только двух - Шинте, короля Макалоло, и Маненко, вождя Балонды.

"Около одиннадцати часов мы (доктор Ливингстон и группа) были удостоены грандиозного приема в Шинте. Туземные португальцы и мамбари пришли в полном вооружении с ружьями,

чтобы дать Синте салют, их барабанщик и трубач производили весь шум, который могли произвести их очень старые инструменты. Котла, или место для аудиенции, имела площадь около ста ярдов, а в конце ее стояли два изящных экземпляра разновидности баниана. Под одним из них на своеобразном троне, покрытом шкурой леопарда, сидел Шинте. На нем была клетчатая куртка и килт из алой байки с зеленой каймой; с шеи свисало множество ниток с большими головами, а конечности были покрыты железными и медными наручами и браслетами; на голове он носил шлем из бусин, аккуратно сплетенных вместе, и увенчанный большим пучком гусиных перьев. Рядом с ним сидели трое парней с большими снопами стрел за плечами.

"Когда мы вошли в котлу, все члены отряда Маненко приветствовали Синте хлопаньем в ладоши, а Самбанза поклонился, натерев грудь и руки пеплом. Одно из деревьев оказалось незанятым, я отступил к нему в тень, и вся моя партия поступила так же. Теперь мы находились примерно в сорока ярдах от вождя и могли наблюдать всю церемонию. Разные части племени выходили вперед так же, как и мы, глава каждого из них совершал поклоны с пеплом, который он носил с собой для этой цели; затем шли воины, все вооруженные до зубов, бежали и кричали в нашу сторону, с мечами наготове и надвинутыми на глаза лицами, чтобы казаться как можно более дикими, чтобы, как я думал, попробовать, не могут ли они заставить нас встать на пятки. Поскольку мы этого не сделали, они повернулись к Шинте, отсалютовали ему и удалились. Когда все пришли и расселись по местам, началось любопытное капризное представление, которое обычно показывают на картинках. Человек встает и имитирует наиболее одобренные позиции, наблюдаемые в реальном бою: бросает одно копье, принимает другое на щит, пружинит на одну сторону, чтобы избежать третьего, бежит назад или вперед, прыгает и т. д. Покончив с этим, Самбанза и представитель Ньямоаны ходили взад и вперед перед Шинте и громким голосом рассказывали все, что им удалось узнать от меня или от людей о моей прошлой истории и связи с макололо; о возвращении пленников, о желании открыть страну для торговли и т. д. Возможно, он лжет, возможно, нет - они скорее думали, что да; но поскольку у балонда добрые сердца, а Шинте никогда никому не делал зла, ему лучше принять белого человека хорошо и отправить его в путь. Самбанза был нарядно одет, и, помимо множества бус, у него была такая длинная ткань, что мальчик нес ее за ним как шлейф.

"Позади Шинте сидело около сотни женщин, одетых во все лучшее, что у них было, - красную байку. Главная жена Шинте, одна из матебеле или зулусов, сидела впереди с диковинной красной шапочкой на голове. В перерывах между речами эти дамы раздражались какими-то заунывными частушками, но никто из нас не мог уловить, восхваляет ли это оратора, Шинте или самих себя. Это был первый раз, когда я видел женщин в общественном собрании. Обычно женщинам не разрешается входить в котлу, и даже когда их приглашают на религиозную службу, они не входят туда, пока им не прикажет вождь; но здесь они выражали одобрение, хлопая в ладоши и смеясь в адрес разных ораторов, а Шинте часто оборачивался и говорил с ними.

"Партия музыкантов, состоящая из трех барабанщиков и четырех исполнителей на фортепиано, несколько раз обошла котлу, радуя нас своей музыкой. Барабаны аккуратно вырезаны из ствола дерева и имеют небольшое отверстие в боку, закрытое кусочком паутины; концы покрыты шкурой антилопы, приколотой булавками, и когда они хотят затянуть ее, то держат ее у огня, чтобы она сжалась - в инструменты бьют руками.

"Пианино, называемое *маримба*, состоит из двух деревянных брусков, расположенных рядом стороны здесь совершенно прямые, а дальше к северу изогнуты так, что напоминают половину шины каретного колеса; поперек них расположены около пятнадцати деревянных

клавиш, каждая из которых шириной два или три дюйма, а длиной пятнадцать или восемнадцать дюймов - их толщина регулируется в зависимости от глубины требуемой ноты; Каждая из клавиш имеет под собой калабаш, от верхней части которого отрезана часть, чтобы они могли обхватить перекладыны и образовать полые деки для клавиш, которые также имеют разные размеры в зависимости от требуемой ноты, а маленькие барабанные палочки вызывают музыку. Быстрота исполнения, похоже, вызывает у них восхищение, а музыка приятна на слух.

"Когда девять ораторов закончили свои выступления, Шинте встал, и все собравшиеся тоже. Все это время он сохранял истинно африканское достоинство манер; но мои люди отметили, что он почти ни на минуту не отрывал от меня глаз. По моим подсчетам, здесь присутствовало около тысячи человек и триста солдат. Солнце уже припекало, и сцена закончилась тем, что мамбари разрядили свои ружья.

"Поскольку река, похоже, текла в том направлении, в котором мы хотели идти, я хотел отправиться с каноэ дальше, но Ньямоана высказал множество возражений, а появление самой Маненко решило вопрос отрицательно. Это была высокая крепкая женщина лет двадцати, отличавшаяся обилием украшений и лекарств, которые, как предполагалось, действуют как талисманы. Ее тело было намазано смесью жира и красной охры для защиты от непогоды - необходимая мера предосторожности, поскольку, как и большинство женщин Балонда, она находилась в состоянии пугающей наготы, не столько из-за отсутствия одежды, сколько из-за своих особых представлений об элегантности в одежде. Прибыв вместе со своим мужем Самбанзой, она некоторое время слушала заявления, которые я делал жителям Ньямоаны, после чего ее муж начал орацию, во время которой с интервалом в две-три секунды набирал немного песка и растирал его по верхней части рук и груди. Это обычный способ приветствия в Лонде; а когда они хотят быть чрезмерно вежливыми, то приносят в куске кожи пепел или трубчатую глину и натирают ею грудь и верхнюю переднюю часть каждой руки; другие барабанят локтями по ребрам, а третьи касаются земли одной щекой за другой и хлопают в ладоши. Когда Самбанза закончил свою речь, он поднялся и показал свои лодыжки, украшенные связкой медных колец. Если бы они были очень тяжелыми, то мешали бы ему ходить; а некоторые вожди носили их так много, что были вынуждены держать одну ногу отдельно от другой, так как их вес доставлял серьезные неудобства при ходьбе. Джентльмены вроде Самбанзы, желающие подражать своим старейшинам, перенимают их походку, вышагивая с несколькими унциями украшений на ногах так же, как если бы у них было вдвое больше фунтов. Когда я улыбнулся походке Самбанзы, люди заметили: "Вот так в этих краях демонстрируют высокую кровь".

"Когда мы возводили сараи в деревне, Маненко, староста, обрушилась на наших друзей и показала нам образец своего умения браниться. Однажды Масико послал Самоану за тканью, которая является обычным способом поддержания полового акта. Получив ее, он вернул ее, потому что она выглядела так, будто на ней было колдовское снадобье. Это был серьезный проступок, и теперь у Маненко был хороший повод для мести, поскольку послы Масико, не спросив разрешения, заночевали в одной из хижин ее деревни. Она яростно набросилась на них, то наступая, то отступая в истинно ораторском стиле, укоряя собственных слуг за допущенное оскорбление, перечисляя недостатки и промахи объектов своего гнева с момента их рождения, а в заключение выражая отчаяние, что они никогда не станут лучше, пока их всех не убьют аллигаторы. Люди Масико молча приняли этот поток оскорблений, и, поскольку ни у нас, ни у них не было ничего съестного, на следующее утро мы расстались. Что касается продажи рабов, то они обещали объяснить Масико, какие отношения существуют между даже самыми ничтожными из его людей и нашим общим

отцом, и что больше нельзя допускать похищений. Мы обещали вернуться через его город, когда будем возвращаться с морского побережья.

"Утром Маненко дала нам немного корней маниока и решила отнести наш багаж своему дяде Синте. Мы уже слышали, что она умеет делать своим языком, и так как ни мои люди, ни я не имели особого желания сталкиваться с этой черной вираго, мы принялись за приготовление посылок; но она сказала, что люди, которых она заказала для этой службы, придут не раньше завтрашнего дня. Я был раздосадован этой задержкой и приказал немедленно погрузить пакеты в каноэ; но Маненко не удалось обойти ее таким образом; она вышла вперед со своими людьми, схватила багаж и заявила, что понесет его, несмотря на меня. Мои люди сдались и оставили меня без сил. Я в полном раздражении двинулся к каноэ, когда она ласково положила руку мне на плечо и с материнским видом сказала: "Теперь, мой малыш, просто делай то, что сделали остальные". Чувство досады, конечно же, исчезло, и я отправился на поиски мяса.

Незнание придворного этикета в диких странах не меньше, чем в цивилизованных, является плодотворным источником опасности или, по крайней мере, неприятностей для путешественника, стремящегося попасть в те круги, которые в газетах туманно называют "избранными". Мистер Стерн, во время своего недавнего путешествия среди фалашей Абиссинии, был однажды проинформирован об этом факте довольно удивительным образом. Завтрак был подан в королевском шатре, и именно во время трапезы наш путешественник едва не лишился того уважения и почтения, которым он пользовался до сих пор. "Согласно абиссинским представлениям, каждый человек, претендующий на патрицианское происхождение, должен подражать звукам, издаваемым неким нечистым животным во время еды. Мое незнание этого элегантно приема (к сожалению, я еще не достиг его) вызвало на меня хмурые взгляды и шепот порицания гостей. Не понимая причины такой неожиданной известности, я спросил, нет ли в моей внешности или поведении чего-нибудь особенного, что вызвало бы критику. "Конечно, - ответили мне, - ваше поведение настолько неджентльменское, что все гости думают, что вы, должно быть, очень низкий человек и совершенно не привыкли к общению в благородном обществе". "И чем же я обязан такому хорошему мнению?" - ответил я. - "Способом, которым вы едите; ведь если бы вы были джентльменом, вы бы показывали чмоканьем губ свое возвышенное положение, к которому принадлежите; но поскольку вы поглощаете пищу таким невнятным образом, все считают, что вы нищий и привыкли есть в той неприязнительной манере, которую притворная бедность побуждает людей принимать". Я заверил их, что любое нарушение этикета должно быть объяснено различием в обычаях моей страны, а не тем низким мотивом, который они приписывали, - извинение, которое вполне удовлетворило самого искушенного придворного в королевском шатре".

В Абиссинии существует постоянный обычай осаждать двери и окна короля в пределах его слышимости, и там, с раннего утра до ночи, взывать к справедливости как можно громче, жалобным тоном и на всех языках, которыми они владеют, чтобы их допустили к выслушиванию их предполагаемых жалоб. В стране, которая так плохо управляется, как Абиссиния, и так вечно вовлечена в войну, легко предположить, что там нет недостатка в людях, которым есть на что жаловаться в связи с реальными обидами и насилием: Но если бы это было не так, это настолько постоянное обыкновение, что когда случается (как в середине сезона дождей), что мало кто может подойти к столице или стоять без нее в такую плохую погоду, обеспечивается, содержится и оплачивается набор бродяг, единственное дело которых - плакать и сетовать, как если бы они действительно были очень сильно ранены

и угнетены; и это, говорят они вам, для чести короля, чтобы он не был одинок, поскольку во дворце слишком тихо. Это из всех их нелепых обычаев больше всего огорчало и беспокоило мистера Брюса. Иногда, когда мистер Брюс был занят в своей комнате в дождливый сезон, туда входило четыре или пять сотен человек, которые все сразу начинали: одни ревели и плакали, как будто им было больно, другие требовали справедливости, как будто они в этот момент страдали или в тот же миг должны были быть преданы смерти, а третьи стонали и рыдали, как будто только что истекли; и эта ужасная симфония была исполнена так искусно, что ни одно ухо не могло различить, что она исходит от настоящего бедствия. Мистер Брюс часто бывал так удивлен, что посылал солдат к дверям, чтобы они привели одного из них, думая, что тот приехал из деревни, чтобы узнать, кто его обидел: часто это был слуга его самого или кто-то другой, одинаково известный; или, если это был незнакомец, на вопрос, какое несчастье с ним случилось, он отвечал очень спокойно, что с ним ничего не случилось, что он спал весь день с лошадьми; что, услышав от солдат у дверей, что мистер Брюс удалился в свои апартаменты. Брюс удалился в свои апартаменты, он и его спутники пришли поплакать и пошуметь под его окном, чтобы оказать ему честь перед народом, опасаясь, что он впадет в меланхолию, будучи слишком тихим в одиночестве, и поэтому надеялись, что он прикажет им выпить, чтобы они могли продолжать в том же духе.

В ходе своих абиссинских странствий упомянутому путешественнику довелось проезжать через место под названием Аренди, которым управляла женщина по имени Ситтина, или Госпожа. Наш путешественник ждал эту высокую и могущественную особу. Когда он вошел в дом, черный раб взял его за руку и поставил в проход, в конце которого находились две противоположные двери. Мистер Брюс не очень хорошо понимал причину этого, но простоял всего несколько минут, когда услышал, как одна из дверей в конце прохода открылась, и появилась Ситтина, великолепно одетая, с круглой шапочкой из чистого золота на голове, очень тонко побитой и усыпанной блестками; на шее у нее было множество золотых цепей, солитеров и ожерелий из того же металла. Ее волосы были заплетены в десять или двенадцать небольших кос, как хвосты, которые свисали ниже талии; поверх них была наброшена обычная хлопчатобумажная белая одежда. На спине у нее висел пурпурный шелковый палантин, или шарф, очень изящный и снова обхватывающий талию, не закрывая плеч и рук. На запястьях у нее были два браслета, похожие на наручники, толщиной около полдюйма, а на ногах - два таких же золотых кандала, диаметром в дюйм, что было самой неприятной и неудобной частью ее одежды. Мистер Брюс ожидал, что она поспешит пройти мимо, изображая удивление. Напротив, она остановилась посреди прохода и очень серьезно сказала: "Кифалец, как поживаете?". Мистер Брюс решил, что это возможность поцеловать ей руку, что он и сделал, не выказав ни малейшего нежелания. "Позвольте мне как врачу, мадам, - сказал мистер Брюс, - сказать одно слово". Она склонила голову и сказала: "Зайдите в ту дверь, и я вас выслушаю". Появилась рабыня и провела его через дверь внизу прохода в комнату, а ее госпожа скрылась за другой дверью наверху, и вот перед ним ширма, которую он видел накануне, и госпожа за ней. Это была женщина лет сорока, ростом выше среднего, с очень круглым пухлым лицом, большим ртом, очень красными губами, прекрасными зубами и глазами, которые он видел; но на вершине носа и между бровями у нее было маленькое пятнышко из сурьмы, четырехугольное, размером с самые маленькие пластыри, которые раньше носили модницы; еще одно, довольно длинное, на вершине носа, и одно посередине подбородка.

"Скажите, что бы вы сказали мне как врач?" "Так и было, мадам, но в связи с вашими вчерашними рассуждениями. Этот тяжелый золотой колпак, которым вы прижимаете волосы, несомненно, является причиной того, что большая их часть выпадает". "Думаю, да; но я простужусь, я так привыкла к нему, если сниму его. Вы человек с именем и семьей в

своей стране?" "И то, и другое, мадам". "А женщины там красивы?" "Самые красивые в мире, мадам; но они так хороши и так превосходны во всех других отношениях, что никто не думает об их красоте и не ценит себя за нее". "И они позволяют вам целовать им руки?" "Я понял вас, мадам, хотя вы меня и ошиблись. В поцелуе рук нет никакой фамильярности; это знак почтения и отдаленного уважения, оказываемого в моей стране нашим государям, и никому другому из землян". "О да! Но королям". "Да, и королевы тоже, всегда на коленях, мадам. С ее стороны это знак милостивого снисхождения в пользу звания, заслуг и благородного поведения; это награда за опасные и трудные услуги, превышающая все другие вознаграждения". "Но знаете ли вы, что никто, кроме вас, не целовал мне руку?" "Невозможно, чтобы я это знал, да и неважно. Я уверен, что это было сделано с уважением, не может вас обидеть и не должно оскорбить". "Разумеется, ни то, ни другое", - ответила Ее Величество, и так закончился ее первый урок этикета цивилизованной жизни.

В другой раз, находясь в окрестностях Синаара, наш путешественник ждал короля; около восьми часов пришел слуга из дворца и сказал мистеру Брюсу, что настало время "принести свой подарок". Он со всей возможной быстротой рассортировал отдельные предметы и отправился прямо во дворец. Король сидел в больших апартаментах, насколько он мог догадаться, на некотором расстоянии от первых. Он был обнажен, но на коленях и вокруг него лежало несколько одежд, а один из слуг натирал его очень вонючим маслом или жиром, с которого капали волосы, как будто смоченные водой. Как ни велика была комната, запах стоял по всей ее площади. Король спросил мистера Брюса, смазывал ли он когда-нибудь себя так же? Мистер Брюс ответил, что очень редко, но ему показалось, что это очень дорого. Тогда он рассказал ему, что это слоновий жир, который делает людей сильными, а кожу сохраняет очень гладкой. Наш путешественник сказал, что считает это очень правильным, но не выносит его запаха, хотя его кожа от его отсутствия должна стать грубой, как у слона. Король ответил, что если бы мистер Брюс пользовался этим средством, его волосы не были бы такими рыжими, как сейчас, и что все они станут белыми, когда эта краснота сойдет. "Вы можете видеть, - продолжал он, - как арабы загоняют сюда давейнов и отбирают у них весь скот, потому что у них больше нет жира для волос. Солнце сначала делает их рыжими, а потом совершенно белыми, и вы узнаете их на улице по тому, что их волосы такого же цвета, как ваши. Что касается запаха, то вы увидите, что он скоро исчезнет".

Обильно натерев его жиром, слуги принесли ему довольно большой рог, а в нем что-то душистое, по консистенции напоминающее мед. Было ясно, что в состав входила циветта. Король вышел за дверь, как полагает мистер Брюс, в другую комнату, и там двое мужчин окатили его кувшинами с холодной водой. Затем он вернулся, и раб помазал его этой сладкой мазью, после чего он сел, как был, полностью одетый, направляясь в апартаменты своей женщины, где ему предстояло отобедать. Мистер Брюс сказал ему, что удивляется, почему он не использует розовую воду, как в Абиссинии, Аравии и Каире. Он сказал, что часто получал ее из Каира, когда приезжали купцы; но так как они уже давно не приезжали, его люди не могли сделать больше, потому что роза не растет в его стране, хотя женщины делают нечто подобное из лимонного цветка.

Проскочив от Абиссинии до Мадагаскара, мы обнаруживаем там "Королевское государство", представляющее собой смехотворную смесь пряничного великолепия и великолепного сумбура. Кстати, возможно, к этому времени здесь все изменилось, поскольку королева, о

которой идет речь в этом описании, недавно умерла: будем надеяться, что так оно и есть. Наше дело, однако, пересказать показания свидетелей - в данном случае мужественной и правдивой Иды Пфиффер.

"Ближе к четырем часам наши носильщики доставили нас во дворец. Над дверью висит большой позолоченный орел с распростертыми крыльями. Согласно установленному здесь этикетом правилу, мы переступили порог сначала правой ногой и, подойдя ко вторым воротам, ведущим в большой двор перед дворцом, соблюли ту же церемонию. Здесь мы увидели королеву, сидящую на балконе второго этажа, и получили указание встать в ряд во дворе напротив нее. Под балконом стояло несколько солдат, которые выполняли различные упражнения, завершая их весьма комичным приемом, который заключался в том, что они внезапно выставляли вверх правую ногу, как будто их внезапно ужалил тарантул.

"Королева была закутана, по обычаю страны, в широкую шелковую симбу, а на голове у нее была большая золотая корона. Хотя она сидела в тени, над головой был поднят очень большой малиновый зонт, что, по-видимому, является одним из пунктов царского положения.

"Королева довольно смуглая, крепкого телосложения, и хотя ей уже семьдесят пять лет, она, к несчастью своей бедной страны, все еще бодр и активна. Говорят, что в свое время она была большой пьяницей, но уже несколько лет назад отказалась от этой пагубной склонности.

"Справа от королевы стоял ее сын принц Ракото, а слева - ее приемный сын принц Рамбоасалама; позади нее сидели и стояли многочисленные племянники и племянницы, другие родственники, мужчины и женщины, а также несколько вельмож империи.

Министр, проводивший нас во дворец, обратился к королеве с краткой речью, после чего мы должны были трижды поклониться и повторить слова "Эсаратсара томбокоэ", что означает "Мы сердечно приветствуем вас", на что она ответила "Эсаратсара", что означает "хорошо". Затем мы повернулись налево, чтобы поклониться гробнице принца Радамы, лежащей в нескольких шагах с одной стороны, тремя такими же поклонами; после этого мы вернулись на прежнее место перед балконом и сделали еще три. Господин Ламберт (сопровождавший мадам Пфиффер) по этому случаю поднял золотой кусок достоинством в пятьдесят франков и вложил его в руки сопровождавшего нас министра. Этот подарок, который должен преподнести каждый незнакомец, впервые представленный при дворе, называется "Моносина". Не принято, чтобы он состоял из пятидесяти франков; королева довольствуется испанским долларом или пятью франками. После вручения золотого куска королева спросила мистера Ламберта, не желает ли он задать ей какой-нибудь вопрос или не нуждается ли он в чем-нибудь; на что он ответил: "Нет". Она также была достаточно снисходительна, чтобы обратиться ко мне и спросить, здоров ли я и избежал ли я лихорадки. После того как я ответил на этот вопрос, мы еще несколько минут смотрели друг на друга, а затем поклоны и приветствия начались заново. Нам пришлось покинуть памятник Радамы, а когда мы возвращались, нам напомнили, чтобы мы ни в коем случае не ставили левую ногу первой за порог".

Королевский дворец Мадагаскара описывается миссис Пфиффер как очень большое деревянное здание, состоящее из первого этажа и двух этажей, над которыми возвышается необычно высокая крыша. Этажи окружены широкими галереями. Вокруг здания стоят колонны, также из дерева, высотой восемьдесят футов, поддерживающие крышу, которая возвышается над ними на сорок футов, опираясь в центре на колонну высотой не менее ста двадцати футов. Все эти колонны, не считая той, что в центре, состоят из одного ствола; Если

учесть, что леса, в которых растут деревья достаточного размера для изготовления этих колонн, находятся в пятидесяти или шестидесяти английских милях от столицы, что дороги нигде не проложены, а в некоторых местах и вовсе непроходимы, и что все колонны доставляются сюда без помощи какого-либо носильного животного или машины, а затем подготавливаются и устанавливаются с помощью самых простых инструментов, то строительство этого места можно с полным правом назвать гигантским предприятием, а само место - причислить к чудесам света. Только на возведение главного столба было затрачено пять тысяч человек, а на его сооружение ушло двенадцать дней.

Все эти работы выполнялись людьми в качестве обязательной службы, за которую они не получали ни зарплаты, ни еды". Мне рассказывали, что за время работ пятнадцать тысяч человек пали жертвами тяжелого труда и отсутствия нормального питания. Но королеву мало беспокоит такое обстоятельство - половина населения могла бы погибнуть, если бы только были выполнены ее высокие приказы.

"Перед главным зданием оставлен красивый и просторный двор. Вокруг него стоит несколько симпатичных домиков, все из дерева. Главное здание фактически необитаемо и содержит только государственные залы и пиршественные комнаты. Слева к более крупному зданию примыкает "серебряный дворец". Свое название он получил от того, что все ванды, которыми украшена крыша, увешаны бесчисленными маленькими серебряными колокольчиками. Рядом с серебряным дворцом стоит памятник королю Радаме - крошечный деревянный домик без окон; этому факту, а также тому обстоятельству, что он построен на постаменте, он обязан своим единственным сходством с памятником".

На Мадагаскаре существует необычный обычай: когда король умирает, все его сокровища в виде золотых и серебряных изделий и других ценностей кладут вместе с ним в могилу. Однако в случае необходимости король может выкопать сокровища. "Насколько я могу судить, - говорит наблюдательная Ида Пфиффер, - так поступали в нескольких случаях".

Та же дама одаривает нас описанием главного национального праздника малагасийцев - "Праздника бани королевы". Он проходит в день Нового года.

"Накануне праздника все высшие офицеры, вельможи и вожди появляются при дворе по приглашению королевы. Они собираются в большом зале; тут же по кругу разносят блюдо с рисом, каждый гость берет в пальцы щепотку и съедает ее. Вот и вся церемония в этот первый вечер.

"На следующее утро та же компания собирается в том же зале. Как только все собрались, королева заходит за занавеску, висящую в углу комнаты, раздевается, и на нее выливают воду. Как только она снова одета, она выходит вперед, держа в руке бычий рог, наполненный водой, которую на нее вылили. Часть этой воды она выливает на собравшуюся компанию. Затем она уходит на галерею, выходящую во двор дворца, и выливает оставшуюся часть на военных, собравшихся там для парада.

"В этот благоприятный день по всей стране не видно ничего, кроме пиров, танцев, пения и ликования, которые продолжаются до поздней ночи. Празднование продолжается в течение восьми дней, начиная со дня купания. У людей есть обычай убивать в этот день столько волов, сколько они могли бы съесть за остальные семь дней; тот, у кого есть хоть один вол, убивает на этом празднике хотя бы одного. Бедняки получают куски мяса в обмен на рис, сладкий картофель, табак и т. д. На восьмой день мясо еще достаточно свежее. Его режут на длинные тонкие полоски, которые солят и укладывают одна на другую. Предварительное празднование праздника происходит за неделю до него и состоит из военных процессий.

После этого поклонники удовольствий начинают свой пир и таким образом веселятся две недели - неделю до праздника и неделю после.

"Солдаты, которых я видел в процессии, доставили мне удовольствие. Они выполняли свои маневры с достаточной точностью, и, вопреки моим ожиданиям, музыка показалась мне не только приятной, но и гармоничной. Оказывается, несколько лет назад королева послала за европейским капельмейстером и полным набором инструментов, и ее достойных подданных приобщали к музыке, вероятно, с помощью палки. Солдаты были одеты просто, аккуратно и совершенно единообразно. На них была плотно облегающая трикотажная рубаша, доходившая до груди и закрывавшая часть поясницы. Грудь была обнажена и прикрыта сверкающими белыми ремнями, поддерживающими патронные ящики, которые хорошо контрастировали с черной кожей солдат. Головы не покрыты. Их вооружение состояло из мушкета и национального копья, называемого *сагайя*".

Согласно тому же авторитетному мнению, при всей удовлетворительности внешнего вида малагасийского солдата, его участь очень тяжела. Он не получает жалованья, и даже полковую одежду ему приходится получать из собственных скудных средств. Чтобы покрыть эти расходы, он вынужден, если он ремесленник, каждый день выпрашивать у своего начальника отпуск на столько-то дней; если же его призвание - работа на ферме, то в определенные дни недели он покидает казарму ради плуга. Солдат же, говорит миссис Пфиффер, желающий получить отпуск, достаточный для того, чтобы содержать себя хоть сколько-нибудь комфортно, должен умиловить своего капитана, отдавая ему часть своего заработка. Офицеры, как правило, немногим богаче солдат. Они, конечно, получают, как и гражданские чиновники, вознаграждение за свои услуги из таможенных доходов; но это вознаграждение настолько мало, что они не могут на него прожить и вынуждены прибегать к другим средствам, не всегда самым честным. По закону очень небольшая часть таможенных доходов должна поступать к простому солдату; но эта сумма так незначительна, что ни простые солдаты, ни офицеры не считают нужным суетиться по этому поводу.

Вот и получается, что незадачливому малагасийскому солдату, который не может найти работу и находится слишком далеко от родной деревни, чтобы получить помощь от своих друзей, грозит голодная смерть. В часы досуга он копошится в деревне в поисках трав и кореньев, с помощью которых и небольшого количества риса ему удастся сохранить жизнь и душу. Рис он бросает в горшок, наполненный водой, и после того как он размокнет, рисовая вода служит ему ужином, а вечером он пирует на промокшем зерне, оставшемся в горшке. Но во время войны, как только он оказывается на вражеской территории, он компенсирует затянувшийся сезон "коротких полей"; он грабит направо и налево и буквально живет на жире земли; долгие тренировки обеспечили ему отличный аппетит; Говорят, что четыре трудоспособных малагасейца способны за четыре дня съесть целого быка, а по окончании пиршества так мало потрудиться, что могут убежать от погони с проворством оленьих гончих.

Однако малагасийскому солдату на войне можно только позавидовать, пока его здоровье остается в порядке и пока ему везет сохранить тушу в целости и сохранности. Его товарищи обязаны заботиться о нем в болезни, но как им это сделать, если они сами ущемлены бедностью и лишены даже самых необходимых вещей? На марше часто случается, что товарищи больного солдата пытаются избавиться от него; не убивая его прямо, а менее милосердно, отказывая ему в еде или воде, чтобы утолить жажду, пока, предпочитая смерть дальнейшим мучениям, он не попросит положить его под дерево и оставить, когда его нежные медсестры с готовностью уступят его просьбам, и он будет оставлен умирать.

Завершим рассказ о королевской власти и ее атрибутах на Мадагаскаре описанием одного придворного бала.

Бал начался вскоре после часа дня и проходил не в апартаментах дворца, а перед зданием, на большом переднем дворе, куда мы были допущены на аудиенцию. Как и в прошлый раз, королева сидела на балконе под тенью своего большого зонта, и мы должны были совершить обычные поклоны ей и гробнице короля Радамы. Однако на этот раз нас не заставили стоять, а предоставили удобные кресла. Постепенно начала собираться бальная компания; среди гостей были вельможи обоих полов, офицеры и их жены, а также певицы и танцовщицы королевы. Дворяне были одеты в различные костюмы, а офицеры - в европейское платье: все были обязаны совершать многочисленные поклоны. Тем, кто явился в костюмах, были предоставлены места, подобные нашим; остальные расположились на корточках, как им было удобно, группами на земле.

"Женщины-танцовщицы королевы открыли бал тоскливым танцем малагасеи. Эти очаровательные создания были закутаны с ног до головы в белый симбус, а на головах у них были искусственные, или, я бы сказал, очень ненатуральные цветы, стоявшие жестко, как маленькие флагштоки; они сбились в группу так, что казались связанными вместе. Часто, проходя мимо балкона королевы или памятника королю Радаме, они повторяли свои приветствия, и так же в конце каждого отдельного танца. После того как женщины-танцовщицы удалились, офицеры исполнили очень похожий танец, только они шли в несколько более быстром темпе, а их жесты были более оживленными, то есть они поднимали ноги довольно высоко, чем исполнители другого пола. Те, у кого были шляпы и фуражки, время от времени размахивали ими в воздухе и издавали резкий вой, призванный изобразить крики радости.

"После офицеров последовали шесть пар детей в причудливых платьях. Мальчики были одеты в старые испанские костюмы или в костюмы пажей и выглядели вполне прилично; но девочки были совершенными пугалами. На них были старомодные французские костюмы - большие, тугие подъюбки, с короткими лифами, а головы были усыпаны страусовыми перьями, цветами и лентами. После того как эта маленькая обезьянья компания исполнила несколько полонезов, шотландских танцев и контрдансов, показав, вопреки моим ожиданиям, немалое мастерство, они низко поклонились и удалились, освободив место для более многочисленной компании, мужчины которой были одеты в старые испанские, а женщины - в старые французские костюмы.

"Всеми этими разнообразными костюмами распоряжается королева, которая обычно черпает свои идеи из фотографий или гравюр, попадающих ей на пути. Дамы добавляют к костюму, предписанному королевской властью, все, что подскажет их собственный вкус и изобретательность, обычно проявляя большую смелость и оригинальность в сочетании цветов. Я дам читателям представление о том, что представляют собой эти костюмы, описав один из них.

"Платье было из голубого атласа, с каймой оранжевого цвета, поверх которой шла широкая полоса атласа ярко-вишневого цвета. Тело, также из атласа, с длинной юбкой, сияло серным оттенком, а поверх него была накинута светло-морская зеленая шелковая шаль. Голова была усыпана искусственными цветами, страусовыми перьями, шелковыми лентами, стеклянными бусами и всевозможными украшениями, так что волосы были полностью скрыты - не то чтобы красавица много потеряла от этого, но я пожалел ее за ту ношу, которую ей пришлось нести.

"Костюмы других дам демонстрировали такие же контрасты в цвете, а некоторые из этих со вкусом подобранных платьев были усовершенствованы еще одним приемом изобретательности: они были увенчаны высокими коническими шляпами, очень похожими на те, что носят тирольские крестьяне.

"Компания, состоящая исключительно из высшей аристократии, исполняла различные европейские танцы, а также сегу, которую малагасейцы считают своим родным танцем, хотя на самом деле она происходит от мавров. Фигуры, шаги и музыка сеги настолько приятны, что, если бы его однажды завезли в Европу, он не мог бы не стать повсеместно модным.

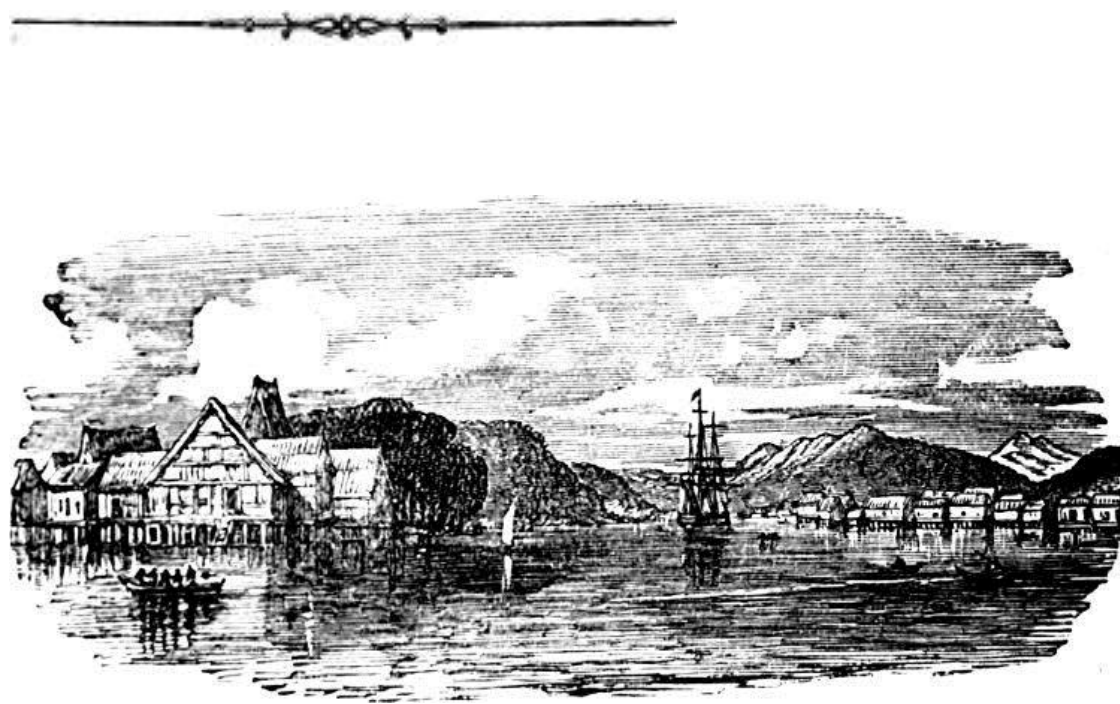
Малагасейский бал.

"Этот прекрасный танец далеко не завершил бал. После короткой паузы, во время которой не было предложено никаких угощений, во двор вышла *элита* компании, состоящая из шести пар. Среди кавалеров были принц Ракото, два Лаборда, отец и сын, два министра и генерал, а среди дам - принцессы или графини. Кавалеры были одеты в старинные испанские костюмы, за исключением принца Ракото, который был одет в маскарадный

костюм, подобранный с таким вкусом, что мог бы с блеском появиться на любом балу при европейском дворе. На нем были брюки из темно-синего сукна в полоску по бокам, что-то вроде свободного камзола из бархата бордового цвета, украшенного золотыми полосками и тончайшей вышивкой, и бархатная шапочка того же цвета с двумя страусовыми перьями, скрепленная золотой брошью. Все платье сидело так хорошо, а вышивка была так хороша, что я подумал, что господин Ламберт, должно быть, взял с собой в Париж мерки принца и что одежда была сшита там; но это было не так. Все, за исключением материала, было приготовлено в Тананариве - доказательство того, что если жители Мадагаскара и лишены изобретательности, то они очень ловко подражают представленным им образцам.

"Эта группа танцоров выглядела гораздо эффектнее своих предшественников, поскольку все дамы и кавалеры были одеты гораздо более со вкусом, чем остальные члены труппы. Они исполняли только европейские танцы.

"Все эти празднества, длившиеся три часа, не потребовали от королевы ни малейших затрат. Двор стал танцевальной площадкой, солнце освещало ее, и каждый гость мог взять с собой все угощения по своему усмотрению, когда *возвращался домой*. Счастливая королева! Как искренне ей завидуют многие наши устроители балов!"

Борнео.

ГЛАВА XIX.

Утверждение раджи даяков - визит к грунгам - танцы даяков - визит капитана Холла в Кореа - вождь на борту "Лиры" - развлечение за свой счет - вождь теряет самообладание - брак дочери короля Финоу - брачные церемонии - мумификация короля - череп короля Джона - траур бушмена.

На Борнео правящей властью является султан, которому помогают в управлении "раджи", "пангераны", "бандары" и многие другие, чьи титулы столь же невразумительны для нас. Каждый из этих мелких правителей, однако, похоже, абсолютно властвует над людьми, находящимися под его непосредственной опекой; и при их назначении соблюдается множество церемоний. Сэр Джеймс Брук, сам раджа, однажды присутствовал на выборах трех из этих мелких правителей.

У даяков все советы делятся на *горячие* и *холодные* - мир, дружба, добрые намерения относятся к последним; война и т. д. - к первым. Горячий совет обозначается красным цветом, а холодный - белым. Так во всем они проводят это различие; и, поскольку общественный зал является местом для военных советов и военных трофеев, он в высшей степени горяч и непригоден для дружеской конференции. Поэтому рядом с домом Оранг Кайя был возведен навес, где и должна была состояться церемония. "Около девяти часов вечера мы пришли на место; зазвучала громкая музыка, варварская, но не неприятная, и мы заняли свои места на циновках среди наших друзей-даяков. Готовился пир, и каждый гость (если я могу назвать их таковыми) принес свою порцию риса в бамбуках и положил ее на общий стол. Когда одна партия гостей подходила за другой, неся свои горящие поленья, эффект был очень хорошим; и они продолжали прибывать, пока место и его окрестности не оказались буквально забиты людьми. Посредине поставили большой старинный ящик для сирихов, и я внес в него этот величайший из предметов роскоши - табак.

"Пиршество тем временем готовилось, и некоторые из главных людей были заняты подсчетом числа тех, кто должен был есть, и делением бамбука на точно равные порции для каждого человека. Каждому человеку было выделено около шести дюймов, и деление заняло очень много времени, так как они удивительно точно определяют размер и количество для каждой доли. Однако, когда бамбуки с рисом были, наконец, удовлетворительно разложены, Оранг Кайя принес в качестве своей доли большой таз, наполненный соусом, состоящим из соли и чилиса, и небольшой запас сладостей, после чего началась следующая церемония его посвящения:

"Куртка, тюрбан, набедренная повязка и крис (все белого цвета) преподносились вождям в знак *sejiek dingin*, или холода (*т.е. добра*). Затем вождь вставал и, взяв белую птицу и размахивая ею над яствами, повторял почти следующие слова [Начало, однако, достаточно любопытно, чтобы на нем остановиться: оно представляет собой своего рода заклинание, начинающееся с фразы "Самунгут Самунги". Самунгут - малайское слово, Самунги означает то же самое на даякском языке; точное значение трудно понять, но здесь оно понимается как некий главный дух или состояние, которое есть в людях и вещах. Так, даяки, укладывая рис во время сбора урожая, делают это с большой осторожностью из суеверного предчувствия, что самунги из пади сбежит. Теперь они называют этот принцип присутствующим в людях, свиньях (их любимом животном), пади и фруктах. В частности, они называли мой самунги, самунги моих предков, пангеранцев с Борнео, датов и их предков, а также предков их собственного племени. Они призывают их - то есть их самунги - присутствовать. Затем они призывают Джовату исполнить их молитву о том, чтобы великий человек из Европы и датусы

могли удерживать правительство в течение длительного времени]: "Пусть правительство будет холодным (хорошим). Пусть в наших домах будет рис. Пусть будет убито много свиней. Пусть у нас родятся дети мужского пола. Пусть созреют фрукты. Пусть мы будем счастливы, а наши блага изобильны". Мы объявляем себя верными великому человеку и Датусу; что они пожелают, то мы и сделаем, что они прикажут, то и будет нашим законом". Сказав это и многое другое, ведущий малаец взял птицу и повторил последние слова, в то время как другие повязали полосы белой ткани вокруг голов всех собравшихся. Затем птицу убивали, кровь выливали в бамбук, и каждый человек, обмакнув палец в кровь, касался своего лба и груди в знак верности. Птицу уносили, чтобы приготовить, а когда ее возвращали, клали вместе с остальными блюдами, и начинались танцы. Вождь, выходя вперед, издавал громкий крик, заканчивающийся на "иш", который часто повторялся во время танца. Он поднял руку ко лбу и, взяв блюдо, начал танцевать под оживленную музыку. Три других старых вождя последовали его примеру, каждый из них произнес крик и сделал приветствие, но не взял блюдо. Они танцевали с вытянутыми руками, часто поворачивая корпус, делая очень маленькие шаги и едва поднимая ноги от земли. Таким образом они поворачивались взад и вперед, входили и выходили во внутренние помещения, часто повторяя крик и приветствие в мой адрес. Блюдо тем временем переходило от одного к другому; разнообразия было мало, жестикуляции не было, насилия не было, и хотя в грации не было недостатка, движения были отнюдь не интересны. Начался танец над пиршеством, и все происходило с большой серьезностью и пристойностью. Я покинул их вскоре после того, как они начали есть, и удалился, очень усталый, в свою постель, или, скорее, на свою доску, потому что сидеть скрестив ноги в течение нескольких часов - это, конечно, большое несчастье".

Сэр Дж. Брук в компании с современным писателем о нравах и обычаях Борнеи мистером Сент-Джоном в другой раз нанес церемониальный визит вождю грунгов, и результаты этого визита достойны хроники.

"Мы обнаружили, что деревня переполнена представителями всех соседних племен; длинные вереницы мужчин, женщин и детей постоянно прибывали по мере нашего приближения. Как только мы взобрались на дерево с зарубками, служившее лестницей в дом оранг-кайя, мы обнаружили, что больше не являемся свободными агентами. Толпа старух мгновенно схватила нас, сняла с нас туфли и чулки и принялась энергично мыть ноги: эта вода сохранялась для удобрения полей. Затем нас провели на платформу, слегка приподнятую над полом, и попросили сесть, но циновки были настолько грязными, что мы с трудом заставили себя сделать это - возможно, единственный раз, когда нам это пришлось в голову; обычно циновки очаровательно опрятны и чисты. Прибытие наших постельных принадлежностей избавило нас от этой трудности.

"Нас окружала плотная масса мужчин, женщин и детей, которые, казалось, говорили все разом; на самом деле, было видно большее волнение, чем я наблюдал раньше. Мы должны были делать так много вещей, и почти все сразу, - рассыпать рис, поливать водой каждого ребенка, которого нам представляли, пока силой примера женщины и даже мужчины не стали настаивать на том, чтобы церемония была проведена и с ними.

"Наконец тишина восстановилась, и Касим в длинной речи объяснил цель визита капитана Брука. Он говорил по-малайски, время от времени перемежая его фразами даяков - я говорю по-малайски, но по-малайски, который используется только при обращении к аборигенам, - заменяя и изменяя слова, меняя произношение, пока я не обнаружил, что некоторые были обмануты, поверив, что это настоящий язык даяков. Для этих людей это то же самое, что лингва франка для Западной Азии".

"Мы получили небольшую передышку, пока ели наш ужин; но как только мы закончили, нас снова окружили. Жрицы этого места были особенно активны, повязывая маленькие колокольчики вокруг наших запястий и анкил и принося рис, чтобы мы - как бы это объяснить? - фактически плевали на него, и это лакомство они проглатывали. Не успевали эти ученые женщины насытиться, как родители приводили своих детей и настаивали на том, чтобы их физиотерапию проводили таким же образом, заботясь о том, чтобы и самим получить полную порцию. Одна ужасная старуха приходила шесть раз.

"Оранг Кайя вышел вперед, и все собравшиеся внимательно слушали, что он собирается сказать. Он подошел к окну и высыпал несколько зерен, а затем начал своеобразную молитву с просьбой о хорошем урожае, о плодородии для женщин и о здоровье для всех них. Во время всего заклинания он продолжал разбрасывать рис. Сначала люди были очень внимательны, но вскоре многоголосый ропот почти заглушил голос старика. Он не казался очень серьезным, но повторял то, что хотел сказать, как будто повторял хорошо запомнившийся, но малопонятный урок; на самом деле, говорят, эти заклинания написаны словами, непонятными даже самим даякам - возможно, они на каком-то индийском языке. Затем было расчищено место для танцев; старый оранг-кайя и старейшины начали, а за ними последовали жрицы. Они последовательно подходили к нам, проводили руками по нашим рукам, сжимали ладони, а затем, издав вопль или протяжный крик, уходили медленным размеренным шагом, двигая руками и кистями в унисон с ногами, пока не до конца дома и не возвращались к тому месту, где мы сидели; затем снова сжимали ладони, делали еще несколько пассивов, чтобы вытянуть из нас добродетель, снова вопили, и снова уходили; в одно время танцевало не менее сотни человек. Лишь немногие из молодых людей присоединились к тому, что в данном случае выглядело священным танцем.

"Три ночи мы почти не спали из-за этих церемоний, но наконец, несмотря на грохот гонга и удары барабана, мы опустились в свои постели и вскоре крепко уснули. Возможно, через пару часов я проснулся; мой спутник все еще беспокойно спал; грохот стоял оглушительный, и я приподнялся, чтобы оглядеться. Злополучное движение! Меня тут же схватили за руки два жреца и подвели к оранг-кайя, который неторопливо перерезал горло птице. Он хотел, чтобы капитан Брук совершил следующую церемонию, но я возразил, что его нужно разбудить, и предложил сделать это за него. Меня отвели в самый конец дома и дали в руки истекающую кровью птицу; держа ее за ноги, я должен был ударить по перекладинам дверей, окропив каждую из них небольшим количеством крови. Когда все было закончено, я должен был помахать птицей над головами женщин и пожелать им плодородия, над детьми - здоровья, над всеми людьми - процветания, а также высунуться из окна и призвать их к хорошему урожаю. Наконец я добрался до своих циновок и сел, готовясь ко сну, когда эта ужасная старуха вывела вперед другой отряд своего пола, чтобы возобновить лечение: к счастью, их было немного, и, отпустив их танцевать, я снова заснул и, несмотря на все шумы, пробыл так до утра".

Когда в 1818 году капитан Бэзил Холл предпринял то, что в те времена считалось грандиозным предприятием, - путешествие к побережью Кореи и большому острову Лоо-Чу, - в первом месте его принимал правитель с таким выдающимся характером, что это дало ему право занять место среди немногих и, следовательно, редких образцов королевской власти дикарей, которые представлены на этих страницах. Следует понимать, что корабль капитана Холла, "Альцест", бросил якорь у Кореа и утром отправил шлюпку на берег, чтобы прощупать путь к более близким отношениям.

"Любопытство туземцев было уже возбуждено; все лодки были переполнены людьми и украшены многочисленными флагами и серпантинном; но одна из них выделялась большим

синим зонтом, и мы направились к ней, полагая, что это эмблема ранга, в чем нас вскоре убедили звуки музыки, которая играла только на борту этой лодки. Подойдя ближе, мы увидели прекрасную патриархальную фигуру, сидящую под зонтом; его полная белая борода покрывала грудь и доходила ниже середины; его мантия или одеяние из голубого шелка огромного размера струилось вокруг него в великолепном стиле. Его шпага была подвешена к поясу на небольшом ремне, а знаком отличия его должности был тонкий черный жезл с серебряным наконечником, длиной около полутора футов, с небольшим кожаным шнурком на одном конце и куском черного крапа, привязанным к другому; этот жезл он держал в руке. Его шляпа превосходила по ширине ободка все, что нам доводилось встречать, и была, как мы предполагали, почти три фута в поперечнике. Старый вождь знаками выразил желание отправиться на корабле. Мы, соответственно, поплыли к "Лире", которая лежала ближе к берегу, чем "Альцест". Когда лодка вождя оказалась в десяти ярдах от брига, они бросили якорь и закинули на борт веревку, за которую очень по-морскому подтянули лодку к борту. Старику было нелегко взобраться на борт корабля, обремененному своими великолепными одеждами; однако не успел он подняться на борт, как мы были переполнены туземцами, которые обступили нас со всех сторон. Одни забрались на такелаж, чтобы открыть вид на квартердек, другие забрались на пуп, и вдоль сетки-гамака образовалась линия от одного конца брига до другого. Поскольку вечер был прекрасный, было решено развлекать почтенного вождя на палубе, а не заставлять его спускаться в каюту, которая, как мы опасались, окажется слишком маленькой для вечеринки. На палубе были расставлены стулья, но вождь сделал знак, что не может сидеть на стуле, и не согласился на время воспользоваться своим ковриком, который принес на борт один из его сопровождающих. Он выглядел смущенным и недовольным, чего мы в тот момент не могли объяснить, хотя впоследствии нам пришло в голову, что он возражал против огласки конференции. Однако в конце концов он сел на свою циновку и начал говорить с большой серьезностью и спокойствием, ни в малейшей степени не подавая виду, что мы не понимаем ни слова из того, что он говорит. Тем временем толпа туземцев увеличилась, и их любопытство стало настолько велико, что они теснились вокруг нас в малопривлекательном виде. Некоторые из них бродили по кораблю и, казалось, были в восторге от всего, что видели. Сам вождь, однако, не выглядел спокойным, а продолжал отдавать указания своим офицерам и окружающим его людям с нетерпением. Он не раз приказывал им всем сесть в лодки, но они всегда возвращались через несколько минут. Один человек упорно пытался перелезть через гамаки поближе к вождю, чтобы посмотреть, что происходит; шум, поднятый, чтобы удержать его, привлек внимание вождя, который немедленно отдал приказ одному из сопровождающих, чтобы его увели: о том, какова была его судьба, мы увидим дальше. Уже почти стемнело, когда вождь отдал распоряжения о подготовке лодок, а заодно и двум своим помощникам, чтобы те помогли ему подняться на ноги. Каждый из них взял его за руку, и таким образом ему удалось подняться, что не преминули заметить люди и с величайшей готовностью запрыгнули в свои лодки, а вождь, после многочисленных поклонов и приветствий, сел в свою лодку. Это не доставило ему столько хлопот, сколько он испытал, поднимаясь на борт, так как для его размещения во время визита был приготовлен помост из решеток и досок, и он был очень доволен. Пока все шло хорошо, но все же что-то было не так, потому что старик, сидя в торжественной обстановке под зонтиком, оставался рядом, а его сопровождающие стояли на палубе вокруг него, он и его люди хранили совершеннейшее молчание и не делали никаких знаков, чтобы объяснить. Мы долго ломали голову, пытаясь понять, чего хочет старый джентльмен, но в конце концов предположили, что, нанеся нам визит, он ожидает ответного комплимента. Не успели мы высказать эту мысль, как тут же отправились выражать ему свое почтение в его лодке. Он сделал нам знак сесть, удостоив нас в то же время углом своей циновки. Когда мы уселись, он огляделся, как бы сокрушаясь, что ему нечем нас

развлечь, и тогда за ним послали и дали бутылку вина. Он приказал слуге разлить его в несколько чаш и, оставив бутылку, сделал нам знаки пить, но сам не стал пробовать, пока все не были обслужены. Он ничуть не расстроился из-за того, что вынужден развлекать свою компанию за свой счет; напротив, он вел себя так весело и непринужденно, что мы иногда подозревали, что он видит и наслаждается странностью сцены и обстоятельств так же полно, как и мы сами. Посидев минут десять, мы оставили начальника в прекрасном настроении и вернулись на борт, думая, конечно, что он сразу же отправится на берег; но в этом мы ошиблись, так как не успели мы его оставить, как он отплыл на расстояние десяти или двенадцати ярдов и, созвав вокруг себя остальные лодки, отдал приказ применить дисциплину бамбука к несчастному виновнику, которого приказали посадить в тюрьму на время конференции. Это зрелище, свидетелями которого мы, очевидно, должны были стать, произвело весьма нелепый эффект, поскольку оно настолько соответствовало остальным частям церемонии и проходило с такой серьезностью и порядком, что выглядело как неотъемлемая часть этикета. Во время исполнения этого наказания все присутствующие хранили глубокое молчание, за исключением пяти-шести человек, находившихся рядом с провинившимся, чьи крики сопровождалась песней или воплями при каждом ударе бамбука. Такое быстрое исполнение правосудия, несомненно, должно было произвести на нас впечатление в плане корейской дисциплины. Поскольку уже стемнело, мы не ожидали, что вождь нанесет еще какие-либо визиты в этот вечер; но мы недооценили его вежливость, поскольку в тот момент, когда вышеописанная сцена завершилась, он направился к "Альцесте". Он был в прекрасном расположении духа и, казалось, был развлечен стараниями, которые прилагались, чтобы угодить ему. Он попросил взглянуть на зеркало, которое привлекло его внимание. Когда оно было передано ему в руки, он, казалось, был очень доволен своей фигурой и некоторое время продолжал дергать бороду из стороны в сторону с видом совершенного самодовольства. Один из слуг решил, что нет ничего плохого в том, чтобы тоже посмотреться в зеркало, но шеф был другого мнения и, не заметив, что тот делает, сердито заставил его опустить стекло и выйти из каюты. Секретарь тоже попал под его неудовольствие, и его отчитали со всей строгостью за то, что он не заметил нашу бумагу, когда мы писали. Не прошло и пяти минут, как он не нашел повода для жалобы на своих людей; но мы не могли определить, было ли это вызвано простой придирчивостью или сделано, чтобы дать нам более высокое представление о его последствиях, потому что в промежутках он был весь весел и добродушен. Ему предложили чай и вишневый бренди, которые он принял вместе с нами, и во всех отношениях казался в своей тарелке. Нам показалось, что он сделал знаки, означающие желание, чтобы мы посетили его на берегу; мы с радостью согласились, и утром договорились о высадке на берег с помощью таких же знаков, чем вождь, похоже, был очень доволен и поднялся, чтобы уйти. Однако не успел он отойти от двери каюты, как спокойствие его нрава было вновь нарушено. Проходя мимо люка орудийной рубки, он услышал голоса нескольких своих людей, которых офицеры увели вниз и которые очень весело проводили время среди своих новых знакомых. Старый вождь посмотрел вниз и, заметив, что они пьют и шумят, обратился к ним громким страстным голосом, отчего те в ужасе бросили свои бокалы и побежали вверх по лестнице. Оттуда тревога распространилась по нижней палубе до койки мичманов, где веселилась другая компания. Слишком крепкий напиток и вино, которыми они развлекались, оказались слишком сильными для этой компании, что, похоже, не слишком заботило старого начальника, который, расположившись у люка, лично выяснил, кто является нарушителями. В этот раз ему очень пригодился его маленький жезл : он толкал им людей, чтобы заставить их говорить, и поворачивал их, чтобы разглядеть лица. Один человек, уловив удобный момент, когда вождь бил кого-то, кто только что подошел, проскользнул мимо и убежал; но быстрый глаз старика было не так легко обмануть, и он пустился за ним в погоню по

квартирку. У парня был фартук, набитый печеньем, которое ему дали мичманы; это мешало ему бежать, так что начальник, не обращая внимания на его мантию, наконец настиг его; но пока он мешал ему своим жезлом, парень сунул свой груз хлеба в моток веревки, а затем спокойно пошел за начальником. После этого старик вернулся и нашел печенье, на которое указал нам, чтобы показать, что его не унесли. Некоторое время он оставался у люка, ожидая появления новых людей, но, не обнаружив никого, спустился на главную палубу, порылся под пушками и вокруг горт-мачты, чтобы выяснить, не спрятался ли кто, но, не обнаружив там никого, вышел на палубу и вскоре перебрался в свою лодку".

Читатель уже познакомился с королем Финою; вот некоторые дополнительные сведения о нем и о его дворе в связи с замужеством его дочери. У него было три дочери, старшая из которых, около восемнадцати лет, была давно обручена с Тойтонгой, и, выразив желание, чтобы брак состоялся, Финою отдал приказ о необходимых приготовлениях. Туитонга было уже около сорока лет. Здесь будут описаны подробности брака этого вождя, который несколько отличался от браков других вождей.

Молодую женщину обильно помазали маслом какао-ореха и надушили сандаловым деревом, а затем одели в самые лучшие циновки с острова Мореплавателей, из тончайшей ткани и мягкие, как шелк. Вокруг нее было намотано столько этих дорогих циновок, возможно, более сорока ярдов, что ее руки торчали из тела нелепым образом, и она не могла, строго говоря, сесть, а была вынуждена сгибаться в полусидячей позе, опираясь на своих служанок, которые были вынуждены снова поднимать ее, когда ей это требовалось. Молодая девушка, около пяти лет, также была одета подобным образом, чтобы быть ее непосредственной и особой помощницей; четыре другие юные девы, около шестнадцати лет, также были ее помощницами, и были одеты почти так же, но не с таким количеством циновок. Леди и ее пять сопровождающих были в полной готовности и направились к марли Тойтонга, который ожидал их прибытия вместе с несколькими другими вождями, перед которым сидели два матабуле. Прибыв, дама и ее сопровождающие расположились на зеленом поле перед Тойтонгой. По прошествии некоторого времени в круг вошла женщина с лицом, закрытым белым гнатоо; она вошла в дом марли и направилась к верхней части, где сидела другая женщина в ожидании с большим рулоном гнатоо, деревянной подушкой и корзиной с бутылками масла. Женщина, чье лицо было скрыто, взяла у другой гнату, завернулась в нее и, положив голову на деревянную подушку, уснула или сделала вид, что уснула. Не успел он это сделать, как Тойтонга поднялся, взял свою невесту за руку, ввел ее в дом и усадил по левую руку от себя. В круг марли внесли двадцать запеченных свиней, и несколько опытных поваров вошли с ножами (купленными на европейских кораблях; раньше они пользовались бамбуковыми), чтобы испытать свое умение разделять с быстротой и ловкостью, что считается большой рекомендацией. Значительная часть была разделена между вождями, каждый взял свою порцию и положил ее в грудь.

По сигналу остатки свинины складывали в кучу и посылали на поиски. Женщина, которая лежала, накрывшись гнатоо, поднялась и ушла, прихватив с собой гнатоо и корзину с бутылками масла. Затем Тойтонга взял свою невесту за левую руку и повел ее в свое жилище, за ней следовали маленькая девочка и остальные четверо сопровождающих. Теперь люди разошлись каждый к своему дому. Прибыв с невестой в свое жилище, Туитонга проводил ее в отведенный для нее дом, где оставил, чтобы с нее сняли циновки и надели ее обычное платье, после чего она развлекалась беседой с женщинами. Тем временем к вечеру был приготовлен пир: свиньи, птицы, ямс и т. д., а также кава. Все это было приготовлено на марли, где с наступлением сумерек, под председательством Тойтонги, компания уселась за стол, чтобы получить свои порции, которые большинство оставило себе, чтобы забрать

домой; низшие же, у которых было лишь небольшое количество, съели свои на месте. После этого кава была разделена и выпита. Затем музыканты (если их можно так назвать) уселись в нижней части кольца, напротив Тойтонги, в центре круга из факелов, которые держали мужчины, также державшие корзины с песком для сбора пепла. Музыкальный инструмент состоял из семи или восьми бамбуков разной длины и размера (от трех до шести футов в длину), чтобы издавать, держа за середину и ударяя одним концом о землю, различные ноты в соответствии с задуманной мелодией (все узлы вырезались из бамбука, а один конец затыкался мягкой древесиной). Единственным другим инструментом был кусок расщепленного бамбука, по которому человек ударял двумя палочками, по одной в каждой руке, чтобы регулировать время. Музыка служила аккомпанементом к танцам, которые продолжались довольно долго. Когда танцы закончились, один из матабулов обратился к компании, произнес нравоучительную речь на тему целомудрия. Затем компания встала и разошлась по своим домам. Невеста не присутствовала на этом развлечении. Прибыв в свой дом, Тойтонга послал за невестой, которая немедленно повиновалась. Как только они удалились вместе, свет был погашен, и человек, назначенный для этой цели у двери, объявил об этом людям тремя ужасными криками (похожими на боевой клич), за которыми сразу же последовали громкие и многократные звуки конча.

За точность следующего описания австралийского монарха отвечает мистер У. Х. Р. Джессоп: - "Король Джон - вождь великого племени.

"Король Джон, вождь великого племени аделаидов, процарствовав много лет к удовольствию своих многочисленных подданных, заболел и умер. Его тело не похоронили, как это полагалось бы обычному человеку, а выпотрошили, тщательно вымыли и связали, как птицу. Затем возвели треугольник, похожий на костер гипси, и благоговейно подвесили его к нему. Над всем этим из зеленых веток и травы соорудили скинию, по форме напоминающую пчелиный улей. Под покрытыми таким образом останками разжигали медленный огонь - настолько медленный, что он мог гореть три недели и не поглотить тело; против этой беды принимали все меры предосторожности, наблюдая за ним днем и ночью.

"Тем временем собрались подданные покойного монарха, каждый из которых нес в руке раковину, и столпились вокруг загона, где жарилось тело. Затем последовала церемония, слишком ужасная для подробного описания. На нее можно лишь намекнуть. Как и все тела животных, подвергающиеся действию огня... раковины, похожие на блюдца, которые держали внизу... которыми каждый субъект помазывал кончик своего языка!

"Ну, а когда тело было должным образом окурено и, насколько это было возможно, мумифицировано, послушные *лубрасы* короля спустили его вниз, тщательно завернули и в течение трех месяцев с помощью отрядов помощи носили его туда и обратно по всей длине и ширине владений покойного короля. Обойдя все границы, они возвращаются в штаб-квартиру и, выбрав там подходящее и высокое эвкалиптовое дерево, осторожно и крепко усаживают старика в развилке самого верхнего сука. Но он может замерзнуть, так как они не верят в его смерть, пока его тело можно увидеть, поэтому они строят над ним небольшой шатер из веток и травы, а затем оставляют его на произвол судьбы".

В одной из предыдущих частей книги мистера Джессопа (Стертленд и Флиндерленд) упоминается некий "король Джон", владелец черепа удивительной толщины, который был помещен в качестве естественной диковинки в "офис" на станции Стертленд. Существовали ли два монарха с таким именем, или это настоящий череп короля Аделаиды, выпавший из гнезда на эвкалиптовом дереве, неизвестно, но поскольку последний монарх славился проницательностью и умом, вполне вероятно, что толстый череп принадлежал ему. "О его

доблести и трудностях его положения, - пишет мистер Джессоп, - его череп - это долговечный памятник, более прочный, чем латунь или камень, - высеченный искусством или человеческим приемом". "На нем я насчитал четырнадцать углублений, в каждом из которых покоился бы мрамор, - все вмятины, сделанные палками или дубинками врагов, с которыми он сталкивался".

Как уже говорилось, плебейский бушмен не получает ни одной из погребальных почестей, воздаваемых королю. Когда он подает признаки того, что его покидает призрак, друзья выносят его из хижины, и один из них кладет его прямо на землю, как будто он уже мертв, с руками на боку и ногами близко друг к другу. Затем друг умирающего начинает то, что для постороннего наблюдателя может показаться чем-то вроде месмерического процесса: он гладит пациента с головы до ног, осторожно проводя руками по всей длине тела, а когда доходит до конечностей, делает вид, что что-то выбрасывает. Когда это продолжается положенное время, он поднимает камни и бросает их с гневными жестами в какого-нибудь воображаемого духа, но не для того, чтобы прогнать того, кого он только что изгнал, а чтобы отогнать главного злого духа, который всегда под рукой, чтобы отнять у бушмена жизнь, когда он настолько ослаблен болезнью, что не в силах за нее ухватиться.

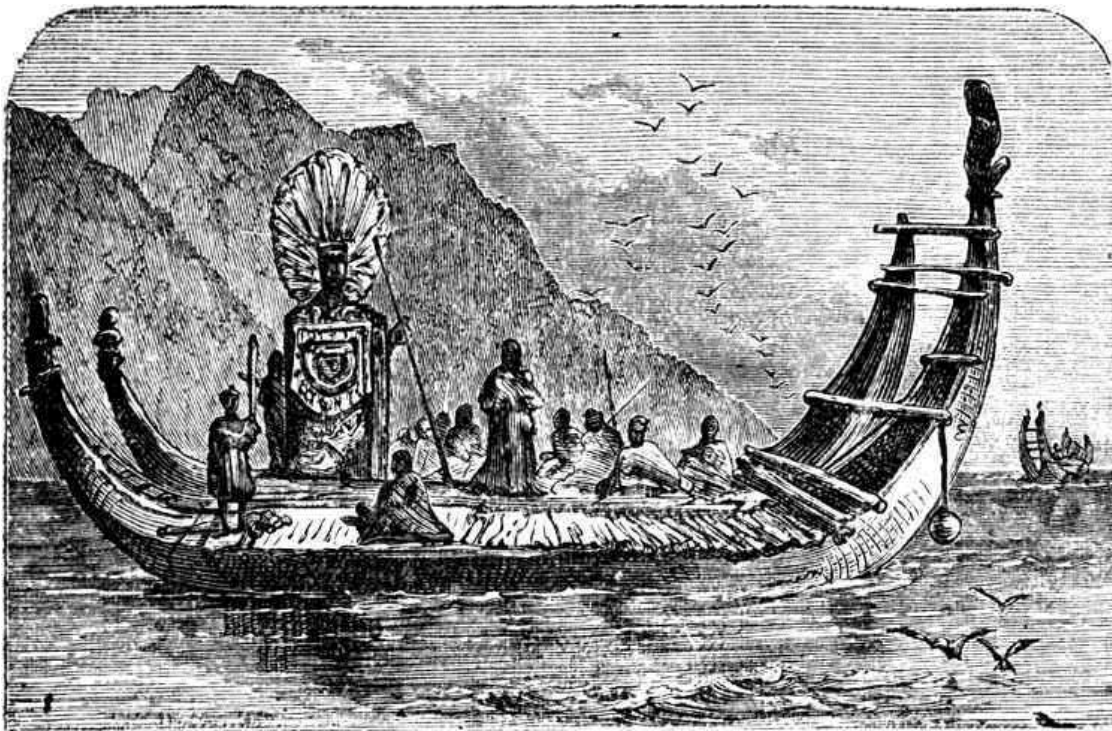
Если он выздоравливает, то все хорошо; но если он умирает (а это более чем вероятно), его заворачивают в свой коврик из опоссума по примеру мумии, обматывая веревки вокруг тела от шеи до ног; а когда его кладут в могилу, на него кладут камни, пока они не достигнут поверхности земли. В некоторых случаях, однако, тело хоронят вертикально, в согнутой или сидячей позе. Могила, как и следовало ожидать, имеет овальную или эллиптическую форму; но что очень примечательно, тело, когда его кладут прямо, всегда обращено ногами на восток, а головой на запад, как бы приветствуя восходящее солнце.

Траур, похоже, является очень распространенным обычаем среди всех туземцев, и они демонстрируют своим принятием почти одинакового способа общую связь, которая редко проявляется в других их способах и действиях. Есть две моды, которые лидируют над всеми остальными: в одной используются красный и синий цвета, а в другой - белый. Эти цвета наносятся на лицо полосами различной формы, что сильно напоминает татуировку новозеландцев; но иногда они наносятся таким образом, что нос наполовину одного цвета, а наполовину другого.

Говорят, что женщины ограничивают свои проявления скорби только цветом, но мужчины доводят свои знаки скорби до того, что замазывают голову белой глиной, которую их уважение не позволяет им снять; только время способно смягчить их скорбь, раскрошив ночной колпак на куски. Поскольку женщины работают или охотятся, добывая пищу, в то время как мужчины целыми днями сидят в вюрли, этот избыток боли и горя, вероятно, не более чем избыток лени, тем более что он длится от одного до двух месяцев за раз. Красная земля, или руддл, встречается только в одном месте на севере страны, где-то возле ущелья в хребте Хейворд. Она очень знаменита, и ее ищут все племена, живущие далеко и близко; и хотя эти племена враждебны друг другу, и в любом другом случае их встреча означала бы драку, как у североамериканских индейцев с их "каменоломней", равнина Раддл - нейтральная земля, на которой враги бушменов могут встречаться и копать в согласии.

Оружие австралийцев.

Полинезийское военное каноз.

ЧАСТЬ VIII.

Доктор медицины Сэвидж.

ГЛАВА XX.

Полинезийские хирурги - Фигианское лечение - Фигиан, потерпевший кораблекрушение -
 Саамские священники и врачи - Саамская физика - Полинезийские изготовители болезней -
 Намаканская жестокость - Оставленные умирать - Дикарская арифметика - Бартеринг за

овец - Абиадионги - Пауни - Доктор медицины.D. - Индийская пила - медицинский танец - индийская паровая баня - купание трех королев - что ожидается от врача - советы путешественникам по Востоку - стимуляторы, которых следует избегать на Востоке - купание в холодной воде в Нубии.

Хирургия и медицина, практикуемые среди дикарей, составляют не менее любопытную и интересную часть истории их жизни. Поскольку они, как правило, не верят в естественную или неизбежную смерть, из этого следует, что естественные или неизбежные болезни, являющиеся возбудителями смерти, воспринимаются ими не менее искренне. В отличие от нас, у которых есть название для тысячи болезней, которые нас мучают, - от зубной сыпи до слоновости, - у дикаря есть только одно название для всех болезней, с которыми он знаком, и это одно название - дьявол. Агу - и это дьявол внутри человека, дрожащего конечностями; ревматизм - мириады крошечных существ под кожей, обгладывающих кости несчастного страдальца; боль в желудке, зубная боль, головная боль - это дьявол, и никто и ничто другое.

Задача знахаря, или человека-громовержца, - как можно скорее изгнать дьявола из своего пациента честными или нечестными способами. В разных предыдущих главах уже приводились примеры того, как пытаются изгнать дьявола; мы видели, как индийский знахарь оперировал больного младенца и неудачливую девочку, у которой был шов на боку; как даякский врач обманул дьявола и устроил ловушку для уходящего духа жизни своего пациента, поймал его и заменил; как патагонский шарлатан пытался вылечить патагонского младенца. Однако медицинские и хирургические обычаи многих диких народов еще предстоит изучить. Давайте посмотрим, как до недавнего времени поступали с подобными вещами в Полинезии.

Перелом конечности вправляли без особых проблем: прикладывали к бокам щепки бамбуковой трости и перевязывали до полного заживления. Вывих обычно удавалось вправить, но другие части их хирургической практики отличались грубой оперативностью, жестокостью и варварством, почти невероятными. Однажды мужчина упал с дерева и вывихнул часть шеи. Его товарищи, заметив это, мгновенно подняли его; один из них положил его голову между своими коленями и крепко держал ее, в то время как другие, взявшись за его тело, вправили сустав на свое место.

В другой раз несколько молодых людей в районе Фару несли большие камни, подвешенные к каждому концу шеста через плечо (их обычный способ переноски груза); один из них так повредил позвонки, что почти не мог двигаться; у него, как они выразились, *fate te tua*, сломалась спина. Его товарищи положили его на траву лицом вниз, один обхватил и потянул за плечи, другой - за ноги, а третий фактически надавил обоими коленями на спину, где кости оказались смещены. На вопрос, что они делают, они спокойно ответили, что просто выпрямляют спину человека, которая была сломана при переноске камней. Позвонки оказались вправлены, они многократно обвязали его длинным поясом, отвели домой, и без всякого другого лечения он через некоторое время смог вернуться к своей работе.

Операцию трепанации они иногда пытались проводить и, как говорят, с успехом ее практиковали. Сообщается, что на острове Борабора живут люди, которым была проведена эта операция или, по крайней мере, операция, очень похожая на нее: кости черепа были сломаны в бою, они очистили кожу и покровы, и, удалив сломанный кусок кости, аккуратно вставили кусок скорлупы ореха какао и заменили покров и кожу, после чего человек выздоровел. Я не видел ни одного человека, перенесшего эту операцию, но, судя по одновременным свидетельствам людей, не сомневаюсь, что они ее делали".

Стедман также рассказывает, что в некоторых случаях, когда мозг был поврежден так же, как и кость, они вскрывали череп, вынимали поврежденную часть мозга и, приготовив свинью, убивали ее, вынимали свиные мозги, клали их в голову человека и накрывали их. Они упорно утверждают, что так и было, но добавляют, что люди всегда впадали в безумие и умирали.

Больной человек находит у Фиджи мало сострадания. Если он не очень болен, его оставляют выздоравливать, как он может, но терпение его родственников вскоре истощается. Похоже, это происходит не столько от бесчеловечности нрава, сколько от жалкой веры в то, что какой-то злой дух приложил руку к этому делу и что, пока в больном теле сохраняется жизнь, демон будет таиться поблизости и может в любой момент напасть на очередную жертву. Они - удивительно рассудительные люди, и не гнушаются настоятельно донести до инвалида, чем он грозит своим отношениям, проявляя непостоянство - ни выздороветь, ни умереть: "Похоже, вы ничуть не поправляетесь, более того, сегодня утром вы выглядите отвратительно больным, что толку держаться? Если вам суждено умереть, почему бы не сделать это сразу? Будьте благоразумны и позвольте кому-нибудь избавить вас от страданий".

Нежные и простые люди подвергаются такому же обращению. Мистер Уильямс рассказывает о случае с принцессой из Накембо, которая заболела. Были заручены помощью лучших местных врачей, сделаны большие подношения богам и построен храм, чтобы заручиться их благосклонностью, но все было напрасно. Были сделаны богатые пудинги от шестнадцати до двадцати одного фута в окружности, и через жрецов принесены жертвы богам, но, несмотря на все, принцессе становилось все хуже, и было принято официальное решение оказать ей благотворительную услугу удушением, когда вмешались миссионеры, взяли на себя заботу о ней и вылечили ее. Тот же авторитет приводит случай с женщиной из Сомосомо, которая находилась в очень плачевном состоянии из-за длительного отсутствия мужа. В течение пяти недель, хотя две женщины жили в одном доме, она лежала без ухода, превратившись в скелет. После этого она получала от миссионеров еду и лекарства и поправлялась. Однако однажды утром, когда слуга нес ей завтрак, он встретил похоронную команду, которая велела ему отнести завтрак обратно. Тогда мужчина вспомнил, что накануне он нашел в доме инвалида старую женщину, которая не скрывала своего назначения, а открыто заявила: "Я пришла повидать свою подругу и узнать, готова ли она к удушению, но поскольку она сильна, мы пока не будем ее душить". Как показало дальнейшее, старая убийца вскоре изменила свое мнение.

Еще один пример необычного обращения с больными и страдальцами Фиги со стороны их товарищей касается местного моряка. Во время сильного шторма несчастного вместе с несколькими другими людьми выбросило в море, и, как считалось, все погибли. Однако этот человек сумел продержаться вплавь, пока, совершенно обессилев, не добрался до одного из каноэ и не втащил себя на борт незамеченным. Можно было бы подумать, что первым его действием было бы дать знать о себе собратьям-мореплавателям, но он был фигийцем среди фигийцев и знал о вероятной судьбе, которая его ожидала. С наступлением дня его обнаружили; состоялся короткий совет, и все согласились, что в том, что этот человек спасся, а остальные, включая владельца корабля, принца, погибли, есть нечто весьма

загадочное, и что, поскольку сам он не может рассказать о своем побеге ничего лучше, чем "он поплыл", лучшим решением будет стукнуть его по голове и выбросить за борт. Однако один из членов экипажа вскоре признал в потерпевшем крушение человеке очень искусного моряка, и, поскольку на судне не хватало рук, было решено оставить его в живых, при условии, что он сразу же возьмет большое рулевое весло и будет управлять судном. Управлять рулевым веслом фижийского каноэ - работа для очень сильного человека. Тем не менее бедняга, слабый и дрожащий от долгого погружения, повиновался и вел судно в течение долгого и утомительного плавания, когда его, скорее мертвого, чем живого, вынесли на берег и поместили в сарай. Здесь он оставался до тех пор, пока почти не поправился, но, к несчастью, накануне выхода судна в море у него появились симптомы рецидива. "Не нашлось никого, кто мог бы ухаживать за инвалидом, а взять его на каноэ могло причинить боль и неудобства его друзьям; поэтому они решили, что лучше всего будет задушить его, что они, с его же согласия, и осуществили. Они целовали и плакали над ним! Задушили, похоронили и оплакали его; а на следующий день отправились в плавание".

Есть, однако, страшное обвинение, которое возлагается на больных фижиан, - обвинение, которое европейцы, жившие среди них, считают небезосновательным. По необъяснимым мотивам они, ложась на циновки своих друзей, перебирая их одежду и кухонную утварь, пытаются передать болезнь, от которой они страдают. Если это правда, то беспокойство фиджийцев по поводу того, что больного родственника удобно уложить в могилу, в значительной степени объяснимо.

Полинезийский миссионер Тернер рассказывает, что когда самоанец заболевает, его друзья несут подарок священнику: он говорит, что будет молиться богу о выздоровлении, а затем идет к больному и помазывает маслом больную часть. Он не использует никакого конкретного масла. Когда он садится, то зовет кого-нибудь из семьи, чтобы тот подал ему масло, и, окунув руку в чашу, осторожно проводит ею по больному месту два-три раза. Больные не принимают никаких лекарств: если тело горячее, они идут и ложатся в холодную воду, если холодное - разжигают огонь и греются. После смерти друга покойного желают узнать причину смерти: они идут с подарком к священнику и просят его заставить покойника заговорить и исповедаться в грехах, которые стали причиной его смерти. Священник может находиться далеко от тела умершего, но он делает вид, что вызывает дух и держит его в себе. Он говорит своим обычным тоном и велит ему сказать перед всеми, что он сделал, чтобы вызвать свою смерть. Тогда он (священник) слабым дрожащим голосом, словно дух умершего, выкрикивает ответ, признаваясь, что он украл орехи какао в таком-то месте, или что он ловил рыбу в таком-то месте, запрещенном королем, или что он съел рыбу, которая была воплощением его семейного бога. Высказывая что-то подобное, священник умудряется выдавить из себя несколько слезинок, всхлипывает и плачет над этим. Друзья усопшего чувствуют облегчение, узнав причину, встают и расходятся по домам. После смерти один из них скажет своему другу: "Я лечу на Луну - считай, что я уже там". Другой скажет: "Я стану звездой", - и укажет конкретную часть неба, где его следует искать. Еще один скажет: "Я не уйду - я останусь в могиле и буду здесь с вами". Таким образом, они считают, что им остается только выбрать, куда их развоплощенные духи отправятся после смерти. Они рассказывают о человеке с Токелау, который поднялся на луну, и у них также есть своя история о "человеке на луне". Они также говорят, что луна - это особая резиденция королей и жрецов Токелау. Звезды они считают духами усопших. Когда полная луна начинает убывать, они полагают, что ее едят жители региона. С новолуния до полнолуния они считают, что пища снова растет. Затмение луны считается каким-то внезапным бедствием, уничтожающим пищу ушедших

королей, и вызывает особое беспокойство; чтобы отвратить зло, они немедленно возносят молитвы и мясное подношение из тертого ореха какао своему великому богу Туи Токелау. Когда затмение проходит, они думают, что это все благодаря их молитвам.

Самоанцы никогда не прибегали ни к каким внутренним средствам, кроме эметика, который они иногда пробовали после того, как съедали ядовитую рыбу. Иногда пробовали сок кустарника; в других случаях пили воду до тех пор, пока пациент не отказывался от нее; а в некоторых случаях смешивали грязь и даже самые немыслимые нечистоты и принимали в качестве противорвотного средства. Позднее, по мере расширения контактов с тонганцами, фиджийцами, таитянами и жителями Сандвичевых островов, они пополнили свою фармакопею соками из кустарника. Как и в Египте, для каждой болезни был свой лекарь. Туземные врачи обычно мыли шампунем и помазывали больную часть тела ароматическим маслом; к этому часто добавлялись чары, состоящие из цветов кустарника, завернутых в кусок туземной ткани, и положенных на видном месте в соломе над больным. Теперь, однако, европейские лекарства пользуются большим спросом; настолько, что каждый миссионер обязан иметь амбулаторию и выделять определенный час в день, чтобы давать советы и лекарства больным. Поскольку самоанцы полагают, что болезнь вызвана гневом какого-то конкретного божества, их главным желанием в любом трудном случае было не получить лекарство, а выяснить причину бедствия. Друзья больного шли к верховному жрецу деревни. Он обязательно называл какую-то причину, и, что бы это ни было, все они стремились устранить ее как средство восстановления. Если он говорил, что они должны отдать богу каноэ, его отдавали. Если просили участок земли, его сразу же уступали. Если же он ничего не желал от участников, то, скорее всего, велел им собраться всей семьей, "исповедаться и выгнать". Во время этой церемонии каждый член семьи признавался в своих преступлениях и в тех судах, которые он в гневе накликал на семью или на конкретного ее члена, заболевшего в тот момент; в доказательство того, что он отменяет все подобные проклятия, он набирал в рот немного воды и выплескивал ее в сторону заболевшего человека. Многие до сих пор придерживаются этого обычая, и больная постель близкого друга часто становится исповедальней, перед которой раскрываются долго скрываемые и самые отвратительные преступления.

В хирургии они прижигали язвы ракушкой или акульим зубом, и таким же образом пускали кровь из руки. При воспалительных отеках они иногда пробовали местное кровопускание, но более распространенными средствами в таких случаях были и остаются шампунь и растирание маслом. Порезы промывали в море и перевязывали листом. В раны на коже головы вдували дым от сгоревшего каштанового дерева. Чтобы вытащить колющее копьё из руки или ноги, они разрезали конечность с противоположной стороны и протыкали ее насквозь. К ампутации они никогда не прибегали. Обращение с больными было, как и сейчас, неизменно гуманным, и все, чего можно было ожидать. Они не нуждались ни в какой пище, которую могли желать днем и ночью, если друзья были в состоянии ее достать. В случае, если болезнь принимала опасную форму, к друзьям, находящимся на расстоянии, отправляли гонцов, чтобы они могли успеть увидеть и попрощаться с уходящим родственником. Этот обычай сохранился до сих пор. Чем выше ранг, тем большее волнение и сбор вокруг больного друзей из ближнего и дальнего окружения. Каждый, кто идет навестить больного друга, который, как предполагается, близок к смерти, берет с собой в качестве прощального выражения уважения подарок - прекрасный коврик или другое ценное имущество. Среди мирских людей, чьи интересы сосредоточены в этой жизни, такое

нагромождение имущества у постели умирающего родственника до сих пор в большом почете.

Из всех классов диких "таинственных людей", создателей дождя, грома, мух и т. д., самыми необычными, пожалуй, являются те, кого называют создателями болезней. Среди танов Полинезии этих людей боятся и поклоняются им как богам. Считается, что они могут вызывать болезни и смерть путем сжигания *нохака*. Нохак - это буквально мусор или пищевые отходы, которые эти *творцы болезней* постоянно ищут. Поэтому люди принимают все меры предосторожности, сжигая или выбрасывая в море весь мусор, который они находят, чтобы не допустить заражения этих людей. Если кто-нибудь из знахарей находит шкуру лананы, он сворачивает ее в лист и целый день носит на шее, чтобы люди видели ее; они говорят друг другу: "У него что-то есть; ночью он кому-нибудь поможет". Проносив его весь день, вечером он берет его домой и сдирает немного коры с дерева; он смешивает ее с кожей лананы и плотно сворачивает в лист, а затем кладет один его конец достаточно близко к огню, чтобы он тлел и тлел, и постепенно сгорает. Когда танец заболевает, он полностью убежден, что некто, вызывающий болезнь, сжигает его *нохак*, поэтому он снабжает себя грубым подобием рога, сделанным из какой-то перфорированной раковины. В эту раковину он просит кого-нибудь из присутствующих подуть для него, и это полностью понимается больным, что тот желает, чтобы он прекратил сжигание, а также, что подарок будет послан ему на следующее утро; так что когда больной слышит, как дуют в раковину, он говорит своим друзьям: "Это тот человек, чей мусор я сжигаю, он болен; давайте прекратим сжигание и посмотрим, какой подарок он принесет утром". Больной честно выполняет свое обещание, и утром приносит какой-нибудь подарок - свиней, циновки и тому подобное. После этого больной обещает, что сделает все возможное, чтобы мусор больше не сжигали. Если человек умирает, его друзья предполагают, что создатели болезни были недовольны сделанными подарками и сожгли его мусор до конца. Когда все сгорит, они верят, что человек умрет. Болезнетворцы также не кажутся самозванцами, ведь если кто-то из ремесленников заболевает, он полностью верит, что кто-то сжигает его *нохак*, и раздувает скорлупу, и делает подарки так же охотно, как и остальные.

Жестокие и отвратительные методы избавления полинезийцев от больных и престарелых, которые "в самой глубине есть еще глубже", иллюстрируют многие африканские племена. В одной из первых частей этого тома упоминалось о бедном старике Бакалаи, которого встретил Дю Шайю и который был "брошен умирать". Подобные случаи не лишены аналогов. Берчелл, как и Моффат, приводит такой случай, произошедший среди намака. Этому джентльмену сообщили, что в определенной части леса сидела на корточках старая женщина, которая была совершенно одна и, казалось, умирала.

"Добравшись до места, мы увидели объект душераздирающей беды. Это была почтенная старуха, живой скелет, сидевшая, положив голову на колени. Она была в ужасе от нашего присутствия, и особенно от меня. Она попыталась подняться, но, дрожа от слабости, снова опустилась на землю. Я обратился к ней по имени, которое звучит сладко в любом климате и очаровывает даже дикарей: "Мать моя, не бойся, мы друзья и не сделаем тебе ничего плохого". Я задал ей несколько вопросов, но она, казалось, то ли потеряла дар речи, то ли боялась разомкнуть губы. Я снова повторил: "Мать моя, кто ты и как ты оказалась в такой ситуации?", на что она ответила: "Я женщина, я здесь уже четыре дня, мои дети оставили меня здесь умирать". "Ваши дети? перебила я. Да, - подняла она руку к своей сморщенной груди, - мои собственные дети, три сына и две дочери. Они уехали, - она указала пальцем, - на, на голубую гору, а меня оставили умирать". "И почему они оставили вас?" - спросил я. спросил я. Раскинув руки, она ответила: "Я стара и не могу больше служить им; когда они

убивают дичь, я слишком слаба, чтобы помогать им нести мясо домой. Я не могу собирать дрова для костра и не могу носить их детей на спине, как раньше". Последнее предложение было выше моих сил, и хотя мой язык прилип к крыше рта от нехватки воды, этот ответ открыл фонтан слез. Я заметил, что удивлен, как ей удалось спастись от львов, которые, похоже, были в изобилии и подошли совсем близко к тому месту, где она находилась. Она взялась пальцами за кожу левой руки и, приподняв ее, как приподнимают расстеленное белье, добавила: "Я слышу львов, но на мне нет ничего, что они могли бы съесть; на мне нет плоти, которую они могли бы понюхать". В этот момент к ней приблизилась повозка, что очень встревожило ее, так как она решила, что это животное. Заверив ее, что это не причинит ей вреда, я сказал, что, поскольку не могу остаться, положу ее в повозку и возьму с собой. При этом замечании она забилась в конвульсиях от ужаса. К ней обратились другие, но все безрезультатно. Она ответила, что если мы заберем ее и оставим в другой деревне, то они снова поступят так же. Это наш обычай, я уже почти умерла и не хочу умирать снова". Солнце стало пронзительно жарким, волны бешено бились в яреме, а мы сами почти бредили. Не найдя возможности заставить женщину двигаться, не рискуя, что она умрет в конвульсиях на наших руках, мы собрали немного топлива, дали ей хороший запас сухого мяса, немного табака, нож и некоторые другие предметы, сказав ей, что мы вернемся через два дня и остановимся на ночь, когда она сможет пойти с нами; только она должна поддерживать ночью хороший огонь, так как львы учуют запах сушеной плоти, если не учуют ее".

Вот еще один случай; на этот раз жертвой стал ребенок, а ее преследователями - макалоло, тоже южноафриканское племя.

"Богатые проявляют доброту к бедным в ожидании услуг, и бедняку, у которого нет родственников, редко дадут даже воды в болезни, а когда он умрет, его вытащат, чтобы гиены сожрали, вместо того чтобы похоронить. Только родственники соизволят прикоснуться к мертвому телу. Легко было бы перечислить случаи бесчеловечности, свидетелем которых я стал. Однажды к моему фургону подошла интересная на вид девушка в состоянии наготы и почти скелета. Она была пленницей из другого племени, и человек, который ее приютил, не обращал на нее внимания. Удовлетворив ее потребности, я навел справки о нем и обнаружил, что он неудачно собрал урожай кукурузы и не имеет еды, чтобы дать ей. Я вызвался взять ее к себе, но он сказал, что позволит мне накормить ее и сделать толстой, а потом заберет ее. Я запротестовал против такого бессердечия, и, поскольку он сказал, что не хочет расставаться со своим ребенком, я лишился возможности позаботиться о ее нуждах. Через день или два ее потеряли из виду; она ушла недалеко от города и, будучи слишком слабой, чтобы вернуться, была жестоко оставлена умирать. В другой день я увидел бедного мальчика, который шел к воде, чтобы напиться, очевидно, в голодном состоянии. Я представил этот случай на совете вождя и пришел к выводу, что его истощение объясняется болезнью и нуждой вместе взятыми. Он не принадлежал к макалоло, а был членом покоренного племени. Я показал им, что любой, кто утверждает, что претендует на ребенка, и отказывается от надлежащего питания, будет виновен в его смерти. Секелету решил, что владелец этого мальчика должен скорее отказаться от своего предполагаемого права, чем уничтожить ребенка. Когда я забрал его, он был уже настолько ослаблен, что находился в холодной стадии голода, но вскоре был приведен в чувство небольшим количеством молока, которое давали три или четыре раза в день. Уезжая из Линьянти, я передал его на попечение Секелету, который очень хорошо кормит своих слуг".

Единственным источником утешения является то, что интеллект этого и соседних племен находится на столь низком уровне, что более чем вероятно, что они руководствуются в основном ужасом перед видом смерти, а не эгоистическими или бесчеловечными мотивами.

Более того, если попытаться привить им знания в области медицины, сомнительно, что в своей глубокой тупости они не нанесут пациенту, попавшему к ним в руки, гораздо больше вреда, чем пользы. Одно можно сказать с уверенностью, если опираться на следующий пример, приведенный путешественником Гальтоном, их арифметические способности должны быть значительно усовершенствованы, прежде чем им можно будет доверить измерение лекарств, капля которых убивает или лечит.

"Они не умеют различать дни, а считают их по сезону дождей, сухому сезону или сезону буратино. Когда их спрашивают, сколько дней пути от того или иного места, их незнание всех числовых представлений очень раздражает. На практике, чем бы они ни владели в своем языке, они, конечно, не используют числительные больше трех. Когда они хотят выразить четыре, они обращаются к своим пальцам, которые для них являются таким же грозным инструментом вычисления, как скользящее правило для английского школьника. После пяти они очень много ломают голову, потому что не остается свободной руки, чтобы схватить и закрепить пальцы, необходимые для единиц. Однако они редко теряют волов; о потере одного из них они узнают не по уменьшению численности стада, а по отсутствию знакомого лица. При бартере каждая овца должна оплачиваться отдельно. Так, если предположить, что за одну овцу можно обменять две палочки табака, то дамару будет очень неприятно, если он возьмет две овцы и даст четыре палочки. Я так и сделал и видел, как человек сначала разложил две палочки и посмотрел через них на одну из овец, которую собирался продать. Удостоверившись, что та честно оплачена, и обнаружив, к своему удивлению, что в руках осталось ровно две палки, чтобы рассчитаться за другую овцу, он начинает мучиться сомнениями; сделка кажется ему слишком мягкой, чтобы быть правильной, и он возвращается к первой паре палок, а затем его разум затуманивается и путается, блуждает от одной овцы к другой, и он прерывает сделку, пока ему не вложат в руку две палки и не прогонят одну овцу, а затем дадут две другие палки и прогонят вторую овцу. Когда ум дамара сосредоточен на количестве, он слишком занят, чтобы задумываться о количестве; так, у человека приносят телку за десять палок табака; его большие руки распростерты на земле, и на каждый палец он кладет по палке, собирая табак; размер массы его радует, и сделка заключена. Затем вы хотите купить вторую телку: продлевается тот же процесс, но на пальцы кладутся не целые, а половинки палочек; мужчина в это время так же доволен, но иногда обнаруживает это и жалуется на следующий день. Однажды, когда я наблюдал, как Дамара безнадежно барахтается в расчетах по одну сторону от меня, я наблюдал за Дайной, моим спаниелем, столь же смущенным по другую сторону. Она наблюдала за полудюжиной своих новорожденных щенков, которых два или три раза снимали с нее, и ее беспокойство было чрезмерным, когда она пыталась выяснить, все ли они на месте или кого-то еще не хватает. Она все время ломала голову, перебирая их взад-вперед, но никак не могла успокоиться. Очевидно, она смутно представляла себе, как считать, но цифра была слишком велика для ее мозга. Если взять их обоих, собаку и Дамару, то сравнение не принесло человеку особой чести".

Этому же джентльмену очень не повезло попасть в безжалостные руки дантиста из Дамары.

"Мне довелось навести справки о профессиональном джентльмене, дантисте, поскольку один из моих зубов болел так ужасно, что я едва мог это терпеть. Он работал на расстоянии, но впоследствии я стал свидетелем, хотя и не сам, его мастерства. Он принес кусок заднего сухожилия овцы, который образует нечто вроде кетгута, и обвязал его вокруг несчастного зуба, а свободный конец кетгута намотал на крепкую палку и плотно примотал к зубу, а затем со всей силой надавил на челюсть, пока она не поддалась. Я видел, как несчастный пациент просидел весь остаток дня с головой между коленями и прижатыми к вискам руками".

Эбо и калабеи Западной Африки придерживаются весьма любопытных представлений о применении лекарственных средств. Когда они хоронят своих умерших, скорбящие друзья помещают в землю трубку, сообщающуюся с телом покойного, и в эту трубку они в последующие времена наливают пальмовое вино и другие жидкости для поддержания души усопшего, и даже лекарства, которые, как они думают, произведут на предлагающего такое же действие, как если бы они поглощали их сами. Так, эбоэ приходит к хирургу: "Доктор, я болен"; и когда ему дают соответствующее лекарство, тот должен наблюдать, как проситель принимает дозу на месте, иначе он введет ее в тень своего отца, чтобы родительские блага продолжались даже после смерти; Но, как ни странно, если ему дать бутылку рома, он вдруг забывает о могиле отца и, забыв, что прах усопшего, возможно, ценит ром не меньше, чем пальмовое вино, и что отцовская глина тоже может нуждаться в увлажнении, выливает его себе на грудь с самыми живыми жестами, выражающими удовлетворение.

К человеку, называемому Абиадионгом, или колдуном, всегда обращаются в случаях болезни, смерти или тяжких преступлений, чтобы выяснить, кто навел болезнь на своего соседа. Считается, что он получил свои знания благодаря образованию, но не имеет диплома, кроме одного в своем титуле. Абиадионг садится на корточки рядом с больным, повторяет несколько заклинаний, нанизывает на нитку бусы, которые держит в руке, чтобы обратиться к вызываемому духу, проводит бусами поочередно по своему телу и телу больного, обдумывает и принимает решение. Иногда решение выносится заранее с помощью небольшого медного паларера; а поскольку закон Эбоэ дает обладателю своих привилегий неограниченную власть в этом отношении, можно представить себе, какие сцены крови создает и поощряет эта система. Алиа-лок - это титул, который в этой стране присваивается доктору медицины; но калабеи мало верят в лекарства, и хирургические операции обычно проводятся представительницами слабого пола. Они сводятся к двум видам купирования - сухому и кровавому, а также к постановке клизм. Сухое обкалывание проводится с помощью калабаша-пироформа на груди женщин, тело которых при этом обмазывается мелом, чтобы заставить их созреть. Бритвы используются в качестве скарификаторов при влажном купировании боков и висков у людей, страдающих, как они полагают, застойными заболеваниями. Язвы обычно перевязывают кусочком листа, проложенным вокруг больного места и закрепленным стеблем бамбука. Ядовитый боб с ниткой, продетым в отверстие, часто носят в качестве лечебного дзю-дзюцу вокруг больной ноги - всего лишь модификация системы *similia similibus curantur*. Возможно, именно для реализации подобной идеи собак закапывают в землю головой вверх, где бедняги проводят три-четыре дня, прежде чем природа покорит их жизненные силы, ведь в течение этого времени им не дают никакой пищи. Этих собак, как правило, выставляют перед дверью больного человека. Когда в некоторых местах свирепствует оспа, они испещряют свое тело пятнами мела, возможно, чтобы заставить демона болезни поверить, что их уже посетило кожное заболевание и что его место уже занято.

Среди индейцев Северной Америки, кажется, легко стать доктором медицины.

"Любой невежественный бездельник, вздумавший стать врачом, дает знать об этом всему миру пауни, принимая торжественный вид, надевая халат с распущенными волосами и учась издавать в горле звук, характерный для его профессии и напоминающий звук, издаваемый человеком, который полоскает горло при расслабленном языке. На этом его медицинские исследования и достижения заканчиваются, а его репутация полностью зависит от результатов его первых попыток и, очевидно, должна быть совершенно случайной".

Таково свидетельство путешественника Мюррея, и далее он подкрепляет свое мнение, приводя два примера из хирургической практики, которые попали под его личное наблюдение.

"В серьезных случаях, таких как перелом ноги или смертельная болезнь вождя, знахари вызываются на помощь со своей мумией, но лечение обычных болезней этими специалистами будет понятно, если я точно запишу, что происходило во время ежедневного и еженощного визита врача, который посещал домик нашего вождя. Пациентом был один из детей, постепенно умирающий от постыдного жестокого обращения и страдающий от кашля. Однако в оправдание Галена следует напомнить, что родители кормили ребенка три-четыре раза в день огромными порциями наполовину сваренного маиса или буйволиного мяса, каждое из которых, действуя как эметик, позволяло маленькому несчастному страдальцу проглотить его преемника.

"Ученый доктор вошел в домик с величественной важностью самого опытного пульсолога, редко удостоивая приветствия родителей или других обитателей. Затем он опускался над ребенком, брал в руку немного земли, которую смачивал слюной, и драгоценной смесью, образовавшейся таким образом, помазывал плечи, лоб и другие части ребенка, особенно ямку желудка; затем, приблизив рот к этому последнему, и накрыв халатом свою голову и лицо своего пациента, он начинал полоскание, о котором я уже упоминал. Я знаю, что он часто продолжал эту операцию в течение трех или четырех часов, когда он оставлял несчастного страдальца в том виде, в каком он его нашел, не прибегая ни к трению, ни к вышиванию, ни к каким-либо другим лекарствам.

"Остается только добавить об учениках Эскулапия, что если пациент выздоравливает, то слава о них разлетается по всему миру, и они получают лошадей, мясо, одеяла и т. д., плату, гораздо большую в пропорции к богатству любой из сторон, чем когда-либо получали сэр Этли Купер или сэр Генри Хэлфорд. Если пациент умирает, врач считается "плохим врачом" и обычно оставляет профессию на год или два, в течение которых он занимается обычными занятиями - воровством, охотой или драками, пока его дурное имя не забудется или какой-нибудь удачный случай не обеспечит ему обеленную репутацию.

"Я узнал, что на одной из охот многие индейцы были ранены или покалечены, а несколько лошадей убиты. Среди тех, кто пострадал, был вождь, имеющий определенный авторитет; у него было сломано несколько ребер и одна из рук. Вправление последней, а также завершение перевязки его раны должны были сопровождаться большой церемонией, и я решил быть зрителем. Соответственно, я отправился к его ложе, где уже собралась большая толпа, и с некоторым трудом пробрался во внутренний круг. Не будучи вполне уверенным в том, что мне разрешено присутствовать при этих таинствах, и прекрасно понимая опасность даже ненамеренно нарушить какое-либо из правил их медицины, я держался как можно тише и незаметнее. Перед ложей, в центре полукруга, сидел или, скорее, лежал раненый, поддерживаемый одним или двумя пакетами шкур. По обе стороны от него располагался ряд его сородичей; старшие воины занимали первые места, младшие - вторые, а за ними, вплотную к ложу, - мальчики, скво и т. д. Соблюдалась глубокая тишина, а когда все знахари и родственники прибывали и занимали свои места, приносили большую медицинскую трубку и передавали ее по кругу с обычным церемониальным соблюдением определенного количества взмахов в сторону земли, буйвола-духа и Великого духа. Раненому человеку трубку не передали, вероятно, потому, что предполагалось, что он находится на время под влиянием злого духа, а значит, не имеет права на привилегии медицины. Когда церемония курения была завершена, три или четыре доктора или фокусника и несколько великих знахарей собрались вокруг него; первые принялись ощупывать его бок и прикладывать к

нему какое-то средство, а один из них вправил руку и очень крепко перевязал ее кожаными шнурками. Во время этой операции знахари склонялись над ним и произносили различные бормотания, которые я не мог точно различить.

Как только бинты и повязки были закончены, они начали танцевать вокруг него танец с лекарствами. Сначала движения были медленными и сопровождались негромким обычным пением, но постепенно они становились все быстрее и быстрее, пока в конце концов не достигли апогея ярости и безумия. Они размахивали своими томагавками вокруг головы раненого, бросались на него с самыми ужасными воплями, яростно потрясали своим оружием перед его лицом, неоднократно перепрыгивали через него, каждый раз притворяясь, что наносят ему смертельный удар, а затем останавливая его, и хотя раз или два я видел, как они толкали и пинали его конечности, один из самых возбужденных нанес ему несколько сильных ударов по груди. Поинтересовавшись, я узнал, что все эти жесты были направлены на то, чтобы пригрозить и изгнать злого духа, который, как предполагалось, вселился в него. Пока все это происходило, в толпе царила полная тишина, никому не разрешалось танцевать или кричать, кроме тех, кто участвовал в медицинских церемониях.

Однако универсальным средством от всех недугов у индейцев считается потогонная баня и судариторий; эти сударитории всегда находятся рядом с деревней, выше или ниже ее, на берегу реки. Обычно их строят из шкур, в форме домика кроу или сиу, покрытого шкурами бизонов, плотно сшитыми вместе, с чем-то вроде печи в центре; или, другими словами, в центре домика находятся две каменные стены длиной около шести футов, на расстоянии двух с половиной друг от друга и высотой около трех футов; поперек и поверх этого пространства между двумя стенами укладывается ряд круглых палок, на которые ставится купальня. Рядом с домиком и за его пределами находится небольшая печь, похожая на печь на берегу, где женщина разжигает огонь и нагревает до красного цвета несколько больших камней, которые хранятся в этих местах именно для этой цели; приготовив их, она идет домой или посылает известить своего мужа или другого ожидающего, что все готово, когда он появляется совершенно голый, хотя и с большим халатом из бизоньей кожи, обернутым вокруг него. Затем он входит в хижину и располагается в корзине спиной к двери хижины, когда скво приносит большой раскаленный камень, зажатый между двумя палками, скрепленными между собой в виде щипцов, и, подложив его под себя, обливает холодной водой, от которой вокруг него поднимается обильный пар. Его сразу же окутывает облако пара, а женщина или ребенок садятся на небольшом расстоянии и продолжают лить воду на камень, в то время как матрона ложится и готовится появиться с другим нагретым камнем; Или же он сидит и черпает из деревянной чаши ковшом, сделанным из рога горного барана, и бросает на раскаленный камень своими руками воду, которую в следующий момент втягивает через свои легкие и поры, в восхитительном и бодрящем паре, когда она проходит через коврик из дикого шалфея и других лекарственных и ароматических трав, который он расстелил на дне своей корзины и на котором он лежит.

Все это время домик закрыт очень плотно, и он с глубокими затажными вздохами втягивает в легкие этот восхитительный и обновляющий сквозняк, пока не обливается самым обильным потом, какой только может быть; тогда он подает сигнал, по которому домик открывается, и он со скоростью испуганного оленя выбегает наружу и с головой погружается в реку, из которой мгновенно выбирается снова, накидывает на себя халат и как можно быстрее добирается до дома. Здесь его конечности вытирают насухо и плотно заворачивают в мех бизоньей мантии, в которой он дремлет, поджав ноги к огню, затем смазывает конечности и волосы медвежьим жиром, одевается и наряжается для визита, пира, парада или совета.

Во время путешествия мистера Брюса по Абиссинии, когда он гостил во владениях ее величества Сеннаара, однажды днем за ним послали во дворец, когда король сказал ему, что несколько его жен больны, и пожелал, чтобы он дал им свой совет, что он и обещал сделать. Его ввели в большую квадратную квартиру, очень плохо освещенную, в которой находилось около пятидесяти женщин, все совершенно черные, без какого-либо покрытия, кроме очень узкого куса хлопчатобумажной тряпки на талии. Пока он размышлял, могут ли все эти женщины быть королевами, или среди них есть хоть одна королева, одна из них схватила его за руку и повела в другую квартиру, которая была освещена гораздо лучше первой. На большой скамье или диване, покрытом синей суратской тканью, сидели три человека, одетые от шеи до ног в синие хлопчатобумажные рубашки.

Одна из них, которую мистер Брюс считал любимицей, была ростом около шести футов и дородна. После слона и носорога она показалась ему самым крупным живым существом, с которым он когда-либо встречался. Черты ее лица были совершенно как у негритянки; золотое кольцо проходило через нижнюю губу и утяжеляло ее, пока, как лоскут, не закрыло подбородок, оставив обнаженными зубы, очень маленькие и мелкие. Внутреннюю сторону губ она сделала черной с помощью сурьмы. Уши ее доходили до плеч и были похожи на крылья; в каждом из них было по большому золотому кольцу, размером чуть меньше мизинца человека и около пяти дюймов в диаметре. Вес этих колец настолько стягивал отверстие в ухе, что над ним легко проходили три пальца. На шее у нее было золотое ожерелье из нескольких рядов, расположенных один над другим, к которым были подвешены ряды блесток. На лодыжках у нее были два золотых кандала, больших, чем те, которые наш путешественник когда-либо видел на ногах преступников, и он не мог представить себе, что она может ходить; но потом он обнаружил, что они полые. Остальные были одеты примерно так же, только у одной были цепочки, которые шли от ушей к внешней стороне каждой ноздри, где и были закреплены. Кроме того, в нос было продето кольцо, которое свисало до самого отверстия рта. В целом это напоминало лошадиную уздечку. Когда он подошел к ним, старшая поднесла руку ко рту и поцеловала его, сказав при этом на очень вульгарном арабском языке: "Киф-халек хауаджа?" Как поживаете, купец? Мистер Брюс никогда в жизни не был так рад далеким приветствиям, как в этот раз. Он ответил: "Мир вам! Я лекарь, а не купец". Не было ни одной части их тела, внутренней и внешней, в которой у кого-то из них не было бы недугов. Три королевы настояли на том, чтобы у них взяли кровь, и мистер Брюс согласился, поскольку эта операция требовала короткого присутствия; но когда им принесли ланцеты, их сердца отказали. Затем все они потребовали табанге, что по-арабски означает "пистолет", но под этим словом они подразумевали инструмент, который срабатывает с пружиной, как щелчок пистолета. У него было два таких пистолета, но не в кармане. Он послал слугу домой, чтобы тот принес один, и в тот же вечер с большим успехом проделал все операции над тремя королевами. Комната была переполнена потоками королевской крови, и все закончилось тем, что они настояли на том, чтобы он отдал им сам инструмент, что он и был вынужден сделать, после того как приложил к нему двух своих рабов, которые не жаловались, просто чтобы показать им, как должна проводиться операция.

В другой раз ему порекомендовали некоего Уэлледа Амлака. С ним было двое слуг, один из которых, так же как и его хозяин, был болен перемежающейся лихорадкой. Поскольку наш путешественник был в изобилии снабжен всем необходимым, единственное неудобство, которое он испытал в связи с этим, заключалось в том, что в его семью вошел чужой человек и болезнь. Однако, находясь сам в чужой стране и ежедневно нуждаясь в помощи ее жителей, он понимал, что нужно оказывать услуги при каждом удобном случае, и, соответственно, принял двух своих пациентов с наилучшей возможной милостью. К этому его побудило то, что ему сообщили, что Уэллед Амлак - один из самых могущественных,

решительных и уважаемых разбойников во всей Майтше; что страна этого человека лежит прямо на его пути к истокам Нила и что под его защитой он может бросить вызов Вудаге Асахелу, который считался главным препятствием на этом пути. После нескольких недель болезни пациент поправился. Когда он впервые пришел в дом мистера Брюса, то был одет очень плохо; и, не имея смены, его одежда, естественно, становилась все хуже, так что, когда болезнь полностью оставила его, он имел очень нищий вид. Однажды вечером мистер Брюс заметил, что не может вернуться домой в свою страну, не поцеловав землю перед Итеге, благодаря щедрости которого он все это время получал поддержку. Тот ответил: "Конечно, нет", добавив, что готов отправиться в путь, когда мистер Брюс сочтет нужным отдать ему свою одежду. Последний решил, что Уэллд Амлак принес с собой какую-нибудь смену одежды и отдал ее на хранение слуге нашего путешественника; но при дальнейшем объяснении он обнаружил, что у его пациента нет ни одной тряпки, кроме той, что была на спине, и он прямо сказал мистеру Брюсу, что скорее останется в его доме на всю жизнь, чем опозорится на весь мир, покинув его после столь долгого пребывания, не одев его с головы до ног; он спросил с большой уверенностью: "Что значит ваше исцеление, если вы вышвырнете меня из своего дома как нищего?" Мистер Брюс все еще думал, что в этом есть что-то шуточное, и, встретив Айто Айло, рассказал ему, смеясь, о происшедшем разговоре. "Не сомневаюсь, - ответил он очень серьезно, - что вы должны его одеть; таков обычай". "И его слугу тоже?" - спросил мистер Брюс. "Конечно, и его слугу тоже: и если бы у него было десять слуг, которые едят и пьют в вашем доме, вы должны были бы одеть их всех". "Я думаю, - возразил наш путешественник, - что при таком раскладе лекарю лучше позволить своим пациентам умереть, чем выздоравливать за свой счет". "Ягубе, - сказал его друг, - я вижу, что в вашей стране это не принято, но здесь это неизменно, и если вы хотите прослыть человеком с репутацией, вы не можете не подчиниться этому обычаю, если только не хотите сделать Уэлледа Амлака своим врагом. Этот человек богат, но не из-за стоимости одежды, а потому что считает, что его значимость среди соседей измеряется уважением, которое оказывают ему люди вдали. Не бойтесь, он вернет вам деньги, а что касается его одежды, то я за нее заплачу". "Ни в коем случае, - ответил мистер Брюс, - я считаю этот обычай настолько любопытным, что знание о нем стоит цены одежды, и уверяю вас, что, намереваясь пройти через Майтшу, я считаю дружбой то, что вы наложили на меня это обязательство". После такого объяснения мистер Брюс немедленно достал одежду, пояс и пару сандалий на общую сумму около двух гиней, которые Уэллед Амлак принял с таким же безразличием, как если бы покупал их за готовые деньги. Затем он попросил дать ему одежду слуг, которая, по его мнению, была слишком хороша, и чтобы он взял ее в свое пользование, когда приедет в Майтшу.

В качестве врача мистер Брюс излагает некоторые простые правила, которые должны соблюдать люди, собирающиеся отправиться в дальневосточные страны; и хотя этим советам уже сто и более лет, они по-прежнему полезны и могут быть с пользой использованы всеми, кого они касаются.

Г-н. Брюс советует путешественнику в первую очередь хорошо запомнить, в каком состоянии было его телосложение до посещения этих стран, и каковы были его жалобы, если они у него были; ибо страх часто овладевает нами при первом взгляде на многочисленные и внезапные смерти, которые мы видим по первому прибытию; И наш дух настолько падает от постоянного потоотделения, а нервы настолько расслабляются, что мы склонны принимать обычные симптомы болезни, знакомые нам в нашей стране, за приближение одной из тех ужасных болезней, которые через несколько часов должны устремить нас в вечность. Это плохо сказывается при самых незначительных расстройствах, так что в народе сложилась пословица: "Если думаешь, что умрешь, то умрешь".

Если путешественник обнаруживает, что после пребывания в этой стране он чувствует себя так же хорошо, как и до приезда в нее, то лучше всего не вносить никаких новшеств в свой режим, кроме уменьшения количества пищи. Но если у него нежная конституция, он не может поступить более мудро, чем неукоснительно следовать режиму трезвых здоровых людей этой страны, не рассуждая о европейских понятиях и не заменяя то, что мы считаем суккеданеумами, тем, что мы видим, как используется на месте. Следует избегать любых спиртных напитков; даже кора лучше запивать водой, чем вином. Желудок, расслабленный обильным потоотделением, нуждается в чем-то, что укрепляет, а не воспаляет его, и позволяет ему осуществлять пищеварение. По этой причине (инстинкт, если говорить о зверях) туземцы всех восточных стран приправляют все виды пищи, даже самый простой и мягкий рис, такими специями, особенно перцем, что у европейца просто мозоли на нёбе. Эти мощные антисептики провидение заложило в этих странах для такого использования, и туземцы с давних времен прибегали к ним. Поэтому в этих опасных климатических условиях туземцы так же здоровы, как и мы в наших северных странах.

Наш автор считает непреложным правилом здоровья, что самые теплые блюда, которые с удовольствием едят туземцы, - это самое полезное, что могут употреблять чужестранцы в гнилом климате Нижней Аравии, Абиссинии, Сennaара и самого Египта; а крепкие напитки и все перебродившие спиртные напитки следует рассматривать как яд и, опасаясь искушения, не носить с собой, разве что в качестве менструации для наружного применения.

Родниковая или проточная вода, если вы сможете ее найти, должна быть вашим единственным напитком. Вы не можете быть слишком любезны, добывая эту воду. Но так как на обоих берегах Красного моря почти не встретишь воды, кроме застоявшейся, способ, которым пользовался наш путешественник, когда находил время и возможность, был всегда таким: он брал некоторое количество мелкого песка, промывал его от соли, которой он был пропитан, и раскладывал на простыне для просушки; затем он почти наполнял водой банку с маслом и наливал в нее столько из кипящего чайника, чтобы убить всех животных и яйца, которые в ней находились. Затем он просеивал высушенный песок, как можно медленнее, по поверхности воды в банке, пока песок не достигал полуфута на дне; дав ему осесть на ночь, он вычерпывал его через отверстие в банке с патрубком, примерно на дюйм выше песка; затем высыпал оставшийся песок на ткань, высушил и снова промыл его. Этот процесс происходит быстрее, чем описывается. Вода получается прозрачной, как из самого чистого источника, и мало чем уступает лучшей курортной. Пейте ее побольше, не боясь, как того требует ваш аппетит. При сильном потоотделении из крови выводится водная часть; и не спиртное может восстановить ее, какие бы кратковременные силы оно ни давало вам по другой причине. Когда мистер Брюс, разгоряченный, почти терял сознание от слабости, вызванной непрерывным потоотделением, он ложился в теплую ванну и сразу же восстанавливал силы, как при первом утреннем подъеме.

В Нубии, в какой бы степени жары вы ни находились, никогда не стесняйтесь бросаться в самую холодную реку или источник, который вы можете найти. Причина разницы в Европе заключается в том, что, когда вы насильственным путем довели себя до необычайной степени жара, холодная вода, в которую вы окунаетесь, задерживает ваш пот и внезапно закрывает ваши поры; среда сама по себе слишком холодная, и вы не применяете силу, достаточную для того, чтобы вернуть пот, который не вызывался ничем, кроме действия: В то время как в этих теплых странах потоотделение происходит естественно и постоянно, хотя и без всякого действия, только от температуры среды; поэтому, хотя ваши поры закрываются, как только вы погружаетесь в холодную воду, простое состояние наружного воздуха снова покрывает вас жемчужинами пота, как только вы выходите; и вы начинаете расширение водной части вашей крови заново из нового запаса, который вы заложили при погружении.

По этой причине, если вы здоровы, обливайтесь с головы до ног даже в доме, где много воды, приказав слуге выливать на вас ведра по крайней мере раз в день, когда вы наиболее горячи; не из воображения, что вода вас, как это называется, бодрит, ибо бодрость длится лишь очень несколько минут: Обливания принесут частицы воды в вашу кровь, хотя и не сравнятся с купанием в проточных ручьях, где полное погружение, движение воды и действие конечностей - все это способствует достижению желаемой пользы.

По возможности не утомляйте себя. Физические упражнения здесь не так необходимы и не так полезны, как в Европе. Употребляйте фрукты экономно, особенно если они слишком спелые. Муса, или банан, в Аравии, Феликс, уже гнилой и спелый, когда его вам приносят. Избегайте всех видов фруктов, выставленных на продажу на рынках, так как они, вероятно, были собраны на солнце и провезены на нем много миль, и все их соки находятся в состоянии брожения. Сначала положите его на стол, покрытый грубой тканью, и часто поливайте его водой; и, если у вас есть возможность, собирайте его по утренней росе до рассвета, так как тогда он будет гораздо лучше.

Военный танец новозеландцев.

ЧАСТЬ IX. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДИКРЕЙ.

ГЛАВА XXI.

Потомственные пираты - борнейский пиратский флот - Раджа Брук и пираты - тяжелая работа против прахусов - без четверти с даяками - капитан вольных разбойников - даякское оружие - тактика ведения боя - продвижение войск сэра Дж. Брука - дебаты о бое - отравленные стрелы - оружие амазонских индейцев - духовое ружье - борнейский военный танец - военные трофеи - головы, скальпы и мозги - ужасное празднество - дикари Северной Америки.

К самым воинственным дикарям на земле следует отнести аборигенов побережья Борнео. Однако правильнее было бы называть этих неустрашимых варваров самыми воинственными на море, а не на земле; ведь большинство их конфликтов происходят на их "прахусах" и "сампанах", в погоне за своим постоянным и наследственным призванием - пиратами. Численность их также невелика: есть Саребус, Сакарран, Илланун, Баланьини, каждое из которых состоит из многотысячного племени, а морские разбойники - это мужчина, женщина и ребенок; И, кроме того, целый сонм оборванцев, недостаточно респектабельных для общества большого пиратского сообщества, которые, будучи акционерными владельцами праху, рискуют по побережью и срывают любой пустяк, слишком незначительный для командиров различных флотов; а флоты - это несомненно. Праху, из которых состоят флоты, - это длинные, удобные суда, приводимые в движение гребцами и вмещающие иногда до сотни человек. Сэр Дж. Брук, знаменитый "раджа Саравака", однажды имел возможность подсчитать девяносто восемь лодок, собиравшихся отправиться в пиратское плавание, экипажи которых, пересчитанные по заниженному расчету в двадцать пять человек каждый, составляли в общей сложности почти две тысячи пятьсот человек. Внутренний состав этих гребцов можно представить следующим образом: командует каждой флотилией один человек, который занимает свой высокий пост либо благодаря высокому рождению, либо богатству; при любых обстоятельствах, однако, он должен обладать храбростью и хитростью, иначе, каково бы ни было его положение или право, данное рождением, он очень скоро будет низложен, а на его место избран достойный лидер. В каждом праху есть капитан и полдюжины старшин, как правило, родственников капитана, а все остальные, составляющие примерно четыре пятых от общего числа, - рабы. Несмотря на то, что последние в большей или меньшей степени вынуждены служить, они не лишены своих привилегий. Они имеют право грабить без разбора, но с некоторыми исключениями: рабы, оружие, деньги и любые другие тяжелые предметы, а также самые лучшие шелка и ткани принадлежат вождям и свободной части экипажа; для остальных действует правило "первый пришел - первый подал".

Эти достойные люди равнодушны к пролитию крови, любят грабежи, но больше всего любят рабов; они презируют торговлю, хотя ее прибыль может оказаться больше, чем у морского разбойника, и смотрят на свое призвание как на самое благородное занятие вождей и свободных людей. Свои мечи они демонстрируют с гордостью, как принадлежавшие их предкам, которые в свое время были пиратами, знаменитыми и ужасными. Несомненно, главной опорой этой системы являются рабы, которых они захватывают на разных побережьях. Если они нападают на остров, то уносят с собой женщин и детей и столько мужчин, сколько им нужно. Каждое судно, которое они захватывают, предоставляет свою квоту рабов; и когда они набирают полный груз, они посещают другое побережье и распоряжаются им с наибольшей выгодой. Например, груз рабов, захваченный на восточном побережье Борнео, продается на западном, а рабы с юга находят готовых покупателей на севере. Поскольку шерстистые папуасы очень ценятся туземцами, они постоянно посещают Новую Гвинею и самые восточные острова, где их добывают и затем продают по высоким ценам среди малайцев. Однажды раджа Брук встретил восемнадцать

лодок пиратов Иллануна и узнал от их вождей, что они уже два года не появлялись дома; а из папуасских негров-рабов на борту было ясно, что их плавание простиралось от самых восточных островов архипелага до северо-западного побережья Борнео.

Вот изображение пиратского флота, нарисованное самим губернатором Бруком:

"В это время нам намекнули, что вблизи побережья видели большой пиратский флот, а через день или два после этого мы получили достоверное известие о том, что они захватили лодки "Садунг", направлявшиеся из Сингапура; в связи с этим Дату Пангеран был послан для связи с ними. Он вернулся, приведя с собой флот к устью реки, где они попросили разрешения посетить Саравак и засвидетельствовать свое почтение радже. Со мной посоветовались, встречать ли их, и поскольку я предпочитал мирную встречу враждебной, а кроме того, мне было любопытно посмотреть на этих бродячих дворян, я без колебаний согласился.

Сообщили, что их намерение - напасть на "Роялист" (военный корабль английского флота), поскольку, как утверждалось, они получили достоверные сведения о том, что на его борту находится пятьдесят лаков рупий и что его фигурная голова сделана из чистого золота.

Поскольку, однако, у нас не было таких сокровищ, а встреча была неизбежной и могла быть враждебной, я занял полную оборону, решив не проявлять ни слабости, ни

подозрительности. Настал день, и пираты поплыли вверх по реке; восемнадцать прахусов, один за другим, украшенные флагами и серпантином, стреляя из пушек и мушкетов; зрелище было интересное и любопытное, и усиливалось убеждением, что эти друзья в данный момент могут стать врагами в следующий. Заняв свои места, главные люди приступили к беседе с раджей, свидетелем которой я был. Встреча была отмечена некоторым недоверием и обилием церемоний; у обеих сторон было множество последователей, заполнивших зал для аудиенций и ведущие к нему аллеи. Пираты состояли из илланунов и малуков из Гиллоло. Иллануны - прекрасные атлетические мужчины с надменным и сдержанным характером, готовые, очевидно, быть друзьями или врагами в зависимости от того, что им больше подходит.

"Кроме обычных формальностей, встреча ничем не отличалась; одна сторона удалилась на свои лодки, а другая отправилась в свои дома, и все было спокойно. Вечером я прошелся по флоту и осмотрел несколько самых больших прахусов. Вся флотилия состояла из восемнадцати лодок, трех малук и пятнадцати илланунов; самая маленькая из этих лодок вмещала двадцать человек, самая большая (они в основном большие) - до сотни. Эти большие прахусы слишком тяжелы, чтобы хорошо тянуть их, хотя они несут двадцать, сорок и даже пятьдесят весел; их вооружение состоит из одного или двух шестифунтовых орудий на носу, одного четырехфунтового, кормового чейзера и нескольких вертлюгов, а также мушкетов, копий и мечей. Лодка разделена на три части и укреплена крепкими досками: одна - за носом, другая - на середине корабля, третья - на корме, чтобы защитить рулевого. Женщины и дети, а также неудачливые пленники, захваченные во время боя, находятся внизу.

"Их главный план - по возможности высадиться на судно и взять его числом; конечно, если торговое судно будет плохо стрелять, оно неизбежно будет захвачено, но с виноградом и канистрами, правильно направленными, резня будет настолько велика, что они будут рады уйти, не успев приблизиться к судну".

Приведя, хотя и очень краткое, описание этих диких морских львов, а также их законов и правительства, стоит уделить немного места рассказу об одной из многочисленных схваток, произошедших между ними и войсками под командованием сэра Дж. Брука, чьим главным делом, как известно, было сдерживать и всеми силами подавлять хищнические действия

пиратской стаи прахусов, населявших Малайский архипелаг, подвергая большой опасности не только мирных местных и китайских торговцев, но и европейские торговые суда, заходившие в Сингапур и другие китайские порты.

Чтобы поддержать сэра Дж. Брука в его нелегкой задаче, наше правительство в 1843 году направило на остров военно-морской корабль "Дидо", командиром которого был капитан Генри Кеппель. "Дидо" находился в плавании уже довольно долгое время и выполнил немало трудных заданий по усмирению пиратов, когда пришло время прибытия в Сингапур английской почты, в которую входили и борнейские пакеты с письмами. Их должна была доставить небольшая шхуна, но, зная, что шхуну наверняка будут с нетерпением искать пираты, капитан Кеппел согласился с сэром Дж. Бруком, что было бы не лишним послать несколько помощников, чтобы они проплыли по дороге, по которой должна прийти шхуна. Самой "Дидо" вряд ли стоило отправляться с таким поручением, к тому же пиннас "Дидо" находился в ремонте, поэтому было решено взять на борт большую лодку туземной постройки, принадлежавшую сэру Дж. Бруку и называвшуюся "Веселый холостяк". На ней установили латунную шестифунтовую пушку, набрали добровольную команду из помощника, двух мичманов, шести морских пехотинцев и двенадцати матросов с провизией на две недели, и все это под командованием мистера Ханта, второго лейтенанта "Дидо".

После того как "Веселый холостяк" некоторое время шел своим неспешным курсом, он заметил на большом расстоянии три лодки, которые пустились в погоню, но вскоре потеряли их из виду из-за превосходства в плавании. Однако после наступления темноты они появились во второй и третий раз, но "Веселый холостяк" не смог приблизиться к ним, и теперь, когда было уже поздно, а команда устала и проголодалась, они пристали к берегу, разожгли костер, приготовили провизию, а затем оттащили лодку на ночь к ее шпангоуту возле скал; они легли отдохнуть с оружием наготове и мушкетами вокруг мачты. Расставив поблизости дозорных и наблюдателей и назначив вахтенного офицера, они все вместе (включая, похоже, и вахтенного, и наблюдателя) крепко уснули.

Первым проснулся лейтенант Хант, и его еще сонные глаза встретил весьма значительный сюрприз. Было около трех часов, луна только что взошла; лейтенант, потревоженный легким шумом, поднял голову - и вот! На палубе стоял дикарь, размахивающий своим крисом и исполняющий боевой танец в экстазе восторга, думая, по всей вероятности, о том, как легко он завладел прекрасным торговым судном, и подсчитывая груз рабов, который ему предстояло продать, но мало задумываясь о том, в какое осиное гнездо он угодил.

Оружие даяков и малайцев.

Лицо лейтенанта Ханта, встретившее свет луны, стало первым признаком того, что пират совершил ошибку. Он тут же бросился за борт, и прежде чем офицер успел достаточно оправиться от изумления, чтобы понять, сон это или явь, или разбудить свою команду, выстрелы из трех или четырех пушек в радиусе нескольких ярдов и рассечение такелажа различными снарядами, которыми были заряжены пушки, вскоре убедили его в том, что это была суровая реальность. Хорошо, что в момент выстрела люди лежали, так как ни один из них не пострадал; но, вскочив на ноги, они обнаружили, что их тесно прижимают два больших военных прахуса, по одному с каждой стороны.

Открыть ответный огонь, перерезать трос, сесть на весла и отойти на корму, чтобы освободить место, было делом одной минуты; но теперь началось перетягивание каната; это был вопрос жизни и смерти. Экипаж "Бакалавра" сражался, по словам капитана Кеппеля, "как подобает". Четверти не ожидалось ни с одной стороны, а быстрая смертоносная стрельба морских пехотинцев не позволяла пиратам перезарядить пушки. Илланунские пиратские суда построены по уже отмеченной нами особой технологии, то есть с перегородками, в которых проделаны отверстия для пушек, и эти перегородки должны были быть разрушены выстрелами, прежде чем можно было эффективно использовать мушкетеры. Это было сделано, и виноград и канистры "Веселого холостяка" действовали с ужасающей эффективностью. Тем временем прахус пробивался вперед, чтобы высадиться, а английская лодка отходила на корму; но как только эта задача была выполнена, люди последней бросили весла и, схватив мушкеты, бросились вперед. Работа была резкой, но короткой, а резня - большой. Пока одно пиратское судно тонуло и пытались спастись, другое спаслось, обогнув скалы, где третье, более крупное праху, доселе невиданное, пришло к нему на помощь и, посадив на борт свежие руки и взяв его на буксир, сумело уйти, хотя его преследовал "Веселый холостяк", поджегший покалеченный приз, который взорвался и затонул, прежде чем завоеватели вернулись к месту боя.

Зрелище, представшее перед победителями, когда они поднялись на борт захваченного праху, должно быть, было поистине ужасающим: никто из пиратов не ждал на борту даже шанса получить пощаду или четверть, но все, кто мог двигаться, бросились в воду. Кроме убитых, на дне праху, в котором было около трех футов крови и воды, лежали с веслами в руках изуродованные останки восемнадцати или двадцати тел.

Однако, как ни отвратительно военное ремесло, особенно если оно ведется из корыстных побуждений, нам, в крови которых так много морской соли, трудно относиться к этим диким даякским скитальцам без симпатии. Безусловно, они обладают главными элементами великого народа: упорством, мужеством и неугомонной жаждой приключений - во многом такими же, дорогой читатель, как и те, от которых произошли мы с вами. Но, скажете вы, наши вольные предки были героями и вели за собой героев. Что ж, вот герой даяков, изображенный тем, кто сам является героем, - настоящим британским военным и тем, кто вряд ли переоценит доблесть или примет ее за сентиментальность.

"Среди смертельно раненых был молодой командир праху, один из самых благородных представителей человеческой расы; его лицо было красивым, как у героя восточной романтики, а осанка - удивительно впечатляющей и трогательной. Он был ранен спереди и через легкие, и его конец быстро приближался. Он пытался говорить, но не мог. Он выглядел так, словно хотел сообщить что-то важное, и тень разочарования и сожаления пролегла по его челу, когда он почувствовал, что все усилия бесполезны и что его мужественная сила и смелый дух растворяются в темной ночи уничтожения. Жалостливые завоеватели осторожно подняли его, и он сидел сравнительно спокойно, так как истечение крови было менее мучительным, но конец наступил быстро; он героически сложил руки на раненой груди, устремил взгляд на британских моряков вокруг и, бросив долгий взгляд на океан - театр его смелых подвигов, на котором он так часто сражался и побеждал, - скончался без единого вздоха".

Однако, несмотря на то, что в морской войне они проявляют столько мужества и безразличия к смерти, их военная тактика - самого низкого порядка и выполняется с такой медлительностью, что видеть в них только солдат и ничего больше, значит считать их

величайшими проклятыми на земле. Раджа Брук имел самый печальный и в то же время смехотворный опыт. Благодаря его собственному упорству и помощи (в лучшем случае скудной), оказанной ему британским правительством, а также помощи различных борнейских племен, которые Брук привлек на свою сторону, мародерствующие даяки значительно уменьшились в численности и, что еще лучше, умили свой пиратский пыл; тем не менее в фортах на побережье обитало несколько очень грозных существ, чьи интересы были направлены на пиратство и которые, как известно, делали все возможное, чтобы помешать усилиям европейского раджи. Поэтому был проведен большой военный совет, на котором присутствовали различные малайские, китайские и даякские вожди, а также сэр Дж. Брук, и было официально решено объединить различные силы и приступить к штурму и взятию неприятных фортов обычным способом.

Все с готовностью дали слово, но наш соотечественник, похоже, с самого начала мрачно предчувствовал, чем все это закончится. "Если судить, - говорит он, - по образцу совета, я должен был бы весьма неблагоприятно ожидать их поведения в бою". Макота (вождь, как и остальные, чьи имена здесь упоминаются) - живой и деятельный, но, то ли из-за недомогания, то ли из-за отсутствия власти, нерешительный. Капитан Чайна ленив и молчалив; Абонг Миа и Дату Нараджа глупы. Здесь я могу изложить свои мотивы, побудившие меня стать зрителем или участником (в зависимости от обстоятельств) этой сцены. Прежде всего, я должен признаться, что мною двигало любопытство; ведь наблюдать малайцев, китайцев и даяков в боевых действиях было так ново, что одна только новизна могла бы послужить оправданием этого желания. Но это был не единственный мотив, так как мое присутствие стимулирует нашу собственную партию и, вероятно, пропорционально угнетает остальных".

Кроме мечей, копий, мушкетов и артиллерии, обе стороны пользовались и другим излюбленным борнейским оружием, в том числе ранчо: "Эти ранчо сделаны из бамбука, тонко заостренного и воткнутого в землю; кроме того, есть ямы глубиной около трех футов, заполненные этими шипами и затем слегка прикрытые, которые называются патабонг. Еще одно препятствие состоит из пружины, образованной отгибанием жесткого тростника с прикрепленным к нему острым бамбуком, который, скрепленный небольшой бечевкой, с силой летит на любой предмет, проходящий через кустарник и задевающий его: они напоминают ловушки для кротов в Англии. Борнейцы очень боятся этих ловушек, и для борьбы с ними они посылают ночью отряды даяков, чтобы те расчищали путь от подобных опасностей. "Самбасские китайцы (приверженцы партии Брука) были жалко вооружены, у них не было пушек и почти не было мушкетов; только мечи, копья и щиты, а также сорок длинных тонких железных трубок с отверстием для мушкета и пуль. Этим примитивным оружием управляли два человека, один из которых был подносчиком боеприпасов, а другой - стрелком; пока один держит трубку на плече, другой прицеливается, отворачивает голову, прикладывает спичку и радуется звуку. Способ заряжания не менее любопытен, чем само орудие и способ его выстрела. Насыпается порох, конец стучит по земле, и пуля с очередным стуком отправляется на порох без всякой трамбовки и патрона. Действительно, трудно представить себе более грубое, неудобное и неэффективное оружие. Борнейцы в бою носят стеганую куртку или спенсер, доходящую до бедер, и из-за своего размера имеющую самый непригодный вид: голые ноги и руки торчат из-под этого надутого плаща, как палки, поддерживающие одежду чучела".

Отправившись в плавание с флотилией кораблей, содержащей его доблестную армию, он со временем достиг окрестностей врага и построил форт в миле от его твердыни. Следует отметить, что для обеспечения себя материалами для этого форта был снесен еще один

близлежащий дом, а бревна погружены на запасные лодки. Никакого сопротивления не последовало. Земля была очищена от джунглей, сваи вбиты в квадрат примерно пятнадцати ярдов с каждой стороны, а земля из центра, вычерпанная и перемешанная с тростником, была навалена на сваи высотой около пяти футов. По четырем углам располагались небольшие сторожевые домики, а вдоль земляного парапета - узкая дорожка, соединяющая их. Пока часть армии была занята этим, другая ее часть окружала основную часть обороны внешним сооружением, сделанным из небольших палок, вбитых в землю, с поперечными связями из расщепленного бамбука, и оцетинившимся *шево-де-фриз* из заостренного бамбука высотой около груди. Крепления всей работы были сделаны из ратана, который водится в изобилии. Вся крепость была начата и закончена в течение восьми часов.

Зная о слабости врага, сэр Дж. Брук предложил напасть на него, а в случае преследования или сильного отпора отступить в форт всего за десять минут, где можно было не опасаться дальнейших нападений. Но это предложение привело армию в изумление. Что? Подойти прямо к медным пушкам? Конечно, английский раджа должен быть безумен. Атаковать нужно из-за стены или вообще не атаковать; а почему бы и нет, если строить форты так легко? И нужно было всего лишь семь часов труда, чтобы строить форт за фортом по мере продвижения и до тех пор, пока они не окажутся на расстоянии выстрела из мушкета от противника. Так что Великая армия отправилась спать.

На следующее утро они встали и принялись за работу, отбивая молотком и возиться с новыми укреплениями. Однако в самый разгар работы раздался невероятный шум - враг наступал. Ошибки быть не могло: все ближе и ближе слышались их крики и звон военных гонгов. Армия Брука, ничуть не испугавшись, ответила такими же яростными и вызывающими криками, а чтобы освежить их мужество, в воздух было выпущено несколько зарядов пороха и дробы. Враг приближается на расстояние града, и волнение становится грандиозным. "Мы идем! Мы идем!" - кричали мятежники; "Отложите мушкеты, выходите и сражайтесь с нами на мечах". "Давайте, - отвечали другие, - мы строим крепость и хотим сразиться с вами". Дело дошло до критической точки, и неизвестно, чем бы все это закончилось, когда милосердная природа, чтобы предотвратить ужасы крови и резни, вмешалась, обрушив ливень, под которым мятежники отступили, сопровождаемые насмешливыми криками борнейцев, которые были под прикрытием, и чьи вожди немедленно приступили к горячим благодарственным молитвам за одержанную победу, солдаты ответили с назидательной серьезностью, а затем все улеглись на покой, как и в предыдущую ночь.

Однако на следующее утро сэр Дж. Брук, чье любопытство уже давно было удовлетворено и который начал уставать от наблюдения за этим новым способом ведения войны, призвал войска сделать шаг вперед, подойти на триста ярдов к вражеской крепости и возвести там новый острог, подкрепив свой призыв обещанием послать на борт за двумя шестифунтовыми карронадами, которыми его можно будет оснастить. Во время этой работы сэр Дж. Брук воспользовался случаем и поинтересовался у командира даяков, Макоты, всегда ли в этих краях ведется бой именно таким образом. Макота очень хотел разъяснить нашему соотечественнику суть вопроса, который так сильно затрагивал честь его нации. Враги, заявил он, во время его последней кампании были гораздо мужественнее, чем сейчас. Штоку противостоял шток, бои были постоянными и жестокими; и Макота так умело командовал своими войсками, что за два месяца не потерял ни одного человека, в то время как *пятеро* врагов были растянуты на поле боя.

К тому времени, когда форт был закончен и прибыли пушки, армия Брука была усилена, так что насчитывала пятьсот человек разного рода. Пока устанавливали пушки, противник открыл огонь, но был быстро остановлен, и уже через четверть часа ему пришлось

оплакивать пролом в стенах своей крепости, достаточно большой, чтобы впустить несколько человек вместе. "Видя такой эффект, - рассказывает раджа Брук, - я предложил Макоте штурмовать это место со ста пятьюдесятью китайцами и малайцами. Путь от одного форта к другому был защищен. Враг не осмеливался показываться, так как его прикрывал огонь винограда и канистр, и ничего не могло быть проще; но мое предложение вызвало переполох, который так же трудно описать, как и забыть. Китайцы согласились, и Макота, главнокомандующий, был готов; но его подчиненные отступили, и произошла сцена, которая показала мне всю жестокость малайских страстей и их неистовое безумие, когда они пробуждаются. Пангеран Хаусман (один из вождей) энергично доказывал преимущество предложения и во время речи впал в ярость; он вскочил на ноги и с демоническими жестами заходил по кругу, танцуя боевой танец по самой благородной моде. Лицо его побагровело, глаза сверкали, черты лица воспалились, и я, со своей стороны, не будучи в состоянии истолковать поток его ораторского искусства, подумал, что этот человек одержим дьяволом и вот-вот "размажет грязь". Но через минуту-другую этого танца он вернулся на свое место, разъяренный и запыхавшийся, но молчаливый. В ответ Субту высказал несколько возражений против моего плана, который горячо поддержал Иллудин, что, очевидно, задело чувства Субту, так как спокойный Субту вскочил на ноги, схватил копье и бросился к входу в острог с отчаянно разгоревшимися страстями. Я никогда не видел более прекрасного действия, чем когда, подняв копье и указывая на вражеский форт, он бросил вызов любому, чтобы тот бросился за ним". Хаусман и Суррудин (храбрейшие из храбрых), как безумцы, схватились за мечи, чтобы воспламенить мужество остальных. Это была сцена извергов, но тщетно, ибо, хотя они, казалось, готовы были ссориться и драться между собой, не было ни малейшего движения, чтобы напасть на врага. Все было в смятении; демон раздора и безумия был среди них, и я был рад видеть, как они остыли, когда несогласные с нападением предложили сделать обход сегодня вечером и атаковать завтра".

И так эта драгоценная игра в "если хочешь, я сделаю" и "ты первый меня ударишь" продолжалась много дней, - больше, чем читатель мог бы предположить, если бы был предоставлен собственному суждению. Ссора между Субту и Иллудином произошла 31 октября, а 18 января следующего года враг был разбит, а его крепости разрушены.

Одним из самых любимых боевых орудий даяков является "сумпитан" - длинный полый тростник, через который дыханием запускаются небольшие дротики или стрелы, особенно грозные из-за яда, которым покрыты их наконечники. Согласно Манди и другим авторам борнейских нравов и обычаев, стрелы содержатся в бамбуковом футляре, подвешенном сбоку, а на дне этого колчана находится яд упаса. Стрела представляет собой кусок дерева с острым наконечником, вставленный в раструб из коры дерева, в который вставляется трубка духовой трубки. Туземцы носят с собой небольшой калабаш для наконечников стрел, а собираясь в бой, готовят их достаточное количество и только что окунают острия в яд, поскольку его смертоносное действие продолжается недолго. Когда они сталкиваются с врагом, ящик сбоку открыт, и, наступая или отступая, они выпускают отравленные стрелы с большой скоростью и точностью: некоторые держат четыре запасные стрелы между пальцами руки, которая держит сумпитан, а другие берут их в боковой футляр.

При наступлении сумпитан держат у рта, приподняв его, и выпускают не менее пяти стрел к одной по сравнению с мушкетом. Дальше двадцати ярдов они не стреляют с уверенностью из-за легкости стрелы, но в спокойный день дальность может достигать ста ярдов. Яд считается смертельным у кайанов, но малайцы не согласны с этим мнением. "Мое собственное впечатление таково, - говорит капитан Манди, - что последствия ранения сильно преувеличены, хотя, если яд свежий, смерть иногда наступает; но, безусловно, если

яд находится на воздухе в течение какого-либо времени, он теряет свою вирулентность. Мой слуга был ранен в ногу стрелой, которая хранилась около двух месяцев; из прокола потекла кровь, что вызвало у меня сильную тревогу; но серная кислота в сочетании с каустиком была применена сразу после этого, и он не почувствовал никаких плохих последствий".

Все племена, использующие сумпитан, из-за своего особого способа боя и страха перед этим оружием, называются Ната Хутан, или "Лесные дьяволы". Кроме сумпитана, они носят иланг, или меч, который вырезан под углом в грубой форме головы лошади и украшен пучками волос, красных или черных; лезвия этих мечей примечательны: одна сторона выпуклая, другая вогнутая. Они обычно очень короткие, но из хорошего металла и с тонкой кромкой. Эти воины носят плащи из оленьих шкур и шапки из корзин, некоторые из них причудливо украшены; кроме уже упомянутого оружия, на спине у них висит щит из прочного дерева, который составляет их снаряжение для службы. Очень любопытно наблюдать за их передвижениями, когда отдается приказ выйти на стычку: один за другим, быстрым шагом, но уверенно и бесшумно ступая, они скользят в кусты или длинную траву, пробираются по узким тропинкам и постепенно исчезают в густых джунглях.

Главное оружие, используемое индейцами Амазонии, очень похоже на даякский сумпитан и называется "пукуна". Его изготовление и использование так наглядно описывает капитан Рид: - "Когда амазонский индеец хочет изготовить для себя пукуну, он выходит на берег и идет к ней.

"Когда амазонский индеец хочет изготовить для себя *пукуну*, он отправляется в лес и ищет два высоких прямых стебля пальмы "пашиуба мира". Они должны быть такой толщины, чтобы один мог поместиться внутри другого. Найдя то, что ему нужно, он срубает оба и несет их домой в свою молоканку. Ни одна из них не имеет таких размеров, чтобы это было невозможно или затруднительно. Теперь он берет длинный тонкий прут, уже подготовленный для этой цели, и выталкивает им сердцевину из обоих стеблей, как это делают мальчики, когда готовят свои поп-пушки из стеблей бузины. Прут, который используется для этой цели, добывается из другого вида пальмы *Iriartea*, древесина которой очень твердая и прочная. Небольшой пучок корня папоротника, закрепленный на конце стержня, затем протягивают вперед-назад через трубки, пока они не очистятся от налипшей на них сердцевины; оба стержня полируются таким образом до гладкости слоновой кости. Ладонь меньшего диаметра, отшлифованная до нужного размера, вставляется в трубку большего диаметра, чтобы исправить кривизну, если таковая имеется; если же это не удастся, обе трубки прибиваются к какой-нибудь прямой балке или столбу, и так оставляются, пока не станут прямыми. Один конец ствола, в силу особенностей дерева, всегда меньше другого; к нему прикреплен мундштук из двух клыков пекари, чтобы концентрировать дыхание охотника, когда он дует в трубку. Другой конец - это дуло; рядом с ним, на вершине, устанавливается прицел, обычно зуб пака или другого грызуна. Этот прицел приклеивается с помощью резинки, которую дает другое тропическое дерево. Снаружи, желая придать оружию декоративную отделку, мастер наматывает по спирали блестящий выюнок, и тогда *пукуна* готова к бою.

"Иногда используется только один хвостовик пальмы, и вместо того, чтобы выталкивать сердцевину, стебель разделяется на две равные части по всей длине. Затем удаляется сердцевина, и эти две части соединяются вместе, как два деления карандаша из кедрового дерева, и плотно скрепляются сипо.

"Диаметр *лукуны* обычно составляет около полутора дюймов самом толстом конце, а отверстие примерно равно отверстию пистолета обычного калибра. Длина же оружия варьируется от восьми до двенадцати футов.

"Это необычное орудие предназначено не для пули, а для стрелы, но поскольку эта стрела совершенно отличается от обычной, ее также необходимо описать.

"Стрела для духового ружья имеет длину около пятнадцати или восемнадцати дюймов и делается из куска расщепленного бамбука; но если удастся найти пальму "патава", это дерево дает еще лучший материал - длинные шипы, которые вырастают из оснований листьев. Они достигают восемнадцати дюймов в длину, черного цвета, плоские, но совершенно прямые. Если их обрезать до нужной длины - а большинство из них не обрезаются, - то с одного конца они становятся острыми. Это острие окунают на глубину около трех дюймов в знаменитый яд "кураре", а в том месте, где заканчивается след от яда, делают насечку, чтобы головка легко отламывалась, когда стрела находится в ране. Возле другого конца немного мягкого пуха из шелковистого хлопка (пух *бомбакса*) скручивается в гладкую массу в форме вертушки, большим концом в сторону ближнего конца стрелы. Хлопок удерживается на своем месте легким наматыванием на тонкую нить или волокно *бромелии*, и масса становится достаточно большой, чтобы заполнить трубку, осторожно вдавливая ее внутрь.

"Изготовленная таким образом стрела вставляется, и всякий раз, когда дичь оказывается в пределах досягаемости, индеец прикладывает рот к нижнему концу или мундштуку и с сильным "пыхтением", которое ему позволяет сделать практика, отправляет маленького посланника на его смертельное задание. Он может безошибочно попасть в цель на расстоянии сорока или пятидесяти шагов, но предпочитает стрелять в направлении, почти вертикальном, так как в этом случае он может быть наиболее уверенным в цели. Поскольку его обычная дичь - птицы и обезьяны - обычно сидят на ветвях высоких деревьев, их положение как раз подходит ему. Конечно, убивает их не просто рана от стрелы, а яд, который через две-три минуты после попадания в птицу или обезьяну повергает их на землю. Когда последнюю поражают, она непременно вытаскивает стрелу, но уже упомянутая зазубрина защищает от этого, так как малейшее движение отламывает отравленную головку.

"Эти стрелы опасны - даже для их изготовителя - для игры с ними: поэтому их носят в колчане, причем с большой осторожностью - колчан состоит либо из бамбукового косяка, либо из аккуратного плетеного футляра".

Вернемся, однако, к нашим диким друзьям - борнейцам. Как и почти у всех дикарей под солнцем, у них есть свои военные танцы: "Однажды у нас был танец.

"Однажды мы наблюдали танцы илланунов и гиллолосов; их можно назвать военными танцами, но они очень разные. Исполнитель илланунов одет в прекрасный шлем (вероятно, позаимствованный у наших первых мореплавателей), украшенный перьями райской птицы. Два золотых пояса, перекрещенные, как у наших солдат, на груди, связаны на талии причудливым одеянием, доходящим до половины бедра и состоящим из разноцветных шелковых и шерстяных нитей, расположенных одна над другой. Меч или кемпиан украшен у рукояти ярдом или двумя красной ткани, а длинный вертикальный щит покрыт маленькими кольцами, которые звенят, когда исполнитель выполняет свои движения. Сам танец состоит из множества неистовых воинственных жестов: удары, выпады, наступления, отступления, повороты, падения, крики, с отдельными смелыми остановками и отличным *апломбом*,

который мог бы вызвать аплодисменты оперного театра; но в целом представление было возмутительно яростным и настолько естественным, что приближалось к настоящему бою; и через полчаса танцор, прекрасный молодой человек, был настолько истощен, что упал в обморок на руки своих товарищей. Несколько других танцоров преуспели, но не сравнялись с первым, и у нас не было возможности оценить танец малуку, поскольку он продолжался недолго; но он имеет более мягкий характер: наступают с копьем, незаметно бросают его, а затем отступают с мечом и щитом. Следует заметить, что щит малуку удивительно узкий, и им размахивают примерно так же, как игрок в одиночку использует свою палку, а ирландец - свой шиллал, то есть держат его почти в центре и крутят во все стороны".

Следующая выдержка из "Борнейского журнала" сэра Дж. Брука послужит любопытному читателю для ознакомления с особенно ужасным обычаем "охоты за головами", наблюдаемым в этой части света. Недалеко от резиденции раджи расположилась группа даяков сико, которые вовремя обнаружили вторжение своих смертельных врагов синге на их территорию.

"Сико, подняв тревогу, отрезали им путь к отступлению, убили двух даяков Синге и получили в общей сложности пять голов, хотя потеряли две, принадлежавшие их главным воинам. До меня дошли эти новости, я поспешил на холм и прибыл как раз после того, как часть воинов принесла головы. Поднявшись на гору, мы обнаружили, что за пятью головами тщательно следят примерно в полумиле от города, из-за неприбытия части военного отряда. Недалеко от места, где лежали эти жалкие останки шумной смерти, они соорудили временный навес, и их охраняли около тридцати молодых людей в своих лучших нарядах, состоящих в основном из алых курток, украшенных ракушками, тюрбанов из туземной берестяной ткани, окрашенной в ярко-желтый цвет и накинутой на голову, и украшенной иногда перьями, цветами или веточками листьев. Ничто не может превзойти их пристрастия к этим трофеям; уходя с тропы войны, человек, которому посчастливилось заполучить голову, вешает ее на шею и тут же начинает возвращение в свое племя. Если он засыпает в пути, драгоценная ноша, хотя и разлагающаяся и оскорбительная, не снимается, а лежит у него на коленях, в то время как голова (и нос) откидывается на колени.

"На следующее утро головы приносили в деревню в сопровождении нескольких молодых людей, одетых во все лучшее, и несли в дом Парембама под удары гонгов и выстрелы из одного или двух ружей. Затем их разместили на видном месте в публичном зале Парембама. Звучала музыка, и мужчины танцевали большую часть дня, а ближе к вечеру их пронесли в процессии через все кампонги, кроме трех или четырех, расположенных чуть выше меня. Женщины в этих процессиях толпятся вокруг голов, пока они идут от дома к дому, кладут сирих и бетель-орех в рот призрачным мертвецам и приветствуют их. После этого их несут обратно в том же триумфе, кладут в проветриваемом месте и оставляют сушиться. Во время этого процесса в течение семи, восьми и десяти дней за ними наблюдают мальчики в возрасте от шести до десяти лет, и все это время они не выходят из публичного зала: им не разрешается выходить из него, пока они занимаются этим священным делом. Так юноши проходят инициацию.

"В течение долгого времени после того, как головы повешены, мужчины по ночам собираются, бьют в гонги и распевают обращения к ним, которые мне были переданы следующим образом. Твоя голова находится в нашем жилище, но твой дух странствует в твоей собственной стране. Твоя голова и твой дух теперь наши; поэтому уговори своих соплеменников быть убитыми нами! Поговорите с духами вашего племени; пусть они бродят по полям, чтобы, когда мы снова придем в их страну, мы могли получить больше голов, и чтобы мы могли принести головы ваших братьев и повесить их за вашу голову" и т. д. Тон

этого песнопения громкий и монотонный, и я не могу сказать, как долго оно поется, но, несомненно, в течение месяца после прибытия голов, так как у одной партии здесь была голова в течение этого времени, и они все еще увещевали ее.

"Таковы их обычаи и способы ведения войны, и в заключение я могу сказать, что, хотя их трофеи более отвратительны, их войны не столь кровавы, а жестокость не столь велика, как у североамериканских индейцев. Они убивают всех своих врагов, мужчин, женщин и детей, но это характерно для всех диких племен. В них живет непримиримый дух мести, пока длится война, они отплачивают злом за зло, жизнью за жизнь: и, как я уже говорил, трофеями становятся головы, как скальпы у краснокожих. Но, напротив, они никогда не пытаются своих врагов, не пожирают их, и мир среди них всегда можно восстановить весьма умеренной платой. Короче говоря, в их чувствах и способах их проявления нет ничего нового, ни одной черты, отличающей жестокость, ни одной охоты за головами ради охоты за головами. Они действуют точно по тем же побуждениям, что и другие дикие люди: война возникает из-за страсти или интереса, мир - из-за поражения или страха. Как друзья они верны, справедливы и честны, как враги - кровожадны и коварны, терпеливы на тропе войны, переносят усталость, голод и недостаток сна с бодростью и решимостью. Как дровосеки, они необыкновенно меткие, и во всех своих походах носят с собой несколько ранчо, которые, отступая, втыкают позади себя с интервалами в двадцать, пятьдесят или сто ярдов, так что горячо преследующий их враг оказывается остановленным, а многие тяжело ранеными. Их вооружение состоит из меча, копья с железным наконечником, нескольких деревянных копий, ножа, носимого на правом боку, и мешочка или небольшой корзинки. Их провизия - особый вид клейкого риса, сваренного в бамбуке. Поразив врага или потерпев неудачу, они без промедления возвращаются в свои дома".

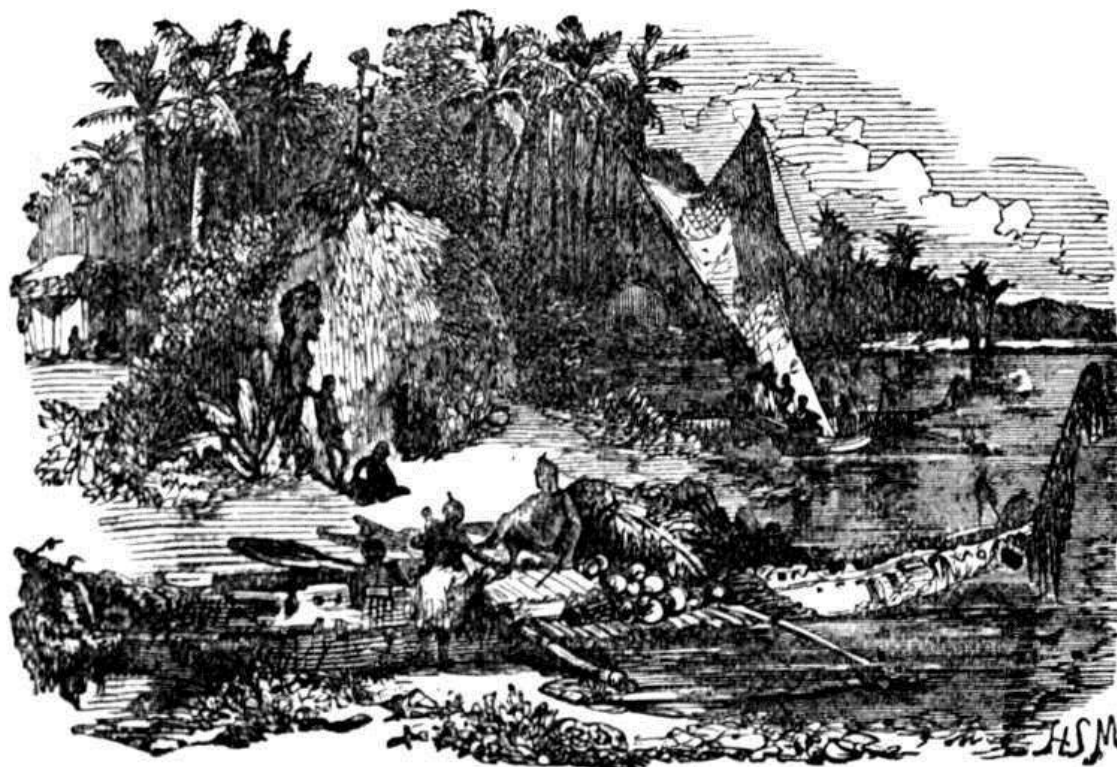
У даяков и самоанцев драгоценным военным трофеем являются головы; у индейцев Северной Америки достаточно одного скальпа; тингуанец с Филиппинских островов, по утонченности варварства намного превосходящий своего собрата-дикаря, должен иметь *мозги* своего врага. Когда Ла Жироньер жил в Палане, одной из семнадцати деревень, из которых состоит Тингуа, пришло известие, что произошла битва и несколько знаменитых воинов попали в плен. В связи с этим должен был состояться пир.

"Ближе к одиннадцати часам вожди города, а за ними и все жители направили свои шаги к большому сараю в конце деревни. Там каждый занял свое место на земле, причем каждая партия во главе со своими вождями заняла место, заранее отмеченное для нее. В центре круга, образованного вождями воинов, стояли большие сосуды, наполненные *баси* - напитком, приготовленным из перебродившего сока сахарного тростника, и четыре отвратительные головы гуинанов, полностью обезображенные, - таковы были трофеи победы. Когда все помощники заняли свои места, чемпион из Лагангилана-и-Мадалага взял одну из голов и преподнес ее вождю города, который показал ее всем помощникам, произнес длинную речь, содержащую множество похвал в адрес победителей. Закончив речь, воин взял голову, разделил ее ударами секиры и вынул мозги. Во время этой неприятной операции другой чемпион взял вторую голову и передал ее вождям, произнес ту же речь, затем таким же образом разбил череп на части и вынул мозги. То же самое проделывалось с четырьмя оставшимися черепами поверженных врагов. Когда мозги были вынуты, молодые девушки колотили их руками в вазы с ликером из перебродившего сахарного тростника; они перемешивали смесь вокруг, а затем вазы относили вождям, которые погружали в них маленькие кубки из озира, через трещины которых вытекала жидкая часть, а твердую часть, оставшуюся на дне, они пили с экстатической

чувственностью. Мне стало совсем плохо от этой совершенно новой для меня сцены. После очереди вождей наступила очередь чемпионов. Им подносили вазы, и каждый с наслаждением пил этот страшный напиток под шум диких песен. В этом жертвоприношении победе действительно было что-то inferнальное.

"Мы сидели в кругу, и эти вазы несли по кругу. Я прекрасно понимал, что нас ждет отвратительное испытание. Увы! Ждать его пришлось недолго. Воины расположились передо мной и вручили мне *баси* и страшный кубок. Все взгляды были устремлены на меня. Приглашение было настолько прямым, что отказаться от него означало бы, пожалуй, подвергнуть себя смертельной опасности. Невозможно описать тот внутренний конфликт, который происходил во мне. Я бы предпочел, чтобы карабин бандита находился в пяти шагах от моей груди, или ожидать, как я уже делал, стремительного нападения дикого буйвола. Я никогда не забуду этот ужасный момент; он поразил меня ужасом и отвращением; однако я сдерживал себя, ничем не выдавая своих эмоций. Подражая дикарям, я окунул озерный кубок в напиток, поднес его к губам и передал несчастной Алиле (служанке и спутнице Жироньера), которая не смогла избежать этого адского напитка. Жертвоприношение было завершено, возлияния закончились, но не песни. *Баси* - очень крепкий и опьяняющий напиток, и помощники, которые выпили его слишком много, запели громче под звуки тома и гонга, а чемпионы разделили человеческие черепа на мелкие кусочки, предназначенные для подарков всем друзьям. Раздача происходила во время сидения, после чего вожди объявили церемонию оконченной. Затем они начали танцевать. Дикари разделились на две линии и, заывая, словно разъяренные безумцы или ужасно спровоцированные, прыгали, кладя правую руку на плечо партнера и меняясь с ним местами. Эти танцы продолжались весь день; наконец наступила ночь, каждый житель со своей семьей и несколькими гостями вернулся в свою обитель, и вскоре после этого спокойствие было восстановлено".

Защищая систему ведения войны, практикуемую даяками, раджа Брук особо отмечает жажду крови и общую жестокость, проявляемую дикими индейскими воинами Северной Америки. Как и у других варваров, у североамериканского индейца есть свои европейские и американские поборники - Катлин в числе последних - которые утверждают, что не видят в этом дикаре ничего мерзкого, подлого и жестокого, а, напротив, все храброе, щедрое и гостеприимное. Однако эти поборники упускают из виду, что храбрость и щедрость, проявляемые среди друзей, - лишь незначительные добродетели по сравнению с тем, что они демонстрируют по отношению к врагу; более того, в первом случае их едва ли можно считать добродетелями вообще, а лишь социальными удобствами, лишившись которых, человек перестает быть компанейским. Как относятся друг к другу североамериканские дикари, будучи врагами? Пусть то, что уже было сказано на эту тему на этих страницах, а также то, что последует далее, послужит ответом на этот вопрос.

ГЛАВА XXII.

Ухаживание за мечтой о войне - Соратники по оружию - Скво о жертвоприношении - На марше - Потасовка воинов - Потребности индейских воинов - Укачивание индейской лошади - Красавица вечеринки - Пример индейского героизма - Как служить врагу - Дуэлянты дикарей - История драгоценного скальпа - Доверие индейского воина к мечтам - Касательно индейских каноэ - Лодка, сшитая из швов - Женщины-лодочники. Женщины-лодочники - военные действия самоанцев - военные орудия и символы самоанцев - узкое спасение - "Возможно, вверх по лицу!" Резня христиан - Проповедничество жителей Соснового острова - Судьба "Сестер" - Негодяи с острова Норфолк - Маленькая история, рассказанная мистером Коултером - Полезные карронады - "Один ненужный выстрел" - Как это могло бы быть.

Мистер Коль сообщает нам, что, когда вождь североамериканских индейцев задумывает военную экспедицию, ему в первую очередь необходимо "помечтать" об этом. Однако он не предпочитает ждать своего сна обычным образом, а уединяется с этой целью, концентрирует все свои мысли на этом предмете и стремится получить хорошие сны для него, прежде чем приступить к осуществлению своего военного проекта.

Он держится в стороне от своей семьи и, подобно отшельнику, удаляется в уединенный домик, построенный специально для этой цели. Там он целыми вечерами сидит на циновке, бьет в барабан и бормочет мрачные магические песни, которые прерывает, чтобы вздохнуть и поплакать. Лежа в постели, он видит всевозможные видения; к нему приходят духи его

родственников, убитых врагом, и побуждают его к мести. Другие духи приходят и указывают ему путь в лагерь врага, обещают победу, иногда точно говорят, где и как он встретит врага и скольких из них убьет. Если его барабан и песня часто звучат по вечерам, к нему приходит друг и, усаживаясь на циновку рядом с ним, говорит: "Что с тобой, Черное Облако? Почему ты видишь сны? Какое горе гнетет тебя?" Тогда Черное Облако открывает свое сердце, рассказывает, как три года назад брат его отца был оскальпирован их наследственными врагами, сиу, в прошлом году - его двоюродный брат, и так далее, и как теперь к нему пришли мысли о его предках. Они часто являлись ему во сне и не давали покоя своими мольбами о мести. Он расскажет ему и часть полученных во сне предзнаменований и знаков о блестящей победе, которую ему суждено одержать, и о путях и средствах, которые приведут его к ней. Но только часть, потому что, как правило, держит главное в себе. Это его секрет, так же как у нас план кампании является секретом главнокомандующего.

Друг, выслушав все это, если дело покажется ему перспективным, в свою очередь возьмется за барабан и поможет другу с его мечтами. Тот, полностью доверяя ему, назначает его своим помощником или адъютантом, и оба ставят себя во главе дела. Они всегда считают, что лучше, чтобы руководителей было двое, чтобы, если мечты одного не имеют достаточной силы, другой мог помочь ему.

Теперь эти два *шефа-де-герра* всю зиму сидят вместе, курят бесчисленные трубки, бьют в барабан по очереди, бормочут волшебные песни всю ночь, совещаются о плане операций и рассылают табак своим друзьям, приглашая их принять участие в кампании. Зима - это сезон консультаций, потому что в это время война ведется редко, отчасти потому, что каноэ нельзя использовать на замерзших озерах, а отчасти потому, что снег слишком легко выдает их след и направление похода.

Если оба согласны по всем пунктам, если они собрали достаточное количество рекрутов и союзников, а также определили время набега - например, договорились, что дело начнется, когда листья станут такого-то размера или когда расцветет такое-то дерево, - и это время наконец наступило, то сначала они устраивают всеобщий военный танец со своими родственниками и друзьями, на котором присутствуют женщины, выкрашенные в черный цвет, как и мужчины. Скво появляются на нем со взъерошенными волосами и с пухом дикой утки, разбросанным по голове. Подобный военный танец исполняется также в домиках всех воинов, которые собираются принять участие в экспедиции.

Если мероприятие и группа храбрецов очень важны, их обычно сопровождает дева, которую они называют "жертвенной скво". Она обычно одета в белое: у сиу, например, в белую дубленую одежду из оленя или бизона, а вокруг ее головы намотана красная ткань. У некоторых племен прерий, например у черноногих, эта празднично украшенная жертвенная скво ведет за уздечку лошадь, которая несет большую сумку с лекарствами и нарядно украшенную трубку. У оджибвеев, которые не имеют лошадей и обычно совершают свои экспедиции по воде, эта дева сидит в отдельном каноэ.

Когда все занимают свои места в боевой раскраске, они начинают свою меланхоличную песню смерти и отчаливают.

Если экспедиция действительно важна - если вождь группы очень влиятелен, - он пошлет табак другим вождям из числа своих друзей; и если они примут его и разделят между многими своими партизанами, другие военные группы одновременно отправятся из деревень и соберутся в условленном месте сбора.

Естественно, они берут с собой как можно меньше вещей и в основном полуголые, чтобы легче было идти. Они даже не обременяют себя большим количеством еды, так как голодают и постятся в пути, но не под давлением обстоятельств, а потому, что этот пост является более или менее религиозным военным обычаем.

Кроме того, в пути они соблюдают всевозможные приметы, которые отчасти являются полезными, мерами предосторожности, отчасти суеверными обычаями. Так, они никогда не присядут в тени дерева и не почешут голову, по крайней мере пальцами. Воинам, однако, разрешается чесать себя куском дерева или расческой.

Юноши, впервые выходящие на тропу войны, носят на голове, как и женщины, полотняный или похожий на него чепец, обычно ходят с поникшей головой, мало говорят или не говорят вовсе, и им не разрешается присоединяться к мертвым или военным песням. Наконец, им не разрешается высасывать костный мозг из костей любой дичи, пойманной и съеденной во время похода. Кроме того, необходимо соблюдать множество правил при входе и выходе из каноэ на тропе войны. Так, ни в коем случае нельзя мочить ноги.

Единственные вещи, которые они носят с собой, помимо оружия и трубок, - это сумки с лекарствами. Они проверяют их перед стартом так же тщательно, как наши солдаты проверяют свои патронные ящики, и кладут в них все лучшие и самые сильные лекарства, а также все свои реликвии, магические заклинания, листки бумаги и т. д., чтобы обеспечить себе помощь всех духов-покровителей.

Тот же авторитет дает нам образец индейских военных танцев и речей:

"К полудню все было готово, и большая труба мира, которую они намеревались вручить великому отцу, была должным образом украшена красными перьями, синими рисунками, нитками вампума и т. д.

"Мне бросилось в глаза, что, хотя это была всего лишь церемония, индейцы относились к ней очень торжественно и серьезно. Согласно традиционному обычаю, трубка мира передавалась от палатки к палатке и от уст к устами воинов. Когда каждый выкурил ее, процессия двинулась в путь и с барабанами, развевающимися флагами из перьев и летучими хвостами отар, лисиц и скунсов прошла через деревню к открытому пространству перед старым фортом Северо-Западной компании. Здесь они поставили деревянный столб и прикрепили к нему свой военный флаг, после чего начались танцы, речи и песни.

"Образовался круг из танцоров с коричневой кожей, а в центре расположились музыканты и певцы. Музыканты, несколько молодых парней, уселись на землю, били в барабан, трясли калабаш и еще несколько инструментов, которые были очень примитивными. У одного была только доска, по которой он бил большим ножом, держа под ней свою полую руку в качестве своеобразной деки. Главными певцами были полдюжины женщин, закутанных в темные плащи, которые произносили монотонный и меланхоличный напев, не отрывая глаз от земли. Пение напоминало грохот бури вдалеке. Под музыку воины прыгали по кругу, покачивая хвостами выдр, лисиц и бобров, прикрепленными к их рукам, ногам и головам.

"Временами пение и танцы прерывались; украшенный развевающимися волосами и шкурами воин входил в круг, поднимал свой томагавк и наносил сильный удар по столбу в знак того, что он собирается описать свои подвиги. Затем он громким голосом и очень бегло начал рассказывать какую-то ужасную историю, в которой он сыграл главную роль. Он размахивал томагавком и в подтверждение своих слов указывал на шрамы и раны на своем обнаженном теле, то и дело нанося сильные удары по столбу. Многие из них покрасили свои

шрамы в кроваво-красный цвет, и их жестикуляция была наиболее яркой, когда они описывали великолепный момент снятия скальпа. Хотя их окружало множество любезных переводчиков, которые сразу же переводили все сказанное на английский или французский, боюсь, я зашел бы слишком далеко, если бы стал записывать все, что говорилось. Тем не менее, вот один из примеров.

"Многие речи начинались в шутливой манере. Один малыш вошел в круг и, ударив по столбу, продолжил: "Друзья мои, то, что я маленький, вы все видите, и мне не нужны свидетели этого. Но чтобы поверить, что я, такой маленький, когда-то убил великана сиу, вам понадобятся свидетели". И тут он выхватил из круга двух свидетелей. Вы и вы присутствовали при этом", - и затем он рассказал историю так, как она произошла. Другой, с длинной шкурой гремучей змеи на голове и опираясь на копье, рассказывал свою историю объективно, как описывают картину:

"Однажды мы, оджиббеваи, отправились против сиу. Нас было сто человек. Один из наших, смелый человек, человек правильной марки, жаждущий отличия, отделился от остальных и прокрался вперед в страну врага. Он обнаружил группу врагов - двух мужчин, двух женщин и трех детей. Он крался вокруг них, как волк, он подползал к ним, как змея, он обрушился на них, как молния, зарубил двух мужчин и снял с них скальпы. Кричащих женщин и детей он схватил за руки и бросил их в качестве пленников своим друзьям, которые поспешили на его боевой клич; и эта молния, эта змея, этот волк, этот человек, мои друзья, это был я. Я говорил".

Оружие Северной Америки.

"Однако в большинстве историй, рассказанных нам, я не смог найти ничего героического. Многие из них, по сути, представляли собой описание того, как хитрый волк напал на ягненка и убил его.

"Один из парней, у которого один глаз был выкрашен в белый цвет, а другой - в угольно-черный, не постеснялся громко и с оскаленным лицом рассказать, как он однажды напал на

бедную одинокую девушку сиу и снял с нее скальп. Он рассказал нам мельчайшие подробности этого зверства, и все же в конце его речи ему аплодировали или, по крайней мере, умилялись, как и другим ораторам. Все индейцы в знак аплодисментов приложили руки ко рту, как трубы, и произнесли свой боевой клич. В тот момент этот человек показался мне не менее свирепым, чем тигр, и все же, когда я познакомился с ним позднее, он говорил вполне разумно и спокойно, как честный фермерский парень. Таковы, так сказать, противоречия в человеческой природе.

"Очень примечательным во всех этих речах было неприкрытое и тщеславное самовосхваление, которое каждый из них использовал в отношении себя. Каждый оратор считал свой поступок самым лучшим и полезным для всего народа. Каждый начинал с того, что все, что рассказывали его предшественники, было очень хорошо, но это мелочи по сравнению с тем, что он хотел сказать о себе. В его намерения входило поразить их раз и навсегда. Его тотем был первым на всей земле, а величайшие подвиги всегда совершали пятнистые ласки (или как их там), и вот он, младший ласка, не желая уступать своим предкам, вышел вперед и совершил подвиги, от описания которых у всех волосы встали бы дыбом", и т. д.

Среди других племен североамериканских воинов храбрецы были вооружены небольшими томагавками, или железными топориками, которые они носили вместе с пороховым рожком на поясе с правой стороны, а длинный табачный кисет из кожи антилопы висел у левого бока. Через плечи были перекинута кожаные мишени, луки и стрелы, а у некоторых были винтовки - оба оружия защищались от сырости в чехлах из оленьей кожи и колчанах с неизбежной бисерной вышивкой и бахромой, которую, кажется, любит каждый дикарь.

Рассказывая об армии индейских воинов, "сменивших лагерь", Бертон в своей любопытной книге "Город святых" пишет: "Их клячи были худыми и неухоженными; они обращались с ними так же жестоко, как и сомалийцы; но ничто, кроме виски, не может убедить индейского воина расстаться с любимым конем. Это все его средства к существованию, его профессия, его гордость. Он прекрасно разбирается в лошадиной мякоти, хотя игнорирует мулов и ослов; и если он предлагает животное, от которого когда-то отказался, то это происходит по той же причине, по которой восточный человек берет на рынок взрослого раба - он стал бесполезен. Как и араб, он считает бесчестным продавать лошадь: он отдает ее вам, ожидая большого подарка, и, разочаровавшись, уходит, ворча, что вы проглотили его собственность".

"За воинами и храбрецами следовал багаж деревни. Столбы для домиков в связках по четыре-пять штук были привязаны к колодкам или вьюкам, крепко привязанным к спинам лошадей, а другие концы пущены по земле, как сбруя грузовика. По этому знаку можно легко определить направление движения. Таким же образом были запряжены волкоподобные собаки; больше люпины, чем клыки, они готовы, когда голодны, напасть на человека или мула; остроносые и колющие, они мало напоминают индейских собак-изгоев. Однако их снаряжение, конечно же, было не столь велико. Маленькая подушечка, подпоясанная вокруг ствола нагрудником, позволяла им тащить два коротких легких шеста, связанных вместе на меньшем конце. Один из них нес на спине только ястреба, но соколиной охотой индейцы, как мне кажется, никогда не занимались. Позади пони шесты соединялись поперечными палками, к которым прикреплялись чехлы, одеяния буйволов и другие более громоздкие предметы. Некоторые имели прочные каркасы из ивовых прутьев или ивовых корзин, две ветви которых сгибались в овал, внизу украшались сетью из шкур для сиденья, покрывались

легким плетеным пологом и открывались, как клетка, только с одной стороны; одеяло или бизонье одеяние защищали обитателя от солнца и дождя. В них сидят утомленные скво, дети и щенки, которые становятся частью семьи, пока их не используют в качестве зверей. Можно предположить, что это грубое средство передвижения; однако упругость жердей во многом смягчает эти неудобства. Очень древнего человека, сморщенного, как прошлогодний орех, и, видимо, искалеченного старыми ранами, везли, вероятно, его правнуки в грубом седане. Это транспортное средство состояло из двух податливых жердей длиной около десяти футов, разделенных тремя поперечными перекладинами на расстоянии двадцати дюймов друг от друга. Таким образом индейцы часто доставляют раненых в свои деревни. Очевидно, они никогда не задумывались о лошадиной повозке, которую можно было бы сделать с таким же успехом и, несомненно, сэкономить на работе.

"В то время как богатые скво ехали верхом, бедняки следовали за своими вьючными лошадьми пешком, разглядывая более удачливых, как жена торговца разглядывает, по ее мнению, каретную даму. Женские наряды мало чем напоминают наряды их господ - непривычный взгляд часто колеблется между полами. На ярмарке, однако, жилет отсутствует, юбка с широкими рукавами опускается ниже колен, а леггинсы имеют несколько иной покрой; все носят грубые шали или белые, голубые или алые полотняные одеяния вокруг тела. На верхней Платте мы потом видели их одетыми в хлопчатобумажные платья по полувиннипегской моде и с ножами боуи наготове. На бабушек было страшно смотреть: ужасные наросты природы, преподающие гордому человеку урок смирения. Матроны среднего возраста были дородны, широки и приземисты, как африканские дамы после того, как стали *mère de famille*; их руки и ноги заметно больше от работы, чем у мужчин, а ноша, лежащая на спине, заставляла их болезненно сгибаться. Молодые скво - жаль, что все наши обиходные индейские слова, такие как *rapoose*, например, *tomahawk*, *wigwam* и *rowwow*, должны были быть натурализованы из абенаки и других суровых диалектов Новой Англии - заслуживали более благозвучного названия. У красавицы-дикаря были большие и томные глаза, сверкающие зубы, гладкие длинные черные волосы, похожие на уши бленхеймского спаниеля, оправдывающие естественный инстинкт погладить или похлопать их, нарисованные прямо над низкими широкими бровями, похожими на квадран. В ее фигуре не было той хрупкости, которая отличает представителей высшей расы, видимо, слишком нежных для повседневной пищи человеческой природы. Ее уши и шея были увешаны украшениями из мишуры, кольца из медной проволоки украшали запястья и изящные руки, мешочек из бисера опоясывал талию, а алые леггинсы, украшенные бахромой и кисточками, заканчивались столь же дорогими мокасины. Когда водитель обратился ко мне с какими-то непонятными словами, она ответила мягким чистым смехом - главным очарованием индианки, так же как и гладкоголосой африканки, - и одновременно показала ему ладонь правой руки, как будто это было зазеркалье. Этот жест, как я потом узнал, означает просто отказ. Девы племени, или те, кому было меньше шести лет, были очаровательными маленькими созданиями с самым диким и пикантным выражением лица и самыми милыми кукольными чертами, какие только можно себе представить; юные кокетки уже дарили свои улыбки, как будто они имели какую-то земную ценность. У мальчиков были черные глаза-бусинки, как у змей, и широкие рты, как у молодых кайманов. Единственной их одеждой, когда они не были в праздничном костюме, были индейские лагути. Никто из храбрецов не носил скальпов, костей пальцев или насечек на копьях, которые служат для обозначения пистолетов с пилой на востоке, и ни один человек не потерял конечность. Они следовали за нами на протяжении многих миль, заглядывая в заднюю часть нашего передвижного вигвама и произнося обычное приветствие "Как, как".

Вот пример одновременно героизма индейских воинов с одной стороны и свирепой свирепости с другой, который произошел во время недавней стычки между небольшой военной группой чиппева и значительно превосходящей их по численности группой сиу у озера Кедровый остров. Чиппева, направлявшиеся для скальпирования в деревни сиу на реке Миннесота, попали в засаду, и первым сигналом об опасности, который донесся до их слуха, был выстрел из огнестрельного оружия из зарослей. Четверо из их числа пали замертво на своем пути. Другому, по имени Военное Облако, одному из храбрецов, пуля сломала ногу. Его товарищи не хотели его бросать и, пока нападавшие перезаряжали оружие, попытались унести его с собой, чтобы укрыться зарослях на небольшом расстоянии сзади. Но он приказал им оставить его, сказав, что покажет своим врагам, как может умереть чиппева.

Чиппева.

По его просьбе они усадили его на бревно, прислонив спиной к дереву. Затем он начал разрисовывать свое лицо и петь свою предсмертную песню. По мере приближения врагов он пел все громче и оживленнее; и когда несколько человек собрались вокруг него, размахивая ножами для снятия скальпов и издавая демонические вопли ликования, ни взглядом, ни жестом он не показал, что вообще знает об их присутствии. В конце концов они схватили его и содрали скальп с головы. Усадив его спиной к большому дереву, они принялись пускать стрелы в ствол вокруг его головы, задевая уши, шею и т. д., пока буквально не пригвоздили его к месту, не задев ни одной жизненно важной части. Однако наш герой оставался все тем

же невозмутимым стоиком, продолжая напевать свою вызывающую фразу, и хотя один из них размахивал перед его глазами своим вонючим скальпом, ни одно выражение его лица не изменилось. Наконец один из них подошел к нему с томагавком, который, после нескольких неслышных взмахов, он вогнал в череп пленника, и тот погрузился в смерть с песней о войне на устах. Он действительно преуспел в том, чтобы научить своих врагов, "как чиппева могут умирать".

Читатель уже познакомился со знаменитым вождем манданов Махтотопой; вот еще один эпизод из истории этого героя:

Отряд из 150 воинов-шайенов вторгся на территорию манданов; Махтотопа, молодой, но уже знаменитый воин, о котором мы уже говорили, отправился в погоню за ними во главе пятидесяти самых храбрых воинов своего племени. Через два дня он настиг их. Манданы, уступая в численности, не решались вступить в бой, когда Махтотопа внезапным порывом воткнул свое копье, украшенное куском красного материала, в землю в знак неповиновения. Шейенны, приближавшиеся, чтобы напасть на отряд, были остановлены видом этого мужественного поступка, и их вождь, вышедший один навстречу молодому воину Мандана, спросил, кто он такой, что бросил вызов врагу в одиночку?

"Это Махтотопа, второй вождь храбрых и доблестных манданов".

"Я часто слышал, как о нем говорили, - ответил шайенн, - он великий воин. Осмелится ли он выступить против меня один, пока наши воины смотрят на него?"

"Это вождь, который говорит с Махтотопой?"

"Посмотри на скальп, который висит на удилах моего коня, - ответил шайенн, - посмотри на мое копье, украшенное мехом горностая и пером военного орла".

"Ты сказал достаточно", - ответил мандан.

Вождь шайенов пустился вскачь и положил свое копье рядом с копьем Махтотопы. Воины двух племен приблизились и образовали большой круг. Два чемпиона вышли в середину этих списков, образованных человеческими воинами. Они были верхом на лошадях, украшенные перьями и одетые в свои лучшие одежды. Каждый из них безрезультатно выстрелил; тогда Махтотопа показал противнику свою пороховницу, пробитую шариком, и бросил ее на землю, как и свое ружье, которое стало бесполезным. Вождь шайенов, чтобы сразиться на равных, сделал то же самое, и несколько мгновений они скакали друг за другом, выпуская стрелы с невероятной быстротой. Лошадь мандана покатила по земле, пронзенная стрелой, и когда Махтотопа поднялся, чтобы продолжить бой, его противник спрыгнул с лошади, и снова бой стал равным. Вскоре воины выдохлись. Тогда шайенн выхватил свой нож и взмахнул им в воздухе. "Да", - ответил Махтотопа, который понял это невысказанное приглашение. Оба воина освободились от колчанов и щитов, но у мандана не было ножа - он забыл его в своей хижине; это не остановило его; он парировал удары противника древком своего лука, которым он орудовал как дубиной. Вскоре ему удалось заставить противника ослабить хватку; нож упал, бойцы бросились друг на друга и попытались завладеть оружием, которое лежало у их ног; несколько раз оба противника брали и вырывали его обратно, и каждый раз оно окрашивалось кровью то одного, то другого. Наконец Махтотопа в последний раз схватил его и до рукояти вонзил в сердце вождя шайенов, затем вытащил его, снял скальп своего противника и продемонстрировал трофей своей победы зрителям. Такой скальп в глазах Махтотопы был более ценным, чем дюжина подобных кровавых трофеев, которыми он мог обладать ранее. Мало найдется индейских

воинов "старой школы", которые могли бы так же с особым ликованием указывать на один несчастный клочок кожи и волос, а любопытному слушателю с помпой и гордостью описывать особые обстоятельства, при которых был добыт трофей. В качестве примера можно привести следующий небольшой анекдот, рассказанный одним из прославленных "храбрецов" оджиббеев:

"Этот скальп я прибил отдельно, потому что добыл его при любопытных обстоятельствах и люблю вспоминать о нем. Всего десять лет назад я вышел на тропу войны против племени сиу вождя Вабаши. Нас было восемьдесят оджиббеев, и мы отправились вниз по реке Чиппевей на каноэ. Когда мы оказались рядом с врагом, то свернули в рукав, который, как мы думали, был главным руслом; но это был всего лишь залив, который терялся в болотах и камышах, и при попытке пробиться через него все наши каноэ застряли в грязи. Флот сиу приближался, чтобы отрезать нас в нашей норе, и мы оставили каноэ и пошли пешком. Сиу стреляли по нам с воды, а мы отвечали с суши; но расстояние было слишком велико, и никто не был ранен. Однако один из самых смелых и отважных сиу продвинулся далеко вперед, чтобы отрезать нас. Он подошел слишком близко к берегу, и один из наших людей выстрелил в него, после чего он упал в свое каноэ, которое начало дрейфовать вниз по течению. Его тело свесилось через борт лодки в воду. Я увидел это и, желая заполучить его скальп, прыгнул в воду и поплыл за каноэ. Риск был велик, ведь другие сиу теперь гребли вверх; кроме того, не было никакой уверенности, что человек действительно мертв. Но мне было все равно, я поплыл дальше, схватил каноэ и мужчину и несколькими порезами снял с него скальп. Ха, ха! Я помахал им сиу, подтолкнул каноэ с полумертвым дрожащим парнем к ним и вскоре снова присоединился к своей группе. Мы все спаслись, и только наши враги имели повод для сетований. Он был их лучшим воином, и я прибил его скальп - единственный, снятый в тот раз, - к своему топору, который ношу с собой".

Следующее предание о военном подвиге того же племени, записанное преподобным П. Джонсом, покажет, с каким доверием они относятся к снам:

"Однажды каноэ с воинами преследовали несколько других, наполненных их врагами. Они пытались спастись, гребя изо всех сил, но враг все равно настигал их; тогда старые воины стали призывать на помощь то, о чем мечтали во время поста. У одного из мужчин мунеду был осетром, и, призвав его, они вскоре достигли скорости, равной скорости этой рыбы, оставив врага далеко позади; но осетр, будучи короткохвостым, вскоре устал, и враг снова стремительно надвигался на них. Остальные воины, за исключением одного юноши, которого по его жалкому и оборванному виду считали глупцом, призвали на помощь своих богов, что на некоторое время позволило им удержаться на передовой. В конце концов, исчерпав силы всех своих мунеду, они уже начали сдаваться, так как другие каноэ были уже так близко, что могли повернуться к ним лицом, когда в этот критический момент глупый юноша вспомнил о своей аптечке, которую во время бегства он снял со своего бока и положил в каноэ. Он закричал: "Где моя аптечка?" Воины велели ему замолчать; зачем ему аптечка в такой опасный момент? Он все еще кричал: "Где моя аптечка?" Они снова велели ему грести и не беспокоить их о своей аптечке. Когда он продолжал кричать: "Где моя сумка с лекарствами?" - один из воинов, увидев ее рядом с ним, поднял ее и бросил ему. Запустив в нее руку, он вытащил старый мешочек, сделанный из кожи *пилильщика*, разновидности утки. Он протянул его за горловину к воде. И тут же каноэ начало стремительно скользить с обычной для *пилы* скоростью; после того как некоторое время двигались с помощью этой удивительной силы, они оглянулись назад и обнаружили, что находятся далеко за пределами досягаемости врага, который теперь отказался от погони. Несомненно, этот индеец заслуживал *патента* на свою чудесную движущую силу, которая вытеснила бы

использование грохочущих и грохочущих паровых лодок, являющихся сейчас чудом и предметом восхищения американских индейцев. Затем юноша взял свой мешочек, выжал из него воду и положил в сумку; он сказал индейцам, что не зря носил при себе лекарственную сумку, - во время поста ему приснилась эта птица, и ему сказали, что она избавит его от всех опасностей, и что он должен обладать быстротой и неутомимостью утки-пилы. Старые воины были поражены силой молодого человека, которого они считали почти идиотом, и получили от него урок: никогда не составлять плохого мнения о людях по их внешнему виду".

Каное индейцев уже неоднократно упоминалось на этих страницах, и поскольку оно играет очень важную роль в карьере дикаря, как в мирное, так и в военное время, не лишним будет привести некоторые сведения о его конструкции. В его древности мало кто сомневается; поскольку он имеет простую конструкцию, а материалы для него находятся под рукой, мы полагаем, что самому простому дикарю пришло бы в голову, что если нужно пройти какое-то расстояние по воде, то он должен иметь что-то, на чем можно плыть, а дерево или его легчайшая часть - кора - как раз то, что нужно. Таким образом, если точно подсчитать, сколько времени прошло с тех пор, как североамериканский индеец впервые поселился в тех обширных регионах, которыми он так долго владел безраздельно, и вычесть несколько лет, чтобы он осмотрел свой новый дом, мы получим точный возраст каное; во всяком случае, первооткрыватели Америки нашли каное вместе с индейцами, и туземцы называли их *каное*, выдолбленными из деревьев. Племена, принадлежащие к алгонгской группе, которые по сути являются рыбаками и моряками, строят свои каное следующим образом.

Береза - это дерево, выбранное для этой цели, а кора - это та часть дерева, из которой строится остов каное. Индейцы выбирают самые крупные и гладкие деревья, чтобы получить большие куски коры и избежать излишнего сшивания. Внутреннюю сторону коры счищают ножами, а затем отдают женщинам для сшивания. Затем мужчины готовят каркас лодки, который делается из кедра. "Обычно это своего рода модель или каркас фигуры и размера каное, вокруг которого сгибаются ветви или ребра. В центре - большие арки, уменьшающиеся к обоим концам. Эти ребра зачищены очень тонко, потому что легкость и удобство переноски - главные качества каное. Между верхними концами ребер, или *рарангов*, как их называют, закреплена тонкая поперечная деталь, чтобы удерживать их в горизонтальном положении. Это делается для придания прочности бортам". У этих лодок нет киля, но *раранги* и *улары*, или поперечины, привязаны к куску дерева в верхней части.

При изготовлении каное индейцы не используют ни гвоздей, ни шурупов; все в нем либо связано, либо сшито. Это, однако, не ухудшает его прочности и практичности. Когда каркас завершен, на него расстилается уже упоминавшаяся берестяная обшивка, которую делают женщины, а край подворачивается вниз над "мэтром" и крепко привязывается к нему. Затем внутренняя часть каное выстилается тонкими досками, уложенными поперек ребер, которые они называют *les lisses*. Они защищают дно от ног пассажиров и от повреждений, наносимых парусами. Они удивительно тонкие и легкие, а по прочности не превышают бока коробки для сигар. Конечно, каное не приспособлены ни для гвоздевых сапог европейца, ни для перевозки железных коробок, а только для мягких мокасин индейцев и еще более мягких пучков меха.

"Все деревянные детали каное сделаны из седра бланш, так как эта древесина очень эластична, не раскалывается, имеет небольшой удельный вес и легко режется ножом. Материал для шнуров и веревок также получают из этого же дерева, хотя используют и кору, снятую с корня *эпинети бланш*, разновидности ели. Все это заготавливают женщины, которые постоянно заняты скручиванием "ваталов", поскольку их используется большое количество. Из него можно делать как шпагат, так и прочные шнуры, а для рыболовных сетей

длина веревок часто достигает пятидесяти ярдов. Эти шнуры служат долго, не поддаются воздействию воды и могут лежать два года, не разрушаясь. Если их увлажнить, они становятся эластичными, как кожа.

"Каное имеет острый передний и задний борт, а концы немного приподняты: в больших каное эти концы часто украшены. В каждый конец вставляется небольшой кусок дерева, чтобы придать ему большую прочность. Его тоже часто вырезают и раскрашивают в форме причудливо выглядящего манекена.

"После того как каное готово, материал оставляют сушиться. Для этого в каждую часть вставляют кусочки дерева, чтобы оно хорошо растягивалось, а затем подвешивают на воздухе. Завершающим процессом является заделка всех мелких отверстий, швов и зашивок. Для этого используется смола сосны или ели, которая наносится толстым слоем везде, где есть отверстия для проникновения воды. Слабые участки коры или отверстия в ветвях также покрываются этой смолой".

В строительстве каное, как, впрочем, и во всех других работах, большая часть работы ложится на плечи женщин. Они выполняют все работы по шитью и завязкам, а также часто вынуждены принимать участие в работе молотком и ботфортами. Когда маленькое судно находится на плаву, скво помогают грести, и очень часто они более искусны в этом деле, чем мужчины. Однако обычно, когда в плавании участвует семья, муж и жена гребут бок о бок. При примитивном способе плавания один сидит на корме, другой - на носу, и оба гребут короткими широкими веслами. Тот, кто сидит на носу, следит за мелкими камнями и порогами, которые могут оказаться опасными; затем он подает сигнал тому, кто сидит на корме, на кого в основном возлагается управление лодкой, и тот направляет ее соответствующим образом. Легкость каное и необычайное мастерство индейцев в управлении им позволяют ему с удивительной быстротой проноситься над поверхностью воды. Самым удивительным в этом деле является то, какой большой груз могут нести эти каное. Мистер Коль упоминает об одном из них, которое он видел, в котором находилась семья из двадцати человек с вещами и имуществом! На своей маленькой лодке они прошли около ста пятидесяти миль, преодолевая катаракты и пороги; кроме того, у них было много оленьих и медвежьих шкур, а также несколько живых собак. Весь вес, должно быть, превышал тонну!

Во всей Полинезии, как и в дикой Северной Америке, туземец, где бы вы его ни встретили, рассматривает войну как первое дело своей жизни, как единственное средство заработать славу и богатство. Несомненно, сейчас эта жажда вечных разборок несколько поутихла, но в памяти еще молодых людей она достигла своего апогея. В качестве примера можно привести Самоа; даже в последние несколько лет, когда мистер Тернер работал там миссионером, он обнаружил, что убийство вождя, спорный титул или желание одного, двух или более районов считаться более сильными и важными, чем остальные, были частыми причинами войны. Военные действия часто предотвращались такими действиями, как выдача виновного, уплата крупного штрафа или покорный поклон, но не с веревками на шее, а с дровами и мелкими камнями, используемыми для запекания свиньи, или, возможно, несколькими бамбуками. Дрова, камни и листья были эквивалентны тому, что они говорили: "Вот ваши свиньи, которых вы можете приготовить, если пожелаете; а вот материалы, с помощью которых это можно сделать". Взяв в руки бамбук, они как бы говорили: "Мы пришли, и вот ножи, чтобы нас разрезать". Кусок расщепленного бамбука издревле был обычным ножом на Самоа.

Если, однако, вожди округа были настроены на сопротивление, они подготовились соответствующим образом. Граница, отделявшая один район от другого, была обычным полем боя, поэтому деревни, расположенные по обе стороны от нее, сразу же занимались войсками. Женщин и детей, больных и стариков уводили в укрепленные места в кустарнике или в другой район, который был либо нейтральным, либо на который можно было положиться как на союзника. Движимое имущество либо хоронили, либо увозили вместе с женщинами и детьми. Жены вождей и главных мужчин, как правило, следовали за своими мужьями, где бы они ни находились, чтобы быть готовыми выхаживать их в случае болезни или ранения. Героиня даже следовала по пятам за своим мужем в реальном конфликте, неся его дубину или какую-то другую часть его доспехов; вожди обычно брали с собой в подарок прекрасные циновки, когда отправлялись в другой район, чтобы попросить помощи в войне, но постоянной армии или регулярно оплачиваемых солдат не было нигде.

Оружие полинезийцев.

Когда вожди принимали решение о войне, каждый мужчина и мальчик, находящийся под их юрисдикцией, достаточно взрослый, чтобы обращаться с дубиной, должен был занять место солдата или рисковать потерей своих земель и имущества и изгнанием из родных мест. В каждом округе была определенная деревня или группа деревень, известных как передовые отряды. Их удел - быть передовыми, и в бою их потери были вдвое больше, чем у любой другой деревни. Тем не менее они хвастались своим правом на лидерство, ни за что не уступая его другим, и говорили, как это принято в других частях света, о славе смерти в бою. В мирное время жители этих деревень пользовались особыми знаками уважения, такими как наибольшая доля еды на общественных пирах, лесть и т. д. Во время войны вожди и главы

семей объединялись в каком-нибудь центральном месте, и все, что они решали, либо для нападения, либо для защиты, молодые люди старались неукоснительно выполнять. Их оружием издревле были дубины, копья и рогатины; впоследствии, с появлением железа, у них появились топоры, а из них они сделали свое самое смертоносное оружие - острый томагавк с рукояткой длиной с трость. После этого к ним снова добавились цивилизованные мечи, пистолеты, ружья и штыки. Вокруг деревни, где собирались военные, они устраивали грубый острог, состоящий из любых палок или деревьев, разрезанных на отрезки длиной в восемь футов и поставленных вплотную друг к другу вертикально, а их концы заглублялись в землю на два фута. Вражеские стороны могли укрепиться таким образом не более чем в миле друг от друга и время от времени выходить для боя на промежуточное пространство или заставить друг друга врасплох в слабых или незащищенных местах. В своих военных каное они водружали на шесте какой-нибудь отличительный знак своего района - птицу, собаку или пучок листьев. А для сухопутных войск, кочующих по кустарникам, на теле были определенные знаки, по которым они узнавали своих соплеменников и которые служили временной опознавательной надписью. В один день отличительным знаком могли быть почерневшие щеки, в другой - два удара по груди, в третий - белая раковина, подвешенная к полоске белой ткани на шее, и так далее; перед любой официальной битвой у них был день пиршества, смотра и веселья. В бою они никогда не становились в строй, чтобы стрелять друг в друга. По их понятиям, это было бы верхом глупости. Их излюбленной тактикой была скорее внезапность и перестрелка в кустах. Пленных, если это были мужчины, обычно убивали, если женщины - распределяли между побежденными. В битве, которая произошла в 1830 году, чтобы отомстить за смерть Тамафаинги, был разожжен костер, и пленных, по некоторым данным, было сожжено до четырехсот человек, но, вероятно, их число не достигало и половины от этого.

Их героями были быстроногие, как Ахилл или Асахел; люди, которые могли броситься вперед на толпу, метнуть копье со смертельной точностью и стоять некоторое время, отбивая своей булавой другие копья, когда они приближались к нему на дюйм, чтобы пронзить его насквозь. Они были честолюбивы и стремились заявить о себе количеством голов, которые они могли положить перед вождем. Ни один герой на греческих играх не радовался своей чашечке больше, чем самоанец, славящийся тем, что отрубил человеку голову. Проходя с ней через деревни по пути к месту сбора вождей, ожидавших ежечасных новостей о сражении, он танцевал, кружился и кричал, время от времени называя название деревни и добавляя: "Я такой-то и такой-то, у меня голова такого-то". Дойдя до места встречи с вождями, он проделал еще несколько эволюций, а затем положил голову перед ними. Это, а также официальная благодарность вождей перед всей толпой за его храбрость и успешный бой, было вершиной амбиций молодого человека. Он делал несколько головокружительных резвых поворотов на пятках и снова отправлялся за новой жертвой. Эти головы складывали в кучу в мапае, или общественном собрании. На вершину клали голову самого главного вождя, и по мере рассказа о битве говорили: "Было столько-то голов, над которыми возвышалась голова такого-то и такого-то", называя число и имя. После нескольких часов пребывания в таком виде их забирали родственники или хоронили на месте.

Редкая иллюстрация этого стремления заполучить головы произошла около десяти лет назад. Во время неожиданного нападения на деревню однажды утром молодой человек упал, оглушенный ударом. Вскоре он пришел в себя, почувствовал, что кто-то сидит на его плечах и закрывает шею, и первые звуки, которые он услышал, были спором между двумя, кто из них имеет право отрубить ему голову. Он сделал отчаянное усилие, спихнул парня со спины, вскочил на ноги и, оставив голову в целости и сохранности, вскоре уладил спор, оставив обоих далеко позади себя.

Безголовые тела убитых, разбросанные в кустах после битвы, если их знали, хоронили, если не знали - оставляли собакам. В некоторых случаях тело целиком тащили за собой в дикарском триумфе и клали перед вождями. Однажды, когда мистер Тернер находился в военном городке, пытаясь выступить посредником в заключении мира, туда притащили труп одного из врагов, перед которым парень делал всевозможные зверские жесты, с одной из ног в зубах, отрезанной по колено.

Если война становилась всеобщей и охватывала несколько округов, они объединялись в тройное подразделение - дорожных, кустарниковых и морских воинов. Флот мог состоять из трехсот человек на тридцати или сорока каноэ. Разбойников и флот боялись в первую очередь, поскольку нельзя было просчитать, где они находятся и когда могут наброситься на какое-нибудь незащищенное поселение. Флот собирался отдельно от сухопутных войск и придумывал свои собственные планы. Например, они договаривались, что после наступления темноты нападут на определенную деревню, принадлежащую врагу, и все это в тайне. В полночь они высаживаются в необитаемом месте в нескольких милях от поселения, которое собираются атаковать. Они пробираются кружным путем через кустарник, окружают деревню сзади, предварительно договорившись, чтобы каноэ проскользнули незаметно и заняли позицию в воде перед деревней. С рассветом они врываются в дома ничего не подозревающих людей, пока те еще не проснулись, отрубают столько голов, сколько могут, бросаются с ними в свои каноэ и уходят, прежде чем местные молодые люди успевают собраться или вооружиться. Часто их пугают люди, которые во время войны днем и ночью несут вахту у всех главных отверстий в рифе; но время от времени заговор удается, и происходит страшная резня. Во время одного из таких нападений флота ранним утром были унесены головы тринадцати человек. Одна из них принадлежала бедному старику, который стоял на коленях во время утренних молитв, когда от удара его голова оторвалась. В другом доме в то же утро был отмечен благородный пример материнского героизма: женщина позволила зарубить себя с головы до ног, склонившись над сыном, чтобы спасти ему жизнь. Убивать женщину считается трусостью, иначе они бы сразу расправились с ней. Им нужна была голова ее маленького мальчика, но они ее не получили. Бедная женщина была в ужасном состоянии, но, к всеобщему удивлению, поправилась.

Король Самоа был наделен правом щадить жизнь. Когда пленных воинов приводили к королю, они обычно падали перед ним ниц и восклицали: *make paha e ora paha-i runa te ars? i raro te aro*. "Умереть, а может быть, и жить, а может быть, и вверх лицом!" Если король молчал или говорил: "Лицом вниз", это означало смертный приговор, и кто-нибудь из присутствующих либо отправлял несчастного пленника в его присутствии, либо уводил его на заклание. Если же царь говорил: "Лицом вверх", их оставляли только для того, чтобы они стали рабами или были принесены в жертву, когда жрецам требовались человеческие жертвы.

Если царь или какой-либо вождь высокого ранга был известен своей гуманностью или кто-либо из побежденных ранее находился с ним в дружеских отношениях, тщательно избегая воинов, человек, рискуя жизнью из-за милосердия завоевателя, подстерегал его на прогулках и, простершись пути, молил о сострадании или вбегал в его дом и бросался перед ним на землю. И хотя любой мог убить его по дороге, никто не смел тронуть его в королевском доме без его приказа. Если король молчал или приказывал унести беглеца из его присутствия, что было очень необычно, его выводили и убивали. Как правило, принц разговаривал с человеком, который таким образом отдавался в его власть; если тот не говорил или только узнавал его, он был в безопасности. Он мог либо присоединиться к свите государя, либо вернуться в свой дом. Никто не мог пристать к нему, поскольку он находился

под тенью *мару* или под надежной защитой короля. Под влиянием чувства благодарности эти люди, как правило, привязывались к персоне или интересам принца, которого они спасли, и часто оказывались в последующей жизни самыми верными помощниками его персоны и стойкими приверженцами его дела.

Только что упомянутый джентльмен предоставил нам рассказ о расправе над учителями, которая несколько лет назад произошла на острове Пайнс. Их было трое. Их обвинили в том, что они вызывают болезни. Мантунгу, вождь, приказал им уйти, а поскольку капитан Эбрилл с брига "Звезда" был в то время там и предложил отвезти их на Самоа, они ушли на его судне. Капитан Эбрилл сначала отправился в Сидней, вернулся, направлялся с учителями на Самоа, но зашел на остров Пайнс, чтобы купить еще немного сандалового дерева. Он бросил якорь в Уао, на небольшом расстоянии от резиденции вождя. Туземцы вышли к судну. "Где Мантунгу и его сыновья?" - спросил один человек на борту. "Мертвы", - шутливо ответили туземцы. "Мертвы, мертвы, это хорошо, - сказал тот же человек, - пусть такие вожди будут мертвы, а простой народ живет и помогает нам рубить сандаловое дерево". По какой-то причине, которую мы не можем установить, капитан Эбрилл и его команда были сердиты на старого вождя, и в доказательство этого, когда он послал подарок с едой учителям, которые, как он слышал, находились на судне, его не позволили принять на борт. В тех, кто принял его, бросили куски дерева и произвели два мушкетных выстрела. Никто не был убит, но один человек был ранен в колено. "Что это значит, - сказал Мантунгу, - желать смерти мне и моим сыновьям на нашей собственной земле? И зачем совершать такие злодеяния против моих людей, которые шли с подарком?" Были ли у него намерения захватить судно, мы не знаем; но любой, кто знает старого деспота, может представить, как такое обращение заставило его дикое сердце пылать жаждой мести. На следующее утро тридцать отборных мужчин отправились в путь, решив убить всех на борту. Они взяли с собой немного сандалового дерева, чтобы продать его, и в качестве дополнительной хитрости вооружились не дубинами или топорами, а щипцами, которыми они счищают кору и сок с дерева. Они добрались до судна. Сандаловое дерево понравилось всем, кто был на борту, его тут же купили, а туземцам разрешили подняться на палубу, чтобы поточить свои адзы под предлогом, что они отправляются за новым деревом. Один из команды вращал рукоятку точильного камня, туземец точил адзе, а капитан находился рядом. Воспользовавшись благоприятным моментом, туземец размахнулся и ударил капитана по лицу между глаз - это стало мгновенной смертью для капитана Эбрилла и сигналом к атаке по всему судну. За несколько минут семнадцать человек из команды были убиты: десять белых, включая капитана, два маркеса, два мангарца, один аитутакиец, один новозеландец и учитель-каротонганец. Повар некоторое время отчаянно сражался с топором и убил одного человека, но в конце концов был побежден и упал. Это произошло во второй половине дня 1 ноября 1842 года. Молодой человек по имени Генри, два учителя-самоанца и уроженец Новых Гебрид скрылись внизу. Генри зарядил мушкеты и открыл огонь по спутникам, но безрезультатно. Это только раззадорило туземцев на палубе, которые обрушили на них поленья из сандалового дерева. Учителя собрали свое имущество: шесть красных рубашек, восемь топоров и т. д., вызвались и предложили все за свои жизни, но пощады не последовало. Наступила ночь. Туземцы разделились: часть отправилась на берег в лодке, а остальные остались на палубе охранять тех, кто был внизу. Утром туземцы призвали Генри и самоанцев подняться, отвести судно дальше, а затем сойти на берег, так как Мантунгу пришел и объявил, что они должны жить. Бедняги, чувствуя, что они полностью в руках туземцев, поднялись, подошли к берегу и снова бросили якорь. Затем их вытащили на берег. Сын Мантунгу, с томагавком в правой руке, встретил Генри, когда тот выходил из лодки, протянул левую руку с притворной дружеской ухмылкой, чтобы пожать руку; но как только он ухватился за правую руку Генри, злодей поднял свой топор и уложил беднягу мертвым у его ног. Другие встали и бросились на

оставшихся троих. Ленголо, уроженец Новых Гебрид, и самоанец Таниела были убиты сразу же. Мантангу с группой туземцев сидел под сенью орехов какао и наблюдал за происходящим. Ласало, другой учитель-самоанец, бежал весь в крови, бросился в ноги старому вождю и умолял о жизни. Мантунгу молчал минуту или две, но вскоре подмигнул человеку из племени лифу. Ласало потащили убивать, но он вырвался из рук вождя, когда тот поднял топор и бросился в море. Дикари преследовали его по пятам, он получил множество ударов, но вырвался на глубину, оттолкнулся и поплыл к маленькому островку. Четверо мужчин вскочили в каноэ и поплыли за ним; он взобрался на сосну и некоторое время разговаривал с ними; они уверяли его, что Мантунгу решил пощадить его, и наконец он спустился. Это было снова предательство. Они набросились на него, как тигры, но он снова вырвался и бросился к каноэ; там, однако, бедняга в конце концов одолел и упал.

После расправы тела разделили. Там были люди из Каледонии, Маре и Лифу, и каждый получил свою долю. Затем последовал грабеж судна: палуба, каюты и форштевень были очищены от всего. Они срубили мачты, чтобы добраться до парусов и такелажа, а затем подожгли судно, не открывая трюма. Когда огонь добрался до пороха, произошел страшный взрыв, но обошлось без жертв. Корабль догорел до кромки воды, а затем затонул.

Еще одна любопытная история связана с воинственным нравом этих людей. Однажды они захватили европейский корабль под названием "Сестры" и, расправившись с командой, принялись грабить судно на все лады. Под эту категорию попало несколько бочонков с порохом, и, не зная его природы, они, доставив его на берег, развлекались тем, что сыпали щепотки пороха в огонь, чтобы "сделать искры". Результат можно легко представить: вся масса пороха воспламенилась и разбросала изумленных дикарей направо и налево; многие были искалечены, несколько человек убиты, и среди последних был один известный вождь. Бедствие, конечно, приписали злым духам убитого экипажа "Сестры", и самоанцы поклялись жестоко отомстить первой же партии белых людей, попавших в их лапы. Ждать пришлось недолго. Вскоре после этого недалеко от того же места причалила большая лодка с семью мужчинами на борту. Это была партия беглых каторжников с острова Норфолк. Пятеро из них были убиты, а лодка разбита на куски. Двое других отправились на поиски пропитания в буше и по счастливой случайности встретились со старым Джени (вождем) и его сыновьями, которые в тот же день отправились туда по каким-то военным делам. Убийцы пятерых, искавшие двух других, нашли их вместе с Джени и его сыновьями и предложили убить их. Йени отказался и взял их с собой домой. Два месяца они жили под крылом старого вождя и наших учителей, и к ним относились по-доброму. Но ребята были настоящими норфолкскими островитянами. Однажды ночью они поднялись и ограбили старого Джени, отобрав у него четыре мушкета, десять топоров, четыре топорика для рубки леса и пилу. Они отправились в дом учителя, взяли четыре рубашки, два ножа и топор и на учительском каноэ отправились к белым людям, которые, по слухам, находились в Лифу. На рассвете вещи пропали, и все вокруг взбудоражилось. Подозрение пало на учителей. Их каноэ уплыло - должно быть, они помогли парню поднять его на воду. "Нет, - сказал Татайо, - как это может быть? Нас тоже ограбили, и наше каноэ тоже пропало. Но я скажу вам, что они не могут быть далеко, давайте отправимся за ними: Я пойду один, кто присоединится ко мне?" В мгновение ока собралась группа, и они отправились, усердно работая веслами, в море по направлению к Лифу. Вскоре они заметили нечто, то и дело поднимающееся над волнами. В нем было двое мужчин - как раз те самые ребята. Еще немного, и они оказались в поле зрения друг друга. Разбойники зарядили мушкеты и сделали два-три выстрела. Никто не пострадал. Их преследователи неуклонно движутся вперед и намерены догнать их. Тогда они бросили украденное имущество в море навстречу им, но кто сможет поднять тонущие топоры? Все было потеряно. Два негодяя знали, чего заслуживают, решили, что это выбор смерти, и

прыгнули в море, чтобы утопиться. "Бедняги, - сказал Татайо, - они думают, что мы собираемся их убить. Давайте спасем их, если сможем". Он засунул руку в рот одному из них, когда тот уже почти утонул, и вытащил его наверх. Другого тоже удалось спасти, и он полумертвый лежал на дне каноэ. Море было бурным, аутригер сломался, и всем пришлось выпрыгнуть, кроме двух бродяг, которые лежали без чувств на дне каноэ. Но плыть и тащить искалеченное каноэ по бурному морю было делом нелегким. "Что мы делаем?" - говорили друг другу туземцы. "Скоро мы все умрем. Почему мы должны тонуть, пытаюсь спасти этих парней? Они сами виноваты. Давайте опрокинем каноэ, выкинем их и спасемся сами". "Нет, - сказал Татайо, - видите, течение быстро несет нас к тому островку. Давайте попробуем еще немного".

Они добрались до острова, высадились на берег, отдохнули и отругали двух негодяев, когда те пришли в себя и смогли прислушаться к происходящему. Некоторые туземцы острова, услышав эту историю, хотели их убить, но голоса с Татайо понеслись за их жизнью. "Тогда пощадите их жизни, но мы должны их наказать". Они раздели их догола, обмазали с головы до ног смесью грязи и пепла, а затем сказали: "Теперь вы должны идти так". Однако на следующий день они раскаялись, вымыли парней и вернули им одежду. Отдохнув день или два, они вернулись в Маре.

Жители Маре обрадовались их возвращению, но, услышав историю и узнав, что все имущество было выброшено, с трудом удержались от того, чтобы не запустить в бродяг дубинками. Но старый Джени объединился с учителями и запретил. "Что толку, - сказал он, - убивать их? Это не вернет мою собственность". Здесь им снова позволили жить, и люди кормили их, как ни в чем не бывало, пока у них не появилась возможность уехать на судне, которое через некоторое время причалило к этому месту.

Справедливость требует нескольких слов объяснения по поводу предполагаемых "бессудных расправ" со стороны туземцев этих островов. Несомненно, они мало ценят человеческую жизнь и крайне вероломны; естественно, они подозрительны и, скорее всего, с постоянной тревогой смотрят на действия людей, столь сильно отличающихся от них по манерам и привычкам, как белые люди; К этому следует добавить, что в многочисленных случаях европейские и американские суда, торгующие в этой части света, не гнушались обманывать и использовать невежественных дикарей, с которыми им приходилось иметь дело, и хотя агрессорам удавалось уйти безнаказанными, такое поведение не могло не посеять семена недоброжелательности, урожай которых непременно собрала бы следующая партия "белых мошенников", коснувшаяся их берегов.

Следующая небольшая история об этом южноморском трафике, рассказанная путешественником по имени Коултер (который рассказывает ее скорее как шутку, чем как позор), проиллюстрирует то, что хотели передать вышеприведенные строки:

"На берегу было собрано немного дров, которые еще предстояло убрать, так как мы в них очень нуждались. Туземцам предложили пустяковые подарки, чтобы они принесли их на шхуну, но они действовали так медленно, что капитан вышел из терпения и послал свою лодку с четырьмя людьми и переводчиком, чтобы добиться желаемого; он дал им все предостережения, чтобы они не смешивались с туземцами, но работали быстро и сразу же убрали дрова, а если будет попытка напасть на них со стороны туземцев, чтобы бежали к урезу воды и пушки шхуны прикрики на них".

"Здесь я могу заметить, что почти у всех островитян в Тихом океане, склонных к вероломству, принято сначала получить как можно больше путем честной торговли, и если подозрения капитана или любого судна, торгующего с ними, будут усыплены, чтобы сбить его с толку

этой видимой честностью и безопасностью, воспользоваться таким положением вещей и либо перебить команду судна, либо попытаться взять его на abordаж и разграбить, если это возможно.

"Трейнер, матрос, хорошо знавший этих людей, не доверял никому из них; хотя он, казалось, относился к делу достаточно легко, он был готов к любому сюрпризу, который может быть предпринят, и он был вдвойне внимателен к средствам защиты, поскольку переводчик сообщил ему, что туземцы строят планы взять шхуну на abordаж, думая, что, поскольку она маленькая, захват ее будет простым делом. Две лодки с дровами были убраны, и шлюпки отправили за третьей и последней. Дрова находились примерно в сорока ярдах от берега, и людям пришлось спускаться на лодках. Несколько каноэ быстро столкнули в воду и заполнили людьми. Это был критический момент, и мы все были наготове и с тревогой следили за лодкой.

"Через несколько минут четверо мужчин, находившихся на берегу, со всех сил побежали к кромке воды, а за ними последовала толпа вооруженных туземцев. Они едва успели сесть в лодку и оттолкнуть ее от берега, как туземцы подошли вплотную и метнули в них несколько копий, одно из которых попало в одного из мужчин. Однако трое оставшихся вытащили ее на глубокую воду. Переводчик, который не смог забраться в лодку, незаметно для туземцев зашел в воду в другом месте и уплыл. Их всех быстро подняли на борт, но времени на подъем лодки не было, так как каноэ, наполненные вооруженными людьми, быстро приближались.

"Раненый в лодке моряк умер через несколько минут после того, как оказался на палубе - копье прошло прямо через его грудь. Все люди, разгневанные гибелью отличного человека и уважаемого товарища, горели желанием отомстить и с нетерпением ждали приказа, чтобы ударить по ним. Трейнер стоял у трапа и следил за надвигающейся флотилией каноэ; я был с ним. Мы были хорошо подготовлены. Короткие карронады, заряженные виноградом, были самыми полезными предметами на данный момент. Команда тоже была вооружена. Я бывал здесь несколько раз и всегда относился к ним честно и доброжелательно, а теперь они без всякой причины убили одного из наших лучших людей, хотят захватить мое судно и убить всех нас. Они поймут его". Так говорил по-настоящему гуманный человек, но он был до крайности раздражен вероломством туземцев и потерей своего человека. Теперь, мои ребята, вы готовы? Помните, если мы позволим этим дикарям взять нас на abordаж, ни один человек не останется в живых через десять минут. Не бойтесь, сэр; мы им заплатим". Каноэ приближались; они разделились на две части: одна шла к носу, другая - к корме.

Трейнер внимательно наблюдал за ними, при этом он часто восклицал: "Ну, вам нужна шхуна, я полагаю" и т. д. Туземцы в каноэ кричали и вопили достаточно громко и размахивали копьями с таким угрожающим видом, на какой только были способны, похоже, намереваясь зарубить нас. Они приблизились на расстояние двадцати ярдов, и тогда капитан приказал направить пушки на носу на партию каноэ впереди, а сам занялся теми, кто приближался к корме. "Вы готовы, люди, нос и корма?" "Да, да, сэр". Тогда отпустите. Две карронады выпустили свои смертоносные гранаты, и прежде чем дым успел рассеяться, они были заряжены и снова открыли огонь по дикарям. Снова заряжайте, ребята, - сказал капитан. Ветра почти не было, и дым, низко висевший над водой, рассеялся через несколько минут. Крики раненых были ужасающими; некоторые каноэ были потоплены или опрокинуты, и множество туземцев плыли к берегу. Тем не менее, многие из них еще держались на ногах, и у них хватило безрассудной смелости сделать еще один смелый рывок к борту судна. Огонь, - повторил капитан, и в них полетел еще один виноградный залп. Этот выстрел не имел такого эффекта, как предыдущие, поскольку каноэ находились ближе и содержимое пушек не успело разлететься на достаточное расстояние. Дикари, казалось, поняли это и

через мгновение уже цеплялись за борта шхуны, пытаюсь высадиться, но быстрое применение мушкетов и пистолетов в конце концов отбросило их в неопишемом смятении и, к сожалению, со значительными потерями.

"Все это произошло из-за естественного вероломства туземцев. Роль, которую мы сыграли, была неизбежной; фактически, на карту была поставлена наша жизнь, и после окончательного отступления туземцев был сделан лишь один ненужный выстрел. Те, кто держал носовое орудие, незаметно для капитана снова зарядили его и, прежде чем их успели остановить, выстрелили в сторону дикарей, которые устремились к берегу. Этот прощальный выстрел, по их словам, был сделан в отместку Тому Стейплзу, моряку, который был пронзен копьем. Во время драки на борту шхуны не пострадал никто, кроме плотника, которому сломал руку ударом тяжелой дубины огромный дикарь, пытавшийся взобраться на борт".

Повторю слова мистера Коултера: "Все произошло из-за природного вероломства туземцев". Поскольку джентльмен находился на месте событий, он, конечно же, должен был знать обо всем. И все же нельзя не подозревать, что "нетерпение" капитана имело немалое отношение к последовавшей резне. Было бы интересно узнать, какие приказы отдавал нетерпеливый капитан команде лодки, посланной на берег, чтобы поторопить не желающих уходить туземцев. Почему они не желали? Были ли дрова, сложенные на берегу, уже оплачены, или этот "действительно гуманный человек", американский капитан, рассчитывал, что обманутые варвары доверятся его чести и заплатят, когда груз будет доставлен на борт. Первой лодке разрешили отплыть, второй, потом пришла третья и последняя. "Где цена?" "Цена, будьте повешены, вы, драгоценная кучка черномазых! Единственная цена, которую вы получите за этот груз, - это выстрелы из наших больших пушек. Руки прочь от лодки, и дайте нам ее отпихнуть!" Это, конечно, причудливая картинка, но есть вероятность, что она не очень далека от истины. Если это так, то негры, которые после того, как увидели своих товарищей, растерзанных и разорванных убийственным виноградом, "сделали еще один смелый рывок к борту корабля", показали себя храбрыми людьми и заставляют нас с отвращением думать о тех, кто сделал этот "один ненужный выстрел".

ГЛАВА XXIII.

Фиджийский "фустиан" - Фиджийская тактика боя - Первый разрыв корня - Боевые орудия фиджийцев - Пятилезвийные мечи - Казнь таитянских пленников - Упрямый Какахо - Героизм вдовы Нонфахо - Фиджийское кораблестроение - Удивительное мастерство дикарей-строителей лодок - Ординарные морские суеверия фиджийских моряков - Воин Новой Зеландии - Священный ветер Ту - Распределение локонов убитых - Приготовление сердец воинов - Австралийское оружие - Метание бумеранга - Австралийское копье - Толстые и тонкие головы - Примечательный способ дуэли.

На Фиги склонность к ссорам и дракам не менее распространена, чем на Самоа. Самый пустяковый повод *становится поводом для драки*, и все силы собираются *на тага*, своего рода смотр. Их существует целая серия - по одному в каждом месте, где армия останавливается на пути к месту действия. Если какая-либо часть фиджийской войны и представляет интерес, так это эта, и для участвующих в ней сторон она, несомненно, славна. Они бросают вызов врагу, который далеко, и хвастаются тем, что сделают в день, который еще не наступил, и все это в окружении своих друзей. Хвастовство отличается от *тага*, хотя и

связано с ним, что означает "готовность" или "в движении", а именно для вызова. Вызов называется *боле-боле*, и церемония, когда она завершена, выглядит следующим образом: - Если глава только что прибывшей партии союзников - великий вождь, его приближение приветствуется общим криком. Взяв на себя инициативу, он ведет своих последователей на большое открытое пространство, где вождь, к которому он пришел за помощью, ждет со своими людьми. Вскоре обе компании обмениваются криками уважения. Вскоре человек, который, как предполагается, представляет врага, выступает вперед и кричит: "Рубите! Рубите! Храм получает", намекая, вероятно, на то, что враг будет непременно разрушен, приготовлен и принесен в жертву богам. Затем следуют те, кто *борется* или бросает вызов. Сначала идет вождь, затем другие, вначале поодиночке, а потом компаниями по шесть, десять или двадцать человек. Невозможно передать все, что говорится, когда многие говорят одновременно; но нет недостатка в хвастовстве, если за образец можно взять одиночных претендентов. Один человек подбегает к вождю, размахивает дубиной и восклицает: "Сэр, вы меня знаете? Ваши враги скоро узнают". Другой, бросившись вперед, говорит: "Видите этот топор! Какой чистый! Завтра он будет в крови!" Один кричит: "Это моя дубина! Дубина, которая еще никогда не была ложной!" Другой: "Завтра эта армия двинется в путь; тогда вы будете есть мертвецов, пока не насытитесь!" Человек, яростно бьющий по земле своей дубиной, хвастается: "Я заставляю землю дрожать; это я завтра встречусь с врагом!" "Видите, - восклицает другой, - у меня в руках мушкет и боевой топор; если мушкет промахнется, топор не выстрелит!" Прекрасный юноша спокойно подходит к королю и, держа в руках шест, служивший якорем для каноэ, говорит: "Видите, сир, якорь Натевы (название местности, которой угрожает опасность); я сделаю с ним вот что", - и ломает шест через колено. Человек, размахивающий громоздкой дубиной, говорит: "Эта дубина - защита: тень от солнечного зноя и холода дождя". Взглянув на вождя, он добавляет: "Вы можете зайти под нее". Подбегает пылкий юноша, словно задыхаясь, и кричит: "Я хочу уйти, я нетерпелив". Один из них говорит: "Ах, ах, эти хвастуны - обманщики; я только настоящий мужчина в бою; вы меня найдете". Эти громкие слова выслушиваются под смех и аплодисменты. Хотя речи воинов отличаются большой серьезностью, в них нет ничего от ужасающей гримасы, которой новозеландцы предаются в подобных случаях. Бойцы обсыпают свое тело черным порошком; некоторые, однако, ограничиваются только верхней частью. Атлетически сложенный воин, напудренный таким образом, что его кожа приобретает бархатистую черноту, имеет поистине грозный вид, а его глаза и зубы сверкают очень эффектной белизной.

Фиджианцы, говорит Уильямс, устраивают на *тага* показательную войну, не делают ничего плохого и не подвергаются никакой опасности, и это как раз то, что им нравится. Они наслаждаются борьбой; дальше этого их амбиции не идут, а слава не прельщает.

Несмотря на хвастовство храбрецов, вождь иногда игриво насмехается над ними, намекая, что, судя по их внешнему виду, они лучше владеют пиками, чем трефами, и умеют пользоваться палкой для копания, чем мушкетом.

На дразнящее презрение антагонист отвечал в том же духе, иногда подмешивая к своим обличениям аффектированную жалость. Когда они заканчивали свою речь, поднималась оскорбительная дубина или оскорбительное копье, и начиналось наступление. Иногда это был одиночный бой, который велся на пространстве между двумя армиями и на виду у обеих.

В других случаях в бой вступали несколько человек с обеих сторон, а те, кто не, хотя и были полностью вооружены и экипированы, занимали места на земле. В одиночном бою, когда один был выведен из строя или убит, победитель вызывал другого, и редко думал об отступлении, пока оставался один. Когда в бой вступало несколько человек и один падал,

воин из своей партии поднимался и поддерживал борьбу; когда одна из сторон отступала, ряды армии, к которой она принадлежала, устремлялись вперед, чтобы поддержать ее; это приводило в движение противостоящую армию, и из одиночного боя или стычки она превращалась в генеральное сражение. Конфликт продолжался с самой дикой яростью, какую только можно было ожидать от варварских воинов, воображавших, что боги, от которых зависела их судьба, на самом деле вошли в их оружие, придавая точность и силу их ударам, направление их ракетам и наделяя все это сверхъестественной фатальностью.

Гром и грохот смертельной ярости значительно усиливались усилиями раути. Это были ораторы битвы. Обычно это были мужчины с властной фигурой и воинской доблестью, одетые только в пояс из листьев растения ти вокруг талии, иногда с легким копьем в левой, но всегда с небольшим пучком зеленых листьев ти в правой руке. В этом пучке листьев было спрятано главное оружие - маленький, острый, зазубренный и колющий *айро-фай* (кость жала), который, по слухам, они ловко используют при столкновении с врагом. Главной задачей раути было воодушевлять войска, рассказывая о подвигах своих предков, славе своего племени или острова, а также об интересах, связанных с поединком. Выполняя свои обязанности, они были неутомимы и днем и ночью ходили по лагерю, возбуждая пыл воинов. В день битвы они шли вместе с армией на приступ, смешивались с яростью и спешили среди сражающихся, подбадривая их рассказами о героических подвигах или побуждая к подвигам и доблести.

Любая попытка перевести их выражения передала бы настолько неадекватное представление об их первоначальной силе, что уничтожила бы их эффект. "Катитесь вперед, как буруны, - обрушивайтесь на них с пеной и ревом океана, когда он налетает на тростник, - висите на них, как вилообразные молнии играют над пенистым прибоем, - проявляйте бдительность, проявляйте силу, проявляйте гнев, гнев пожирающей дикой собаки, пока их строй не прервется, пока они не потекут назад, как отступающий прилив". Именно такие выражения иногда использовались, и воспоминания об их возбуждающих дух проповедях до сих пор живы в памяти многих, кто, когда им что-то насильно внушают, часто невольно восклицает: *tini Rauti teia* - "это равносильно Раути".

Если сражение продолжалось несколько дней подряд, труды раути были столь непрерывны ночью в лагере и днем в полевых рядах, что, как известно, они умирали от изнеможения и усталости. Жрецы не были освобождены от участия в сражениях; они носили оружие и шли вместе с воинами на битву.

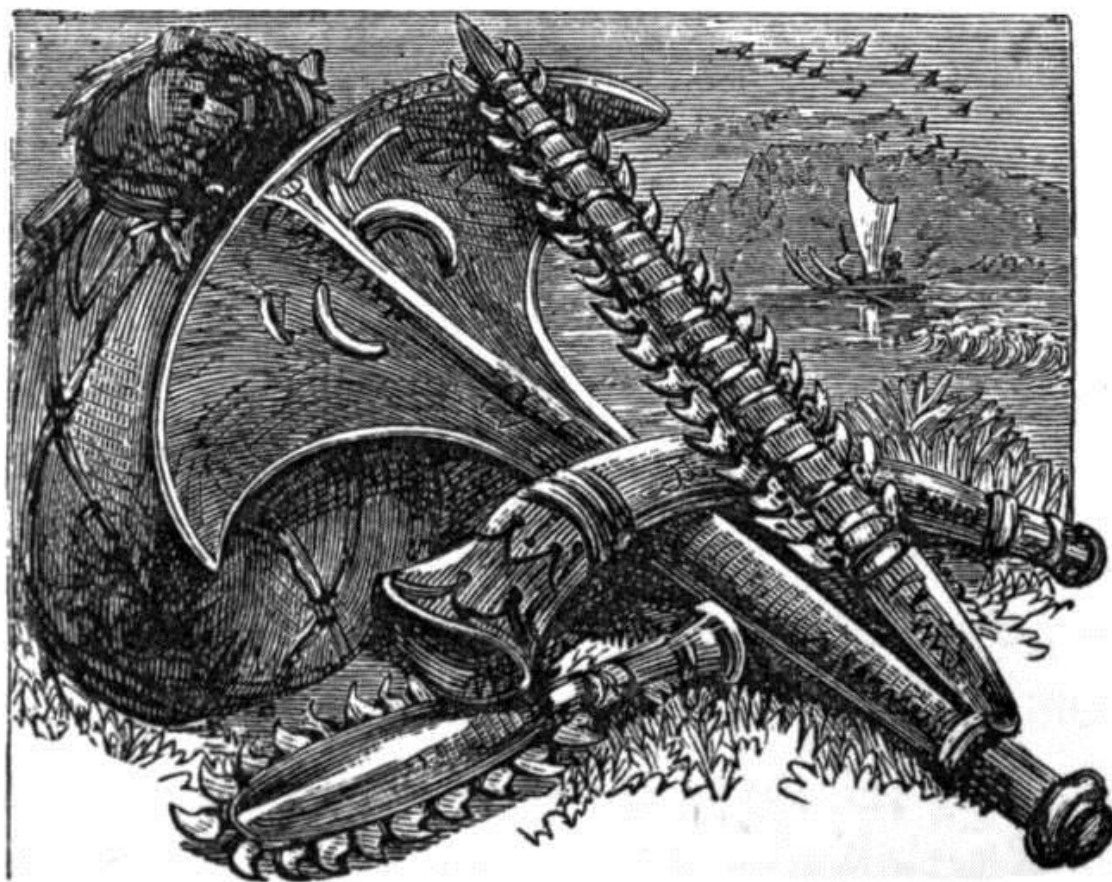
Бойцы не прибегали к особой науке, не парировали оружие противника; они не использовали ни щитов, ни мишеней и, полагая, что боги направляют и направляют их оружие с большей, чем человеческая сила, силой, полагались на успех больше, чем на искусство. Их булавы неизменно были нацелены в голову, и часто ромбовидным оружием они рассекали черепа своих противников. Когда падал первый воин с той или иной стороны, победители издавали жуткий крик ликования и триумфа, который эхом разносился по всей линии, вызывая панику в рядах их противников, что считалось предвестием благосклонности богов к победителям. Вокруг тела бойца разгоралась страшная борьба, и если победители уносили его, с него снимали украшения, а затем захватывали жрецы или оставляли, чтобы принести в жертву богам по окончании битвы.

Первый человек, захваченный живым, приносился в жертву и назывался *te mata-ahaetumu Taagoa*, первое вырывание корня. Жертву не уносили в храм, а живьем клали на несколько копий и несли на плечах вдоль строя в тыл армии, жрец Ора шел рядом, вознося молитву богу и наблюдая за извиваниями и произвольными волнениями умирающего. Если эти

агонии считались благоприятными, он объявлял победу несомненной. Такие признаки считались наиболее обнадеживающими, как залог сотрудничества с богом.

Иногда они практиковали то, что называли *tiputa taata*. Когда человек убивал своего врага, то, чтобы полностью насытить свою месть и устрасить врагов, он иногда избивал тело, а затем прорубал каменным боевым топором отверстие в спине и животе и просовывал в отверстие свою голову, как в отверстие своего *типута* или *пончо*; отсюда и название этой практики. В таком ужасающем виде, со свисающими вниз головой и руками убитого впереди и ногами сзади, он маршировал, чтобы возобновить конфликт. Более ужасного поступка и зрелища трудно себе представить, однако в Фаре жил человек по имени Тавара, который, по его собственному признанию и по заявлению его соседей, совершил этот поступок во время одной из недавних войн.

Во время войны все способные носить оружие были призваны присоединиться к войскам вождя, к которому они принадлежали; а крестьяне, владевшие своими землями частично по феодальному праву, были обязаны нести военную службу, когда этого требовал их хозяин. Кроме них, существовал целый ряд мужчин, прославившихся своей доблестью, силой или ловкостью на войне, которых называли *айто*, боевыми людьми или воинами. Этот титул был результатом достижений в бою; он пользовался большим уважением, и к нему стремились смелые и амбициозные люди. Он не был, подобно вождеству и другим преобладающим отличиям, ограничен каким-либо классом, а был открыт для всех, и многие из низшего сословия поднялись как воины до высокого положения в обществе.

Оружие Тонга.

Первоначально их оружие было простым и деревянным; оно состояло из копья, которое туземцы называли *патиа* или *тао*, сделанного из древесины ореха какао или *аито*,

железного дерева или казуарины. Его длина составляла двенадцать или восемнадцать футов, диаметр в середине нижнего конца - около дюйма или полутора дюймов, а на другом конце оно сужалось до острия. Копья жителей Руруту и других Австралийских островов отличаются большой длиной и изящной формой, а также высокой полировкой, которой они отделаны. Еще одним оружием, которым пользовались таитяне, была дубина или *омор*; она всегда делалась из *айто* или железного дерева и была в основном двух видов: короткая и тяжелая, как дубинка, для ближнего боя, или длинная, с широким ромбовидным лезвием. Таитяне не часто украшали свое оружие резьбой или орнаментом, но у жителей Южных островов оно часто было очень аккуратным, хотя и частично резным. Жители Маркизских островов вырезают свои копья и украшают их человеческими волосами; а туземцы островов Харви, а также жители островов Френдли и Фиджиан делают свое оружие со вкусом и вырезают его с удивительной изобретательностью.

Пачо был потрясающим оружием, хотя его использовали в основном во время *хевы* или в период траура. Оно в некоторой степени напоминало дубину, но с внутренней стороны было вооружено крупными акульими зубами, поэтому его чаще проводили по телу, где оно действовало как пила, чем использовали для нанесения удара. Другое оружие того же рода напоминало короткий меч, но вместо одного лезвия у него было три, четыре или пять. Обычно оно делалось из вилообразной ветви *айто*; центральная и внешняя ветви после заострения и полировки вооружались снаружи толстым рядом акульих зубов, очень прочно закрепленных в древесине. Этот инструмент использовался только в ближнем бою и, будучи примененным к обнаженным телам сражающихся, должен был быть ужасающим оружием. Кишки или нижние части тела атаковались им не так, как кинжалом, а поперек, как пилой. Некоторые из сражающихся мужчин носили своеобразную броню из сети, образованной небольшими шнурами, намотанными вокруг тела и конечностей так туго, чтобы только обеспечить свободное движение ног и рук и не препятствовать циркуляции крови. Такая защита была в основном полезна для защиты от ударов дубины или камня, но ее можно было пробить копьем. В целом, однако, одежда таитянских воинов должна была быть крайне неудобной. Создать внушительный вид и защитить свои лица, похоже, были единственными целями, которые они преследовали, сильно отличаясь в этом отношении от гавайцев, которые редко думали о защите, но принимали одежду, которая меньше всего мешала им двигаться.

Таитяне шли на битву в своих лучших одеждах, и часто не только голову защищала огромная чалма, но и тело, обмотанное складками ткани, пока покрытие не достигало многих дюймов в толщину, простираясь от тела почти до локтей, где все это было обвязано вокруг талии тонко заплетенным поясом или кушаком. На груди они носили красивый военный воротник, искусно украшенный перламутром, раковинами, перьями и собачьей шерстью, белой и цветной. Взятые в плен пленники, которых называли *ivi* или *titi*, убивались на месте или вскоре после этого, если только их не отдавали в рабство победителям. С телами убитых обращались самым диким образом. Их пронзали копьями, и порой поведение победителей по отношению к безжизненным телам было немыслимо варварским.

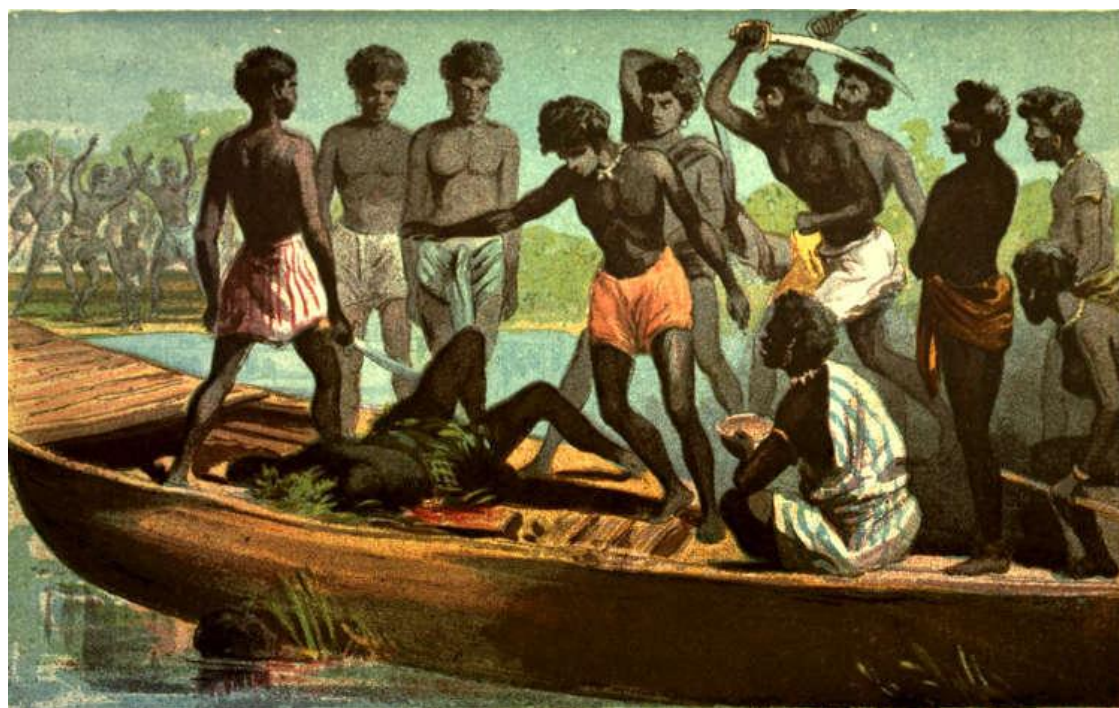
На следующий день после битвы совершался *буре таата*. Он заключался в сборе тел убитых и принесении их в жертву Оро как трофеев его доблести и в знак признания того, что они зависят от его помощи. При этом произносились молитвы, умоляющие о продолжении его помощи.

Тела обычно оставляли на произвол стихий и на съедение свиньям или диким собакам, которые охотились на них. Победители забирали в качестве трофеев нижние челюстные кости наиболее отличившихся среди убитых, а часто и некоторые кости, превращая их в

инструменты для строительства каноэ или в рыболовные крючки. Иногда они складывали тела в кучу, а из черепов возводили своеобразную стену вокруг храма, но обычно их укладывали рядами у берега или перед лагерем, головами в одну сторону. Здесь черепа часто были так избиты дубинами, что от лика или головы человека не оставалось и следа.

Что касается того, как избавляются от пленников, по отношению к которым король, моля о прощении, хранит молчание, то можно привести следующий краткий рассказ Маринера о казни воина

"Около середины дня или чуть позже большое каноэ, в котором находились пленники, связанные по рукам и ногам, вышло в море под командованием Лоло Хеа Малохи, приемного сына Финоу. На борту у них было три старых маленьких каноэ, очень дырявых и прогнивших, в которые должны были посадить пленников и таким образом оставить их постепенно тонуть, оставив жертв размышлять о своей приближающейся гибели, не имея возможности помочь себе.

РАЗВЯЗКА УЖАСНОГО ФАРСА.

"Расстояние, которое им предстояло пройти, составляло около двух лиг, а погода была тихой, и большую часть пути каноэ пришлось идти на веслах. Тем временем между пленниками, в частности Нонфахо и Бубуну, состоялся разговор. Нонфахо заметил Бубуну, что было бы гораздо лучше, если бы они никогда не заключали мир с Финоу, и в какой-то степени упрекнул Бубуну в том, что тот не последовал его совету в этом вопросе: на это тот ответил, что нисколько не жалеет о заключенном с Финоу мире, поскольку, будучи его родственником, он чувствует себя привязанным к его интересам, а что касается его собственной жизни, то он не считает ее ценной, поскольку король не считает его услуги стоящими. Нонфахо заявил, что предчувствовал свою судьбу в то самое утро; когда он шел по дороге из Фелетоа в Макаве, он встретил туземку из Хапаи, и, проходя мимо, почувствовал сильное желание, не зная, по какой причине, убить ее, и эта склонность его ума была настолько сильна, что он не мог не повернуть назад и не осуществить свою цель; В то же время он чувствовал тайное предчувствие, что умрет, и это убийство, которое он совершил, казалось ему теперь мстью народу хапаи, слабой самой по себе, но лучше, чем никакой

мести вообще. Нонфахо, помимо прочего, сожалел, что его друг Бубуну не отправился на острова Фиги, когда был заключен мир, и тем самым сохранил себе жизнь. Что касается его собственной безопасности, то, по его словам, это не имеет большого значения; он лишь сожалеет, что не собирается умереть с честью. Бубуну высказался в том же духе. Какахо то и дело присоединялся к разговору, замечая, что сожалеет о своей смерти только потому, что ему не представилось возможности отомстить своим врагам, принеся в жертву нескольких из них.

На борту находилось восемнадцать пленников, большая часть из которых еще до прибытия к месту, где их должны были затопить, умоляла изменить способ их смерти на более быстрый - выбить им мозги дубиной или разрубить голову топором; это было им предоставлено, и к казни приступили немедленно. Отправив таким образом несколько человек, было предложено, для удобства, отвезти остальных, просивших оказать им такую милость, на соседний островок для казни; договорившись, они заспорили между собой, кто должен убить одного, а кто другого. Так говорили не воины - для них выбивание мозгов было делом не новым, - а другие, не столь сведущие в искусстве разрушения, которые от души радовались возможности поупражняться в своем мастерстве без опаски, ибо, трусливые, они не осмелились бы применить его на поле боя. Жертвы были доставлены на берег, и девять из них были убиты почти в тот же миг, что вместе с тремя убитыми в каноэ составило двенадцать человек, пожелавших такой смерти. Оставшиеся шестеро, будучи вождями и стойкими воинами, отличавшимися отменной храбростью, не пожелали просить милости у своих врагов и, соответственно, были вывезены в море, запряжены в два прогнивших каноэ, которые были у них на борту, по три человека в каждом, и оставлены размышлять о своей судьбе, в то время как их убийцы остались на небольшом расстоянии, чтобы посмотреть, как они тонут. Бубуну, находясь в таком положении, сказал, что он умер несчастным только из-за своего младенца-сына, который останется без друга и защиты; но, обратившись к младшему вождю в большем каноэ, по имени Тало, умолял, ради их богов, чтобы тот подружился с его ребенком и никогда не видел, как он будет нуждаться в одежде или пище, подобающей сыну вождя; на что Тало дал торжественное обещание заботиться о нем самым внимательным образом, и Бубуну казался вполне довольным. Нонфахо оплакивал печальные бедствия этого дня, говоря о том, сколько великих и храбрых людей погибло бесславной смертью, которые за некоторое время до этого могли заставить трепетать всю армию Финоу: Кроме того, он сожалел, что никогда не отступал от своих врагов, и хотел бы, чтобы в такой случай он встретился со всеми, кто уступал ему в силе, и продал свою жизнь за высокую цену, а не жил бы еще немного, чтобы умереть такой позорной смертью: он убедительно просил их помянуть его ласковым словом перед его женой. Какахо от души ругал Финоу и всех вождей Хапаи, проклиная их самым горьким образом, а также их отцов за то, что они их породили, и накладывая проклятия на весь их род. Он продолжал в том же духе, проклиная и ругая своих врагов, пока вода не дошла до его рта, и даже тогда он откинул голову назад, чтобы иметь возможность произнести очередное проклятие, выплескивая воду из своих губ, пока она не лишила его навсегда способности говорить. Они тонули около двадцати минут, после чего большое каноэ немедленно вернулось в Вавао.

Вдовы тех, кого казнили утром на берегу, и тех, кого отправили на маленький остров по пути в море, обратились к Финоу с просьбой разрешить им совершить обычные обряды погребения их умерших мужей, на что король с готовностью согласился: они совершили церемонию со всеми признаками непритворной скорби и сожаления. Когда последние ласковые воспоминания о Нонфахо были переданы его вдове, она выглядела очень растроганной; хотя она почти не плакала, ее лицо выдавало сильное внутреннее волнение: Она удалилась в свой дом и, вооружившись копьем и дубиной, отправилась на поиски других вдов, потерявших

своих мужей таким же образом, и призвала их взять в руки оружие, как это сделала она, и отправиться мстить за смерть своих мужей, уничтожив жен Финоу и его главных вождей; обнаружив, что никто из остальных не желает последовать ее примеру, она была вынуждена сдаться. Подозревали, что Финоу очень рассердится, услышав о ее намерении, но, напротив, он очень хвалил ее, а одобрил как не только достойный акт храбрости, но и убедительное доказательство того, что ее привязанность к покойному мужу была велика и искренна.

В Фиджи встречаются четыре класса каноэ: *веловело*, *камакау*, *табилай* и *друа*. Все они имеют различные модификации аутригера (*кама*) и отличаются особенностями корпуса. Веловело, или, правильнее, *такия*, открыта по всей длине, как лодка, а лонжероны, к которым крепится кама, опираются на киль. Камакау, как следует из названия, имеет цельный лонжерон для камы: корпус судна имеет палубу в средней трети длины, вдвое шире его самого, и приподнят на глубоком настиле, пристроенном по краям к каждому киле. Между краем этой палубы и аутригером все открыто. Выступающие концы каноэ, которые находятся ниже главной палубы или платформы на глубину, равную глубине доски, на которой оно поднято, покрыты одним сплошным треугольным куском дерева, полым снизу и наиболее толстым на широком конце рядом с центральной палубой, к которой он, таким образом, образует постепенный подъем. Два гребня, образованные выемками по бокам треугольника, соединяются с краем корпуса, чтобы полностью закрыть его. Устройство камакау такое же, как и у двухместного каноэ, описанного далее; из-за небольшого сопротивления, которое эта конструкция оказывает воде, она является "клипером" Фиги и судном, описанным под названием "*пирога*" в Императорском словаре.

Табилай является связующим звеном между камакау и друа, и делается с помощью аутригера любого из них. Оно часто бывает большой длины, по несколько футов с каждого конца, из цельного дерева, отрезанного наподобие корпуса корабля от кормы, кормовая стойка корабля представляет собой срез воды каноэ, который, вместо того чтобы быть острым, представляет собой квадратный перпендикулярный край к воде. Это одинаково на обоих концах и является отличительной чертой данного класса.

Друа, или двойное каноэ, отличается от остальных тем, что у него есть еще одно каноэ меньшего размера, а палуба уложена поперек обоих.

Каноэ длиной не более тридцати-сорока футов часто вырезаются из одного дерева и требуют сравнительно небольшого мастерства при строительстве. Однако, когда нужно построить первоклассное каноэ, дело обстоит далеко не так, и его достойное завершение становится причиной большого триумфа.

Киль укладывается из двух или трех частей, тщательно скрепленных шарфом. От него отходят борта, без ребер, из нескольких кусков длиной от трех до двадцати футов. Кромка каждого куска имеет с внутренней стороны фланец; по мере обработки больших кусков остаются отверстия очень неправильной формы, которые заполняются по мере нахождения подходящих кусков. Если вспомнить, что края досок отнюдь не прямые, становится ясно, что требуется немалое мастерство для обеспечения аккуратных стыков; однако местные плотники делают это с удивительным успехом. После того как края подогнаны друг к другу, в них на расстоянии вытянутой руки сверлятся отверстия диаметром около трех восьмых дюйма, направленные косо внутрь, чтобы их выход находился во фланце: отверстия в кромке противоположной доски точно соответствуют этим. Белая смола хлебного дерева, приготовленная из экстракта ядра какао-ореха, равномерно намазывается на оба края, поверх нее кладется полоска тонкого *маси*, которая прожигается маленькой палочкой в тех

местах, где она закрывает отверстия. Теперь кусок или *воно* готов к закреплению, которое осуществляется с помощью того, что обычно, но ошибочно называют "шитьем"; туземное слово лучше описывает этот процесс и означает "скреплять". Воно поднимают на место, хорошо одетую, но не большую синнетку пропускают через отверстие в верхнем фланце, чтобы она вышла через нижний: конец вставляют в синнетку дальше, и синнетка быстро проходит через отверстие, пока не будет сделано восемь или двенадцать свободных оборотов: вставленный конец затем находят и кладут на круглый выступ, образованный объединенными фланцами, и закрепляют его, плотно натянув на него один оборот синнетки; затем затягивают остальные обороты, а последний, кроме одного, делают связующим с предыдущим. Запасная синнетка отрезается вплотную, и операция повторяется со следующим отверстием. Крепления, и без того очень прочные, усиливаются тонкими клиньями из твердого дерева в количестве шести или семи штук, которые вбиваются в противоположных направлениях под синнет, что позволяет добиться максимально возможного давления. Ребра, которые можно увидеть на каноэ, не используются для придания доскам нужной формы, а вставляются в последнюю очередь и служат для крепления глубоких бортов, о которых речь пойдет ниже, и более прочного соединения палубы с корпусом каноэ. Теперь внешняя часть воно тщательно склеивается, и плотнику часто приходится присматриваться, чтобы найти место соединения. Когда корпус каноэ очищен и натерт пемзой, поверхность становится очень гладкой. Разумеется, снаружи не видно никаких следов креплений. Этот процесс не используется для крепления глубоких досок, поддерживающих главную палубу, или уже описанных треугольных покрытий двух концов. На них, расположенных в верхней части киля и выше ватермарки, синнет через равные промежутки времени проходит, как лента, по плоской бусине, которая проходит по всей длине каноэ, закрывая стык и делая аккуратную отделку. В верхнюю кромку досок глубиной два-три фута, закрепленных по верху бортов перпендикулярно, вставляются и закрепляются поперечные балки, соединяющиеся на аутригере, а поверх них укладывается палуба из светлого дерева. В каждом углу оставлены отверстия для туюков. Палуба также имеет шесть отверстий в носовой части и шесть в кормовой, через которые продеваются весла, используемые при слабом ветре для помощи парусу, или когда штиль или шквалистый ветер делают парус бесполезным. Среди кораблей строится небольшой домик, на котором хранятся ящики или туюки, а на помосте над ним могут сидеть или лежать люди; на стойку позади него кладут ружья, копья, а на нее вешают дубины или корзины. Все отверстия внутри, не заполненные синнетом, плотно заделывают шелухой какао-ореха, а те, что находятся рядом с водой, промывают белой смолой или смолой.

Женщины, как и мужчины, выполняют обязанности "обычных моряков". Когда мачта готова к выходу в море, она стоит прямо, за исключением того, что ее подтягивают, чтобы она наклонилась к аутригеру. Она закреплена передней и задней шкаторинами, последние занимают место обтекателей: когда парус поднят, фалы также становятся задней шкаториной; эти канаты, пока каноэ находится под парусом, можно назвать ее стоячим такелажом, не ослабляемым при галсах. Фалыгибаются на верфи менее чем на треть ее длины, на верхнем конце, и проходят над вершиной мачты, которая обычно имеет форму полумесяца. Большому парусу дают покачаться в нескольких футах от палубы, пока не поступит приказ взять его под вес. Теперь верфь поднимается на мачту, но поскольку длина верфи от фалов до галса больше, чем у мачты, последняя наклоняется к тому концу каноэ, к которому крепится галс, образуя с нижней длиной верфи треугольник, основанием которого является линия палубы.

Концы палубных бимсов со стороны *камы* служат для крепления фалов, на которые наматываются фалы, а свободные концы обматываются вокруг "собачки", или фалового

шеста. Рулевой, держа длинное весло, стоит почти на одной линии с галсами на дальнем краю главной палубы, а в противоположном углу находится человек, который натягивает лист. Лист согнут на гике примерно на две трети, и, сделав пару оборотов на балке, один человек может удерживать его даже в бриз. Как и на фелуках Средиземноморья, штурвал используется на обоих концах, а при галсовании поднимается вверх, а не опускается вниз, чтобы держать аутригер с наветренной стороны: при попутном ветре галс переносится на другой конец, который таким образом меняется с кормы на нос, мачта снова откидывается назад, чтобы соответствовать изменению; рулевой и держатель листа меняются местами, и каноэ стартует на новом галсе.

Рулевое весло для большого каноэ имеет длину двадцать футов, лопасть - восемь футов, ширина - шестнадцать дюймов. Изготовленное из тяжелого дерева, оно облегчает работу с ним благодаря веревке, пропущенной через верхнюю часть лопасти, а другой конец которой закреплен на средней балке палубы.

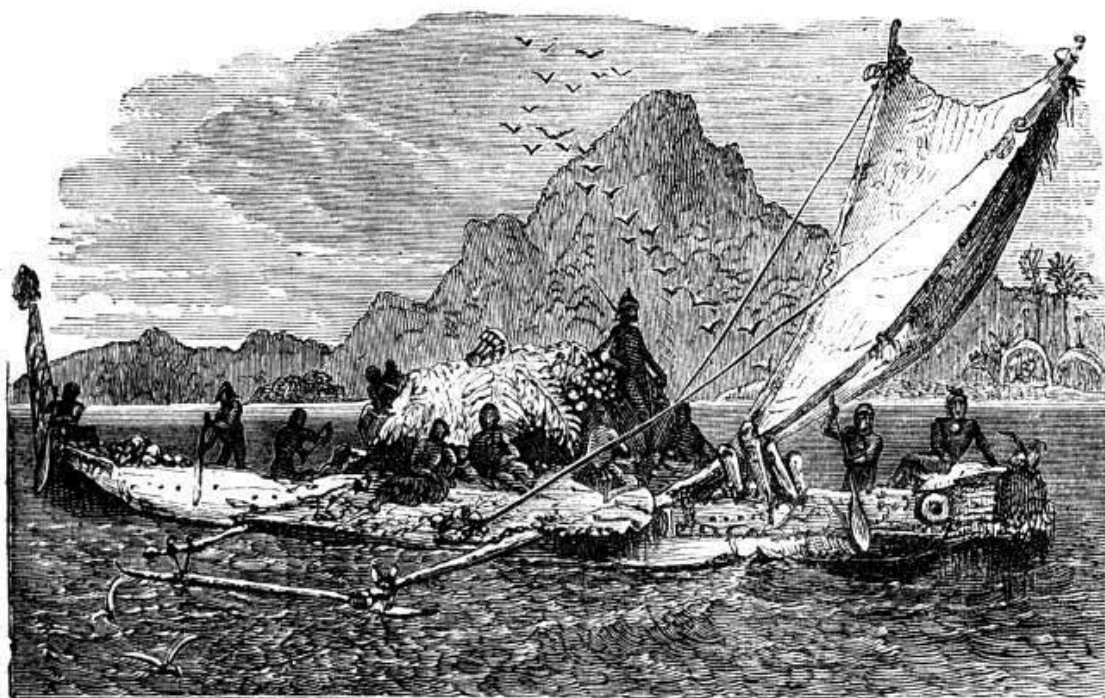
Фиджийское плавание на каноэ, как нам сообщил миссионер Уильямс (из чьего интересного рассказа в основном взято приведенное выше описание фиджийской морской архитектуры и управления каноэ), не является бесшумной работой. Парус поднимается и каноэ движется с веселыми криками; во время плавания над мелкими рифами поддерживается оживленный обмен шутками и шутками, а более тяжелая работа гребцов облегчается взаимным поощрением усилий и громкими благодарностями гребцов, когда каждый гребец освобождается с интервалом в пять или десять минут. Мертвый штиль оживляется игривыми приглашениями к самому желанному ветру, а малейшее дуновение встречается криками "Добро пожаловать! Добро пожаловать на борт!". Если на борту есть барабаны, их грохот добавляется к общему шуму.

Сообщение рулевому о каждой приближающейся волне с приказом *умыться* - убрать ее - и сопутствующее "раз, два, три, и еще одна на подходе", по которому отсчитывается размеренное продвижение волн, с мимолетными комментариями об их хорошем или плохом поведении, поддерживают бодрость и хорошее настроение.

Фиджийские моряки, как и все остальные моряки во всем мире, очень суеверны. Некоторые участки океана, опасаясь духов глубин, они проходят молча, с непокрытой головой, стараясь, чтобы ни один обломок дерева или часть одежды не упали в воду. Обыкновенная тропическая птица - святыня одного из их богов, а акула - другого; и если одна пролетает над их головами или другая проплывает мимо, те, кто носит тюрбаны, снимают их и произносят слова уважения. Акула, лежащая в стороне от их курса, - предзнаменование, внушающее им страх. Считается, что корзина горьких апельсинов на борту судна уменьшает его скорость. На одном виде каноэ "тапу" (святотатство) есть пищу в трюме; на другом - в доме на палубе; на третьем - на платформе возле дома. Бывало, что каноэ пропадали совсем, потому что экипаж, вместо того, чтобы действовать во время шторма, покидал свои посты, чтобы *поклониться* своим богам и бросить в волны ягоны и китовые зубы, чтобы умиловить их.

Очень сильно отличается от замысловатого фигийского судна каноэ уроженцев Торресова пролива. Это последнее, длина которого часто достигает девяноста футов, строится из одного дерева, привезенного с материка Новая Гвинея. В зависимости от удобства новогвинейца его сжигают или рубят; у него приподнятый рундук, а в центре - платформа. Нос и корма закрыты, голова имеет грубое сходство с акулой или другим морским чудовищем, а на корме обычно находится выступающий шест, с которого свисает пучок перьев эму. Они несут парус из циновки, установленный впереди между двумя шестами,

прикрепленными к подзорной трубе, и по мере необходимости поворачивают головы шестов к ветру.

Каноэ Торрессова пролива.

Вернемся, однако, на "тропу войны". Не менее суеверен, чем фигианец, его дикий брат новозеландец, который, как нам сообщают Тейлор и другие заслуживающие доверия авторитеты, не осмеливался идти на войну, прежде чем не проходил своего рода конфирмацию в руках священника. Каждый священник, объявив войну, собирал свой отряд и отправлялся к священной воде. Сначала они все сидели, но через некоторое время вставали голыми в воду, которую набирали на тело и опрокидывали на голову. После того как священник окропил их, он сказал:

"Это дух, дух присутствует,

Дух этого тапу!

Мальчик будет сердиться,

Мальчик будет пылать,

Мальчик будет храбрым,

Мальчик будет обладать мыслью.

Назовите этого мальчика.

Чтоб он гневался, чтоб он пламенел,

Чтобы град падал:

Посвяти его в бой за Ту;

Откажись от удара, чтобы он мог сражаться за Ту.

Воин вскакивает и отражает удары".

На этом церемония заканчивалась, и собравшиеся, словно воодушевленные, вскакивали и бросались в бой, а жрец, стоя на возвышенности, с которой открывался вид на сражение, повторял следующее каракия:

"Бог силы, пусть он присутствует;

Пусть не подводит тебя дыхание".

После окончания битвы жрец вызывал тех, кто остался в живых, и спрашивал у каждого, не убил ли он кого-нибудь, не взял ли в плен. Все, кто уже участвовал в битве, отдали ему свое оружие, и он положил его в дом, где оно хранилось. Тех, кто сражался впервые, вызывали и спрашивали, убили ли они кого-нибудь. Если тот отвечал утвердительно, жрец требовал свой боевой топор *из камня* и разбивал его на части. Это был неизменный обычай молодых воинов, когда они обагряли свои руки кровью врагов. После этого жрец, собрав их вместе, произносил следующие слова, которые назывались хаха:

"Это ветер, ветер кормит;

Ветер нисходит,

Ветер процветает",

Много священных вещей Ту.

Ветер спускается,

Ветер процветает,

Живой ветер Ту".

Туземцы считают ветер признаком присутствия своего бога, если не самого бога. После этой церемонии юноши считались мужчинами, хотя некоторое время за ними пристально наблюдал жрец, и их могли предать смерти, если они нарушали какое-либо из священных правил тапу. Они не могли нести груз, стричь свои волосы или заплетать женские. Если жрец заставал кого-либо из них за подобным занятием, он принимал на себя его полномочия и произносил приговор смерти, говоря: "Уходи, уходи". Это так действовало на человека, к которому было обращено, что было вполне достаточно, чтобы убить его.

После битвы проводилась еще одна церемония, которая должна была принести пользу всем, кто участвовал в сражении и был успешно убит или обращен в рабство. Она называлась *he pugeinga*, что означает снятие той святости, которая была наложена на них перед боем, или, другими словами, снятие тапу:

"Вот ветер;

Ветер отдыхает;

Ветер кормит;

Ветер, который собирает...

О ветер, утихни!

О живой ветер!

О священный ветер Ту!

Освободи тапу,

Бога силы;

Пусть древние боги отпустят тапу,

О... о... о... о... тапу унесен!"

Отправляясь на войну, они разлучались со своими женами и больше не приближались к ним до тех пор, пока не объявлялся мир. Поэтому в период длительных военных действий они отмечали, что их жены стали вдовами.

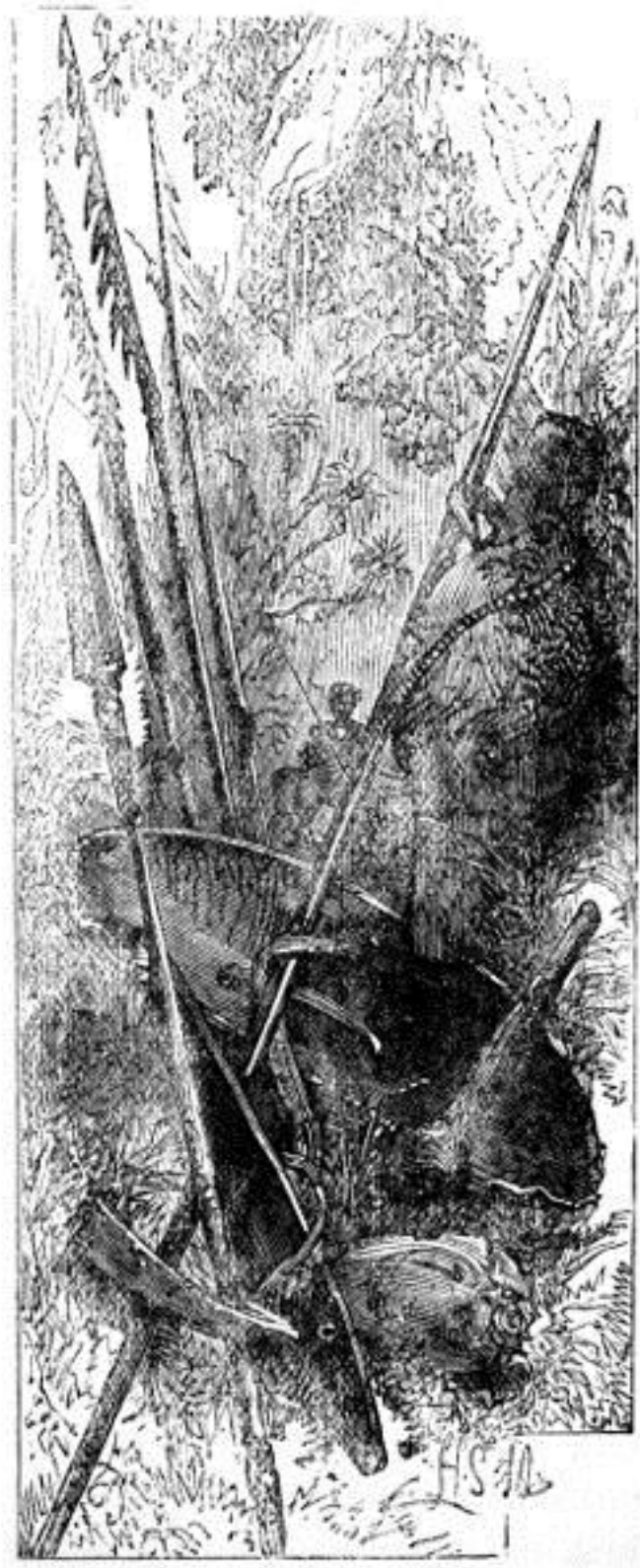
Когда нападающая на па сторона форсировала вход, они обычно убивали всех, кто находился внутри. Во время резни победители отрывали от каждой жертвы, а также от тех, кого они сохраняли в качестве рабов, по локону волос, которые засовывали себе в пояс. Когда бойня заканчивалась, они собирались в ряды, как правило, по три человека, во главе каждой партии стоял свой *тохунга*, чтобы поблагодарить своих богов, а также заручиться их благосклонностью на будущее. Когда все необходимые приготовления были сделаны, каждый давал *тохунге* часть собранных волос, которые тот привязывал к двум небольшим веточкам; их он поднимал над головой, по одной в каждой руке, люди делали то же самое, только использовали веточки без волос. Они оставались в такой позе, пока жрец читал молитву о будущем благополучии племени. Затем он отбросил от себя ветки с привязанными к ним волосами, а воины - свои, и все присоединились к *лuxe* или военной песне. Затем, стоя совершенно обнаженными, они хлопнули в ладоши и ударили ими по бедрам, чтобы снять тапу с рук, пропитанных человеческой кровью. Прибыв в свой па, они медленно и организованно к дому главного *тохунга*, который стоял в своей *вахо-тапу* или священной роще, готовый принять их. Как только они оказались в ста ярдах от него, он воскликнул: "Откуда идет военный отряд Ту?". На что *тохунга* ответил ему. "Военный отряд Ту идет из поиска". "Откуда идет военная партия Ту?" "Военная партия Ту пришла из вонючего места". "Откуда приходит военный отряд Ту?" "Он приходит с юга; он приходит с севера; он приходит из чащи, где собираются птицы; он приходит из укреплений: он произносит там речи; он слышит там новости".

Новозеландское оружие.

Приблизившись к главному тохунга, воины отдавали оставшиеся локоны волос своим жрецам, которые выходили вперед и вручали их главному: он приносил их в жертву богу войны с многочисленными молитвами. Затем они исполняли *тулеке*, или военный танец, и второй раз хлопали в ладоши. Затем раб тохунга, принадлежавший к стороне войны, делал три печи, в которых готовил часть сердец главных воинов побежденной стороны. "Когда они были готовы, главный тохунга взял порцию, над которой произнес харакию, а затем бросил

ее своему богу в качестве подношения. Съев всю пищу из трех печей, он снимал с воинов тапу, и им разрешалось "танги", или плакать со своими родственниками. Женщины выходили вооруженными, и если кто-то из нападавших погибал во время штурма, они набрасывались на рабов и убивали всех, кого могли. Среди племен таупо женщинам и девушкам запрещалось есть человеческую плоть, хотя это ограничение, по-видимому, не распространялось на другие части острова.

Австралийское оружие.

Поскольку мы сейчас находимся так близко к Австралии, как, вероятно, еще долго будем находиться, мы можем совершить путешествие и посмотреть, каким военным человеком является наш маленький грязный друг бушмен. Он не испытывает недостатка ни в оружии, ни в умении им пользоваться. Их можно перечислить следующим образом: копье длиной девять-десять футов, толще пальца, сужающееся к острию, закаленное в огне и иногда зазубренное. Метательная палка (wammera) демонстрирует значительную изобретательность; длиной около двух с половиной футов, на одном конце она имеет крюк, который вставляется в выемку на пятке копья, в проекции которого она действует, подобно третьему суставу руки, значительно увеличивая силу. Копье легко и точно бросается на шестьдесят, восемьдесят и сто ярдов. Вадди - это тяжелая дубина с набалдашником длиной около двух футов, которая используется для активной службы, внешней или внутренней. Она сшибает врага в бою или лишает чувств бедного джина в случае непослушания или пренебрежения. В последнем случае сломанная рука считается мягким боевым упреком.

Метание бумеранга.

Каменный томагавк используется для того, чтобы вырезать опоссумов из их нор на деревьях, а также для того, чтобы делать выемки в коре, вставляя в которые палец, чернокожий может забираться на самые высокие и крупные эвкалипты в кустарнике. Вряд ли можно проехать миль в Новом Южном Уэльсе, не увидев этих следов, старых или новых. Быстрый глаз туземца ориентируется в укрытии опоссума по легким царапинам от его когтей на стволе дерева. Бумеранг, самое любопытное и оригинальное из австралийских боевых орудий, известен в Англии как игрушка. Он представляет собой парадокс ракетной мощи. Есть два вида бумеранга: тот, который бросают на расстояние прямо вперед, и тот, который возвращается по собственной оси к метателю. "Я видел, - рассказывает мистер Манди, - как

один туземец с небольшим телосложением бросил один из первых на двести десять ярдов и гораздо дальше, когда был допущен *рикошет*. С последним он сделал несколько бросков, поистине удивительных для свидетелей. Оружие, пролетев на высоте груди, почти вне поля зрения, внезапно поднималось высоко в воздух и, возвращаясь с удивительной скоростью к своему владельцу, зарывалось в дерн на шесть дюймов вглубь, в нескольких ярдах от его ног. Это опасная игра для невнимательного зрителя. Противник или добыча, засевшие за деревом или берегом в безопасности от копья или даже пули, могут быть захвачены с тыла и тяжело ранены или убиты отдачей бумеранга. Эму и кенгуру, не зная, как уклониться от его эксцентричных изгибов, оказываются оглушенными и искалеченными. Среди стаи диких уток, только что поднявшихся из воды, или стаи голубей на земле это оружие производит большой хаос. В ближнем бою бумеранг, сделанный из очень твердого дерева с острым краем, становится неплохой заменой тесаку.

Хилеман, или щит, представляет собой кусок дерева длиной около двух с половиной футов, сужающийся к концам, со скошенным лицом шириной не более четырех дюймов в самой широкой части, за которым левая рука проходит через отверстие, прекрасно защищенное. С помощью этого узкого засова туземец парирует любой снаряд, менее быстрый, чем пуля.

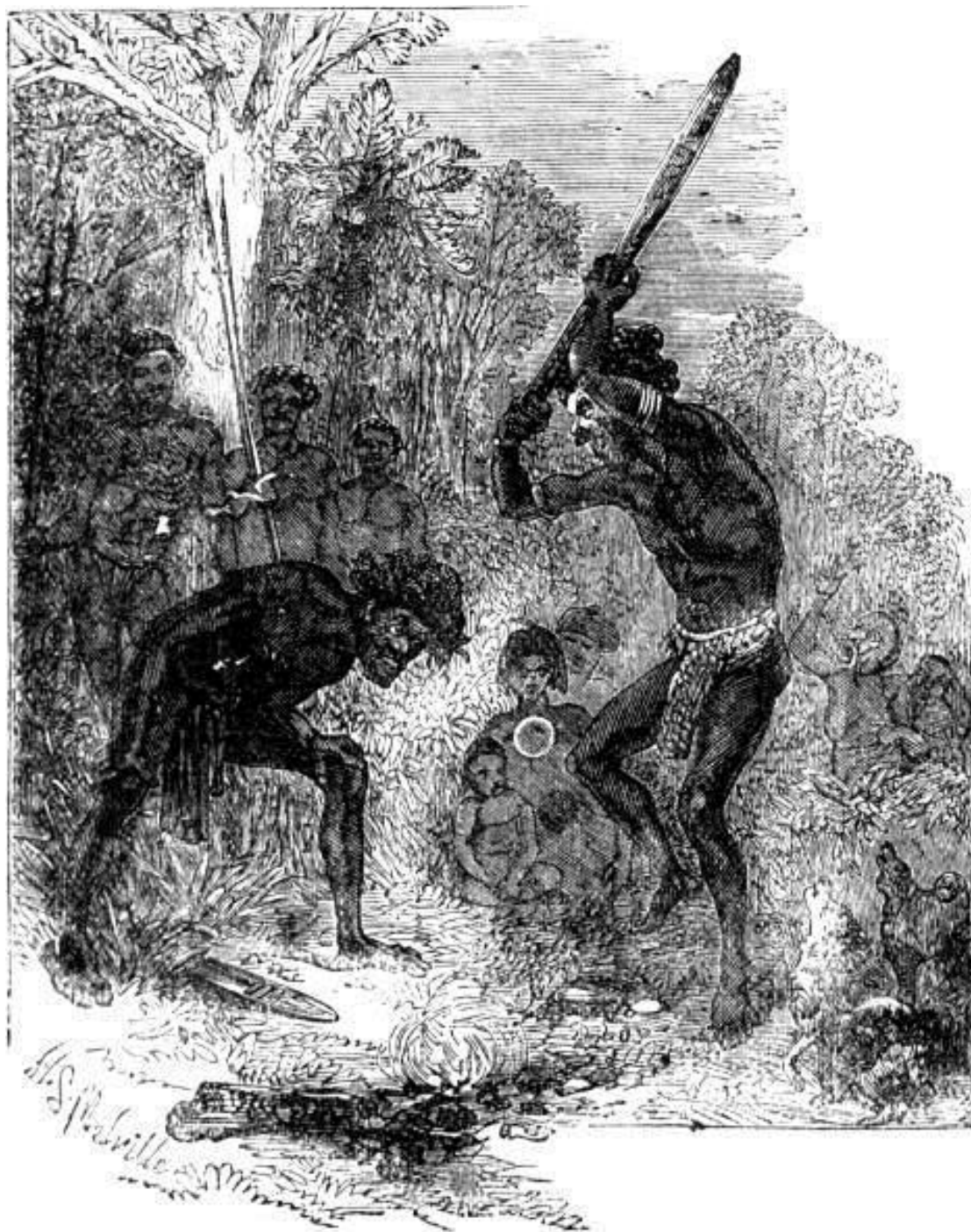
Бросая копье после прикрепления ваммеры, владелец ставит его в позицию и слегка встряхивает оружие, чтобы придать ему дрожащее движение, которое оно сохраняет во время полета. В радиусе пятидесяти или шестидесяти шагов у кенгуру, надо полагать, мало шансов на жизнь.

Метание копья.

Копье - неизмеримо самое опасное оружие австралийского дикаря. Многие белые люди были обязаны своей смертью копью; многие тысячи овец, крупного рогатого скота и лошадей пали от его удара. Несколько выдающихся англичан были тяжело ранены копьём; среди них я могу назвать капитана Блая, первого губернатора Нового Южного Уэльса, сэра Джорджа Грея и капитана Фицджеральда, нынешних губернаторов Новой Зеландии и Западной Австралии, а также капитана Стоукса, R.N., долгое время занимавшегося исследованием австралийских берегов. Нападение негров на вице-губернатора Лебединой реки произошло в декабре 1848 года. В порядке самообороны он был вынужден выстрелить в своих свирепых нападавших, но слишком поздно, чтобы спастись, и был серьезно ранен копьём, прошедшим через бедро.

Наш художник, мистер Харден С. Мелвилл, находясь в составе австралийской исследовательской экспедиции на корабле H.M.S. "Fly", имел возможность избежать неприятного знакомства с одним из этих грозных колючих орудий войны. Корабль пристал к берегу в месте, где находилось скопление туземных хижин, но не было видно ни одного жителя. Однако с духом, который свидетельствовал скорее о преданности делу науки, чем об уважении к вежливому обществу, наш друг должен был проникнуть внутрь одной из похожих на конуру хижин, хотя для этого ему пришлось ползти на четвереньках. Не помню, нашел ли он что-нибудь в возмещение своих трудов; знаю только, что он едва успел вскарабкаться на перпендикуляр, прижавшись спиной к кустам, когда находившийся с ним моряк с похвальной оперативностью обратил его внимание на интересный объект вдалеке. Это был туземец - несомненно, хозяин дома, который мистер Мелвилл так бесцеремонно разграбил, - и вот он стоял с копьём, хорошо подогнанным к ваммере, и весь трепетал от желания сделать бросок. Однако в тот момент, когда наш художник (а я могу сказать читателю, что он просто гигант) повернулся к туземцу лицом, а не спиной, копьё было опущено, и опасность миновала.

Австралийская дуэль.

Как бы ни была слаба мораль австралийца, у него есть свой кодекс чести, и если один из его пунктов будет нарушен, он не будет довольствоваться тем, что подстережет агрессора и вобьет ему в спину копье или нанесет смертельный удар своим бумерангом, пока тот надежно спрятан и защищен от наблюдения; нет, он должен получить "удовлетворение джентльмена", он должен вызвать своего человека "на бой" и вынудить его быть убитым или совершить убийство. Так что в этом отношении бушмен, "самый жалкий образец человечества", является столь же респектабельным человеком, как и многие благороднорожденные и высокообразованные англичане, которые жили в царствование и грелись в дружбе "первого джентльмена Европы". Он показывает себя еще более

респектабельным; ведь в то время как джентльмены прошлого поколения встречались и пускали пули или бросались и кололи друг друга обнаженными шпагами по пустяковому поводу, как спор о фасоне пальто или характере возлюбленной, бушмен никогда не обращается к почетному институту дуэли, если только противник не виновен в ужасном преступлении - отрицании того, что у него *толстая голова*. "Он не годится, его череп не толще яичной скорлупы эму". Если бушмен выдержит такое оскорбление, он навсегда останется предметом насмешек и шуток всех, кто его знает; но есть вероятность, что он не выдержит оскорбления; он пошлет друга к клеветнику, чтобы тот принес свой самый крепкий "вадди", дабы тот нахлобучил его на толстую голову воина, которого он оклеветал.

Бойцы встречаются, и избранные друзья приглашаются посмотреть на поединок. Оружие - привычные "вадди", мужчины стоят друг напротив друга с обнаженными головами. Нет никаких бросков за позицию или какое-либо другое преимущество; на самом деле нет никакого преимущества, кроме того, кто первым получит "удар", а это всегда позволено претенденту. Тот, кто должен получить первый удар, если он человек опытный, знает твердые и мягкие части своего черепа и старается так маневрировать, чтобы первые были представлены поднятой вверх дубине. Оружие падает вниз с грохотом, от которого у получателя удара стучат зубы, но кроме этого он не испытывает никаких неудобств, и теперь он выпрямляет спину и ухмыляется, ведь теперь его очередь. Его противник опускает голову, как это сделал он, и раздается громкий звук, который друзья этого человека приветствуют с восторгом, поскольку он свидетельствует о том, что его череп хоть и помят, но еще не расколот. И так продолжается поединок, удар за ударом, пока один из них, более могучий, чем прежде, или на "больном месте", не растянется на траве.

ГЛАВА XXIV.

Военные действия кафров - большой крик и маленькая резня - военные песнопения кафров - военная песня знаменитого Кукутля - Грикуа Питшо - военный совет в Африке - речь вождя - обвинение вождя в безразличии - упрек почкованию. Смерть перед бесчестием - стрельба из лука в Восточной Африке - луки-фаны - оружие каннибалов-фанов - военные ножи и топоры - женщины-воины Дагомеи - пальцы короля - король Гезо похож на курицу - амазонские притчи - красивая картина абиссинского воина - птицы-людоеды - неверующий в английскую артиллерию - убежденный скептик - мощный конец свечи - металлургия дикарей - король и кузнец - Ле Вайян становится чистильщиком мехов.

Переходя к югу Африки, мы обнаруживаем, что среди кафров военное ремесло ведется с такой точностью и методичностью, которая редко встречается у дикарей. Наиболее распространенными причинами войн являются: дань вождю, пастбищные привилегии и

территориальные границы; однако ни одна группа людей никогда не обрушивается на другую группу своих враждебных соплеменников без соблюдения определенных формальностей, чтобы предупредить врага о том, чего он может вскоре ожидать, и подготовиться соответствующим образом. С хвостом льва или пантеры в руках отправляются послы, чтобы узнать, продолжает ли другая сторона упорствовать; если да, то хвосты угрожающе размахивают, что равносильно объявлению войны.

После объявления войны все вассальные вожди с их приближенными созываются на собрание. Каждый должен беспрекословно подчиниться этому приказу и следовать за своим вождем; кто этого не сделает, тому грозит конфискация всего имущества. Как только войско собирается у жилища короля, убивают несколько оленей, чтобы воины могли укрепиться для битвы, обильно поедая их мясо; в это же время они танцуют и предаются всеобщему ликованию. Король дарит наиболее отличившимся и доблестным кафрам плюмажи из перьев с крыльев журавля, которые они носят на голове в знак почета. Эти плюмажи считаются официальными знаками отличия, и на тех, кто их носит, смотрят как на офицеров; ожидается, что каждый столь выдающийся человек будет не только маневрировать своей ротой, но, с копьем или булавой в руках, возглавлять ее и сражаться с ведущим воином на противоположной стороне. Если предводитель уклоняется от выполнения своего долга, то по закону Кафр он обречен на бесславную смерть. Среди последователей тоже, кто оставит своего лидера, будет убит, как только его схватят.

Когда армия движется, она берет с собой столько оленей, сколько считается необходимым для ее поддержки; а когда крепость приближается, "хвостonosцы" снова высылаются вперед, чтобы дать последнее извещение о предполагаемом нападении, повторяя мотивы, послужившие поводом для войны. Если противник заявляет, что в данный момент он не совсем готов, что он еще не собрал своих бойцов; или что было бы гораздо удобнее, если бы другая сторона подождала, пока кузнецы сделают еще несколько ассаги и заточат старые, - атакующая сторона довольствуется тем, что садится на корточки, убивает и ест своих быков и курит свои трубки, пока противник не сообщит о своей готовности начать. В качестве поля боя выбирается открытое место, без кустов и камней, чтобы исключить всякую возможность засады, которая считается совершенно унизительной.

Обе армии, издав громкий боевой клич, приближаются в две линии, пока не окажутся на расстоянии семидесяти или восьмидесяти шагов друг от друга. Теперь они начинают бросать свои ассагии, одновременно стараясь отбросить вражеские. Король или главнокомандующий, кем бы он ни был, всегда остается в центре строя и принимает активное участие в сражении. Некоторые из низших командиров остаются рядом с ним, остальные - во главе своих подразделений. Постепенно две группы сближаются все больше и больше, пока, наконец, не сойдутся лицом к лицу, и тогда копья отбрасываются в сторону, а судьбу дня решают дубины.

Если ночь застает врасплох, военные действия приостанавливаются, вожди обеих сторон встречаются и пытаются заключить мирный договор; но если это оказывается невозможным, утром бой начинается снова. Если одна из армий обращается в бегство, винят только командира: все зависит от его личной храбрости, и его отступление - сигнал для всего войска поступить так же. Бегущего врага немедленно преследуют, и прежде всего завоеватели стремятся завладеть его женщинами, детьми и скотом. Если побежденный соглашается покориться, его покорность немедленно принимается, при условии, что он признает своего завоевателя с этого момента своим государем и торжественно обещает ему повиноваться. Когда это сделано, пленных женщин и детей отправляют обратно, а также часть

захваченного скота, так как среди этих людей существует правило: "Мы не должны позволить даже нашим врагам умереть с голоду".

В этих боях кафров, однако, потери в живой силе никогда не бывают очень значительными; основным оружием является ассаги, и с ним кафр не очень меткий стрелок. Видя танцы и крики, а также воздух, усеянный копьями, можно заподозрить самую кровавую резню; но часто случается так, что после нескольких часов боя, в котором участвуют, скажем, две тысячи человек, велика вероятность того, что с каждой стороны будет убито более двадцати и ранено вдвое больше.

Кафрская война также милосердна, как по умыслу, так и по незнанию; и тот, кто попадает безоружным в руки врага, редко или никогда не подвергается смерти; женщинам и детям в равной степени нечего опасаться за свою жизнь. По этой причине женщин иногда нанимают в качестве послов, когда есть опасность, что дело зашло слишком далеко и что мужчина-переговорщик может быть предан смерти прежде, чем успеет объяснить свое поручение.

"Басуто и кафры, - говорит г-н Кассалис, - страстно любят своеобразные военные танцы, на которых женщины присутствуют только для того, чтобы помогать своими песнями и криками. Круг образуют несколько сотен крепких мужчин, голова которых украшена хохолками и плюмажами, а через левое плечо перекинута шкура пантеры. Раздается сигнал, начинается военная песня, и вся масса движется одновременно, как будто это один человек. Каждая рука в движении, каждая голова поворачивается одновременно, ноги всех в такт ударяют по земле с такой силой, что вибрация ощущается более чем на двести ярдов. Каждый мускул в движении, каждая черта искажена, самое нежное лицо принимает свирепое и дикое выражение. Чем сильнее искажения, тем красивее считается танец. Это продолжается часами; песня звучит все так же громко, а неистовые жесты не теряют своей силы. В короткие промежутки времени, когда голоса умолкают в соответствии с мерой, слышен странный звук: это пыхтение танцоров, их дыхание вырывается с силой и звучит вдали как неземной предсмертный хрип. Такое упорное затягивание столь утомительного занятия происходит из-за вызовов, которые бросают друг другу молодые люди и которые даже пересылаются из одной деревни в другую. Вопрос в том, кто дольше всех продержится? Выигрыш быка зависит от нескольких прыжков. Бывало, что танцоры падали замертво на месте; другие получали травмы, которые трудно вылечить. Есть и другой военный танец, который менее утомителен. В нем они выстраиваются в прямую линию, а затем бегут вперед, напевая, как будто собираются напасть на врага. Достигнув определенного расстояния, они останавливаются, некоторые мужчины покидают строй, перебегают справа налево, а затем возвращаются к своим товарищам, которые принимают их с бурными возгласами. Как только строй снова становится непрерывным, они таким же образом возвращаются к исходной точке.

Помимо военных танцев у дикарей этого региона есть военные песни, образцами которых могут служить две следующие: - "Голоане собирается сражаться".

"Голоане собирается воевать;

Он уходит с Летси.

Он бежит к врагу,

К тому, против кого они ропщут,

Тому, кого они никогда не послушаются.

Они оскорбляют его маленький красный щит;
А ведь это старый щит
быка Тана.
Что не сказал Моше?
Перестаньте бросать вызов ветерану Голоану.
Как бы то ни было, но приближаются кони;
Голоан возвращается с битвы
Серого коня и рыжего;
Они больше не вернутся к своим хозяевам.
Бык без рогов не будет восстановлен.
Сегодня война разразилась
Как никогда яростная;
Это война Буцани и Масетели.
Слуга Мохато,
Голоане бросил кусок камня;
Он попал в воина с таунитовым щитом.
Видишь ли ты трусливых спутников этого поверженного воина.
неподвижно стоящих у скалы?
Почему бы их брату не пойти и не забрать
Убранные ими головы?
Голоан, хвалы твои подобны густой дымке.
что предшествует дождю:
Твои победные песни слышны в горах;
Они доносятся до долин.
Где враг преклонил колени перед
Трусливые воины!... Они молятся!
Они просят, чтобы им дали еды...
Они увидят, кто даст им хоть немного.
Отдайте нашим союзникам,
Воинам Макабы;
Тем, кого мы никогда не видели, чтобы напасть на нас.

Голоан возвращается хромым из разборок;
Он возвращается, а из ноги его течет кровь;
Поток темной крови
Вытекает из ноги героя.

Спутник Ранцоафи
Схватил телку за плечо;
Это Голоане, сын Макао,
потомок Молизе.

Пусть никто не говорит больше дерзостей!
Рамакамане жалуется.

Он стонет, он говорит, что его телка
сломала его белое плечо.

Спутник храбрых
Голоане сразился с Эмпапангом и Кабане.
Копье метнул!

Голоан ловко уклоняется от него,
А дротик Рабане
зарыт в землю!"

А вот еще одна, в которой воин, сражавшийся за свою страну, считает не лишним быть своим собственным трубачом:

"Я - Кукутль!

Воины прошли с пением,
Гимн битвы прошел мимо меня;
Он прошел, презрев мое детство,
И остановился перед дверью Бонкауку.

Я - черный воин.

Моя мать - Боселесо!

Я брошусь, как лев,
как тот, что пожирает девственниц.

В лесах Фубасекоа.

Со мной Мапатса.

Мапатса, сын Теле.

Мы отправились в путь, напевая песню Трот.

Рамакоала, мой дядя, восклицает:

Кукутле, где мы будем сражаться?

Мы будем сражаться перед кострами Макосо.

Мы прибываем.....

Воины врага, выстроившись в линию,

Бросают копья друг в друга;

Они утомляются напрасно:

Отец Моатла бросается в их ряды,

Он ранит человека в руку

На глазах у матери,

Кто видит, как он падает,

Где же голова сына Себегоана?

Она скатилась на середину его родного города.

Я вошел победоносно в жилище его,

И очистился посреди его овчарни:

Глаз мой до сих пор окружен глиной победы.

Щит Кукутля был пробит;

А щиты врагов его целы,

Ибо это щиты трусов.

Я - белый гром.

Который рычит после дождя!

Готов вернуться к своим детям,

Я реву: Мне нужна добыча!

Я вижу, как стада и стаи бегут

по траве равнины;

Я забираю их у пастуха с бело-желтым щитом.

Поднимитесь на высокие скалы Макате;

посмотрите, как белая корова бежит среди стада.

Макосе больше не будет презирать мою дубину;

Трава растет в его заброшенных загонах,
Ветер сметает солому
с его разрушенных хижин;
Гудение коз - единственный звук, который слышен
В его городе, некогда столь прекрасном.
Уставший и умирающий от жажды, я отправился в жилище Энтеле;
Его жена взбивала вкусное молоко,
пенка которого была белой и пенистой.
Как слюна маленького ребенка.
Я подобрал кусок разбитого горшка.
Чтобы пить из сосуда,
Который вскоре опустел.
Белая корова, которую я победил.
У нее черная голова;
Грудь у нее высокая и открытая.
Она была кормилицей сына Матаяны.
Я пойду и предложу ее моему принцу.
Имя моего вождя - Макао,
А Макао - это Маку:
Клянусь полосатым быком
Мамасике!"

Во время миссионерского пребывания мистера Моффата среди туземцев Южной Африки ему часто выпадало выступать в роли ходатая и арбитра в самых важных государственных делах. Однажды, когда он находился среди гриквасов, соседнее племя мантатеев пригрозило войной, и вспыльчивые гриквасы с готовностью приняли вызов. Английский миссионер, однако, был против всего этого дела и не замедлил высказаться на военном совете.

В разные города и деревни были разосланы приказы о созыве *питшо*, или парламента, на следующий день. Поскольку обсуждались вопросы, представляющие большой национальный интерес, все пришли в движение рано. Около 10 часов утра все вооруженные люди, числом около тысячи, вышли на окраину города и снова вернулись к публичной складке, или месту сбора, одни пели военные песни, другие участвовали в шуточных боях, используя все фантастические жесты, которые только могло придумать их дикое воображение. Все они занимали свои места в складках, оставляя арену в центре для ораторов.

Африканское оружие.

Несколько коротких выдержек из некоторых речей покажут, как проходят эти встречи. Хотя все это представляет собой весьма гротескную сцену, дела ведутся в полном порядке. Не слышно ни приветствий, ни шипения, но каждый оратор бесстрашно излагает свои мысли. Зрители сидят на земле, каждый держит перед собой щит, к которому прикреплено несколько копий; на плече висит колчан с отравленными стрелами, а в правой руке - боевой топор. Многие были украшены тигровыми шкурами и хвостами, а на головах развевались

плюмажи из перьев. В центре было оставлено достаточно места для привилегированных - тех, кто убил врага в бою, - чтобы танцевать и петь, при этом они демонстрировали самые бурные и фантастические жесты, какие только можно себе представить, вызывая у зрителей самые бурные аплодисменты. Когда они расходятся по своим местам, оратор приказывает им замолчать: "Молчите, батлапи. Молчите, вы, баролонги", - обращаясь к каждому племени отчетливо, не исключая и белых людей, если таковые случайно присутствуют, на что все отвечают стоном. Затем он берет со своего щита копье и направляет его в ту сторону, куда движется враг, произнося проклятия в его адрес, и таким образом объявляет войну, несколько раз ударяя копьем в этом направлении, как бы погружая его во врага. Это вызывает громкий свист и аплодисменты. Затем он направляет копье в сторону страны бушменов, на юг и юго-запад, проклиная этих "пожирателей быков", как их называют. В этот раз, как и во всех подобных случаях, король начал разговор о делах дня так: "Вы, сыновья Молехабанги" - рассматривая всех присутствующих влиятельных людей как друзей или союзников своего королевства, которое достигло большего, чем прежде, расцвета во времена правления этого монарха, его отца - "Мантатеи - сильный и победоносный народ; они одолели многие народы и приближаются, чтобы уничтожить нас. Нас ознакомили с их нравами, поступками, оружием и намерениями. Мы не можем противостоять мантатаям; теперь мы должны договориться, сделать выводы и быть решительными, чтобы выстоять; дело великое. Вы видели, как миссионер заинтересован в вашей безопасности; если мы будем действовать так же, как он, мантатеи не смогут продвинуться дальше. Вы видите, что белые люди - наши друзья. Вы видите, что мистер Томпсон, главный человек с мыса, приехал к нам верхом; он не стал прятаться за нашими домами, как шпион, а приехал открыто и с уверенностью; его намерения добры, он тот, на кого может падать свет дня, он наш друг. Теперь я жду, что скажет общее мнение. Пусть каждый выскажет свое мнение, а потом я выскажусь снова". Мотиби маневрировал своим копьем, как в начале выступления, а затем направил его к небу, и зрители закричали "Пула" (дождь), после чего он сел под шум аплодисментов.

Между выступлениями каждого оратора поется часть или куплет военной песни, затем совершаются те же выходки, и снова наступает всеобщая тишина. Второй оратор, Мошуме, сказал: "Сегодня мы призваны противостоять врагу, который является врагом всех. Моффат был в лагере врага; мы все противились его походу; сегодня мы все рады, что он пошел; он не послушал нас; он предупредил нас и гриквасов. Что нам теперь делать? Если мы будем бежать, они нас догонят; если мы будем сражаться, они победят; они сильны, как лев; они убивают и едят; они ничего не оставляют". [Тут старик прервал оратора, попросив его реветь громко, чтобы все слышали]. Я знаю вас, Батлапис, - продолжал Мошуме, - что дома и перед лицом женщин вы - мужчины, но перед лицом врага - женщины; вы готовы бежать, когда должны стоять; подумайте и подготовьте свои сердца в этот день; будьте едины в одном; сделайте свои сердца твердыми".

Инча, Моролонг, начал свою речь с того, что посоветовал батлапи подождать, пока придут мантатеи, и только потом напасть на них. Едва он это сказал, как его прервал Иситэ, молодой вождь, который вскочил и закричал: "Нет, нет; кто призывал тебя говорить глупости? Разве был когда-нибудь царь или вождь батлаписов, который сказал бы, что ты должен встать и говорить? Ты собираешься поучать сыновей Молехабанги? Молчи. Ты говоришь, что знаешь этих людей, и все же хочешь, чтобы мы ждали, пока они войдут в наш город. Мантатеи - завоеватели, и если мы убежим, то потеряем все. Слушай, и я скажу: пусть мы нападём на врага там, где он находится, и не будем ждать, пока он подойдет к нашему городу; если мы отступим, у тех, кто находится в тылу, будет время бежать. Мы можем сражаться и бежать, и наконец победить; этого мы не сможем сделать, если будем ждать, пока они подойдут к

нашему городу". Эту речь громко поддержали, а Инча молча сел на место. После этого к собранию обратился вождь, значительно преклонных лет. "Сыновья Молехабанги! Сыновья Молехабанги! Вы хорошо поработали в этот день. Вы действуете мудро, сначала обсуждая, а затем действуя. Миссионер обнаружил нашу опасность, как восходящее солнце после темной ночи; человек видит опасность, в которой он находился, когда темнота закрывает ему глаза. Мы не должны вести себя как бахуаны; мы должны вести себя как макова (белые люди). Это наше *питшо*? Нет; это *питшо* миссионера; поэтому мы должны говорить и действовать как маковас". Тайсё встал и, приказав молчать, был встречен повторными аплодисментами, на что старый воин яростно бросился к нему и, протянув руку, воскликнул: "Вот человек, который говорит мудрость! Молчите, слушайте наставления; человек - мудрый человек - встал, чтобы говорить". Тайсё сообщил предыдущему оратору, что он тот самый человек, который обвинил свой народ в дезертирстве во время войны. "Вы трусы, вы бродяги!" - воскликнул он, - "отрицайте это обвинение, если можете. Мне подсчитать, как часто вы это делали? Если бы я повторил все случаи, вы бы сбежали, как наказанная собака, или со стыдом положили бы голову на колени". Обращаясь к собранию, он сказал: "Я не встаю сегодня, чтобы произносить речи; я подожду до дня сбора. Умоляю вас поразмыслить над тем, что перед вами, и пусть эта тема глубоко засядет в ваших сердцах, чтобы вы не отвернулись в день битвы". Обращаясь к королю, он сказал: "Вы слишком равнодушны к заботам своего народа; вы погрязли в апатии; теперь вы призваны показать, что вы король и мужчина".

Когда несколько других ораторов высказали свои соображения, главным образом призывая к единодушию и мужеству, Мотиби вновь занял свое центральное место и после обычной жестикуляции приказал молчать. Заметив некоторые замечания предыдущих ораторов, он добавил: "Очевидно, что лучший план - это действовать против врага, чтобы он не приближался; пусть наши города не будут местом войны, пусть наши дома не будут сценами кровопролития и разрушения. Нет; пусть кровь врага прольется на расстоянии от наших жен и детей". Повернувшись к престарелому вождю, он сказал: "Я слышу тебя, отец мой; твои слова верны, они приятны для слуха: хорошо, что нас наставляют Маковы. Я желаю зла тем, кто не повинует; я желаю, чтобы они были разбиты на куски". Затем обращается к воинам: "Среди вас много таких, кто не достоин есть из чаши, а только из разбитого горшка; подумайте над сказанным и повинуйтесь без ропота. Повелеваю вам, вожди батлаписов, батларосов, бамаиров, баролонгов и бакотусов, чтобы вы ознакомили все свои племена с событиями этого дня; пусть никто не останется в неведении. Еще раз говорю, воины, готовьтесь к битве; пусть ваши щиты будут крепкими, колчаны полны стрел, а боевые топоры острыми, как голод. Молчите, пожиратели почек (обращаясь к старикам [среди этих людей почки едят только пожилые; молодые избегают их из суеверных побуждений]), вы, от которых нет больше пользы, кроме как возиться с почками, когда убивают вола. Если ваших волов заберут, где вы возьмете еще?" Обратившись к женщинам, он сказал: "Не мешайте воину выходить на битву своими хитрыми намеками. Нет; пробудите в войне славу, и он вернется с почетными шрамами, свежие следы доблести покроют его бедра, и тогда мы возобновим военные песни и танцы и поведаем историю нашего завоевания". По окончании этой речи воздух огласился аплодисментами, все собрание время от времени присоединялось к танцу, женщины часто выхватывали оружие из рук мужчин и размахивали им самым яростным образом; люди всех возрастов использовали самые экстравагантные и неистовые жесты на протяжении почти двух часов.

Воин южной Африки, по-видимому, не похож на жителя островов Южного моря, чей лай гораздо грознее укуса. Случай, который мы приведем в доказательство этого, может показаться незначительным в своей единственности; однако в нем есть тон, который

свидетельствует о великодушии расы, а не о единичном случае варварского героизма. Миссионер, рассказывающий эту историю, не упоминает о характере проступка этого благородного африканца, но то, что он не был чудовищным, можно с уверенностью предположить по поведению преступника:-...

"Он был человеком в чине и носил на голове обычный знак достоинства. Его привели в штаб. На его руке не было ни щита, ни копья; он был лишен всего этого, что составляло его славу. Его привели в присутствие короля и его главного совета, обвинив в преступлении, за которое тщетно было ожидать помилования даже от более гуманного правительства. Он склонил свою прекрасную упругую фигуру и встал на колени перед судьей. Дело рассматривалось молча, что придавало сцене торжественность. Среди слушателей не было слышно ни шепота, а голоса членов совета были слышны только друг другу и ближайшим зрителям. В поведении пленника, стоявшего на коленях, было что-то достойное и благородное. Ни один мускул его лица не дрогнул, но яркие черные глаза свидетельствовали о напряженном интересе, который может вызвать только подвижное равновесие между жизнью и смертью. Дело не требовало особого расследования; обвинения были четко обоснованы, и преступник заявил: "Виновен". Но, увы, он знал, что это произошло в баре, где никто и никогда не слышал живительного звука помилования, даже за малые по сравнению с ним проступки. Наступила пауза, во время которой в зале воцарилась смертная тишина. Наконец монарх заговорил и, обращаясь к заключенному, сказал: "Ты мертвец; но сегодня я сделаю то, чего никогда не делал прежде; я пощажу твою жизнь ради моего друга и отца", - указывая на место, где я стоял. Я знаю, что его дух плачет от пролитой крови; ради него я щажу твою жизнь. Он приехал из далекой страны, чтобы повидаться со мной, и довел мое сердце до белого каления; но он говорит мне, что отнять жизнь - ужасная вещь, и ее уже никогда не исправить. Он умолял меня не вступать в войну и не губить жизнь. Я желаю ему, когда он вернется в свой дом, вернуться с таким же белым сердцем, какое он сделал моим. Я щажу тебя ради него, ибо люблю его, и он спас жизни моих людей". Но, - продолжал царь, - ты не должен больше общаться с вельможами земли, не должен входить в города князей народа и никогда больше не участвовать в танцах сильных мира сего. Иди к полевым беднякам, и пусть твоими спутниками будут жители пустыни". Приговор был вынесен, и ожидалось, что помилованный склонится в благодарном поклоне перед тем, на кого он привык смотреть и кого возносил в песнях, приличествующих лишь тому, кому принадлежит всеобщее владычество и судьбы людей. Но нет; сцепив руки на груди, он ответил: "О царь, не огорчай мое сердце! Я заслужил твое неудовольствие; пусть меня убьют как воина; я не могу жить с бедняками". И, подняв руку к кольцу, которое он носил на челе, он продолжил: "Как я могу жить среди псов короля и позорить эти знаки чести, которые я завоевал среди копий и щитов сильных мира сего? Нет, я не могу жить. Дай мне умереть, о Пезулу! Его просьба была удовлетворена, и ему связали руки прямо над головой. Как тщетны были мои усилия спасти ему жизнь. Он отказался от предложенных условий, предпочтя смерть с почестями, завоеванными на острие копья, - почестями, которые не запятнал даже поступок, осудивший его, - изгнанию и нищете среди детей пустыни. Его повели вперед, по одному человеку с каждой стороны. Я следил за ним, пока он не достиг вершины пропасти, с которой его сбросили в глубокий бассейн реки, где крокодилы, привыкшие к такой пище, зевали, чтобы сожрать его, прежде чем он достигнет дна".

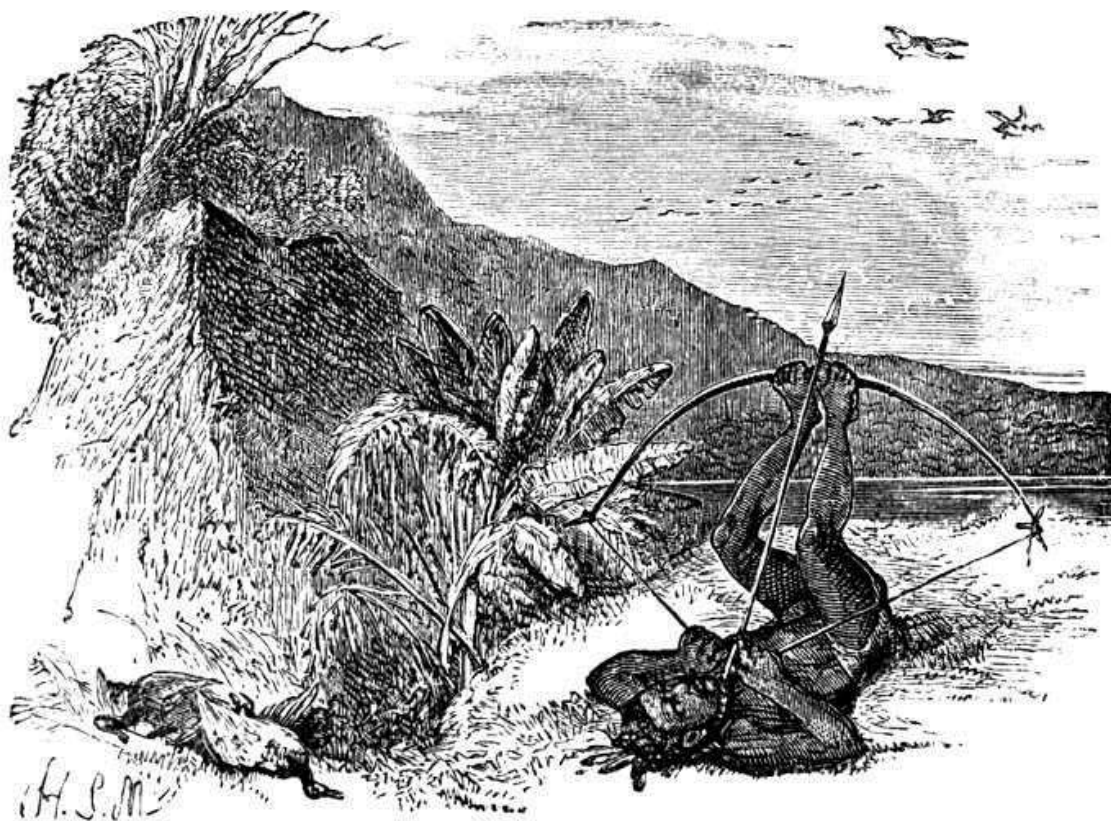
Обратившись к Восточной Африке, мы с некоторым удивлением обнаруживаем, что местные жители - "хорошие лучники и фейеры". "Армигер ростом в локоть, - рассказывает мистер Бартон, - начинает, как только научится ходить, с миниатюрным оружием - тростниковым луком и тростниковыми болтами с деревянным наконечником - тренироваться до совершенства на тыквах и тыквах; он считает себя мужчиной, когда может похвастаться

железным наконечником". Лук в Восточной Африке неизменно называется самострелом, то есть сделан из одного куска, и задняя часть оружия неизвестна. Он необычайно жесткий. Когда он прямой, его длина от кончика до кончика может достигать пяти футов. Его делают с той же тщательностью, что и копье, из ветки дерева матта, тщательно обструганной и выскобленной так, чтобы сужаться к рогам, и смазанной маслом или жиром, иначе он легко пружинит, и иногда его украшают пластинами из олова и цинка с медными или латунными проволоками и наконечниками. Тетива делается из кишок, сухожилий шеи или копыта быка, а иногда из древесных волокон; она почти вдвое длиннее лука, а дополнительная часть для прочности и удобства использования наматывается на верхний рог. При стрельбе лук хватают левой рукой, но большой палец никогда не вытягивается вдоль спины, тетива натягивается двумя согнутыми указательными пальцами, хотя иногда древко держат по азиатской моде большим и указательным пальцами. Лук натягивают рывком, а не отпускают в полет, как европейцы, с длинным устойчивым рывком. Лучшие луки делают племена, живущие у реки Пуфи.

Универсальное оружие.

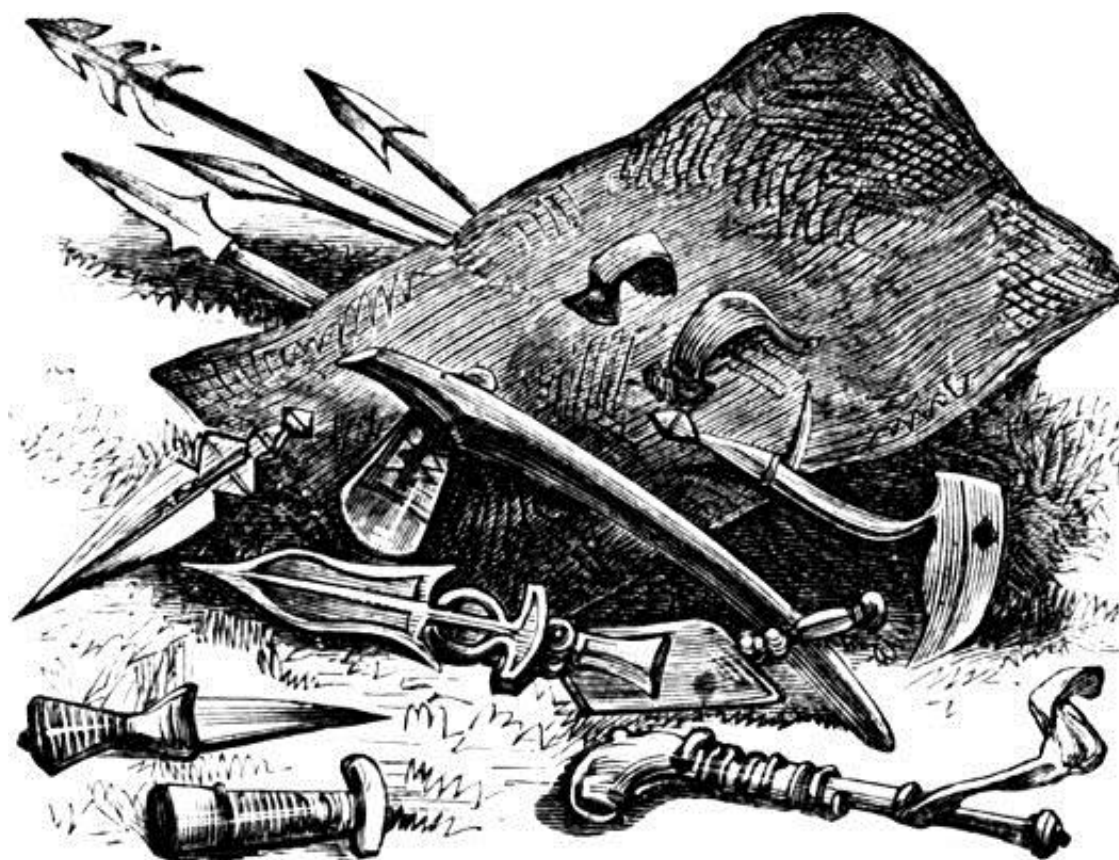
"Стрела длиной около двух футов; древко делается из легкого дерева и часто из тростника. Ее недостаток - недостаточный вес; чтобы нанести урон антилопе, ее нельзя использовать дальше пятнадцати-двадцати шагов в упор, а в быка, прежде чем он упадет, будет выпущено несколько пуль. Мушкетер, презиравший стрелу на расстоянии, боится ее вблизи, зная, что за один выстрел лучник может выпустить дюжину. Опасаясь воздействия ветра на легкое древко, лучник вставляет в его перепончатый конец три или четыре перышка. Свайная или железная голова любопытно и жестоко колючая с длинными развевающимися хвостами, шея зубчатая и окантованная путем вдавливания железа в горячем состоянии топором, а иногда наполовину распилена, чтобы она могла сломаться перед извлечением. У восточноафриканцев также есть "форкеры", или двуглавые древка, и "птичьи болты", или тупые стрелы с наконечником из твердой древесины, используемые, когда оружие может быть потеряно. Перед тем как пустить стрелу, лучник бросает в воздух щепотку пыли, но не для того, чтобы узнать ветер, а на удачу, как татары Тибета перед тем, как разрядить оружие. В бою тяжеловооруженный человек держит в руке копье и сноп запасных стрел, колчан, перекинутый на левый бок, содержит запасные снаряды, а маленький топорик, засунутый в правую часть пояса, готов, когда остальные не помогут. Ронга, или колчан, представляет собой аккуратно вырезанный и окрашенный берестяной чехол. Он бывает двух форм: полной длины и с крышкой для отравленных и половинной длины для не отравленных стрел".

Дикарь-лучник.

Фаны Экваториальной Африки отличаются большим разнообразием оружия. "Сегодня среди толпы, - пишет М. Дю Шайю из фанской деревни, где он остановился, - я видел людей, вооруженных арбалетами, из которых стреляли либо стрелами с железным наконечником, либо маленькими, незначительными на вид, но на самом деле очень смертоносными стрелами с ядовитым наконечником. Это всего лишь тонкие тростинки длиной в фут, заостренные концы которых обмакнуты в смертельный растительный яд, который эти люди

умеют делать. Стрелы настолько легкие, что они разлетаются, если их просто положить в рощу лука. Для предотвращения этого они используют что-то вроде липкой резинки, комок которой хранится на нижней стороне лука и которой слегка натирается небольшое место в роще. Рукоятка лука хитроумно раздвоена, и с помощью маленького штырька, который служит спусковым крючком, тетива отсоединяется, а так как пружина очень сильная, она посылает стрелу на большое расстояние, и, несмотря на ее легкость, с большой силой. Но самый легкий укол неизбежно убивает. Они хорошие стрелки из своих луков, которые требуют большой силы для сгибания. Приходится садиться на кочки и упираться обеими ногами в середину лука, а тетиву со всей силой натягивать, чтобы отогнуть ее. Более крупные стрелы имеют железный наконечник, похожий на острые колючки гарпуна. Они используются для охоты на диких зверей и имеют длину около двух футов. Но более смертоносным оружием является маленькая незначительная палочка из бамбука, не более двенадцати дюймов в длину, просто заостренная с одного конца. Это знаменитая ядовитая стрела, снаряд, который несет смерть везде, где бы он ни коснулся, если только проткнет острие до крови. Яд изготавливается из сока растения, которое мне не показали. Острые концы стрел несколько раз окунают в сок и дают ему тщательно впитаться в дерево. Это придает острию красный цвет. Стрелы очень бережно хранятся в маленьком мешочке, сделанном из кожи какого-нибудь дикого животного. Их очень боятся здешние племена, поскольку их можно бросать или метать с такой силой, что они действуют на расстоянии пятнадцати ярдов, и с такой скоростью, что их совсем не видно, пока они не будут израсходованы; в этом я сам не раз убеждался. Рана, нанесенная одной из этих безобидных на вид палочек, не лечится - смерть наступает через очень короткое время. Некоторые из фанатов носили на плече страшный боевой топор, одного удара которого вполне достаточно, чтобы расколоть человеческий череп. Некоторые из этих топоров, как и копья и другие железные изделия, были красиво украшены завитками и выточены в изящных линиях и изгибах, что говорило о мастерстве их ремесленников.

Веерное оружие.

"Боевой нож, который висит на боку, - страшное оружие для рукопашного боя, и, как мне объяснили, он предназначен для того, чтобы пронзить тело врага: его длина составляет около трех футов. Еще один огромный нож носят некоторые мужчины в толпе передо мной. Он длиной более фута и шириной около восьми дюймов, и используется для того, чтобы прорубать через плечи противника. Он должен выполнять огромную работу. Затем есть очень необычный заостренный топор, который бросают с расстояния, как американские индейцы используют томагавк. При броске он ударяет острием вниз и наносит страшную рану. Они используют его с большой ловкостью. Цель удара этим топором - голова. Острие проникает в мозг и сразу убивает жертву, а затем круглым краем топора отрубают голову, которую победитель уносит с собой в качестве трофея.

"Копья длиной шесть или семь футов туземцы бросают с большой силой и с точностью прицеливания, которая не перестает меня удивлять. Они заставляют длинный тонкий стержень со свистом рассекают воздух. Большинство из них могут эффективно метать копье на расстояние от двадцати до тридцати ярдов.

"Большинство ножей и топоров были гениально уложены в чехлы из змеиных шкур или человеческой кожи, снятой с какой-нибудь жертвы в бою. Многие из этих ножен сделаны очень изобретательно, и их можно закрепить на шее с помощью шнуров, которые позволяют оружию висеть сбоку, не мешая владельцу. Хотя они так воинственны, у них нет доспехов; на самом деле, их обработка железа еще слишком груба для такой роскоши. Единственное средство защиты - огромный щит из слоновьей шкуры, но он даже защищен от пуль: так как он очень большой, три с половиной фута в длину и два с половиной в ширину, его хватает, чтобы закрыть все тело.

"Кроме оружия, многие из мужчин носили небольшой, но довольно громоздкий нож, который выполнял функции ножа, топорика и столового ножа. Но, несмотря на грубую форму, они пользовались им с большой ловкостью".

Африка, Южная и Восточная, получили свою долю внимания, давайте обратимся к Западной Африке и посмотрим, как там ведется ужасная игра в войну. Все, что связано с кровопролитием в этой части земного шара, сразу наводит на мысль о Дагомее. Хорошо, пусть будет Дагомея; давайте вместе с мистером Форбсом посетим смотр "женщин"-солдат короля Гезо:

"В полдень мы присутствовали на параде армии амазонок, якобы для принесения клятвы верности этими необычными войсками, и это была самая новая и захватывающая сцена. Под навесом из зонтиков на южной стороне рыночной площади Ахджахи, в окружении министров, карбочеров, карликов, горбунов и т. д., все военные, на украшенном черепами военном стуле восседал король, впереди сидел То-ну-ну, а справа, под таким же навесом, с таким же участием, находился женский двор, перед которым стоял Ман-хаэ-пах. В разных частях поля биваком расположились полки амазонок. Когда я прибыл и занял свое место по правую руку от короля, один полк уже отходил, и герольд возвестил.

'Ah Haussoo-lae-beh-Haussoo!'

О король королей!

Теперь вперед выступил полк разбойников. В качестве знака отличия у каждой амазонки было по три полосы белил вокруг каждой ноги. Как только они оказались перед тронном, они отсалютовали королю, когда один из офицеров вышел вперед и поклонился именем полка,

если они пойдут на войну, победить или умереть. Разве мы не завоевали, - воскликнула она, - всю провинцию Махей? Так и мы всегда будем побеждать или умирать". Тогда второй офицер выступил вперед и сказал: "Когда аттахпаханы слышали, что мы наступаем, они разбежались. Если мы вступим в войну, а кто-то вернется не побежденным, пусть умрет. Если я отступлю, то моя жизнь будет зависеть от милости короля. Какой бы город ни подвергся нападению, мы завоюем его или похороним себя в его руинах". Как только этот офицер поклялся, из рядов вышел третий и сказал: "Нас восемьдесят, и мы из правой бригады, никогда еще не знавшей, чтобы повернуться спиной к врагу. Если кто-то может найти в нас недостаток, молодой или старый, дайте нам это знать". Офицер-мужчина, стоявший рядом с королем, уже собирался обратиться к этой амазонке, как вдруг ему сказал человек-фетиш: "Эта женщина - фетиш, а ты - нет; ты не должен вмешиваться в ее дела". Отдав честь мужскому и женскому дворам, одна из амазонок сказала: "Мне нечего обещать. Как я себя вела, так и буду вести, поэтому я готова к суду: пусть мои поступки докажут меня! Другая добавила: "Клянусь потомством короля, я никогда не отступлю!", а третья продолжила: "Война - наш великий друг, без нее нет ни ткани, ни оружия: давайте воевать, побеждать или умирать!". Затем заговорил четвертый: "Я волк - враг всех, кого я встречаю, кто враг короля, и если я не завоюю, пусть я умру". И пятая, которая добавила: "Я мать Антонио (Да Соуза). Я хочу убить для него слона, чтобы показать свое уважение; но сначала нужно истребить аттахпаханов". Один из мужчин-солдат прислал нам гвинейский перец, чтобы возбудить нас к войне: это оскорбление". Шестая амазонка, прочитав сначала И-ах-ваэ (английская мать, генерал-амазонка) названия всех стран и городов, завоеванных дагоманами, повторила их двум женщинам-вестницам, которые провозгласили их вслух. По окончании этой декламации амазонка обратилась к королю: "Если мы идем на войну, то не можем вернуться с пустыми руками; если нам не удастся поймать слонов, пусть довольствуются мухами. Царь только знает, где будет война". Затем выступила Ах-кох-йох (полковник амазонок): "Ткани, - сказала она, - делаются пальцами, а мы - пальцы короля! А А-кун-а-да (полковник амазонок) добавила: "Кареты не могут быть запряжены без колес - мы колеса! А затем оба вместе воскликнули: "Мы разрушили Аттахпахан, пойдем в Абеахеуту, где победим или умрем". За этим последовал танец всего полка; затем, ползая на руках и коленях, они вдруг с воплем поднялись и быстрым шагом удалились. За ними последовал другой полк, около 300 человек. Женщины-фетишистки заранее несли фетишистские изображения, которые были расставлены на земле между двумя дворами. Все встали на колени, подняли мушкеты и отсалютовали, после чего к ним снова присоединились около 200 человек в одежде амазонок, удержников покойного Ча-ча, поднятых в 1848 году, которые представились молодыми солдатами, жаждущими увидеть славу королей. Полковник выступил вперед и сказал: "Аттахпаханам нужна храбрость для борьбы с Дагомеей. Отдайте нам Абеахеуту, и если мы не победим, наши головы будут в вашем распоряжении. Если абеахеуты побегут в воду, мы последуем за ними; если в огонь, мы тоже последуем за ними". Другая амазонка добавила: "Как бы уверенно ни стояла сейчас Абеахеута, мы ее уничтожим". А третья подхватила тему: "Аттахпахан уничтожен! Отдайте нам Абеахеуту: это сильное место". Анру вошел в комнату, где лежал труп; он поднял простыню, и его спросили: "Почему?" "Потому что (ответил он) я хочу пойти туда, куда ушел этот человек. Давайте отправимся туда или завоюем Абеахеуту". Четвертая амазонка завершила обращение таким образом: "Говорите об Аттахпахане - его больше нет, он не стоит того, чтобы о нем говорить: Абеахеута достойна моего внимания: если нам прикажут туда идти, мы привезем хороший отчет. Как рубят траву, чтобы расчистить дорогу, так мы будем рубить абеахеутов". Затем вперед вышел знаменосец амазонок и сказал: "Эти штандарты находятся в нашем ведении; мы клянемся защищать их или умереть". Все отсалютовали и ушли двойным быстрым шагом. Еще один полк из 160 человек вышел вперед и, присев, отдал честь, выставив вперед свои

фетишистские принадлежности. К ним присоединились несколько женщин из семьи Соуза, одетых в военные костюмы. Затем амазонка этого полка начала обычную речь, сказав следующее: "Король подобен курице, расправляющей крылья, чтобы защитить своих птенцов от дождя. Мы находимся под защитой короля: если мы не будем сражаться, пусть мы умрем" (король, выпив со мной за здоровье, передал кубок с ликером Поссу). После этого другой из амазонок продолжил разговор в таких выражениях: Поссу, если ты возглавишь нас в этой войне, пусть мы умрем. Пошли нас в Абеакеуту, и мы уничтожим ее или умрем". Один из мужчин-придворных сказал: "Если ты этого не сделаешь, то потеряешь свое имя". На что амазонка ответила: "Мы - новорожденные короля, мы поддерживали и будем поддерживать его". А другая добавила, подчеркнув: "Куда посылает нас царь, туда и идет добрая молва. Я - дочь короля, под его защитой: он отдал меня покойному да Соузе, но смерть схватила его. Теперь я принадлежу Антонио. Меня зовут Ах-гае-си, и все, чего я хочу, - это пойти войной на Абеакеуту". Другая амазонка вышла вперед и спросила: "Для чего мы пришли сюда? Не для того, чтобы показать себя, а чтобы просить короля о войне. Отдайте нам Абеакеуту, и мы уничтожим ее или умрем". За ним последовал другой, который сказал: "Фетишисты никогда не посвящают бедняков в свои дела. Отдайте нам Абеакеуту: там много". Аттахпахан разрушен и недостоин нашей дальнейшей заботы". В этот момент женщины Соузы вышли вперед и запели:

"Амазонки готовы умереть на войне;

Настало время послать их".

Тогда все женщины двора покинули свои табуреты и, возглавляя амазонок, выступили вперед и отсалютовали королю, а затем, удалившись, вернулись на свои места: в то время как из середины армии амазонок выступила маленькая девочка шести лет и сказала: "Король говорил трижды, когда говорил о войне: пусть король скажет один раз сейчас: пусть это будет на Абеакеуте". И снова все амазонки вышли вперед и, крича, призвали Да Соузу подражать своему отцу. "Как дикобраз выбрасывает перо, и на его месте вырастает новое, так пусть будет и в порту Уайда: пусть один корабль сменяет другой". Все снова преклонили колена и забросали головы грязью, а два герольда-амазонки произнесли имена короля и добавили одно из имен войны Аттахпахана - Глах-Глаш, или Шимпанзе. Снова все встали, а вождь амазонок произнес следующую речь: "Как кузнец берет железный прут и с помощью огня меняет его форму, так и мы изменили свою природу. Мы больше не женщины, мы - мужчины. С помощью огня мы изменим Абеакеуту. Царь дает нам ткань, но без ниток. Если кукурузу положить на солнце сушиться и не ухаживать за ней, не съедят ли ее козы? Если Абеакеуту оставить надолго, какой-нибудь другой народ испортит ее. Бочка с ромом не может катиться сама по себе; стол в доме становится полезным, когда на него что-нибудь ставят: дахоманская армия без амазонок - как обе, без помощи. Плевки делает живот более удобным, а протянутая рука - принимающей: поэтому мы просим вас о войне, чтобы наши животы могли исполнить свое желание, а руки - быть наполненными". По окончании этой речи придворные женщины снова поднялись и, возглавляя амазонок, приветствовали короля, а затем, указывая на слушателей, все хором запели:

"Soh-jah-mee!".

Пусть гром и молния убьют нас, если мы нарушим свои клятвы.

Король вышел из шатра под крики "Кок-пах-сах-кри" (особенно свирепый орел), и все упали ниц. Король получил красивую булаву из черного дерева и танцевал с ней. Затем поднялись амазонки, и король обратился к ним: "Охотник покупает собаку и, обучив ее, выводит на охоту, не говоря ей, какую дичь он ожидает встретить. В кустах он видит зверя, и по его

наущению собака преследует его. Если собака возвращается без дичи, егерь в гневе убивает ее, а тушу оставляет добычей волков и стервятников. Если я прикажу вам очистить кустарник, а вы не сделаете этого, разве я не накажу вас? Если я велю своему народу бросить руки в огонь, он должен это сделать. Когда вы идете на войну, если вы попадете в плен, вас принесут в жертву, и ваши тела станут пищей для волков и стервятников". Закончив свою речь, король снова танцевал и пил, а затем раздал офицерам-амазонкам ром в большом оловянном тазу. Когда он вернулся в свой шатер, все амазонки, числом около 2400, ушли, - и на этом парад закончился".

Хотя африканский воин уже занял более чем справедливую долю нашего пространства, мы все же должны найти место для описания абиссинского вождя, каким его видел наш соотечественник мистер Брюс. Его звали Гуангул, и он был вождем восточных галла. Однажды он пришел в сопровождении примерно 500 пеших и 40 конных, чтобы засвидетельствовать свое почтение королю. Это был маленький, худой, крестообразный человек, не отличавшийся ни силой, ни быстротой, насколько можно было предположить; его ноги и бедра были малы для его тела, а голова велика. Он был желтого, болезненного цвета, не черный и не коричневый, с длинными волосами, заплетенными и переплетенными с бычьими кишками, и так завязанными и скрученными вместе, что невозможно было отличить волосы от кишок, которые свисали вниз длинными прядями, частью впереди, частью сзади, образуя самые необычные кольца, которые когда-либо видели. Кроме того, на шее у него висел венок из бычьих кишок, а посередине - несколько кругов, служивших поясом, под которым лежала короткая хлопчатобумажная ткань, смоченная в масле, и все его тело было мокрым и покрыто. В его стране, когда он появляется в государстве, животное, на котором он едет, - это корова. Тогда он был в полном облачении и сидел на одном животном не самого большого размера, но с чудовищными рогами; и ехал без седла. На нем были короткие штаны, не доходившие до середины бедер; колени, ноги, ступни и все тело были голыми. У него был щит из одной шкуры, деформированный от жары в нескольких направлениях и имеющий форму большой шапки с высоким венцом. В правой руке он держал короткое копье с плохо сделанным железным наконечником и древком, похоже, из тернового дерева, но совсем без украшений, что редко встречается в оружии варваров. Нужно ли это было для того, чтобы держаться на остром гребне спины зверя, или для грациозной езды, мистер Брюс определить не мог, будучи совершенно неумелым в коровьем деле; но этот варвар сильно отклонился назад, выпятив живот, и держал левую руку со щитом вытянутой с одной стороны, а правую руку с копьем - с другой, как крылья. Король сидел на своем кресле из слоновой кости почти в центре шатра. День был очень жаркий, и нестерпимый смрад возвестил всем в шатре о приближении грязного вождя, прежде чем они его увидели. Король, увидев его приближение, был настолько поражен его фигурой и внешним видом, что его охватил неумеренный приступ смеха, который он не смог подавить. Поэтому он поднялся с кресла и как можно быстрее побежал в другие апартаменты, расположенные за тронем. Дикарь сошел со своей коровы у дверей палатки со всеми своими трипсами; и пока присутствующие офицеры любовались им как чудовищем, он, увидев, что место короля пусто, вообразил, что оно приготовлено для него, и сел на пунцовую шелковую подушку, с которой масло стекало со всех частей его тела. Все люди в шатре подняли крик удивления, от которого он вздрогнул; и не успел он опомниться, как все навалилось на него и толчками и ударами довели этого жирного вождя до дверей шатра, и он с диким изумлением уставился на них, не понимая, в чем дело. Сесть в королевское кресло - это государственная измена, караемая немедленной смертью, и Гуангул был обязан жизнью только своему неведению. Король наблюдал эту сцену через занавеску; если он от души смеялся в начале, то в десять раз больше смеялся над катастрофой. Подушку выбросили, а на табурет из слоновой кости расстелили желтую индийскую шаль; и впредь, когда табурет

ставили, а короля на нем не было, его переворачивали лицом на ковер, чтобы предотвратить подобные происшествия".

Прежде чем отправиться в военную экспедицию, абиссинцы, как и древние римляне, прислушиваются к голосам определенных птиц, и в зависимости от того, их ноты слышны по правую руку или по левую, они предвидят благополучное или неблагоприятное путешествие. Многие военные или охотничьи экспедиции откладываются в тот момент, когда успех, если бы они были предприняты, казался почти несомненным, просто потому, что в начале пути какая-то птичка закричала с левой стороны. Точно так же многие жены по нескольку дней с тревогой ожидали своего мужа, потому что птица решила сесть по правую руку: правая рука предвещает отъезд из дома, а левая - возвращение. Черно-белый сокол, которого здесь называют *гадди-гадди*, считается птицей предзнаменования в некоторых районах Тигре. Если эта птица улетает при приближении путников, то это неблагоприятный знак, а если, наоборот, остается сидеть и смотреть на них, то они рассчитывают на самое благополучное путешествие. "Охотники на Маребе, - рассказывает один из недавних путешественников, - во многом следуют предупреждениям маленькой птички о том, в каком направлении им следует двигаться, и мне доводилось видеть, как партии людей поворачивали назад по свежему следу стада буйволов и шли в противоположном направлении только потому, что ее щебет был слышен не с той стороны". Однажды сообщили, что поблизости находится партия из тридцати бареа, и собрался большой отряд, возможно, сто пятьдесят человек; но, добравшись до врага, доблестная армия мирно вернулась домой, считая такой ход не только оправданным, но и правильным, поскольку, остановившись для разведки, услышали знамение на стороне, благоприятной для их противников. В другой раз я отправился на охоту и за фуражом с пятнадцатью проверенными и отборными людьми. Мы пробыли в приграничных лесах две недели и ничего не видели у бареа; однажды, однако, птица подала нам знак к успеху, и на следующую ночь мы обнаружили их костры на холме, едва ли в миле от того места, где мы лежали. Наша партия вмиг пришла в восторг: все присматривались к примусам, щупали острия ножей, терли их о камень, и каждый предвкушал славу, которую он должен был снискать, зарубив нескольких врагов. Некоторые были даже настолько возбуждены, что начали расхаживать и подсчитывать свои подвиги в ожидании того, что им придется делать по возвращении домой, и, выражаясь языком янки, все чувствовали себя "полузамерзшими для волос" или, скорее, для еще более жестоких трофеев, которые абиссинцы берут с убитых врагов. Но голос ночной птицы решил все дело, и вместо того, чтобы ждать, как мы намеревались, несколько часов до восхода солнца, чтобы совершить *переворот*, мы все, как выпоротые собаки, улизнули домой, ибо тщеславная слава воинов вытекла из кончиков их пальцев при этом намеке клювастого авгура, что они будут в безопасности в лоне своих семейных кругов. Когда мы продвигались вперед, то с нетерпением искали признаки Бареа; когда отступали, то паника, вызванная нечаянной птицей, была столь велика, что мы держались начеку, чтобы они не настигли нас врасплох".

Во время своего пребывания в Абиссинии знаменитый путешественник Брюс однажды оказался в гостях у тщеславного и хвастливого офицера королевской армии, некоего Гебры Маскаля. По мнению Гебры, никто не был таким хорошим стрелком, как он сам, и когда кому-то случалось похвалить умение мистера Брюса обращаться с оружием, Гебра Маскаль встречал это замечание раздраженным и презрительным смехом. Наш путешественник рассердился и сказал ему, что в его ружье конец таловой свечи сделает больше, чем железный шар в лучшем ружье Гебры Маскаля, при всем его хваленем мастерстве. Абиссинец назвал его лжецом и франтом и, поднявшись, немедленно дал ему пинка ногой. Мистер Брюс в порыве ярости схватил его за горло и повалил на землю. Гебра выхватил нож и, набросившись на нашего путешественника, нанес ему легкий порез в районе макушки. До

сих пор мистер Брюс не наносил ему ударов; теперь он выхватил у него нож и с такой силой ударил его рукояткой по лицу, что на нем остались шрамы, которые были заметны даже среди глубоких язв оспы. Теперь все вокруг было в смятении и беспорядке. Столь серьезное приключение не могло не подействовать на нашего соотечественника под влиянием вина (ведь его пили). Он закутался в плащ, вернулся домой и лег спать. Его друзья жаждали отомстить за нанесенное ему оскорбление, и первая новость, которую он услышал утром, была о том, что Гебра Маскаль находится в кандалах в доме Раса. Мистер Брюс, хотя и не переставал сердиться, был в растерянности, какие меры предпринять. Раса, вероятно, выслушает его жалобы, но его противник был грозен. Поэтому вместо того, чтобы требовать справедливости, мистер Брюс оправдал и смягчил поведение Гебры Маскаля и добился его свободы.

Однако мистер Брюс понимал, что причина его ссоры с Геброй Маскалем не сразу была забыта при дворе. Однажды король спросил его, не был ли он сам пьян, как и его противник, когда возникла эта ссора. Мистер Брюс ответил, что был совершенно трезв, так как красное вино у их гостя закончилось, а гидромель он никогда не пил охотно. Его Величество с некоторой долей остроты спросил: "Вы тогда трезво сказали Гебре Маскалю, что конец таловой свечи в пистолете в вашей руке совершит больше казней, чем железная пуля в его?" "Конечно, сэр, я так и сказал". "И почему?" "Потому что это была правда". "Таловой свечой вы можете убить человека или лошадь?" "Простите, сэр; ваше величество теперь вместо моего государя; было бы большой самонадеянностью с моей стороны спорить с вами или настаивать на разговоре против мнения, в котором вы уже утвердились". Доброта и любопытство короля, а также желание мистера Брюса оправдаться завели дело так далеко, что было предложено провести эксперимент с талловой свечой. Три придворных принесли каждый по щиту; мистер Брюс зарядил свое ружье кусочком таловой свечи и пробил сразу три, к изумлению и даже замешательству абиссинского монарха и его придворных. Следующим выстрелом был пробит стол из сикоморы, и его пробило так же легко, как и щиты. Эти подвиги простые абиссинцы приписывали силе магии, но они произвели сильное впечатление на монарха в пользу нашего путешественника.

Прежде чем мы оставим тему дикарских войн, не лишним будет сказать пару слов об изготовлении дикарских боевых инструментов. Перелистывая эти страницы, мы можем обнаружить, что наш брат варвар, несмотря на свое глубокое невежество, отнюдь не является неумелым ремесленником. Его дело - стукнуть врага по голове, фактически выбить у него жизнь; и эта операция может быть выполнена так же аккуратно железным *мери* новозеландца или *вадди* австралийского аборигена, как и свинцовой пулькой из пасти современного Миниэ или Уитворта - по крайней мере, если не так аккуратно, то вполне эффективно. Дикарь не имеет никакого представления об утонченности убийства; дайте ему револьвер, усовершенствованный по последнему слову техники, и объясните, как он отправит человека на смерть с таким прекрасным отверстием в туше, что сам мрачный уничтожитель жизни будет почти озадачен, чтобы обнаружить свое право на убитого, и он - дикарь - отвергнет это; это "колдовская штука", и он предпочтет оставить ее в покое. В то же время, если вы сделаете ему подарок, не обремененный условиями, он примет его; так, вставив в один из стволов жесткую палку, револьвер можно превратить в удобную дубинку, которой человек может убить своего врага так, что с полувзгляда будет видно, как он умер.

Дубина, таким образом, является универсальным оружием среди дикарей; это оружие, которое можно достать без труда; круглый камень, прикрепленный к концу палки, бедренная кость буйвола - в общем, все, что угодно, удобной длины и с тяжелым набалдашником. Однако как только дикарь продвигается на шаг вперед - как только он узнает, что такое

железо и что такое колун с острыми краями, - его тупоголовая дубина перестает приносить ему удовольствие. Гораздо приятнее зарубить врага, чем просто ушибить его, проткнуть и проткнуть его красными дырками, чем ударить его - поэтому сразу же возникает спрос на острые шипы и ножи, и по крайней мере один член каждой семьи становится кузнецом.

Папуасские кузнецы.

Но чтобы стать кузнецом в столь грубой и скромной форме, совершенно необходимы определенные инструменты; честолубивый человек должен иметь огонь, молот, наковальню и, наконец, самое важное - пару мехов. Огонь у него есть; в качестве молота сгодится его старая дубина с каменным наконечником; наковальней служит удобный кусок скалы; самым сложным препятствием является мехи; и можно не сомневаться, что многие грандиозные замыслы кузнецов были пресечены в зародыше из-за неспособности проектировщика найти что-либо одушевленное или неодушевленное такой сговорчивой природы, чтобы держать и мужать для его удобства такую скользкую вещь, как ветер. Замечательны приспособления, к которым прибегают, но все они более или менее утомительны и несовершенны; всех видов и размеров, от похожего на бутылку мешка, который кузнец держит под мышкой, извлекая из него слабый взрыв, как горец извлекает музыку из волынки, до сложной машины, которая в моде в некоторых частях Полинезии. Возьмем для примера ту, что используют папуасы. Здесь мы видим два полых деревянных столба, закрепленных вплотную друг к другу и снабженных в футе от земли соединительной трубой, заканчивающейся соплом. Внутренняя поверхность столбов идеально гладкая и снабжена "присоской", состоящей из своего рода швабры из мелко измельченной коры; сидя на корточках на вершине этих столбов, воздуходув берет в руки рукоятки швабры и работает ими вверх и вниз, вызывая довольно сильный и регулярный взрыв, выходящий из сопла.

Миссионер Эллис рассказывает, что однажды король Помаре вошел в сарай, где работал европейский кузнец, и, посмотрев несколько минут на его работу, был так восхищен увиденным, что подхватил кузнеца на руки и, не обращая внимания на грязь и пот, неизбежные при его работе, самым сердечным образом обнял его и приветствовал по обычаю страны, коснувшись носа.

Ле Вайян, путешествуя по югу Африки, однажды увидел, как несколько кафров собрались у подножия скалистого возвышения вокруг огромного костра и достали из него довольно большой брусок раскаленного железа. Положив его на наковальню, они начали бить по нему камнями, очень твердыми и имеющими такую форму, что ими легко было управлять рукой. Казалось, они выполняли свою работу с большой ловкостью. Но самым необычным показался их мехи, состоявшие из овчины, как следует выделанной и хорошо сшитой. Те части, которые прикрывали четыре ноги, были отрезаны, а в отверстие горловины было вставлено горлышко ружейного ствола, вокруг которого кожа была стянута и тщательно закреплена. Пользуясь этим инструментом, человек, держа одной рукой трубу на огне, другой толкал вперед и оттягивал край кожи, и хотя этот утомительный метод не всегда обеспечивал достаточную интенсивность огня для нагрева железа, эти бедные циклопы, не знавшие других средств, никогда не падали духом. Ле Вайяну стоило большого труда заставить их понять, насколько мехи европейских кузниц превосходят их изобретение, и, убедившись, что то небольшое, что они смогут уловить из его объяснений, не принесет им реальной пользы, он решил добавить пример к наставлениям и действовать сам в их присутствии. Отправив одного из своих людей в лагерь с приказом принести днища двух ящиков, кусок летнего кросса, обруч, несколько небольших гвоздей, молоток, пилу и некоторые другие инструменты, наш путешественник, как только вернулся, очень грубым способом соорудил пару мехов, примерно таких же мощных, как те, что обычно используются на кухнях. Два куса обруча, вставленные внутрь, удерживали шкуру на равном расстоянии, а отверстие, проделанное в нижней части, позволяло легче пропускать воздух - простой способ, о котором они не имели ни малейшего представления и из-за отсутствия которого им приходилось тратить много времени на наполнение овчины. У Ле Вайяна не было железной трубы, но так как он хотел сделать только модель, то, отпилив один из ее концов, он прикрепил к концу гильзу от зубочистки. Затем он положил инструмент на землю

возле костра и, закрепив в земле вилообразную палку, положил на нее нечто вроде рычага, который был прикреплен к отрезку вьючной нити, идущей от мехов, и к которому был прикреплен кусок свинца весом в семь или восемь фунтов. Кафры с большим вниманием наблюдали за всеми этими операциями и с величайшей тревогой ожидали результата; но они не могли сдержать восторга, когда увидели, как наш путешественник несколькими легкими движениями и одной рукой придает огню наибольшую активность, с какой он заставляет свою машину втягивать и снова выталкивать воздух. Положив в огонь несколько кусков железа, он за несколько минут раскалил их докрасна, чего они, несомненно, не смогли бы сделать за полчаса. Этот образец его мастерства довел их изумление до высшей точки: они были почти в конвульсиях и впали в бред. Они танцевали и кружились вокруг мехов, каждый пробовал их по очереди и хлопал в ладоши, чтобы лучше выразить свою радость. Они умоляли его подарить им эту чудесную машину и, казалось, с нетерпением ждали его ответа, не представляя, что он с готовностью откажется от столь ценного предмета мебели. К их глубокому удовлетворению, он удовлетворил их просьбу, и они, несомненно, до сих пор хранят память о том незнакомце, который впервые снабдил их самым необходимым инструментом металлургии.

СЛУЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ЛИЧНЫМИ ОПАСНОСТЯМИ И НЕУДОБСТВАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.

ГЛАВА XXV.

Ночлег в Брассе - восхитительные соседи - ночевка в Гамбии - "Голоса ночи" - ночлег "на дереве" - полсигары на ужин - "лиственный диван" покинут - светлая сторона картины - д-р Ливингстон не прачка - д-р Ливингстон не прачка - д-р Ливингстон не прачка - д-р Ливингстон не прачка - д-р Ливингстон не прачка - д-р Ливингстон не прачка - не прачка - тревожный инцидент в "кемпинге" - ужасный цеце - лагерь в пустыне - - привилегии и льготы пагаджи - никаких нарядов в дороге - отдых на марше - повседневная жизнь восточного африканца - его спорт и развлечения - приближение к каннибальскому берегу.

Можно с уверенностью утверждать, что, как правило, жители всех цивилизованных стран, "живущие дома спокойно", имеют лишь очень слабое представление о том, какие муки и наказания терпят те исследователи и искатели приключений, чьим удовольствием или делом является совершать более или менее опасные паломничества, и от кого эти легкомысленные зависят все их знания о путях и средствах жизни варварских и отдаленных народов. Нет ничего удивительного в том, что это так. Прежде всего, это деликатность и нежелание путешественника выставлять свои личные дела (которые в большинстве своем означают его дискомфорт, опасности и болезни) в повествовании, касающемся исключительно других людей и вещей, только в той мере, в какой он связан с ними слишком интимно, чтобы его присутствие можно было игнорировать. Эгоистичный покупатель книг не потерпит иного курса; его интересуют именно раскрытые тайны, а не их носитель, и в большинстве случаев его так же мало волнуют личные ощущения путешественника Брауна или Робинсона, как и то, что кожаный кожух его телескопа страдает от жары во время солнечных наблюдений. Даже в случае с гуманным читателем есть опасность, что интерес, вызванный книгой о чудесах, диких или иных, закроет автора от его внимания с момента сканирования титульного листа до прочтения последней строки. При таком взгляде на дело можно добиться некоторой справедливости и в то же время назидать читателя несколькими примерами личных приключений и несчастий, которые произошли с некоторыми из храбрецов, чьи записи помогли в составлении этой работы. Пусть мистер Хатчинсон сначала расскажет о прелестях ночлега в Брассе, западноафриканском городе, который, как помнит читатель, пользуется незавидной славой:

"Король Кейя встречает нас на улице и предлагает приглашение в свой загородный дом, чтобы провести там ночь; поскольку близится вечер, мы принимаем его гостеприимство и сразу же отправляемся в королевскую загородную резиденцию.

"Если бы я не был жив сейчас и не сознавал, что пишу это в каюте H.M.S. V--, я не мог бы поверить, что мне когда-либо посчастливилось наслаждаться таким непрерывным

продолжением удовольствий, как те, что я испытал во время ночного пребывания в королевской резиденции в Брассе.

"Моя спальня была размером примерно двенадцать футов на четыре, с отверстиями в бамбуковой крыше высотой около восьми футов, через которые проникали дождь и крысы, и дырами в полу, вероятно, для того, чтобы и те и другие могли выбраться наружу. Здесь не было ни табурета, ни стула, ни стола, ни какого-либо другого предмета мебели, кроме кровати. Она была сделана из двух пустых оружейных сундуков, застелена циновкой, не имела никакой подушки, кроме деревянного полена. Ручей, по которому мы плыли, находился в пяти ярдах от двери, и во время отлива лягушки-быки, крокодилы и илистые рыбы могли резвиться в своем родном партере в безжалостном болоте, по которому человек, попытавшийся пройти, наверняка был бы проглочен. Запах, исходивший от этого места во время нашего визита, был неопишем, и ощущения, которые он вызывал в моих обонятельных нервах, были далеко не такими, как у южного ветра, дующего на клумбу фиалок, крадущего и дарящего запах.

"Как только я уселся на кровать (?) с сигарой во рту (ибо спать со всеми этими принадлежностями было бы напрасной попыткой) и задул лампу с пальмовым маслом, на меня обрушился ливень комаров, за которыми последовали несколько крыс, спустившихся вслед за ними, не дожидаясь приглашения. Несколько из них упали неподалеку от того места, где я сидел, и я яростно набросился на них с палкой, которую положил рядом. Это, конечно, встревожило их и заставило на некоторое время отступить. Но, словно в насмешку над моим рыцарством в дверях, снаружи лягушки-быки начали квакать десятками, доставляя своей музыкой такое же приятное ощущение, как скрежет напильника по ржавой пиле. Я лег и попытался заснуть, но это было бесполезно. Через несколько мгновений крысы снова зашумели на крыше. Легкое шаркающее движение, которое я услышал на полу, заставило меня испугаться, что в любую минуту я могу почувствовать, как что-то склизкое соприкасается с моей рукой или лицом, возможно, грязевая рыба (или рыба-прыгун, как ее называет Крумен), земноводная рептилия, похожая на помесь угря и хамелеона. Как же я был глуп, когда перегорел мой фонарь.

"Что это за шум? Женские голоса снаружи. Кто они, во имя всего святого, проходящие и проезжающие в королевском гареме - вечно болтают, болтают, болтают! Это развлечение, продолжавшееся всю ночь напролет, в компании крыс, комаров и лягушек-быков, навело меня на тысячу странных мыслей. Может, они собираются на берег ручья, чтобы принести в жертву, возможно, младенцев? Идут ли они, чтобы пройти процедуру омовения в этом сладком ручье? Если первое, то они, должно быть, перехитрили Ирода; если второе, то для большинства дам, которых я видел сегодня на улицах, турецкая баня с мытьем расчески карри показалась бы очень подходящей, а тела их были вымазаны жирной косметикой красного цвета (на языке нимбе она называется умбия), которая придает помазанным сходство с краснокожими индейцами с сильным оттенком. Но они спускались и возвращались, не уставая, не ослабевая, не проявляя сострадания, пока не наступило утро, когда я осторожно открыл дверь и выглянул наружу.

"Одни стояли в грязи, другие вытаскивали из каноэ рыбу и сети. Это были королевские рыбачки. Следуя своим профессиональным занятиям в течение ночи, они держали меня в этом состоянии беспокойного любопытства. Вот уж действительно, разговоры о Биллингсгейте! Я посмотрел на них, и они были мокрые, грязные и склизкие, как множество русалок из черного дерева, но все еще болтали и говорили, их языки стучали так, словно эти органы были паровыми машинами.

"Бесполезно было передавать им хоть часть своих мыслей, потому что я не понимал ни слова из их языка, а они не понимали моего. Наверное, бесполезно писать о том, что я не опустился на колени в грязь, чтобы молиться за них. Я был достаточно негероичен, чтобы понять, что самым разумным, с точки зрения моего собственного комфорта, было бы покинуть страну Нимбе, как только смогу: так что мои мальчики сели в лодку, я дал его соболиному величеству более горячее, чем дружеское, рукопожатие и повернулся спиной к его территории с чувствами, в которых я не могу сказать, что были какие-то чувства сожаления."

Еще один ночлег, на этот раз на берегу реки Гамбия. Если какой-нибудь добрый католик захочет совершить акт покаяния, уступающий лишь мукам чистилища, пусть отправится в путешествие в Гамбию, и пусть он переночует в Батерсте, хотя бы одну ночь, в определенное время года. Погасив свечу и вытянув уставшие конечности, путешественник слышит отдаленный рокот, который, по-видимому, исходит из потолка его комнаты, и, гадая, что это может быть, настраивается на сон. Затем он различает вечный тупой стук, стук, совершенно противоположный отдыху, раздающийся всех частях города далеко и близко, и, удивляясь еще больше, что это может означать, приходит к умозрительному выводу, что местные жители празднуют какую-то варварскую оргию, а этот шум - музыка тома. Но пока он рассуждает, рев приближается все ближе и ближе, пока не становится слышен, как тысяча сказочных скрипок, играющих мучительно не в такт. Но вскоре проблема решается. Нота маленькой пронзительной трубы проникает в самые глубины уха; чувствуется укус, трубач бьет то в одно ухо, то в другое, затем добавляет укус в глаз, орган которого поврежден неистовыми попытками жертвы раздавить врага. Теперь он обнаруживает, что его атакуют комары, и так раздражен постоянным жужжанием и укусами своих невидимых врагов, шныряющих то здесь, то там, внутри комариной завесы, что хватает подушку и бросает ее в то место, откуда в последний раз доносился звук. Но снаряд, пробив москитную завесу, выпускает кровожадную тучу, которая, "учуяв кровь англичанина", оседает на нем, жужжа, жужжа и кусаясь, заставляя несчастного терпеть мучения, худшие, чем те, которыми был поражен Тантал. Сон близок, но постоянно ускользает, и в качестве последнего средства, при удушающей жаре, он накрывается простыней с головы до ног. Горе, если он оставит хоть дюйм плоти открытым! Он снова пытается заснуть, но адский таинственный стук и жуткие вопли врага мешают этому, и, громко ругаясь, он со стоном смиряется с ночным бдением, поздравляя себя с тем, что ему удалось опередить прожорливого врага. Но радости его преждевременны, так как вскоре он испытывает резкие колющие ощущения по всему телу; жар защитной простыни невыносим, агония сильна; он сбрасывает простыню, на него садятся комары, он снова хватается за подушку и, пока не падает без сил, бешено вертит ею вокруг головы в надежде одолеть кого-нибудь из своих невидимых нападающих. Устало поднявшись, он зажигает свечу, осматривает свои конечности и обнаруживает мельчайшие черные точки, каждая из которых смертельно чешется, а это всего лишь песчаные мухи. Он также осматривает свою постель, и, вот, она полна муравьев и, вероятно, тараканов, несколько из этих неприятных животных, которых он обнаруживает, разбегающимися во все стороны. Единственное средство защиты - зажечь сигару и окутаться облаком дыма, и когда табачный дым отгоняет враждебные силы, а таинственное клокотание прекращается, около двенадцати часов несчастный путешественник, не в силах больше держать глаза открытыми, погружается в тревожный сон, не осознавая, что голодная стая накинулась на его распростертую фигуру. Он отдыхает в течение двух часов, по истечении которых стук возобновляется, и он просыпается, и так продолжается до самого рассвета, когда к нему примешивается непрерывное улюлюканье, похожее на уханье совы, неземное пение и тропическое подражательное карканье тысячи петухов, и он продолжает бодрствовать. Выглянув в окно, путешественник обнаруживает, что дьявольский стук доносится со двора, где большинство жителей (с детьми, пристегнутыми сзади по цыганской моде) стоят над

деревянными ступками и энергично толкут что-то пестиками длиной в шесть футов. Эти дамы заняты изготовлением "хауса", единственного съедобного вещества, которое можно добыть в этом негостеприимном регионе и приготовление которого требует такого огромного труда, что женщины работают день и ночь, сменяя друг друга по очереди и отдыхая только между двенадцатью ночи и двумя часами ночи. Другие звуки исходят от марабутов в мечетях, призывающих верующих к молитве, и унылых песнопений слепых, которых здесь великое множество, и которые ходят из двора в двор, читая молитвы и получая милостыню, на которую они живут.

Вот еще одна разновидность ночлега, возможно, более предпочтительная, чем предыдущие, но все же не выдерживающая ни малейшего сравнения с удобствами вульгарной стайной кровати или даже соломенного паллиаса. Мистер Бейки, знаменитый путешественник и исследователь, на этот раз стал жертвой: "Мне удалось завести наши крутояры с багажом к половине первого, а затем, поскольку была взята только одна лошадь, мистер Гатри, как самый старший из партии, был запряжен, а доктор Хатчинсон и я согласились идти пешком, в надежде, что за нами приведут других. "Однако, когда мы прошли около мили, не увидев никаких признаков лошадей, доктор Хатчинсон заявил, что вернется и расспросит о них, а я решил идти дальше, сказав ему, что он может меня догнать. Добравшись до подножия холма и обнаружив, что дорога, как и прежде, очень мокрая, я снял туфли и чулки и пошел босиком - это был самый простой способ передвижения по тропе такого рода. Таким образом я прошел в одиночку семь или восемь миль, когда потерял почти все следы тропы. Определив по компасу положение реки, я попытался проложить себе путь в этом направлении, но вскоре запутался еще больше, чем прежде. Я забрался на несколько деревьев, чтобы осмотреться, но не смог обнаружить ни одного путеводного знака. Я полностью запутался в кустах: трава и хворост были такими длинными, густыми и тесными, что каждый шаг давался мне с большим трудом. Уже миновал закат, быстро темнело, и, поскольку было совершенно очевидно, что я сбился с пути, не имея ни малейшего шанса на спасение, встал вопрос о том, как провести ночь. Самым удобным и безопасным местом казалось дерево, и я попробовал забраться на него, забравшись так высоко, как только мог, но мне не очень понравилось мое жилище. Все ближайшие деревья были слишком малы, но я вспомнил, что некоторое время назад заметил высокий баобаб, который и решил поискать. Я взял хорошую метку, чтобы в случае неудачи в моем путешествии было на что опереться, и, начав с хорошего разбега, чтобы очистить траву, через несколько минут мне посчастливилось увидеть желанную гавань. К счастью для меня, у дерева был двойной ствол, расстояние между которыми составляло около двух футов, поэтому, связав ботинки и перекинув их через плечо, я прижался спиной к одному стволу, а ногами - к другому, и так карабкался до тех пор, пока не ухватился за ветку, по которой качался дальше, и наконец добрался до места примерно в двенадцати или пятнадцати футах от земли. Здесь я устроился на ветке диаметром около фута, выступающей почти под прямым углом, и, прислонившись к основному стволу и вытянув перед собой ноги, обнаружил, что у меня вполне удобное сиденье, с которого я мог вглядываться в окружающую неизвестность. Ночь, к счастью, была не очень темной, над головой мерцали звезды, а яркие вспышки молний над соседними холмами позволяли мне время от времени бросить мимолетный взгляд вокруг. Я надел ботинки и чулки, чтобы защититься от насекомых, затем свободно пропустил кусок веревки вокруг ветки, чтобы можно было просунуть через нее руку и упереться, и наконец приготовился к отдыху, выбив в коре дерева два места для упора пятками. Около восьми часов я отчетливо услышал вдалеке гул человеческих голосов и закричал, пытаясь привлечь внимание, но безрезультатно; полагая, однако, что поблизости есть какие-то хижины, я указал направление по большому дереву. Почувствовав себя довольно усталым, я улегся на ветку, накинул на голову платок и, продев каждую руку в противоположный рукав, чтобы не укусить, вскоре погрузился в

забыть. Проспал я, наверное, часа четыре, когда проснулся от скованного положения, довольно жесткого, и мне пришлось попробовать сменить позу. Чтобы скоротать время, я зажег сигару, но так как у меня была только одна, я выкурил только половину, аккуратно положив остаток на завтрак. Уже выпала роса, сверчки и лягушки в несметном количестве устраивали ночные оргии; огромные москиты, шумящие не хуже пчел, атаковали меня со всех сторон, а на дереве над головой засели несколько крупных птиц. Я тщетно пытался прогнать часы, но мне хватало обычного сна, и, не будучи фанатичным приверженцем сонного бога, теперь, когда мне действительно требовалась его помощь, он отказался внимать моим призывам. Я с мучительным интересом наблюдал за восходом и заходом различных созвездий и в конце концов был обрадован появлением Венеры, показавшей, что утро уже не за горами. Затем появилась новая новинка в виде различных обитателей леса, собравшихся, чтобы отдать дань уважения своему гостю. До моего слуха постоянно доносились вопли разной степени интенсивности, некоторые больше напоминали высокие ноты гиены с периодическими вариациями, а другие, совсем близко от меня, несомненно, были глубоким басом леопарда. Однажды мне показалось, что я вижу фигуру, движущуюся недалеко от меня, но я не мог быть уверен. По мере того как на восточном небе начинало светать, мои ночные спутники постепенно удалялись, и наконец я остался один, но не одинокий, так как не мог быть одиноким, пока непрекращающееся жужжание в ушах говорило мне, что мои лилипутские крылатые антагонисты все еще неутомимы в своих атаках и все еще не насытились кровью. Наконец, когда серый рассвет сменился более ярким дневным светом, я решился спуститься со своего насиженного места, где провел, не без комфорта, более одиннадцати часов. Первой моей попыткой было найти тропинку, и после недолгих поисков я наткнулся на небольшую дорожку, которую, однако, поскольку она вела в неверном направлении, пришлось оставить. Более длительное исследование обнаружило другую, очень узкую и почти скрытую длинной травой, которая после сильного дождя лежала прямо над ней. Чтобы не сбиться с пути, мне пришлось наклониться вперед и идти, почти ползти, по своеобразному туннелю, подтягивая несколько стеблей и давая им упасть, как ориентир на случай, если придется возвращаться. Хотя на возвышенности роса была слабой, на земле она была очень сильной, и через несколько минут я полностью вымок. Когда я вышел на другой конец тропы длиной около полумили и снова смог оглядеться, то увидел небольшой дымок, к которому сразу же направился и обнаружил несколько хижин. Появилось несколько аборигенов, и, когда их удивление улеглось, мне удалось объяснить на нескольких ломаных словах хауса, что я сбился с пути, провел ночь на дереве и теперь хочу добраться до Вузы. Они указали мне дорогу, но так как она была не очень очевидна для моих европейских чувств, я попросил одного из них пойти со мной в качестве проводника, и мы, соответственно, пробирались через грязь и воду по маршруту, который любому, кроме чистокровного туземца, было бы невозможно соблюсти. Пройдя, а точнее, пробравшись таким образом две или три мили, мы столкнулись с моим чернокожим слугой и несколькими вооруженными до зубов мужчинами, отправившимися на мои поиски. Они вряд ли поверили мне, особенно когда я рассказал им, как провел ночь, ведь они уже отдали меня в пасть диким зверям, которыми изобилует эта местность. Я отпустил своего проводника, счастливого человека, с карманным носовым платком - это было все, что я мог ему дать, - и продолжил свой путь в Вузу, куда я прибыл около девяти часов, пройдя с утра девять или десять миль. Туземцы, которых было трое, были поражены моим появлением и моим рассказом и не меньше удивились, когда увидели, как я с большим аппетитом поглощаю свой завтрак, который стюард очень заботливо приготовил для меня и который был первой пищей, которую я пробовал в течение двадцати часов".

Не лишним будет поинтересоваться, как провел одну из своих тысяч ночей в компании варваров знаменитый путешественник среди самых диких людей на земле доктор Ливингстон. Достойный доктор отвечает:

"Как только мы высаживаемся на берег, некоторые из мужчин срезают немного травы для моей постели, а мой слуга Машауана устанавливает шесты для маленькой палатки. Они используются днем для переноски ноши, поскольку манера баротсе в точности повторяет индийскую, только ноша крепится на концах жердей, а не подвешивается на длинных веревках. Постель застилают, по обе стороны от нее ставят ящики, а затем над всем этим ставят палатку. В четырех или пяти футах перед моей палаткой располагается главный костер или "котла", дрова для которого должен собирать человек, занимающий должность глашатая, и в качестве своего вознаграждения он берет головы всех убитых быков и всю дичь тоже. Каждый человек знает, какое место он должен занимать, как для еды, так и для сна, пока длится путешествие. Но Машауана, мой главный лодочник, устраивается на ночлег у дверей палатки, как только я ухожу. Остальные, разделившись на небольшие компании в соответствии с их племенами, устраивают навесы вокруг костра, оставляя перед ним пространство в форме лошадиной подковы, достаточное для того, чтобы в нем мог стоять скот. Огонь вселяет уверенность в волов, поэтому мужчины всегда следят за тем, чтобы они были в поле зрения; навесы образуются путем установки двух крепких вилообразных жердей под наклоном и еще одной над ними в горизонтальном положении. Затем в землю втыкают несколько веток в том направлении, в котором наклонены столбы; ветки тянут вниз к горизонтальному столбу и обвязывают полосками коры. Затем на ветки укладывается длинная трава в количестве, достаточном для отвода дождя, и мы получаем навесы, открытые для огня спереди, но защищенные от зверей сзади. Меньше чем через час мы обычно все были под укрытием. За все время пути мы ни разу не испытывали недостатка в траве. Ночью, когда ясная яркая луна в этих краях смотрит на спящие фигуры вокруг, можно наблюдать живописное зрелище: и люди, и звери принимают позу глубокого покоя. В такую ночь нет опасности со стороны диких животных, и костры почти не гаснут, а поскольку нет страха, что голодные собаки набросятся на спящих и сожрут еду или спокойно съедят одеяла бедняг, которые в лучшем случае были лишь жирными шкурами, что иногда случается в деревнях, картина получается совершенно мирная.

"Приготовление пищи обычно происходит в собственном стиле туземцев, а поскольку они тщательно моют посуду, кастрюли и руки, прежде чем приступить к еде, это отнюдь не презренно. Иногда по моему предложению вносятся изменения, и они считают, что могут готовить по манере белого человека. Повар всегда приходит за тем, что осталось в кастрюле, поэтому все стремятся получить эту должность.

"Я научил нескольких из них стирать мои рубашки, и они делали это хорошо, хотя их учитель никогда не был обучен этой работе сам. Частая смена белья и загорание моего одеяла позволили мне чувствовать себя более комфортно, чем можно было ожидать, и я уверен, что уроки чистоты, жестко привитые мне матерью в детстве, помогли сохранить то уважение, которое эти люди питают к европейскому образу жизни". Сомнительно, что спуск к варварским устоям когда-либо возвышает человека в глазах дикарей".

Две собаки или ни одной.

Однако величайшая осторожность исследователя, разбивающего ночной лагерь в лесу, - его костры, сторожа и сторожевые собаки - не всегда уберезет его от опасности, если поблизости окажутся дикие животные; особенно леопарды, незначительные по сравнению со львом и тигром, - мало найдется настолько смелых вещей, чтобы голодный леопард не попытался их совершить. Как уже говорилось в другом месте (см. "Дикие виды спорта в мире"), он не побрезгует войти в дом и утащить спящего человека; он не боится ни одной собаки, ни даже двух. Сцена, изображенная на предыдущей странице, иллюстрирует факт, произошедший с одним известным индейским охотником. Дневные труды подошли к концу, и все уютно устроились в лагере. Опасений по поводу нападения диких зверей было так мало, что гончие, поставленные сторожить лагерь, были соединены короткой цепью. Ночью, однако, в тишину внезапно ворвался невероятный рев, и быстро выяснилось, что леопард застал врасплох клыкастую охрану и набросился на одного из них с намерением утащить его; даже когда смелый зверь понял, что ему придется взять обеих собак или ни одной, он не испугался, а потащил их за собой, после чего был обнаружен и застрелен.

Нельзя не упомянуть и о страшной мухе цеце, которая за один час может уничтожить весь скот исследователя и оставить его совершенно беспомощным.

Это насекомое, "*Glossina morsitans*" натуралиста, не намного больше обычной домашней мухи и почти такого же коричневого цвета, как медоносная пчела. На задней части тела имеются три или четыре желтые полосы. Она удивительно бдительна и ловко уклоняется от всех попыток схватить ее рукой при обычной температуре.

В прохладные утренние и вечерние часы она менее проворна. Своеобразное жужжание, услышанное однажды, никогда не забудется путешественником, чьим средством передвижения являются домашние животные, ведь его укус - смерть для быка, лошади и собаки. В одном из путешествий доктора Ливингстона, хотя путешественник тщательно следил за животными и верил, что на них не было ни одной мухи, они уничтожили сорок три отличных быка. Наиболее примечательной особенностью является абсолютная безвредность их укусов для человека и диких животных, и даже для телят, пока они продолжают сосать коров, хотя кормление собаки молоком не защищает ее.

Яд, по-видимому, не впрыскивается жалом или яйцами, помещенными под кожу, так как, когда насекомому дают свободно покормиться на руке, оно вводит средний зубец из трех частей, на которые разделен хоботок, несколько глубоко в настоящую кожу. Затем он немного вытягивает хоботок, и тот приобретает пунцовый цвет, так как мандибулы приходят в движение. Ранее сжатое брюшко раздувается, и если муху не беспокоить, она спокойно улетает, наевшись. После укуса возникает легкий зуд раздражение. У быка непосредственных последствий не больше, чем у человека, но через несколько дней после этого начинают течь глаза и нос, появляется припухлость под челюстью и иногда на пупке, и, хотя бедное существо продолжает пастись, начинается истощение, сопровождающееся особой дряблостью мышц. Это продолжается до тех пор, пока, возможно, через несколько месяцев после этого не наступает очищение, и жертва умирает в состоянии крайнего истощения. Животные, находящиеся в хорошем состоянии, часто погибают вскоре после укуса, пошатываясь и слепнув, как если бы был поражен мозг. Внезапные перепады температуры, вызванные дождями, ускоряют развитие болезни, но в целом истощение продолжается месяцами.

При вскрытии туши под кожей обнаруживается клеточная ткань, наполненная воздухом, как будто по ней рассыпано множество мыльных пузырей. Крови немного, и она почти не пачкает руки при вскрытии. Жир зеленовато-желтого цвета и маслянистой консистенции. Все мышцы дряблые, а сердце часто настолько мягкое, что пальцы могут проходить сквозь него. Легкие и печень также поражены болезнью. Желудок и кишечник бледны и пусты, а желчный пузырь переполнен желчью. Эти симптомы, по-видимому, указывают на наличие яда в крови, зародыш которого попадает туда при введении хоботка.

Мул, осел и коза обладают таким же иммунитетом от цеце, как и человек. Многие крупные племена на реке Замбези не могут держать никаких домашних животных, кроме козла, из-за этого бедствия, существующего в их стране. Люди часто подвергаются укусам, но не получают никакого вреда, а зебры, буйволы, свиньи, паллахи и другие антилопы спокойно питаются в самом месте обитания мухи. Разница в природе лошади и зебры, буйвола и быка, овцы и антилопы не настолько велика, чтобы дать удовлетворительное объяснение этому явлению. Разве человек не является таким же домашним животным, как и собака? Отвращение, которое цеце проявляет к экскрементам животных, некоторые врачи используют в своих целях. Они смешивают помет животных, человеческое молоко и некоторые лекарства и обмазывают животных, которые собираются пройти через зараженный район. Это хоть и является профилактикой на время, но не является постоянной защитой. Прививка не гарантирует иммунитета, так как животные, которые были слегка укушены в один год, могут погибнуть от большего количества укусов в следующем. Вполне вероятно, что с увеличением количества ружей дичь погибнет, как это произошло на юге, а цеце, лишенные пищи, могут вымереть одновременно с крупными животными. Опустошения, которые она совершает, порой огромны. Однажды Себитуане потерял почти

весь скот своего племени, исчисляемый многими сотнями голов, невольно вторгшись в места обитания этого кровожадного насекомого.

Каждый день и весь день путешественнику приходится бороться с невежеством, упрямством и суевериями язычников, среди которых он оказывается - часто в одиночестве - и от которых зависит не только успех его предприятия, но и, увы, сама его жизнь. Они будут работать, когда захотят и как захотят, и если они восстанут против его справедливых уговоров и покинут его, он будет обречен. Даже когда у исследователя много денег, компаньонов и влияния, его путешествия не всегда проходят по тропинкам из роз, как можно понять из следующего рассказа Бертон об одном дне похода в Восточной Африке:

"Около 5 часов утра лагерь довольно быстро просыпается, и становится слышно негромкие разговоры. Это критический момент. Носильщики пообещали за ночь начать рано и совершить долгий полезный марш. Но они, "неопределенные, хитрые и которым трудно угодить", меняют свое решение, как представительницы прекрасного пола; холодное утро делает их не похожими на мужчин теплого вечера, и, возможно, у кого-то из них лихорадка. Кроме того, в каждом караване найдется какой-нибудь ленивый, крикливый, противоречивый и неуправляемый парень, единственное удовольствие которого - доставлять неприятности. Если похода не предвидится, они упрямо сидят у костра, грея руки и ноги, вдыхая дым с откинутой головой и бросая недоуменные взгляды на своего разгоряченного и суетливого работодателя. Если все единодушны, то искушать их бесполезно, даже мягкий пилщик - это всего лишь "подбрасывание коровьего мяса". Мы возвращаемся в палатку. Если же мнения разделились, то небольшое активное стимулирование приведет к маршу. Тогда более громкий разговор приводит к крикам "собирайтесь", "пакуйте", "отправляйтесь", "в путь, в путь сегодня же" и своеобразным африканским хвастовствам "я осел", "верблюду", сопровождаемым ревом голосов, барабанным боем, свистом, дудками и бряцанием рогов. Сыновья Рамджи приходят целыми толпами, чтобы раскинуть наши шатры и принять небольшие грузы, от которых они, по возможности, уклоняются; иногда Кидого оказывает мне честь, интересуясь программой дня. Носильщики, однако, обнимают костер, пока их не отгонят от него, тогда они снимают груз, сваленный перед нашими палатками, и выходят из лагеря или деревни. Мы с моим спутником, когда можем ездить верхом, садимся на своих лошадей, ведомых оруженосцами, которые несут все необходимое для нападения и обороны; когда мы не в состоянии заниматься спортом, нас несут в гамаках, привязанных к длинным шестам, по двое. Белуджи, ухаживающие за своими рабами, поспешно уходят, разбредаясь, думая лишь о том, как бы укрыться на час от солнца. Однако джемадару приказано прикрывать тыл вместе с Саид-бин-Салимом, холодным и угрюмым, жестоким и готовым к бою с ротангом. Четыре или пять вьюков были оставлены на земле дезертирами или халтурщиками, отправившимися в путь с пустыми руками, поэтому наш араб либо удваивает поклажу более желательных людей, либо уговаривает сыновей Рамджи нести по небольшой посылке, либо, если это не удастся, нанимает в ближайшей деревне нескольких носильщиков на день. Это, однако, нелегко: бусы уже унесены, и самые заманчивые обещания без предоплаты не действуют на африканский разум.

"Когда все готово, проводник поднимается и взваливает на плечи свой груз, который никогда не бывает самым легким. Он намеренно поднимает свой свернутый флаг - простой кроваво-красный, знак каравана из Занзибара, сильно потрепанный колючками, а за ним следует привилегированный пагаци, играющий на барабане, очень похожем на европейские часовые часы. Этот сановник облачен в великолепное одеяние из алой широкой ткани - узкий кусок длиной около шести футов с центральным отверстием для шеи, со свисающими

спереди и сзади ручейками; на голове у него чудесный головной убор - добыча белой и черной обезьяны на шкуре дикой кошки, связанной вокруг горла, свисающей через плечи и увенчанной высоким чашеобразным пучком совиных перьев или славными плюмажами журавля-гребенушки. Его служебные знаки - кипунго или мухобойка, хвост какого-нибудь зверя, который он прикрепляет к своему лицу, как будто это естественный нарост, комэ, или крючковатая железная спица, украшенная в центре колбаской из разноцветных бусин, и множество маленьких маслянистых тыкв, содержащих нюхательный табак, снадобья и лекарства на дорогу, привязанные к поясу. Он ведет караван и, чтобы обеспечить послушание своих последователей, платит им овцой или козой стоимость того, что он получит в виде платы и пайка: голова каждого животного, зарезанного в лагере, и подарки в конце пути принадлежат исключительно ему. Человек, виновный в том, что он опередил пагази, подвергается штрафу, а в конце похода из его колчана извлекается стрела для подтверждения его личности. Выйдя из крааля беспорядочной толпой, носильщики складывают свои вещи у какого-нибудь дерева, удаленного на несколько сотен ярдов, и позволяют опоздавшим, ленивым и инвалидам присоединиться к основной массе. Как правило, в этот момент хижины поджигают по недосмотру или злонамеренно. Кхамби, особенно зимой, горит как зола, и следующий караван обнаружит кучу горячего пепла и несколько обугленных палок. Тем не менее, в качестве контраста, пагазы часто берут на себя труд обозначить обычными указателями тем, кто идет за ними, что вода под рукой; то тут, то там в этих указаниях появляется небольшая лицеприятность: в стволе дерева вырезается устье, чтобы впустить кусочек дерева, имитирующий трубку, и другие изображения, еще более причудливые.

"После предварительного привала караван, выстроившись в походный порядок, несется, как чудовищная сухопутная змея, по холмам, далям и равнинам. За кирангози следует колонна индейцев; ближайшие к нему тяжело нагружены слоновой костью. Когда вес бивня становится непомерным, его привязывают к шесту и несут в паланкине двое мужчин. За носильщиками слоновой кости следуют носильщики тканей и бус, каждый из которых взваливает на плечо, а иногда и поднимает над головой для отдыха, вьюки, напоминающие огромные болтеры, шесть футов в длину и два в диаметре, опирающиеся на палки, которые обычно имеют вильчатый выступ для удобства укладки и перекладывания груза. В Восточной Африке самые выносливые товарищи обычно оказываются самыми легкими; как и везде, самые слабые идут на стену. Максимальный вес груза может составлять два фарасиля, или семьдесят фунтов стерлингов. За носильщиками тканей тянется длинная вереница носильщиков и рабов, нагруженных более легкими вещами - зубами носорога, шкурами, солью, табаком, латунной проволокой, железными мотыгами, ящиками и мешками, кроватями и палатками, горшками и тыквами, циновками и личными запасами. Вместе с пагази, но отдельными партиями, идут вооруженные рабы, которые никогда не расстаются со своими мушкетами; женщины и маленькие дети, которые редко несут что-нибудь, будь то фунт весом; и ослы, аккуратно нагруженные седельными сумками из шкур жирафа и буйвола. Мганга также повсеместно сопровождает караван, не гнушаясь выступать в роли обычного носильщика. Задний ход обеспечивает хозяин или хозяева каравана, которые часто остаются далеко позади, чтобы было удобнее идти и не допустить дезертирства.

"Весь караван одет в худшую одежду; восточноафриканцы высмеивают тех, кто надевает во время путешествия одежду, которую следует хранить дома. Если идет дождь, они снимают единственную козью шкуру, висящую вокруг их покрытых копотью конечностей, и, сложив ее, кладут между плечами и грузом. Когда зерно выдается для длительного похода, каждый носильщик несет свой *rosho* или паек, пристегнутый, как большая "суета", к небольшой части спины. К ней он иногда прикрепляет трехногий табурет с выступающими наружу

ножками, который он считает необходимым, чтобы уберечься от опасности сидеть на сырой земле. Как можно предположить, у варваров больше украшений, чем одежды. Одни носят полоску гривы зебры, повязанную вокруг головы, с щетинистыми волосами цвета партикулярии, выделяющимися, как gloria святого, другие предпочитают длинный кусок жесткого бычьего хвоста, поднимающийся, как рог единорога, по крайней мере на фут выше лба. Другие украшения - шкуры обезьян и оцелотов, ролевые и филейные части из белой, голубой или алой ткани, а также огромные пучки страусиных, журавлиных и сойиных перьев, венчающие головы, как хохолки некоторых птиц. Их руки украшают массивные браслеты из слоновой кости, тяжелые браслеты из меди и латуни и тонкие круги из того же металла, шею украшают бусы в нитях и лентах, а у более аристократичных - маленькие железные колокольчики, пристегнутые ниже колена или вокруг щиколотки. Все они носят какое-либо оружие; самые тяжеловооруженные имеют лук и берестяной колчан, полный стрел, два или три длинных копья и ассегай, а также маленький боевой топор, носимый на плече.

"Обычными развлечениями в походе являются свист, пение, крики, улюлюканье, гомон, барабанный бой, подражание крикам птиц и зверей, повторение слов, которые никогда не используются, кроме как в путешествиях. Достаточно много болтовни и обильных перебранок; в общем, вечный шум, который, однако, ухо скоро научится отличать от шума привала. Возле деревни, где разворачивается флаг и где строй отстает, чтобы показать себя, шум усиливается. Все раздражаются громкими криками: "Хопа, хопа! Идем, идем - Мгоголо! Остановка - еда, еда - не уставайте - крааль здесь - дом близко - спешите, Кирангози - о! Мы видим наших матерей - мы идем есть". В дороге считается благоразумным и приятным быть как можно громче, чтобы внушить грабителям преувеличенное представление о силе каравана; по столь же веским причинам в краале рекомендуется молчать. Когда возникает угроза нападения, а готового выхода нет, носильщики затапывают груз и готовятся к действию. Только корысть заставляет их храбриться. Я видел, как небольшая корова, идущая рысью с поднятым хвостом, прорвала строй из 150 человек, несущих не свой груз. Если на пути попадается незадачливый заяц или антилопа, каждый бросает свой вьюк, размахивает копьем и пускается в погоню; животное, никогда не бегущее прямо, вскоре убивают и разрывают на части, и каждый охотник пожирает свой кусок сырым. Когда встречаются два отряда, тот, которым командует араб, выбирает дорогу. Если оба - ваньямвези, начинаются жестокие ссоры; смертельное оружие, которое всегда наготове, обращается в более безобидные цели: лук и копье используются как кнут и дубина. Эти ссоры не прогоркнут, пока не прольется кровь. Немногие племена менее дружелюбны из-за такого пустяка, как проломленная голова; даже легкий порез или неглубокий удар ножом мало кого волнует; но если на него ответить с интересом, то большая потеря жизни может произойти по самой незначительной причине. Когда встречаются дружественные караваны, два кирангози идут бок о бок сценическим шагом, шагом и стойкой, и с косыми взглядами прохаживаются, пока не подойдут на расстояние, затем внезапно и одновременно пригибаясь, как мальчишки "дают заднюю", они сходятся в лоб и обмениваются ударами яростно, как дерущиеся бараны. Их примеру следуют все с давкой, которую можно было бы принять за начало фракции; но все заканчивается, если нет дурной крови, криками смеха. Более слабый, однако, должен уступить первенство и предложить небольшой подарок в качестве шантажа".

В конце концов, африканец возражает против того, чтобы его торопили с походом или чтобы он слишком напрягался в интересах путешественника, чьи личные дела его не касаются и которого, когда его отпустят, он, скорее всего, больше никогда не увидит. Да он и не особенно хочет его видеть, ведь ему вполне комфортно дома. Согласно последнему цитируемому авторитету, он встает с рассветом со своей кушетки из коровьей шкуры. Днем в

хижине прохладно и комфортно, но ночью из-за зарешеченной двери, препятствующей вентиляции, в ней становится тесно и неприятно. За час до восхода солнца, который является самым холодным временем, он обычно разжигает огонь и обращается к своей постоянной спутнице - трубке. Когда солнце становится достаточно сильным, он снимает тростниковую завесу с входа и выходит погреться в утренних лучах. Деревни многолюдны, а дома, примыкающие друг к другу, позволяют жильцам, сидя на корточках на центральной площади, болтать, не двигаясь. Около семи утра, когда роса частично исчезает с травы, старшие мальчики гонят стада и отары на пастбище, громко крича и звучно прикладывая четвертной посох. Возвращаются они только тогда, когда солнце опускается за западный горизонт. В 8 часов вечера те, у кого дома есть провизия, входят в хижину, чтобы трапезничать с угали или голкус-порриджем, а те, у кого нет, присоединяются к другу. Помбе, если его можно достать, пьют с самого раннего рассвета.

Прервав пост, африканец с трубкой в руках отправляется в Иванзу, деревенскую общину, о которой мы уже рассказывали. Здесь, в обществе представителей своего пола, он проводит большую часть дня, разговаривая и смеясь, куря или мучаясь от сна. Изредка он садится играть. Как и у всех варваров, азартные игры для него - страсть. Обычная игра - это наши "голова и хвост", орудие - плоский камень, грубый круг из жести или дно разбитого горшка. Более цивилизованные освоили прибрежный "бас" - разновидность "столов" с жетонами и чашками, выдолбленными в прочной доске. Многие из Ваньямвези были вынуждены из-за этой поблжки продать себя в рабство, проиграв все свое имущество; они даже ставят своих престарелых матерей на кон, который в этих краях равен старухе - корове или паре коз. Как можно представить, склоки происходят постоянно, однако они почти всегда решаются между односельчанами с помощью бескровного оружия. Другие, вместо азартных игр, ищут себе занятие, которое, работая руками и оставляя в покое остальные части тела и ума, всегда любимо азиатами и африканцами; они тесают дерево, протыкают и скручивают палочки для трубок - искусство, в котором все адепты, - бреют друг другу головы, выщипывают бороды, брови и ресницы, готовят и полируют свое оружие.

"Примерно в час дня африканец, если он не занят ничем другим, возвращается в свою хижину, чтобы съесть самую сытную и последнюю за день пищу, приготовленную его женщинами. Однако, будучи очень общительным, он часто предпочитает иванзу в качестве столовой, где его дети мужского пола, родственники и друзья собираются в самый важный час из двадцати четырех. Для дикаря и варвара еда - это все и вся жизнь, еда - его мысли днем, еда - его сон ночью. Цивилизованный европеец, который никогда не знает ни голода, ни жажды без мгновенных средств удовлетворения любой прихоти аппетита, вряд ли может представить себе, до какой степени душа его дикого собрата поколеблена желудком; он едва ли может постичь то состояние умственной поглощенности, в котором хищное человеческое животное задумчиво смотрит на тушу старого козла, то удовольствие, которое он получает, контролируя каждую часть процесса приготовления пищи, и тот завистливый взгляд, с которым он смотрит на всех, кто живет лучше него. После еды восточноафриканец неизменно предается долгому оцепенению, от которого он просыпается, чтобы провести вторую половину дня так же, как и первую, - болтая, играя, куря и жуя сладкую землю. Ближе к закату все выходят на улицу, чтобы насладиться прохладой; мужчины сидят снаружи иванзы, а женщины и девушки, набрав воды для хозяйственных нужд из колодца, собираются группой на своих маленьких табуретках и предаются удовольствиям сплетен и трубки. В более благополучных районах страны этот час изобилует удовольствиями. С наступлением темноты двери деревень тщательно закрываются, и, подоив коров, каждый крестьянин удаляется в свою хижину или проводит время, сидя на корточках у огня со своими друзьями в иванзе. Он еще не научился делать фитиль и наполнять маслом глиняную

посуду. Когда ему нужен свет, он зажигает палку из олеагинового дерева мсаса - желтого, твердого, плотного и упругого дерева с небольшим количеством сучков, которое часто используется для изготовления копий, луков и шестов для ходьбы - и оно горит ярким пламенем в течение четверти часа. Перед полуночью он ложится на свою жесткую кушетку и храпит одним сном до рассвета. Для полного наслаждения ночь должна проходить в бесчувствии, как день в опьянении, и хотя он рано встает, он избегает "рано ложиться", чтобы иметь возможность дремать полдня".

"Таков праздный день африканца, и так проходит каждое лето. Когда приближаются ветреные дожди, возникает необходимость в хлебе насущном. Тогда крестьяне покидают свои хижины около шести или семи часов утра, часто без провизии, которая теперь становится скудной, и работают до полудня или двух часов дня, когда они возвращаются домой и находят еду, приготовленную женой или девочкой-рабыней. После обеда они снова приступают к работе, а иногда, когда приближаются дожди, им помогают женщины. Ближе к закату все отправляются домой, нагруженные орудиями труда, и поют что-то вроде "dulce domum" простым и приятным речитативом".

В заключение этого краткого очерка об опасностях и неудобствах, которые грозят исследователю дикарских берегов, представим читателю картину приближения одного из кораблей, на котором прибыли одни из самых первых английских гостей к каннибальским берегам Южных морей:

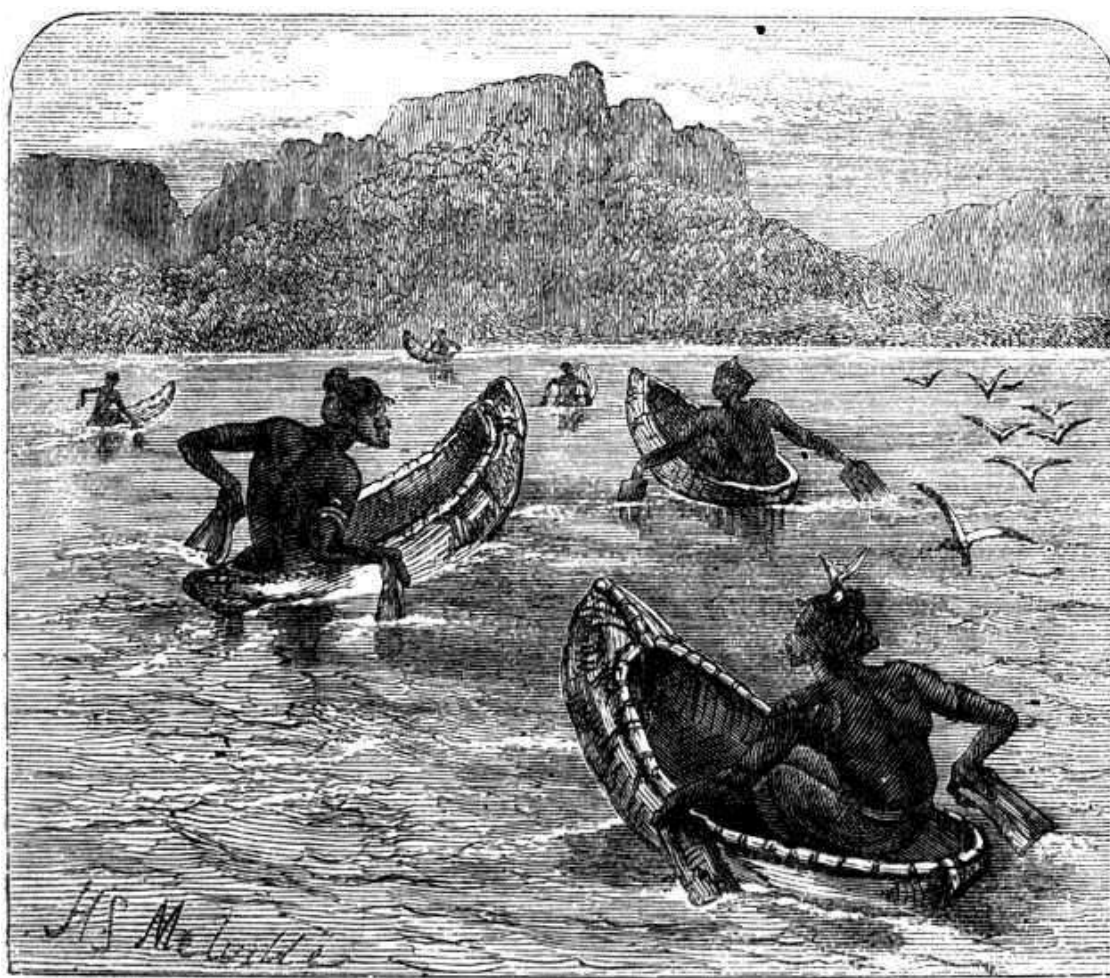
"Несмотря на все наши усилия побудить туземцев подойти к кораблю, они долгое время продолжали находиться на некотором расстоянии, глядя на нас с явным удивлением и подозрением, - рассказывает мистер Эллис. В конце концов одно из каноэ, в котором находились двое мужчин и мальчик, отважилось подойти к нам. Заметив омара, лежавшего среди множества копий на дне каноэ, я знаками выразил желание заполучить его, и вождь с готовностью отдал его. Взамен я дал ему два или три рыболовных крючка среднего размера, которые, осмотрев с любопытством, он передал мальчику, который, не имея ни кармана, куда их можно было бы положить, ни какого-либо предмета одежды, к которому они могли бы быть прикреплены, тут же сунул их в рот, продолжая держать обеими руками веревку, свисавшую с корабля.

"Главный человек в каноэ, казалось, хотел подняться на борт. Я указал на веревку, за которую он ухватился, и протянул руку, чтобы помочь ему подняться на борт корабля. Он непроизвольно ухватился за нее, но едва ли почувствовал мою хватку, как тут же отдернул руку и, поднеся ее к ноздрям, ощутимо принюхался, словно желая определить, с каким существом он вступил в контакт. После нескольких мгновений паузы он перелез через борт корабля, и как только он оказался на палубе, наш капитан подвел его к креслу на четвердеке и, указав на него, выразил желание, чтобы он сел. Однако вождь, посмотрев на него некоторое время, отодвинул его в сторону и сел на палубу. Наш капитан очень хотел видеть вождя на борту, чтобы узнать у него, добывают ли на острове сандаловое дерево, так как он собирался отправиться на Маркизские острова в поисках этого товара. Поэтому ему показали кусок, с качествами которого он оказался знаком, так как, понюхав его и назвав каким-то именем, он указал на берег.

"Пока мы этим занимались, многие каноэ подошли к кораблю, и когда мы обернулись, на палубе появилось несколько туземцев, а другие перелезали через фальшборты. Это были, безусловно, самые дикие туземцы, которых я когда-либо видел; эти варвары были столь же бесцеремонны, сколь непривлекательна была их внешность. Гигантский, свирепого вида парень схватил юношу, стоявшего у трапа, и попытался поднять его на палубу, но тот с трудом

вырвался из его хватки. Затем он схватил нашего каютного мальчика, но матросы пришли ему на помощь, и туземец, обнаружив, что не может вырваться из их рук, натянул на голову шерстяную рубашку и уже собирался прыгнуть в море, когда его схватили матросы. У нас была большая корабельная собака, прикованная к своей конуре на палубе, и хотя это животное было не только бесстрашным, но и диким, появление туземцев, казалось, привело его в ужас. Один из них подхватил собаку на руки и направился с ней к борту корабля, но, увидев, что она прикована к конуре цепью, был вынужден отказаться от своего приза, очевидно, сильно разочаровавшись. Тогда он схватил конуру с собакой, но, обнаружив, что она прибита к палубе, прекратил свои попытки снять ее и оглядел корабль в поисках какого-нибудь предмета, который он мог бы закрепить. Мы привезли из Порт-Джексона двух маленьких котят; один из них поднялся из каюты, но не успел он появиться на палубе, как туземец, набросившись на добычу, как тигр, подхватил бессознательное животное и мгновенно прыгнул через борт корабля в море. Пospешив к краю палубы, я выглянул из-за фальшборта и увидел, как он быстро плывет к каноэ, лежавшему в пятидесяти ярдах от корабля. Как только он достиг этого каноэ, то, держа кошку обеими руками, с явным ликованием продемонстрировал ее своим спутникам.

"Был отдан приказ очистить корабль. Между островитянами и моряками завязалась потасовка, в ходе которой многие из них были сброшены головой в море, где, казалось, они были не хуже, чем на твердой земле; другие же перелезали через борта судна в свои каноэ. В разгар смятения и отступления туземцев собака, которая до сих пор пряталась в своей конуре, вернула себе свою обычную смелость и не только усилила ужас своим лаем, но и сильно порвала ногу одному из беглецов, который поспешил покинуть судно неподалеку от места, где он был прикован. Палубы были очищены, но так как многие люди все еще висели на шпангоутах и цепях, матросы достали длинные ножи, которыми они были снабжены на островах, и угрожающими жестами, не ранив никого, сумели полностью отделить их от корабля. Некоторые из них, казалось, совершенно не осознавали остроты ножа, и я полагаю, что у них были глубоко порезаны руки, когда они хватались за лезвия".

Лодочники залива Рокингем.

Истинное Слово, разъясненное одному из potentатов Западной Африки.

ЧАСТЬ XI. РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ И СУЕВЕРИЯ.

ГЛАВА XXVI.

Таинственный "тихий голос" - Самосская мифология - Человек, который толкнул небеса вверх - Дитя Солнца - Фигианская версия "Потопа" - Рай Фигиан - Лживые призраки - Случай похищения - Непокорный Найогабуи - Все справедливо в любви и на войне - Судьба бедного Рокуа. бедного Рокуа - Самоанский хадис - Различные боги самоанцев - Бог для каждой деревни - Чаша истины - Скорбь по поводу разрушения образа бога - Самый модный бог в Полинезии - Семьи, отмеченные человеческими жертвоприношениями - "Тапу" или "табу" - Его древность и широкое его древность и широкое влияние - свиньи с намордниками и куры с завязанными глазами - церемония освобождения свиней - грандиозный праздник запеченного поросенка - тапу в Новой Зеландии - ужасный ящик со смолой - священный шест и миссионеры - позвоночник вождя - пакека и железный горшок - одно из лучших

применений тапу - его общие преимущества и недостатки - тапу у самоанцев - колдовство в Новой Зеландии - визит европейца к "отставной" ведьме - религия даяков - "тапа", "Тенахи", "Ианг" и "Джиронг" - Призраки воинов - Религиозные обряды и суеверия морских даяков - Великий бог Сингаллонг Буронг - Вера в сны у морских даяков - История каменного быка - Нарисованная собака.

Можно сказать, что религия, означающая почитание Бога и веру в будущие награды и наказания, не существует среди людей, которые являются абсолютными дикарями. Вера в будущую жизнь несовместима с неверием в существование души, и трудно было бы найти варвара, который не отрекся бы от этого великого и ужасного доверия. Он слишком сильно боится таинственной вещи, чтобы признать себя ее хранителем. Несомненно, он вполне осознает, что внутри него есть сила, безмерно превосходящая ту, что дает движение его рукам и ногам и приглашает его поесть, когда он голоден. Он "имеет уши и слышит", и "тихий голос", говорящий на всех языках и приспособляющийся свои наставления к самому скудному пониманию, сопровождает дикаря не меньше, чем горожанина, в течение всего дня, отмечая все его поступки и шепотом одобряя и порицая их; А когда дикарь ложится ночью на свой камышовый коврик, тихий голос все еще бдителен и являет его тайному созерцанию такие яркие картины дневных проступков, что у него болят руки, так горячо сжимающие его деревянную рукоять, и он с трепетом и дрожью погружается в сон и страшные сновидения.

Но дикарь, хотя и признает это таинственное влияние, не имеет ни малейшего представления о его происхождении. Для его затуманенного сознания слово "непонятное" является синонимом слова "зло", а самое непонятное для него, а значит, и самое злое, - это смерть. Для нас смерть страшна из-за тревоги о будущем; для дикаря смерть отвратительна только как могильщик, злой дух, который отрывает его от мира, где есть его дети и жены, где растет табак и пальмы дают хорошее вино, - отрывает его от всех этих благ и всего остального и бросает в темную сырую землю, чтобы он истлел, как гнилая ветка.

Поэтому смерть в его глазах - это царь зла, а все мелкие беды - агенты царя, действующие с одной целью, хотя и с кажущейся опосредованностью. Именно это делает дикаря несчастным, несмотря на великую щедрость природы, снабжающей его пищей без жатвы и посева и так "усмиряющей ветер", что укрытие из сучьев становится для него домом, в котором достаточно тепло, а листья деревьев - одеждой, в которой он нуждается. Из-за своей постоянной подозрительности он подобен человеку с сотней кувшинов меда, одинаковых по форме и наполненных одинаково, но один - он не знает, какой - отравлен. Он должен попробовать или погибнуть от голода, но он может попробовать и погибнуть от яда; и вот, все время дрожа, он выбирает понемногу, подозревая эту банку, потому что она очень сладкая, а ту - потому что в ней есть привкус кислоты, и так продолжает уменьшать свои девяносто девять шансов утолить голод и жить, чтобы сравнять шансы, что он избежит и голода, и яда и умрет от испуга. Смерть - это отравленный горшочек с медом для дикаря. Он может встретить ее на ветру, под дождем; она может даже (почему бы и нет? он знал такие

случаи) прийти к нему в лучах солнца. Она может встретиться ему в лесу, где он охотится за хлебом насущным! Та птица, что только что пролетела мимо так внезапно и с таким диковинным криком, может быть посланником короля зла и спешит сообщить ему, что вот он - жертва - один и незащищен в лесу, легкая добыча для короля, если он придет сразу же! Никакой охоты в этот день, даже если в результате будет полдюжины пустых животов; прочь копье и духовое ружье, а также желанные чары и фетиши, которые нужно пересчитывать, целовать и ласкать всю дорогу домой - да, и еще долго после этого, потому что та самая птица может все еще сидеть на вершине хижины, подглядывая в щель, и только и ждет, когда жертва закроет глаза, чтобы снова вызвать мрачного короля. В своей беде он открывает тайну своего беспокойства жене, которая с нежностью бежит к грею, который, узнав о случившемся, так зловеще качает головой, что, хотя за шкуру леопарда, висящую перед входом в хижину, требуют такую цену, необходимо получить самый мощный амулет, которым владеет грей-человек.

Однако только к совершенным дикарям - фан и оугби из Центральной Африки, андаманер из Полинезии и некоторым другим - применимы вышеприведенные замечания. Если мы возьмем за критерий веру в душу и ее бессмертие, то обнаружим, что число абсолютных варваров несколько меньше, чем кажется на первый взгляд; действительно, мифологические предания многих дикарей, как бы ни были они нелепы, часто демонстрируют в основном такое близкое сходство с некоторыми фрагментами истории нашего Писания, что это приводит нас в изумление и удивление. Возьмем, к примеру, следующие примеры, произошедшие на Самоа, приведенные преподобным Джорджем Тернером:

"Самые ранние предания самоанцев описывают время, когда обитаемыми были только небеса, а земля была покрыта водой. Тогда Тангалоа, великий полинезийский Юпитер, спустил свою дочь в виде птицы Тури (бекас) на поиски места для отдыха. После долгого полета она нашла скалу, частично возвышающуюся над поверхностью воды. (Это похоже на Моисеево повествование о потопе; но история продолжает происхождение человеческой расы). Тури поднялась и сказала отцу, что нашла только одно место, на котором можно отдохнуть. Тангалоа снова послал ее вниз, чтобы она осмотрела это место. Она неоднократно ходила туда и обратно и, каждый раз поднимаясь, сообщала, что со всех сторон простирается сухая поверхность. Тогда он отправил ее вниз с землей и ползучим растением, так как все вокруг было бесплодным камнем. Она продолжала посещать землю и возвращаться на небо. В следующее посещение растение разрасталось. В следующий раз оно засохло и разложилось. В следующее посещение оно кишело червями. А в следующий раз оно превратилось в мужчину и женщину! Станный рассказ о происхождении человека. Но как трогательно он напоминает о его конце: "Они будут лежать одинаково в пыли, и черви покроют их".

"У них нет последовательных рассказов об этих ранних временах, но мы приводим разрозненные фрагменты, как мы их находим. Они говорят, что в давние времена небеса обрушились, и людям пришлось ползать по земле, как низшим животным. Через некоторое время корень стрелы и другое похожее растение подняли небеса. Место, где росли эти растения, до сих пор указывают и называют Те'ангга-ланги, или место, толкающее небо. Но головы людей продолжали стучать по небу. Однажды мимо проходила женщина, которая черпала воду. К ней подошел мужчина и сказал, что будет толкать небеса, если она даст ему воды попить. "Сначала подними их", - ответила она. Он поднял их. "Достаточно?" - сказал он. "Нет, еще немного". Он поднял их еще выше, и тогда она протянула ему свою бутылку с водой из скорлупы какао-ореха. В другом рассказе говорится, что человек по имени Тютю

раздвинул небеса, а полые места в скале длиной почти в шесть футов считаются его следами. Рассказывают о человеке по имени Лоси, который отправился в путешествие по небесам. Он нашел там землю и море, людей, дома и плантации. Люди были добры к нему и давали ему много еды. Он впервые увидел и попробовал таро. Он нашел немного на плантациях и спустил его на землю; отсюда и происходит происхождение таро. Они не говорят, как он поднялся и спустился. Говорят, что когда дерево таро упало, его ствол и ветви разлетелись на расстояние около шестидесяти миль. В этой и следующей сказке нам вспоминается лестница Иакова.

"Два молодых человека, которых звали Пунифанга и Тафалин, однажды днем решили нанести визит на Луну. Пунифанга сказал, что знает дерево, по которому они могут подняться наверх. Тафалин побоялся, что оно не достанет достаточно высоко, и сказал, что попробует другой план. Пунифанга отправился к своему дереву, а Тафалин разжег костер, насыпал скорлупы какао-орехов и другого топлива, чтобы получился сильный дым. Дым поднимался плотным прямым столбом, словно какао-ореховое дерево, вздымающееся в небо. Затем Тафалин прыгнул на столб дыма, поднялся вверх и достиг луны задолго до Пунифанги. Хотелось бы знать, что они делали дальше, но тут сказка резко заканчивается: Пунифанга с досадой поднялся и увидел перед собой Тафалина, который сидел и смеялся над ним за то, что он так долго был в пути.

"В другой истории нам рассказывают, что однажды вечером этот человек спустился вниз и забрал женщину по имени Сина и ее ребенка. Это было во время голода. Она работала в вечерних сумерках, выбивая кору, из которой можно было сделать ткань. Луна только возшла, и она напредила ей большой хлебный плод. Взглянув на нее, она сказала: "Почему бы тебе не спуститься и не дать моему ребенку немного тебя? Луна была возмущена идеей быть съеденной, немедленно спустилась и забрала ребенка, доску, молоток и все остальное. В Англии еще не забыто народное суеверие о "человеке на луне, который собирал палки в субботний день", а на Самоа - о женщине на луне. Вон там Сина, - говорят они, - и ее ребенок, и молоток, и доска".

"У нас также есть пара фрагментов о солнце. Женщина по имени Манкуаманки забеременела, глядя на восходящее солнце. Ее сын вырос и получил имя "Дитя Солнца". На свадьбе он попросил у матери приданое. Она послала его к его отцу Солнцу, чтобы он попросил у него денег, и рассказала ему, как идти. Следуя ее указаниям, он отправился однажды утром с длинной лозой из кустарника, которая удобно заменяет веревку, взобрался на дерево, бросил свою веревку с петлей на конце и поймал Солнце. Он огласил свое послание и (как Пандора) получил подарок для своей невесты. Сначала Солнце спросило его, что он выберет: благословения или бедствия? Он выбрал, конечно, первое и спустился вниз с запасом благословений в корзине. Об этом самоанском Фаэтоне есть еще одна история, похожая на ту, что рассказывают о гавайском Мани. Говорят, что его и его мать раздражала быстрота хода солнца в те дни - оно всходило, достигало меридиана и садилось, "прежде чем они успевали высушить свои циновки". Он решил заставить его идти медленнее. Однажды рано утром он взобрался на дерево и, держа наготове веревку и петлю, стал наблюдать за появлением солнца. Как только оно появилось из-за горизонта, он бросил и поймал его; солнце пыталось освободиться, но тщетно. Тогда, боясь, что его задушат, оно в беде воскликнуло: "О, пощадите меня и сохраните мне жизнь. Что вам нужно?" - "Мы хотим, чтобы вы шли медленнее, мы не успеем ничего сделать". Хорошо, - ответило Солнце, - отпустите меня, и впредь я буду ходить медленно и никогда больше быстро". Он отпустил веревку, и с тех пор солнце ходит медленно и дарит нам более длинные дни. Как ни смешно и глупо все это, нельзя не увидеть в этом обломки того возвышенного описания в книге Иисуса

Навина о том дне, когда этот человек Божий предстал перед глазами Израиля и сказал: "Солнце, стань на Гибеоне, а ты, луна, в долине Ахалона. И стояло солнце, и луна стояла, пока народ не отомстил врагам своим".

"На Самоа существует лишь несколько историй, в которых мы можем проследить потоп; они также не являются косвенными, как и те, что существуют в некоторых других частях Тихого океана. Однако, по всеобщему мнению, "в давние времена рыбы плавали там, где сейчас находится суша", и традиция добавляет, что когда воды спали, многие из морских рыб остались на суше, а затем превратились в камни. Поэтому, говорят они, в кустарнике и на горах в изобилии встречаются камни, которые когда-то были акулами и другими обитателями глубин".

Фиджианцы, жители островов той же группы, имеют преимущество перед самоанцами в этом последнем мифологическом вопросе о потопе. У них есть по меньшей мере полдюжины версий великого потопы, из которых две следующие, представленные Эллисом и Уильямсом, могут послужить примером:

"Они говорят о потопе, который, согласно некоторым из их рассказов, был частичным, но в других утверждается, что он был всеобщим. Причиной великого потопы стало убийство Туруканы - любимой птицы Уденгея - двумя озорными мальчишками, внуками бога. Они, вместо того чтобы извиниться за свою обиду, добавили к ней наглые выражения и, укрепив с помощью своих друзей город, в котором жили, бросили вызов Уденгею, чтобы он сделал свое самое худшее. Говорят, что хотя разгневанному богу потребовалось три месяца, чтобы собрать свои силы, он не смог покорить мятежников и, распустив армию, решил отомстить более эффективно. По его приказу темные тучи собрались и разорвались, проливая потоки на преданную землю. Города, холмы и горы один за другим уходили под воду, а мятежники, укрывшись на высоте своего жилища, беззаботно взирали на происходящее. Но когда, наконец, страшные потоки вторглись в их крепость, они обратились за указаниями к богу, который, по разным свидетельствам, послал им лодку, или два каноэ, или научил их строить каноэ самостоятельно. Однако все сходятся на том, что остаток человеческой расы был спасен: их было восемьдесят".

Так говорит мистер Уильямс. А теперь дословный перевод, предоставленный мистером Осмондом мистеру Эллису:

"Разрушен был Отахейт морем; не осталось ни человека, ни собаки, ни птицы. Рощи деревьев и камни были унесены ветром. Они были уничтожены, и глубина легла на землю. А эти два человека, муж и жена (когда это случилось), он взял молодую свинью, она взяла молодых цыплят; он взял молодую собаку, а она - молодого котенка. Они шли и, глядя на Орофену (самый высокий холм на острове), муж сказал: "Поднимитесь оба на эту высокую гору". Жена ответила: "Нет, не пойдем туда". Муж сказал: "Это высокая скала, и до нее не дойти морем"; но жена ответила: "Дойдем до нее морем вон там: поднимемся на Опитохито, круглую, как грудь; до нее не дойти морем". Вдвоем они прибыли туда. Орофена была захлестнута волнами: Один только Опитохито остался и стал их обителью. Там они наблюдали десять ночей; море улеглось, и они увидели две маленькие головы гор в их возвышении. Когда воды ушли, земля осталась без плодов, без человека, и рыба гнила в норах скал. Земля осталась, но кустарники были уничтожены. Они спустились и с изумлением увидели: не было ни домов, ни орехов какао, ни пальм, ни хлебных плодов, ни травы; все было уничтожено морем. Они поселились вместе, и женщина родила двух детей,

сына и дочь. В те дни покрыта была земля пищею, и от двух человек повторно населилась земля".

Фигианцы верят в будущее состояние вечного блаженства, но не в то, что душа, покинув тело, освобождается от всех забот. Ведь, согласно народным поверьям, путешествие души с земли на небо - дело весьма грозное.

"По дороге в Най Томботомбо и примерно в пяти милях от него находится одинокий холм из твердой красноватой глины, испещренный черными валунами, справа от которого растет красивая роща, а слева - безрадостные холмы. Его название - Такивелеяива. Находясь вблизи этого места, развоплощенный дух бросает китовый зуб, который вкладывается в руку трупа при погребении, в духовный панданус; сумев попасть в него, он поднимается на холм и там ждет, пока к нему не присоединятся духи его задушенной жены или жен. Если же он не попадет в цель, то должен оставаться в этом уединенном месте отдыха, сетуя на недостаток привязанности со стороны жены и друзей, которые лишают его ожидаемых спутников. И вот как сетует одинокий дух: "Как же так? Долгое время я приносил жене пищу, а также был полезен ее друзьям. Почему же ей не позволено последовать за мной? Неужели после стольких лет трудов мои друзья любят меня не лучше, чем сейчас? Неужели никто из влюбленных в меня не задушит мою жену?"

"Благословенный, наконец, обществом жены или жен, которые несут его шлейф, или опечаленный их отсутствием, муж направляется к Най Томботомбо и, с дубинкой в руках, садится в каноэ, которое перевозит духов на встречу с их экзаменатором. О его приближении извещает парокет, который кричит раз, два и так далее, в зависимости от количества духов в каноэ, оглашая болтовней большое число. Дорога в Мбулу лежит через Намбангатай, который, похоже, является одновременно реальным и нереальным городом: в видимой части живут простые смертные, а в невидимой - семья, которая проводит дознание по ушедшим духам. Таким образом, крик птицы выполняет двойную задачу: предупреждает людей о необходимости открыть двери, чтобы дух мог свободно передвигаться, и не дает призрачным инквизиторам застать их врасплох. Дома в городе построены с учетом особенностей передвижения духов, которые, как предполагается, на данном этапе проходят прямо вперед: поэтому все дверные проемы расположены друг напротив друга, чтобы тень могла пройти без помех. Жители говорят на низких тонах, а если их разделяет небольшое расстояние, передают свои мысли знаками.

"Прошлые поколения должны были встречать Саму или Равуяло; но поскольку он умер в 1847 году в результате курьезного несчастья, его обязанности теперь возложены на его сыновей, которые, долгое время находясь в партнерстве со своим прославленным отцом, вполне компетентны для выполнения его обязанностей. Поскольку вполне вероятно, что старший сын вскоре получит отцовский титул или его эквивалент, мы будем говорить о нем как о Самуяло - Убийце душ. Услышав парокет, Саму и его братья прячутся в духовных мангровых кустах сразу за городом и рядом с тропинкой, в которую они втыкают тростник, чтобы запретить духу пройти этим путем. Если пришедший отваживается, он поднимает свою дубину вопреки *запрету* и тем, кто его установил, и тогда появляется Саму, чтобы дать ему бой, сначала спросив: "Кто ты такой и откуда пришел?". Поскольку многие переносят в другой мир свою привычку лгать, они выставляют себя очень важными, и Саму дает им отпор и повергает их на землю. Если призрак побеждает в схватке, он переходит на судейское место Нденгея; он лишается права появляться там и обречен скитаться среди гор. Если он будет убит в поединке, то будет сварен и съеден Саму и его братьями.

"Некоторые традиции вкладывают вопросы экзамена в уста Саму и судят духа на этом этапе; но большинство отдает инквизицию Нденгею.

"Те, кто избежал дубины губителя душ, идут дальше, к Наинделинде, одной из самых высоких вершин гор Каувандра. Здесь путь мбулу резко обрывается на краю пропасти, основание которой, как говорят, омывается глубоким озером. За этим обрывом виднеется большое бычье весло, которое, по одной традиции, находится в ведении самого Нденгея, а по другой, более последовательной, - старика и его сына, действующих под руководством бога. Они обращаются к пришедшему духу следующим образом: "При каких обстоятельствах ты пришел к нам? Как ты вел себя на том свете? Если призрак занимает высокое положение, он отвечает: "Я великий вождь, я жил как вождь, и поведение мое было вождистским. У меня было большое богатство, много жен, я правил могущественным народом. Я разрушил много городов и многих убил на войне". На это отвечают: "Хорошо, хорошо. Присядь на широкую часть этого весла и освежись прохладным ветерком". Не успел он сесть, как ему поднимают рукоятку весла, которое лежит в глубине острова, и таким образом его бросают вниз головой в глубокие воды, через которые он попадает в Муримурию. Тех, кто снискал особое расположение Нденгея, предупреждают, чтобы они не выходили на весло, а сидели рядом с теми, кто его держит, и после короткого отдыха отправляют обратно в то место, откуда они пришли, чтобы их обожествили".

Боги фигийцев, однако, похоже, с большим упорством цепляются за те слабости, которые отличают самых обычных смертных. Они ссорятся, дерутся и, что еще хуже, опускаются до роли похитителей дам, и это даже тогда, когда добычей становится дочь соседнего бога. О последнем "милом скандале" такого характера рассказывает мистер Симан в своей недавно опубликованной работе о Фиги:

"Давным-давно в Реве жил могущественный бог, которого звали Равовоникакаугава, а вместе с ним его друг - бог ветров из Ваирны. Равовоникакаугава вел уединенный образ жизни и давно подумывал о том, чтобы взять себе жену. Наконец он решился. "Положим мачту и парус в каноэ, - сказал он, - и возьмем несколько женщин у Рокуа, бога Найкобокобо". Когда ты думаешь отправиться в путь?" - спросили его друзья. "Я отправлюсь среди бела дня, - был ответ, - или вы считаете меня трусом, раз я выбрал ночь для своей работы? Все было готово, друзья отплыли и бросили якорь на закате у Найкобокобо. Там они, вопреки фиджийским обычаям, прождали один, два, три дня, не получая никаких дружеских сообщений с берега, так как Рокуа, вероятно догадавшись об их намерениях, строго запретил своим людям брать на каноэ какую-либо еду. Однако отвращение Рокоуа не разделяли его домашние. Его дочь, прекрасная Найогабуи, распространявшая столь сладкие и сильные духи, что если ветер дул с востока, то духи ощущались на западе, а если дул с запада, то на востоке, из-за чего, а также из-за ее большой личной красоты, все юноши влюблялись в нее, - Найогабуи приказала одной из своих рабынь приготовить батат и отнести его на чужое каноэ, а заодно сообщить его владельцу, что она будет с ним при первой же возможности. Чтобы еще раз доказать свою привязанность, она приказала всем женщинам Найкобокобо устроить дневную рыбалку. Это распоряжение было быстро выполнено, а рыба приготовлена, и сама Найогабуи ночью уплыла с ней и преподнесла ее богу Рева.

"Равовоникакаугава был очарован принцессой и готов был немедленно отправиться с ней в путь. Однако она умоляла его подождать еще одну ночь, чтобы дать возможность Наимиламиле, одной из молодых жен Рокуа, сопровождать их. Наимиламила была родом из Найкобокобо и против своей воли соединилась с Рокуа, который не испытывал к ней никакой привязанности и держал ее исключительно для того, чтобы она чесала ему голову или играла с его локонами - отсюда и ее имя. Недовольная своей печальной участью, она вместе с

падчерицей придумала план побега и стала активно готовиться к его осуществлению. В условленную ночь Наимиламила была верна своему обещанию. Кто ты?" - спросил бог, когда она ступила на палубу. Я жена Рокуа", - ответила она. Нагрузите свое каноэ; мой господин может следовать за мной по пятам, а Найогабуи немедленно прибудет к нам". Почти сразу после этого послышался всплеск воды. Вот она, - крикнула Наимиламила, - отплывайте!" И тут же каноэ с Равоникакаугавой, его другом и двумя женщинами отчалило в Реву.

На следующее утро, обнаружив бегство, Рокуа решил преследовать беглецов, для чего сел в "Вататейлала" - каноэ, получившее свое название от его большого барабана, звук которого был настолько мощным, что его было слышно по всему Фиги. На борт положили его булаву и копье, которые были таких гигантских размеров и веса, что для их поднятия требовалось десять человек. Вскоре Рокуа достиг Нукуилаи, где вытащил копье и, сделав из него своеобразный мост, перешел по нему на берег. Взяв в руки копье и дубину, он задумчиво зашагал дальше. Не стоит сразу же обнаруживать себя, - сказал он себе. Я должен замаскироваться. Но в какую форму мне переодеться: в свинью или собаку? В образе свиньи мне не позволят подойти к двери, а в образе собаки мне придется подбирать кости, брошенные на улице. Ни то, ни другое не подходит для моей цели; поэтому я приму облик женщины". Продолжая идти по берегу, он встретил старуху, которая несла корзину с таро и пудингами, и, не дав ей опомниться, обменялся с ней фигурами. Затем он спросил, куда она направляется, и, получив ответ, что в дом бога Ревы, забрал у нее корзину и, оставив на берегу дубинку и копье, отправился к месту назначения. Его маскировка была настолько полной, что даже его собственная дочь не узнала его. Кто это?" - спросила она, когда он уже собирался войти. Это я, - ответил Рокуа притворным голосом, - я пришел из Монисы с едой". Проходи, старуха, - сказал Найогабуи, - и садись". Рокуа вошел и сел так, как сидела бы фигийская женщина, чтобы его маскировка не была обнаружена. "Ты собираешься вернуться сегодня вечером?" - спросили его. Нет, - ответил переодетый бог, - для этого нет повода". Оказавшись в доме, Рокуа предложил прогуляться и принять ванну, на что согласились и Найогабуи, и Наимиламила. Приведя женщин к тому месту пляжа, где были оставлены дубина и копье, он сбросил с себя маскировку и воскликнул: "Вы мало знали, кто я такой; я - Рокуа, ваш господин и повелитель", - и, схватив их за руки, потащил беглянок к каноэ и отплыл в сторону дома.

"Когда бог Рева обнаружил, что его женщины ушли, он снова отправился в Найкобокобо, где, поскольку он не носил маскировки, его сразу же узнали, люди Рокуа схватили его каноэ и вытащили на берег, а его самого и его верного друга, который снова сопровождал его, схватили и сделали погонщиками свиней. В таком унижительном положении они находились долгое время, пока в Вануа-Леву не состоялся большой праздник, на котором Рокуа и его спутники присутствовали. Прибыв на место, бог Рева и его друзья остались управлять двумя каноэ, на которых приплыли на праздник, а все остальные отправились на берег развлекаться; но так как оба друга нравились всем женщинам, то во время праздника их обильно снабжали едой и другими хорошими вещами. Тем не менее Равоникакаугава был очень подавлен и, взяв корень кавы, принес его в жертву и в отчаянии воскликнул: "Неужели никто из могущественных богов Ревы не сжалился над моим несчастьем?" Тело его друга мгновенно овладело богом и начало сильно дрожать. Чего ты хочешь?" - спросил бог внутри. Шторм, чтобы напугать моих угнетателей". "Будет исполнено", - ответил бог и удалился.

"Праздник закончился, и отряд Рокуа отправился в Найкобокобо; но едва они отплыли, как поднялся сильный северный шторм, который едва не разрушил каноэ и ужасно напугал тех, кто был на борту. И все же они добрались до Найкобокобо, где бог Рева взмолился о восточном ветре, чтобы тот отнес его домой. Когда все мужчины Рокуа высадились на берег и

оставили женщин нести вещи и багаж, поднялся желанный ветер, и два каноэ, поставив паруса, отправились в Реву, куда благополучно прибыли, а коз и прочее имущество высадили на берег и раздали в качестве подарков жителям. Но Рокуа не был побежден таким образом. Хотя два его каноэ были похищены, оставалось еще одно, взятое у Равовоникакауагавы во время его второго визита в Найкобокобо: его спустили на воду без промедления, и беглецы пустились в погоню. Прибыв в Нукуилай, Рокуа положил копье на палубу каноэ и, как и в прошлый раз, вышел на берег. Высадившись на берег, он уронил свою тяжелую дубину, подняв при этом такой громкий шум, что разбудил всех жителей Вити-Леву. Этот шум не ускользнул от зоркого уха Наимиламы. "Будь начеку, - сказала она своему новому повелителю, - Рокуа идет; я слышала, как упала его булава; он может принять любую форму, какую пожелает, будь то собака, или свинья, или женщина; он может приказать даже твердым камням расколоться и впустить его; так что будь начеку". Тем временем Рокуа встретил на дороге девушку из Надоо, которая несла креветок, крабов и таро в дом бога Ревы, и, не задумываясь, принял ее облик, а она, сама того не подозревая, приняла его. Прибыв с корзиной к месту назначения, Найогабуи спросил: "Кто там? На что Рокуа ответила: "Это я, я из Надоо, принесла еду для твоего мужа". Предполагаемого посланника пригласили в дом, и, сев, он неосмотрительно принял позу, не подобающую фигийским женщинам; это и форму его конечностей заметила Найогабуи, которая шепнула мужу на ухо о сделанном открытии. Равовоникакауагава выскочил из дома, собрал своих людей, напомнил им об оскорблениях, нанесенных ему Рокуа, и, доведя их до сильного возбуждения, сообщил, что преступник теперь в их власти. Все бросились к оружию и, войдя в дом, потребовали у Надоо девушку. Вон она сидит, - ответил Найогабуи, указывая на ее отца; и не успели эти слова прозвучать, как сильный удар дубиной повалил Рокуа на землю. Затем последовало общее побоище, в ходе которого голова жертвы была разбита на куски. Это был конец Рокуа".

Согласно свидетельствам Тернера и других надежных полинезийских путешественников, вход в Аид самоанцев должен был представлять собой круглую впадину среди скал на западном конце Савайи. Савайи - самый западный остров группы. Когда человек был близок к смерти, считалось, что дом окружен сонмом духов, которые только и ждут, чтобы забрать душу в свой подземный дом в указанном месте; если ночью члены семьи боялись выходить за дверь, чтобы их не утащил кто-то из этих невидимых сил. Как только дух покидал тело, он должен был отправиться в компании с этой группой духов прямо на западную оконечность Савайи. Если же человек проживал на одном из более восточных островов группы - например, на Уполу, - он отправлялся по суше на западную оконечность острова, но не к Харону, а к большому камню, который называли "камнем, с которого можно прыгать". Считалось, что здесь духи прыгают в море, плывут к острову Мононо, пересекают сушу к западной оконечности этого острова, снова прыгают с другого камня, плывут к Саваи, снова пересекают пятьдесят миль страны и, наконец, достигают Хафа, или входа в воображаемый мир духов. Недалеко от этого места росло ореховое дерево какао, и предполагалось, что если дух случайно соприкасался с деревом, он возвращался, и человек, который казался мертвым, оживал и выздоравливал. Если же дух не ударялся о дерево, он сразу же спускался вниз по Хафе. В этом месте, на острове Савайи, есть два круглых бассейна, глубиной не более метра, которые до сих пор указывают как место, куда спускались духи. Один из них, более крупный, предназначался для вождей, другой - для простых людей. Сообщалось, что в этих нижних регионах есть небо, земля и море, а люди имеют реальные тела, сажают, ловят рыбу, готовят пищу и занимаются другими делами, как и в настоящей жизни. Ночью их тела должны были менять свою форму и становиться похожими на беспорядочное скопление огненных искр. В таком состоянии и в часы темноты они, как говорили, поднимались и возвращались в свои прежние места обитания, уходя на раннем рассвете либо в кустарник,

либо обратно в нижние регионы. Считалось, что эти духи способны возвращаться и вызывать болезни и смерть у других членов семьи. Поэтому все стремились, когда человек приближался к концу жизни, расстаться с ним в хороших отношениях, будучи уверенными, что, если он умрет с гневом по отношению к кому-либо, он обязательно вернется и навлечет беду этого самого человека или кого-то из его близких родственников. Это считалось частым источником болезней и смерти: дух умершего члена семьи возвращался и поселялся в голове, груди или желудке человека, вызывая болезнь и смерть. Также считалось, что духи умерших приходят и разговаривают через определенного члена семьи, предсказывая различные события или давая указания по поводу определенных семейных дел. Если человек умирал внезапно, считалось, что его съели забравшие его духи. Считалось, что его душа отправляется в общее место жительства усопших; только считалось, что такие люди не обладают способностью говорить и в ответ на вопрос могут лишь биться в грудь. Предполагалось, что вожди имеют отдельное место, отведенное им, а также изобилие лучшей пищи и другие поблажки. Савеасуилео был великим царем, или Плутоном, этих подземных областей, и ему все оказывали глубочайшее почтение. Считалось, что у него голова человека, а верхняя часть тела покоится в большом доме в компании с духами ушедших вождей. Конечная часть его тела, как говорили, простиралась в море в форме угря или змеи. Он управлял военными судьбами и другими делами. Его большой дом или храм поддерживался не деревянными или каменными столбами, а колоннами из живых людей.

Поклонение самоанским идолам.

Считалось, что при рождении каждый самоанец попадает под опеку какого-нибудь бога-покровителя, или аиту, как его называли. По этому случаю последовательно обращались к помощи, возможно, полудюжины различных богов; но тот, к кому обращались в момент рождения ребенка, был отмечен и объявлен его богом на всю жизнь. Предполагалось, что боги появляются в каком-то видимом воплощении, и конкретная вещь, в которой имел обыкновение появляться его бог, была для самоанца объектом почитания. По сути, это был его идол, и он старался никогда не причинять ему вреда и не относиться к нему с пренебрежением. Один, например, видел своего бога в угре, другой - в акуле, третий - в черепахе, третий - в собаке, третий - в сове, третий - в ящерице, и так далее по всем морским рыбам, птицам, четвероногим зверям и ползучим тварям. В некоторых раковинных рыбах даже предполагалось присутствие богов. Человек мог свободно есть то, что считалось воплощением бога другого человека, но воплощение своего собственного бога он считал смертью - ни повредить, ни съесть. Предполагалось, что бог отомстит за оскорбление, поселившись в теле этого человека и заставив его порождать то самое, что он съел, пока это не приведет к смерти. Этот класс гениев, или божеств-покровителей, называют аиту-фуле, или бог дома. Отец семейства был верховным жрецом и обычно произносил короткую молитву за вечерней трапезой, чтобы все они были ограждены от болезней, войн и смерти. Иногда он также распоряжался устроить семейный пир в честь своих домашних богов; в таких случаях в качестве жертвоприношения выливалась чаша с их опьяняющим напитком ава-драуг. Они делали это в своем семейном доме, где собирались все вместе, полагая, что их боги имели там духовное присутствие, так же как и в материальных объектах, о которых мы уже говорили. Часто предполагалось, что бог приходит к ним и говорит через отца или другого члена семьи, указывая, что нужно сделать, чтобы устранить существующее зло или предотвратить угрозу его возникновения. Иногда семья должна была построить каноэ и хранить его в священном для бога месте. Они могли путешествовать на нем и пользоваться им сами, но продавать или расставаться с каноэ, построенным специально для бога, было смертельно опасно. Другой класс самоанских божеств можно назвать богами города или деревни. Каждая деревня имела своего бога, и каждый родившийся в ней считался собственностью этого бога. "Я родила ребенка для такого-то и такого-то", - говорила женщина при рождении своего ребенка и называла имя деревенского бога. Небольшой дом или храм также посвящался божеству данной местности. Там, где не было официального храма, храмом на время становился большой дом деревни, где имели обыкновение собираться вожди, если того требовал случай.

В их храмах, как правило, было что-то, на чем взгляд останавливался с суеверным почтением. В одном из них можно было увидеть раковину конха, подвешенную к крыше в корзине, сделанной из сети синнет, в которую, как полагали, бог дул, когда хотел, чтобы народ поднялся на войну. В другом хранились два камня. В другом - нечто, напоминающее голову человека с развевающимися белыми лентами, которое поднимали на шесте у дверей храма в обычный день поклонения. В другом - чашу для питья из скорлупы какао-ореха подвешивали к крыше, и перед ней читали молитвы и приносили подношения. Эта чаша также использовалась при произнесении клятв. Если хотели вычислить вора, подозреваемых собирали перед вождями, приносили чашу, и каждый подходил, клал на нее руку и говорил: "С моей рукой на этой чаше, пусть бог посмотрит на меня и пошлет быструю гибель, если я взял украденную вещь". Они твердо верили, что прикосновение к чаше и ложь - это смерть. В некоторых случаях жрецами были старосты местности, но обычно кто-то из определенной семьи претендовал на эту привилегию и провозглашал волю бога. Его должность передавалась по наследству. Он назначал дни ежегодных праздников в честь божества,

принимал подношения и благодарил за них народ. Он также решал, может ли народ идти на войну. Подношения состояли в основном из приготовленной пищи. Первая чаша была в честь бога. Ее либо выливали на землю, либо взмахивали к небу. Все вожди пили из одной чаши, согласно рангу; после этого пища, принесенная в жертву, делилась и съедалась "там, перед Господом". Этот праздник был ежегодным и часто приходился на май месяц. В одних местах он проходил спокойно, в других был связан с играми, шуточными боями, ночными танцами и т. д. и длился несколько дней. Во время войны жрецы устраивали специальные пиры. В военных жертвоприношениях запрещалось участвовать женщинам и детям, так как не их удел идти в бой. Они полагали, что это принесет болезни и смерть тем, кто не пойдет на войну, и поэтому тщательно закапывали или бросали в море все, что оставалось после праздника. В некоторых местах пиры в честь бога регулировались появлением в поселении птицы, которая считалась воплощением бога. При появлении птицы жрец говорил, что бог пришел, и назначал день для этого развлечения. Деревенские боги, как и домашние, все имели какое-то особое воплощение: один должен был появиться в виде летучей мыши, другой - в виде цапли, третий - в виде совы. Если человек находил на обочине дороги мертвую сову, и если это было воплощение его деревенского бога, он садился и плакал над ней, бил себя камнями по лбу, пока не вытекала кровь. Считалось, что это угодно божеству. Затем птицу заворачивали и хоронили с тщательностью и церемонией, как если бы это было человеческое тело. Однако это не было смертью бога. Предполагалось, что он еще жив и воплощен во всех совах. За полетом этих птиц наблюдали во время войны. Если птица летела впереди, это был сигнал к продолжению войны; если же она пересекала путь, это было дурным предзнаменованием и знаком к отступлению. Другие видели своего деревенского бога в радуге, третьи - в падающей звезде; и во время войны положение радуги и направление падающей звезды всегда были зловещими.

Во всей Полинезии обычным средством передачи или распространения сверхъестественных способностей было красное перо небольшой птицы, встречающееся на многих островах, и красивые длинные хвостовые перья тропической птицы или птицы-мужчины. Предполагалось, что к этим перьям боги питали сильное пристрастие: они были самыми ценными подношениями, которые можно было им преподнести; сила или влияние бога передавались через них предметам, к которым они могли быть прикреплены. Среди многочисленных церемоний, которые проводились, *палатуа* была одной из самых заметных. В эти дни всех богов выносили из храма, снимали священные покровы, наносили на изображения ароматические масла и выставляли их на солнце. В это время те, кто желал, чтобы их эмблемы божества были пропитаны сущностью богов, приходили на церемонию с несколькими красными перьями, которые они подносили жрецу, проводившему церемонию.

Полинезийский идол.

Деревянные идолы обычно были полыми, перья помещались во внутреннюю часть изображения, которая заполнялась ими. Однако многие идолы представляли собой цельные куски дерева, скрепленные или покрытые тонко плетеной киноварью из волокон шелухи ореха какао; к ним перья прикреплялись снаружи небольшими волокнистыми лентами. В обмен на перья, соединенные таким образом с богом, стороны получали два или три таких же, которые были положены на прошлом празднике в деревянную или внутреннюю складку киноварного идола. Считалось, что эти перья обладают всеми свойствами тех изображений, к которым они были прикреплены, и в них должно было быть вложено сверхъестественное влияние. Их аккуратно обматывали тончайшей киноварью, оставляя видимыми только концы. Когда это было сделано, новоиспеченных богов помещали перед

большими изображениями, с которых они были сняты, и, чтобы их отсоединение не побудило бога отказаться от своей силы, жрец обращался с молитвой к главным божествам, прося их пребывать в красных перьях перед ними. В конце своего убу, или призыва, он объявляет, что в них обитает бог, и передает их тем, кто принес красные перья. Перья, взятые домой, клали в маленькие бамбуковые трости, за исключением тех случаев, когда к ним обращались с молитвой. Если их владельцу сопутствовало благополучие, это приписывалось их влиянию, и они обычно удостаивались изображения, в которое они были вплетены, а впоследствии, возможно, для них возводили алтарь и грубый храм. Однако в случае, если они были привязаны к изображению, его нужно было отнести в большой храм, чтобы верховные идолы могли санкционировать передачу своего влияния.

Животные, фрукты и т.д. были не единственными предметами, приносимыми в жертву идолам: наиболее впечатляющей частью их жертвоприношений было частое погружение в воду человеческих жертв. Эти жертвы, на техническом языке жрецов, назывались *рыбой*. Их приносили в периоды войн, на больших национальных праздниках, во время болезни правителей и при возведении храмов. Жители города Маэва рассказывали путешественникам, что фундамент некоторых зданий для обитания их богов был фактически заложен человеческими жертвами, что каждый столб, поддерживающий крышу одного из священных домов в Маэве, был насажен на тело человека, принесенного в жертву кровавому божеству, которое собирались там разместить. Несчастные, которых выбирали, были либо пленниками, захваченными на войне, либо людьми, которые досаждали вождям или жрецам. Когда они были нужны, по просьбе жреца король посылал камень вождю того округа, откуда требовались жертвы. Если камень был получен, это свидетельствовало о намерении выполнить просьбу. Примечательно, что жестокость этой практики распространялась не только на отдельных людей, но и на семьи и районы. Когда в жертву брали человека, семья, к которой он принадлежал, считалась *табу*, или посвященной; и когда требовался другой человек, его чаще брали из этой семьи, чем из любой другой; район, из которого брали жертвы, точно так же считался посвященным, и поэтому, когда становилось известно о приближении каких-либо церемоний, на которых обычно приносили человеческие жертвы, члены семей *табу* или другие, у которых были основания опасаться, что их выберут, бежали в горы и прятались в норах и пещерах до окончания церемонии.

Как правило, жертва не осознавала своей гибели, пока ее внезапно не сбивал удар дубины или камня, иногда из рук того самого вождя, от которого она зависела как гость на правах гостеприимства. Обычно его убивали на месте, тело клали в длинную корзину из листьев какао-ореха и несли в храм. Здесь его приносили в жертву, но не сжигали в огне, а клали перед идолом. Жрец при посвящении вынимал один из глаз, клал его на лист подорожника и передавал королю, который подносил его ко рту, словно желая съесть, но передавал одному из жрецов или служителей, стоявших рядом с ним для принятия пищи. Через определенные промежутки времени, во время молитв, часть волос отщипывали и клали перед богом, а когда церемония заканчивалась, тело заворачивали в корзину из листьев какао-ореха и часто клали на ветви соседнего дерева. После того, как тело оставалось в корзине значительное время, его снимали, а кости хоронили под грубым покрытием мараэ или храма. Эти ужасные обряды совершались нередко, а их количество на больших праздниках было поистине ужасающим.

Самым примечательным институтом, преобладающим среди жителей островов южных морей, является табу или тапу. Хотя наложить его мог только священник, а религиозные мотивы неизменно объяснялись, можно не сомневаться, что основное его применение было гражданским; и хотя, как и во всех государственных механизмах, составные части которых многочисленны и настолько разнообразны, насколько их может сделать эгоистичный

интерес, будут проявляться злоупотребления и разврат, все же не может быть сомнений, что в своей работе табу - это институт, который не следует поспешно отбрасывать или упразднить. Цитируя слова Эллиса, "табу составляет важную и существенную часть жестокой системы идолопоклонства и является одним из самых сильных средств ее поддержки". Возможно, это и так, но в то же время, поскольку оно влияет на правильное управление, спокойствие и хлеб насущный страны, исповедующей идолопоклонство, оно заслуживает нежного рассмотрения, если только, действительно, из-за идолопоклонства нация не должна быть прямо-таки взбудоражена мятежом, доведена до голода и смерти. Справедливо рассматривать табу не как чисто религиозный, а как политический институт, поддерживаемый и поддерживающийся самыми влиятельными людьми в стране - священниками, которые, в свою очередь, опираются на *киаимоку* (смотрителей острова), своего рода полицейских, назначаемых королем и уполномоченных исполнять приказы священника, хотя при этом жизнь преступников будет зачеркнута. Таким образом, "Церковь и государство" образуют зыбкую изгородь, приятную на вид, - ведь обилие грядущих "наград", обещанных святыми людьми верным, покрывает ее как бы зелеными листьями, среди которых спрятаны шипы - копыта слуг короля, не нагло выставленные вперед, а скромно отступающие и не бросающие никому вызов; В целом, однако, это изгородь, которую не может сломать ни один дикарь, и к которой, небо знает, сколько сотен лет, мириады дикарей относились безобидно, проводя свою жизнь в ее тени.

В большинстве полинезийских диалектов обычное значение слова "табу" - *священное*. "Однако, - говорит Эллис, - оно не подразумевает никаких моральных качеств, а выражает связь с богами или отделение от обычных целей и исключительное присвоение людям или вещам, считающимся священными". Те вожди, которые ведут свою родословную от богов, называются вождями *ариу табу*, священными из-за их предполагаемой связи с богами. Это слово отличается от слова *rahui*, запрещать, и противопоставляется слову *лоа*, которое означает общее или распространенное. Поэтому система, которая запрещала женщинам есть вместе с мужчинами и употреблять, кроме особых случаев, любые части животных, приносимых в жертву богам, в то время как мужчинам разрешалось принимать их, называлась *ai tabu*, священная еда.

Это, по-видимому, законное значение слова "табу", хотя туземцы в разговоре с иностранцами используют его более широко и применяют ко всему запретному или неподобающему. Однако это лишь для того, чтобы приспособиться к последним, так как они используют *каукау* (слово китайского происхождения) вместо родного слова "есть", а *picaninny* - "маленький", полагая, что их лучше понимают.

Древность табу не уступает другим ветвям того суеверия, частью которого оно является, и его применение было как общим, так и частным, эпизодическим и постоянным. Говоря об этом обычае, наблюдаемом в Фиджи, мистер Уильямс говорит: "Это секрет власти и сила деспотического правления. Он влияет на большие и малые вещи. Здесь его можно увидеть ухаживающим за выводком цыплят, а там он направляет энергию целого королевства. Его влияние распространяется удивительным образом. Побережья, земли, реки и моря; животные, фрукты, рыба и овощи; дома, кровати, горшки, чашки и блюда; каноэ и все, что к ним относится, с их управлением, одеждой, украшениями и оружием; вещи, которые едят, и вещи, которые пьют; члены тела, манеры и обычаи; язык, имена, нравы и даже боги - все попадает под влияние *табу*. Оно вводится в действие по религиозным, политическим или эгоистическим мотивам, и под его санкцией месяцами царит безделье. Многим запрещено поднимать руки или заниматься какой-либо полезной деятельностью в течение длительного

времени. В этом районе *запрещено* строить каноэ; на этом острове *запрещено* возводить хорошие дома. Этот обычай пользуется большой популярностью у вождей, которые приспособливают его так, чтобы он легко ложился на них самих, в то время как они используют его для получения влияния на тех, кто почти равен им: с его помощью они обеспечивают многие свои потребности и по своему желанию командуют всеми, кто ниже их по положению. Налагая табу, вождь должен лишь следить за тем, чтобы его действия были оправданы древними прецедентами. Лица, имеющие небольшое значение, заимствуют тень этой системы и пытаются с ее помощью поместить свои грядки с ямсом и участки с подорожником под священный запрет".

Эллис продолжает в том же тоне. "Сезоны табу были либо обычными, либо строгими. Во время обычного табу от мужчин требовалось только воздерживаться от своих обычных занятий и посещать храм, где каждое утро и вечер возносились молитвы; но в сезон строгого табу все огни и светильники на острове должны быть погашены, ни одно каноэ не должно спускаться на воду, ни один человек не должен купаться; Кроме тех, кто должен был присутствовать в храме, ни один человек не должен был выходить за дверь; ни одна собака не должна была лаять, ни одна свинья не должна была хрюкать, ни один петух не должен был кукарекать, иначе табу было бы нарушено и не достигло бы цели. В таких случаях собакам и свиньям завязывали пасти, а птиц сажали под калабаш или завязывали им глаза куском ткани. Все простые люди, выходя на улицу, особенно во время табу, преклоняли перед священными вождями свои лица, касаясь земли; ни царю, ни жрецам не разрешалось ни к чему прикасаться; даже пищу им клал в рот другой человек. Табу налагалось либо объявлением, когда глашатай или глашатай жрецов обходил, как правило, вечером, требуя погасить все огни, оставить путь у моря для царя, пути внутри страны - для богов и т. д. Однако люди, как правило, были готовы к этому, получив предварительное предупреждение, хотя так было не всегда. Иногда это происходило путем нанесения определенных знаков, называемых *уну-уну*, смысл которых был хорошо понятен, на вещи, занесенные в таблицу. Когда табелируют рыбу определенной части, в скалах на берегу в центре места закрепляют небольшой шест, к которому привязывают пучок бамбуковых листьев на куске белой ткани. Лист какао-ореха привязывают к стволу дерева, когда табуируют плоды. Свиньям, которых посвящали богам, в одно из ушей вплетали кусочек кинзы. Особенно женщины должны были ощущать унижительное и оскорбительное воздействие табу в полной мере. С самого рождения ребенка, если он был женского пола, не давали ни крупы пищи, которая хранилась в отцовской посуде или готовилась на его огне; а маленького мальчика, после того как его отлучали от груди, кормили отцовской едой, и как только он становился способным, садился за стол вместе с отцом, в то время как его мать не только была вынуждена принимать пищу во флигеле, но и не имела права пробовать то, что ел он".

В то время, когда Маринер путешествовал по Полинезии и стал гостем короля Финоу, он случайно стал свидетелем церемонии снятия тапу, которое по определенным причинам было на свиньях. Для этой церемонии были выбраны два марлея и могила Тойтонги. Для различия мы будем называть первую могилу могилой Тойтонги, а вторую - могилой Финоу. Марли Тойтонги находится рядом с резиденцией Финоу, и на ней были возведены четыре столба из ямса следующим образом: -Четыре столба длиной около восемнадцати футов были установлены вертикально в земле, на глубине нескольких футов, на расстоянии около четырех футов друг от друга, в форме четырехугольника, промежутки между ними до самого верха были пересечены меньшими столбами на расстоянии около шести дюймов друг от друга, и скреплены корой *фоу* (вид гибискуса), внутренняя часть этого сооружения была

заполнена по мере продвижения ямсом; Затем на вершину прикрепляли другие вертикальные шесты с поперечными частями таким же образом, продолжая нагромождать ямс; затем третий ряд шестов и т.д., пока высота колонны не достигала пятидесяти или шестидесяти футов, и тогда на вершину клали холодного печеного поросенка. За день до церемонии возводили четыре таких столба, по одному в каждом углу марли, и убивали три или четыре сотни свиней, которые запекались примерно наполовину. На следующий день свиней перевозили на королевскую поляну, расположенную в четверти мили от дома, и ставили на землю перед домом, а также четыре или пять деревянных телег или саней, полных ямса, каждая из которых вмещала около пятисот штук. Пока все это делалось, народ собрался со всех сторон, а те, кто уже прибыл, уселись вокруг королевского марли. Время от времени некоторые из них вставали, чтобы развлечь себя и остальных, борясь друг с другом. Король и его вожди, одетые в плетеные гнату, уже сидели в доме и наблюдали за происходящим. Когда все собравшиеся прибыли и расселись, король дал знать, что церемония начинается. Молодые вожди и воины, а также те, кто гордился своей силой, встали поодиночке и поочередно попытались утащить самого большого борова. Когда это не удавалось одному, пытался другой, затем третий, и так до тех пор, пока каждый желающий не испытывал свою силу. Нести одного из самых больших боров - дело нелегкое, как из-за его жирности, так и из-за веса, но увидеть, как человек обхватывает большого жирного, запеченного борова и пытается поднять его на плечо, - весьма увлекательное занятие. Поскольку свинья оказалась слишком тяжелой для одного человека, ее понесли двое, а третий пошел следом с ее печенью. Их положили на землю рядом с марлей Туитонга, где мужчины ждали, пока не принесут других свиней. Тем временем продолжалось испытание второго борова, который, оказавшись слишком тяжелым для одного человека, был унесен двумя таким же образом, и так далее с третьим, четвертым и т. д., причем самый большой уносился первым, а самый маленький - последним. Вторая, третья, четвертая и т. д. были более спортивными, чем первая, так как были ближе к противовесу силе человека. Иногда он уже почти взваливал ее на плечо, когда жирная ноша выскальзывала у него из рук, и он, пытаясь ее спасти, падал вслед за ней. Заниматься такими делами - большая честь, и даже король иногда прикладывал к этому руку. Маленькие боровки и свиньи не доставляли никаких хлопот: их легко поднимал и уносил один человек и клал не у входа в марли Тойтонги вместе с самыми большими боровами, а сразу заносил в нее, куда по очереди затаскивали и тачки с ямсом. Когда все было убрано из царского шатра, компания встала и перешла в другой шатер, где снова уселась, в то время как Тойтонга председательствовал, а царь и его вожди из уважения сели по внешней стороне кольца среди большого количества народа. Большие свиньи, которые были сложены поблизости от марли, теперь должны были вноситься по одному человеку, и поскольку было установлено, что силы одного человека недостаточно, чтобы поднять любую из них на плечи, двум другим было позволено поднять свинью и положить ее на плечи, после чего он входил со своей ношей, а за ним другой человек с печенью; и таким образом все свиньи и их печень были внесены и сложены в два или три ряда перед Тойтонгой. Затем их количество подсчитывали повара Тойтонги и Финоу и вслух объявляли Тойтонге его собственный повар; одновременно объявлялось количество телег и куч ямса.

После этого около двадцати самых крупных свиней понесли к месту погребения Туитонги, расположенному на расстоянии почти ста ярдов; тех, которые были слишком тяжелы для одного человека, взвалили на плечи двое других и т. д., как и прежде, и положили рядом с могилой; один воз ямса также взяли и оставили таким же образом. Когда эта часть свинины и ямса была израсходована, остаток делился следующим образом: один столб ямса отводился королю, чтобы его убрали после обеда и распорядились им по своему усмотрению (он всегда делит его между своими вождями и воинами); другой столб отводился Веачи и двум-трем

другим вождям; третий отдавался богам (жрецы всегда заботятся об этой части); четвертый Тойтонга требовал для своей доли. Что касается машин с ямсом, то о них никогда не спрашивали. Тойтонга обычно заботится о них и присваивает их себе и своим многочисленным домочадцам, не имея на них никаких законных прав, кроме обычая и молчаливого согласия. Свиньями распорядились аналогичным образом: наибольшее количество досталось самым большим вождям, которые разделили их между вождями, стоящими сразу ниже их по рангу, а те - между своими иждивенцами, пока каждый человек на острове не получил по крайней мере полный рот свинины и ямса. Церемония завершается танцами, борьбой и т. д., после чего каждый присутствующий, получив свою порцию, удаляется в свой дом, чтобы разделить ее со своей семьей. С этого момента *табу*, или запрет на свиней, птиц и орехи какао, терял свою силу.

В Новой Зеландии, хотя принцип института тапу во многом такой же, как и на других островах полинезийской группы, его применение отличается в столь многих и столь существенных деталях, что стоит посвятить ему несколько страниц, в основном предоставленных Тейлором, Томпсоном и другими выдающимися новозеландскими миссионерами и путешественниками.

Во время тапу к человеку никто не мог прикасаться и даже прикладывать руку к голове; его кормил другой человек, назначенный для этой цели, или он брал пищу ртом с небольшого помоста, держа руки за спиной, или с помощью стебля папоротника и таким образом доставлял ее ко рту. При питье воду наливали из калабаша в рот или на руки, если она была нужна для мытья, чтобы не прикасаться к сосуду, который иначе нельзя было бы использовать в обычных целях. Места были тапу на определенный срок: реки - до окончания рыбной ловли, земледелие - до окончания посева или жатвы, районы - до окончания охоты на крыс или ловли птиц, леса - до сбора плодов ки-ки.

Человек становился тапу, прикоснувшись к мертвому телу или будучи очень больным; в этом отношении он, по-видимому, очень похож на Моисеев закон, касающийся нечистоты.

Одежда арики, или верховного вождя, была тапу, как и все, связанное с ним; ее не мог носить никто другой, чтобы не убить его. "Один старый вождь из моей компании, - рассказывает мистер Уильямс, - выбросил очень хорошую циновку, потому что она была слишком тяжелой для переноски; он бросил ее в пропасть. Когда я спросил, почему он не оставил ее висеть на дереве, чтобы любой будущий путник, которому нужна одежда, мог ее взять, он серьезно сказал мне, что страх, что ее наденет другой, заставил его бросить ее туда, куда он бросил, потому что если ее наденет другой, его тапу убьет этого человека. Точно так же коробка с зажигательной смесью великого вождя убила нескольких человек, которые имели несчастье найти ее и зажечь от нее свои трубки, не зная, что она принадлежит столь священному владельцу; они действительно умерли от испуга. Если кровь высокого вождя прольется на что-либо (пусть даже на одну каплю), она делает это тапу. К Те Хьюхью, великому вождю из Таупо, приехала группа туземцев на прекрасном большом новом каноэ. Те Хьюхью сел в него, чтобы проплыть небольшое расстояние; при этом он задел ногой занозу, кровь из раны потекла в каноэ, которое тут же закрепилось за ним тапу. Хозяин тут же выпрыгнул, перетащил его на берег напротив дома вождя и там оставил. Один джентльмен, вошедший в мой дом, ударился головой о балку и пустил кровь; присутствующие туземцы сказали, что в прежние времена дом принадлежал этому человеку. Взять кровь, даже из царапины, было очень серьезным делом, и часто это приводило к летальному исходу".

Дом вождя был тапу; никто не мог есть в нем или даже зажигать трубку от огня, и пока не была проведена определенная служба, даже женщина не могла войти. Вождь, будучи священным,

ел сам, обычно на своей веранде или отдельно от остальных. Ни один вождь не мог носить с собой еду, чтобы она не стала причиной его смерти, разрушив тапу, или чтобы раб не съел ее и не стал причиной его смерти. Вождь не должен был проходить под ступенью или ватой (хранилищем пищи). Голова вождя была самой священной частью; если он прикасался к ней пальцами, то обязан был немедленно приложить их к носу, выдохнуть святость, которую они приобрели в результате прикосновения, и таким образом вернуть ее той части, с которой она была взята. По той же причине вождь не мог раздувать огонь ртом, так как дыхание, будучи священным, передавало его святость огню, и клеймо могло быть снято с него рабом или человеком из другого племени, или огонь мог быть использован для других целей, например для приготовления пищи, и таким образом стать причиной его смерти. Однако главная сила этого института проявлялась, прежде всего, в его воздействии на толпу.

В прежние времена жизнь людей в значительной степени зависела от результатов их земледелия, поэтому было крайне важно, чтобы кумара и таро были посажены в надлежащее время, а все остальные занятия были отложены до тех пор, пока эта необходимая работа не будет выполнена. Поэтому все, кто был занят таким образом, становились тапу, чтобы они не могли покинуть место или взяться за какую-либо другую работу, пока эта не будет завершена. То же самое касалось рыбалки и охоты, причем это относилось не только к тем, кто был занят таким образом, но и к другим. Территория кумары была тапу; никто из посторонних туземцев не мог к ней приблизиться. Даже жители этого места, если они не были заняты в работе, должны были стоять на расстоянии от земли, которая становилась священной в результате торжественной карикии. Несомненно, это была мудрая мера предосторожности, чтобы избежать помех и уберечь их от воровства. Никто, кроме жреца, не мог пройти перед группой, собирающей кумару; тех, кто осмеливался это сделать, либо убивали, либо раздевали за их дерзость. Леса, в которых они охотились на крыс, были тапу до окончания охоты, как и реки; ни одно каноэ не могло пройти мимо, пока не был снят рабуэ (обычно шест с привязанной к нему старой одеждой). В первые дни существования миссии это доставляло немало хлопот; члены миссии часто не могли общаться друг с другом, пока не убирали страшный шест; но в конце концов они решили больше не соблюдать тапу: укомплектовали лодку и поплыли вопреки священному запрету. Но не успели они отплыть далеко, как их преследовали, вытащили лодку на берег и конфисковали все находившиеся в ней вещи, среди которых было несколько бутылок с лекарствами и горшочки с консервами. Все это было немедленно съедено, и туземцы выразили великий гнев и негодование; но, сохранив твердую выдержку, они были побеждены; возможно, медицина сыграла свою роль в победе, так как они поняли, что не могут безнаказанно вмешиваться в дела европейцев. Они провели собрание, и тогда было решено, что на будущее, поскольку европейцы - чужая раса и исповедуют другую религию, тапу не должно распространяться на них; впоследствии, по мере увеличения числа новообращенных, разрешение было расширено, чтобы принять и их.

Те, на кого была наложена тапу для какой-либо работы, не могли снова общаться с обществом до тех пор, пока ее не снимали, или они становились *waka poa*, то есть становились обычными или лишались святости, которой были наделены. Это делал жрец, который повторял длинную каракию и совершал над ними определенные обряды.

Если кто-то хотел сохранить свой урожай, дом, одежду или что-то еще, он делал это тапу: дерево, выбранное в лесу для каноэ, участок льна или раупо на болоте, который человек хотел бы присвоить себе, но не мог этого сделать, он делал тапу, повязав вокруг него ленту с небольшим количеством травы или воткнув шест в болото с таким же пучком. Если человек попадал в военный плен и чувство жалости возникало груди одного из его похитителей, хотя,

возможно, общее решение было предать его смерти, желание милосердного человека преобладало, и он набрасывал на него свою одежду; тот, кто прикасался к пленнику с враждебным намерением, прикасался и к его хранителю. Подобный случай произошел во время последней войны в Вангануи. Один из жителей был захвачен враждебными туземцами; его уже собирались предать смерти, когда старый вождь бросился вперед и набросил на него свое одеяло. Мужчину пощадили, и после этого к нему относились с большой добротой, как будто он был одним из племени.

Раньше каждая женщина была *ноа*, или общей, и могла выбирать себе сколько угодно спутников, не считая себя виновной в какой-либо непорядочности, пока ее друзья не отдавали ее кому-то в качестве ее будущего хозяина; тогда она становилась тапу для него и могла быть предана смерти, если была признана неверной. Сила тапу, однако, в основном зависела от влияния того, кто его накладывал. Если тапу накладывал великий вождь, его было не сломать; но могущественный человек часто прорывался через тапу низшего. Вождь часто накладывал его на дорогу или реку, чтобы никто не мог пройти по ним, пока не почувствует себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов другому.

Срок действия тапу был произвольным и зависел от воли того, кто его накладывал, а также от того, на что он распространялся. Иногда оно ограничивалось определенным объектом, иногда охватывало многие; некоторые люди и места всегда были под тапу, как, например, арики или тохунга и их дома, настолько, что даже сами их владельцы не могли в них есть, поэтому все их трапезы проходили под открытым небом. Мужчины не могли есть со своими женами, а жены - с детьми мужского пола, чтобы тапу, или святость, не убила их. Если вождю нравилась вещь, принадлежавшая другому, более низкому, он делал ее тапу для себя, называя ее своим хребтом, и таким образом накладывал на нее свою широкую стрелу. Вождь, желающий заполучить прекрасное большое каноэ, принадлежавшее обидевшему его низшему, просто называл его своим именем, и тогда его люди шли и забирали его.

Если вождь хотел помешать кому-либо отправиться в определенное место или по определенной дороге, он делал это тапу. Во время беспорядков между правительством и туземцами они запрудили тапу морское побережье и не разрешали европейцам путешествовать этим путем, что вынудило некоторых высших чиновников проделать обратный путь.

Несколько лет назад немецкий миссионер поселился в Моту-Караму, па вверх по Мокану: большая часть туземцев и их главный вождь Те Кури были членами Римской церкви, но жена главы стала его горячим покровителем. Когда священник прибыл туда по пути вниз по реке, он отругал Те Кури за то, что тот позволил еретическому миссионеру поселиться в его округе, и применил к незваному гостю множество уничижительных эпитетов. Это очень возмутило госпожу вождя. Она сказала, что ее учитель не должен подвергаться насилию, и поэтому на следующее утро, когда его почтение собирался продолжить свой путь, она перешла реку тапу, и, к его досаде, не нашлось ни одного каноэ, которое осмелилось бы ее преодолеть. После некоторой бури он был вынужден вернуться тем же путем, что и пришел, и дама сказала, что это научит его в другой раз лучше выражаться и не оскорблять ее министра.

Чтобы сделать место тапу, вождь привязывает одну из своих старых одежд к шесту и прикрепляет ее к месту, которое он считал священным. Он либо называл его своим именем, говоря, что это какая-то часть его тела, как Те Хевью сделал гору Тонгариро священной, говоря о ней как о своем позвоночнике, либо давал ей имя одного из своих тупуна, или предков; тогда все потомки этого человека были обязаны следить за сохранением тапу, и чем дальше в прошлое уходили предки, тем большее число людей было заинтересовано в

сохранении тапу, поскольку на карту ставились авторитет и влияние семьи, и все были обязаны отомстить за любое неумышленное нарушение тапу.

Другим видом тапу было то, которое приобреталось в результате случайных обстоятельств, например: Железный горшок, который использовался для приготовления пищи, был одолжен одному пакека; он очень невинно поставил его под карниз своего дома, чтобы набирать в него воду; дождь, шедший из священного жилища, сделал эту утварь такой же. После этого ее снял один человек, чтобы приготовить на ней еду, и она не знала, что сделала. Когда ей сказали, что она священна, поскольку в нее попала вода с крыши, она воскликнула: "Мы умрем до ночи". Однако они пошли к тохунге, который снова сделал ее ноа, произнеся над ней тупеке.

Болезнь также делала человека тапу. Считалось, что все болезни вызываются духами атуа, нгарара или ящерицами, вселяющимися в тело больного; поэтому они делали человека священным. Больных удаляли из их собственных домов и строили для них сараи в кустарнике на значительном расстоянии от па, где они жили отдельно. Если кто-то оставался в своем доме и умирал там, жилище становилось тапу, закрашивалось красной охрой и больше не могло использоваться, что часто доставляло племени большие неудобства, поскольку в некоторых домах проживало, возможно, тридцать или сорок разных людей.

Жена одного из вождей заболела, миссионеры забрали ее в свою больницу, где она пролежала несколько дней. Наконец пришел ее муж и унес ее, сказав, что боится, как бы она не умерла там, чтобы дом не превратился в тапу и не помешал миссионерам использовать его снова.

Во время войны Макету, главный вождь враждебных туземцев, был застрелен в доме, принадлежавшем поселенцу, который он грабил; с тех пор дом стал тапу, и в течение многих лет в него не входил ни один язычник.

Места отдыха великих вождей во время путешествия становились тапу; если они находились в лесу, места расчищались и окружались оградой из плетеных корзин, и им давались имена. Этот обычай особенно распространялся на примечательные скалы или деревья, к которым делали каракиа, бросали небольшой пучок камыша в качестве подношения духу, который, как предполагалось, обитает там, и обмазывали священный объект красной охрой. Аналогичный обычай существовал, когда трупы несли к месту их последнего захоронения. Друзья умершего либо вырезали изображение, которое часто одевали в свои лучшие одежды, либо привязывали часть одежды умершего к соседнему дереву или столбу; либо красили красной охрой какую-нибудь соседнюю скалу или камень, которому давали имя умершего, и всякий раз, проходя мимо, обращались к нему, как будто их друг жив и присутствует здесь, используя самые ласковые выражения и надевая на фигуру свежую одежду в знак своей любви. Это был своего рода мемориал, подобный расписным окнам в церквях.

Существует и более низкий вид тапу, который может использовать любой человек. Человек, нашедший кусок дряхлой древесины, закрепляет его за собой, обвязав чем-нибудь или разрубив топором. Таким же образом он может использовать в своих целях то, что, естественно, является общим для всех. Так, человек может перекрыть дорогу через свою землю и часто оставляет свою собственность в открытых местах, лишь этим простым знаком показывая, что она частная, и, как правило, ее можно не трогать, сколько бы людей ни проходило по ней; так простым куском льна закрывается дверь дома человека, где хранятся все его ценности, или его запасы еды; таким образом, они становятся неприкосновенными, и никто не будет вмешиваться в них. Владелец леса, изобилующего ки-ки, очень ценным

фруктом, имеет обыкновение ставить столб, чтобы сохранить его до полного созревания плодов; когда считается, что они достаточно созрели, он посылает молодого человека посмотреть, будет ли отчет благоприятным. После этого срывает раху, снимает тапу, и все жители отправляются топтать дерево. Все имеют право собирать плоды, но принято дарить несколько самых лучших главному хозяину.

"Когда, - рассказывает один миссионер, - Те Хевью и почти шестьдесят человек из его племени были завалены оползнем в деревне Те Рапа, где они жили, это место долгое время оставалось строго тапу, и никому не разрешалось ступить на него. Я твердо решил сделать это, и поскольку несколько христиан погибли во время всеобщего разрушения, я сказал туземцам, что должен пойти и прочитать над ними погребальную службу. Рассматривая меня как тохунга (или священника), они не осмелились оказать никакого сопротивления. Я отправился на священное место, под которым было погребено все население деревни, и там прочитал погребальную службу, а соседние туземцы стояли на краю развалин и на окружающих высотах".

Таким образом, очевидно, что тапу возникает по воле вождя, что с его помощью он накладывает запрет на все, что считает нужным. Это была огромная власть, которую он мог в любой момент использовать для своей выгоды и поддержания своей власти, часто делая какое-нибудь пустяковое обстоятельство причиной для того, чтобы подвергнуть всю общину большим неудобствам, делая дорогу к па, возможно, самую прямую и часто посещаемую, или роцу, или фонтан, или что-либо еще тапу по своей произвольной воле. Без тапу он был обычным человеком, и именно это долгое время удерживало многих верховных вождей от принятия христианства, чтобы не потерять эту главную опору своей власти. Немногие, кроме арики или великих тохунга, претендовали на власть тапу; низшие, правда, иногда пользовались ею, но соблюдение ее ограничивалось в основном его собственными приближенными и часто нарушалось безнаказанно или за небольшую плату. Но тот, кто осмеливался нарушить тапу арики, делал это с риском для своей жизни и имущества.

Тапу во многих случаях было полезно, учитывая состояние общества, отсутствие закона и свирепый характер людей; оно неплохо заменяло диктаторскую форму правления и было ближайшим приближением к организованному обществу, или, скорее, его можно рассматривать как последний оставшийся след более цивилизованного государственного устройства, которым обладали их далекие предки. В нем мы видим отчасти древнее достоинство и власть верховного вождя, или арики, и остатки суверенной власти, которой они когда-то обладали, с замечательным соединением царского и сакрального характера в их лицах. Это делало их отдельной расой, более близкой к богам, чем к людям: их лица, одежда, дома и все, что к ним относилось, были настолько священны, что прикосновение к ним или вмешательство в их дела было достаточным поводом для смерти.

Их боги были не более чем умершими вождями, но они считались живыми, и поэтому их не могли убить низшие люди, а только те, в ком были более могущественные атуа. Предполагалось, что вождь-победитель, убивший множество людей, проглотивший их глаза и выпивший их кровь, добавлял духи своих жертв к своим собственным и тем самым увеличивал силу своего духа. Поддержать эту идею и помешать низшим порядкам попробовать, можно ли убить таких телесных и живых богов, было главной задачей тапу, и ему это удалось. В минувшие века он имел широкое распространение и обладал страшной властью над бедствующими расами людей, пока "камень, отсеченный без рук" не ударил

этот могущественный образ жестокости по ногам, заставил его упасть, и, подобно мякине на летних полах, ветер Божьего Слова развеял его.

У самоанцев таинственным вещам придаются осязаемые формы. Это и змея-тапу, и акула-тапу, и гром-тапу, и многие другие. Поэтому, если я самоанец и у меня есть ямс, или куры, или подорожник, которые нужно сохранить, я *делаю* тапу в соответствии со своей фантазией: если это гром, я делаю маленькую циновку и прикрепляю к ней ручейки из цветной ткани; если акула, я прикрепляю листья какао так близко к ужасной рыбе, как только позволяет моя изобретательность, и вешаю его на дерево, где гнездятся мои куры или растет мой подорожник. Никто не поймет меня неправильно. Вот моя акула-тапу, и, если вы не утащите товар, который лежит в ее тени, в следующий раз, когда вы выйдете ловить рыбу, вас сожрет акула. Есть мое тапу грома; пренебрегайте его защитным влиянием, и не успеете вы добраться до дома с добычей, как молния настигнет вас и поразит насмерть. Никто не может снять тапу, кроме того, кто его наложил".

В этом смысле не может быть никаких сомнений в том, что тапу - полезный институт, ведь только он может контролировать дикаря или заставить его различать "мое и твое". Однако это лишь простейшая форма тапу. Именно там, где по капризу жестокого вождя или короля, или невежественного и злобного священника тапу применяется к отдельным людям или сообществам, его пагубное влияние сразу же становится очевидным. В то время, когда человек находится в состоянии тапу, ему не разрешается прикасаться ни к чему, даже к самому себе, но его кормит другой человек или он берет еду со сцены ртом. Когда он пьет, сосуд подносят к его губам и наклоняют, пока он глотает; а если тапу длится долго и запрещенный негодяй становится грязным, никто не должен его мыть, и он сам не должен мыться - на него льют воду, и там, куда падает вода, земля становится тапу, и никто не смеет ступать по ней. К чему бы он ни прикоснулся, что бы ни надел, все немедленно уничтожается, из опасения, что простое обращение с ним приведет к смерти в какой-нибудь ужасной форме.

Этот институт, хотя он все еще признан среди полинезийцев, не получил такого распространения, как в прежние времена. Еще столетие назад считалось, что некоторые мужчины рождаются тапу и остаются ими всю жизнь. Таким людям, должно быть, приходилось нелегко. Никто не смел ни сидеть в их обществе, ни есть с ними, ни говорить с ними. Когда такой человек проходил по улице, люди с трепетом прижимались к стене или бросались бежать, боясь, что подол их одежды соприкоснется с одеждой священного, и ужасная сила тапу убьет их. Сосуды, в которых готовилась и подавалась пища рожденного тапу, использовались только один раз. Человек, который зажигал свою трубку у костра тапу, считался безусловно обреченным на смерть, а если и не умирал, то был одержим дьяволом и годился только на то, чтобы его забили или задушили; если же рожденный тапу дул в огонь, то он сразу же становился костром тапу, и любой, кроме самого тапу, принимавший приготовленную на нем пищу, непременно умирал.

В Новой Зеландии, как и во всех других диких странах, колдовство признается необходимым, а на суды над ведьмами и их приговоры возлагается самая большая надежда.

Один джентльмен, проживший несколько лет среди туземцев, однажды имел возможность наблюдать, как осуществляется эта мнимая сила. Он находился в компании двух молодых туземцев, один из которых был языческим вождем определенного ранга, который выразил твердую уверенность не только в существовании своих богов, но и в их готовности явиться к своим родственникам, когда их об этом попросят. Европейец ответил ему, что не может поверить в возможность подобного, но если он действительно увидит одного из их богов, то

перестанет сомневаться в их существовании. Молодой вождь тут же предложил предоставить требуемое доказательство; он пригласил неверующего европейца пройти с ним к одной старушке, которая раньше обладала такой силой. Разговор состоялся вечером: они отправились прямо к ее жилищу. В то время она жила на небольшой плантации в некотором отдалении от деревни. Они нашли ее сидящей в длинном сарае у огня.

После общего разговора молодой вождь ознакомил ее целью их визита, сказав, что их спутник, европеец, не верит в существование туземных богов или в то, что они могут общаться с людьми, и поэтому он хочет, чтобы она показала ему, что это действительно так, предоставив ему фактическое доказательство. Некоторое время она колебалась, заявив, что отказалась от подобных вещей и стала молящейся женщиной; в конце концов, однако, после долгих уговоров, она согласилась и попросила одного из присутствующих взять несколько огней из костра и выбросить их на улицу, поскольку "боги не любят слишком много света". Так и было сделано. Старуха села у костра, укрывшись одеялом с головой, и стала раскачиваться взад-вперед. Молодой вождь улегся во весь рост на землю лицом вниз; он начал обращаться к разным богам по именам, которые считались его родственниками, обращаясь к ним как к присутствующим; предполагалось, что он - старший сын старшей ветви своей семьи - наделяет его такой привилегией. Сначала они, казалось, не обращали внимания на своего родственника; тогда он заговорил с ними громче, но все еще безуспешно; наконец он обратился к ним сердитым тоном, сказав, что если они не заговорят, то европеец уйдет и не поверит в их существование. Старуха сидела неподвижно и, казалось, ничего не замечала. Европеец, не сводя с нее глаз, подошел и сел рядом с ней; вдруг он услышал царапанье крысы, которая бегала по стене и по крыше дома, пока звук не стал доноситься точно над их головами; он подумал, что это делает кто-то из сообщников снаружи, но он не знал, что там кто-то есть, кроме тех, кто был в доме; он не заметил никаких движений старухи, кроме покачивания ее тела туда-сюда. Затем он услышал тихий свист и различил вопрос: "Что им от него нужно?" Боги маори всегда говорят свистящим тоном. Молодой вождь ответил, что они хотят, чтобы он пришел и показал себя европейцу. Он сказал, что должен убить его, если тот придет. Вождь настаивал на том, чтобы он стал видимым; бог сдерживался, но вождь не позволял своему божественному родственнику скрыться; наконец он согласился принять облик паука и приземлиться ему на голову. Европеец сказал, что если он спустится прямо ему на голову, то он поверит в его присутствие, но если он увидит паука только на боку или на ногах, то не будет удовлетворен. Тогда старуха встала, перешла на другую сторону хижины и стала рыться в соломе дома, как будто искала паука, который мог бы изобразить бога; но ее поиски были напрасны, она нашла только маленького жука, который поедает раупо. Тогда она подошла и села рядом с ним, но он внимательно наблюдал за ней. Вождь упрекнул бога за то, что тот не спустился сразу на его голову. Бог ответил, что это от нежелания причинить вред европейцу. Он потребовал одеяло за то, что говорил с ним, и сказал, что видел его раньше в Заливе островов; это было ложью, так как он никогда там не был; но он сразу же согласился, чтобы посмотреть, не скажет ли бог еще какую-нибудь ложь, когда обнаружит, что первая была согласована. Затем мнимый бог стал подражать диалекту нага-пухи и сказал, что видел с ним таких-то и таких-то вождей и еще несколько столь же неправдивых вещей, и снова повторил свою просьбу о подарке; но, хотя его настоятельно просили сделать себя видимым, он упорно отказывался, к большому огорчению вождя, который все еще верил, что действительно слышал, как бог говорит, когда беседа закончилась.

Религия дикарей-даяков Борнео, говорит мистер Сент-Джон, состоит исключительно из ряда суеверных наблюдений; они предаются страху перед призраками, и в умиловлении их с помощью небольших подношений и определенных церемоний состоит основная часть их

поклонения. Тем не менее, они, по-видимому, твердо, хотя и не особенно четко, верят в существование единого Верховного Существа, стоящего над всеми и над всем. Это верховное существо у даяков суши называется "Тапа", у силаканов и сарасов - "Тевата", а у сибуянов - "Батара".

Как и у многих других варварских племен, их религиозная система в основном связана с этой жизнью. Они, как и все остальные люди, постоянно подвержены физическому злу, бедности, несчастьям и болезням, и они пытаются отвратить их от себя, практикуя древние обычаи, которые, как предполагается, эффективны для этой цели. Эта система может быть классифицирована следующим образом.

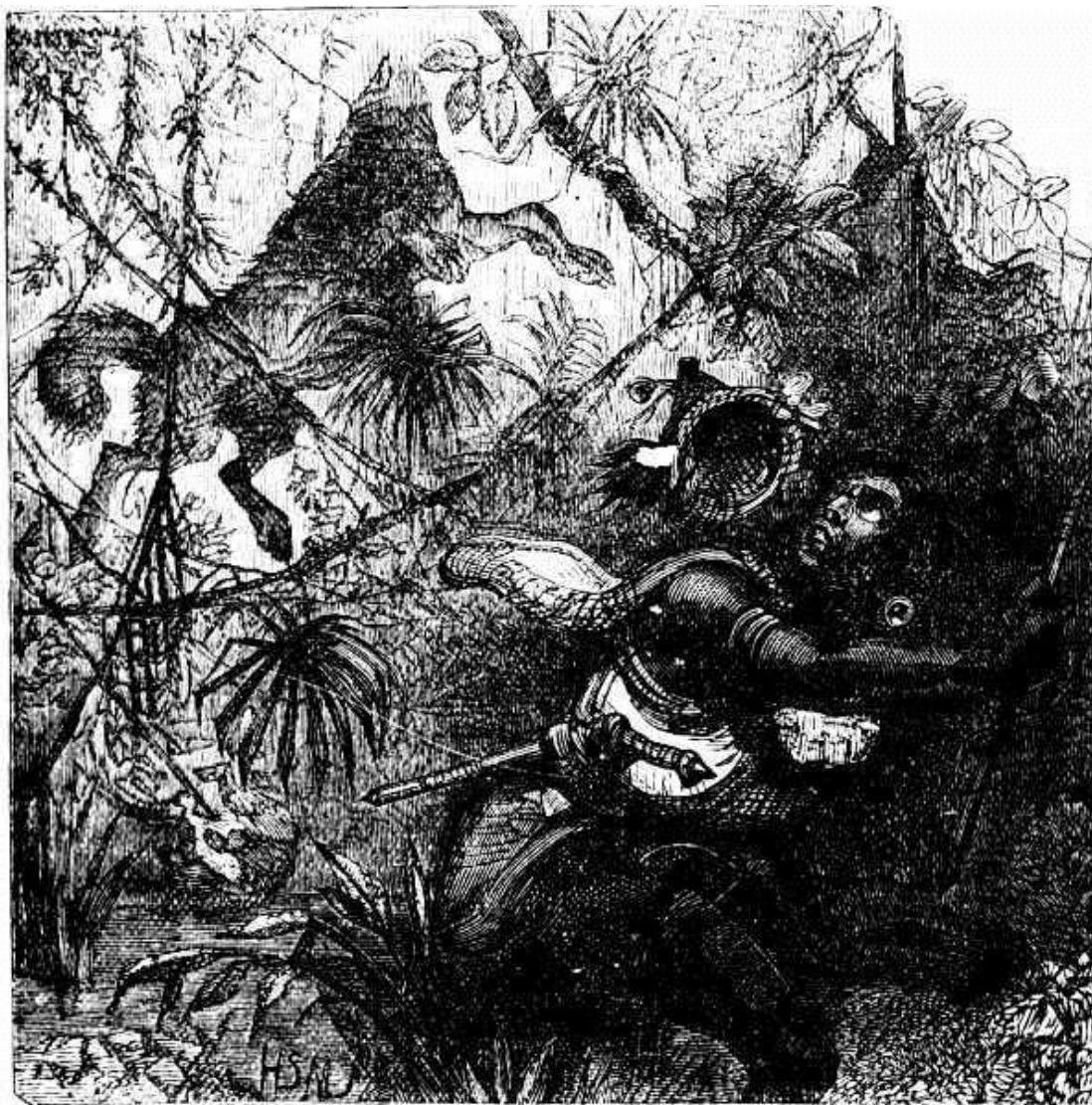
Убийство свиней и птиц, мясо которых съедается, небольшие части откладываются вместе с рисом для духовных сил; из крови, смешанной с слюной, куркумой и водой из орехов какао, готовится мерзкое месиво, называемое физиком, которым присутствующие на празднике намазывают голову и лицо. Танцы старейшин и жриц вокруг своеобразного бамбукового алтаря, воздвигаемого в таких случаях либо в длинной комнате, либо на внешней площадке одного из домов, вокруг которого размещаются подношения, всегда сопровождаются ударами в гонги и барабаны всех племен со стороны молодых парней и пением, или, скорее, песнопениями, со стороны жриц. Парнели" или табу на квартиру, дом или деревню на один, два, четыре, восемь и даже шестнадцать дней, в течение которых, в случае с деревней, никто посторонний не может войти в нее; в случае с домом - никто, кроме проживающей в нем семьи; а в случае с квартирой - никто из семьи.

Даяки признают четырех главных духов: "Тапа", который создал мужчин и женщин и сохраняет их жизнь; "Тенахи", который создал землю и, кроме людей, все вещи на ней, и до сих пор заставляет ее процветать; "Ианг" или "Иинг", который впервые обучил даяков тайнам их религии и следит за ее исполнением; "Джиронг", который заботится о размножении человеческого рода и заставляет их умирать от болезней или несчастных случаев. Они верят, что когда Тапа впервые сотворил мир, он создал Ианг, затем духов "Трие" и "Команг", а потом человека. Поначалу человек и духи были равны и сражались на равных, но в один печальный случай духи взяли верх над человеком и натерли ему глаза углем, из-за чего он больше не мог видеть своих духов-врагов, за исключением некоторых одаренных людей, например жрецов, и тем самым отдал себя на их милость.

Что касается будущего состояния, то, по общему мнению даяков, когда человек умирает, он становится духом и живет в джунглях, или (это мистер Чалмерс слышал от одного из племен, сжигающих тела), когда дым от погребального костра хорошего человека поднимается, душа возносится вместе с ним на небо, а дым от костра плохого человека опускается, и его душа вместе с ним опускается на землю, а через нее в нижние регионы. По другой версии, когда человек умирает естественной смертью, его душа, покинув тело, становится духом и преследует место погребения или сожжения. Когда дух умирает - ведь духи тоже, похоже, подвержены смерти - он попадает в дыру Аида, а выйдя оттуда, снова становится "беджави". Со временем беджави умирает и снова живет как "бегутур"; но когда бегутур умирает, духовная сущность, из которой он состоит, попадает в стволы деревьев, и ее можно увидеть там влажной и похожей на кровь, и больше не имеет личного и разумного существования.

Земляные даяки указывают на самые высокие горы в пределах видимости как на место обитания своих ушедших друзей. Духи делятся на два класса: "Умот", духи по своей природе, и "Мино", призраки умерших людей. Считается, что первые живут среди лесов, покрывающих холмы. Они любят войну и кровопролитие и всегда спускаются вниз, чтобы присутствовать на "пире голов" даяков. Их описывают как свирепых и диких, покрытых

волосами, как у уанг-аутанга. Духи Умот делятся на классы. Есть "Умот Сиси", безобидный вид духа, который следует за даяками в поисках фрагментов пищи, упавших через открытый пол их домов, и которого слышно по ночам, когда он чавкает внизу; "Умот Перубак, который вызывает нехватку пищи у даяков, незаметно приходя и съедая рис из горшка во время еды; и Умот Перусонг, который приходит и пожирает рис, хранящийся в сосуде из коры какого-то гигантского дерева, имеющего форму чана. Они хранятся в мансардах домов, и в большой из них помещается сто пятьдесят бушелей, а семья живет в постоянном страхе, что эти прожорливые духи посетят их хранилище и полностью его поглотят.

Призрак безголовой собаки и даяк.

"Мино буау" - это призраки тех, кто был убит на войне. Они очень злобны и недоброжелательны к живым; живут в джунглях и обладают способностью принимать облик безголовых зверей и людей. Один из даяков Квоп однажды встретился с таким. Он шел по джунглям и увидел, как ему показалось, белку, сидящую на больших корнях дерева, которое нависало над небольшим ручьем. В руке у него было копье. Он метнул его в белку и подумал, что попал в нее: он побежал к тому месту, где она, по-видимому, упала, но, к его ужасу, она столкнулась с ним, поднялась и превратилась в собаку. Собака прошла несколько шагов, а затем, превратившись в человека, уселась на ствол дерева - головы не было. Тело призрака было партикулярного цвета, а в верхней части оно было вытянуто в точку. Даяка охватил сильный страх, он бросился домой и впал в жестокую лихорадку; позвали священника, и тот

объявил, что душа больного была вызвана духом из своего телесного обиталища, и он отправился на ее поиски, вооружившись своими магическими чарами. На полпути между деревней и местом, где появился Буау, беглую душу догнали, заставили остановиться и, поймав священника, вернули в тело и водворили на место через невидимое отверстие в голове. На следующий день лихорадка прошла.

Чтобы умиловить высших духов, даяки закрываются в своих домах на определенное количество дней и таким образом, помимо прочего, надеются предотвратить болезнь, вылечить любимого ребенка или восстановить собственное здоровье. Они также прибегают к нему, когда за спиной раздается крик газели или когда птицы-предзнаменователи произносят неблагоприятные предупреждения. Они также накладывают на себя этот запрет во время посадки риса, сбора урожая и по многим другим поводам. В течение этого времени они остаются в своих домах, чтобы есть, пить и спать; но их пища должна быть умеренной и часто состоит только из риса и соли. Эти запреты имеют разную продолжительность и важность. Иногда, как, например, во время сбора урожая, его вынуждено соблюдать все племя, и тогда никто не должен покидать деревню; в других случаях он распространяется только на семью или одного человека. Также считается важным, чтобы никто из посторонних не нарушил табу, войдя в деревню, дом или квартиру, находящуюся под запретом. Если кто-либо сделает это намеренно, он подлежит штрафу. Людям, находящимся под запретом, нельзя купаться, прикасаться к огню и заниматься своими обычными делами. Религия даяков запрещает есть плоть рогатых животных, таких как крупный рогатый скот и козы, а во многих племенах этот запрет распространяется и на диких оленей. В некоторых племенах никто, кроме старейшин, женщин и детей, не может есть яйца; в других - только они, и никто другой, могут питаться олениной: молодые мужчины и воины воздерживаются от нее, чтобы она не сделала их робкими, как животное, поставляющее последнее из упомянутых видов мяса. Всем, кто собирается участвовать в охоте на свиней, также строго предписывается воздерживаться от масла; но по какой причине, кроме как для того, чтобы дичь не ускользнула от их внимания, точно не известно.

Среди некоторых племен даяков распространен необычный обычай религиозного характера, который известен как "делание братьев". Предложение стать "братом" одного из этих дикарей было сделано и, более того, принято джентльменом, который приводит вышеприведенный рассказ о религии даяков, а также следующий:

"Сингаудинг прислал меня на борт, чтобы попросить стать его братом, пройдя через священный обычай выпитывания крови друг друга. Я говорю "впитывать", потому что ее либо смешивают с водой и пьют, либо помещают в туземную сигару и втягивают вместе с дымом. Я согласился, и следующий день был назначен для церемонии. У кайянов она называется Бербианг, у борнейцев - Берсабибах. Я высадился на берег с нашей партией малайцев, и после предварительной беседы, чтобы дать время собраться населению, церемония началась. Мы сидели на широкой веранде длинного дома, окруженные сотнями мужчин, женщин и детей, которые с нетерпением смотрели на белого незнакомца, собирающегося войти в их племя. Раздевая мою левую руку, Кум Лиа взял небольшой кусок дерева, по форме напоминающий лезвие ножа, и, слегка проткнув кожу, пустил кровь; он осторожно соскоблил ее; затем один из моих малайцев таким же образом взял кровь у Сингаудинга; и, достав маленькую сигарету, кровь с деревянных лезвий была нанесена на табак. Затем вставал вождь и, выйдя на открытое место, смотрел на реку и призывал своего бога и всех духов добра и зла быть свидетелями этого братского союза. Затем сигарета была зажжена, каждый из нас сделал несколько затяжек, и церемония была завершена. Я был рад, что они выбрали форму вдыхания крови в дым, поскольку проглотить хотя бы каплю было бы

неприятно, хотя отвращение могло возникнуть только в воображении. Иногда они изменяют этот обычай, но, возможно, только у кинийцев, которые живут дальше вверх по реке и смешались с кайянами. Там приносят свинью и кладут ее между теми, кто должен соединиться в братстве. Вождь произносит заклинание, обращенное к богам, и отмечает зажженным клеймом плечо свиньи. Затем животное убивают, и после обмена куртками в рану втыкается меч, и оба помечаются кровью свиньи".

Создание братьев.

Эта любопытная церемония "создания братьев" не ограничивается Борнео; она практикуется в Западной и Восточной Африке. В последнем регионе этой церемонии придается большое значение, особенно если речь идет о двух вождях, которые долгое время враждовали. Сидя на корточках друг перед другом в присутствии вождей и старейшин с боевыми орудиями на коленях и держа в руках по острому ножу и маленькой чашке, будущие братья делают друг другу небольшую рану на груди и, собрав кровь в чашку, выпивают ее за вечную дружбу, а старейший мужчина племени стоит над ними, чтобы засвидетельствовать примирение, и размахивает над ними своим мечом.

Морские даяки, чьи обычаи во многом отличаются от обычаев сухопутных даяков, имеют четкое представление о едином всемогущем существе, которое создало мир и теперь правит

им. Они называют его Батара. Под ним скрывается множество добрых и бесчисленное множество злых духов, и страх перед последними заставляет их делать им большие и более частые подношения, чем добрым духам. Благоговение, с которым называются многие из них, побудило некоторых, в том числе и г-на Чемберса, представить, что их религия является разновидностью политеизма. Но это, согласно образу мышления мистера Сент-Джона, является ошибкой; мистер Джонсон и мистер Гомес, которые много знают о морских даяках, согласны с ранее упомянутым джентльменом.

Морские даяки почитают злых духов разного рода, обитающих в джунглях, в горах и в земле; все болезни, несчастья или смерть исходят от них; в то время как Батару приписывается любое благословение. Однако, когда они совершают жертвоприношения, умиляют обоих, и, как обычно, злые получают большую долю. Жрецы произносят длинную молитву и просят их удалиться из пострадавшего дома или от больного человека. Из семи тарелок с едой четыре отдаются злым духам и выбрасываются или выставляются в лесу, а остальные предлагаются добрым духам, которых просят защитить и благословить их. Пища, предложенная последним, не считается запретной, но ее можно и всегда можно есть.

У даяков Лингга, помимо Батары, есть различные добрые духи - Стампандей, который следит за распространением человечества; Пуланг Ганах, который населяет землю и дает ей плодородие, и ему адресуются подношения на пирах, устраиваемых во время подготовки риса к выращиванию: Сингаллонг Буронг, бог войны, вызывает у них глубочайшее почтение, и ему приносят жертвы на праздниках головы. В эти дни он спускается и парит над домом в виде воздушного змея, в его честь стреляют из пушек и бьют в гонги. Его храбрые последователи, женатые на его дочерях, появляются в виде его птиц-предзнаменований. Неудивительно, что его почитают: он дарует успех в войне и радуется, когда они добывают головы своих врагов. Наттианг обитает на вершинах холмов и является одним из их полубогов. Лингги рассказывают множество историй о его подвигах. Самая известная - его экспедиция на небо, чтобы вернуть свою жену, которую поймал в петлю и поднял туда его старый враг. Видеть его во сне - значит получить дар храбрости.

Когда оспа наводила ужас на сакарангов, жители деревни не позволяли сделать себе прививку; они бежали в джунгли во всех направлениях, не заботясь ни о ком, кроме себя, оставляли свои дома пустыми и селились далеко в самых тихих местах по двое и по трое, укрывшись лишь несколькими листьями. Когда на них обрушиваются эти беды, они совершенно теряют контроль над собой и становятся робкими, как дети. Когда у беглецов не хватает провизии, несколько стариков, которые уже успели настрадаться, ночью забираются в дома и берут с собой запас риса. Днем они не осмеливаются шевелиться или говорить шепотом, опасаясь, что духи увидят или услышат их. Они не называют оспу по имени, но имеют привычку говорить: "Он покинул вас?" В другое время они называют ее листьями джунглей или фруктами, в других местах - дату или вождем.

Их жрецы часто используют имена невидимых духов, и считается, что они могут толковать их язык, а также общаться с ними; в обычное время они притворяются, что излечивают больных с помощью заклинаний, а после ослепления глаз пациента притворяются, что с помощью духов извлекают кости рыбы или птицы из их плоти. Когда даяков спрашивают, верят ли они в эти легко раскрываемые обманы, они отвечают: "Нет"; но этот обычай перешел к ним от предков, и они до сих пор платят своим жрецам большие суммы за исполнение древних обрядов.

Они верят в будущее состояние, считая, что симаугат, или духовная часть человека, живет вечно; что вскоре после смерти они просыпаются в сабаяне, или будущей обители, и что там

они находят тех своих родственников и друзей, которые ушли из жизни раньше них. Некоторые племена делят свой Сабаян на семь отдельных этажей, которые занимают души усопших в соответствии с их рангом и положением в жизни. Самые низкие места занимают действительно злые люди, но счастливые или несчастные они признаются в неведении.

Каяны Барама имеют несколько необычные представления о будущем состоянии. Их бога зовут Тотадунган, и он правит всеми; они говорят, что у него есть жена, но нет детей, а под ним много богов низшей силы. Они верят в будущее состояние с отдельными местами для душ хороших и плохих людей, а также в то, что рай и ад разделены на множество разных мест обитания - те, кто умирает от ран, болезней или утопления, попадают в разные места. Если женщина умирает раньше своего мужа, то, по их мнению, она попадает на небо и выходит замуж снова; если же ее земной муж умирает и попадает на небо, то небесная пара разывается, и старый муж претендует на свою супругу.

Как среди сухопутных, так и среди морских даяков сны считаются реальными событиями. Они считают, что во сне душа иногда остается в теле, а иногда покидает его и отправляется в далекое путешествие, и что как в теле, так и вне его она видит, слышит, разговаривает и вообще обладает таким присутствием, которое ей не дано, когда тело находится в естественном состоянии. Считается, что обмороки или коматозное состояние вызваны уходом души в какую-то свою экспедицию. Старейшины и жрицы часто утверждают, что во сне они посещали усадьбу благословенных и видели Создателя, обитающего в доме, похожем на дом малайца, интерьер которого был украшен оружием, гонгами и бесчисленными кувшинами, а сам он был одет как даяк.

Сон о болезни любого члена семьи всегда предвещает церемонию; и никто не решается вступить в священство или научиться искусству кузнеца, не получив или не сделав вид, что получил во сне предупреждение о том, что ему следует этому научиться. Известны случаи, когда мужчина отдавал одного из двух своих детей другому, у которого не было детей, потому что ему снилось, что если он этого не сделает, то ребенок умрет.

Во сне "Тапа" и духи дарят людям подарки в виде волшебных камней, которые, будучи промыты в молоке какао, становятся одним из ингредиентов массы из крови и тумерика, которая считается священной и используется для помазания людей на праздниках урожая. Это обычные черные камешки, и ничто в их внешнем виде не дает представления об их магической силе и ценности.

На берегу одной из рек мистер Сент-Джон обнаружил чучело быка, вырезанное из камня, который, как говорят, неизвестен в этой стране; у него были отбиты ноги и часть головы. История его такова: много лет назад, когда его обнаружили в джунглях, малайцы и даяки перенесли его на берег реки, чтобы доставить в город, но прежде чем его успели положить в праху, как говорят, поднялась сильнейшая буря с громом и молниями, ветром и дождем, которая продолжалась тридцать дней. Опасаясь, что бык разгневан тем, что его потревожили в его лесном доме, они оставили его в грязи, и там его нашел сэр Джеймс Брук и перенес в свой собственный дом. Несколько племен даяков направили к нему депутацию, чтобы выразить опасения по поводу дурных последствий, которые непременно наступят - все пойдет наперекосяк, начнутся бури, урожай погибнет, а голод опустошит землю. На их предрассудки он ответил, что они ошибаются, что бык, наоборот, будет рад, если его уберут из грязного места, в котором его оставили малайцы, и что теперь он будет жить в сухости и комфорте и не будет проявлять свой гнев. Такой ответ их удовлетворил. Время от времени даяки приходили и мыли каменного быка, забирая драгоценную воду для удобрения своих полей.

Среди некоторых борнейских аборигенов существует суеверие, согласно которому они не должны смеяться над собакой или змеей, перебегающей им дорогу. Если они это сделают, то превратятся в камни. Эти даяки всегда с уважением и благоговением относятся к камням, разбросанным на вершине холма в Садонге, говоря, что изначально они были людьми. В этом месте очень велика вероятность появления призраков - благородный старый лес, который редко посещают. Говорят, много лет назад один великий вождь устроил там пир, во время которого в дом вошла его прекрасная дочь; она была избалованным ребенком и только и делала, что досаждала гостям. Сначала они пытались избавиться от нее, подмешивая в еду грязь, но, обнаружив, что она все равно их дразнит, дали ей яд. Ее отец в гневе вернулся в дом, побрил свою собаку и раскрасил ее чередующимися черными и белыми полосами. Затем, напоив его каким-то опьяняющим напитком, он вынес его на руках в середину собрания и посадил на землю. Собака стала скакать по земле самым нелепым образом, что вызвало смех у всех, как у хозяина, так и у гостей, и они тут же превратились в камень.

Одним гигантским шагом наших ботинок с любым количеством лиг мы ступаем с Борнео в Северную Америку и попадаем в среду многочисленных полудиких племен, которые там обитают. Как правило, североамериканские дикари верят в одно Высшее Существо, которое они называют Великим Духом, и чьей обителью является Рай, или "счастливое место охоты". Однако это верховное существо они считают слишком возвышенным, чтобы беспокоиться о мелких делах мира, и поэтому управляют им заместители. Согласно верованиям индейцев, существует множество подчиненных божеств, в обязанности каждого из которых входит управление и контроль над землей, лесами и дичью, ветрами, воздухом и водой вместе с их мелкими обитателями. Кроме них - по крайней мере, у оджиббевеев, которых можно с полным основанием считать типом североамериканского индейца, - у них есть множество злых духов, или мунеду, или маниту, возглавляемых одним архаром Матчи-мунеду, которые, как следует опасаться из-за их склонности к злодеяниям, занимают большую часть времени и внимания индейца в виде умиловливания и дружеских мирных жертв, чем когда-либо уделяется Китчи-маниту, Великому Духу, которому, если религия индейца стоит и соломинки, должно быть достаточно повиноваться, чтобы сделать его самозащитником от Матчи-мунеду и всех его дел.

Как и следовало ожидать, индейский язык богат мифологическими преданиями и часто представляет собой любопытный клубок из того, что мы признаем библейской истиной, и бессмыслицы, отличающейся главным образом своей причудливой гротескностью. Возьмем, к примеру, следующее повествование о потопе:

"Перед всеобщим потопом жили два огромных существа, каждое из которых обладало огромной силой. Одно из них было животным с огромным рогом на голове, другое - огромной жабой. Последняя полностью управляла водами, удерживая их в своем теле и выделяя лишь определенное количество для орошения земли. Между этими двумя существами возникла ссора, которая закончилась дракой. Жаба тщетно пыталась проглотить своего противника, но тот бросился на нее и своим рогом пробил отверстие в ее боку, из которого вода хлынула потоком и вскоре залила землю. В это время на земле жил Нанахбоджу, и, видя, что вода поднимается все выше и выше, он укрылся на самой высокой горе. Понимая, что и это убежище скоро будет затоплено, он выбрал большое кедровое дерево, на которое намеревался взобраться, если воды поднимутся к нему. Прежде чем они достигли его, он поймал несколько животных и птиц и положил их в свою грудь. В конце концов вода покрыла гору. Тогда Нанахбоджу взобрался на кедровое дерево и, поднимаясь, отщипывал от него

ветки и засовывал их в пояс, опоясывавший его талию. Достигнув вершины дерева, он запел, отбивая такт стрелой из лука, и по мере того как он пел, дерево росло и долго не отставало от воды. В конце концов он отказался от мысли оставаться на дереве, взял ветки, которые сорвал, и соорудил из них плот, на котором разместился вместе с животными и птицами. На этом плоту он плыл долгое время, пока не покрыл все горы, и все звери земные и птицы воздушные, кроме тех, что были с ним, погибли.

"В конце концов Нанахбоджу задумал создать новый мир, но как это сделать, не имея никаких материалов, он не знал, пока ему не пришла в голову мысль, что если он сможет добыть немного земли, которая тогда была под водой, то ему удастся создать новый мир из старого. Поэтому он прибегнул к помощи различных животных, которые были у него с собой и которые привыкли нырять. Сначала он отправил гагару, водоплавающую птицу из рода пингвинов, в воду, чтобы она подняла часть старой земли; но она не смогла достичь дна и, пробыв в воде некоторое время, всплыла мертвой. Тогда Нанахбоджу взял его, подул на него, и он снова ожил. Затем он отправил выдру, которая также не смогла достичь дна, всплыла мертвой и была возвращена к жизни тем же способом, что и гагара. Затем он испробовал мастерство каменотеса, но безуспешно. Потерпев неудачу со всеми этими ныряющими животными, он в последнюю очередь взял ондатру; из-за расстояния, которое ей пришлось пройти, чтобы достичь дна, она долго отсутствовала и всплыла мертвой. Подняв ее, Нанахбоджу, к своей великой радости, обнаружил, что она достигла земли и сохранила немного почвы в каждой лапе и во рту. Подув на нее, он вернул ее к жизни, одновременно произнеся множество благословений, сказав, что пока будет существовать мир, который он собирался создать, мускусная крыса никогда не вымрет. Об этом предсказании Нанахбоджу индейцы до сих пор говорят, когда упоминают о быстром росте численности мускусной крысы. Затем Нанахбоджу взял землю, которую нашел в лапах и пасти ондатры, и, растерев ее руками в мелкую пыль, положил на воду и подул на нее; тогда она стала расти все больше и больше, пока не стала недостижимой для его глаз. Чтобы определить размеры мира и ход его роста и расширения, он послал волка добежать до его конца, измеряя его размеры временем, затраченным на дорогу. Первое путешествие он совершил за один день, второе заняло у него пять дней, третье - десять, четвертое - месяц, затем год, пять лет и так далее, пока мир не стал настолько велик, что Нанахбоджу послал молодого волка, способного только бегать, который умер от старости, так и не успев совершить путешествие. Тогда Нанахбоджу сказал, что мир уже достаточно велик, и приказал ему прекратить расти. После этого Нанахбоджу отправился в путешествие, чтобы осмотреть созданный им новый мир, и по дороге он создал различные племена индейцев и поселил их в разных частях земли; затем он дал им различные религии, обычаи и нравы.

Теперь этот Нанахбоджу сидит на Северном полюсе, наблюдая за всеми сделками и делами людей, которых он поселил на земле". Северные племена говорят, что зимой Нанахбоджу всегда спит, но перед тем, как заснуть, набивает свою большую трубку и курит несколько дней, и что именно дым, выходящий изо рта и трубки Нанахбоджу, вызывает то, что называется "индейским летом".

Однако у них есть легенды, относящиеся к временам, предшествовавшим потопу, даже к началу Времени и дням Адама и Евы. Мистер Коль, знаменитый автор "Озера Верхнего", приводит следующее:

"На озере Торч говорят, что Китчи-Маниту (Добрый Дух) первым создал побережье нашего озера. Он рассыпал песок и образовал прекрасный ровный сухой пляж или дорогу вокруг озера. Он обнаружил, что ходить по нему великолепно, и часто бродил по берегу. Однажды он увидел, что на белом песке что-то лежит. Он поднял его. Это был маленький корень. Он

подумал, будет ли он расти, если посадить его в землю, и решил попробовать. Он посадил его в песок недалеко от кромки воды, и когда на следующий день он пришел снова, из него выросла густая и большая тростниковая грядка, по которой шелестел ветер. Это порадовало его, и он стал искать и собирать из песка все новые и новые корешки и семена и разбрасывать их по округе, так что вскоре они покрыли скалы и землю травой и прекрасными лесами, в которых стали жить птицы и другие животные. Каждый день он добавлял к творению что-то новое и не забывал поселить в воде рыб и других существ.

"Однажды, когда Кичи-Маниту снова шел по песку, он увидел, что в камышах что-то шевелится, и заметил, как из воды вышло существо, полностью покрытое сверкающей серебром чешуей, как рыба, но в остальном похожее на человека. Кичи-Маниту стало любопытно, чем живет это существо и питается ли оно травами, тем более что он видел, как оно постоянно опускается и срывает травы, которые глотает. Человек не мог говорить, но временами, когда он наклонялся, он вздыхал и стонал.

"Это зрелище вызвало у Китчи-Маниту сильнейшее сострадание, и, как только ему пришла в голову хорошая мысль, он немедленно сел в свое каноэ и поплыл к острову, который до сих пор лежит в центре озера. Здесь он принялся за работу, чтобы обеспечить мужчине компанию скво. Он сделал ее почти такой же, какой видел человека, а также покрыл ее тело сверкающей серебром чешуей. Затем он вдохнул в нее жизнь и перевез в своем каноэ на другой берег озера, сказав ей, что если она будет оживленно бродить по озеру и смотреть по сторонам, то, возможно, найдет что-нибудь, что ее порадует. Несколько дней скво бродила по одному берегу озера, а мужчина искал травы для еды на другом. Однажды он прошел немного дальше и, к своему удивлению, увидел на песке шаги, очень похожие на те, что делал он сам. Он сразу же бросил поиски трав и пошел по этим следам, так как надеялся, что на озере есть и другие существа, подобные ему. Скво за время своих долгих поисков оставила так много следов, что мужчина сначала испугался, что они принадлежат нескольким индейцам, и, возможно, они могут быть враждебны. Поэтому он осторожно пробирался по кустарнику, но постоянно следил за тропой на песке.

"Наконец он обнаружил искомое существо сидящим на бревне у берега. От сильной усталости она заснула. Он огляделся направо и налево, но она была совершенно одна. Наконец он решился выйти из кустов; неуверенными и нерешительными шагами он приблизился к ней; он схватил ее, и она открыла глаза.

"Кто ты?" - спросил он, ибо теперь он мог внезапно заговорить, - "Кто ты, как тебя зовут и откуда ты пришла?"

"Меня зовут Мами, - ответила она, - и Кичи-Маниту привез меня сюда с того острова, сказав, что здесь я найду то, что мне понравится. Я думаю, что ты и есть обещанное".

"На что ты живешь?" - спросил мужчина женщину.

"До сих пор я ничего не ела, потому что искала тебя. Но теперь я очень голодна; нет ли у тебя чего-нибудь съестного?"

"Мужчина тут же побежал в кусты, собрал несколько кореньев и трав, которые показались ему вкусными, и принес их скво, которая с жадностью их съела.

"Это зрелище очень тронуло Кичи-Маниту, который наблюдал за происходящим из своего домика. Он немедленно приплыл на своем каноэ и пригласил пару на свой остров. Здесь для

них был приготовлен красивый большой дом, а вокруг него разбит великолепный сад. В доме были стеклянные окна, а в комнатах - столы, стулья, кровати и всевозможные удобства. В саду росли всевозможные полезные и сытные фрукты, картофель, клубника, яблони, вишневые и сливовые деревья; а рядом были большие прекрасные поля, засаженные индийской кукурузой и бобами.

"Они ели и жили там дни и годы в удовольствии и счастье; и Китчи-Маниту часто приходил к ним и разговаривал с ними. "От одной вещи, - сказал он, - я должен вас предостеречь. Подойдите сюда; видите, это дерево посреди сада нехорошее. Не я его посадил, а Матчи-Маниту. Через некоторое время это дерево расцветет и принесет плоды, очень красивые на вид и очень сладкие на вкус; но не ешьте их, ибо если вы это сделаете, то умрете". Они обратили на это внимание и долгое время соблюдали наказ, даже когда дерево отцвело и на нем появились плоды. Но однажды, когда Мами гуляла в саду, она услышала очень дружелюбный и приятный голос, который сказал ей: "Мами, Мами, почему ты не ешь этот прекрасный плод? Он очень вкусный". Она никого не видела, но была уверена, что голос исходит не от Китчи-Маниту и не от ее мужа. Она испугалась и ушла в дом. Однако на следующий день снова отправилась в сад, ей было очень любопытно, заговорит ли с ней снова тот же приятный голос. Едва она подошла к запретному дереву, как снова раздался голос: "Мами, Мами, почему ты не вкусишь этот великолепный плод? Он порадует твое сердце". И с этими словами из кустов вышел молодой красивый индеец, сорвал плод и положил ей в руку. "Ты можешь сделать из него знаменитые консервы для своих домочадцев", - добавил дружелюбный индеец.

"Фрукт приятно пах, и Мами немного полизала его. В конце концов она проглотила его целиком и почувствовала себя словно пьяной. Когда вскоре после этого к ней пришел муж, она уговорила его тоже съесть плод; он сделал это и тоже почувствовал себя как пьяный. Но едва это произошло, как серебряные чешуйки, которыми были покрыты их тела, отвалились; их осталось всего двадцать, но они потеряли свой блеск: десять на пальцах рук и десять на ногах. Они увидели себя совсем непокрытыми, им стало стыдно, и они робко удалились в кусты сада.

Молодой индеец исчез, но вскоре к ним пришел разгневанный Китчи-Маниту и сказал: "Дело сделано, вы съели плод Матчи-Маниту и теперь должны умереть. Поэтому необходимо, чтобы я женился на вас, чтобы весь род человеческий не вымер вместе с вами. Вы должны умереть, но будете жить в своих детях и детях детей". Китчи-Маниту изгнал их со счастливого островка, который тут же одичал, и отнес в своем каноэ на берег озера. Но он все равно смиростивился над ними. Он дал человеку лук и стрелы и сказал, что тот найдет животных, которые называются оленями. Их он должен застрелить, а Мами приготовит для него мясо и сделает из шкур мокасины и одежду.

"Когда они достигли другого берега, муж Мами первым делом опробовал лук и стрелы. Он стрелял в песок, и стрелы уходили в землю на три дюйма вглубь.

"Тогда муж Мами впервые отправился на охоту и увидел в камышах на озере движущееся животное, которое он принял за оленя, как описал ему Китчи-Маниту. Он пустил стрелу, и животное тут же выскочило из воды на берег, опустилось на колени и умерло. Он подбежал, вытащил стрелу из раны, осмотрел ее, обнаружил, что она совершенно не повреждена, и положил ее в колчан, так как решил, что она ему еще пригодится. Когда он принес оленя своей женой, она разделала его на куски, вымыла и отложила шкуру для обуви и одежды, но вскоре увидела, что они, индейцы, не могут есть мясо сырым, как это делают варварские эскимосы на севере: она должна приготовить его, и для этого у нее должен быть огонь.

"Это требование на мгновение смутило мужчину, ведь он никогда не видел, чтобы мясо варилось или жарилось на огне. Но вскоре он понял, как помочь себе. Он взял два разных дерева, потер их друг о друга и вскоре развел яркий огонь для своей скво. Скво тем временем приготовила кусок дерева в качестве вертела, насадила на него кусок мяса и подержала его в огне. Они оба попробовали его и нашли превосходным. Раз уж это так хорошо, то и остальное будет на славу", - сказала она, нарезала все и положила в котелок, и в тот же вечер они съели почти всего оленя. Это придало мужу Мами сил и мужества, и на следующее утро он снова отправился на охоту и подстрелил оленя; и так он делал каждый день, а скво строила для него домик и шила одежду и мокасины.

"Однажды, когда он снова отправился на охоту, он нашел книгу, лежавшую под деревом. Он остановился и посмотрел на нее. Книга заговорила с ним и рассказала, что он должен сделать, а что оставить невыполненным. Она давала ему целую серию приказов и запретов. Книга показалась ему любопытной и не очень понравилась, но он отнес ее домой к своей скво.

"Я нашел под деревом эту книгу, - сказал он ей, - которая велит мне делать всякие вещи и запрещает другие; мне это кажется трудным, и я отнесу ее туда, где нашел". И он так и сделал, хотя скво умоляла его оставить ее у себя. "Нет, - сказал он, - она слишком толстая; как я могу таскать ее с собой в своей сумке?" И на следующий день он снова положил книгу под дерево, где взял ее; и как только он положил ее, она исчезла. Земля поглотила ее.

"Однако вместо нее в траве появилась другая книга. Она была легкой и простой, и написана всего на нескольких кусочках бересты. Она говорила с ним на ясном и чистом языке оджиббевеев, ничего ему не запрещала и не приказывала, а только учила его пользе и достоинствам растений в лесу и в прерии. Это очень понравилось ему, и он сразу же положил книгу в свою охотничью сумку, отправился в лес и собрал все растения, корни, цветы и травы, на которые она ему указывала.

"Нагруженный травами пятидесяти разных сортов, он вернулся к своей скво Мами. Он разобрал их и обнаружил, что все они - лекарственные, полезные во всех случаях жизни. Став таким образом великим знахарем, а также могучим охотником, он хотел лишь немногого, чтобы удовлетворить свои земные потребности. Детей, которых родила ему жена, он воспитал хорошими охотниками, научил их пользоваться луком, объяснил им книгу лекарств и рассказал им незадолго до их с Мами смерти историю их создания и прежнего образа жизни на острове Торч-Лейк с Китчи-Маниту, который теперь, после стольких страданий и горя, был милостиво рад принять их снова".

Следующая история была передана мистеру Джонсу, местному священнику, индейцем из племени оджиббевей по имени *Нетахгавинене*, и она послужит иллюстрацией того, откуда они черпают свои представления о будущем состоянии: - "В стране индейцев далеко на западе жил индеец по имени *Нетахгавинене*.

"Однажды в индейской стране далеко на западе один индеец впал в транс, а когда снова пришел в себя, то рассказал о своем путешествии в мир духов следующее.

"Я отправился, сказал он, моя душа или дух в компании с несколькими индейцами, которые путешествовали в ту же страну духов. Мы направили свои стопы в сторону захода солнца. По пути мы проходили через прекрасную страну, и на каждой стороне нашей тропы мы видели землянику размером с человеческую голову. Мы съели несколько штук и нашли их очень сладкими, но один из наших спутников, который все время блуждал позади, подошел к нам и спросил: "Почему мы едим огненный шар?". Мы пытались убедить его в обратном, но глупый

парень не слушал наших слов и отправился в путь голодным. Мы шли дальше, пока не пришли к темной, вздутой и быстрой реке, над которой было положено бревно, постоянно колеблющееся. По этому бревну мы решились переправиться и, дойдя до его конца, обнаружили, что оно не доходит до берега; это заставило нас со всей силы броситься к суше. Как только мы это сделали, мы увидели, что предполагаемое бревно, по которому мы перебрались, было большим змеем, который извивался и играл своим огромным телом над рекой. Глупого человека сзади швыряло, пока он не свалился, но в конце концов ему удалось доплыть до берега. Не успел он оказаться на суше, как на него набросилась свирепая и голодная стая волков, разорвала его на куски, и больше мы его не видели. Мы отправились дальше, и все ближе и ближе подходили к городу духов. Как только мы появились, раздался громкий крик, и все наши родственники выбежали нам навстречу, чтобы приветствовать нас в своей счастливой стране. Моя мать устроила для меня пир и приготовила все, что было приятно есть и на что смотреть; здесь мы увидели всех наших предков, дичь и кукурузу в изобилии; все были счастливы и довольны.

"Пробыв там некоторое время, Великий Дух этого места сказал мне, что я должен вернуться в страну, которую покинул, так как еще не пришло время для того, чтобы я там поселился. Я, соответственно, приготовился к возвращению; и когда я уходил, моя мать упрекала меня всякими глупыми именами за то, что я хочу покинуть столь милое и прекрасное место. Я отправился в путь и вскоре обнаружил себя в том теле и в том мире, который покинул".

Аллегорические предания североамериканских индейцев о привнесении в мир искусства медицины и религиозных таинств еще более экстравагантны, чем их теогония. Мы приведем из Доминеча главную из них, чтобы дать представление обо всех других подобных.

"Однажды великий небесный Маниту пришел на землю и женился на женщине, которая умерла, родив четырех детей. Первого звали Манабожо, и он был защитником и другом людей; второй, Чибиабос, заботился о мертвых и правил империей теней, то есть душ; третий, по имени Онабассо, убежал на север, как только увидел день, и превратился в белого кролика, не переставая быть Маниту; последнего из четырех братьев звали Чоканипок, то есть человек из огненного камня.

"Когда Манабожо вырос, он объявил войну Чоканипоку, которого обвинил в том, что тот стал причиной смерти их матери. Борьба была долгой и страшной. Поверхность земли до сих пор хранит следы битв, которые велись между ними. Чоканипок был побежден своим братом, его внутренности были извлечены и превращены в виноградные лозы, а фрагменты его тела стали огненными камнями, которые были разбросаны по всему земному шару и снабдили человека принципом огня. Именно Манабожо научил краснокожих индейцев изготавливать лезвия для топоров, наконечники для стрел, ловушки, сети, превращать камни и кости, чтобы использовать их для ловли диких животных, рыб и птиц. Он был очень привязан к Чибиабосу, с которым жил в пустыне, где они вместе советовались на благо человечества. Материальная мощь и необыкновенный интеллект этих двух высших существ вызывали зависть маниту, которые жили в воздухе, на земле и в воде. Эта ревность породила заговор против жизни Чибиабоса. Манабожо предупредил его, чтобы он был начеку и никогда не покидал его. Но однажды Чибиабос отважился в одиночку отправиться зимой на одно из великих замерзших озер; когда он дошел до середины озера, Манитусы проломили лед, и Чибиабос погрузился на дно, где его тело и осталось погребенным.

"Манабожо долго бродил по берегу озера, зовя своего любимого брата; его голос, дрожащий от страха и надежды, был слышен издали. Когда он уже не сомневался в постигшем его несчастье, ярость его не знала границ; он объявил войну нечестивым маниту, убил

множество их, и его ярость не меньше, чем его отчаяние, ошеломила всю пустыню. После первых минут, посвященных мести, он выкрасил свое лицо в черный цвет, покрыл голову вуалью того же цвета, затем сел на берегу озера и шесть лет оплакивал покойного, заставляя соседние эхо непрерывно повторять заветное имя Чибиабос. Маниту, глубоко тронутые его глубоким горем, собрались, чтобы посоветоваться, чем утешить несчастного скорбящего. Самый старый и мудрый из них, который не был причастен к смерти Чибиабоса, взял на себя задачу примирения. С помощью других духов он построил священную хижину рядом с хижинкой Манабожо и приготовил большой пир. Он раздобыл лучший табак, какой только можно себе представить, и положил его в красивый калюмет; затем, поставив себя во главе маниту, которые шли процессией, каждый из которых нес под мышкой мешок из шкур различных животных, наполненный драгоценными лекарствами, он отправился приглашать Манабожо на праздник. Манабожо обнажил голову, омыл лицо и последовал за Манитусом к священному ложу. При входе ему предложили напиток, состоящий из самых изысканных лекарств, - обряд умилоствления. Манабожо выпил его одним глотком и сразу же почувствовал, как печаль и грусть уходят из его души. Затем маниту начали свои танцы и песни, которые сменялись несколькими церемониями, обращением и волшебством, совершаемыми с целью вернуть спокойствие духа неуспокоенному защитнику и другу рода человеческого. Так на земле появились тайны танца и медицины.

"Тогда Маниту объединили все свои силы, чтобы вернуть Чибиабоса к жизни, что им удалось без труда. Однако ему было запрещено входить в священное ложе, но, получив пылающее клеймо, он был отправлен председательствовать в империи мертвых. Манабожо, утешенный, ел, пил, танцевал, курил священную трубку, уходил к Великому Духу и возвращался на землю, чтобы обучать людей полезным искусствам, таинствам танца и медицины, а также целебным свойствам растений. Именно он заставляет расти лекарственные растения, которые лечат болезни и раны; именно он убил всех чудовищ, которыми была населена пустыня. Он поместил духов в четырех кардинальных точках для защиты человеческой расы: тот, что на севере, посылает снег и лед, чтобы облегчить погоню зимой; тот, что на юге, заставляет расти маис, а также все виды фруктов и табака; тот, что на западе, дает дождь; а тот, что на востоке, приносит свет, повелевая солнцу двигаться вокруг земного шара. Гром - это голос этих четырех духов, которым приносят табак в знак благодарности за различные блага, которыми они одаривают жителей земли".

Среди более невежественных племен североамериканских индейцев богом грома считается орел. Преподобный Питер Джонс утверждает, что так считают оджиббевеи. Когда молния ударяет в дерево или землю, им кажется, что гром пустил свою огненную стрелу в змею и поймал ее в мгновение ока. Некоторые индейцы утверждают, что видели змею, поднятую громом в облака. Они считают, что гром обитает на вершине высокой горы на западе, где откладывает яйца и высиживает птенцов, как орел, и откуда улетает в разные уголки земли в поисках змей.

Ниже приводится история, рассказанная одним индейцем, который, как говорят, рискнув жизнью, решил посетить обитель грома: "Постившись и воздав почести грому, я с большим трудом поднялся на гору, вершина которой достигала облаков. К моему великому изумлению, приглядевшись, я увидел гнездо грома, где вылупился и вырос выводок молодых громов. Я увидел всевозможные диковинные кости змей, плотью которых старые громы кормили своих птенцов, и ободранную кору молодых кедровых деревьев, на которой молодые громы пробовали пускать стрелы, прежде чем отправиться на охоту за змеями".

Другое предание о громах гласит: "Однажды группа индейцев путешествовала по обширной равнине, когда они наткнулись на двух молодых громов, которые лежали в гнезде в пуховых

перьях, а старых громов в это время не было. Некоторые из них взяли свои стрелы и прикоснулись острием к глазам молодых громовников. В тот момент, когда они это сделали, их стрелы разлетелись на куски, как будто в них попала стрела молодого грома. Один из них, более мудрый, чем его товарищи, умолял их не вмешиваться, предупреждая, что если они это сделают, то дорого заплатят за свою глупость. Глупые юноши не послушались, но продолжали дразнить и в конце концов убили их. Как только они это сделали, появилась черная туча, которая с огромной яростью надвигалась на них. Вскоре загредел гром, испуская потоки огненного негодования. Было слишком очевидно, что старые громы были разгневаны тем, что уничтожили их молодых, и вскоре с огромным треском стрелы могучего бога-громовержца обрушились на глупых людей и уничтожили их, но мудрый и добрый индеец спасся невредимым".

В доказательство подозрительности американского индейца, особенно в вопросах, связанных с религией, отличной от его собственной, доктор Франклин приводит следующую небольшую историю

"Конрад Вайзер, индейский переводчик, отправившийся в Уондаго с посланием от правительства, потребовал гостеприимства у одного из своих старых друзей, знаменитого Канастатого, одного из вождей шести народов. Счастливые от встречи после долгой разлуки, два друга были веселы и разговорчивы. Вскоре Конрад сидел на расстеленных на земле мехах, а перед ним стояла еда из вареных овощей, оленины и рома с водой. После ужина Канастатого поинтересовался, как прошли для его друга годы с тех пор, как они расстались, откуда он пришел, куда направляется и какова цель его путешествия. Получив ответы на все эти вопросы, старый индеец сказал: "Конрад, ты много жил среди белых людей и знаешь их обычаи. Я сам несколько раз бывал в Олбани и заметил, что раз в семь дней они закрывают свои лавки и собираются в большом доме; скажи мне, почему и что они там делают?" - "Они собираются, чтобы слушать и учиться хорошему", - ответил Конрад. - "Я не сомневаюсь, - сказал индеец, - что они тебе это говорили; но я не очень верю их словам, и я скажу тебе почему. Некоторое время назад я отправился в Олбани, чтобы продать меха и купить одеяла, порох и ножи. Вы знаете, что я привык иметь дело с Хансом Хансоном, но в тот день у меня была мысль обратиться к другому торговцу, но сначала я пошел к Хансу Хансону и спросил, сколько он даст за бобровые шкуры. Он ответил, что не может заплатить больше четырех шиллингов за фунт. "Но, - добавил он, - сегодня я не могу говорить о таких делах; сегодня день нашего собрания, чтобы услышать *хорошие вещи*, и я иду на собрание". Тогда я подумал, что, поскольку в этот день у меня нет возможности заниматься делами, я тоже могу пойти в великий дом и послушать хорошие вещи.

"Там был человек в черном, который, казалось, был в сильной страсти, обращаясь к народу. Я не понял, что он сказал, но, заметив, что он пристально смотрит на меня, подумал, что, возможно, он сердится то, что я оказался в этом доме. Поэтому я поспешил покинуть его, вышел на улицу, сел на землю у стены и стал курить до конца церемонии. Мне показалось, что человек в черном говорил о бобрах, и я заподозрил, что это и есть мотив собрания, поэтому, когда толпа выходила, я остановил своего торговца и сказал ему: "Ну, Ганс Хансон, надеюсь, вы дадите мне больше четырех шиллингов за фунт?" - "Нет, - ответил он, - я могу дать вам только три шиллинга с половиной".

"Затем я поговорил с другими торговцами, но все были единодушны в цене. Это ясно доказывало, что я был прав в своих подозрениях и что притворное намерение собраться, чтобы послушать хорошие вещи, было выдано только для того, чтобы ввести в заблуждение, и что истинной целью собрания было прийти к соглашению, чтобы обмануть индейцев относительно цены на их товары. Подумай, Конрад, и ты увидишь, что я угадал истину; ведь

если белые люди так часто собираются, чтобы услышать хорошие вещи, они должны были бы уже давно знать некоторые из них, но в этом вопросе они все еще очень невежественны. Вы знаете, как мы поступаем, когда белые люди путешествуют по нашим землям и входят в наши колонии: мы обращаемся с ними так же, как я обращаюсь с вами; когда они мокрые, мы их сушим, когда им холодно, мы согреваем их, даем им еду и питье и расстилаем наши лучшие меха, чтобы они могли отдохнуть, ничего не прося взамен. Но если я прихожу к белому человеку и прошу поесть и попить, он отвечает мне: "Прочь, индейская собака!". Таким образом, вы видите, что они научились очень немногим *хорошим вещам*, которые мы знаем, потому что наши матери научили нас им, когда мы были маленькими детьми, и что предмет всех этих собраний - обмануть нас в цене наших бобров".

Вот странная история о "втором зрении" североамериканских индейцев, и не менее примечательная, поскольку записана она весьма уважаемым миссионером Веслейна, получившим ее от правительственного агента по делам индейцев в Верхней Канаде.

"В 1804 году, когда я зимовал у винебаго на реке Рок, мне довелось послать трех своих людей на другую зимовку за мукой, которую я оставил там осенью по пути вверх по реке. Расстояние было примерно в полтора дня пути от места, где я жил, и они должны были вернуться примерно через три дня. На шестой день после их отсутствия я уже собирался отправиться на их поиски, когда несколько индейцев, прибывших с того места, сказали, что ничего не видели. Теперь я не мог использовать никаких средств, чтобы установить, где они находятся: равнины были обширны, тропинки многочисленны, а следы, которые они проложили, следующий момент были скрыты снежным покровом. Терпение было моим единственным средством, и в конце концов я сдался.

"На четырнадцатую ночь после их ухода, когда несколько индейцев курили свои трубки и рассказывали истории о своих военных партиях, охоте и т.д., вошел старый человек, который был ежедневным посетителем. Мой переводчик, канадец по имени Феликс, как и раньше, настоял на том, чтобы я нанял этого фокусника, поскольку он может рассказать мне о тех людях, о которых идет речь. До сих пор я не поддавался на его уговоры из-за страха быть осмеянным; но теперь, возбужденный любопытством, я дал старику четверть фунта табака и два ярда ленты, сказав ему, что если он даст мне правдивый отчет о пропавших, то я, когда выясню этот факт, дам ему бутылку рома. Ночь была очень темной, а дом стоял на краю земли в густом лесу. Старик удалился, а остальные индейцы разошлись по своим домикам.

"Через несколько минут после этого я услышал, как Вахвун (яйцо) завел жалобную песню, его голос повысился настолько, что я подумал, что он поранился. Весь лес, казалось, был в волнении, как будто деревья стучали друг о друга; затем все затихало на несколько секунд; и снова старик кричал и вопил, как будто он был в большой беде. Меня охватил озноб, волосы встали дыбом; мы с переводчиком уставились друг на друга, не в силах выразить свои чувства. Пробыв в таком положении несколько минут, шум прекратился, и мы отчетливо слышали, как старик напевает что-то оживленное. Мы ждали, что он войдет, но он не пришел. Подождав некоторое время и убедившись, что в лесу все спокойно, мы легли спать. На следующее утро я послал за своим другом Вахвуном, чтобы он сообщил мне о своей поездке к людям.

"Я пошел, - сказал он, - выкурить трубку с твоими людьми вчера вечером и обнаружил, что они готовят мясо лося, которое получили от индейца из племени оттава. Когда они покидали это место, то свернули с дороги на вершине холма; они ехали с трудом и два дня не знали, что заблудились. Когда они обнаружили свое положение, то очень встревожились и, не имея больше ничего съестного, испугались, что умрут от голода. Они шли, не зная, в какую

сторону им идти, до седьмого дня, когда у реки Иллинойс их встретил оттава, вышедший на охоту. Он отвел их в свой домик, хорошо накормил и хотел задержать на несколько дней, пока они не восстановят свои силы, но они не захотели оставаться. Тогда он дал им немного лосиного мяса на дорогу домой и послал своего сына вывести их на правильную дорогу. Они пойдут в Лаготен за мукой, которую ты им послал, и будут дома через три дня". Я спросил его, в каком месте они расположились лагерем, когда он был там? Он ответил: "Они устроили приют у большого дуба, вырванного с корнем и упавшего головой к восходящему солнцу".

"Все это я записал, и, судя по тому, как обстоятельно он рассказывал о каждой детали, хотя не исключено, что он лично общался с ними или от них с другими индейцами, я начал надеяться, что мои люди в безопасности и что я снова их увижу. В назначенный день переводчик и я с величайшей тревогой наблюдали за ними, но безрезультатно. Мы получили ужина, потеряли всякую надежду и от души ругали Вахвуна за то, что он нас обманул. Как раз когда мы готовились ко сну, к моей великой радости, в дверь постучали, и они вошли с мукой на спине. Первым делом я поинтересовался их путешествиями. Они рассказали мне все в точности так, как рассказывал старый индеец, не упустив ни дерева, ни какого-либо другого случая; и я не мог сомневаться, что старик получил свои сведения от какого-то злого или знакомого духа".

Как уже говорилось в этой книге, вера в сны очень тесно связана с религиозной верой североамериканских индейцев; и когда индейцу снится что-то, что кажется ему важным, он не преминет записать в свою берестяную "записную книжку" наиболее существенные моменты этого сна. Однако, будучи, как правило, неспособным придать своим мыслям осязаемый вид с помощью обычного калиграфического процесса, он рисует картины так, как видит их в своем видении. С бересты храбреца, по имени "Маленькая оса", господин Коль скопировал рисунок, который представлен на следующей странице: вот его объяснение

"Сновидец, лежащий на своем ложе из мха и травы, видит сон истинного охотника, а рядом - головы птиц и зверей, за которыми его дух-хранитель обещает, что он не будет гоняться напрасно. Человек в шляпе - это француз, о котором мечтает и Маленькая Оса.

"Индейцы представляют себя без шляпы, потому что у них обычно нет других головных уборов, кроме матовых волос или, в крайнем случае, ткани, намотанной вокруг головы в виде тюрбана. Шляпа, однако, представляется им настолько материальной частью европейца - такой же частью их головы, как лошадь для Кентавра, - что шляпа на картине всегда указывает на европейца".

"Совсем не глупо было Маленькой Осе мечтать о французе, ведь какой толк от неба, полного животных, если у него не было честного французского торговца, которому он мог бы продавать шкуры и получать взамен прекрасные европейские товары? Небесный свод изображен несколькими полукруглыми линиями так, как его обычно рисуют на надгробиях. В некоторых случаях я видел, что пласты или линии окрашены в разные цвета - синий, красный, желтый, как оттенки радуги. Возможно, они хотят изобразить и это явление. Но то, что все это предназначено для неба, доказывает тот факт, что обычный цвет - обычный синий или серый. Парящая в небесах птица была предназначена для кимоу, который так часто появляется в снах этих воинственных охотников.

Когда я спросил сновидца, что означают штрихи и цифры у подножия рисунка, он ответил: "Это уведомление о том, что я постился девять дней из-за этого сна". Девять штрихов означают число девять, а маленькая фигурка солнца над ними - дни".

Его собственное "я" он обозначил человеческой фигурой. У него нет головы, но есть огромное сердце в центре груди.

Хотя голова часто отсутствует, сердце никогда не опускается в индийских фигурах, потому что у них, как правило, больше сердца, чем мозгов, больше мужества, чем разума". Я специально сделал сердце довольно большим, - заметил автор рисунка, - чтобы показать, что у меня было столько мужества, чтобы выдержать девятидневный пост". Голову он опустил, вероятно, потому, что считал, что смысл в таком бессмысленном посте мало что значит.

"Но почему ты снова нарисовал солнце, да еще с такой тщательностью?" - спросил я.

"Потому что, - ответил он, - на следующее утро после окончания моего поста солнце взошло с необыкновенным блеском, который я никогда не забуду, ибо прекрасный восход после исполнения мечты - лучший знак того, что она сбудется".

Суеверия, в сущности, всех индейцев необычайно дики, поэтичны и примитивны. Кэтлин в своем "Описательном каталоге" приводит несколько странных и интересных подробностей. Например, он говорит, что у сиу есть суеверная вера в то, что они победят своего врага, если пройдут через следующую церемонию: печень и сердце собаки берутся сырыми и кровотокающими и помещаются на своего рода платформу, и, будучи разрезанными на куски, каждый мужчина танцует на ней, откусывает и проглатывает кусок, в уверенности, что таким образом он проглотил кусок сердца своего врага, которого он убил в бою. Кроме того, считается, что тот пользуется благосклонностью Великого Духа, кто может выпустить больше всего стрел из индейского лука, прежде чем первый бросок достигнет земли, и Кэтлин говорит: "Индейцы так стремятся к этому превосходству, что я знал людей, которые могли пустить восемь стрел в воздух, двигаясь одновременно". Другое суеверие принимает форму веры в то, что танцы заставляют стадо буйволов поворачивать на путь танцоров. К этому суеверному танцу прибегают только тогда, когда племя совершенно голодает, и сопровождают его песней, обращенной к Великому Духу, умоляя его помочь им, обещая при этом сжечь жертву, или, как они сами обычно выражаются, чтобы Великий Дух получил лучшее мясо, приготовленное для себя.

Гораздо более очаровательное использование суеверных или, скорее, религиозных танцев - это танцы воинов по возвращении из битвы, когда, если они могут показать скальпы, они оправдываются тем, что танцуют и причитают перед вигвамами вдов своих товарищей, которые были убиты. Если вдова принадлежит к какому-либо важному в племени человеку, особенно если он был знахарем, они бросают на землю подарки для использования овдовевшей женщиной.

Еще одно странное суеверие - танец зеленой кукурузы - жертвоприношение первого котелка Великому Духу. Четыре знахаря, чьи тела раскрашены белой глиной, танцуют вокруг котелка, пока кукуруза не сварится, а затем сжигают ее до тла в качестве подношения Великому Духу. Затем огонь уничтожается, и путем трения двух палочек создается *новый* огонь, на котором варится кукуруза для их собственного пиршества.

Существует также танец снежных башмаков, который выполняется при первом выпадении снега и является таким же торжественным обрядом, как и любой другой в индейской вере.

Еще одно странное суеверие - то, с помощью которого индеец становится *знахарем* или человеком-загадкой. В его плоть втыкают деревянные бруски, за которые он подвешивается к столбу и смотрит с аптечкой в руках на солнце, от его восхода до заката. Эта добровольная

пытка дает ему право на большое уважение до конца жизни как знахарю или таинственному человеку - иначе говоря, астрологу. Историю индейских суеверий еще предстоит написать.

Северный американец не менее искусен в "говорении" картин, чем в их написании. Бертон, проживая среди индейцев прерий, уделил значительное внимание этому искусству, которое практиковалось среди них. Он описывает его как систему знаков, одни из которых условны, другие инстинктивны или подражательны, что позволяет племенам, не знакомым с обычаями и языками друг друга, поддерживать ограниченное, но достаточное общение. Переводчик, знающий все знаки, которые, однако, настолько многочисленны и сложны, что овладеть ими - труд многих лет, предпочитается белыми даже хорошему оратору. Система знаков, несомненно, возникла из-за необходимости в средстве общения между расами, говорящими на разных диалектах и отстраненными обстоятельствами от социального взаимодействия.

Первый урок - различать знаки разных племен, и можно заметить, что французские вояжеры и торговцы часто давали названия индейским народам по их тотемическим или масонским жестам.

Пауни имитируют волчьи уши двумя указательными пальцами - всегда подразумевается правая рука, если не указано иное, - вытянутыми вместе, вертикально, на левой стороне головы.

Арафосы, или грязные носы, потирают правую сторону этого органа указательными пальцами; некоторые называют это плохое племя нюхачами, а их знак состоит в зажатии носа большим и указательным пальцами.

Команчи имитируют взмахами руки или указательного пальца ползущее вперед движение змеи.

Шайены, пиаканы, или резаные запястья, проводят нижним краем ладони по левой руке, как будто режут ее ножом.

Сиу проводят нижним краем ладони по горлу; этот жест нам не знаком, но представляет собой поистине злое приветствие, учитывая тех, кто его практикует; поэтому сиу называются ютами "резальщиками рук".

Хапсароки, имитируя хлопанье птичьих крыльев двумя руками, ладонями вниз, поднесенными близко к плечам.

Киова, или люди прерий, делают знаки прерий и питьевой воды.

У юта, живущих в горах, есть сложный знак, обозначающий "жизнь в горах".

Черные ноги, которых юты называют пайке или гоерами, проводят правой рукой, согнутой в виде ложки, от пятки до маленького пальца правой ноги.

Ниже приведены несколько предварительных правил, необходимых путешественнику по прериям:

Стоять! Поднимите руку ладонью вперед и несколько раз толкните ее назад и вперед - жест, хорошо известный на Востоке.

Я вас не знаю. Медленно двигайте поднятой рукой с ладонью вперед вправо и влево.

Я злюсь. Сожмите кулак, приложите его ко лбу и поверните в таком положении вправо и влево.

Вы дружелюбны? Поднимите обе руки, сцепив их, как при рукопожатии, или сомкните указательные пальцы вместе, пока руки подняты.

Смотрите. Отведите два указательных пальца вперед от глаз.

Понюхать. Прикоснитесь к кончику носа. Плохой запах выражается тем же знаком, одновременно произнося "пух" и делая знак "плохо".

Вкус. Прикоснитесь к кончику языка.

Ешьте. Имитируйте действия по поднесению пищи пальцами ко рту.

Пить. Зачерпните рукой воображаемую воду в рот.

Курить. Согнутым указательным опишите трубку в воздухе, начиная от губ, затем помашите открытой рукой ото рта, имитируя завитки дыма.

Говорите. Вытяните открытую руку от подбородка.

Драться. Сделайте движение обоими кулаками вперед и назад, как драчун XVIII века, который предпочитал высокую защиту.

Убить. Резко ударить правой ладонью в землю, а правой - в знак падения, или ударить правой ладонью в землю, что означает "закрыться", или пропустить указательный под указательным пальцем левой руки, что означает "уйти под воду".

Некоторые символы отношений весьма уместны и не выглядят некрасиво или неживописно. Мужчина обозначается знаком, который не поддается описанию, женщина - проведением руки по обеим сторонам головы, как бы приглаживая или поглаживая длинные волосы. Ребенку показывают кусочек указательного, зажатого между антагонизированным большим и средним пальцами. Один и тот же знак выражает обоих родителей с дополнительными пояснениями. Чтобы сказать, например, "*моя мама*", сначала пантомима "я" или, что одно и то же, "*моя*", затем "*женщина*" и, наконец, символ родства. *Бабушку* можно передать таким же образом, добавив в конце сцепленные руки, закрытые глаза и, как у старухи, согнутую спину. Знак, обозначающий брата и сестру, пожалуй, самый красивый; два первых пальца вкладываются в рот, обозначая, что они питались из одной груди. Для обозначения жены - "скво" теперь становится у индейцев словом упрека - указательный палец продевается между вытянутым большим и указательным пальцами левой руки.

Разумеется, для каждого оружия существует свой знак. Нож - скальп или другой - показывается путем разрезания зловещей ладони декс-терминатором вниз и к себе: если разрезы сделаны вверх, а ладонь вниз, это означает мясо. Томагавк, секира или топор обозначаются рубящим ударом левой руки правой; меч - движением вытягивания его; лук - движением сгибания его, а копье или копье - имитацией бросания его. При стрельбе из пистолета большой палец или пальцы правой руки разводятся или разбрасываются, то *есть* выбрасываются наружу и вверх, для обозначения огня. То же движение, сделанное ниже, обозначает пистолет. Стрела изображается ударом по воображаемому луку и щелчком

указательного и среднего пальцев. Щит показывается указательным пальцем через левое плечо, где он висит, готовый в случае необходимости перекинуться через грудь.

Пантомима, как можно видеть, способна выразить подробный рассказ. Например, индеец рассказывает следующую историю: "Сегодня рано утром я сел на лошадь, поскакал галопом, проехал через овраг, затем через гору на равнину, где не было воды, увидел бизонов, пошел за ними, убил трех из них, снял с них шкуру, упаковал мясо на своего пони, снова сел и вернулся домой", - и он символизирует это так:

Касается носа - "Я".

Раскрывает ладони - "этим утром".

Указывает на восток - "рано".

Кладет два указательных пальца на указательные - "сел на лошадь".

Перемещает обе руки вверх и раскачивает лошадь влево - "поскакал галопом".

Пропускает правую руку через большой и указательный пальцы левой, которые широко раздвинуты - "проехал овраг".

Смыкает кончики пальцев высоко над головой и размахивает обеими ладонями наружу - "через гору на равнину".

Зачерпывает рукой воображаемую воду в рот и отмахивается рукой от лица, чтобы обозначить нет - "там, где не было воды".

Касается глаза - "зрячий".

Поднимает указательные пальцы, согнутые внутрь, по обе стороны головы - "бизон".

Ударяет зловещей ладонью вниз, а правой по первой - "убил".

Показывает три пальца - "три из них".

Скреблет левую ладонь ребром правой - "снял с них кожу".

Кладет ладонь dexter на ладонь sinister, а затем ладонь dexter на dorsum sinister - "набивает плоть на моего пони".

Кладет два указательных пальца на указательный левой руки - "пересаживается".

Наконец, манит к себе - "вернулся домой".

"Говоря о дикарских способах переписки, не лишним будет привести забавный случай, рассказанный путешественником по Западной Африке Хатчинсоном. Кажется, в том регионе, о котором идет речь, была учреждена газета в интересах цивилизованных жителей, и одна старая туземка, имея претензии, "пишет редактору". Приведем ее послание, а затем объяснение мистера Хатчинсона:

"Папе Наху, офис Тампин.

"Ха, папочка, - не умоляешь ли ты сказать об этом людям, чтобы я заставил Салли знать об этом - не умоляю. Берра хорошо. Ах либ на Падемба Роуд - один буй либ на Обер сайд лаках дем два докта либ над вами Тампин офис. Берра хорошо. Да буй слишком большой - он говорит, что не Милити Бан - у него есть один длинный-длинный тинг - так что латунный

какой-то либ да да иди переверни заслонку, которую мы называем ключом. Ягодка хороша. Если буй дует, она - ах, не марнин, ох, не солнечное время, ох, не вечер, ох, не середина ночи ох, все одно и то же - не заставляет киску спать. Не то, чтобы больше либ да Один Бони буй либ оверсайд, не то он любит дуть в горн. Когда двое буйных дуют в дудку, они слишком много говорят. Когда белый человек дует в дудку, а киска спит, он может постучать по дудке, чтобы заставить буйков сделать это. Дем буй может дуть каждый день, а в воскресенье он может дуть. Когда в воскресенье они дуют, они хотят, чтобы горн разнес им голову. Не умоляю вас, расскажите всем людям о том, как они дуют, чтобы они дули. Скажи Амстрангу Бобоху, что он плохой. Скажи мне, что Титти Карн будет спать всю ночь. Dah nize go kill me two picken oh. Plabba done-Good by, Daddy.

"Крэши Джейн".

"К сведению тех, кто не привык к англо-африканскому стилю письма и речи, я считаю необходимым дать комментарий, чтобы сделать это послание понятным. Суть жалобы Крейши Джейн сводится к двум черным мальчикам, которые мучают ее утром, днем и вечером - в воскресенье, а также каждый день на неделе, - дую в какую-то "длинную-длинную медную дудку", а также в горн. Хотя некоторым неверующим может показаться сомнительной возможность того, что мальчики могут обеспечить ветер для такого продолжительного выступления, все же жалоба не более экстравагантна, чем те, которые многие писаки-жалобщики между собой пишут об органный неприятности.

"Обращение "папа" используется африканцами для выражения уважения и доверия. Обращение "К папе в типографию", которое является буквальным переводом вышеприведенного обращения, содержит гораздо более уважительное обращение, чем "К редактору", а слова "Berrah well" в конце первого предложения смехотворно выражают то, что автор раскрыл предмет жалобы к своему удовлетворению и готов продолжить то, что последует, не опасаясь неудачи.

"Эпитет "woh-woh", примененный к порицаемым мальчикам, означает, что они очень плохие; как я понимаю, этот термин, распространенный на всем побережье, происходит от убеждения, что люди, к которым он применяется, способны принести двойное горе всем, кто имеет с ними дело. Амстранг Бобох", страдающий лихорадкой, - это Роберт Армстронг, временный судья Сьерра-Леоне, и инверсия его имени таким образом столь же выразительна для негритянской классики, как и титул Юпитера Тонанса для обитателей горы Олимп".

Вполне вероятно, что именно своей страсти к "созданию картин" мистер Кэтлин обязан своим огромным успехом среди североамериканских детей дикой природы. Если пролистать два больших тома, изданных этим джентльменом, то сразу становится ясно, что у него не было времени ни на еду, ни на питье, ни на сон; карандаш был для него всем. Никто не мог предположить этого по образцам, которые мистер Кэтлин представил публике, но у нас есть его слово, что некоторые из нарисованных им подобию вождей были чудесами совершенства - настолько, что из-за этого его чуть не зарубили томагавком как ведьму. Он рассказывает:

"У меня начались неприятности из другого источника: один из *лекарств* начал выть и разглагольствовать вокруг моего дома среди толпы, которая была снаружи, провозглашая, что все, кто находится внутри и рисуется, - дураки и скоро умрут, и очень естественно, что это повлияло на мою популярность. Я, однако, послал за ним и позвал его на следующее утро, когда остался один, имея при себе только переводчика, сказав ему, что уже несколько дней положил на него глаз и был так доволен его внешностью, что потратил немало усилий, чтобы

узнать его историю, которую все объяснили как необычайную, а его характер и положение в племени - как достойные моего особого внимания; И что несколько дней назад я решил, что, как только я достаточно потренирую свою руку на других, чтобы убрать из нее жесткость (после того как я так долго греб на каноэ) и заставить ее работать легко и успешно, я начну писать его портрет, к которому я готов был приступить в тот же день, и что я чувствую, что смогу сделать ему честь. Он пожал мне руку, отдавая мне докторскую хватку, и пригласил меня сесть, что я и сделал, и мы вместе выкурили трубку. После этого он сказал мне, что не испытывает ко мне никаких враждебных чувств, хотя и говорил вождям, что все они дураки и все умрут, если нарисуют свои портреты; что хотя он довел до слез старух и детей и даже заставил дрожать некоторых молодых воинов, он не испытывает ко мне ни неприязни, ни страха или ужаса перед моим искусством. Я знаю, что ты хороший человек, я знаю, что ты никому не причинишь вреда; твоё лекарство прекрасно, и ты великий знахарь. Я хотел бы видеть себя очень хорошо, как и все вожди; но все они уже много дней в этой лечебнице, и все они хорошо меня знают, и они не просили меня входить и *оживлять* красками. Друг мой, я рад, что мои люди рассказали тебе, кто я такой; мое сердце радуется; я пойду в свой вигвам и поем, а через некоторое время приду, и ты сможешь приступить к работе". Еще одна трубка была зажжена и раскурена, он встал и ушел. Я приготовил холст и палитру и, насвистывая, коротал время до двенадцати часов, прежде чем он появился, потратив всю первую половину дня на свой туалет, приведение в порядок платья и украшение тела для картины.

"В этот час, намазанный и покрытый красками разных цветов, медвежьим жиром и углем, с лекарственными трубками в руках и лисьими хвостами на пятках, вошел Mah-to-he-bah (старый медведь) с целым отрядом представителей своей профессии, которые расселись вокруг него, а также несколько мальчиков, которых попросили остаться с ним, и которые, как я предполагал, могли быть его учениками, которых он обучал тайнам своего искусства. Он занял позицию посреди комнаты, размахивая своими злыми калюметами в каждой руке и распевая лекарственную песню, которую он поет над своим умирающим пациентом, и смотрел мне в лицо, пока я не закончил его картину в полный рост. Его тщеславие было полностью удовлетворено этой операцией; он день за днем часами лежит в моей комнате перед своей картиной, пристально глядя на нее, зажигает для меня трубку, пока я пишу, пожимает мне руку дюжину раз каждый день, говорит обо мне и превозносит мои медицинские достоинства и мои таланты, куда бы он ни пошел, так что эта новая трудность теперь устранена, и вместо того, чтобы проповедовать против меня, он является одним из моих самых сильных и восторженных друзей и помощников в стране.

Пожалуй, ничто так не поражало этих людей, как работа моей кисти". Искусство портретной живописи было для них предметом совершенно новым и, разумеется, неизведанным, а мое появление здесь положило начало новой эре в аркане *медицины* или тайны. Вскоре после прибытия сюда я начал и закончил работу над портретами двух главных вождей. Это было сделано без пробуждения любопытства жителей деревни, поскольку они ничего не слышали о том, что происходит, и даже сами вожди, казалось, не знали о моих замыслах до тех пор, пока портреты не были завершены. Во время работы ко мне в домик никого не пускали, а когда все закончилось, было очень забавно наблюдать, как они взаимно узнавали друг друга и уверяли в поразительном сходстве с оригиналами. Оба они некоторое время молча прикрывали рот рукой (таков обычай большинства племен, когда их что-то сильно удивляет), внимательно разглядывая портреты и меня, а также палитру и краски, с помощью которых были произведены эти непостижимые эффекты.

"Затем они подошли ко мне самым мягким образом, взяли меня по очереди за руку, крепко сжав ее, и, наклонив голову и глаза вниз, тоном чуть выше шепота произнесли слова *te-ho-pe-nee Wash-ee* и ушли.

"Читатели, в тот момент я получил новое и великое имя, под которым меня теперь привычно называют и говорят обо мне в этой деревне, и, без сомнения, так будет до тех пор, пока в этом странном сообществе сохраняются традиции.

"В тот момент я удостоился чести, которую вы пока не понимаете. Я получил степень (не доктора права, не бакалавра искусств) магистра искусств - тайн, магии и фокус-покуса. В этом коротком предложении меня признали великим *белым человеком-медиком*, и с тех пор я регулярно получаю *степень медика*, или мистика, - а это самая почетная степень, которая может быть присвоена мне здесь, и теперь я занимаю место среди самых выдающихся и завидных персон, докторов и конъюратов этого титулованного сообщества.

"*Te-ho-pe-nee Wash-ee*" - произносится как "tup'penny" - вот имя, под которым я теперь хожу, и оно, несомненно, окажется для меня ценнее золота, ибо меня вызывали и пировали доктора, которые все люди-загадки, и оно уже стало легким и успешным паспортом во многие странные и загадочные места и позволило мне получить огромное количество любопытных и интересных сведений, которые, я уверен, я никогда бы не узнал иначе. Я с каждым днем расту в глазах знахарей и вождей, и, проявляя всю серьезность и осмотрительность, приличествующую столь высокому сану (и даже значительно больше), и пытаюсь время от времени исполнить какое-нибудь непостижимое искусство или фокус, я надеюсь поддержать свое положение до начала великой ежегодной церемонии, когда мне, возможно, будет позволено занять место в *лекарской* ложе врачами, которые являются единственными проводниками этого великого источника и фонтана всего жреческого искусства и колдовства в этой стране. После того как я закончил портреты двух вождей, а они вернулись в свои вигвамы, намеренно уселись у костра и молча выкурили трубку-другую (согласно всеобщему обычаю), они постепенно начали рассказывать о том, что произошло; И в конце концов толпы слушателей с открытыми ртами заполнили их домики, а вокруг моего дома собралась толпа женщин и девушек, и сквозь все щели и трещины я видел их блестящие глаза, которые пронзали мою хижину в сотне мест от естественной и беспокойной склонности - любопытства посмотреть, что происходит внутри. Так прошел час или больше, а мягкая и шелковистая толпа постоянно увеличивалась, пока несколько сотен из них не сгрудились вокруг моего вигвама, как рой пчел, висящих на передней и боковых стенках своего улья. В течение этого времени ни один человек не появлялся в помещении; однако через некоторое время можно было заметить, как они, завернувшись в свои халаты, постепенно приближаются к домику с глупым выражением лица, которое сразу же признавало, что любопытство неохотно ведет их туда, куда гордость не пускает их. Вскоре толча стала всеобщей, и вожди и знахари завладели моей комнатой, поставив у дверей воинов (храбрецов с копьями в руках), не пускавших никого, кроме тех, кому вожди разрешали войти. Сходство было мгновенно распознано, и многие из толпы начали кричать; некоторые отплясывали в танце, другие пели, третьи снова плакали; сотни закрывали рот руками и были немые; другие, возмущенные, страшно втыкали копья в землю, а некоторые бросали на солнце покрасневшие стрелы и уходили домой в свои вигвамы.

"Картины были увидены, следующим любопытством было увидеть человека, который их сделал, и меня позвали. Читатели, если у вас есть хоть капля воображения, избавьте меня от необходимости рисовать эту сцену. Я вышел вперед и сразу же оказался в толпе. Женщины глазели, воины и храбрецы протягивали мне руки, а маленькие мальчики и девочки десятками пробирались сквозь толпу, чтобы дотронуться до меня кончиками пальцев, и пока

я от пояса и выше отбивался от толпы и тряс руками, мои ноги атаковали (не то что поклевки маленьких рыбок, когда я стою в глубокой воде) дети, которые пробирались между ног прохожих ради любопытства или чести дотронуться до меня кончиком пальца. Жадное любопытство и выражение удивления, с которым они смотрели на меня, ясно показывали, что они смотрят на меня как на какое-то странное и непостижимое существо. Они объявили меня величайшим *знахарем* в мире, потому что, по их словам, я сделал *живое существо*; они сказали, что видят своего вождя живым в двух местах - те, которые я сделал, были немного живыми; они видели, как двигались их глаза, видели, как они улыбались и смеялись; они, конечно, могли говорить, если бы попытались, и поэтому в них должна быть какая-то жизнь.

"Скво в целом согласился, что они обнаружили в них достаточно жизни, чтобы сделать мое *лекарство* слишком большим для манданов, сказав, что такую операцию невозможно провести, не отняв у оригинала что-то от его существования, что я и поместил в картину, и они могли видеть, как она двигается, как она шевелится.

"Это сокращение естественного существования с целью привнесения жизни во вторичное они сочли бесполезной и разрушительной операцией, которая должна была принести большой вред их счастливому сообществу, и они начали скорбные и печальные песнопения против меня, горько плача и рыдая по всей деревне, объявляя меня опаснейшим человеком, который может создавать живых людей, глядя на них, и в то же время может, как само собой разумеющееся, уничтожить жизнь таким же образом, если я пожелаю; Что моя медицина опасна для их жизни и что я должен немедленно покинуть деревню; что с теми, кого я рисую, случится несчастье и что после смерти они не смогут спокойно спать в своих могилах.

"Таким образом, женщины и некоторые старые знахари-шарлатаны вместе сумели создать против меня оппозицию, и причины, которые они приводили, были настолько правдоподобны и так точно соответствовали их суеверным чувствам, что им удалось полностью возбудить страх и общую панику в умах нескольких вождей, которые согласились сесть за их портреты, и мои операции, конечно, на несколько дней были полностью приостановлены. Со дня на день состоялся серьезный совет по этому вопросу, и, казалось, было очень трудно решить, что делать со мной и опасным искусством, которое я практиковал и которое намного превзошло их первоначальные ожидания. Наконец я был допущен в их священный конклав и заверил их, что я такой же человек, как и они сами, что в моем искусстве нет никакой *медицины* или тайны, а научиться ему может каждый из них, если будет заниматься им так же долго, как я; что мои намерения по отношению к ним самые дружеские и что в стране, где я жил, храбрые мужчины никогда не позволяли своим скво пугать их глупыми капризами и рассказами. Все они тут же встали, пожали мне руку и оделись для своих картин. После этого не было больше никаких трудностей с сидением, все были готовы к рисованию; скво замолчали, и моя комната для рисования стала постоянным пристанищем для вождей, храбрецов и знахарей, где они с нетерпением ждали завершения работы над картиной каждого, чтобы решить, насколько она похожа на ту, что вышла из-под кисти, чтобы они могли смеяться и кричать, петь новую песню и курить свежую трубку за здоровье и успех того, кто только что благополучно вышел из рук и под таинственным воздействием *белого лекарства*."

Манданы с большой pompой отмечают годовщину праздника потопа. В течение первых четырех дней этой религиозной церемонии они исполняют танцы буйволов четыре раза в первый день, восемь - во второй, двенадцать - в третий и шестнадцать - в четвертый, вокруг большого каноэ, установленного в центре деревни. Это каноэ представляет собой ковчег, спасший род человеческий от потопа, а общее число исполняемых танцев - сорок, в память о сорока ночах, в течение которых дождь не прекращался на земле. Танцоров, выбранных для

этого случая, восемь, и они разделены на четыре пары, соответствующие четырем кардинальным точкам. Они обнажены и раскрашены в разные цвета; вокруг щиколоток они носят пучки волос буйвола; шкура того же животного с головой и рогами накинута на плечи; голова служит танцорам маской. В одной руке они держат ракетку, в другой - копье или, скорее, длинную палку. На плечах у них повязан пучок веток. В танце они опускаются к земле и имитируют движения и мычание буйволов.

Попеременно с этими парами танцует один танцор, также обнаженный и раскрашенный, на котором нет никаких других одежд, кроме красивого пояса и головного убора из орлиных перьев, смешанных с мехом горностая. Эти четыре танцора также несут каждый по ракетке и палке в руках; в танце они поворачиваются спиной к большому каноэ. Двое из них раскрашены в черный цвет с белыми пятнами по всему телу, чтобы изобразить небо и звезды. Двое других раскрашены в красный цвет, символизирующий день, с белыми пятнами, означающими духов, которых прогнали первые лучи солнца. Никто, кроме этих двенадцати человек, не танцует во время этой торжественной церемонии. Во время танца мастер церемоний стоит у большого каноэ и курит в честь каждой из кардинальных точек. Четыре старика также подходят к большому каноэ, и в течение всего танца, который продолжается четверть часа, актеры поют и шумят на своих инструментах, но всегда соблюдают меру.

Кроме танцоров и музыкантов, есть и другие актеры, которые представляют символические персонажи и имеют особую одежду во время этого фестиваля. Возле большого каноэ стоят два человека в костюмах медведей, которые постоянно рычат и пытаются помешать актерам. Чтобы успокоить их, женщины постоянно приносят им тарелки с едой, которые два других индейца, переодетые в орлов, часто хватают и уносят в прерию. За медведями гонятся отряды детей, обнаженных и раскрашенных под оленей и изображающих антилоп, которые с жадностью поглощают подаваемую пищу. Это аллегория, означающая, что в конце концов Провидение всегда приводит к победе невинных над злыми.

На четвертый день все женщины начинают плакать и причитать, дети кричат, собаки лают, мужчины охвачены глубоким отчаянием. Вот причина: В прерии появляется обнаженный человек, выкрашенный в блестящий черный цвет, как оперение ворона, и испещренный белыми линиями, с медвежьим клыком по бокам рта, держащий в руке длинный жезл, и бежит зигзагом, но при этом быстро приближается к деревне и издает самые ужасные крики. Прибыв на место, где исполняется танец, он наносит удары направо и налево по мужчинам, женщинам, детям и собакам, которые разлетаются во все стороны, чтобы избежать ударов этого необычного существа, являющегося символом злого духа.

Церемониймейстер, заметив беспорядок, покидает свой пост возле большого каноэ и направляется к врагу со своей лекарственной трубкой, а злой дух, очарованный волшебным калуметом, становится кротким, как ребенок, и стыдливым, как лиса, пойманная за кражей птицы. При этой внезапной перемене ужас толпы сменяется смехом, женщины перестают трепетать перед злым духом и принимаются поливать его грязью; его догоняют, лишают палочки, и он с радостью бросается бежать из деревни так быстро, как только может.

Хочется надеяться, что североамериканский индеец, общаясь с Китчи-Маниту, не забудет помолиться об исцелении от такого нестерпимого порока, как жадность. Он не может пропустить мимо себя ничего странного или ценного, не желая получить это, - так говорит каждый путешественник, которому выпало жить среди краснокожих. Так говорит и мистер Мюррей, приводя в подтверждение своего утверждения довольно смехотворный случай:

"Когда я, подобно израильтянину на Монмут-стрит, сидел возле своих тюков с товарами, подошел пожилой вождь и изъявил желание торговать. Наши скво поставили перед ним немного мяса, после чего я отдал ему трубку, а сам тем временем попросил слугу обыскать мои седельные сумки и добавить в кучу продаваемых вещей все, что угодно, кроме того, что было абсолютно необходимо для моей одежды по возвращении. Запасная рубашка, носовой платок и жилет были таким образом набросаны, а среди других вещей оказался эластичный фланелевый жилет, который можно было носить рядом с кожей и натягивать на голову, так как он был без пуговиц или какого-либо отверстия спереди. Он был мне слишком мал и в целом так тесен и неудобен, хотя и эластичен, что я решил с ним расстаться.

Желанный пауни.

"Моему новому покупателю очень понравилась эта вещь, и он заставил меня описать ему способ ее надевания, а также тепло и удобство, когда она надета. Следует помнить, что это был очень крупный корпулентный мужчина, весивший, вероятно, шестнадцать стоунов. Я знал, что он очень добродушен, поскольку однажды охотился с его сыном, и по возвращении в домик отец накормил меня, поболтал знаками и научил некоторым из самых необычных индейских способов общения. Он сказал, что хотел бы примерить куртку, и, когда он скинул с огромных плеч буйволиный халат, я с трудом сохранил серьезность, сравнивая их размеры с одеждой, в которую мы собирались их вложить. Наконец, благодаря огромному труду и осторожности, нам удалось его в него втиснуть. В теле она была на фут короче, и облегла его

так плотно, что каждая ниточка была натянута до предела; рукава доходили чуть выше локтя. Однако он смотрел на свои руки и лицо с большим удовольствием и вызвал немало улыбок у скво по поводу забавности своего наряда; но поскольку погода была очень жаркой, ему вскоре стало казаться, что ему слишком тепло и тесно, и он захотел снять его снова. Он шевелил руками, дергал за рукава, крутил и вертел себя во все стороны, но тщетно. Старик напрягался до тех пор, пока капли пота не упали с его лба, но если бы меня не было рядом, он, должно быть, либо заставил бы кого-нибудь разрезать его, либо сидел бы в нем до этой минуты.

"Некоторое время я наслаждался этой сценой со злобной и сдержанной серьезностью, а потом показал ему, что он должен попытаться стянуть его через голову. Парень, стоявший рядом, стянул ее, пока она не закрыла ему нос, глаза, рот и уши; его руки были подняты над головой, и несколько минут он оставался в таком меланхоличном положении, ослепленный, задыхающийся и задушенный, с руками, ставшими на время бесполезными. Он катался по земле, чихая, шипя и борясь, пока все вокруг него не зашлись в конвульсиях смеха, а наши скво не закричали от неудержимого веселья так, как я никогда прежде не видел. В конце концов я отрезал кусок края и освободил старика из заточения в прямом жилете; он часто поворачивал его в руках и произнес нечто вроде комически-могильного обращения к нему, из которого я смог уловить лишь несколько слов: Полагаю, смысл их сводился к тому, что это будет "хорошее создание" в ледяной месяц в деревне. Я был так доволен его хорошим настроением, что отдал его, чтобы он согревал свою скво в "ледяной месяц".

Поскольку это, вероятно, последняя возможность обсудить в данном томе физические и моральные характеристики североамериканских индейцев, не лишним будет дать краткое описание главных племен с рассказом об их силе и могуществе в прошлые времена и современном состоянии. Имена Мюррея, Доминека, Кэтлина и т. д. служат достаточной гарантией точности представленной здесь информации.

Нация оджиббевеев занимает большую территорию, частично в пределах Соединенных Штатов, а частично в Британской Америке. Они являются самой большой общиной дикарей в Северной Америке: все население в 1842 году составляло тридцать тысяч человек. Часть племени, занимающая территорию в пределах Соединенных Штатов, населяет всю северную часть Мичигана, всю северную часть территории Висконсин, весь южный берег озера Верхнее на протяжении восьмисот миль, верхнюю часть Миссисипи, а также Сэнди, Лич и Красные озера. Представители этой нации, живущие в британских владениях, занимают всю Западную Канаду, север озера Гурон, север озера Верхнее, север озера Виннибег и север озера Ред-Ривер, около ста миль. Вся территория, занимаемая этим единым народом, простирается на тысячу девятьсот миль к востоку и западу, и от двух до трехсот миль к северу и югу. В Британской Америке их насчитывается около пяти тысяч, а в Соединенных Штатах - двадцать пять тысяч. Об их прошлой истории ничего не известно, кроме того, что можно почерпнуть из их преданий. Все вожди и старейшины племени сходятся во мнении, что первоначально они мигрировали с запада. Большое количество их традиций, несомненно, недостойно доверия, но несколько из них касаются основания мира, последующего неповиновения людей, которое, как говорят оджиббевеи, было вызвано восхождением на лозу, соединяющую мир духов с человеческой расой, что было строго запрещено смертным внизу, и как они были наказаны введением болезней и смерти, которых раньше они не знали; все это и многое другое того же рода представляет собой предмет более чем обычного интереса для созерцательного ума.

Впервые они вступили в контакт с европейцами в 1609 году, когда они, как и многие другие племена, принадлежащие к алгонкинскому роду, встретились с Шампленом, отважным

французским торговцем. По его словам, они были самыми воспитанными среди северных племен, но добывали себе пропитание исключительно охотой, пренебрегая более низменным занятием - возделыванием земли. С тех пор они охотно искали дружбы французов и очень скоро добились ее. Тем более что их древние и закоренелые враги, ирокезы, крайне ревниво относились к назойливым белым людям. С помощью французов они одержали победу над ирокезами во многих кровопролитных и решающих сражениях и значительно расширили свои территории. История народа с этого времени не очень интересна. От бедствий войны и болезней племя, как можно понять из сравнения со многими другими, избежало с более чем обычным успехом; отчасти благодаря простоте и общему уму племени в защите от этих бедствий.

Их религия очень проста, основные положения которой почти такие же, как у всех североамериканских индейцев. Они верят в одного Правителя или Великого Духа - Хе-ша-моне-еду, "Благожелательного Духа", или Хе-ехе-моне-еду, "Великого Духа". Этот дух властвует над вселенной одновременно, но под разными именами: "Бог людей", "Бог рыб" и многими другими. Многие путешественники полагают, что поклонение солнцу было частью их мифологии, судя по тому, с каким почтением они относились к этому светилу. Но мы видим, что причина этого предполагаемого почитания в том, что индейцы рассматривают солнце как вигвам Великого Духа, и оно, естественно, является объектом большого почитания. В этом отношении они, пожалуй, не большие идолопоклонники, чем цивилизованные люди, у которых есть все преимущества, которые могут дать искусство и природа. Индеец, если солнце не светит сегодня, не станет переносить свое поклонение на луну завтра; и в этом отношении он, по крайней мере, превосходит многих мудрых и образованных "бледнолицых".

В дополнение к доброму духу у них есть злой дух, который, однако, по их мнению, уступает доброму. Предполагается, что он способен причинять любое зло и, более того, получает от этого удовольствие. Этот дух был послан им в наказание за их изначальное непослушание. Кроме них, у них есть еще бесчисленные духи. По их представлениям, каждый полевой цветок, каждый зверь на земле и каждая рыба в воде обладают одним из них.

Пауни - это племя, рассеянное между Канзасом и Небраской, в свое время было очень многочисленным и сильным, но в настоящее время насчитывает не более десяти тысяч человек. У них сложилась репутация смелых, хитрых и нечестных людей. В 1832 году среди пауни появилась оспа, которая за несколько месяцев уничтожила половину их численности. Они бреют голову, все, кроме скальпа. Они выращивают немного индейской кукурузы, но страстно любят охоту и приключения. Индейскую кукурузу употребляют только женщины и старики. Воины питаются дичью, которую они убивают в больших прериях, или животными, которых они крадут у тех, кто пересекает их территорию. Пауни делятся на четыре группы, в каждой из которых есть вождь. Над этими четырьмя вождями стоит один, которому подчиняется весь народ. У этого племени есть четыре деревни, расположенные недалеко от Небраски. Оно состоит в союзе с соседними племенами омахас и отто. До недавнего времени у этих людей был обычай пытаться пленников, но сейчас он прекращен из-за того, что скво из враждебного племени была снята с костра белым человеком. Это обстоятельство было расценено как прямое вмешательство Великого Духа и выражение его воли, чтобы пытки были прекращены. Похоже, что у них нет никаких исторических традиций, но по некоторым другим вопросам сохранились любопытные легенды. Знак" пауни - два указательных пальца, которые держат по бокам головы в подражание волчьим ушам.

Делавары - этот древний народ, некогда самый известный и могущественный среди американских индейцев, в последние годы настолько уменьшился, что если собрать весь народ, то он едва ли насчитывал бы тысячу душ. Сейчас они живут в долине реки Канады и занимаются почти исключительно сельским хозяйством. Согласно их преданиям, несколько веков назад они населяли западную часть американского континента, но затем в полном составе эмигрировали на берега Миссисипи, где встретили ирокезов, которые, как и они сами, покинули далекий запад и поселились у той же реки. Однако через некоторое время новые переселенцы и прежние хозяева этих земель, аллегави, перестали поддерживать дружеские отношения, и объединенные делавары и ирокезы объявили им войну, чтобы решить этот вопрос. Объединенные силы одержали победу и разделили между собой земли аллегави. После мирной жизни в течение двухсот лет было принято решение об очередном переселении, и, по одним данным, весь народ, а по другим - только его часть, поселился на берегах четырех великих рек: Делавэра, Гудзона, Саскуэханны и Потомака. До этого времени делавары, как и прежде, превосходили ирокезов, но со временем последние стали завидовать своим могущественным соседям и, чтобы сократить их численность, попытались разжечь смертельную вражду между делаварами и некоторыми другими близко живущими племенами, среди которых были воинственные чероки. Сделать это было несложно. Оружие каждого племени более или менее своеобразно, и им можно смело поклясться любому другому. Украд делавэрский топор, ирокез подстерег чероки и, отрубив ему мозг, положил оружие рядом с бесстрастным телом. Приманка клюнула, и вскоре делавары и чероки оказались втянуты в смертельную вражду.

Ирокезский воин.

Однако ирокезам не суждено было избежать наказания за свою дьявольскую хитрость. Делавары обнаружили ее и поклялись на совете истребить своих злобных соседей. Но последние были слишком мудры, чтобы пытаться в одиночку бороться со своими справедливо разгневанными врагами, поэтому, обратившись к другим племенам, они изложили свои претензии в такой искусной манере, что остальные решили им помочь, и сразу же против несговорчивых делаваров образовалась конфедерация под названием "Шесть наций". "Это было в конце пятнадцатого - начале шестнадцатого века, - говорит аббат Доминеч, - и с этого периода начинается начало самых кровавых сражений, свидетелем которых был Новый Свет. В основном побеждали делавары. Именно во время этой войны

французы высадились в Канаде, и ирокезы, не желая, чтобы они поселились в этой стране, выступили против них с оружием в руках; оказавшись между двух огней и отчаявшись покорить делаваров силой оружия, они прибегли к хитрости, чтобы заключить с ними мир и склонить их к участию в войне против французов. Их план заключался в том, чтобы уничтожить славу делаваров за воинскую храбрость и превратить их (по выражению индейцев) в старух. Чтобы план ирокезов был понятен, следует упомянуть, что большинство войн между этими племенами заканчиваются только благодаря вмешательству женщин. Они призывают воинов всем, что им дорого, пожалеть своих бедных жен и детей, которые плачут по своим отцам, отложить оружие и закурить калюмет мира со своими врагами. Такие разговоры редко оказывают должный эффект, и женщины оказываются в выгодном положении миротворцев. Ирокезы убеждали делаваров, что стать "женщинами" - не позор, а наоборот, честь для столь могущественной нации, которую нельзя заподозрить в недостатке мужества или силы, быть средством достижения всеобщего мира и сохранения индейской расы от дальнейшего истребления. Эти представления заставили делаваров стать "женщинами", прося мира. Так они стали презрительно называться другими племенами "ирокезскими скво" и, потеряв голову, с тех пор становились все более малочисленными.

Шоуни - древними "охотничьими угодьями" этого важного племени были Пенсильвания и Нью-Джерси, но сейчас их можно встретить в долине реки Канады. "Некоторые авторы придерживаются мнения, - пишет автор книги "Пустыни Северной Америки", - что эти индейцы пришли из Восточной Флориды, поскольку в этой стране есть река под названием Су-ва-ни, откуда могло произойти слово "шаванас", которое также используется для обозначения шауни. Однако несомненно, что они были известны на побережье Атлантики, в районе Делавэра и Чесапика, уже после исторической эпохи, то есть после прибытия англосаксов на эту землю. Шоуни, как и аборигены, частью которых они являлись, хранили традицию о своем трансатлантическом происхождении. Всего несколько лет назад они перестали приносить в жертву животных, чтобы возблагодарить Великого Духа за свое счастливое прибытие в Америку. Шоуни и их соседи делавары попеременно были то друзьями, то врагами. Они часто воевали друг с другом и отступали на запад в результате вторжения белых. Нынешние шауни так же цивилизованы, как и чакты; они, пожалуй, менее грубо одеты; за исключением колец, серег и брошей собственного изготовления, они мало заботятся об украшениях, которыми так дорожат другие индейцы. Черты их лица своеобразны; нос имеет греческую огранку, не лишенную красоты; волосы короткие до шеи и разделены спереди; мужчины носят усы; женщины довольно симпатичны, и, несмотря на темный цвет лица, на их щеках видны признаки крепкого здоровья. Некоторые из самых известных американских вождей встречаются среди шауни. В настоящее время их численность составляет 1 500 человек".

А теперь, после столь долгого пребывания в суровом климате Северной Америки, давайте обратимся к более теплой стране - одной из самых теплых и причудливых - Абиссинии. Не менее причудливой ее особенностью является тот факт, что церковей там больше, чем в любой другой стране; и, хотя очень гористая, и, следовательно, обзор сильно затруднен, очень редко можно увидеть меньше пяти или шести; а если вы находитесь на возвышенности, то в пять раз больше. Каждый абиссинец, умирая, думает, что искупил все свои злодеяния, если оставил средства на строительство церкви или построил ее при жизни. Король строит их много. Где бы ни была одержана победа, на самом поле возводится церковь - и это еще до того, как будут похоронены тела убитых. Раньше так поступали только тогда, когда враг был язычником или неверным; теперь то же самое можно наблюдать, когда победа одерживается над христианами. Место для церкви всегда выбирается вблизи проточной воды, для удобства очищения и омовения, в которых они строго соблюдают

левитский закон. Они всегда располагаются на вершине какого-нибудь красивого круглого холма, который полностью окружен рядами оксиседа, или виргинского кедра, который растет здесь в большой красоте и совершенстве и называется арз. Ничто так не добавляет красоты стране, как эти церкви и насаждения вокруг них. В середине этой плантации кедров на должном расстоянии друг от друга растут прекрасные деревья, называемые куффо, которые вырастают очень высокими и чрезвычайно живописными.

Церкви все круглые, с соломенными крышами; их вершины - идеальные конусы; снаружи они окружены рядом деревянных столбов, которые являются ничем иным, как стволами кедрового дерева, и поставлены для поддержки здания, около восьми футов крыши выступают за стену церкви, что образует приятную прогулку или колоннаду вокруг нее в жаркую погоду или в дождь. Внутри церковь делится на несколько частей, как предписывает закон Моисея. Первое - это круг, несколько шире внутреннего; здесь прихожане сидят и молятся. Внутри него находится квадрат, который разделен завесой или занавесом, в котором есть еще одно очень маленькое отделение, соответствующее Святому Святым. Оно настолько узкое, что никто, кроме священников, не может в него войти. В церковь входят босиком, и, если вы босиком, вы можете пройти через любую ее часть, если у вас есть такое любопытство, при условии, что вы чисты, то есть не имели связи с женщиной двадцать четыре часа до этого, и не прикасались к трупам (любопытное собрание идей), ибо в этом случае вы не должны входить в пределы, или внешнюю окружность, церкви, но стоять и читать молитвы на ужасном расстоянии среди кедров.

Каждый человек обоего пола, не имеющий иудейских прав, обязан соблюдать это расстояние; и это всегда место, принадлежащее церкви, где, за исключением Великого поста, вы видите большую часть прихожан; но это остается на вашей собственной совести; и если бы в одном случае было большое неудобство, а в другом - большое удовлетворение, дело обстояло бы иначе.

При первом входе в церковь вы снимаете обувь: но вы должны оставить там слугу с ней, иначе она будет украдена священниками и монахами, если она на что-то годится, прежде чем вы выйдете из церкви. При входе вы целуете порог и два дверных столба, заходите внутрь и читаете молитву, какую пожелаете; закончив, вы снова выходите, и ваш долг окончен. В церквях полно картин, написанных на пергаменте и прибитых к стенам чуть менее неряшливо, чем убогие гравюры в нищих деревенских пивных. Среди писцов всегда была известна такая разновидность живописи, которая значительно уступала худшим из наших художников-знаменосцев. Иногда для какой-нибудь церкви они получают из Каира несколько изображений святых на пергаментных листах, уже готовых, в стиле, мало чем превосходящем их собственные представления. Их размещают как фриз и вешают в верхней части стены. Святой Георгий обычно изображен с драконом, а святой Димитрий - сражающимся со львом. Выбор святых не велик: они есть как из Ветхого, так и из Нового Завета, а также те, без которых можно обойтись. Есть святой Понтий Пилат и его жена; есть святой Валаам и его ослица; Самсон и его челюстная кость; и так далее. Но больше всего мистера Брюса удивила квадратная миниатюра на головном уборе или митре священника, совершающего таинство в Адове, изображающая фараона на белом коне, погружающегося в Красное море, с множеством ружей и пистолетов, плавающих на его поверхности вокруг него.

Ни в одной из их церквей никогда не было ничего рельефного или чеканного; все это считалось бы идолопоклонством, настолько, что они не носят крест, как было представлено, на вершине шара сендика или штандарта, потому что он отбрасывает тень; но несомненно, что изображения использовались в их церквях с самых ранних веков христианства.

Примас или патриарх Абиссинской церкви называется Абуна. Первым из этих прелатов в истории упоминается Текла Хайманот, который отличился восстановлением королевской семьи и теми постановлениями, которые он сделал как в церкви, так и в государстве. Тогда же было принято мудрое постановление о том, чтобы абиссинцы не имели права возводить кого-либо из своих соотечественников в сан абуны. Поскольку этот церковный сановник очень редко понимает язык страны, он не принимает никакого участия в управлении. Его главное занятие - рукоположения, которые совершаются следующим образом: несколько мужчин и детей представляются на расстоянии и стоят из смирения, не смея приблизиться к нему. Тогда он спрашивает, кто они, и они говорят ему, что хотят быть дьяконами. На это он делает два или три знака маленьким крестом в руке и дважды или трижды дует на них ртом, говоря: "Да будут они дьяконами". Однажды мистер Брюс видел, как вся армия Бегемдера, только что вернувшаяся после пролития крови 10 000 человек, была поставлена в дьяконы абуной, стоявшим на расстоянии четверти мили от них.

Абиссинцы не едят и не пьют с чужеземцами, хотя у них нет для этого никаких оснований; теперь это просто предрассудок, потому что старый повод для этого правила утрачен. Однако они разбивают или очищают каждый сосуд, из которого ел или пил незнакомец любого рода. Этот обычай, таким образом, скопирован у египтян; и они сохранили его, хотя египетская причина больше не действует.

Египтяне не придавали значения состоянию матери; если отец был свободен, ребенок следовал состоянию отца. Так же строго обстоит дело и в Абиссинии. Ребенок короля от рабыни-негритянки, купленной за деньги или взятой на войне, так же близок к наследованию короны, как и любой из двадцати детей, которые у него есть, старше этого ребенка и рождены от самых благородных женщин страны.

В Абиссинии раз в год крестят всех взрослых людей, или совершеннолетних. Мистер Брюс рассказывает о том, что он сам видел на этом месте и что является ничем иным, как празднованием крещения нашего Спасителя: "Небольшая речка, протекающая между городом Адова и церковью, была запружена уже несколько дней; поток был скудным, так что едва переливался через край. Местами глубина была три фута, местами, возможно, четыре, или чуть больше. Утром накануне праздника Богоявления были разбиты три большие палатки: одна на севере - для священников, чтобы они отдыхали в перерывах между службами, и, кроме того, одна - для общения: на юге была третья палатка для монахов и священников другой церкви, чтобы они могли отдохнуть в свою очередь. Около двенадцати часов ночи монахи и священники собрались вместе и начали свои молитвы и псалмы на берегу воды, одна сторона помогала другой. На рассвете дня губернатор Велета Майкл пришел сюда с несколькими солдатами, чтобы собрать людей для Раса Майкла, который в то время шел против Варагна Фасиля, и сел на небольшом холме у воды, а вокруг них расположились пешие и конные войска.

"Как только показалось солнце, три больших деревянных креста понесли три священника, одетые в священнические одеяния, и, подойдя к берегу реки, окунули крест в воду, и все это время стрельба, стычки и молитвы продолжались вместе. Священники со своими крестами вернулись, один из них нес перед собой нечто меньшее, чем английская кварта воды в серебряном кубке или потире; Когда они находились примерно в пятидесяти ярдах от Велета Майкла, этот генерал встал, а священник взял столько воды, сколько мог удержать в руках, и окропил им его голову, одновременно поднося чашу ко рту Велета Майкла, чтобы тот попробовал; после чего священник снова принял ее обратно, сказав при этом: "Гзиер й'барак", что означает просто: "Да благословит тебя Бог". Затем каждый из трех крестов подносили к Велете Михаилу, и он целовал их. Затем церемония окропления водой была

повторена для всех великих людей в шатре, все они были чисто одеты, как на торжествах. Некоторые из них, не удовлетворившись окроплением, набрали ее в соединенные ладони и выпили; тем, кто не принял первой, принесли еще воды; и после того как вся компания губернатора была окроплена, кресты вернулись к реке, их носители пели *аллилуйю*, а стычки и стрельба продолжались".

Мистер Брюс заметил, что через некоторое время после того, как губернатор был окроплен, пришли две лошади и два мула, принадлежащие Рас Майклу и Озоро Эстер, и их омыли. После этого солдаты вошли в дом и омыли своих лошадей и оружие; те, у кого были раны, также омыли их. Груды тарелок и горшков, бывших в употреблении у магометан или евреев, были также принесены туда для очищения; и так все закончилось.

Люди в Египте не покупали и не продавали; то же самое происходит и в Абиссинии по сей день. Для человека позорно идти на рынок, чтобы купить какую-либо вещь. Он не может носить воду или печь хлеб; но он должен стирать одежду, принадлежащую обоим полам; и в этой функции женщины не могут ему помогать. В Абиссинии мужчины несли свою ношу на голове, а женщины - на плечах: и это различие, как нам говорят, было и в Египте. Очевидно, что покупка на общественном рынке женщинами должна была прекращаться всякий раз, когда начиналась ревность или секвестр в отношении этого пола. По этой причине она рано закончилась в Египте; но по противоположной причине она сохранилась в Абиссинии и по сей день. В Египте съесть телят было своего рода нечестием, и причина тому очевидна: они поклонялись корове. В Абиссинии и по сей день никто не ест телятину, хотя все охотно едят говядину. Разум египтян уже не действует, как в первом случае, но предрассудки остались, хотя они и забыли о своем разуме.

Абиссинцы не едят ни дикую, ни водоплавающую птицу, даже гуся, который был большим деликатесом в Египте. Причина этого в том, что после обращения в иудаизм они были вынуждены отказаться от своих древних муниципальных обычаев, поскольку они противоречили Моисееву закону, а животные в их стране не соответствуют по форме, виду или названию тем, которые упоминаются в Септуагинте или оригинальном иврите, поэтому многие представители каждого класса не знают, чисты они или нет, и из-за невежества или ошибки возникла удивительная путаница и неопределенность: они не хотят нарушать закон ни в одном случае, хотя и не понимают его.

Среди галласов Абиссинии главенствуют калиджи (маги) и лубас (жрецы). В обязанности последних входит определение того, будет ли успешной предстоящая война, для чего обращаются к внутренностям козла. С разметающимися длинными волосами, украшающим лоб ярким медным кольцом и звучным колокольчиком, в который он бьет, призывая собравшихся к тишине и вниманию, он погружает обнаженную руку в кишки только что убитого животного и, вынув часть кишок, по их цвету сообщает о перспективах дикарской армии. В такие дела, однако, Калиджас никогда не вмешивается. Его дело - изгонять из больных людей злых духов, которые их мучают. Калиджас говорит, что существует восемьдесят восемь злых духов, разделенных на две группы по сорок три в каждой, которыми управляет и руководит вождь. Калиджас неустанно старается выследить эту грозную армию из восьмидесяти восьми человек. Он ходит с колокольчиком в одной руке и кнутом в другой, а на шее у него висит гирлянда из сушеных козьих внутренностей. Призвав больного, он хорошенько натирает его жиром, окуливает ароматными травами, кричит во весь голос, оглушительно звонит в колокольчик, а затем бьет больного кнутом. Если все эти мощные средства не помогают изгнать сао или злого духа, Калиджас покорно забирает свой гонорар и уходит, оставляя победу смелому солдату восьмидесяти шести.

Рассуждая о болезнях, наследником которых является абиссинец, нельзя забывать о буде и заре, поскольку они занимают самое видное место в каталоге бед, которые мучают смуглокожих детей солнца. Из них *Буда*, или колдун, что означает это слово, вызывает наибольший страх. Его способности к черному искусству, как сообщается, весьма разнообразны. В одно время он поработывает объекты своей злобы, в другое - подвергает их безымянным пыткам, и нередко его месть даже сопровождается их смертью. Подобно джиннам и цаплям из "Арабских ночей", Буда неизменно выбирает тех, кто обладает молодостью и талантом, красотой и остроумием, чтобы творить свои злодеяния.

Для противодействия силе Буды были придуманы различные чары, но самыми действенными являются амулеты, написанные благочестивыми *делетерами* и носимые на шее. Страх перед колдуном привел к появлению целого племени экзорцистов, которые претендуют на то, что могут как вызывать злого духа, так и определять его местонахождение; соответственно, люди относятся к ним с большим благоговением. Их действия напоминают действия разбойников, с той лишь разницей, что один из них наглым и нескрываемым тоном призывает свою жертву встать и выйти, а другой незаметно прокрадывается в ряды солдат или среди компании друзей и произносит мистическое слово *Bouda*. Неопрятный вид и гробовой голос экзорциста повсюду вызывают глубочайший трепет, и молодые и старые, мужчины и женщины с радостью расстаются с какой-нибудь вещью, чтобы избавиться от его ненавистного и страшного присутствия. Если, как это иногда случается, один или два менее суеверных человека возражают против этих нечестивых поборов, экзорцист имеет право заставить всех присутствующих понюхать отвратительный состав из поганных трав и разложившихся костей, который он носит в своем мешочке; те, кто безропотно вдыхает этот отвратительный аромат, объявляются невинными, а те, у кого обонятельные нервы не такие крепкие, объявляются *боудами* и сторонятся его как союзника злого человека.

"В сезон дождей, - пишет г-н Стерн, самый последний из абиссинских путешественников, - когда погода, как и разум, безрадостна и уныла, *буда*, словно в насмешку над всеобщим унынием, празднуют свои сатурналии. В нашем маленьком поселении в *Гаффате* монотонность нашего существования постоянно разнообразилась сценами буда. Ближе к концу августа, когда все деревья и кустарники начинали прорастать и распускаться, болезнь переросла в обычную эпидемию, и в течение вечера две, три, а нередко и все хижины, занятые туземцами, оглашались этим знакомым домашним криком. Сильная гроза каким-то таинственным образом, казалось, неизменно предрасполагала людей к мучительному влиянию Буды.

"Помню, однажды в конце августа у нас была самая сильная гроза: она началась чуть позже середины дня и продолжалась почти до пяти часов. Во время нее воздух был полностью погружен во мрак, за исключением тех случаев, когда молния, сверкнув по небу, на несколько секунд разгоняла почти полуночный мрак. Среди оглушительных раскатов грома и стремительного бешенства потока не было слышно ни одного человеческого голоса.

"Шум и гам разбушевавшейся стихии едва успели утихнуть, как у одной из служанок, крепкой, сильной и мужественной женщины, начались симптомы болезни Буды. Весь полдень она жаловалась на вялость, слабость и полную неспособность к любым физическим нагрузкам. Ближе к закату ее вялость усилилась, и она постепенно погрузилась в состояние явной бессознательности. Слуги, знакомые с причиной ее жалоб, сразу же объявили, что она одержима. Чтобы перехитрить колдуна, я счел целесообразным испытать действие крепкого жидкого аммиака на нервы злодея. В темном помещении были зажжены опилки, и в их ярком мерцающем свете мы увидели массу темных фигур, сидящих на корточках на мокром полу вокруг жесткой и, по-видимому, мертвой женщины. Я тут же поднес к ее носу

свою бутылку; но хотя сильный запах заставил всех присутствующих поднять крик ужаса, он произвел на пассивную и бесчувственную пациентку не больше эффекта, чем если бы это была чистая вода.

"Владелец Гаффата, экзорцист-любитель, почти инстинктивно, словно предчувствуя что-то неладное в той части его владений, которую занимали франки, появился как нельзя вовремя, и не успел этот раздувшийся и отвратительный тип ввалиться в хижину, как одержимая женщина, словно пораженная магнитным проводом, разразилась громким хохотом и пароксизмами маньяка.

"Полдюжины крепких парней вцепились в нее, но безумие придало ей такую силу, что даже объединенных сил этих атлетов едва хватило, чтобы удержать ее под контролем. Она пыталась кусать, пинать и рвать всех, кто попадался под руку, а когда все эти попытки оказывались безуспешными, судорожно хваталась за мокрый нечищенный пол и, подражая гиене, издавала самые нечленораздельные звуки. Закованную в кожаные кандалы, ее частично тащили, а частично несли на открытое травянистое место, и там в присутствии большого количества людей фокусник в деловой манере приступил к своему искусству изгнания.

Женщина под влиянием Буда.

"Бедная страдалница, словно осознавая присутствие страшного старика, неистово пыталась вырваться из его рук, но тот, не обращая внимания на ее мольбы и причитания, приступы неестественного веселья и взрывы трепетного страдания, одной рукой положил ей на грудь амулет, а другой заставил нюхать тряпку, в которой были завязаны корень сильно пахнущего растения, кость гиены и еще какие-то отвратительные приправы. Когда безумная ярость одержимой женщины была мгновенно утихомирена этой операцией, фокусник обратился к Буда и на языке, непригодном для вежливых ушей, попросил его назвать свое имя. Буда, говоря через посредство одержимой, ответил:

"Хайлу Мириам".

"Где вы живете?"

"В Дамоте".

"Как зовут вашего отца и духовника?"

""Моего отца зовут *Негусейе*, а моего *абадре* - *Оуби*".

"Почему вы приехали в этот район?

"Я овладел этой личностью на равнине Вадела, где я встретил ее на пути из *Магалы*".

"Сколько человек ты уже убил?

"Шесть.

"Я повелеваю тебе, во имя благословенной Троицы, двенадцати апостолов и трехсот восемнадцати епископов Никейского собора, оставить эту женщину и никогда больше не приставать к ней".

"Буда не был расположен повиноваться фокуснику, но когда ему пригрозили угощением из раскаленных углей, он стал послушным и угрюмым голосом пообещал выполнить просьбу.

"Однако, желая оттянуть свой уход, он потребовал что-нибудь поесть, и, к моему полному отвращению, его вкус оказался столь же грубым, сколь неприглядными были мучения, которым подвергалась молодая женщина. Грязь и грязь самого отвратительного вида, а также примесь воды - вот что он выбрал для своего ужина. Это странное блюдо, от которого не могло отказаться самое скупое гостеприимство, поспешили приготовить несколько человек, и когда все было готово, а глиняное блюдо спрятано в центре лиственного куста, фокусник обратился к Буде: "Как делал твой отец, так делай и ты". Едва эти слова сорвались с губ экзорциста, как одержимая вскочила и, ползая на четвереньках, стала искать лакомство, которое поглощала с тошнотворной жадностью и прожорливостью. Она схватила камень, который с трудом могли поднять трое сильных мужчин, и, подняв его в воздух, закружила вокруг своей головы, а затем без чувств упала на землю. Через полчаса она пришла в себя, но совершенно не понимала, что произошло.

"Следующим по значимости после *буды* является *зар*. Эта болезнь присуща исключительно незамужним женщинам и имеет ту особенность, что во время пароксизма она побуждает пациентку имитировать резкое диссонирующее рычание леопарда. Я вспоминаю, что когда я впервые увидел случай такого описания, он вызвал у меня шок, от которого у меня кровь стыла в жилах. Страдалицей была красивая, веселая и жизнерадостная девушка лет пятнадцати. Утром она, как обычно, занималась своими делами, когда между ней и другими домохозяевами возникла ссора. Ожесточенный спор, хотя и носил пустяковый характер, разжег страсти пламенной эфиопки до такой степени, что привел к истерическому аффекту. Ее спутники кричали: "Она одержима", и, конечно, ее жуткая улыбка, нервная дрожь, дикий взгляд и неестественный вой оправдывали это предположение. Раньше считалось, что для изгнания Зара необходим колдун, как в случае с жалобой Буды; но благодаря настойчивости медики этой страны, к своему бесконечному удовлетворению, наконец-то сделали открытие, что звуковое воздействие хлыста является таким же мощным противоядием против этого зла, как и заклинания некроманта".

Переехав из Абиссинии в Дагомею, мы обнаруживаем, как и следовало ожидать из всего, что можно услышать об этом самом кровожадном месте на земле, что религия находится на очень низком уровне. Леопарды и змеи - главные боги, которым поклоняются дахомейцы, и, несомненно, мантия этих божеств должна была перейти к их поклонникам, которые обладают всей хитростью одного и кровожадностью другого. Кроме них, дахоманы поклоняются грому и молнии, а также разным бессмысленным деревянным изображениям. Жертвоприношения разнообразны. Если речь идет о быке, то оно совершается следующим образом: жрецы и жрицы (самые высшие в стране, ибо дахоманская пословица гласит, что

бедняки никогда не бывают жрецами) собираются в кольцо на общественной площади, к ним присоединяется оркестр с диссонирующей музыкой, и, расставив эмблемы своей религии и предметы, которые несут в религиозных процессиях, такие как знамена, копья, треножники и сосуды с костями, черепами, застывшей кровью и другими варварскими трофеями, они танцуют, поют и пьют, пока не придут в достаточное возбуждение. Затем жрецы-мужчины обезглавливают животных большими ножами-рубилами. Алтари омываются кровью, набранной в тазы; остальную кровь жрецы и жрицы обходят вокруг, ударяя кровью из таза по перемычкам и двум боковым столбам всех домов верующих. В окрестностях кишат индюшачьи канюки, которые со свойственной им натугой пожирают растерзанную тушу, когда ее разделяют на куски. Затем мясо варят и распределяют между жрецами, откладывая часть на корм духам усопших и фетишам. После жертвоприношения жрецы снова начинают танцевать, петь и пить, мужчины, женщины и дети валяются в грязи, время от времени получая прикосновение и благословение от этих энтузиастов. Среди жрецов - члены королевской семьи, жены и дети. Тайны хранятся в секрете, и разглашение их карается смертью. Несмотря на то, что в Центральной Африке различные фетиши встречаются так же часто, как смена языка, между всеми фетишистами существует полное взаимопонимание. Жрецы, поклоняющиеся леопарду, змее и акуле, посвящены в одни и те же непонятные формы. Частные жертвоприношения птиц, уток и даже козлов очень распространены и совершаются аналогичным образом: жрецы отрывают головы, омывают алтари кровью, окропляют перекладыны и боковые стороны дверных столбов; тело животного или птицы съедают или выставляют на съедение священным индюкам. Храмы чрезвычайно многочисленны, в каждом из них есть один глиняный алтарь. В этих храмах не совершается никаких богослужений, но небольшие подношения ежедневно приносятся верующими и убираются жрецами.

Болезни широко распространены среди негров, оспа и лихорадка не проходят бесследно, если только их не лечат плохие врачи. И здесь позвольте мне заметить, что после учителей Евангелия и пропагандистов образования нет такой профессии, которая бы так хорошо обеспечивала хороший прием в Африке, как медицина. Врачу всегда рады, и, как в большинстве варварских стран, все белые мужчины должны были быть врачами. Если африканец заболевает, он сначала приносит жертву - небольшую, из какого-то продукта на основе пальмового масла. Десятки тарелок с этой смесью можно увидеть за городом, и индюки-жужжалки ужасно наедаются, едва успевая отлетать от них. Если богов не удастся умиловить, в жертву приносят сов, уток, коз и быков; а если больной - человек высокого ранга, он молит короля разрешить ему принести в жертву одного или нескольких рабов, заплатив за каждого из них определенную сумму. Если он выздоравливает, то в благодарной радости освобождает одного или нескольких рабов, быков, коз, птиц и т. д., отдавая их навечно фетишу, и отныне их кормят фетишисты. Но если он умирает, то при последнем вздохе приглашает своих главных жен присоединиться к нему на том свете, и в соответствии со своим рангом его величество разрешает принести в жертву на могиле часть своих рабов.

Если кто-либо по умыслу или случайно - первое вряд ли возможно - ранит фетиш леопарда или змеи, то он погибает. Еще несколько лет назад за это полагалась жестокая и долгая смерть; но современные дахоманские князья более мягкосердечны, чем их предшественники, и довольствуются тем, что подвергают виновного тщательному испепелению. Мистер Дункан приводит такой случай:

Наказание за убийство змей-фетишистов.

"1 мая - Наказание было применено за случайное убийство двух фетишистских змей во время уборки мусора во французском форте. Это один из самых абсурдных и диких обычаев, которые я когда-либо видел или о которых слышал. Но все же это не так плохо, как было при предыдущем короле Дагомеи, когда по закону за убийство одной из этих рептилий, даже случайное, полагалась лишение головы несчастного. Нынешний король свел высшую меру наказания к той, о которой мы сейчас расскажем. По этому случаю три человека были приговорены как виновные в убийстве фетишистских змей. После этого для каждого из них строится небольшой домик из сухих опилок, стены которого покрываются соломой из сухой травы. Затем фетишисты собираются вместе и подробно рассказывают о чудовищности совершенного преступления. Затем каждый человек обмазывается или, скорее, обмазывается пальмовым маслом и дрожжами, а затем на голову каждого из них ставится корзина. В эту корзину кладут маленькие калабаши, наполненные до краев, так что малейшем движении тела проливается и масло, и дрожжи, которые стекают через дно корзины на голову. Каждый несет на плечах собаку и ребенка, а также двух птиц, скрепленных вместе. Затем виновников медленно обходят вокруг их только что подготовленных домов, причем фетишисты все время толкают их. Затем каждого доводят до двери его дома, высота которой не превышает четырех футов. Затем его освобождают от

ноши и заставляют вползти в дом на животе, так как высота двери составляет всего восемнадцать дюймов. Его закрывают в этом маленьком пространстве вместе с собакой, ребенком и двумя птицами. Затем дом поджигают, и бедняге позволяют выбраться через пламя к ближайшей проточной воде. По дороге его забрасывают палками и комьями собравшиеся толпы, но если у преступника есть друзья, то они обычно оказываются рядом с ним во время его бега к воде и помогают ему, а также препятствуют толпе в их попытках нанести ему увечья. Достигнув воды, они окунаются в нее с головой, и тогда считается, что они очистились от всех грехов и преступлений, связанных с убийством змеи. По истечении тринадцати дней здесь проводится "обычай" или праздник для умерших змей.

"Суеверия народа бонни очень необычны. Любое животное или вещь, которую они считают священной, они называют "евреем", и самым распространенным и, по-видимому, главным из этих евреев является гуана, рептилия, которая в их стране достигает очень больших размеров. Некоторые из них, которых я видел, превышали три фута с половиной в длину, а по внешнему виду были особенно отвратительны, имея грязно-бурый оттенок. Те, что живут в городах, очень ручные, и несколько из них, когда я проходил по узким переулкам, подошли и забавлялись тем, что слизывали черноту с моих ботинок. Массы грязи, соскобленные и сваленные в углах, похоже, были их излюбленными местами обитания, когда поблизости не было водоемов. Там они наблюдали за резвящимися мухами и бросались на них своими длинными тонкими языками с необычайной быстротой и ловкостью. Для них, а также для змей, которые также являются евреями, отгорожены небольшие пространства и построены маленькие хижины в разных частях у моря и в глубине страны. Убийство любого из них рассматривается туземцами как тяжкое преступление и карается смертью; однако по отношению к белым они не прибегают к столь суровым мерам, а довольствуются строгим порицанием их за скверное поведение. Однако, когда происходит очень вопиющий случай, и белый человек не известен туземцам, ставшим свидетелями этого поступка, вполне вероятно, что в первой же вспышке их гнева его заставят искупить свою вину жизнью; хотя самих белых называют евреями, это, по всей вероятности, всего лишь номинальный титул, присвоенный в качестве комплимента".

Король Бонни, хотя его часто приглашают, никогда не осмелится подняться на борт военного корабля, но иногда посещает торговые суда, отправляясь с берега на военном каноэ в огромной форме, но по мере приближения он всегда держится в стороне, пока ему не будет сделан комплимент в виде тяжелого салюта. Затем он подходит к борту корабля и разбивает о него только что снесенное куриное яйцо, после чего поднимается на палубу в полной уверенности, что совершением этой церемонии он обезопасил себя от любого акта предательства. По другим причинам, а может быть, и вовсе не объяснимым, он также берет с собой несколько перьев и кость руки своего отца, которые, садясь ужинать, кладет на стол рядом со своей тарелкой. В это же время на шее у него висит молодой цыпленок, держащийся за одну ногу (вторая была отрезана).

Бар реки Бонни иногда оказывался смертельным для судов, идущих по нему, и поэтому, нанося ущерб торговле этого места, жители, считая его злым божеством, пытаются примирить его добрую волю, принося иногда на нем человеческую жертву. Последняя церемония такого рода состоялась незадолго до нашего прибытия. Для этой цели был выбран самый красивый и красивый мальчик, которого только можно было достать, и в течение нескольких месяцев до срока, назначенного для завершения его существования, он жил у короля, который, благодаря его мягкому поведению и приятным качествам, вскоре проникся к нему большой любовью, но, охваченный суеверным фанатизмом, он не сделал никакой попытки спасти его, а наоборот, рассматривал судьбу, которая была уготована

несчастному мальчику, как величайшую честь, которая могла быть оказана ему. С того момента, как он был избран, чтобы своей смертью умиловить бар, он считался священным человеком; все, к чему он прикасался, даже когда случайно проходил мимо, отныне принадлежало ему, и поэтому, когда он появлялся за границей, жители бежали перед ним, чтобы спасти одежду, которая была на них, или любые предметы, которые в тот момент они могли нести. Не подозревая, как утверждалось, о предназначенной ему участи, его доставляли в большом каноэ к берегу и уговаривали прыгнуть за борт, чтобы искупаться, а те, кто его вытаскивал, тут же поворачивались к нему спиной и с величайшей поспешностью уплывали, не обращая внимания на крики несчастной жертвы, на которую, в соответствии с их суровым суеверием, не позволялось даже взглянуть.

В Або, говорит г-н Бейки, каждый мужчина и каждая женщина, имеющая какое-либо значение, хранят в качестве "джу-джу", или еврейской челюсти, нижнюю челюсть свиньи или, пока они не могут ее достать, кусок дерева, выточенный наподобие нее. Она хранится в их хижинах и достается только во время поклонения или жертвоприношений, которые совершаются в определенное время, с интервалом от десяти дней до трех недель. Конкретные дни определяются джу-джу с помощью пальмового вина и прикосновения к нему орехом кола; они разговаривают с ним и просят его быть добрым и благосклонным к ним. Его называют *Амба*, что значит "свинья", или *Амба-Эжи*, "свиная челюсть"; но когда он выступает в роли джу-джу, его также называют *Офум*, или "мой образ". Люди также выбирают определенные деревья возле своих хижин или, если их нет поблизости, пересаживают одно; им они поклоняются и называют *Тухукум*, или "мой Бог". Они вешают на них кусочки белого бафа (бязи) как знаки дерева джу-джу и как подношения божеству. Никто никогда не прикасается к ним, а если они сгнивают, их заменяют. Также используются маленькие деревянные изображения, которые называются *Офо Тухуку*, "говорить и молиться". Когда человека подозревают в неправде, одно из них кладут ему в правую руку и заставляют поклясться им, и если он делает это ложно, считается, что вскоре его постигнет какое-то зло. Этим последним, как и первым, приносятся жертвы, в основном птицы. В Або одно большое дерево считается джу-джу для всей округи; оно покрыто подношениями, и в честь него проводится ежегодный фестиваль, на котором приносятся в жертву птицы, овцы, козы и быки. Когда человек отправляется в Аро, чтобы посоветоваться с Тшуку, его принимают несколько жрецов за городом, у небольшого ручья. Здесь он делает подношение, после чего убивают птицу, и если она оказывается неблагоприятной, в воду выливают некоторое количество красного красителя, вероятно, верблюжьего дерева, которое, как говорит жрец людям, является кровью, после чего жрецы торопят жертвователя и больше его не видят, давая понять, что Тшуку был недоволен и забрал его. Результат этой предварительной церемонии в целом определяется суммой подарка жрецам; а тех, о ком сообщают, что их унес Тшуку, обычно продают в рабство. Раньше их обычно отправляли на каноэ в Старый Калабар и избавлялись от них там. Один из информаторов мистера Бейки встретил на Кубе около двадцати таких несчастных, а другой столкнулся с несколькими из них в Сьерра-Леоне. Если, однако, предзнаменование оказывается благоприятным, паломнику разрешается приблизиться святыне, и после прохождения различных обрядов вопрос, каким бы он ни был, задается, разумеется, через священников, и ими же дается ответ. Преданному дают желтый порошок, который он растирает вокруг глаз. В знак того, что человек действительно обратился к священному оракулу, выдаются маленькие деревянные изображения, которые называются *Офо Тшуку* и впоследствии хранятся как дзю-дзю. Человек, побывавший в Аро, после возвращения в свой дом считается дзю-дзю, или священным, в течение семи дней, и в этот период он должен оставаться в своем доме, а люди не должны к нему приближаться. Считается, что святилище *Тшуку* находится почти в центре города, а жителей Аро часто называют *Омо Тшуку*, или "Божьи дети".

Мондзо - злой дух в этой стране. Самый страшный из злых духов носит имя Камалло, возможно, эквивалентное Сатане. Его имя часто присваивается детям, а в некоторых районах Игбо, особенно в Исуаме, Камалло поклоняются. Изображений не делают, но выделяют хижину, в которой хранят кости, куски железа и т. д., считая их священными. Люди обращаются к этому духу, если хотят совершить какое-либо злодеяние, например, убийство, и приносят в дар коровьи ягоды и ткани, чтобы умиловить это злое существо и сделать его благосклонным к их замыслам. Если человек, намеченный в качестве жертвы, что-то подозревает или получает намек на действия своего противника, он также приходит на поклонение, принося с собой, если возможно, более ценные подношения, чтобы попытаться предотвратить надвигающуюся опасность, и это называется *Erise nao*, или "Я режу с двух сторон". В Исуаме, если человек болен, врач часто советует друзьям обратиться к злому духу по имени *Игвикалла*, и ему также поклоняются люди, желающие причинить вред другим. Его предполагаемое обиталище обычно находится в кустарнике, который хорошо расчищен вокруг; но иногда ему посвящают хижины, и жрецы исполняют его указы.

Среди дикарей, не имеющих представления о существовании Высшего существа, следует назвать "самбо", расу индейцев, живущих на берегах реки Москито. Единственный человек, которого боятся как жрицу или "знахарку", - это *Сукиа*. Эта женщина обладает большей властью, чем король или вожди. Ее приказы, даже если они самые жестокие и бесчеловечные (как это часто бывает), никогда не оспариваются и не игнорируются. Когда мистер Бард посетил Самбо, он увидел Сукию, которую описывает как человека, отвратительного и мерзкого до крайности. "Ее волосы были длинными и свалявшимися, а сморщенная кожа, казалось, прилипла к костям, как у мумии, ибо она была истощена до последней степени. Ногти на ее пальцах были длинными и черными, из-за чего ее руки напоминали когти какой-то нечистой птицы. Глаза у нее были налитые кровью, но яркие и напряженные, они постоянно смотрели на меня, как у дикого хищного зверя". Эти женщины, прежде чем принять сан, уходят в лес и живут там значительное время без оружия и одежды, чтобы защититься от диких зверей и еще более диких стихий тропиков. Именно во время своего пребывания в лесу они становятся посвященными в тайны природы и, несомненно, получают противоядия от змеиного обаяния и другие чудесные представления, которыми они так славятся, например, как стоять среди пламени без повреждений. Автор книги "Ваикна" приводит очень интересный и забавный рассказ об одной из таких церемоний, свидетелем которой он был. "Сукия появилась одна, неся длинную толстую палочку из бамбука и не имея никакого платья, кроме *уле-турно*. По уродству она уступала только своей сестре из Сэнди-Бей и вошла в дом как призрак, не произнеся ни слова. Он отрезал кусок бязи и протянул ей в качестве вознаграждения. Она приняла его в полном молчании, вышла во двор и аккуратно сложила на земле. Тем временем из сосновых щепок и веток был разожжен костер, который теперь пылал ярким пламенем. Не раздумывая, Сукия подошла к нему и встала в самый центр. Пламя высунуло свои вильчатые языки до пояса, угли под ее обнаженными ногами почернели и, казалось, истекли, а *турнюр*, который она носила на чреслах, потрескивал и дрожал от жара. Она стояла, неподвижная и, казалось, бесчувственная, как железная статуя, пока не утихло пламя, а потом начала ходить вокруг тлеющих углей, что-то быстро бормоча про себя на непонятном языке. Внезапно она остановилась и, поставив ногу на бамбуковый посох, переломила его посередине, вытряхнув из отрезка в руку полноразмерную змею *тамагеса*, которая тут же свернулась калачиком, сплющила голову и высунула язык, демонстрируя вызов и нападение. Сукия протянула руку, и змея с быстротой света закрепила на ее запястье, где и повисла, извиваясь и сворачиваясь узлами, пока она продолжала свое бормочущее шествие вокруг углей. Через некоторое время, с той же стремительностью, что и все ее предыдущие движения, она

страхнула змею, раздавила ее голову каблуком в землю, и, взяв протянутую ей ткань, ушла, не обменявшись ни словом ни с кем из присутствующих".

Возможно, секрет этого заключается в отсутствии жала, которое можно извлечь, как это часто делают арабские заклинатели змей. Как бы то ни было, подобные способности вызывают большой страх у простых и суеверных дикарей, которые считают сукиа сверхъестественной личностью.

Тингианцы Филлипинских островов находятся почти в таком же бедственном состоянии. Они не почитают звезды, не поклоняются ни солнцу, ни луне, ни созвездиям; они верят в существование души и считают, что после смерти она покидает тело и остается в семье умершего.

Что касается бога, которому они поклоняются, то он меняется и меняет форму в зависимости от случая и обстоятельств. И вот по какой причине: "Когда вождь племени тингуа находит в деревне камень или ствол дерева странной формы, то есть очень хорошо изображающий собаку, корову или буйвола, он сообщает о своей находке жителям деревни, и камень или ствол дерева немедленно рассматривается как божество, то есть как нечто высшее, чем человек. Затем все индейцы отправляются в назначенное место, захватив с собой провизию и живых свиней. Когда они достигают места назначения, они возводят соломенную крышу над новым идолом, чтобы накрыть его, и приносят жертву, зажаривая свиней; затем, под звуки инструментов, они едят, пьют и танцуют, пока у них не остается провизии. Когда все съедено и выпито, они поджигают соломенную крышу, и идол забывается, пока вождь, обнаружив другого, не приказывает провести новую церемонию".

На этих страницах уже отмечалось, что малагасейцы совершенно лишены религии. Их будущее - вопрос, который никогда их не беспокоит; более того, у них нет никаких мыслей или надежд за пределами могилы, и они довольствуются тем, что полагаются на эту абсурдную вещь "сикиди" для счастья по эту сторону. Однако благодаря мистеру Роберту Друри (которого читатель наверняка помнит как исполнителя ловкого трюка с неким Малагасеем Умossi) нам стало известно, что примерно столетие назад в этом мрачном регионе существовал некий религиозный обряд, известный как "Церемония быка", который проводился следующим образом:

Младенец, сын великого человека по имени Дин Меварроу, должен был быть представлен "владыкам четырех четвертей земли", и, как и многие другие дикарские обряды, начинался и заканчивался огромным потреблением опьяняющего алкоголя. В данном случае главный напиток называется *тоак*, и, по словам мистера Друри, "эти люди - большие поклонники тоака, а некоторые из вульгарного рода - такие же заблудшие и ленивые, как все в Англии; ведь они продадут свою гвинейскую кукурузу, карраванс - да что там, сами лопаты и - и будут жить на то, что им дадут леса. Их ламберы (что-то вроде нижнего белья) должны идти на тоак, и они будут ходить с любыми приспособлениями, чтобы прикрыть свою наготу".

Теперь о церемонии. "Ток готовили за несколько недель до этого, варя мед и соты вместе, как мы в Англии делаем медовуху. Они наполняли множество кадок, некоторые из которых были размером с задницу, а некоторые меньше; для этой цели был построен сарай, крытый соломой, куда они и помещались. В назначенный день по всей стране рассылали гонцов, чтобы пригласить родственников и друзей. За несколько дней до самого торжества появились явные признаки его приближения. Люди ходили, дудя в рога и бьют в барабаны, днем и ночью, которым в качестве небольшой компенсации за хлопоты давали немного тоака из меньших сосудов. Те, кто приехал издалека, позаботились о том, чтобы прибыть за день или два до праздника, и их кормили и развлекали тоаком досыта. Вечером накануне

праздника я отправился в город и обнаружил, что он полон людей, некоторые валялись на земле, а некоторые шатались; почти не было ни одного трезвого человека, ни мужчины, ни женщины, ни ребенка. И здесь можно было уловить ощущение мира и безопасности, люди без страха и удержу предавались пьянству и всевозможным развлечениям. Моя жена" (мистер Друри настолько смирился со своим положением, что женился на рабыне), как я обнаружил, действительно была среди них, но ей хватило благоразумия вовремя удалиться, так как она крепко спала, когда я вернулся домой.

"Утром в день церемонии мне приказали привести двух волов и быка, отведенных для праздника, связать им ноги и бросить на землю. К этому времени вокруг места, где находился ребенок, украшенный бусами, а на его голове была намотана шкура из белой хлопковой нити, собралась огромная толпа. Самые богатые из компании принесли ребенку подарки - бусы, топоры, железные лопаты и тому подобное, которые, хотя и не представляли для него непосредственной ценности, несомненно, были бы спасены от ржавчины его родителями. Каждому подали по току, и затем началась церемония.

"Некоторое время умосец, судя по всему, измерял свою тень на земле, и в конце концов, обнаружив ее длину, он дал команду. Мгновенно один из родственников ребенка подхватил его, подбежал с ним к распростертому быку и, положив правую руку ребенка на правый рог быка, повторил слова, которые я могу перевести примерно так: "Пусть великий Бог сверху, владыки четырех четвертей мира и демоны благословят этого ребенка и сделают его великим человеком. Пусть он окажется таким же сильным, как этот бык, и победит всех своих врагов". Если бык ревет, а мальчик держит руку на его роге, это считается дурным предзнаменованием, предвещающим болезнь или другое несчастье в жизни. Все действия умоси - это не более чем то, о чем говорилось выше; что касается религиозной части церемонии, то он ни в коем случае не участвует в ней, если, конечно, в ней есть какой-то религиозный смысл, в чем можно усомниться.

Церемония прикосновения к быку.

"Церемония окончена, ребенок передан матери, которая все это время сидит на циновке, а женщины окружают ее; и вот началось веселье: с дома тоаков сорвали солому, и мне приказали убить быка и волов; но их оказалось недостаточно, и мой хозяин послал еще за тремя, которых принесли его друзья, потому что было много ртов, которые нужно было кормить. Прежде чем они начали пить, он позаботился о том, чтобы уберечь все их оружие, и никому не было позволено иметь даже ружье или копье; затем они предались варке, жарению и запеканию мяса, пили тоак, пели, дудели, дули в раковины и били в барабаны со всей своей силой и мощью; и так продолжалось всю ночь и весь следующий день".

Очень любопытно, и если бы это не было столь серьезным вопросом, вряд ли бы не возбудило смехотворные способности читателя, прочитать о возмутительных представлениях африканских дикарей о религии в целом. Возьмем, к примеру, короля Пеппеля, правителя "Западной Африки" и потомка очень длинного рода королей с таким именем (первоначально "Пеппер" или "Пеппераль", названного так из-за того, что в древние времена главная торговля страны почти ограничивалась перцем). Благодаря миссионерам король Пеппель был обращен от языческого образа жизни и приведен к исповеданию христианства. О качестве религиозных убеждений монарха может пролить свет следующий разговор между ним и известным христианским путешественником:

"Что ты делал, король Пеппель?"

"Все то же самое, что и вы, - я танкую с Богом".

"За что?"

"За все хорошее, что посылает мне Бог".

"Вы видели Бога?"

"Чи! Нет; если человек увидит Бога, он должен умереть в одну минуту" (Он умрет в одно мгновение).

"Когда вы умрете, разве вы не увидите Бога?"

С большой теплотой: "I know no savvu (я не знаю). Откуда мне знать? Неважно, я не хочу больше слушать эту болтовню" (я не хочу больше говорить на эту тему).

"What way?" (Почему?)

"Это не ваше дело; вы пришли сюда для торговых разговоров".

Я знал, говорит миссионер, что продолжать эту тему в данный момент бесполезно, поэтому я замолчал, и на данный момент все было кончено.

Говоря о его смерти, я затронул очень нежную и неприятную струну, потому что он выглядел очень диким и угрюмым, и по быстрым изменениям в его лице я понял, что он подвержен какому-то внутреннему волнению. В конце концов он разразился самыми бурными жестикуляциями и самым нечеловеческим выражением лица: "Если бы Бог был здесь, я бы убил его в одну минуту".

"Вы что? Вы убиваете Бога?" - воскликнул я, совершенно ошеломленный и почти бездыханный от этой новой и дьявольской идеи, - "Вы убиваете Бога? Почему вы говорите глупости (как дурак); вы не можете убить Бога; и если бы было возможно, чтобы Он умер, все перестало бы существовать. Он - Дух Вселенной. But he can kill you."

"Я знаю, что не могу его убить; но если бы я мог его убить, я бы это сделал".

"Где живет Бог?"

"На вершине".

"Как?" Он указал на зенит.

"А если бы ты мог, зачем бы ты его убил?"

"Потому что он заставляет людей умирать".

"А что, друг мой, - примирительно произнес он, - вы ведь не хотите жить вечно?"

"Да; я хочу стоять" (оставаться вечно).

"Но вы скоро состаритесь и, если проживете достаточно долго, станете очень немощным, как этот старик", - указывая на человека, очень старого для африканца, худого, хромого и почти слепого, который пришел в суд во время предыдущего разговора, чтобы попросить о какой-то услуге, - "и, как он, вы станете хромым, глухим и слепым, и не сможете получать

удовольствие; Не лучше ли тебе умереть, когда это произойдет, и ты будешь испытывать боль и неприятности, и таким образом освободить место для своего сына, как это сделал для тебя твой отец?"

"Нет, не лучше. Я хочу стоять так же, как стою сейчас".

"Но если предположить, что после смерти вы попадете в счастливое место и..."

"Я ничего не знаю об этом. Я знаю, что живу сейчас и что у меня слишком много жен, негров (рабов) и каноэ" (он не имел в виду этого, когда говорил, что у него слишком много жен и т. д.; это их способ выразить большое количество), "и что я король, и много кораблей приходит в мою страну. Я не знаю ничего другого, и я хочу стоять".

Я предложил ответ, но он больше ничего не хотел слышать, и разговор на эту тему прекратился, и мы перешли к обсуждению другой, не намного более приятной для него, - выплате весьма значительного долга, который он мне задолжал.

Оказавшись на юге Африки, мы обнаружили, что в вопросе религиозных убеждений королевских особ мало что изменилось к лучшему, по крайней мере, если верить еще одной "беседе", на этот раз между миссионером Моффатом и одним из африканских монархов:

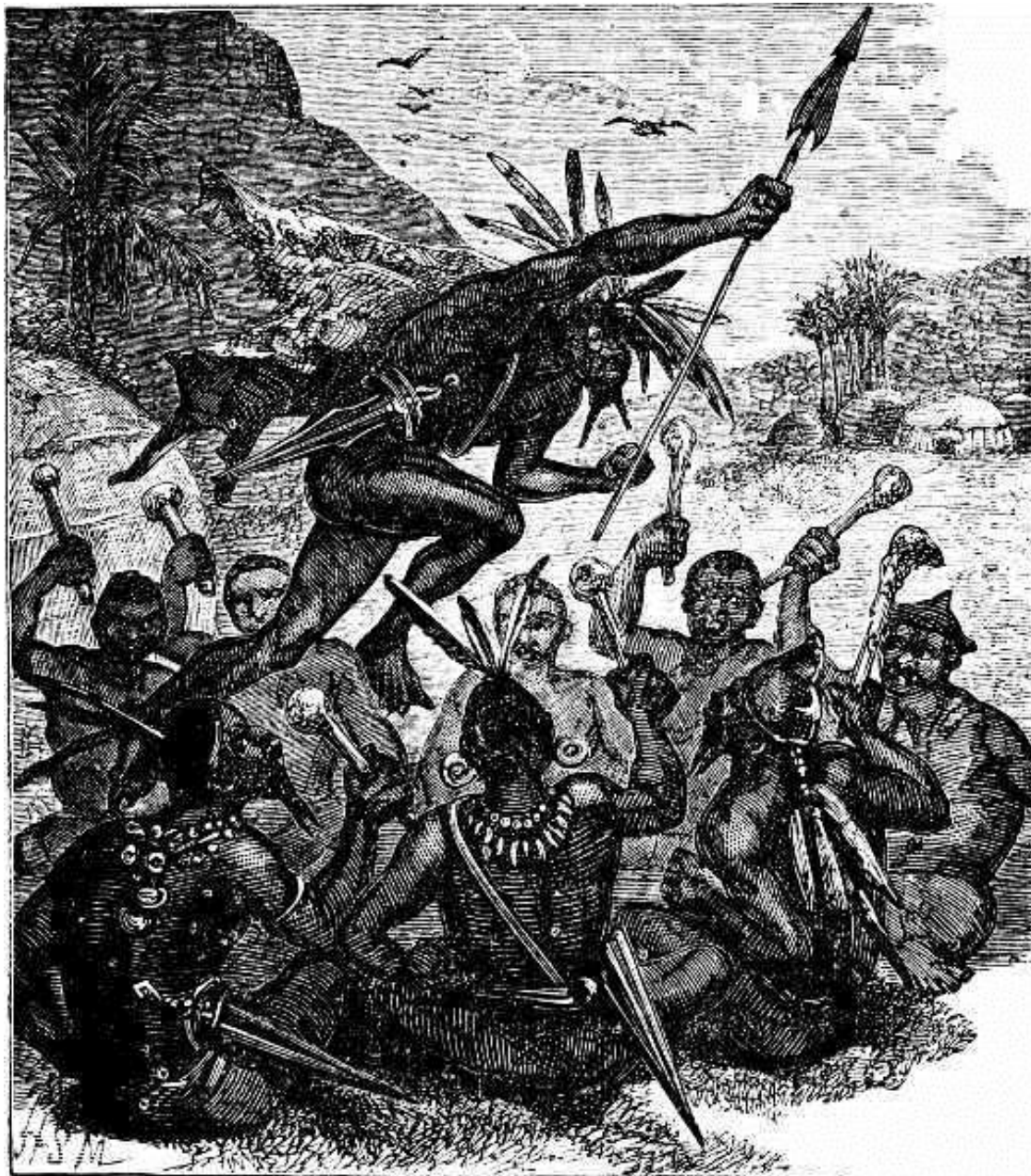
"Сев рядом с этим великим человеком, прославившимся войнами и завоеваниями, в окружении вельмож и советников, включая мастеров дождя и других людей того же порядка, я заявил ему, что моя цель - рассказать ему свои новости. Его лицо озарилось, он надеялся услышать о военных подвигах, уничтожении племен и тому подобных вещах, столь приятных для его дикарского нрава. Когда он понял, что мои темы касаются исключительно Великого Существа, о котором накануне он сказал мне, что ничего не знает, и о миссии Спасителя в этом мире, имени которого он никогда не слышал, он снова взял свой нож и шкуру шакала и напевал что-то на своем родном языке. Один из его людей, сидевших рядом со мной, был поражен характером Искупителя, который я пытался описать, и особенно его чудесами. Услышав, что он воскрешал мертвых, он очень естественно воскликнул: "Каким же прекрасным врачом он должен был быть, чтобы оживлять мертвецов". Это побудило меня описать его силу и то, как эта сила будет применена в последний день при воскрешении мертвых. Во время моих замечаний до слуха монарха дошла потрясающая новость о воскрешении. "Что, - воскликнул он с изумлением, - о чем эти слова; мертвые, мертвые воскреснут?" "Да, - ответил я, - все мертвые воскреснут". "Воскреснет ли мой отец?" "Да, - ответил я, - твой отец воскреснет". "Воскреснут ли все убитые в битве?" - "Да". "А все, кто был убит и съеден львами, тиграми, гиенами и крокодилами, снова оживут?" - "Да, и придут на суд". А воскреснут ли те, чьи тела были брошены на пустынных равнинах и развеяны по ветру?" - спросил он с каким-то торжеством, словно теперь он меня понял. "Да, - ответил я, - ни один не останется в стороне". Я повторил это с большим акцентом. Посмотрев на меня несколько мгновений, он повернулся к своим людям, к которым обратился с речью: "Слушайте, мудрецы, кто бы ни был среди вас мудрейшим из прошлых поколений, слышали ли ваши уши когда-нибудь такую странную и неслыханную новость?И, обращаясь к тому, чей облик и одеяние свидетельствовали о том, что ему много лет, и он был личностью не из простых: "Слышал ли ты когда-нибудь такие странные новости, как эти?" "Нет, - ответил мудрец, - я полагал, что обладаю всеми знаниями страны, ибо слышал рассказы многих поколений. Я нахожусь на месте древних, но мои знания путаются со словами из его уст. Несомненно, он жил задолго до того времени, когда родились мы". Тогда Макаба, повернувшись, обратился ко мне и, положив руку мне на грудь, сказал: "Отец, я очень люблю

тебя. Твой визит и твое присутствие сделали мое сердце белым, как молоко. Слова из твоих уст сладки, как мед, но слова о воскресении слишком велики, чтобы их можно было услышать. Я не хочу больше слышать о том, что мертвые воскресают; мертвые *не могут* воскресать; мертвые *не должны* воскресать". "Почему, - спросил я, - столь великий человек может отказываться от знаний и отворачиваться от мудрости? Скажи мне, друг мой, почему я не должен говорить о воскрешении? Подняв и разжав сильную в бою руку и потрясая кистью, словно копьем, он ответил: "Я зарубил тысячи моих, и разве они воскреснут? Никогда прежде свет божественного откровения не озарял его дикарский разум, и, конечно, совесть никогда не обвиняла его; нет, ни за одно из тысяч насилий и убийств, которыми была отмечена его долгая карьера.

Обращаясь к вождю племени намакуа, я спросил: "Вы когда-нибудь слышали о Боге?" "Да, мы слышали, что Бог есть, но не знаем, какой". Кто сказал вам, что есть Бог?" - "Мы слышали это от других людей". Кто сделал море?" - "Его сделала девушка, когда достигла зрелости и родила сразу несколько детей. Когда она его сделала, сладкие и горькие воды были разделены. Однажды она послала нескольких своих детей за сладкой водой, пока остальные были в поле, но дети упрямылись и не хотели идти за водой, тогда она рассердилась и смешала сладкую и горькую воду вместе; с того дня мы больше не можем пить воду, а люди научились плавать и бегать по воде". "Видели ли вы когда-нибудь корабли?" - "Да, мы видели их очень давно". "Вы когда-нибудь слышали, кто сделал первый корабль?" "Нет, мы никогда этого не слышали". "Вы никогда не слышали, как старики говорят об этом?" "Нет, мы никогда не слышали от них". 'Who made the heavens?' 'Мы не знаем, какой человек их создал'. 'Кто сделал солнце?' - "Мы всегда слышали, что его сделали люди на море; когда оно опускается, они разрезают его на куски и жарят в горшке, а потом снова собирают и вытаскивают на другой берег. Иногда солнце находится у нас над головой, а в другое время оно должно уступить место луне, чтобы пройти мимо". Они говорили, что луна сказала человечеству, что мы должны умереть и больше не оживать; вот почему, когда луна темная, мы иногда болеем. 'Есть ли разница между человеком и зверем?' 'Мы думаем, что человек создал зверей'. 'Видел ли ты когда-нибудь человека, который создал зверей?' 'Нет; я только слышал об этом от других'. 'Знаете ли вы, что у вас есть душа?' 'Я не знаю этого'. 'Как она будет с нами после смерти?' 'Когда мы умрем, мы умрем; когда мы умрем, мы перейдем в морскую воду с той стороны, где дьявол'. "Что вы имеете в виду под дьяволом?" "Он нехороший; все люди, которые умирают, бегут к нему". Как дьявол ведет себя с ними, хорошо или плохо?" "Ты увидишь; там все наши люди, которые умерли (на кораблях). Те люди в кораблях - хозяева над ними".

При таких правителях неудивительно, что простые люди были крайне невежественны и суеверны. Крокодил занимает важное место в их религиозных верованиях. В племенах бамангвато и баквайн, если человека укусил или даже обрызгал водой хвост рептилии, его изгоняют из племени. "Когда мы были в Зуге, - рассказывает д-р Ливингстон, - мы увидели одного из бамангвато, жившего среди байе, который имел несчастье быть укушенным и вследствие этого изгнанным из своего племени. Опасаясь, что я отнесусь к нему с тем же отвращением, которое испытывают его соплеменники, он не сказал мне о причине своего изгнания; но байе сообщили мне о ней; шрамы от зубов были видны на его бедре. Если баквайнцам случалось подойти к аллигатору, они плевали на землю и обозначали его присутствие словами "Болес ки бо", "Вот грех". Они считают, что от одного только вида этого животного воспаляются глаза; и хотя зебру они едят без колебаний, если она укусит человека, его изгоняют из племени и обязывают увезти жену и семью в Калахари. Эти любопытные реликвии прежнего поклонения животным почти не встречаются среди маколло. Себитуане действовал по принципу: "Все, что является пищей для людей,

является пищей для меня", поэтому ни один человек здесь не считается нечистым. Баротсе, похоже, склонны молиться аллигаторам и есть их тоже, поскольку, когда я ранил водяную антилопу, называемую онохозе, она ушла в воду. Когда я приблизился к другому берегу реки, у ее хвоста появился аллигатор, а затем оба они вместе утонули. Машауана, который был ближе к ней, чем я, сказал мне, что, хотя он и призывал ее оставить его мясо в покое, она отказалась слушать".

Сцена гадания.

Южный африканец больше всего верит в силу ведьм. Все, что для него непонятно, должно быть передано "человеку-колдуну" и истолковано им. Когда мистер Казалис был гостем у басуто, он имел возможность наблюдать несколько таких колдовских церемоний. Пусть читатель представит себе длинную процессию чернокожих мужчин, почти в обнаженном виде, ведущих перед собой вола, продвигающихся к возвышенности, на которой стоит несколько хижин, окруженных тростником. Человек свирепого вида, тело которого вымазано охрой, на голове длинные перья, левое плечо покрыто шкурой пантеры, а в руке копье, выбегает вперед, хватая животное и, закрыв его в безопасном месте, становится во главе

отряда, который все еще продолжает свой марш. Затем он начинает гадательную песню, и все голоса присоединяются к возгласу. "Смерть, смерть, низкому колдуну, что крадется среди нас, как тень. Мы найдем его, и он поплатится своей головой. Смерть, смерть колдуну". Затем прорицатель взмахивает копьем и ударяет им в землю, как если бы он уже пронзил свою жертву. Затем, гордо подняв голову, он исполняет танец, сопровождаемый прыжками самого необычного вида, пропуская под ногами рукоять своего копья, которое он держит обеими руками. Достигнув своей обители, он снова исчезает и закрывается в хижине, куда никто не смеет войти. Затем советники останавливаются и садятся на корточки рядом друг с другом, образуя полный круг. У каждого в руке короткая дубинка. Вскоре раздаются громкие возгласы, и грозный прорицатель выходит из своего убежища, где он был занят приготовлением священного напитка, из которого он только что выпил дозу, достаточную для того, чтобы открыть ему тайны всех сердец. Он одним прыжком влетает в середину собрания: все разом поднимают оружие, и земля содрогается от ударов дубин. Если этот страшный шум и не пробуждает адских богов, которых он призывает на совет, то, по крайней мере, вселяет ужас в души тех несчастных, которые еще вынашивают злое замыслы. Прорицатель с большим воодушевлением произносит несколько стихов в честь собственной похвалы, а затем приступает к выяснению того, в чем состоит подарок, который он ожидает получить в дополнение к уже полученному быку, и в чьих руках этот подарок окажется. Это первое испытание его ясновидения призвано развеять все сомнения. Один быстрый взгляд на нескольких единомышленников, рассеянных по всему собранию, убеждает их в их долге.

"Существует, - кричит черный шарлатан, - множество предметов, которые человек может использовать для украшения своей персоны. Может быть, я расскажу о тех продырявленных железных шарах, которые мы получаем из Баролонга?"

Собравшиеся ударяют по земле своими дубинками, но конфедераты делают это осторожно.

"Должен ли я говорить о тех маленьких бусинках разных цветов, которые белые, как нам сказали, собирают на берегу моря?"

Все ударяют с одинаковой силой.

"Я бы скорее сказал, что вы принесли мне одно из этих блестящих медных колец".

На этот раз удары неравны.

"Но нет, я вижу твой подарок; я прекрасно его различаю..... Это ожерелье белых людей".

Все собравшиеся яростно бьют по земле. Прорицатель не ошибся.

Но вот он исчез; он пошел выпить вторую порцию приготовленного напитка.

Теперь он появляется снова. Во время первого акта опытный глаз не преминул заметить человека, который казался более поглощенным, чем остальные, и который выдавал некоторое любопытство и значительную степень смущения. Поэтому он знает, кто владеет настоящим; но, чтобы добавить немного интереса к происходящему, он на мгновение забавляется, поворачивается на пятках, продвигается то к одному, то к другому, а затем с уверенностью внезапного вдохновения бросается к тому, кто прав, и поднимает его мантию.

Теперь он говорит: "Давайте поищем преступника. Ваша община состоит из людей разных племен. Среди вас есть бечуаны (неравные удары по земле), батлокоа (удары еще более неравные), басиасы (все бьют с одинаковой силой), батаунги (удары неравные). Со своей стороны, я не ненавижу ни одно из этих племен. Жители одной страны должны любить друг

друга без различия происхождения. Тем не менее, я должен говорить. Бейте, бейте, колдун принадлежит басиасам".

Жестокие и продолжительные удары.

Прорицатель снова идет пить из сосуда, в котором хранится его мудрость. Теперь ему предстоит заниматься лишь очень малой частью преступного населения. По возвращении он тщательно перебирает имена людей, принадлежащих к этой фракции. Это очень легко в стране, где почти все имена собственные заимствованы из того или иного царства природы. Различная степень жестокости, с которой дубинки падают на землю, дает ему понять, в каком порядке он должен вести свое расследование, и фарс продолжается до тех пор, пока имя преступника не будет названо, и фарс суда не закончится, и не начнется трагедия наказания.

У дамаров Южной Африки есть несколько любопытных представлений о цвете волов: одни не будут есть плоть тех, кто отмечен красными пятнами, другие - черными или белыми; если у овцы нет рогов, некоторые не будут есть ее плоть. Поэтому, если предложить мясо дамару, он, скорее всего, спросит, какого цвета животное, есть ли у него рога или нет. И если окажется, что это запретное мясо, он откажется от него, иногда даже умирая от голода, чем принимая пищу. Этот религиозный обычай дошел до такой степени, что иногда они не подходят ни к одному из сосудов, в которых готовится мясо, а дым от огня, на котором оно варится, считается очень вредным. За каждое дикое животное, убитое молодым человеком, отец делает четыре продолговатых надреза на его теле; кроме того, ему дарят овцу или корову, молодняк которой, если он есть, забивают и съедают; к этому допускаются только мужчины. Если спортсмен возвращается с удачной охоты, он набирает в рот воды и трижды выплескивает ее на ноги, а также в огонь собственного очага. Когда скот требуется для еды, его душат, а когда для жертвоприношений - закалывают.

Одна из самых прибыльных отраслей профессии языческого жреца - "производство" дождя; в то же время, как легко понять, это самозванство окружено опасностями самого обычного характера. Если дождь выпадает в разумные сроки, согласно договору, то люди, которые в засушливых районах довольны и счастливы, тогда как еще вчера они увядали, как зимние стебли, так восхищены, что изготовитель дождя непременно получит обильные подарки сверх оговоренных условий. Но если дождемер не выполнит условия своего контракта, если он пообещает "дождь в течение трех дней", а на четвертый, и пятый, и шестой, и седьмой день придет и обнаружит, что блестящее небо не запятнано, а люди измучены и обезумели от жажды, то какое более ужасное положение можно представить себе, чем то, что по его вине не утолена всеобщая жажда? "Еще не было известно ни одного человека, вызывающего дождь, - пишет один известный миссионер, - который умер бы естественной смертью". Неудивительно! Возможно, стоит ознакомиться со следующим рассказом мистера Моффата об экспериментах и недоумениях одного из создателей дождя.

В течение нескольких лет бечуаны в Курумане страдали от сильной засухи и собрали совет о том, какие меры лучше предпринять для устранения этого бедствия. После некоторых дебатов было принято решение послать за известным мастером дождя, который в то время жил среди бахурутси, в двухстах милях к северо-востоку от станции. Соответственно, были отправлены уполномоченные со строгими предписаниями не возвращаться без этого человека; но люди отправились в путь с некоторым сомнением в успехе своей миссии. Однако, благодаря большим обещаниям, они добились успеха, превзойдя самые смелые ожидания.

За время отсутствия послов небеса были как медь, и почти ни одно облачко не заслоняло небо, которое сияло ослепительными лучами вертикального солнца. Но, как ни странно, в тот самый день, когда было объявлено о приближении дождя, тучи начали сгущаться, сверкнула молния и грянул гром, сопровождаемый несколькими каплями дождя. Обманутая толпа обезумела от восторга; они разорвали небо своими радостными восклицаниями, и земля зазвенела от их ликующих и безумных криков. Перед тем как вошел в город, создатель дождя послал всем жителям императивный приказ омыть ноги. Не успело это сообщение прозвучать, как все души, молодые и старые, знатные и не знатные, устремились к соседней реке, чтобы повиноваться приказу человека, который, по их представлениям, собирал на небесах все свои запасы дождя.

Самозванец громко объявил, что в этом году женщины должны возделывать сады на холмах, а не в долинах, потому что последние будут затоплены. Туземцы, воодушевившись, увидели, что их кукурузные поля уже развеваются на ветру, а стада и отары возвращаются домой к полудню от изобилия пастбищ. Он рассказал им, как в гневе опустошил города врагов своего народа, простерши руку и повелев облакам прорваться на них; как задержал продвижение мощной армии, вызвав наводнение, которое образовало могучую реку и остановило их ход. Эти и многие другие притворные проявления его силы были восприняты как трезвая правда, и вождь и вельможи смотрели на него с немим изумлением. Весть о его славе распространилась как лесной пожар, и правители соседних племен пришли выразить ему почтение.

Чтобы продолжить обман, он, когда появлялись тучи, приказывал женщинам не сажать и не сеять, чтобы семена не смыло. Он также требовал, чтобы они ходили в поле и собирали определенные корни трав, с помощью которых он мог бы зажечь то, что казалось туземцам таинственным огнем. Окрыленные надеждой, они толпами отправлялись на холмы и в долины, собирали травы, возвращались в город с песнями и складывали собранное у ног мага. С ними он иногда отправлялся на определенные холмы и поднимал дым; с радостью он вызывал и ветер, если мог это сделать, прекрасно зная, что последний часто является предвестником дождя. Он выбирал для своей цели время новолуния и полнолуния, зная, что в это время часто происходят изменения в атмосфере. Однако в этих краях управлять облаками оказалось сложнее, чем в стране Бахурутси, откуда он прибыл.

Однажды, когда он крепко спал, выпал дождь, и один из главных людей вошел в дом, чтобы поздравить его с этим счастливым событием; но, к своему изумлению, он обнаружил, что волшебник совершенно не замечает происходящего. "Хела ка редкий (хэлу, по отцу)! Я думал, ты вызываешь дождь", - сказал незванный гость. Очнувшись от дремоты и увидев, что его жена сидит на полу и трясет мешок с молоком, чтобы получить немного масла для помазания волос, хитрый создатель дождя ловко ответил: "Разве ты не видишь, как моя жена быстро взбивает дождь?" Этот готовый ответ удовлетворил всех, и вскоре по городу разнеслась весть о том, что дождевик взбил дождь из молочного мешка.

Однако влага, вызванная этим ливнем, вскоре иссякла, и в течение долгой недели не появилось ни облачка. Женщины возделывали обширные поля, но семена валялись в земле, как выброшенные из рук; скот умирал из-за отсутствия пастбищ, и сотни истощенных мужчин ходили на поля в поисках вредных корней и рептилий, а другие умирали от голода.

Дождь.

Все эти обстоятельства очень раздражали создателя дождя, и он жаловался, что тайные плуты не подчиняются его прокламациям. Когда ему предлагали повторить испытания, он отвечал: "Вы даете мне убивать только овец и коз, поэтому я могу сделать только козий дождь; дайте мне жирных быков для убоя, и я дам вам бычий дождь".

Однажды ночью над городом прошла небольшая туча, и в дерево ударила одна-единственная вспышка молнии, из которой вырвался сильный раскат грома. На следующий день в городе собрались люди, чтобы провести обычную церемонию по случаю такого события. На пораженное дерево поднялись, обвязали корни и веревки из травы вокруг разных частей ствола. Когда эти повязки были сделаны, фокусник положил несколько своих нострумов и получил большое количество воды, которую он с большой торжественностью вылил на раненое дерево, а собравшаяся толпа закричала. Дерево срубили, вывезли за город и сожгли в пепел. Вскоре после этого дождевик принес большие чаши с водой, в которой был смешан настой луковиц. Всех жителей города заставили пройти перед ним, и он окропил каждого хвостом зебры, смоченным в воде.

Увидев, что это не произвело желаемого эффекта, самозванец прибег к другой хитрости. Он прекрасно знал, что бабуинов не так-то просто поймать среди скалистых лесов и обрывов, и поэтому, чтобы выиграть время, сообщил людям, что для дождя ему нужен бабуин. Более того, на его теле не должно быть ни единого волоска, словом, животное должно быть без единого изъяна. После долгой и суровой погони, с израненными телами, группе избранных бегунов удалось поймать молодого павиана, которого они с триумфом и ликованием привели обратно. Увидев животное, разбойник принял выражение глубочайшей скорби и воскликнул: "Мое сердце разрывается на части! Я онемел от горя!", указывая при этом на ухо бабуина, которое было слегка поцарапано, и на хвост, лишившийся шерсти. Он добавил: "Разве я не говорил тебе, что не смогу вызвать дождь, если не будет хватать одного волоска?"

Он часто говорил, что если ему дадут сердце льва, то он покажет им, что может вызвать такой обильный дождь, что человек может счесть за благо укрыться под кровом, так как во время дождя он может сметать целые города. Он обнаружил, что тучам нужны сильные лекарства, а для этого подойдет львиное сердце. Добыть его, как хорошо знал создатель дождя, было делом нешуточным. Однажды стало известно, что лев напал на одну из скотоводческих стоянок неподалеку от города, и отряд отправился туда с двойной целью - добыть ключ к облакам и избавиться от опасного врага. Приказ был настоятельным, какими бы ни были последствия. К счастью, лев был застрелен человеком, вооруженным ружьем. Обрадованные успехом, они тут же вернулись со своим трофеем, распевая хором песню завоевателя. Создатель дождя тут же занялся приготовлением лекарств, разжег костры и, встав на вершине холма, простер руки, призывая облака приблизиться, время от времени потрясая копьем и угрожая им своим гневом, если они не подчинятся его приказам. Жители верили всему этому и удивлялись, что дождь не идет.

Обнаружив, что труп, который был положен в землю несколько недель назад, не получил достаточно воды при захоронении, и зная отвращение бечуанов к мертвому телу, он приказал вынести труп, вымыть его и снова похоронить. Вопреки его ожиданиям, и как ни ужасна была эта церемония, она была проведена. Но небеса оставались неумолимыми.

Исчерпав все свое мастерство и изобретательность, самозванец начал мучительно искать, на кого бы свалить вину. Как и все представители его профессии, он был тонким человеком, привыкшим изучать человеческую натуру, приветливым, острым, с достоинством держащимся, с изрядной долей самодовольства, которое он не мог скрыть. До сих пор он старательно избегал наносить миссионерам малейшие обиды, которые, по его мнению, были людьми мирными и не склонными к ссорам. Он часто снисходил до визитов к ним и в ходе беседы нередко выражал слабое согласие с их мнением относительно источников того элемента, над которым он претендовал на суверенный контроль. Однако все его ухищрения не привели к желаемому результату, и, несмотря на многочисленные доказательства доброты, которые он получил от миссионеров, он начал намекать, что преподобные джентльмены являются причиной упрямства туч. Однажды выяснилось, что дождь был предотвращен благодаря тому, что мистер Моффат привез с собой мешок соли из путешествия, которое он совершил в город Грикуа. Но обнаружив при осмотре, что упомянутая соль - всего лишь белая глина или мел, туземцы не могли не посмеяться над собственной доверчивостью.

От инсинуаций он перешел к открытым обвинениям. Просидев в уединении две недели, он однажды появился на публике и объявил, что наконец-то обнаружил причину засухи. Продержав публику в напряжении некоторое время, он внезапно разразился речью: "Разве вы не видите, - спросил он, - когда тучи накрывают нас, Гамильтон и Моффат смотрят на них? Их белые лица отпугивают их, и вы не можете ожидать дождя, пока они находятся в стране".

Это был удар по дому. Люди стали нетерпеливы и осыпали проклятиями бедных миссионеров как причину всех своих горестей. Колокол, в который звонили для общественного поклонения, по их словам, пугал пар; молитвы даже получили свою долю вины. "Разве вы, - сказал однажды вождь мистеру Моффату, - не преклоняетесь в своих домах и не молитесь, а разговариваете с чем-то плохим в земле?"

Но если говорить коротко, то после того, как миссионеры подвергли себя большому риску и опасности своими инсинуациями и обвинениями, ситуация изменилась в их пользу. Теперь дождевого мастера подозревали, его грубые проступки были раскрыты, и он собирался понести смертную казнь - заслуженное вознаграждение за свое скандальное поведение, когда мистер Моффат великодушно вмешался и благодаря своему уму и гуманности сумел спасти жизнь того, кто так часто угрожал его собственной, и кто не побрезговал бы ее отнять, если бы таким образом послужил своей цели. Смерть, однако, вскоре настигла его, и в конце концов он был убит среди народа бауангкетси.

Вряд ли найдется на земле дикая страна, в которой не было бы профессиональных мастеров дождя; в Фиги они есть; и они, как и другие игроки в азартные игры, иногда выигрывают так, что это кажется удивительным даже образованному европейцу.

Во время пребывания мистера Симана в Фиджи один из дней выдался дождливым, что не позволило ему совершить экскурсию. Когда он выразил свое сожаление по этому поводу, привели человека, которого можно назвать клерком погоды. Он утверждал, что оказывает прямое метеорологическое влияние, и говорил, что, сжигая определенные листья и произнося молитвы, известные только ему, он может заставить солнце светить или дождь идти; и что он готов использовать свое влияние от имени мистера Симана, если ему хорошо заплатят. Ему сказали, что нет никаких возражений против того, чтобы дать ему мясницкий нож, если он сможет сделать хорошую погоду до тех пор, пока путешественники не вернутся на побережье; но если ему это не удастся, он должен будет дать что-то за разочарование. Он был совершенно готов рискнуть, чтобы получить нож, но не хотел слышать о неустойке в случае неудачи; однако он остался ловить угрей. "Когда он вернулся, - рассказывает мистер Симан, - тучи рассеялись, солнце сияло, и он не преминул сообщить мне, что "был и сделал это". Далее я должен отдать ему должное, сказав, что не испытывал никакой непогоды, пока не достиг побережья; и что едва я ступил на землю Навуа, как дождь хлынул обычным потоком". Этот человек, вероятно, внимательно наблюдал за погодой, и обнаружил те тонкие местные признаки грядущих перемен, с которыми знакомы люди во всех странах, живущие под открытым небом; и, скорее всего, он не приступает к работе, пока не будет уверен в успехе".

Это была не единственная необычная церемония, свидетелем которой стал джентльмен, упомянутый выше, и который является самым последним из путешественников Фиджиана. Однажды во время прогулки он и его друзья встретили компанию туземцев и были поражены тем фактом, что все молодые парни были в состоянии абсолютной наготы; расспросив их, они узнали, что ведутся приготовления к празднованию вступления старшего сына Курудвадуа в мужское достоинство, и что до этого времени ни молодой вождь, ни его товарищи по играм не могут носить скучную одежду, свойственную фиджийцам. Сувана, мятежный город, насчитывающий около пятисот человек, был предназначен для жертвоприношения по этому случаю. Когда приготовления к празднику были закончены и назначен день церемонии, Курудвадуа и его воины должны были ворваться в город и забить жителей без разбора. Тела должны были быть свалены в одну кучу, а сверху на спине должен

был лежать живой раб. Затем молодой вождь поднимался на страшный эшафот и, стоя прямо на груди раба и держа в поднятых руках огромную дубину или оружие, жрецы обращались к своим богам, поручая будущего воина их особой защите и молясь, чтобы он убил всех врагов племени и никогда не был побежден в бою; возгласы и крики собравшейся толпы завершали молитву. Затем два дяди мальчика поднимались на человеческую кучу и надевали на него малу или пояс из белоснежной *тапы*; толпа снова призывала божества сделать его великим завоевателем и ужасом для всех, кто питает вражду к Навуа. *Повязка* для такого случая могла быть длиной в двести ярдов и шириной в шесть или восемь дюймов. Обмотав его вокруг тела, парень будет едва различим, и никто, кроме дяди, не сможет его снять.

"Мы предложили, - говорит мистер Симан, - вождю разрешить нам надеть *малу* на его сына, от чего он сначала отказался, но после обсуждения со своими людьми согласился. В назначенный час все собрались в доме великих чужеземцев, или *буре ни са*. Парень стоял посреди собрания без одежды и держал над головой пистолет. Мы с консулом подошли и в надлежащей форме завернули его в тридцать ярдов манчестерской ткани, священник и народ распевали песни и взывали к защите своих богов. После этого консул произнес короткую речь, побуждая юношу к более благородным усилиям для своего племени, чем те, что были известны его предкам, и указывая на путь славы, который открыла перед ним цивилизация. Церемония завершилась питьем кара и воспеванием исторических воспоминаний о предках юноши; таким образом мы спасли жизни пятистам мужчинам. Во время всей этой церемонии старый вождь был очень расстроен, и по его щекам текли слезы; вскоре, однако, приободрившись, он дал нам полный отчет о том, когда он достиг совершеннолетия, и о количестве людей, которые были убиты в честь этого события".

Вернемся, однако, к делу о дожде. К счастью для тупого язычника, эти его лжесвященники не имеют возможности обучаться своему ремеслу ни в Англии, ни в Америке; если бы это было так, только небеса знают, до какой ужасной степени они были бы одурачены. Особенно это было бы приятно для изготовителей дождя, по крайней мере, если бы все они были так же умны, как мистер Петерик, который в своей книге "Египет и Судан" не стеснясь рассказывает, как он "барнумировал" африканцев в качестве изготовителя дождя.

"Приближался сезон дождей, а вестей о моих людях все еще не было, и туземцы ежедневно продолжали окружать мой лагерь и пытались, иногда сообщая об убийстве моих людей, а иногда нападая на нас ночью, когда в темноте мы не могли их видеть, побудить нас вернуться на наши лодки и бросить наше имущество. Они настаивали на этом более упорно, так как были убеждены, что, пока мы остаемся в стране, дождей не будет, и они сами и их скот погибнут от голода. Всерьез задумавшись над этой идеей, я однажды прямо заявил вождю и нескольким главным мужчинам об абсурдности их утверждений и попытался объяснить, что только Бог, сотворивший небо и землю, может осуществлять какую-либо власть над стихиями. Внимание, с которым была встречена моя речь, побудило меня продлить ее, но, к моему огорчению, по ее окончании к ней отнеслись как к большой шутке, и это только еще больше убедило их в том, что я старался скрыть от них свои собственные силы. Не находя облегчения от их усиливающихся преследований, я в конце концов пустился на хитрость и, сославшись на старинный еженедельник "*Таймс*", сказал им, что Верховное Существо, в чьи обязанности входит давать им столь желанные дожди, не дает их из-за их негостеприимства по отношению ко мне; это, хотя и привело к увеличению временных запасов, не смогло побудить их снабдить меня носильщиками. Бесконечны были трудности и нелепости, к которым я прибегал, чтобы получить передышку, но больше всего меня и моих последователей позабавил следующий случай. Депутация из нескольких сотен человек во

главе с вождем из своих краалей, расположенных на расстоянии нескольких миль, самым решительным образом потребовала дождя или моего немедленного отъезда; последнее они были намерены осуществить любой ценой. Поставив своих людей под оружием в загон, с парой револьверных пистолетов у пояса и первоклассной револьверной винтовкой Дина и Адамса в руках, я вышел к ним и уселся в центре, напротив вождя, человека ростом в шесть футов шесть дюймов и пропорционально хорошо сложенного. Я заявил, что никакие запугивания не могут вызвать дождь, а что касается принуждения меня уйти, то я бросил им вызов; что если бы я захотел, то одним выстрелом из своего ружья мог бы уничтожить все племя и их скот в одно мгновение; но что касается дождя, то я посоветуюсь с моим оракулом, и предложил им предстать передо мной завтра, после чего с таким достоинством, какое только было в моих силах, удалился. Чувства дикарей были различны. Одни выражали желание выполнить мое пожелание, другие проявляли склонность обрушиться на меня. Хотя я был убежден, что вождь Тшол тайно подбадривает своих людей, в данном случае он продемонстрировал это в мою пользу; он пригрозил им проклятием, если они не разойдутся. Теперь нужно было придумать какое-то средство, чтобы получить отсрочку для желанных дождей; и, собравшись с духом, я придумал способ, который сразу же привел в исполнение. Отрядив несколько человек для ловли полудюжины крупных мух, чем-то напоминающих мух-скакунов, но гораздо более крупных, которые кишели во временном сарае, где содержался мой осел, люди, уверенные в успехе любого моего начинания, принялись за дело с готовностью. В течение полудня они были удачно добыты и отправлены в пустую бутылку. В назначенное время мои преследователи не преминули явиться, и, трясая цветком над мухомором, я вышел к ним с бутылкой в руке. Затронув их нужды, я разразился длинной речью, рассказывая о грабежах, которые, как я узнал из разговора с вождем, они совершали над скотом соседних племен, и об убийствах беззаконников, попавших в их власть; также о нескольких случаях похищения девушек из бедных незащищенных семей их собственного племени без выплаты обычного приданого скотом, и говорил о невозможности получения ими дождя, пока не будет возмещения и удовлетворения. Они единодушно отвергли все обвинения; тогда я сказал им, что это не менее, чем я ожидал, но что у меня есть средства убедиться в правдивости их утверждений. Доказательство будет заключаться в том, что они вернут мне мух, которых я намеревался освободить из бутылки, которую держал в руках. Если им это удастся, они будут вознаграждены обильным дождем; если же хоть одна муха ускользнет, это будет свидетельствовать об их вине, и они будут наказаны продолжением засухи до тех пор, пока не возместят ущерб; поэтому в их собственных силах было добиться дождя или чего-то другого. Сотни дубин и копий были подняты высоко в воздух под громкие крики "Отпустите их! Отпустите их! Отпустите их!". Помолившись о безопасности моих мух, я поднял бутылку и, разбив ее о ствол винтовки, с удовлетворением увидел, как мухи наслаждаются своей свободой. Мужчины, женщины и дети бросились в погоню, и можно представить себе восторг моих людей от успеха этой уловки. Только после захода солнца гребенщики вернулись, их успех ограничился поимкой двух мух, хотя было добыто несколько поддельных, легко определяемых по отсутствию отличительного значка муки. Последовало долгое совещание, и, твердо веря моему оракулу, они решили принять меры для выполнения его требований, но с угрозой, что если обещанного дождя не последует, то я буду им мстить. Зная, какие трудности их ожидают из-за нежелания расставаться со скотом ни при каких обстоятельствах, я пообещал себе надолго прекратить их домогательства. Я не был разочарован".

Мы продвигались все дальше вглубь страны, и все еще не было никаких признаков изменений; не то чтобы этого следовало ожидать, поскольку в этот регион - Экваториальную Африку - христианский крестоносец так и не проник, если только мы не считаем так господина Дю Шайю, который, несомненно, сделал все возможное, чтобы хотя бы своим

примером убедить варварский народ, среди которого он оказался, в преимуществах христианства. Вот пример одной из многих суббот, проведенных знаменитым охотником на горилл среди дикарей, живущих здесь.

"На следующий день было воскресенье, и я спокойно оставался в своем доме, читая Писание, и благодарил за то, что у меня есть день отдыха и размышлений. Моих охотников с трудом уговорили не охотиться; они заявили, что для белых людей воскресенье, может быть, и подходит, но чернокожие не имеют к нему никакого отношения. И действительно, когда обычаи сталкиваются, единственный ответ, который может дать негр, - и это относится ко всему, - это то, что Бог, создавший белых, не есть Бог, создавший черных".

"Тогда король и многие его люди собрались вокруг меня, и мы поразили друг друга своей беседой. Я сказал им, что их фетиши и григри бесполезны и не имеют никакой силы, и что нелепо ожидать чего-либо от простого деревянного идола, который человек сделал и может сжечь. А также о том, что колдовства не существует и что убивать людей, обвиненных в нем, очень неправильно; что есть только один Бог, которого должны одинаково любить и от которого должны зависеть и белые, и черные. Все это вызвало лишь удивленные и недоверчивые возгласы.

"Тогда король взял разговор в свои руки и заметил, что мы, белые люди, пользуемся большой благосклонностью нашего Бога, который так добр, что посылает с небес ружья и порох.

"Тогда брат короля заметил, что, должно быть, очень хорошо, когда по нашей стране круглый год текут реки алугу (рома), и что он хотел бы жить на берегу такой реки.

"После этого я сказал, что мы сами делаем оружие, во что, похоже, никто не поверил; и что у нас нет рек рома, что, похоже, разочаровало некоторых".

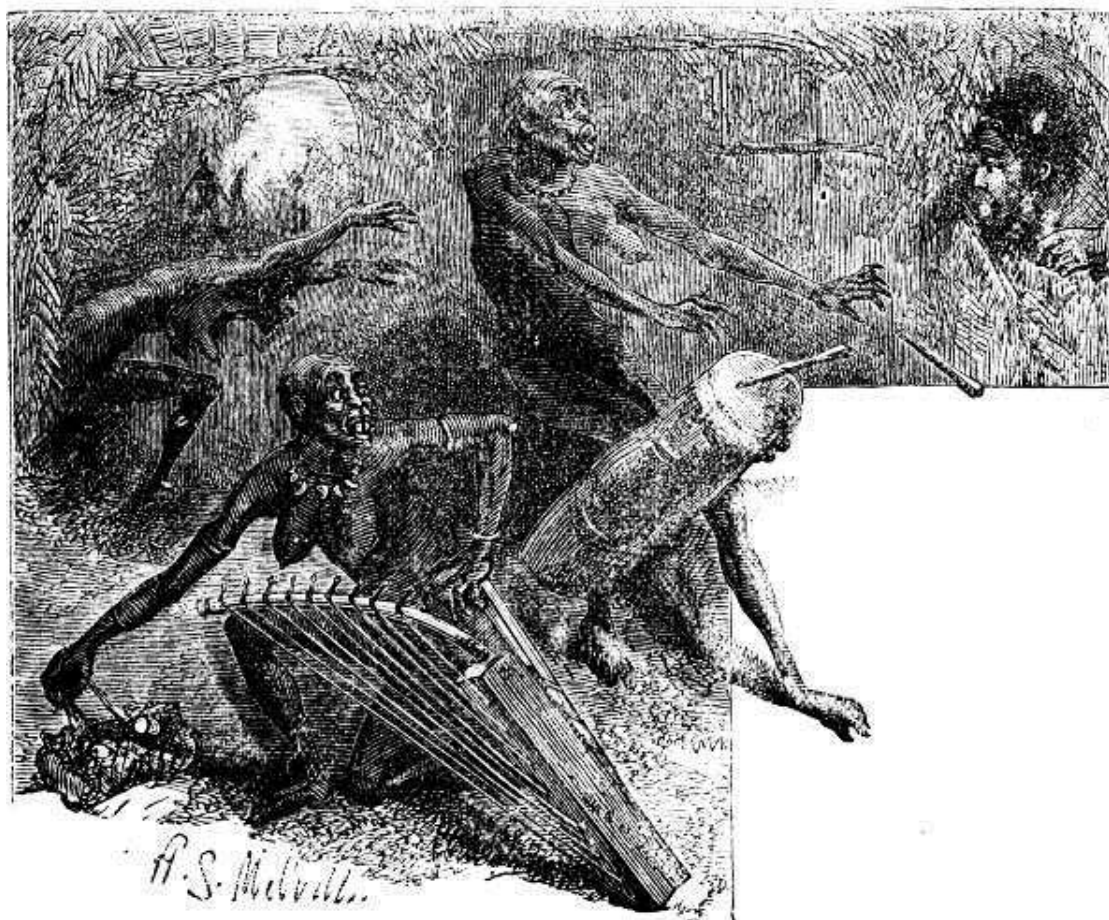
Похоже, что наш путешественник проявил не меньшее любопытство к необычным обрядам и суевериям этих экваториальных африканских язычников, чем к христианству.

"Однажды женщины начали своеобразное поклонение Нджамбаю, который, похоже, является их добрым духом: примечательно, что все кланы бакалай и все женщины племен, которых я встречал во время своих путешествий, поклоняются или почитают духа с таким же именем. Вблизи берега моря его произносят как Ньембай, но, очевидно, это одно и то же имя.

"Это поклонение женщин является своего рода тайной, никто из мужчин не допускается к церемониям, которые проводятся в доме, очень тщательно закрытом. Этот дом был покрыт сухими пальмовыми и банановыми листьями, и в нем не было даже двери, открытой на улицу. Чтобы все было закрыто, его поставили напротив двух других домов, и вход был через один из них. Кенгеа и Мбанго предупредили меня, чтобы я не приближался к этому месту, так как им не разрешалось даже взглянуть на него. Все женщины деревни раскрашивали свои лица и тела, били в барабаны, маршировали по городу и время от времени входили в дом идола, где танцевали всю ночь и производили более возмутительный шум, чем даже мужчины до этого. Они также преподнесли богине несколько антилоп, а 4-го числа все, кроме нескольких, ушли в лес, чтобы спеть Нджамбаи.

"Я заметил, что полдюжины остались и в течение утра вошли в дом Нджамбаи, где и остались в полном молчании. Теперь мое любопытство, которое было сильно возбуждено желанием узнать, что происходит на этом тайном богослужении, наконец-то победило меня. Я решил посмотреть. Пройдя несколько раз вверх и вниз по улице мимо дома, чтобы отвести подозрения, я, наконец, неожиданно отодвинул листья и просунул голову сквозь стену. На

мгновение я ничего не смог различить в темноте. Затем я увидел трех совершенно голых старых ведьм, сидящих на глиняном полу, с огромной связкой григри, которую они, казалось, молча обожали.

Взгляд Дю Шайю на языческий храм.

"Увидев меня, они сразу же подняли страшный вой ярости и бросились звать своих товарищей из кустов; через несколько минут те прибежали, плача и причитая, бросились ко мне с гневными жестами и угрожали мне за мой проступок. Я быстро добрался до своего дома и, взяв в одну руку ружье, а в другую - револьвер, сказал им, что застрелю первого, кто войдет в мою дверь. Дом окружили более трехсот разъяренных женщин, каждая из которых выкрикивала в мой адрес проклятия, но вид моего револьвера заставил их отступить. Вскоре они удалились в дом Нджамбаи, а оттуда прислали депутацию из мужчин, которые должны были сообщить мне, что я должен заплатить за то, что натворил.

"Я категорически отказался это сделать, сказав Кенгуэзе и Мбанго, что я здесь чужак и должен поступать, как мне заблагорассудится, поскольку их правила не имеют никакого значения для меня, белого человека, который не верит в их идолов. По правде говоря, если бы я хоть раз заплатил за такую трансгрессию, для меня бы закончились все путешествия, поскольку я часто нарушал их абсурдные правила, сам того не зная, и единственным выходом было объявить себя безответственным.

"Однако женщины не сдавались и угрожали мстью не только мне, но и всем мужчинам города; а так как я решительно отказывался что-либо платить, то наконец, к моему большому удивлению, Мбанго и его подданные-мужчины решили, что они сами принесут из своего имущества такую жертву, какую требовали от меня женщины. Мбанго выделил десять

саженной туземной ткани, и мужчины один за другим стали класть на землю свои приношения: несколько тарелок, несколько ножей, несколько кружек, несколько бус, несколько циновок и разные другие предметы. Мбанго снова подошел и спросил, не хочу ли и я что-нибудь пожертвовать, но я отказался. На самом деле я не смел создавать такой прецедент. Поэтому, когда все дали, что могли, всю сумму отнесли возмущенным женщинам, на что Мбанго сказал, что я его и его людей гость, и что они не могут просить меня платить в таком деле, поэтому они сами заплатили требуемое. Этим женщины были удовлетворены, и на этом ссора закончилась. Разумеется, я не мог больше исследовать их тайны. Праздник Нджамбаи длится около двух недель. Мне удалось узнать очень мало о духе, которого они называют этим именем. Их собственные представления весьма туманны. Они знают только, что он защищает женщин от врагов-мужчин, мстит за их обиды и служит им различными способами, если они ему угодят".

Перед тем как Шайю покинул Гумби, жители предприняли грандиозную попытку выяснить причину страданий своего короля. Куэнгуэса послал своим людям весточку, чтобы они обратились к Илого, духу, который, как говорят, живет на луне. Обряд был очень любопытным. Чтобы обратиться к Илого, время должно быть близким к полнолунию. Рано вечером женщины города собрались перед домом Кенгуэсы и запели песни, посвященные луне и восхваляющие ее. В это время в центре круга певиц сидела женщина, которая пела вместе с ними и постоянно смотрела на луну. Она должна была вдохновляться духом и произносить пророчества.

Две женщины безуспешно пытались занять этот пост. Наконец появилась третья, маленькая женщина, жилистая и нервная. Когда она села, пение удвоилось в ярости - люди успели сильно возбудиться; барабаны били, чужаки безумно кричали. Вскоре женщина, которая, неистово распевая, неотрывно смотрела на луну, начала дрожать. Нервы ее дергались, лицо исказилось, мышцы вздулись, и наконец конечности выпрямились, и она бесчувственно легла на землю.

Волнение было сильным, а шум - ужасным. Песни, обращенные к Илогу, не прекращались ни на минуту. Слова были мало изменены и сводились к следующему:

"Илого, мы просим тебя,

Скажи, кто околдовал короля!

Илого, мы просим тебя,

Что нам сделать, чтобы вылечить короля?

Леса - твои, Илого!

Реки - твои, Илого!

Луна - твоя.

О луна! О луна! О Луна!

Ты - дом Илого.

Должен ли король умереть, о Илого?

О Илого! О Луна! О луна!"

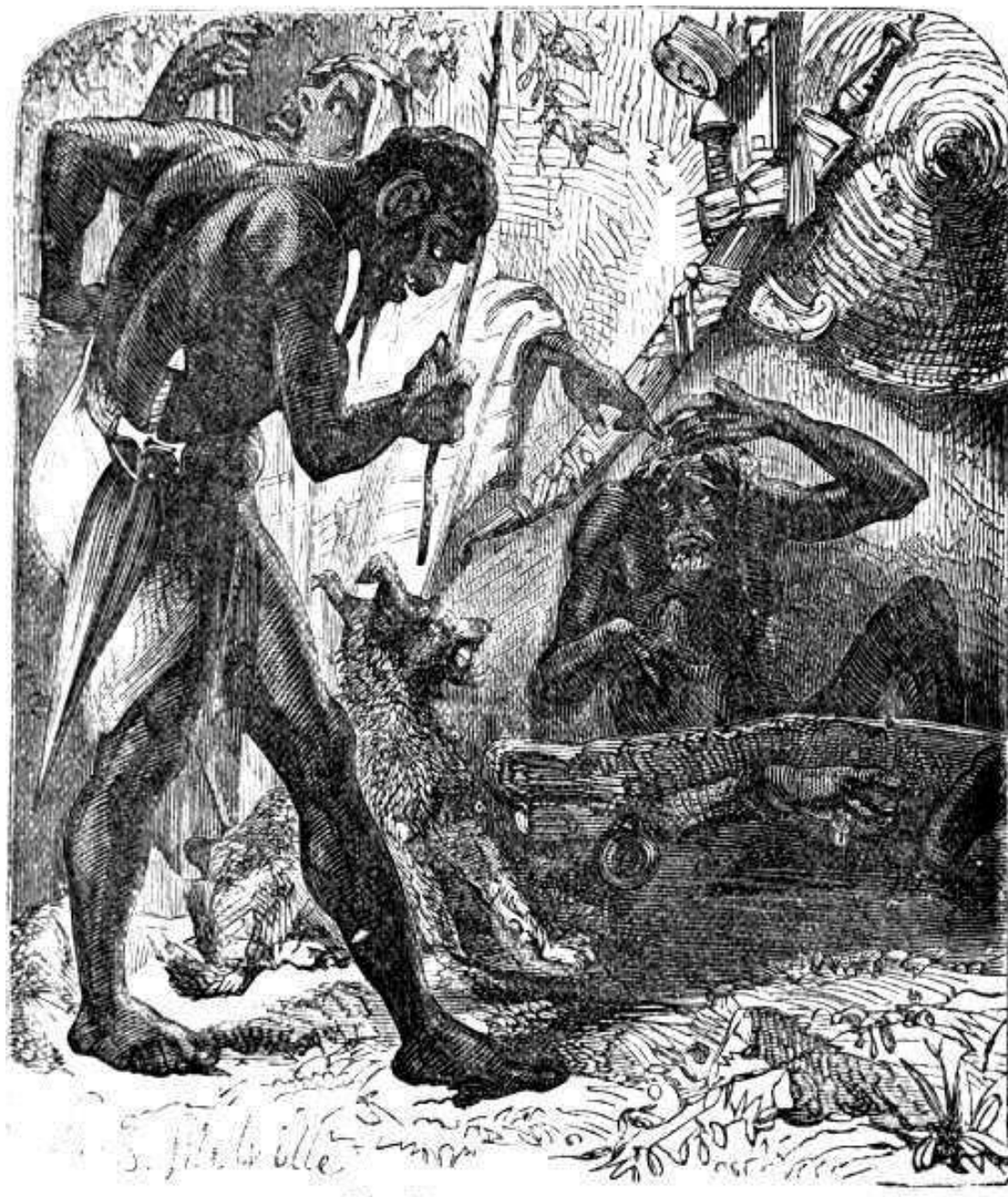
Эти слова повторялись снова и снова с небольшими изменениями. Женщина, которая некоторое время лежала так, как упала, как предполагалось, могла видеть вещи в мире Илого, и после получасового бесчувствия была приведена в чувство; она выглядела очень сильно продрогшей. Она утверждала, что видела Илого, что он сказал ей, что Кенгуэса не околдован.

Однажды Чайлу случайно услышал, что некий человек был задержан по обвинению в причинении смерти одному из главных людей деревни, и пошел к Дайоко, королю, и спросил об этом. Тот ответил, что да, этот человек должен быть убит, что он известный волшебник и причинил много зла.

Чайлу попросил показать ему это ужасное существо, и его привели в грубую хижину, внутри которой сидел старый, дряхлый человек с белой, как снег, шерстью, морщинистым лицом, сгорбленной фигурой и исхудавшими конечностями. Его руки были связаны за спиной, а ноги помещены в грубое подобие колодок. Это и был великий волшебник. Несколько ленивых негров стояли на страже и время от времени оскорбляли его нецензурными выражениями и ударами, которым бедный старый негодяй молча подчинялся. Очевидно, он был в преклонном возрасте.

Когда его спросили, нет ли у него друзей, родственников, сына, дочери или жены, которые могли бы позаботиться о нем, он печально ответил: "Никого".

Вот в чем был секрет этих гонений. Им надоело заботиться о беспомощном старике, который прожил слишком долго, и обвинение в колдовстве, выдвинутое мужественным человеком, стало удобным предлогом, чтобы убрать его с дороги.

Волшебник в колодках.

Однако Шайю отправился к Дайоко, поспорил с ним и попытался объяснить нелепость обвинения безобидного старика в сверхъестественных способностях; сказал ему, что Бог не допускает существования ведьм, а также предложил купить старого негодяя, предложив за него несколько фунтов табака, одну или две шубы и несколько очков - товары, за которые можно было бы купить трудоспособного раба.

Дайоко ответил, что, со своей стороны, был бы рад спасти его, но решать должны люди; что они сильно настроены против него, но он, чтобы угодить Шайю, постарается сохранить ему жизнь.

В последующую ночь наши путешественники слышали пение по всему городу и большой шум. Очевидно, они готовились убийству. Даже эти дикари не могут убивать хладнокровно, они сначала приходят в неистовство от возбуждения, а затем бросаются совершать кровавое деяние.

Рано утром люди собрались вместе, и среди них был человек-фетиш, тот самый негодяй, который стоял у истоков убийства. Его налитые кровью глаза сверкали в диком возбуждении, когда он ходил от человека к человеку, собирая голоса, чтобы решить, должен ли старик умереть.

В руках у него был пучок трав, которым он трижды осыпал тех, с кем разговаривал. В это время на вершине высокого дерева расположился человек, который время от времени громко кричал: "Джоку! Джоку!", одновременно сильно раскачивая дерево.

Джоку - это дьявол у мбуша, и задача этого человека заключалась в том, чтобы отпугивать злого духа и предупреждать фетиш-человека о его приближении.

Наконец состоялось печальное голосование. Было объявлено, что старик - злейший волшебник, что он уже убил несколько человек, что он намерен убить еще многих, и что он должен умереть. Никто не хотел говорить Шайю, как его убьют, и предложили отложить казнь до его отъезда. Вся эта сцена сильно взволновала Шайю, и он хотел, чтобы его не мучили до конца. Уставший и с больным сердцем, Чайлу прилег на кровать около полудня, чтобы немного отдохнуть и привести себя в порядок. Через некоторое время он увидел, как мимо его окна, почти как вспышка, пронесся человек, а за ним - целая орава молчаливых, но разъяренных людей. Они бежали к реке. Через некоторое время раздалось несколько резких пронзительных криков, как у человека в агонии, а затем все стихло, как смерть. Шайю встал, догадавшись, что эти негодяи убили бедного старика, и, повернувшись к реке, увидел возвращающуюся толпу, каждый из которой был вооружен топором, ножом, тесаком или копьем, и все это оружие, руки и тела их самих были обгажены кровью жертвы. В ярости они привязали бедного волшебника к бревну у берега реки, а затем намеренно изрубили его на множество кусков. В завершение они раскроили ему череп и разбросали мозги по воде. Затем они вернулись, и, глядя на их поведение, можно было подумать, что страна только что избавилась от великого проклятия.

К ночи мужчины, чьи лица в течение двух дней внушали Чайлу отвращение и ужас, настолько кровожадными и злобными они были, снова стали кроткими, как ягнята, и веселыми, словно никогда не слышали о трагедии ведьм.

Ниже приводится пример "испытания ведьм", практикуемого в этом регионе. Черный торговец из племени габунов, работавший у белого суперкарго, внезапно умер. Его семья решила, что смерть наступила в результате колдовства, и двум его сестрам было разрешено пойти на могилу и забрать его голову, чтобы проверить этот факт. Проверка проводится следующим образом: На пол ставится железный горшок с чистой водой, с одной стороны от него кладется голова покойника, с другой стороны садится врач-фетишист. Последний кладет в рот кусочек травы, якобы наделяющей прорицательскими способностями, жует его и образует магический круг, сплевывая вокруг горшка, головы и себя. Лицо убийцы после нескольких заклинаний должно отразиться в воде, содержащейся в горшке. После этого человек-фетиш заявляет, что видит убийцу, и приказывает положить голову в могилу, где она должна лежать, после чего ему дается несколько дней на размышление. За это время он может найти человека, который достаточно богат, чтобы дать ему взятку, достаточную для освобождения от обвинения, и в этом случае он признается, что фетиш не удался.

В центральных районах Восточной Африки все священнодействие воплощено в личностях, называемых мганга или мфумбо. Они кишат по всей земле; бывают обоих полов: женщины, однако, обычно ограничиваются медицинской частью профессии. Профессия передается по

наследству; старший или самый умный сын начинает образование в раннем возрасте и преемствует функции своего отца. По словам Бертон, в этом ремесле мало тайн, и маги Уньямвези не отказывались посвящать некоторых арабов. Власть Мганги велика; к нему относятся как к султану, чье слово - закон, и как к дарителю жизни и смерти. К нему обращаются с царским титулом и разрешают носить значок вождя, сделанный из основания конической раковины. Он также известен по нескольким маленьким засаленным и почерневшим тыквам, наполненным лекарствами и магией, которые висят у него на поясе, и еще по небольшому количеству обычной грязи - святость и грязь тесно связаны в Африке. Этим людей посылают из деревни в деревню, и они получают в качестве духовной платы овец и коз, скот и провизию. Их личности, однако, не являются священными, и за преступные деяния они наказываются так же, как и другие злоумышленники. Самая большая опасность для них - это чрезмерная слава. Прославленный маг редко, если вообще когда-либо, умирает естественной смертью; от него слишком многого ждут, и жестокое разочарование приводит к последствиям более жестоким, чем обычно.

Африканская фраза, обозначающая одержимого человека, - *ana'p'hero*, у него есть дьявол. Ожидается, что мганга исцелит пациента, изгнав одержимость. Как и злой дух во времена Савла, непрощенный гость должен быть изгнан сладкой музыкой; барабаны вызывают возбуждение, бурные упражнения изгоняют призрак. Основными средствами являются барабанный бой, танцы и пьянство, пока не наступит благоприятный момент. Затем призрак выманивают из тела одержимого в какой-нибудь неодушевленный предмет, в который он соблаговолит вселиться. Это, технически называемое *кети* или стул, может быть определенный вид бус, два или более кусочков дерева, скрепленных полоской змеиной кожи, когтем льва или леопарда, и другие подобные предметы, которые носят вокруг головы, руки, запястья или лодыжки. Бумага до сих пор считается отличным лекарством у васукума и других племен, которые готовы обменять ценные товары на небольшое количество бумаги: главным желанием амулета, по сути, является его редкость или трудность его получения. Отсюда и привычка вбивать гвозди и вешать тряпки на деревья. Само растение не является объектом поклонения, как полагают некоторые европейцы, называющие его дьявольским деревом; это всего лишь место для укладывания призраков, где, приложив к нему наиболее приемлемый для духа кети, он будет связан, чтобы сохранить мир с человеком. Несколько несчастных случаев в городе Занзибар подтвердили даже высшие чины в их затаенном суеверии. Мистер Питерс, английский купец, раздраженный рабами, которые в большом количестве приходили забивать гвозди и вешать железные обручи и тряпки на дьявольское дерево во дворе своего дома, приказал срубить его, к ужасу всех чернокожих зрителей. В течение шести месяцев в этом доме умерло пять человек - мистер Питерс, два его приказчика, бондарь и корабельный плотник. Салим бен Рашид, полукастовый купец, хорошо известный в Занзибаре, утверждает, и его спутники подтверждают его слова, что однажды, когда он ехал на север из Уньямзембе, с ним произошел такой случай. Ночью две женщины-рабыни, его спутницы, одна из которых была ребенком, без видимых причин впали в припадки, которые означают приближение духа. Одновременно хозяин как будто опьянел; темная масса - материальная, не духовная - вошла в палатку, повалила ее и вскоре исчезла, а Салима бен Рашида нашли в оцепенении, от которого он оправился только утром. Тот же купец косвенно рассказал и привел свидетелей, что маленький мальчик-раб, которого привели по этому случаю, часто уносился на руках, даже когда его держали в комнате без окон, с тяжелой дверью, тщательно запертой на засов и висячий замок. На следующее утро жертву не нашли, хотя комната оставалась закрытой. Через несколько дней после этого он был встречен в джунглях, рассеянно бродящим, как идиот, и со слишком бессвязной речью, чтобы объяснить, что с ним случилось. Иманские арабы, которые охотно верят в перевоплощение, высмеивают эти истории; те, кто имеет африканскую кровь, верят в них.

Вера в превращение, до сих пор столь распространенная во многих странах, а в древности ставшая почти всеобщим суеверием, как ни странно, неизвестна среди этих восточноафриканских племен.

Мганга, сообщает нам далее мистер Бертон, также является прорицателем. Он предсказывает успех или неудачу коммерческих начинаний, войн и похищений людей; он предвидит голод и мор и предлагает средства для предотвращения бедствий. Он также устанавливает перед началом любого серьезного дела удачные конъюнкции, без которых нельзя ожидать хорошего исхода. Он направляет, ускоряет или задерживает поход каравана; в качестве авгура он рассматривает полет птиц и крики зверей, как его прототип того же класса в древней Европе и в современной Азии.

Главным орудием ремесла Мганги является одна из грязных маленьких буйу, или тыкв, которую он носит в связке вокруг талии, а при обращении к оракулу обычно поступают следующим образом. Маг приносит свои инструменты в мешке из циновки; его поведение серьезно, как и повод, он тщательно смазан, а его голову украшают миниатюрные рога антилопы, закрепленные кожаным шнурком надо лбом. Он восседает, как султан, на карликовом табурете перед квиритом и начинает с призыва к максимально возможному оффертори. Нет платы - нет предсказания. У мганги много орудий своего ремесла. Некоторые предсказывают по движению ягод, плавающих в чашке, наполненной водой, которую ставят на низкий табурет, окруженный четырьмя хвостами зебры или буйвола, привязанными к кольям, вбитым вертикально в землю. Касанда - это система складных треугольников, не похожих на те, на которые устанавливают игрушечных солдатиков. Держа в правой руке, его выбрасывают, и направление конца указывает на безопасный и благоприятный путь; это, вероятно, самое грубое приспособление для престижизитации. Шеро - это кусок дерева размером с мужскую руку, не похожий на пару мехов, с карликовой ручкой, выступом наподобие дула, а в круглом центре - небольшое углубление. Оно заполняется водой, и зернышко или кусочек дерева, помещенный на плаву, дает дурное предзнаменование, если оно направлено в сторону, и благоприятное, если оно отклоняется в сторону ручки или сопла. Мганга обычно носит с собой, чтобы возвестить о своем приближении, своего рода погремушку. Это полая тыква из сосны и яблони, пронизанная различными отверстиями, красиво вырезанными, и наполовину заполненная зернами маиса и галькой; ручка - палка, пропущенная через ее длину и закрепленная поперечными штырями.

У мганги много мелких обязанностей. На охоте на слона он должен первым бросить копье и нести вину, если зверь убежит. Он маркирует слоновую кость пятнами, расположенными в виде линий и других фигур, и таким образом позволяет ей добраться до побережья без помех. Он нагружает кирангозе, или проводника, чарами, чтобы защитить его от злобы, которая всегда направлена на ведущего человека, и настойчиво запрещает ему отдавать предпочтение даже мтонги, командиру и владельцу каравана. Он помогает своему племени магическими искусствами, а в войнах ловит пчелу, произносит над ней определенные заклинания и выпускает ее в сторону врага, когда насекомое мгновенно созывает армию своих собратьев и рассеивает многочисленное войско. Это поверье хорошо иллюстрирует легкость перехода естественного в сверхъестественное. Земля полна роев, а тело человека полностью открыто, и многие караваны были рассеяны роем пчел, как мякина ветром. Точно так же в Южной Африке маг разбивает муравейник и запускает ос, которые обращают врага в бегство.

Вот рассказ о странном танце, свидетелем которого стал в этой стране мгангов, мфумбо и фетишей, предоставленный знаменитым исследователем Бейки: "Немного раньше полудня капитан Видал покинул короля Пассола, чтобы продолжить свои наблюдения. Я остался, но

вскоре после этого тоже собрался уходить. Пассоль, однако, как только понял мое намерение, вскочил и, схватив меня за руку, в шутливой манере воскликнул: "Не уходи, не уходи пока; посиди немного; пока-пока ты выглядишь как фетиш-танец; я слишком много смеюсь над тобой! Оказалось, что старик слышал, как я некоторое время назад, прислушавшись к отдаленному стуку туземного барабана, выразил молодому мичману, который был со мной, решимость пойти посмотреть на танец, в сопровождении которого, как я почти не сомневался, он и происходил. Вскоре послышался шум барабана, почти заглушаемый пением, криками и шумом множества туземцев. Когда процессия приблизилась к нам, она остановилась, и танцоры, все до одного мужчины, выстроились в параллельные линии у входа в соседний дом и начали свое представление. Они были специально одеты для этой цели: на бедрах у них висел полный килт, сшитый из нитей травяной ткани, которую изготавливают туземцы внутренних районов, а на одной или на обеих руках, чуть выше локтя, - такой же придаток. У одних лицо, а у других грудь были помечены белыми шариками, подаренными им фетишем как лекарство или оберег от какой-либо болезни, которой они страшились или боялись. Танцы, хотя и не отличались изяществом, были свободны от извивов и деформаций тела, столь распространенных на восточном побережье. В основном он заключался в попеременном выдвижении и отведении назад ног и рук, с соответствующим наклоном тела, и в определенные моменты одновременным хлопаньем в ладоши и громким резким возгласом "Хай!". Хотя я уже отмечал, что это не было элегантно, но было приятным, благодаря регулярности, с которой это сопровождалось. Было двое мужчин, которые не танцевали в строю среди остальных, а шаркали вокруг, а иногда вдевали нитку в иголку: один из них назывался хозяином фетиша, а другой, похоже, был его помощником; ни один из них не носил маскарадного костюма, но оба были окружены обычной оберткой вокруг чресел. На первом была французская глазурированная шляпа, пользующаяся большим спросом у туземцев, а другой, жуя какой-то корень красного цвета, нес небольшую украшенную палку, увенчанную на конце, как щетка, пучком длинных и красивых перьев. Временами один из этих людей останавливался напротив какого-нибудь человека из танцующих и жестами побуждал его покинуть строй и сопровождать его в его эволюциях, которые в конце концов всегда заканчивались там же, где и начинались, и подгоняемый человек возвращался на свое прежнее место. В течение некоторого времени я наблюдал, как хозяин фетиша танцует напротив дома и, жестикулируя, обращается к нему полуугрожающим, полуумоляющим тоном. Старый Пассоль, стоявший неподалеку от меня, вдруг воскликнул: "Ты слишком много смеешься; фетиш идет!"

"Конечно, из дома среди танцующих выскочила необыкновенная фигура. Это был человек, стоявший на ходулях на высоте не менее шести футов над землей, которыми он так хорошо владел, что, несомненно, был так же проворен в своих движениях, как и самые активные из танцоров. Иногда он был так быстр, что едва одна ходуля касалась земли, как ее сменяла другая. Даже стоя на месте, он часто балансировал так хорошо, что не двигал ни один из ходулей в течение двух-трех минут. На нем была белая маска с большим красным шаром на каждой щеке, такой же - на подбородке, брови и нижняя часть носа были выкрашены в тот же цвет. На лбу у него было что-то вроде визора желтого цвета, через который проходила линия маленьких медных колокольчиков; спереди он был вооружен длинными зубами аллигатора, а заканчивался путаницей перьев, травинок и жестких волос слонов и других крупных животных. С макушки головы свисала шкура обезьяны, к хвосту которой была прикреплена проволока и один слоновий волос с большим овечьим колокольчиком на конце. Кожа была красивого светло-зеленого цвета, а голова и шея - насыщенного пурпурного. С плеч его свисала сажень голубого джемпера с белой полосатой каймой, а тело, ноги и руки были полностью окутаны множеством складок туземной травяной ткани, сквозь которые он держал в каждой руке множество зубов аллигатора, шкур ящериц,

птичьих костей, перьев и жестких волос, сильно напомнивших мне известные атрибуты Оби, страшилища рабовладельцев Ямайки.

"Фетиш никогда не разговаривал. Когда он стоял неподвижно, то держал руки прямо, покачивал и кивал головой с быстрым повторением; когда же шел вперед, то вытягивал их во всю длину перед собой. В первом случае он как бы указывал на небо, требуя отомстить танцующим и многочисленным зрителям, а во втором - как тот, кто, обнаружив бесполезность своих увещаний, решил истребить неподатливую толпу силой своего гигантского роста и превосходной силы. Фетиш-хозяин был его постоянным помощником, всегда следовавшим за ним, удваивавшимся и стоявшим перед ним, с увещаниями, произносившимися в одну минуту самым умоляющим тоном, сопровождавшимися поклонами, а в другую - угрожающими жестами и яростными, страстными восклицаниями. Служитель главного фетиша также постоянно находился под рукой, прикладывая ко рту свою палку, а в одном или двух случаях, когда маскарад приближался, он приседал под ним и брызгал ему в лицо красным соком корня, который он жевал. Я наблюдал за танцем около часа, но фетиш казался неутомимым; впоследствии я узнал, что такая же церемония совершается каждый день и иногда длится три или четыре часа. Поначалу я подумал, что все это было устроено просто для нашего развлечения, но вскоре был обманут; и когда под первым впечатлением я поинтересовался у прохожего, что за человек исполняет этот персонаж, он ответил со смесью досады на вопрос и удивления моим невежеством: "Он не человек; никто не делает то же самое, что и он; он - *de diable!* он - *de debil!* И все же я был немного скептичен в отношении того, что они действительно придерживаются такого мнения, хотя они настаивали на факте, как они мне его представляли; поэтому, получив от всех одинаковый ответ, я обычно добавлял в небрежной манере, чтобы проверить их искренность: "В каком доме он живет?" "Что! Фетиш! Я говорю вам, что он debil; у него нет дома; он живет в этом лесу", - указывая на мрачную рощицу, примыкавшую к задней части деревни. Напрасно я пытался разгадать происхождение или смысл этого суеверия; на все мои вопросы я получал лишь ответ, что такова мода в этой стране - причина, которую они всегда имели под рукой, когда были озадачены, как и всегда, когда речь шла о любом из их многочисленных суеверий. Факт в том, что эти обычаи сохранились до сих пор, хотя их происхождение уже давно похоронено в забвении".

Как у нас "удивлять туземцев" - почти универсальная слабость, так и у соболиных дикарей есть желание и амбиции "удивить белого человека"; и если ему это удастся, а шансы явно не в его пользу, то его удовлетворению нет предела. Путешественник Лаинг, проезжая через Тиммани, страну, расположенную не так далеко от той, где властвовал старый король Пассол, столкнулся с подобным примером. Вождь пригласил его присутствовать на развлечении, напоминающем то, что мы называем "*bal masqué*", поскольку оно включало в себя музыку и танцы. Музыка, однако, была довольно скудной и состояла из одного инструмента, сделанного из калабаша и немного напоминающего гитару. Игрок, очевидно, ожидал аплодисментов от белого человека, и тот щедро их дарил. Затем музыкант заявил, что то, что наши соотечественники видели в его исполнении, ничто по сравнению с тем, что ему еще предстоит показать. Взяв в руки гитару, он заявил, что с помощью этого мощного инструмента, подобного которому не найти во всем Тиммани, он может лечить любые болезни, укрощать диких зверей и делать змей настолько послушными, что они вылезают из своих нор и танцуют, пока длится музыка. Мистер Лаинг попросил чародея предоставить ему образец своего мастерства. Чародей согласился. Не заболел ли путешественник? Кто-нибудь из его спутников страдает от болезни, пусть даже застарелой, пусть только выйдет вперед, и несколькими ударами по гитаре он будет исцелен. Однако мистер Лаинг, желая, возможно, отпустить жонглера как можно легче, потребовал показать ему танцующих змей,

четко понимая, что это должны быть совершенно дикие змеи, таких еще не доводилось брать в руки смертным. Музыкант весело согласился и, по словам "очевидца", "сменил струны на более живые, и тут же из-под завала, окружавшего место, где мы собрались, выскочила змея очень большого размера. По движениям рептилии было видно, что музыка лишь нарушила ее покой и что единственным ее желанием было найти новое место, так как, не замечая никого, она быстро скользила по двору в дальнюю сторону. Однако музыкант снова сменил мелодию, заиграл медленную мелодию и запел под нее. Змея сразу же почувствовала сильное беспокойство и снизила скорость. "Остановись, змея, - пел музыкант, подбирая слова к мелодии, которую играл, - ты слишком быстро бежишь; остановись по моей команде и покажи белому человеку, как хорошо ты умеешь танцевать; немедленно послушайся моей команды, о змея, и окажи белому человеку услугу". Змея остановилась. "Танцуй, о змея!" - продолжал музыкант, все более возбуждаясь, - "Белый человек пришел в Фалабу, чтобы увидеть тебя! Танцуй, о змея, ведь это действительно счастливый день! Змея вертелась, поднимала голову, извивалась, прыгала и совершала разные подвиги, на которые я и не думал, что змея способна. В заключение музыкант вышел со двора вслед за рептилией, оставив меня в немалой степени пораженным, а остальных - в немалой степени восхищенными тем, что чернокожий смог вызвать удивление у белого".

Ни в одной части Африки мы не найдем такого религиозного фанатизма, как в Старом Калабаре. Представления калабарцев о Боге сводятся к непониманию естественных причин, которые они приписывают Абаси-Ибуну, эфикскому термину, обозначающему Всемогущего Бога; поэтому они верят, что он слишком высок и велик, чтобы прислушиваться к их молитвам и прошениям. Idem-Efick - имя бога, который, как предполагается, руководит делами Калабара и который таинственным образом связан с великим Абаси, иногда изображаемым в виде дерева, а иногда в виде большой змеи, в каком виде его видит только его верховный жрец или наместник на земле - старый король Калабар. Мистер Хатчинсон, проживавший в официальном качестве в этой странной языческой стране, однажды имел честь познакомиться с одним из представителей Абаси-Ибуна. "Это был худой, худой, исхудавший старик, лет шестидесяти, ростом чуть выше пяти футов, седоголовый и беззубый. Одет он был обычно в халат, красную шапочку, вокруг шеи, запястий и лодыжек обвязан бамбуковой веревкой с болтающимися на конце кисточками. В случае совершения какого-либо особого преступления, наказание за которое не предусмотрено законом Эгбо, вопрос сразу же передавался на суд короля Калабара, чье решение о жизни или смерти было окончательным. Король Эрго и все господа приветствовали его словом приветствия, свойственным самому, "Etia", что в переводе с английского означает "ты сидишь здесь", которое среди людей рабского сословия должно сопровождаться соединением указательных пальцев и смиренным поклоном в знак покорности. Еженедельно он приносил в жертву Идему коз, птиц и черепах, обычно заправленных небольшим количеством рома. Когда надвигался голод или в старом Калабаре не хватало кораблей, король рассылал господам города уведомления о необходимости принести жертву божеству и о том, что Идем-Эфик нуждается в медяках, которые, разумеется, должны быть переданы через старого короля. У него была привилегия: каждый добытый бегемот или подстреленный леопард должен быть доставлен в его дом, чтобы он мог получить львиную долю добычи. Со времени моего первого визита в Калабар этот старик умер, и до сих пор у него не было преемника, так как старосты и люди верят, что "должно пройти двенадцать лун (два года), прежде чем он умрет трижды". Помимо этой идеи поклонения, у них есть божество по имени Обу, сделанное из калабаша, которому дети учатся возносить молитвы каждое утро, чтобы оно уберегло их от бед. Идем-Ньянга - название дерева, которое они считают олицетворением Идем-Эфика; с большим почтением они относятся к кустарнику, стручки которого при нажатии пальцем взрываются, как пистолет. Во время любой еды они совершают омовение рук до и после нее,

а когда пьют, выливают чайную ложку или около того в качестве возлияния своему божеству перед употреблением. Когда они убивают птицу или козу в качестве жертвы, то не забывают напомнить своему богу о том, какие "прекрасные вещи" они для него делают, и что "они ожидают таких же прекрасных вещей в ответ". Экпоньонг - так называется кусок палки, обвязанный сверху тканью, с черепом, помещенным над тканью, который хранится во многих дворах как своего рода дух-хранитель. Почти во всех их дворах в центре растет дерево дзю-дзю, к которому прикреплено растение-паразит, а у основания ствола - ограждение от двух до четырех футов в окружности, внутри которого всегда помещаются черепа, а во время жертвоприношений - калабаши с кровью. У порога многих господских домов в землю воткнут человеческий череп, по белому сверкающему венцу которого ступает каждый входящий.

"В старом Калабаре существует странный двухгодичный обычай очищать город от всех дьяволов и злых духов, которые, по мнению властей, завладели им в течение последних двух лет. Они называют его джудок. Похожая церемония ежегодно проводится на золотом побережье. В определенное время изготавливают несколько фигур, называемых набикемами, и устанавливают их без разбора по всему городу. Эти фигуры делаются из палок и бамбуковых матов, вылепаясь в различные формы. У некоторых из них есть попытка создать тело, ноги и руки, напоминающие человеческую форму. Художники-фантазеры иногда надевают на них старую соломенную шляпу, в рот кладут трубку, а к концу руки прикрепляют палку, как будто они собираются в путешествие. Предполагается, что многие из фигур напоминают четвероногих животных, некоторые крокодилов, а другие птиц. Предполагается, что злые духи поселятся в них через три недели или месяц, что, на мой взгляд, свидетельствует об отсутствии вкуса у бродяги-духа. Когда наступает ночь для их всеобщего изгнания, можно подумать, что весь город сошел с ума. Население пирует и пьет, выходит на улицу целыми партиями, бьет по пустым крышкам, как будто в них находятся осязаемые предметы для охоты, и кричит во всю мощь и мощь. Раздаются выстрелы, набикемы с ожесточением разрывают, поджигают и бросают в реку. Оргии продолжаются до рассвета, и город считается свободным от злого влияния еще два года. Странное несоответствие с представлениями о том, что необходимо сделать для умерших при их переходе в другой мир. Но язычество полно подобных глупостей, и немногие из них могут быть более абсурдными, чем их вера в то, что если человек убит крокодилом или леопардом, то он якобы стал жертвой какого-то злобного врага, который после его смерти превратился в одно из этих животных, чтобы отомстить тому, кого только что сожрал. Предполагается, что любой человек, убивший обезьяну или крокодила, после смерти сам превращается в того или другого. Когда я попытался убедить двух очень умных торговцев из Дуктауна в глупости этого и в том, что у людей не больше сил превращать себя в зверей, чем у них есть, чтобы заставить дождь идти или траву расти, я получил обычный холодный ответ на все аргументы европейца в пользу цивилизации: "Это калабарская мода, и белые люди ничего об этом не знают". Такой же ответ - "белые люди ничего об этом не знают" - дал мне наш переводчик йоруба, когда я поднимался вверх по Тшадде, на мое сомнение в двух предполагаемых фактах, которые он мне таким образом записал. Первый заключался в том, что народ хуэсса верит в существование единорога, но его точное местонахождение указать не может. Ему приписывают роль защитника незащищенных коз и овец от разорения леопардом; что когда он встречается леопарда, то дружески вступает с ним в разговор, рассказывает о его жестокости и заканчивает его, как истинный член гуманного общества, лишением леопарда когтей. На мой вопрос, был ли когда-нибудь обнаружен леопард без когтей, или единорог предложил какой-либо другой вид пищи в качестве замены, заметив мою недоверчивую улыбку, он дал мне ответ, подобный тому, что дали калабарцы в упомянутом случае. Второй - о том, что хамелеон всегда идет в одном и том же темпе, не ускоряя шагов от дождя или ветра, но неизменно при любой температуре, меняя свой оттенок в зависимости от всего, что

встречает, становясь черным для черных, белым для белых, синим, красным или зеленым для любой ткани, цветов или овощей, попадающихся на его пути; И единственная причина, которую он приводит, когда его спрашивают на эту тему, заключается в том, что его отец делал то же самое до него, и он не считает правильным отклоняться от старого пути, потому что "то же самое делает мой отец, то же самое делаю и я".

Совершенно случайно этот ответ человека из племени йоруба на аргументы мистера Хатчинсона является заключительной строкой из множества приведенных примеров дикарских обрядов и суеверий. Тем не менее, она необычайно уместна. В этой строке воплощен главный принцип существования дикаря: "То же самое делает мой начальник, то же самое делает и я". Именно это сковывает и привязывает его. Он рождается в ней, живет ею и умирает в ней.

Погребение заживо в Фигах.

ЧАСТЬ XII. СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ ДИКРЕЙ.

ГЛАВА XXVII.

Убийство, чтобы обмануть смерть-Подготовка королевской "могильной травы"-Гробница и ее живой жилец-Фигийские траурные символы-Убийство больных фигийцев-"Молю, не хороните меня!" - Зловещий кошачий коготь - Жертвоприношение пальцев - Знак кровавого фартука - Искусство бальзамирования - Яма для греха...Церемонии на похоронах короля Финоу - Героические призывы к усопшему королю - Сцена у гроба - Путешествие носильщиков песка - Ме то Бугги - Преданность рыбаков Финоу - Траурный знак жителей Сандвичевых островов - Замазывание языка черным - Меланхоличная процессия - Дом Кив - Табу пахио.

Из этого отнюдь не следует, что неуважение к человеческой жизни синонимично личному безразличию к смерти. В какую бы дикую страну мы ни обратились - к берегам реки Москито, где живет варварский индеец Самбо, к пустыням Африки, где обитают Грикуа и Дамара, к берегам одиноких озер далеко в Северной Америке - мы обнаружим ужас перед смертью или, скорее, перед делом рук смерти, совершенно несовместимый с безрассудством по отношению к жизни, наблюдаемым в названных странах.

Однако ни одна страна на земле не может соперничать с Фиги в вопросах смерти и погребальных церемоний. На первый взгляд может показаться, что страх смерти здесь неведом, настолько, что родители соглашались на то, чтобы их дети забили их дубинками до смерти, а матери убивают и собственными руками хоронят своих детей, и даже могила имеет так мало ужасов, что люди спускаются в нее живыми. Однако стоит задуматься, не является ли источником этого очевидного мелочного отношения к жизни страх перед мрачным жнецом в таком слепом и невежественном избытке, который приводит к *убийству*, чтобы спастись от *смерти* - фактически обмануть смерть и позволить хитрому каннибалу ускользнуть из мира незамеченным и неоспоримым в отношении ошибок своей жизни. Это может показаться самой дикой теорией, но следует помнить, что в Фиги, как и во многих других варварских странах, считается, что все дурное в человеке живет после него и, если не принять необходимых мер предосторожности, остается мучить его родственников; поэтому не исключено, что эти последние, если не сам больной, могут поддерживать эту систему обмана смерти.

Что касается погребения заживо, то, по крайней мере, это можно сказать в пользу фигийцев: они не уважают людей. Седые волосы монарха вызывают у них не больше уважения, чем волосы самого бедного нищего в его королевстве. Более того, по свидетельству очевидца - мистера Томаса Уильямса - короля скорее отправят в могилу, чем кого-либо другого. Вот один из примеров:...

"Когда я впервые отправился в Сомосомо, я надеялся, что старому королю дадут умереть естественной смертью, хотя такое событие не имело бы прецедента. В этих краях было принято сообщать о близкой смерти короля уборкой вокруг дома, после чего его старший сын, купаясь вместе с отцом, пользовался благоприятным случаем и отгонял его дубинкой.

"Я посетил его 21-го числа и с удивлением обнаружил, что ему гораздо лучше, чем было за два дня до этого. Поэтому, когда 24-го числа мне сообщили, что король мертв и что идут приготовления к его погребению, я едва ли мог поверить этому сообщению. Зловещее слово "*подготовка*" побудило меня без промедления поспешить к месту действия, но моя максимальная скорость не позволила мне вовремя добраться до Насимы - дома короля. Как только я вошел в дом, стало ясно, что в отношении двух женщин я опоздал, чтобы спасти им жизнь. Эффект от этой сцены был ошеломляющим. Меня окружали десятки преднамеренных убийц в самом деле, но не было никакого смятения, и, кроме слов председательствующего, не было ни одного голоса - только неземная, ужасающая тишина. Природа, казалось, помогала и усиливала жуткий эффект; в воздухе не шевелилось ни одно дыхание, и

полуприглушенный свет в этом зале смерти с необычайной отчетливостью высвечивал каждый предмет.

"Все сидели на полу; среднюю фигуру каждой группы держали в сидячем положении несколько женщин, скрытые большой вуалью. По обе стороны от каждой завуалированной фигуры находилась компания из восьми или десяти крепких мужчин, одна компания тянула за собой другую на белом шнуре, который дважды проходил вокруг шеи обреченного, который таким образом через несколько минут переставал жить. В тот момент, когда ко мне вернулось самообладание, самая дальняя от меня группа начала двигаться; мужчины ослабили хватку, а сопровождающие женщины сняли большое покрывало, превратив его в кушетку для жертвы..... Одной из жертв была крепкая женщина, и некоторые из палачей шутливо предложили тем, кто сидел рядом, сжалиться и помочь ей. В конце концов женщины сказали: "Ей холодно". Роковая веревка упала, и когда покрывало было поднято, я увидел мертвую старшую жену и неутомимую служанку старого короля".

Этими жертвами *выстилают царскую могилу*. Они называются *травой*, и когда их укладывают в ряд на дно усыпальницы, труп царя ложится на них. Однако только великие вожди требуют столь обширной человеческой кушетки; сановник низшего ранга довольствуется двумя телами в качестве пола для своей могилы: иногда мужчиной и женщиной, иногда двумя женщинами. Если умирает важная персона, считается нетерпимым, если его доверенное лицо - его близкий друг и советник - возражает против того, чтобы сопровождать своего господина в качестве *травы*. Также очень часто, когда в Фиги умирает великий человек, его душит и хоронит вместе с ним трудоспособный мужчина, который берет с собой дубинку, чтобы защитить возвышенного от злобных нападок его врагов в стране духов. Для этой же цели в мертвую руку самого вождя вкладывается новая и хорошо смазанная дубина. Вернемся, однако, к мертвому королю Сомосомо и рассказу мистера Уильямса:

"Оставив женщин поправлять волосы жертв, смазывать их тела маслом, покрывать лица вермилионом и украшать их цветами, я прошел дальше, чтобы посмотреть на останки умершего Тнитхакена. К своему изумлению я обнаружил, что он *жив*. Он был слаб, но вполне в сознании, и всякий раз, когда кашлял, клал руку на бок, как будто испытывая боль. Его главная жена и мужчина-слуга покрывали его толстым слоем черного порошка, а вокруг рук и ног повязали несколько белых платков, скрепленных в розетки, длинные концы которых свисали по бокам. На голове у него был тюрбан из алого платка, закрепленный чашечкой из маленьких белых ракушек, а на руках - нарукавники из тех же ракушек. На шее у него висело ожерелье из слоновой кости в виде длинных изогнутых точек. Чтобы завершить королевский наряд в соответствии с представлениями фиджийцев, на нем было очень большое новое *маси*, шлейф которого был завернут в несколько свободных складок у его ног. Никто, казалось, не проявлял настоящего горя, которое уступило место показухе и церемониям. Вся трагедия была пронизана атмосферой жестокой насмешки. Это был маскарад мрачной смерти - накрытие, как для танца, тел, предназначенных для могилы.

"Я подошел к молодому королю, на которого я не мог смотреть без отвращения. Он казался очень тронутым и обнял меня прежде, чем я успел заговорить. "Видишь, - сказал он, - отец нас двоих мертв! Его дух иссяк. Ты видишь, что его тело двигается, но это происходит бессознательно". Понимая, что спорить бесполезно, миссионер перестал беспокоиться об отце, но попросил молодого короля больше не приносить жертв и после небольшого проявления упрямства добился своего.

Затем были сделаны приготовления к переносу еще живого человека в могилу. Тела женщин - могильную *траву* - привязали к циновкам и понесли на бирах; их несли за королем, чье мечущееся тело не вынесли к двери дома, но, разрушив стену, пронесли через нее (мистер Уильямс не в состоянии объяснить это необычное действие). Похоронная процессия спустилась к берегу моря и села в каноэ, которое бесшумно поплыло к усыпальнице королевской семьи Фиджиан. Прибыв на место, могилу нашли уже вырытой, на дне была насыпана *травы*, и после того, как с царя сняли украшения, его тоже опустили в яму, накрыли тканью и циновками, а затем землей, и "было слышно, как он кашлял после того, как в могилу было брошено значительное количество земли".

Хотя с телом покончено, остается множество других церемоний. Самым обычным способом выразить скорбь по умершему в Фиги является *бритье* - процесс регулируется в зависимости от родства скорбящего с умершим. Отцы и сыновья бреют головы и щеки наголо, как тыквы; племянники и двоюродные братья бреют только вершину черепа. Среди женщин, однако, траурные обычаи гораздо ужаснее и продолжительнее. Одни выжигают на своем теле раскаленным утюгом фантастические приспособления, другие - отрубают себе пальцы. По случаю смерти и погребения короля, о котором рассказывалось выше, "был отдан приказ отрубить сто пальцев, но ампутировали только шестьдесят, и одна женщина в результате этого лишилась жизни. Пальцы, вставленные каждый в прорезанную тростинку, были прикреплены к карнизу королевского дома".

"Траурный костюм из листьев".

Среди различных способов выражения скорби у фиджийцев мистер Уильямс отмечает лежание ночь за ночью на могиле друга, позволяя огромной копне волос оставаться нетронутой месяцами, воздержание от смазывания тела маслом (огромная деформация) и ношение одежды из листьев вместо ткани. Эти практики, однако, необязательны; есть и другие, обязательные, и среди них одна, почти неупомянутая из-за своего отвратительного характера. Церемония называется *Vathavidiulo*, или "прыгание червей", и заключается в том, что родственники умершего собираются на четвертый день после погребения и подробно обсуждают нынешнее состояние тела усопшего. Следующая ночь, однако, проходит не так тоскливо, потому что затем происходит *Вакадредре*, или "вызывание смеха", когда предаются самому веселому веселью, чтобы скорбящие могли забыть о своей горе. На десятый день, а то и раньше, женщины вооружаются веревками, переключателями и кнутами и обрушиваются на всех мужчин ниже самых высоких вождей, нещадно осыпая их кнутами, - рассказывает Уильямс. Я видел, как серьезные персоны, не привыкшие к быстрым

движениям, со всей возможной скоростью летели перед компанией таких женщин. Иногда мужчины в ответ обрызгивают своих обидчиков грязью; но они не прибегают к насилию, так как, похоже, в этот день им придется уступить".

Легко понять, что, поскольку жизнь королей и великих воинов пользуется столь малым уважением, кровопролитие и варварские убийства достаточно распространены среди более бедных слоев населения. И несомненно, что, хотя различные страшные обычаи, свойственные фиджийцам, имеют под собой основу и, как правило, поддерживаются в чисто религиозном духе, ими широко пользуются для достижения корыстных и злобных целей. Например, брат умершего фиджийца, обладающего значительными средствами, может счесть удобным убедить вдов - наследниц имущества - продемонстрировать свою преданность, согласившись быть задушенными и похороненными вместе с мужем, чтобы он, как ближайший родственник, мог немедленно вступить во владение имуществом и т. д. Если умерший был беден, его родственники, скорее всего, предпочли бы убедить вдову в ее долге, чем тратить на ее содержание.

Убийство больных среди фиджийцев считается простым и правильным действием, которое не требует соблюдения какой-либо тайны. Один из коллег-миссионеров преподобного мистера Уильямса нашел в Сомосомо женщину, которая находилась в очень жалком состоянии из-за длительного отсутствия мужа. В течение пяти недель, хотя две женщины жили в одном доме, она лежала без ухода и превратилась в скелет, но, получив еду и лекарства из миссионерского дома, начала поправляться. Однажды утром, когда служитель нес больной женщине завтрак, его встретили ее родственники и сказали, что он может забрать еду - женщину похоронили. Затем мужчина рассказал миссионерам, что накануне, когда он находился в доме больной, туда зашла пожилая женщина и, обращаясь к пациентке, сказала: "Я пришла повидать свою подругу и узнать, готова ли она еще быть задушенной; но поскольку она сильна, мы оставим ее на некоторое время". Однако, судя по всему, в течение часа или около того варварские сиделки женщины решили изменить свои планы.

Это не единственный подобный случай, о котором рассказывают путешественники, знакомые с нравами и обычаями фиджийцев. Приведем следующий: "Рату Варам (вождь) рассказал об одной из многих, кого он заставил похоронить себя заживо. Она долгое время была слаба, и вождь, думая, что она, скорее всего, так и останется, приказал вырыть могилу. Любопытство бедной девушки было возбуждено громкими восклицаниями, как будто произошло что-то необычное, и когда она вышла из дома, ее схватили и бросили в могилу. Напрасно она вскрикивала от ужаса и кричала: "Не хороните меня! Я уже совсем здорова! Двое мужчин удерживали ее, стоя на ней, а другие забрасывали ее землей, пока ее не перестали слышать".

Если Фиджиан прекращает свое существование, ближе к вечеру устраиваются своеобразные поминки. Партии молодых людей сидят и "смотрят" на тело, одновременно напевая самые меланхоличные песнопения. Рано утром следующего дня начинаются приготовления к похоронам и поминальному пиру. Двое идут копать могилу, другие красят и одевают тело, третьи готовят печь и занимаются кулинарными делами. Два могильщика, сидящие друг напротив друга, делают три финта палками для копания, которые затем втыкают в землю, и получается могила глубиной не более трех футов. Либо могильщики, либо кто-то рядом дважды повторяют слова "Фиги Тонга". Земля, выброшенная первой, кладется отдельно от остальной. Когда могила готова, на дно кладут циновки, а тело или тела, завернутые в другие циновки или туземные ткани, укладывают на них, края циновок складывают поверх всех; затем засыпают землей. Многие ярды *маси* часто оставляют за

пределами могилы и несут в фестолах на ветвях соседнего дерева. Дьячки сразу же уходят и моются, используя во время омовения листья определенных кустарников для очищения, после чего возвращаются и разделяют приготовленную для них пищу. Далее мистер Уильямс рассказывает, что достойное погребение неизменно обеспечивается для самых бедных членов общины, и что он неоднократно видел, как несчастным, не имевшим возможности купить приличную циновку, чтобы лежать на ней при жизни, давали пять или шесть новых, чтобы лежать на них в могиле. Более того, тот факт, что человек умирает далеко в море или даже погибает в бою с далеким племенем, чьи ужасные челюсти предоставили ему усыпальницу, не уменьшает ответственности его родственников в вопросе похоронных церемоний. Колоку, как называется церемония после смерти, проходит так же, как если бы человек умер дома, и желание принести жертву становится еще более настоятельным. Например, смелый и красивый вождь фиджийцев по имени Ра Нибитту утонул в море. Как только скорбная весть достигла суши, семнадцать его жен были тут же задушены, а их тела использованы в качестве травы в могиле, посвященной мертвому Ра Нибитту. И снова, после известия о резне народа намена в Викке в 1839 году, восемьдесят женщин были задушены, чтобы сопровождать духов своих убитых мужей.

В Фиги, как и в Англии, распространено народное суеверие, связанное с полуночным воем собаки, который, как считается, предвещает смерть. Кошка, мурлыкающая и трущаяся о ноги фиджийца, считается столь же зловещей. Если на земле, где похоронена женщина, находят следы кошачьих царапин, это считается верным доказательством того, что при жизни женщина была непорочна. Если воину не удастся после неоднократных попыток привести свой цвет лица с помощью различных пигментов к ортодоксальному стандарту черноты, он считает себя и других обреченным человеком, и, конечно, чем больше он волнуется и пыхтит по этому поводу, тем больше потеет и тем меньше у него шансов заставить краску держаться.

Завершить эту череду любопытных ужасов, связанных со смертью и погребением фиджийцев, поможет фиджийская доктрина о всеобщем распространении смерти, изложенная мистером Уильямсом, от которого, справедливости ради, стоит еще раз отметить, что эти сведения в основном взяты из нее. "Когда хоронили первого человека, отца рода человеческого, мимо этой первой могилы проходил бог и поинтересовался, что она означает. Получив ответ от тех, кто стоял рядом, что они только что похоронили своего отца, он сказал: "Не мешайте ему, выкопайте тело снова". "Нет, - ответили ему, - мы не можем этого сделать; он мертв уже четыре дня и непригоден для того, чтобы его видели". "Не так, - сказал бог, - выкопайте его, и я обещаю вам, что он снова будет жить". Однако, не вняв обещанию бога, дьячки упорно продолжали оставлять останки своего отца в земле. Видя их неразумность, бог сказал: "Отказавшись выполнить мои требования, вы сами предопределили свою судьбу. Если бы вы откопали своего предка, то нашли бы его живым, да и сами вы, уходя из этого мира, должны были быть похоронены, как бананы, на четыре дня, после чего вас следовало бы откопать, но не гнилыми, а спелыми. Но теперь, в наказание за непослушание, ты умрешь и сгниешь" - "Ах!" - говорят фиджийцы, прослушав эту легенду, - "Ах! если бы те дети выкопали это тело!"

На этом и многих соседних островах очень часто отрезают часть мизинца в качестве жертвы богам за выздоровление вышестоящего больного родственника; действительно, на Тонга едва ли найдется человек, не потерявший один или оба, или значительную часть обоих мизинцев. Те, у кого может быть лишь несколько вышестоящих родственников, например, близкие родственники Тоойтонги, короля или Веачи, имеют некоторые шансы избежать этого, если их родственники достаточно здоровы. Не похоже, что операция болезненна. Мистер Маринер пишет, что не раз был свидетелем того, как маленькие дети ссорились из-

за чести (или скорее из бравады) сделать это. Палец кладут плашмя на деревянный брус, нож, топор или острый камень прикладывают острием к линии предполагаемого разделения, наносят мощный удар молотком или большим камнем, и операция завершена. Из-за характера и силы удара рана редко кровоточит. Затем пень держат в дыму и паре, образующихся при сжигании свежесорванной травы; это останавливает приток крови. Рану не промывают в течение двух дней; после этого ее держат в чистоте, и она заживает примерно за две-три недели без всякого применения. Обычно удаляют один сустав, но некоторые делают меньшую часть, чтобы можно было проводить операцию несколько раз на одном и том же пальце, если у человека много вышестоящих.

На некоторых островах Полинезии при приближении кончины важного человека совершался ужасно фантастический и жестокий обряд. Как только родственники умирающего узнавали о надвигающемся несчастье, они сразу и намеренно начинали изображать из себя буйнопомешанных. "Они не только, - говорит Эллис, - причитали самым громким и впечатляющим образом, но и рвали на себе волосы, рвали одежду, резали себя ножами или акульими зубами самым шокирующим образом. В качестве инструмента обычно использовалась небольшая трость длиной около четырех дюймов с пятью или шестью акульими зубами, закрепленными на противоположных сторонах. Одним из таких инструментов каждая женщина обеспечивала себя после замужества, а в случае смерти его использовали безжалостно.

"Некоторым этого было недостаточно: они готовили острый инструмент, чем-то похожий на сантехнический молоток, длиной около пяти-шести дюймов, закругленный с одного конца для рукоятки и вооруженный двумя-тремя рядами акульих зубов, закрепленных в дереве с другой стороны. Этим молотком в случае смерти родственника или друга они нещадно резали себя, нанося удары по голове, вискам, щекам и груди, пока кровь обильно не вытекала из ран. При этом они издавали самые оглушительные и мучительные крики, а искажение их лиц, растерзанный и растрепанный вид, смешанные слезы и кровь, покрывавшие их тела, их дикие жесты и необузданное поведение часто придавали им страшный и почти нечеловеческий вид. Я часто беседовал с этими людьми о причинах такой странной процедуры и спрашивал их, не слишком ли больно резать себя, как они привыкли делать. Они всегда отвечали, что это очень болезненно в некоторых частях лица, что верхняя губа или пространство между верхней губой и ноздрями наиболее нежное, и удар по нему всегда сопровождается сильнейшей болью..... Женщины в таких случаях иногда надевали что-то вроде короткого фартука из особого сорта ткани, который они придерживали одной рукой, а другой резали себя. В этот фартук они собирали кровь, вытекающую из ран, нанесенных горем, пока она почти не насыщалась. Затем его высушивали на солнце и отдавали ближайшим оставшимся в живых родственникам в доказательство привязанности дарителя, и он сохранялся в семье погибшего как знак того, как высоко ценили ушедшего.

"Я не готов утверждать, что здесь, как и на Сандвичевых островах, в те времена творились такие же бесчинства, но в случае смерти короля или главного вождя сцены, разыгрывавшиеся в доме и вокруг него, были, по всей видимости, демоническими. Родственники и члены семьи начинали; другие вожди острова и их родственники приходили, чтобы посочувствовать оставшимся в живых, и, добравшись до места, присоединялись к разъяренному поведению погибших. Пришли и жильцы вождей, и, поддавшись дикой страсти, которую внушало поведение их товарищей или влияние их суеверной веры, они не только рвали на себе волосы и рвали свои тела до крови, но часто дрались дубинками и камнями, пока не последовали убийства".

Как только кто-то из жителей вышеупомянутых островов умирал, проводилась церемония, известная как "тана тертера", с целью выяснить причину смерти. Для этого священник брал свое каноэ и медленно плыл по морю рядом с домом, где лежало тело, чтобы наблюдать за прохождением духа, который, как они предполагали, прилетит на него с эмблемой причины, по которой умер человек. Если он был проклят богами, дух появится с пламенем, огонь был средством, используемым в заклинаниях колдунов; если он был убит взяткой какого-то врага, отданного богам, дух появится с красным пером, эмблемой, означающей, что злые духи вошли в его пищу. Через некоторое время тахна или жрец возвращался в дом умершего, рассказывал оставшимся в живых о причине его смерти и получал вознаграждение, размер которого зависел от обстоятельств сторон. Чтобы отвести беду от родственников покойного, жрец совершал некоторые тайные обряды, а через день-два снова появлялся с веселым лицом, заверял, что им больше не нужно идти в страхе, получал еще одну плату и уходил.

Тела вождей и знатных и богатых людей бальзамировали. Искусство бальзамирования, которое, как принято считать, свидетельствует о высокой степени цивилизации, было известно и практиковалось полинезийцами с очень отдаленных времен, и каким бы простым ни был этот процесс, он был вполне успешным. Кишечник, мозг и т.д. удалялись, тело фиксировалось в сидячем положении и выставлялось под прямые солнечные лучи. Через некоторое время внутренности заполнялись лоскутами туземной ткани, пропитанной благовонным маслом, которым обильно и энергично помазывалась внешняя сторона. Это, наряду с солнечным теплом и сухостью атмосферы, благоприятствовало сохранению тела.

Под влиянием этих причин в течение нескольких недель мышцы высохли, и все тело стало как будто покрыто пергаментом. Затем его одевали и укладывали в сидячее положение; перед ним воздвигали небольшой алтарь, и родственники или священник, назначенный прислуживать телу, ежедневно подносили ему фрукты, еду и цветы. В таком состоянии оно находилось много месяцев, после чего тело хоронили, а череп сохраняли в семье.

Для начала процесса бальзамирования и укладки тела на подставку привлекался другой жрец, которого называли *тана луре тиапапау*, или "жрец, молящийся трупу". Его должность была необычной. Когда дом для мертвых был возведен, а труп уложен на помост, жрец приказывал выкопать яму у его подножия. Над этой ямой жрец молился богу, которому, как предполагалось, был нужен дух покойного. Суть молитвы заключалась в том, чтобы все грехи умершего, особенно те, за которые была призвана его душа, были вложены туда, чтобы они ни в коей мере не перешли на оставшихся в живых, и чтобы гнев бога был умиротворен. После молитвы жрец, обращаясь к покойному, восклицал: "Пусть вина останется с тобой". Затем в "яму греха" устанавливали деревянный столб и засыпали землей. Затем священник, взяв несколько маленьких листочков подорожника, подходил к телу, клал несколько под мышки и рассыпал на груди, говоря: "Вот твоя семья, вот твои дети, вот твоя жена, вот твой отец, вот твоя мать. Будь доволен в мире духов. Не смотри на тех, кого ты оставил в этом мире". И - так думали заблудшие существа, среди которых совершался этот необычный обряд, - дух умершего человека, одураченный убеждением, что главные его родственники больше не являются жителями мира, переставал беспокоиться о мирских делах и никогда не появлялся в призрачном облике на полуночных кушетках живых людей.

Все, кто занимался бальзамированием, которое называлось "*мури*", во время этого процесса тщательно избегали каждого человека, так как считалось, что вина за преступление, за которое умер покойный, в какой-то степени ложится на тех, кто прикасается к телу. Они не кормили себя сами, чтобы пища, оскверненная прикосновением их грязных рук, не стала

причиной их смерти, но их кормили другие. Как только церемония сбрасывания греха в яму заканчивалась, все, кто прикасался к мертвецу или его одежде, бросались в море, где долгое время купались и выходили, оставляя за собой загрязненную одежду. По завершении омовения они нырнули и принесли со дна несколько кусочков кораллов. Держа их в руках, они первым делом отправлялись к яме греха умершего, в которую бросали кусочки кораллов с напутствием: "С тобой да пребудет вся грязь!"

После смерти Финоу, короля Тонга, сообщает нам мистер Маринер, вожди и большая компания, приглашенные принять участие в его похоронных мероприятиях, сидели, укутавшись в циновки, и ждали, когда вынесут тело покойного короля. Скорбящие (всегда женщины), состоящие из родственниц, вдов, любовниц и служанок покойного, а также других женщин определенного ранга, которые из уважения решили выступить по такому случаю, были собраны в доме и уселись вокруг трупа, который все еще лежал на лопатках гнатоо. Все они были одеты в большие старые потрепанные циновки - чем более потрепанные, тем более подходящие для этого случая, так как они больше символизировали дух, сломленный или, так сказать, разорванный на части горем. Их вид должен был вызвать жалость и печаль в сердце любого человека, привыкшего или не привыкшего к подобным сценам; их глаза опухли от частого прилива горя прошлой ночи и все еще плакали искренними слезами сожаления; верхняя часть щек была совершенно черной и распухла так, что они едва могли видеть от постоянных ударов, которые они наносили себе кулаками.

Среди вождей и матабулов, сидевших на марли, все те, кто был особенно привязан к покойному королю или его делу, выражали свою скорбь поведением, обычным для этих людей в случае смерти родственника или великого вождя (если только это не Туитонга или кто-то из его семьи), но которое для нас может показаться варварским в высшей степени; Это обычай наносить себе порезы и раны дубинками, камнями, ножами или острыми снарядами; по одному, или по двое, или по трое вместе, выбегая в центр круга, образованного зрителями, чтобы доказать этим свою крайнюю скорбь по поводу смерти и глубокое уважение к памяти своего ушедшего друга.

Чувства, выраженные этими жертвами народного суеверия, были направлены на следующее. "Финоу, я хорошо знаю твои мысли; ты уехал в Болото и оставил своих людей под подозрением, что я или некоторые из тех, кто рядом с тобой, неверны; но где доказательства неверности? Где хоть один случай неуважения?" Затем, нанося сильные удары и глубокие порезы по голове дубиной, камнем или ножом, он снова восклицал через определенные промежутки времени: "Разве это не доказательство моей верности? Разве это не свидетельствует о преданности и привязанности к памяти ушедшего воина?" Затем, возможно, двое или трое подбегут и попытаются схватить ту же дубинку, говоря яростным тоном: "Вот земля раздирается распрями, она разбита на куски, она расколота бунтами; как кипит моя кровь; давайте поспешим и умрем! Я не хочу больше жить: твоя смерть, Финоу, будет моей. Но почему я до сих пор хотел жить? Только ради вас, только ради вашей службы и защиты я хотел дышать; но теперь, увы, страна разорена. Миру и счастью пришел конец; ваша смерть застраховала нашу: отныне только война и разрушение могут процветать". Эти речи сопровождались диким и неистовым волнением тела, в то время как одни через каждые два-три слова резали и били себя по голове ножом или дубинкой, которую держали в руках. Другие, более спокойные и умеренные в своем горе, ходили взад и вперед довольно диким и взволнованным шагом, крутились и вертелись дубинкой, два-три раза яростно ударяя себя ее острием по макушке или затылку, а потом вдруг останавливались и, неподвижно глядя на забрызганный кровью инструмент, восклицали: "Увы, моя дубинка, кто мог сказать, что ты окажешь мне эту любезную услугу и позволишь мне таким образом продемонстрировать

свое уважение к Финоу? Никогда, никогда больше вы не сможете вскрывать мозги его врагам. Увы! Какой великий и могучий воин пал! О, Финоу, перестань подозревать меня в преданности; убедись в моей верности! Но что за нелепость я несу! Если бы я показался тебе вероломным, меня постигла бы участь тех многочисленных воинов, которые стали жертвами твоей справедливой мести. Но не думай, Финоу, что я упрекаю тебя; нет, я хочу лишь убедить тебя в своей невиновности, ибо тот, кто задумал причинить вред своим вождям, станет белобрысым, как я (выражение, употребляемое некоторыми из стариков). О жестокие боги, лишившие нас отца, нашей единственной надежды, ради которой одной мы хотели жить. У нас есть и другие вожди, но они лишь вожди по рангу, а не такие, как ты, увy! великий и могучий в войне".

Таковы были их настроения и поведение по этому скорбному поводу. Некоторые, более жестокие, чем другие, наносили себе такие сильные и частые удары по черепу, что сами себя подталкивали, вызывая впоследствии временную потерю рассудка. Трудно сказать, до какой степени дошла бы эта экстравагантность, особенно у одного старика, если бы принц не приказал мистеру Маринеру подойти и отобрать у него дубинку, а также у двух других, которые были заняты в это время. Обычно в таких случаях, когда человек берет дубинку у другого, он сам использует ее таким же образом у себя на голове; но от мистера Маринера, как иностранца, этого не ожидали; поэтому он поднялся и после некоторых колебаний и борьбы взял дубинки одну за другой и вернулся с ними на свое место, когда через некоторое время их взяли другие, которые использовали их таким же образом.

После того как эти зверские выражения скорби продолжались почти три часа, принц отдал приказ отвезти тело отца в Феллетоа для погребения. Прежде всего, тyк гнатоо положили на подобие барьера, а тело - на тyк; затем принц приказал, чтобы, поскольку его отец был первым, кто ввел пушки в войны Тонга, две карронады были заряжены и выстрелены дважды до того, как процессия отправится в путь, и дважды после того, как она выйдет из марли; Он также распорядился, чтобы тело дочери Финоу, недавно умершей, вынесли в модели каноэ и понесли вслед за телом ее отца; чтобы при его жизни, поскольку он желал, чтобы ее тело всегда находилось поблизости, она могла бы теперь быть похоронена вместе с ним.

Устроив все таким образом, мистер Маринер зарядил ружья и четыре раза выстрелил холостыми патронами. Процессия двинулась вперед и через два часа прибыла в Феллетоа, где тело положили в доме на берегу моря на некотором расстоянии от могилы, пока к ней не подогнали другой дом, поменьше; это было сделано в течение часа. Столб был поднят, четыре части, составляющие здание (нечто вроде сарая пирамидальной формы, карниз которого достигает четырех футов от земли), были принесены достаточным количеством людей и собраны вместе в том месте, где это было нужно. После этого тело привозили на той же тележке или ручной тележке к новопостроенному зданию (если его можно так назвать), а затем, сняв с тележки, укладывали внутри на тyк гнату, а дом обвешивали черной гнатой, доходившей от карниза до земли.

Женщины, собравшиеся вокруг тела и сидевшие вокруг него, разразились горестными причитаниями. Тем временем несколько человек, в чьи обязанности входит подготовка могил, копали место погребения под руководством матабуле, в чьи обязанности входит надзор за такими делами. Прокопав около десяти футов, они подошли к большому камню, покрывающему склеп; вокруг одного конца камня, который всегда остается немного приподнятым для этой цели, была закреплена двойная веревка, которую поднимали основной силой 150 или 200 мужчин, тянущих за два конца веревки к противоположному

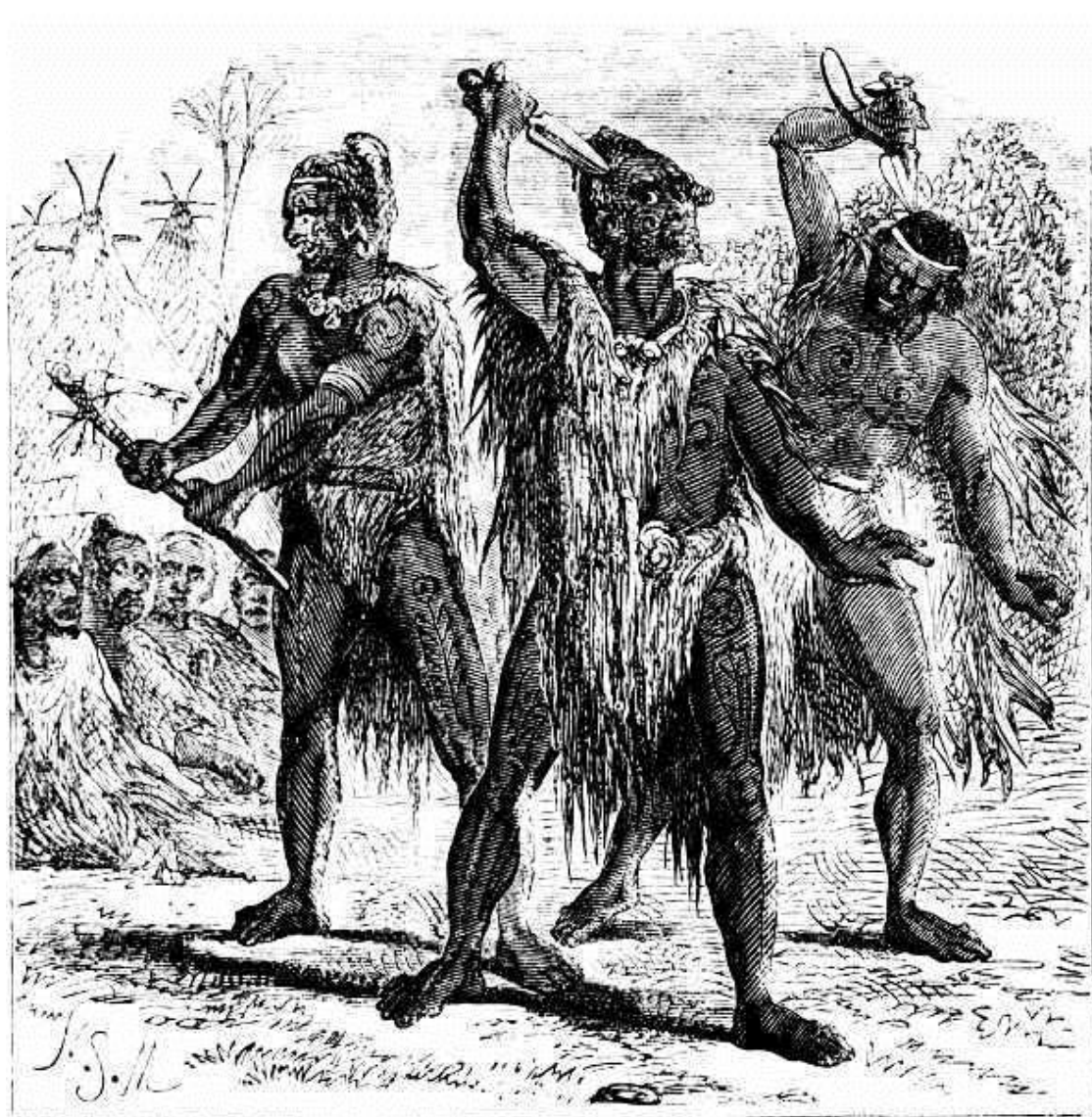
краю могилы, пока она не была поднята на конец. Тело, смазанное сандаловым маслом и завернутое в циновки, опускали в могилу на большом тюке гнату; тюк гнату, как и положено по обычаю, забирал вышеупомянутый матабуле в качестве своего вознаграждения. Затем тело его дочери, выполненное в виде каноэ, спустили в могилу и положили рядом с ним. Затем с громким криком опустили огромный камень. Тотчас же некоторые матабулы и воины, как бешеные, побежали вокруг места погребения, восклицая: "Увы, как велика наша потеря! Финоу, ты умер: посмотри на это доказательство нашей любви и верности!" В то же время они резали и кололи себе головы дубинками, ножами, топорами и т. д.

Теперь вся компания выстроилась в одну линию, сначала женщины, потом мужчины, но без какого-либо определенного порядка, и направилась к задней части острова, чтобы набрать в маленькие корзины песок.

Они громко пели на протяжении всего пути, как сигнал всем, кто может находиться на дороге или в прилегающих полях, чтобы они как можно быстрее спрятались, потому что святотатство, чтобы любое тело было замечено за пределами процессии во время этой части церемонии; и если бы какой-нибудь человек, к сожалению, сделал свой вид, он, несомненно, был бы преследуем одним из участников, и вскоре его разогнали бы дубинкой. За этим следят так строго, что никто во времена мистера Маринера не помнит нарушения столь хорошо известного закона. Даже если хоронят простого человека, а сам Финоу оказывается на дороге или поблизости от процессии, идущей за песком на заднюю часть острова, он немедленно прячется; не то чтобы по такому случаю выбивали мозги королю, но это считалось святотатством и несчастьем, поскольку предполагалось, что в это время присутствуют боги Болотоо. Вожди особенно тщательно следят за тем, чтобы не нарушать священные законы, чтобы не подавать пример непослушания народу. Песня по этому случаю, очень короткая, исполняется сначала мужчинами, затем женщинами, и так поочередно; она намекает (хотя мистер Маринер забыл точные слова), что *фала* (так называется эта часть церемонии) приближается и что все должны уйти с дороги.

Прибыв на заднюю часть острова, где может присутствовать любой желающий, они делают небольшую корзину из листьев орехового дерева какао, вмещающую около двух кварт, и наполняют ее песком; сделав это, каждый из мужчин несет две корзины на палке через плечо, по одной на каждом конце: В то время как женщины несли только одну, прижатую к левому бедру, или, скорее, к нему, рукой с той же стороны, и поддерживаемую рукой с противоположной стороны, заведенной назад через поясицу, что они считают самым легким способом для женщин нести небольшие ноши; затем они возвращались тем же путем и с церемонией к могиле. К этому времени могила над сводом была почти заполнена землей, выкопанной в последнее время, а оставшееся небольшое пространство было оставлено для заполнения песком, которого всегда более чем достаточно для этой цели. Считается, что это очень украшает могилу, когда ее накрывают таким образом, и что это очень хорошо видно издалека, когда видна насыпь чистого песка; кроме того, таков обычай, и никто не может объяснить причину этого - как и в случае с некоторыми другими их обычаями. После этого все корзины, в которых был принесен песок, а также оставшееся количество земли, не использованной для заполнения могилы, бросают в яму, из которой первоначально была выкопана земля. Все это время компания сидела, по-прежнему одетая в циновки, а шеи их были обвязаны листьями дерева ифи; после этого они вставали и шли в свои жилища, где брили головы и прижигали щеки маленьким зажженным валиком тапа, прикладывая его по одному разу к каждой скуле; После этого место натирали вяжущей ягодой матти, отчего оно кровоточило, и кровью смазывали рану по кругу, примерно до двух дюймов в диаметре, придавая себе очень неприличный вид.

Они повторяют это трение ягодой каждый день, заставляя рану кровоточить снова; а мужчины тем временем пренебрегают бритьем и смазыванием себя маслом в течение дня: они делают это, однако, ночью, для удобства, которое дает эта операция. После того как они, прежде всего, прижгли себе щеки и побрили головы, они строят для себя небольшие временные хижины, чтобы жить в них во время траура, который длится двадцать дней. Рано утром двадцатого дня все родственники умершего вождя, вместе с теми, кто составлял его семью, а также женщины, на которых было наложено табу за то, что они прикасались к его мертвому телу во время смазывания и приготовления масла, отправились на заднюю часть острова (без какого-либо особого порядка или церемонии), чтобы набрать несколько плоских камешков, в основном белых, но немного черных, для которых они сделали на месте корзины, чтобы носить их в них, как уже упоминалось, когда они ходили за песком. С ними они вернулись к могиле, посыпали белыми внутри дома, а также снаружи, в качестве украшения; черные камешки они посыпали только на белые, которые покрывали землю прямо над телом. После этого дом над могилой закрыли с обоих концов тростниковой изгородью, доходившей от карниза до земли, а спереди и сзади - своеобразной корзиной из молодых веток ореха какао, расщепленных и переплетенных очень любопытным и декоративным образом, которая сохраняется до следующего погребения, когда ее снимают, а после завершения церемонии ставят новую таким же образом. Вожди разных районов острова прислали на марли большое количество провизии, уже готовой и приготовленной, а также значительное количество продуктов, приготовленных самим Финоу: среди этих продуктов был хороший запас корня кава. После того как вожди, матабулы и другие собрались, провизия и кава были поданы обычным способом. В это время не произносилось никаких речей и не происходило никаких особых событий. После этого компания разошлась каждый в свой дом и приготовилась к грандиозному борцовскому поединку и развлечению - танцу ме то бугги (буквально "танец, стоя с веслами").

Похороны короля Финоу.

В перерывах между танцами несколько матабулов, воинов и других, предавались ушибам и рассечениям головы дубинами, топорами и т.д., в доказательство своей верности покойному вождю; среди них два мальчика, один около двенадцати, другой около четырнадцати лет (сыновья матабуле), очень отличились в этом виде членовредительства; особенно младший, чей отец был убит на службе покойного вождя во время великой революции на Тонга, после двух или трех сильных ударов по голове, в порыве энтузиазма подбежал к могиле и со всей силы ударил своей дубиной по земле, воскликнув: "Финоу! Зачем я пытаюсь таким образом выразить свою любовь и верность тебе? Я хочу, чтобы боги Болотоо позволили мне прожить достаточно долго, чтобы доказать свою верность твоему сыну". Он снова поднял свою дубинку и, разбегаясь, набил столько синяков и порезов на своей маленькой голове, что покрылся струйками крови. Все присутствующие очень высоко оценили эту демонстрацию юного героя, хотя, по обычаю, ничего не сказали в его честь; согласно их поговорке, похвала слишком высоко поднимает мнение человека о его собственных достоинствах и наполняет его самодовольством. Теперь рыбаки покойного Финоу вышли вперед, чтобы выразить свою любовь к умершему хозяину обычным способом, хотя вместо дубины или топора каждый нес весло от каноэ, которым они били и били себя по голове, издавая восклицания, похожие на те, о которых так часто рассказывают. В одном отношении, однако, они были несколько необычны: у них было по три стрелы, воткнутых в каждую щеку в косом направлении, так что

в то время как их острия проходили через щеку в рот, другие концы уходили за плечи и удерживались в таком положении еще одной стрелой, острие которой было привязано к концам стрел, проходивших через одно плечо, а другой конец - к стрелам, проходившим через другое плечо, так чтобы образовать треугольник; И с этим ужасным снаряжением они ходили вокруг могилы, били головы и лица, как уже говорилось, веслами, или сдирали кожу на груди и протыкали копьем насквозь: И все это для того, чтобы показать свою любовь и привязанность к умершему вождю.

После окончания этих жестоких представлений церемония этого дня (которая в целом длилась около шести часов) была завершена грандиозным борцовским матчем, по окончании которого каждый удалялся в свой дом или по своим делам; так закончилась церемония погребения короля островов Тонга.

Жители Сандвичевых островов соблюдают ряд необычных церемоний в связи со смертью своих королей и вождей, и до недавнего времени привыкли делать эти события поводом для совершения почти всех беззаконий и пороков.

"Здесь жители, - пишет мистер Маринер, - придерживались только одной моды в стрижке волос, но мы видели, как их оправляют во всех мыслимых формах; иногда лысеют только на макушке, что делает их похожими на римских священников; в других случаях всю голову бреют или стригут вплотную, кроме края, где на протяжении примерно полудюйма волосы свисают вниз своей обычной длины. Некоторые делают голову лысой с одной стороны, а с другой оставляют волосы длиной двенадцать или восемнадцать дюймов. Иногда они вырезают участок в форме лошадиного сапога за или надо лбом; а иногда мы видели несколько изогнутых борозд, прорезанных от уха до уха или ото лба до шеи. Когда вождь, потерявший родственника или друга, стриг свои волосы по какому-либо определенному образцу, его последователи и иждивенцы обычно подражали ему в стрижке своих волос. Отказ от стрижки или сбривания волос свидетельствует о недостатке уважения к покойному и оставшимся в живых друзьям; но если волосы подстрижены близко в любой форме, этого достаточно. Каждый обычно следует своему вкусу, что порождает бесконечное разнообразие форм, в которых этот декоративный элемент головы носят туземцы в период траура.

"Другой обычай, почти столь же универсальный в этих случаях, - выбивание нескольких передних зубов - практиковался представителями обоих полов, но, возможно, наиболее широко - мужчинами. Когда умирал вождь, те, кто больше всего хотел выразить свое уважение к нему или его семье, первыми выбивали камнем один из передних зубов. Ожидалось, что вожди, состоящие в родстве или дружбе с покойным, таким образом продемонстрируют свою привязанность; и когда они это делали, их сопровождающие и арендаторы в силу обычая считали себя обязанными последовать их примеру. Иногда мужчина выбивал себе зуб камнем; чаще, однако, это делал другой, который прикреплял к зубу один конец палки или твердого дерева и бил камнем по другому концу, пока зуб не отламывался. Если кто-то из мужчин откладывал эту операцию, женщины часто выполняли ее за них, пока те спали. За один раз редко удаляли более одного зуба; но это увечье повторялось после смерти каждого вождя, имеющего ранг или власть, поэтому мало найдется мужчин, достигших зрелости до принятия христианства на островах с полным набором зубов; многие по этому обычаю потеряли передние зубы как на верхней, так и на нижней челюсти, что, помимо других неудобств, вызывает большой дефект речи. Некоторые, однако, осмелились быть необычными, и хотя они, должно быть, видели много смертей, расстались лишь с несколькими зубами.

Раньше в таких случаях отрезали одно или оба уха, но поскольку мы не видели более одного-двух обезображенных таким образом стариков, этот обычай, похоже, был прекращен".

"Еще один траурный знак, принятый в основном вождями, - это татуировка в виде черного пятна или линии на языке, так же как и на других частях тела".

"У жителей Сандвичевых островов есть еще один обычай, почти свойственный им самим, а именно: петь при смерти своих вождей, в чем-то на манер древних перуанцев. Я не раз испытывал особое умиление, наблюдая эту церемонию.

"Через день или два после смерти Киаумоку, губернатора Мауи и старшего брата Куакины, губернатора Гавайев, я сидел с оставшимися в живых родственниками, которые плакали вокруг кушетки, на которой лежал труп, когда с другого конца большого дома вошла женщина средних лет, и, пройдя примерно половину пути к месту, где лежало тело, начала петь жалобным тоном, сопровождая свою песню умильной жестикуляцией: сжимала руки, хваталась за волосы и била себя по груди. Я записывал ее монодию по мере того, как она ее повторяла. Она проникновенно описывала благосклонность покойного и свою собственную потерю. Один из отрывков был таким:.

"Увы, увы, умер мой вождь!

Умер мой господин и мой друг!

Мой друг во время голода,

Мой друг во время засухи,

Мой друг в моей бедности,

Мой друг в дождь и ветер,

Мой друг в жару и солнце,

Мой друг в холоде горном,

Мой друг в бурю,

Мой друг в штиль,

Мой друг в восьми морях.

Увы, увы! Ушел мой друг,

И больше не вернется!

"Другие выставки подобного рода я наблюдал в Мани. После смерти Кеопуолани мы часто видели, как жители целого района, принадлежавшего ей, приходили оплакивать ее смерть. Они шли в глубоком молчании, либо в одной шеренге, либо по двое или по трое в ряд, старики возглавляли фургон, а дети шли сзади. Они не были покрыты пеплом, но почти буквально одеты в мешковину. Ни на ком не было видно ни одного украшения или даже приличного куска ткани. Одеты только в старые рыболовные сети, грязные и рваные куски циновки или рваную одежду, иногда привязанную к телу кусками старых веревок от каноэ, они выглядели самыми жалкими и ничтожными из всех человеческих существ, которых я

когда-либо видел. Когда они оказались в нескольких сотнях ярдов от дома, где лежал труп, они начали причитать и оплакивать его. Толпа скорбящих вокруг дома открыла им проход, и тогда один или двое из их числа вышли вперед и, встав немного впереди остальных, начали песню или декламацию, рассказывая о ее рождении, звании, почестях и добродетелях, размахивая посохом или куском сахарного тростника, и сопровождая свою декламацию позами и жестами, выражавшими самое неистовое горе. Когда они заканчивали, то садились и смешивались с толпой в своих громких и непрекращающихся стенаниях".

Хотя эти церемонии были столь популярны и почти повсеместны в связи с кончиной вождей, они, похоже, не практиковались простыми людьми между собой. Жена не выбивала себе зубы при смерти мужа, сын - при потере отца или матери, родители не выражали таким образом свое горе при потере единственного ребенка. Иногда они обрезаали волосы, но в целом лишь предавались причитаниям и рыданиям в течение нескольких дней.

Эллис, полинезийский путешественник, упоминает о необычном здании, увиденном им на Гавайях, которое называется *Харе-о-Киве* (Дом Киве), священное хранилище костей усопших королей и принцев, вероятно, возведенное для приема костей короля, чье имя оно носит, и который правил на Гавайях около восьми поколений назад. Это компактное здание, двадцать четыре фута на шестнадцать, построенное из самых прочных пород дерева и крытое листьями *ти*, стоит на лавовом пласте, который уходит на значительное расстояние в море. Он окружен крепким забором или тыном, оставляющим спереди и с каждого конца пространство шириной около двадцати четырех футов. Мостовая состоит из гладких фрагментов лавы, уложенных с большим мастерством. Несколько грубо вырезанных из дерева мужских и женских изображений были размещены на внешней стороне ограды: одни - на низких постаментах под сенью соседнего дерева, другие - на высоких столбах на выступающих скалах, нависающих над кромкой воды. "Несколько человек стояли на ограде на неравном расстоянии друг от друга; но главное скопление этих страшных представителей их прежних божеств находилось в юго-восточном конце огороженного пространства, где, образуя полукруг, двенадцать из них стояли в мрачном строю, словно вечные стражи могущественного мертвеца, покоящегося в прилегающем к нему доме. Груда камней была аккуратно выложена в форме полумесяца, шириной около трех футов и на два фута выше мостовой, и в этой груде были закреплены изображения. Они стояли на небольших постаментах высотой в три-четыре фута, хотя некоторые были установлены на столбах высотой в восемь-десять футов и украшены любопытной резьбой. Главный идол стоял в центре, остальные - по обе стороны, причем самый могущественный располагался ближе к нему; он был не так велик, как некоторые другие, но отличался разнообразием и превосходной резьбой на теле, и особенно на голове. Когда-то они, очевидно, были одеты, но теперь предстали в самой жалкой наготе. Несколько рваных лоскутов на шее одного из них, стоявшего слева от двери, сгнивших от дождя и выцветших от солнца, - вот и все, что осталось от многочисленных и ярких одежд, в которые раньше облачались их почитатели. В центре лежала большая куча разбитых калабашей и скорлупы орехов какао, а непосредственно перед каждым из изображений возвышалась неприглядная куча высохших и частично сгнивших венков из цветов, веток и кустарников, кустов и фрагментов тапы (накопленных в прежние времена подношений). Ужасный вид этих идолов, изорванные одежды на некоторых из них и кучи гниющих подношений перед ними показали нам не лишними эмблемами системы, которую они были призваны поддерживать, отличаясь в равной степени жестокостью, глупостью и убогостью".

Мистер Эллис попытался попасть внутрь дома, но ему сказали, что это *tabu roa* (строго запрещено) и что открыть дверь можно только по прямому приказу короля или

первосвященника. Однако, немного отодвинув одну из досок поперек дверного проема с одной стороны, он заглянул внутрь и увидел множество больших изображений, одни из дерева, сильно вырезанные, а другие из красных перьев, с разинутыми ртами, большими рядами акульих зубов и глазами из жемчужной раковины. Он также увидел несколько связок, по-видимому, человеческих костей, тщательно очищенных, перевязанных кинетом из волокон ореха какао и разложенных в разных частях дома вместе с богатыми шальями и другими ценными вещами, которые, вероятно, носили те, кому принадлежали кости, поскольку одежда и другое личное имущество вождей обычно хоронится вместе с ними. Удовлетворив свое любопытство и сделав рисунок здания и некоторых его придатков, он приступил к осмотру других примечательных объектов этого места.

Примыкая к *Харе-о-Киве* с юга, он обнаружил *табу Пахио* (священный загон) значительной площади, и его проводник сообщил ему, что это один из *Похонуа* на Гавайях, о котором он часто слышал рассказы вождей и других людей. На острове их всего два - тот, который он осматривал, и еще один в Ваипио на северо-востоке острова, в районе Кохала.

Похонуа были гавайскими городами-убежищами и предоставляли неприкосновенное убежище провинившемуся беглецу, который, спасаясь от копья мстителя, имел возможность войти в их пределы. У них было несколько широких входов, одни - со стороны моря, другие - со стороны гор. Сюда бежал от разъяренных преследователей и находился в безопасности человекоубийца, человек, нарушивший *табу*, или не выполнивший его строгих требований, вор и даже убийца. К кому бы он ни принадлежал и из какой бы части света ни пришел, он был уверен, что его пропустят, хотя его могли преследовать до самых ворот загона. К счастью для него, эти ворота были всегда открыты, и, как только беглец входил в них, он направлялся к идолу и произносил краткое приветственное слово, выражавшее его благодарность за то, что он достиг этого места в целости и сохранности. Всякий раз, когда объявлялась война, а также в период реальных военных действий, на вершине высокого копья в каждом конце ограды разворачивался белый флаг, и до заключения мира он развевался как символ надежды для тех, кто, побежденный в бою, мог бежать туда за защитой. Его устанавливали на небольшом расстоянии от стен с внешней стороны, и до места, где разворачивалось это знамя, победоносный воин мог преследовать своих поверженных врагов, но здесь он должен был сам отступить; дальше этого места он не должен был продвигаться ни на шаг под страхом лишения жизни; Жрецы и их приверженцы немедленно предавали смерти любого, кто имел бы наглость преследовать или приставать к тем, кто когда-то находился в пределах *pahio tabu* и, как они выражались, под тенью или защитой духа *Keave*, божества-покровителя этого места.

В одной части загона раньше были возведены дома для жрецов, а в другой - для беженцев, которые после определенного периода или прекращения войны были уволены жрецами и беспрепятственно возвращались в свои жилища и семьи, никто не осмеливался причинить вред тем, кто, убегая к богам, был ими защищен. Мистер Эллис не смог узнать, сколько времени им пришлось оставаться в *Похонуасе*, но, судя по всему, не более двух-трех дней. После этого они либо поступали на службу к жрецам, либо возвращались в свои дома.

ГЛАВА XXVIII.

Самоанское завещание - перенос тела - погребение на Самоа - могильные костры на Самоа - поимка духа - новозеландские погребальные обычаи - пономарь на Борнео - похороны даяков - погребальные обычаи морских даяков - бомбы в воздухе - изгнание злого духа - жестокое обращение с вдовами - "деревня мертвых" - "деревня мертвых" - "деревня мертвых" - "деревня мертвых" - "деревня мертвых" - "деревня мертвых" - "деревня мертвых" - "деревня мертвых" - Место черепов-Молитва мертвым-Оджиббевейские скорбящие-Диспозиция имущества мертвых-История о призраках чиппева-Невидимое присутствие-Духовный призрак-Почитание мертвых-Королевские похороны-Пляска смерти-Последняя из "Жгучей змеи".

На Самоа, другом из полинезийских островов, считается позором для семьи престарелого вождя, если он не похоронен заживо. "Когда старик чувствует себя больным и немощным, - рассказывает миссионер Тернер, - и думает, что умирает, он намеренно говорит своим детям и друзьям, чтобы они все приготовили и похоронили его. Они исполняют его желание, выкапывают круглую глубокую яму, наматывают вокруг его тела несколько тонких циновок и опускают бедного старого язычника в могилу в сидячем положении. Затем приносят живых свиней и привязывают каждую отдельным шнуром, один конец которого привязывают к свинье, а другой - к руке старика. Затем шнуры перерезают посередине, оставляя одну половину висеть на руке старика, и свиней уводят, чтобы убить и запечь для погребального пира. Однако считается, что старик все равно забирает свиней с собой в мир духов. Чем больше вождь, тем многочисленнее свиньи, а чем многочисленнее свиньи, тем лучше их примут в языческом Аиде. Таким образом, бедный старик, обмотанный, обвешанный свинными веревками и накрытый еще несколькими циновками, готов. Затем могилу засыпают, и его предсмертные стоны утопают в плаче и стенаниях живых.

"Этот отвратительный обычай хоронить заживо, как я уже отмечал, не ограничивается младенцами и стариками. Если у больного человека появляются признаки бреда, ему выкапывают могилу и сразу же хоронят, чтобы болезнь не распространилась на других членов семьи. Недавно таким образом похоронили молодого человека в самом расцвете сил. Он разрыл могилу и сбежал. Его поймали и снова заставили спуститься в могилу. Во второй раз он с трудом выбрался на поверхность, и его отвели в кусты, привязали к дереву и оставили там умирать.

"Всякий раз, когда взгляд устремляется на смерть, дом превращается в сцену неопишуемых причитаний и стенаний. "Отец мой, почему ты не дал мне умереть и до сих пор живешь здесь?" "Брат мой, почему ты убежал и оставил своего единственного брата на растерзание?" "Дитя мое, если бы я знала, что ты умрешь! Что толку, что я пережила тебя? Эти и другие горестные вопли можно услышать за двести ярдов от дома; а подойдя ближе, вы обнаружите, что они сопровождаются самыми неистовыми выражениями скорби: разрыванием одежды, вырыванием волос, битьем по лицу и глазам, сжиганием тела маленькими колюще-режущими предметами, битьем по голове камнями до тех пор, пока не потечет кровь; и это они называют "приношением крови за мертвого". Каждый, кто знаком с

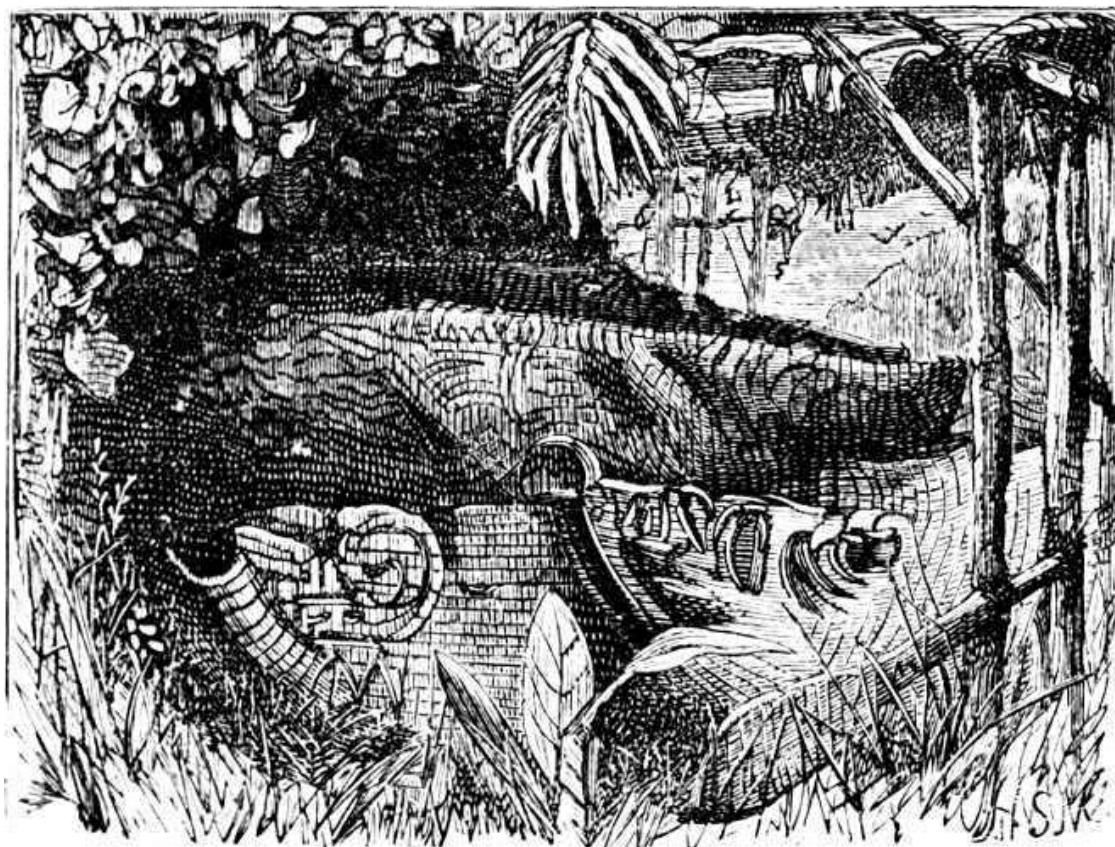
историческими частями Библии, заметит здесь удивительные совпадения. Через час или около того более громкие причитания стихают, и, поскольку в этом климате труп должен быть похоронен через несколько часов, приготовления начинаются без промедления. Тело укладывают на циновку, смазанную душистым маслом, и, чтобы изменить трупный вид, подкрашивают лицо маслом с небольшим количеством куркумы. Затем тело обматывают несколькими складками туземной ткани, подбородок подпирают небольшим свертком из того же материала, а лицо и голову оставляют непокрытыми, и еще несколько часов тело окружают плачущие родственники. Если человек умер от болезни, от которой страдали другие члены семьи, они, вероятно, вскрыют тело в поисках болезни. Любое воспаленное вещество, которое они случайно найдут, они заберут и сожгут, думая, что это предотвратит появление той же болезни у других членов семьи. Это делается, когда тело опускают в могилу.

"Пока мертвое тело находится в доме, нельзя принимать пищу под одной крышей. Семья обедает на улице или в другом доме. Раньше те, кто ухаживал за умершим, старались не брать в руки еду, и в течение нескольких дней их кормили другие, как будто они были беспомощными младенцами. Предполагалось, что за нарушение этого правила домочадцы будут наказывать их облысением и потерей зубов. В такие дни обычно постились, и те, кто так поступал, ничего не ели в течение дня, а вечером принимали пищу, напоминая нам слова Давида, оплакивавшего смерть Абнера: "Так поступает со мной Бог и еще больше, если я вкушу хлеба или чего-либо другого до захода солнца". Пятый день был днем очищения. Они омывали лицо и руки горячей водой, после чего становились чистыми и возвращались к обычному времени и режиму приема пищи.

"Смерть вождя высокого ранга сопровождалась большим волнением и демонстрацией: все работы в поселении приостанавливались; ни один посторонний не смел пройти через это место. В течение нескольких дней тело держали непогребенным, пока все различные партии, связанные с этим кланом, не собирались из разных частей острова, и пока каждая партия по очереди не шествовала с телом на плечах через деревню, распевая при этом какой-нибудь траурный гимн. Тело также заворачивали в лучший халат, то есть в самую ценную одежду из тонкой циновки, которой владел покойный. Вождям по-прежнему оказывают большое уважение в таких случаях, и недавно был случай, когда траур длился что-то вроде тридцати дней; но в наши дни тело редко выставляют на парад по поселениям.

"Погребение обычно происходит на следующий день после смерти. На похоронах присутствует столько друзей, сколько успевает приехать. Каждый приносит подарок; а на следующий день после похорон все эти подарки распределяются таким образом, чтобы каждый ушел с чем-то взамен принесенного. Раньше тело хоронили без гроба, за исключением случаев с вождями; но теперь довольно часто отрезают концы какого-нибудь каноэ, принадлежащего семье, и делают из него гроб. Тело кладут в эту грубую оболочку, снова обматывают несколькими складками туземной ткани и несут на плечах четырех или пяти мужчин к могиле. Друзья следуют за ними, но без определенного порядка; а у могилы часто раздаются причитания и восклицания вроде: "Увы! Я искал у тебя защиты, но ты ушел! Почему ты умер! Если бы я умер за тебя!" С тех пор как было введено христианство, на могиле обычно все спокойно. Присутствует миссионер или назначенный им учитель, который читает часть Священного Писания, произносит речь и молится, чтобы живые могли подумать и подготовиться к моменту смерти. Могила называется последним пристанищем, а в случае с вождями дом украшается листьями сандалового дерева, что указывает на обычай сажать возле могилы какое-нибудь дерево с красивой листвой. Были предприняты попытки выделить место для деревенского захоронения, но осуществить их трудно. Все

предпочитают класть своих умерших среди праха предков, на своей собственной земле. Как кости Иосифа были перенесены из Египта в Ханаан, так и самоанцы перенесли черепа своих умерших из страны, где они жили во время войны, обратно в могилы своих отцов, как только после объявления мира. Могилу часто выкапывают рядом с домом. Они делают ее глубиной около четырех футов и, расстелив циновки, как удобную кровать, кладут туда тело, головой к восходу солнца, а ногами на запад. Вместе с телом они кладут несколько вещей, которые могли быть использованы в качестве кирки при рытье могилы; не то чтобы они думали, что эти вещи могут быть полезны для умершего, но предполагается, что если они будут оставлены и использованы другими, это приведет к дальнейшим болезням и смерти. На тело расстилают другие циновки, на них - слой белого песка с пляжа, а затем засыпают могилу.

Самоанский гроб.

"Место отмечено небольшой кучей камней высотой в фут или два. Могила вождя почти выстроена в продолговатой наклонной форме, высотой около трех футов у подножия и четырех у головы. Белые камни или ракушки перемешиваются с верхним слоем; если вождь был известным воином, его могила может быть окружена копьями, а на вершине свободно лежит его оружие".

Бальзамирование, как сообщает нам тот же авторитет, известно и практикуется с удивительным мастерством в одной конкретной семье самоанских вождей. В отличие от египетского метода, описанного Геродотом, на Самоа им занимаются исключительно женщины. Удалив и закопав внутренности, они день за днем помазывают тело смесью масла и ароматических соков и продолжают колоть его по всему телу тонкими иглами. Примерно через два месяца процесс высыхания завершается. Волосы, которые были отрезаны и отложены в сторону в начале операции, теперь тщательно приклеены к коже головы смолой из кустарника. Живот заполняют складками туземной ткани, тело оборачивают тем же материалом и укладывают на циновку, оставляя открытыми руки, лицо и голову.

Для этой цели строится дом, и туда помещают тело, накрыв его простыней из туземной ткани. Время от времени лицо смазывают смесью ароматического масла и куркумы, а проходящие мимо посторонние люди свободно допускаются к останкам усопшего. В настоящее время в доме, принадлежащем семье, о которой мы говорим, лежат четыре тела: вождя, его жены и двух сыновей. Они лежат на платформе, поднятой на двойном каноэ. Должно быть, прошло более тридцати лет с тех пор, как некоторые из них были забальзамированы, и, несмотря на это, они находятся в замечательном состоянии сохранности. Они не называют никаких особых причин для такого бальзамирования, кроме того, что это выражение их привязанности, чтобы тела усопших оставались с ними, как будто они живы.

Вечером, когда хоронили какого-нибудь важного вождя, его друзья разжигали несколько костров на расстоянии около двадцати футов друг от друга, рядом с могилой, и там они садились и поддерживали огонь до утра. Иногда это продолжалось в течение десяти дней после похорон; так же поступали и перед погребением. В доме, где лежало тело, или перед ним всю ночь жгли костры ближайшие родственники усопшего. У простых людей был похожий обычай. После погребения они всю ночь поддерживали огонь в доме, а пространство между домом и могилой расчищали так, чтобы от огня к могиле всю ночь шел поток света. Был ли этот обычай связан с обычаем сжигать мертвое тело, как это делали древние греки, сейчас установить невозможно. Вероятно, однако, что это не так. Самоанцы рассказывают, что это было просто легкое сожжение в честь усопшего и знак нежного отношения к нему: так же, как мы можем предположить, поступали иудеи после смерти Асы, когда, как сказано, они устроили для него очень большое сожжение. Те комментаторы, которые считают, что этот и еще один или два других отрывка относятся к иудейскому знаку уважения, а не к реальному сожжению тела, имеют в виду самоанский обычай, который мы только что назвали, - замечательное совпадение в свою пользу.

Непогребенные тела вызывали большое беспокойство. "Ни один римлянин, - говорит мистер Тернер, - не испытывал большей скорби при мысли о том, что его непогребенный друг будет бродить сто лет по берегам Стикса, чем самоанцы, когда они думали о том, что дух одного утонувшего или другого, павшего на войне, блуждает в заброшенном и неуютном месте. Они полагали, что этот дух преследует их повсюду днем и ночью, и воображали, что слышат, как он взывает к ним самым жалостливым тоном и говорит: "О! Как холодно; о! Как холодно". Самоанцы, как и древние римляне, не довольствовались простым *тумулус-инанис* (или пустой могилой), у которой соблюдались обычные церемонии; они считали возможным получить душу усопшего в какой-то осязаемой трансигрированной форме. На пляже, рядом с местом, где утонул человек, или на поле боя, где пал другой, можно было увидеть молча сидящую группу из пяти или шести человек, один из которых шел на несколько ярдов впереди, с расстеленным перед ним на земле листом туземной ткани. Обращаясь к какому-то богу семьи, он сказал: "О, будьте добры к нам; позвольте нам без труда получить дух юноши". Первое, что появлялось на простыне, должно было стать духом. Если ничего не появлялось, считалось, что дух имеет какую-то недоброжелательность к молящемуся. Тот человек через некоторое время удалялся, а другой выходил вперед, обращался к какому-нибудь другому богу и ждал результата. Вскоре что-то появлялось - кузнечик, бабочка, муравей или что-то еще; это тщательно заворачивали, относили в семью, собирали друзей, и сверток хоронили со всеми полагающимися церемониями, как будто в нем находился настоящий дух ушедшего".

Погребение, как и все остальные обычаи новозеландцев, очень необычно. Однако до недавнего времени о них было известно очень мало. Во время посещения страны капитаном Куком туземцы скрывали от него все, что было связано с погребением их умерших.

Однако теперь известно, что трупы рабов бросали в ямы или в море, или закапывали под столбами, поддерживающими дома; а вот к трупам свободных людей всегда относились с большим уважением. Однако только в случае смерти вождей совершались погребальные обряды, принятые в народе. Вождя на смертном ложе окружало большинство родственников, его последние слова бережно хранились, а покорность, с которой умирающий покорился своей судьбе, наводила на мысль, что он умер по своей воле. Как только жизненная искра угасла, ее уход был оплакан горестными воплями: обильно пролились слезы, а зрители стонали, вздыхали и казались безутешными. Но все было пусто, за исключением ближайших родственников умершего, и образца таланта новозеландцев к диссимуляции. Мужчины, женщины и дети резали себя раковинами, а рабов убивали, чтобы прислуживать умершему на том свете и отомстить за его смерть. С тех пор как появилось огнестрельное оружие, при смерти вождей стреляют из пушек.

Через двадцать четыре часа после смерти тело обмывали и били листьями льна, чтобы отогнать злых духов. Затем жрецы одевали труп. Ноги подгибали, тело укладывали в сидячее положение, волосы связывали в комок на макушке головы и украшали перьями альбатроса; вокруг висков наматывали гирлянды цветов, в уши втыкали пучки белого пуха из груди морской птицы, лицо мазали красной охрой и маслом, а все тело, кроме головы, заворачивали в тонкую циновку. В таком виде, окруженный своим боевым оружием, костями и сохранившимися головами предков, мертвый вождь восседал в торжественной обстановке; а поскольку цвет кожи туземцев после смерти почти не меняется, вся сцена выглядела как живая. В жертву богам приносились определенные птицы. Племена издалека навещали умерших. Ветки длинной травы тоитои, вложенные в руки мертвого воина, хватали друзья, и в его честь пели лестные причитания, среди которых можно выделить следующее

"Вот молния сверкает:

Кажется, что она рассекает суровые горы Тувхары.

Из руки твоей выпало оружие,

И дух твой яркий исчез

За высотами Раухавы.

Солнце тускнеет и уходит,

Как женщина с места битвы.

Плачут океанские приливы и отливы,

И горы юга тают,

И дух вождя

улетает в Кону.

Откройте врата небес.

Войдите в первое небо, затем во второе,

И когда ты будешь путешествовать по стране духов,

И скажут тебе: "Что это значит?

Скажи, что ветры этого мира

Оторвались от него в смерти храбреца,
предводителя наших битв.
Атутахи и утренние звезды
Смотрят вниз с небес.
Земля качается взад и вперед,
Ибо великий вождь племен лежит ниц,
Ах! Друг мой, росы Кокианги
Проникнут в тело;
Воды рек иссякнут,
И опустеет земля".

Мертвые вожди сидели в покое, пока от них не исходил неприятный запах. Затем их тела заворачивали в циновки, клали в канозобразные ящики вместе с их *мерисами* и помещали на помосты высотой в девять футов, подвешивали к деревьям в окрестностях деревень или погребали в домах, где они умерли. Здесь, после дневного света, в течение многих недель ближайшие родственники регулярно оплакивали их смерть со скорбными воплями. Люди, которым запрещалось прикасаться к мертвым, теперь становились чистыми. На местах, где лежали тела, воздвигались резные деревянные украшения или грубые человеческие изображения высотой в двадцать-сорок футов, не похожие на индуистских идолов. Носили траурные головные уборы из темных перьев; некоторые скорбящие обрезами половину своих волос, и люди говорили об умерших так, как будто они были живы.

Тела оставляли на полгода на ступенях или в земле, после чего кости вычищали, укладывали в ящики или циновки и тайно помещали в усыпальницы, на вершинах холмов, в лесах или в пещерах. Теперь мерисы и ценное имущество вождей переходили к их наследникам. Чтобы засвидетельствовать эту церемонию извлечения костей, соседние племена приглашались на пиры, называемые хахунга; и в течение нескольких последующих лет в честь умерших устраивались хахунга, на которые из усыпальниц приносили черепа и сохранившиеся головы вождей и украшали их циновками, цветами и перьями. Речи и причитания, произносимые на хахунгах, поддерживали память о вождях и побуждали живых подражать мертвым.

На Борнео, когда умирает даяк, на всю деревню накладывается табу на день; в течение нескольких часов после смерти тело заворачивают в спальную циновку покойного и несут на руках "пенину", или пономаря деревни, к месту погребения или сожжения. На небольшом расстоянии от деревни тело сопровождают женщины, произнося громкие и меланхоличные причитания. В одном из племен - пемуджан - женщины следуют за трупом по тропе под деревней до того места, где она разделяется: одна ветвь ведет к месту сожжения, другая - в китайский город Синиаван. Здесь они садятся на широкий камень и плачут, издавая горестный плач, пока пономарь и его печальная ноша не скроются из виду. Любопытно, что вершина этого камня полая, и даяки утверждают, что это произошло от слез их женщин, которые в течение многих веков падали так обильно и так часто, что камень изнашивался от их непрерывного падения.

В Западном Сараваке обычай сжигать мертвых распространен повсеместно. В районе близ Самарахана их безразлично сжигают или хоронят, а , когда достигается Садонг, обычай кремации прекращается, даяки последней реки имеют привычку хоронить своих мертвецов. В могилу бросают орех какао и орех ареки; рядом с могилой вешают небольшую корзинку и корзинку с приправами для жевания покойного, а если он был знатным воином, то рядом в землю втыкают копье. Вышеперечисленные предметы питания служат для пропитания души при переходе в мир иной.

Могилы очень неглубокие, и нередко труп вырывают с корнем и пожирают дикие свиньи. Сжигание также нередко проводится крайне неумело. "Части костей и плоти были возвращены собаками и свиньями деревни в пространство под самыми домами родственников", - рассказывает мистер Сент-Джон. "Во время эпидемий болезней, когда умерший очень беден или родственники не склонны тратить на услуги пономаря, трупы нередко выбрасывают в уединенные джунгли недалеко от деревни и там оставляют. Даяки очень мало уважают тела усопших, но очень боятся их призраков.

"Должность пономаря передается по наследству, от отца к сыну; и когда род прерывается, очень трудно побудить другую семью взять на себя эти неприятные обязанности, связанные, как предполагается, со слишком близкой связью с мертвыми и потусторонним миром, чтобы быть совсем полезными. Несмотря на то, что перспективы гонораров неплохие, и, возможно, каждая семья в деревне предлагает шесть галлонов неочищенного риса, чтобы пономарь начал свою новую и, безусловно, полезную карьеру, найти кандидата непросто. Обычная плата за погребение - один джав, оцениваемый в рупию; хотя, если погребение совершается с большим тщанием, за него просят доллар; в других местах иногда требуют до двух долларов".

В день смерти человека семья устраивает пир для своих родственников: если покойный богат, убивают свинью и птицу; если же беден, достаточно одной курицы. На квартиру и семью, в которой произошла смерть, накладывается табу на семь дней и ночей, и если не соблюдать строгого запрета, призрак умершего будет преследовать это место.

Среди морских даяков, как нам также сообщил мистер Сент-Джон, обычно хоронят человеческие тела, хотя, если человек выражает желание разделить привилегию священников и быть, подобно им, выставленным на возвышении, его друзья обязаны удовлетворить его просьбу.

Сразу же после того, как дыхание покидает тело, женщины начинают громкие и меланхоличные причитания; они обмывают труп, одевают его в лучшие одежды, часто, если это мужчина, полностью вооруженный, и несут его в большой общий зал, где его окружают друзья для оплакивания. В некоторых деревнях оплакивание ведет наемник, и оно продолжается до тех пор, пока труп не покинет дом. Но прежде чем это произойдет, тело заворачивают в одежду и тонкие циновки, скрепляют кусками бамбука, привязанными раттанами, и несут к месту погребения. Затем убивают птицу в жертву духу, охраняющему землю, и начинают рыть могилу глубиной от двух с половиной до четырех с половиной футов, в зависимости от ранга человека: глубже пяти футов было бы незаконно. Во время этой операции другие валят большое дерево и, отрезав около шести футов, раскалывают его на две части и выдолбляют куски с помощью клещей. Одна часть служит гробом, а другая - крышкой; тело помещается внутрь, и они скрепляются вместе с помощью полосок податливого тростника, намотанных вокруг них.

После того как гроб опускают в могилу, туда бросают многие вещи, принадлежавшие покойному, а также рис, табак и орех бетель, так как считают, что они могут пригодиться на том свете.

По старинному обычаю, который сейчас уже не используется, в могилу клали деньги, золотые и серебряные украшения, одежду, различную фарфоровую и латунную посуду; но эти сокровища были слишком большим соблазном для тех малайцев, которые пристрастились к азартным играм, и разграбление места погребения часто приносило большие и заслуженные обиды родственникам. Поскольку обнаружить преступников практически невозможно, в настоящее время принято разбивать на куски всю утварь, положенную в могилу, и как можно тщательнее прятать ценные украшения.

Родственники и носильщики трупа должны вернуться прямо в дом, из которого они вышли, прежде чем войти в другой, так как останавливаться запрещено или несчастливо, какое бы расстояние ни пришлось преодолеть. Морских даяков, павших в бою, редко хоронят, но вокруг них ставят тын, чтобы отгонять свиней, и оставляют там. Тех, кто совершает самоубийство, хоронят в других местах, поскольку предполагается, что им не позволят смешаться в "семиэтажном Сабаяу", или Раю, с теми из их соотечественников, которые придут к своей смерти естественным путем или через влияние духов.

Черный цвет - знак траура у индейцев Северной Америки, как и у нас; но среди этих дикарей горе проявляется не только мрачным цветом одежды, но и другими признаками. Вороны обрезают часть волос в случае смерти родственника. Вдовы лисиц, в знак траура, по нескольку месяцев не меняют одежду и не обращают внимания на свой наряд. Этот обычай характерен для многих племен севера. Среди шахонеев и некоторых других западных народов те, кто потерял одного из своих родственников, выражают свое горе, нанося себе увечья и раны. Траур индейца по утрате родственника продолжается не менее шести месяцев. Как правило, он заключается в пренебрежении к его персоне и раскрашивании лица в черный цвет. Вдова обычно оплакивает потерю мужа в течение года. Все это время она искренне переживает утрату, ни с кем не разговаривает, если только не вынуждена это делать по необходимости или из соображений приличия. Она всегда стремится к уединению и желает остаться одна, чтобы свободнее предаться своей печали. После окончания траура она вновь надевает свои лучшие одежды и как можно кокетливее прихорашивается, чтобы найти себе другого мужа.

Обычаи, соблюдаемые при погребении умерших, отличаются в разных племенах. Единственный общий для всех обычай - красить трупы в черный цвет. Омахи обматывают тела повязками из шкур, придавая им вид египетских мумий. В таком виде их кладут на ветви дерева, а рядом ставят деревянную вазу, наполненную сушеным мясом, которое время от времени обновляют. Сиу хоронят своих умерших на вершине холма или горы, а на могиле сажают кедровое дерево, которое видно издалека. Если нет естественного возвышения, они сооружают эшафот высотой в два-три яруса.

Чинуки, говорит аббат Доминеч (из чьего рассказа об индейских погребальных обычаях взято это описание), и некоторые другие народы Колумбии и Орегона имеют более поэтичный обычай. Они заворачивают тела своих умерших в шкуры, завязывают им глаза, вставляют в ноздри маленькие ракушки и одевают их в свои самые красивые одежды; затем они кладут их в каноэ, которое пускают в дрейф по воле ветров и течений, на озеро, реку или в Тихий океан.

Если вблизи деревни нет ни озера, ни реки, ни моря, погребальное каноэ прикрепляют к ветвям самых высоких деревьев. Эти аэриальные гробницы всегда располагаются так, чтобы

дикие животные не могли до них добраться; излюбленные места - уединенные и лесистые острова. Эти погребальные каноэ часто пришвартованы в маленьких бухтах, под тенистыми деревьями, густая листва которых нависает над ними, как защитный купол. На больших реках Колумбии есть острова, где к кедром и березам на берегах прикреплены до двадцати-тридцати таких каноэ.

Недалеко от Колумбии находится скала, которая служит кладбищем для жителей окрестностей. Изучая эту деревню смерти, можно заметить, что племена рыбаков проявляют к умершим такую же религиозную заботу, как и различные племена охотников. В одном случае, как и в другом, рядом с умершим кладут любимые предметы, которыми он пользовался при жизни. В Колумбии весло и сеть лежат рядом с рыбаком в его погребальном каноэ; в Великих прериях в могилу вместе с охотником кладут копье, лук и стрелы, а часто и боевого коня. Как к востоку, так и к западу от Скалистых гор дикари почитают, уважают и заботятся о своих друзьях и родственниках даже после смерти. Причитания и молитвы оставшихся в живых звучат каждый день на рассвете и закате везде, где есть могилы.

В Нью-Мексико белые необычайно изменили обычаи индейцев; то, что осталось от их древних обычаев, несет на себе отпечаток одновременно и суеверного характера туземцев, и привычек испанцев. Так, жители Пуэбло-де-Лагуна, которые наполовину христиане, наполовину последователи Монтесумы, заворачивают тело умершего в обычную одежду, кладут его в узкую могилу небольшой глубины, а рядом ставят хлеб и вазу с водой. Затем они бросают в него огромные камни с такой силой, что ломают кости, полагая, что таким образом можно изгнать любой злой дух, оставшийся в теле.

Саки и лисы кладут своих мертвецов, завернутых в одеяла или бизоньи шкуры, в грубые гробы, сделанные из старых каноэ или коры деревьев, и хоронят их; если умерший был воином, над его головой устанавливают столб, исписанный красными линиями, указывающими на количество мужчин, женщин и детей, которых он убил за свою жизнь и которые должны стать его рабами в стране теней.

Тахкали сжигают тела своих умерших. Лекарь, руководящий церемонией, делает самые необыкновенные жесты и извивы, чтобы, как он утверждает, получить в свои руки жизнь умершего, которую он передает живому человеку, возлагая руки на его голову и дуя на него; наделенный таким образом человек принимает сан умершего, имя которого он добавляет к тому, которое носил раньше. Если у покойника была жена, она обязана лечь на погребальный костер, пока он горит, и оставаться там, пока не задохнется от дыма и жара. Раньше, когда женщина пыталась избежать этой пытки, ее подносили к огню и заталкивали внутрь, чтобы она выбралась, как могла. Когда труп сгорает, вдова обязана собрать пепел, положить его в корзину и унести. В то же время она становится служанкой семьи своего мужа, которая нанимает ее на всевозможные работы по дому и очень плохо с ней обращается. Такое рабство продолжается в течение двух-трех лет, по истечении которых родственники умершей собираются на "праздник избавления". Во время этого торжества в землю вкапывают шест высотой пять-шесть ярдов, на котором стоит корзина с прахом покойного, который остается там до тех пор, пока шест, разрушенный временем и стихиями, не упадет. После этого вдова восстанавливает свою свободу и может снова выйти замуж.

Мистер Пол Кейн в своих "Странствиях художника" описывает подобную церемонию, которую он наблюдал в Новой Каледонии, расположенной к востоку от острова Ванкувер и к северу от Колумбии. Среди племени, называемого "тау-ва-тиус", а также среди других соседних племен преобладает обычай сжигать тела, причем в отношении вдов умерших это

происходит с особой варварской жестокостью. Мертвое тело мужа кладут обнаженным на большую кучу смолистого дерева; его жену кладут на тело и накрывают шкурой; затем кучу поджигают, и бедную женщину заставляют оставаться там, пока она почти не задохнется, тогда ей разрешают спуститься вниз, насколько она может, сквозь пламя и дым. Однако не успеет она спуститься на землю, как должна предотвратить деформацию тела от воздействия огня на мышцы и сухожилия; и где бы это ни произошло, она должна голыми руками вернуть горящее тело в правильное положение, при этом ее лицо все время находится под воздействием сильного жара. Если она не справляется с этим обязательным обрядом из-за слабости или сильной боли, ее удерживает кто-нибудь до тех пор, пока тело не будет сожжено. На протяжении всей церемонии непрерывно поют и бьют в барабаны, заглушая ее крики.

После этого она должна собрать недоеденные куски костей и пепел и положить их в специально сделанный для этого мешок, который она должна носить на спине в течение трех лет; некоторое время она остается рабыней родственников своего мужа, и ей не разрешается ни мыться, ни причесываться в течение всего этого времени, так что вскоре она становится очень неприятным объектом для созерцания. По истечении трех лет мучители устраивают пир, на который приглашают всех ее друзей и родственников, а также себя. В начале они с большой церемонией складывают останки сожженных мертвецов в ящик, который прикрепляют к вершине высокого столба, и танцуют вокруг него. Затем вдову раздевают и обмазывают с головы до ног рыбьим жиром, на который один из присутствующих бросает лебединый пух, покрывающий все ее лицо. После этого она может снова выйти замуж, если у нее хватит склонности и мужества, чтобы рискнуть еще раз быть зажаренной заживо и испытать последующие ужасы.

Нередко случалось, что вдова, вышедшая замуж за второго мужа в надежде, возможно, не пережить его, в случае смерти второго мужа кончала жизнь самоубийством, чтобы не проходить через второе испытание.

Вождь манданов.

Среди манданов, другого племени североамериканских индейцев, погребение неизвестно. Для этого выделяется участок земли, известный всем племенам как "деревня мертвых". Когда мандан умирает, его заворачивают в шкуру только что убитого буйвола, которую закрепляют нитями из новой шкуры. Шкуры других буйволов вымачивают до тех пор, пока они не станут мягкими, как ткань, и в них заворачивают уже тщательно обтянутое тело, пока оно не станет больше напоминать тюк с товаром, упакованным для экспорта, чем человеческое тело. Внутри свертка кладут лук и колчан, щит, нож, трубку и табак, кремь и сталь, а также провизию, чтобы хватило на некоторое время "в долгом пути". Затем родственники

взваливают его на плечи и несут на кладбище, "где, - говорит Кэтлин, - стоят многочисленные подмости, состоящие из четырех вертикальных столбов высотой около шести или семи футов. На вершине этих столбов находятся небольшие жерди, проходящие вокруг от одного углового столба к другому; поперек них помещен ряд ивовых прутьев, достаточно прочных, чтобы поддерживать тело".

Место черепов манданов.

На этот эшафот, ногами к восходящему солнцу, укладывают мандана, и его не беспокоят до тех пор, пока столбы эшафота не рассохнутся, а буйволиный гроб, в котором еще лежат кости мандана, не упадет на землю. Тогда родственники покойного, получив извещение о случившемся, вновь собираются на кладбище и, выкопав яму, хоронят кости - все, кроме черепа; для этого отводится отдельная церемония.

Помимо ивовых прутьев можно увидеть круги черепов, насчитывающие от пятидесяти до ста, каждый на расстоянии около девяти дюймов от своего соседа, с лицом, повернутым к центру. В этом жутком оцеплении выделяется место, туда добавляется только что упавший череп, который впоследствии рассматривается вместе с остальными как объект почитания не только теми, кто может претендовать на семейное знакомство с ним, но и всем племенем. "Очень часто, - говорит Кэтлин, - путешественник может наблюдать, как жена, а может быть, и мать этого печального остатка смертности садится рядом с черепом своего ушедшего мужа или ребенка, разговаривает с ним в самых ласковых тонах и даже бросается обнимать его, при этом причитая с громкими и непрекращающимися воплями; очень часто они также режут и рубят себя ножами в наказание за обиду, которую они могли нанести своему родственнику при жизни".

Среди оджиббевеев, как только человек умирает, его одевают в лучшую одежду и как можно скорее кладут в гроб. Если этого нет, его заворачивают в лучшие шкуры или одеяла, которые есть в палатке. Выкапывается яма глубиной около трех футов, и обычно в течение двенадцати

часов после смерти человека хоронят, повернув его головой на запад. Рядом с телом кладут его бывшие орудия охоты и войны: лук и стрелы, томагавк, ружье, трубку и табак, нож, кисет, кремь и сталь, аптечку, котелок, безделушки и другие предметы, которые он брал с собой, отправляясь в дальний путь. Могилу накрывают, а сверху ставят шесты или палки высотой около двух футов, поверх которых кладут бересту или циновки, чтобы укрыть тело от дождя. Затем родственники или друзья покойного садятся на землю в круг вокруг головы могилы, когда совершается обычное подношение мертвому, состоящее из мяса, супа или огненной воды. Это передается присутствующим в чашах, определенное количество оставляется для всесожжения. Пока все это готовится у изголовья могилы, старик или оратор, выступающий по этому случаю, читает молитву душе усопшего, перечисляя его хорошие качества, прося благословения у мертвых, чтобы его дух ходатайствовал за них, чтобы у них было много дичи; он также увещевает его дух тихо уйти от них. Они верят, что душа принимает участие в пиршестве, и особенно в том, что сжигается в огне. Если покойный был мужем, то вдова после погребения часто имеет обычай пружинить или перепрыгивать через могилу, а затем бежать зигзагами за деревьями, как будто убегая от кого-то. Это называется бегством от духа мужа, чтобы он не преследовал ее. Вечером того дня, когда было совершено погребение, когда начинает темнеть, мужчины стреляют из своих ружей через отверстие, оставленное на вершине вигвама. Как только стрельба прекращается, старухи начинают стучать в дверь и издавать такой грохот, который отпугнет любого духа, осмелившегося бы приблизиться. Следующая церемония заключается в разрезании на узкие полоски, как лента, тонкой бересты. Эти складывают в фигуры и развешивают внутри вигвама, чтобы малейший порыв ветра приводил их в движение. С такими чучелами какой дух решится потревожить их сон? Чтобы это не оказалось эффективным, часто берут олений хвост и, сжигая или сбывая все волосы, натирают им шею или лицо детей, прежде чем те лягут спать, думая, что неприятный запах станет еще одним препятствием для проникновения духа. "Я хорошо помню, - говорит преподобный Питер Джонс, христианизированный оджиббевей и миссионер, - как меня мазали этой неприятной дезинфекцией, и я очень верил во все это. Считая, что душа еще долго находится в теле, прежде чем окончательно покинуть его, они используют эти средства, чтобы ускорить ее уход".

"Я присутствовал при погребении старого языческого вождя по имени Одахмекоо из города Мунси. Мы сделали для него гроб, который преподнесли его родственникам; но прежде чем положить в него тело, они просверлили несколько отверстий в голове, чтобы, как они предполагали, дать душе возможность входить и выходить по своему желанию".

"В зимнее время, когда земля промерзает на два-три фута вглубь, почти невозможно пробиться сквозь мороз, и нет подходящих инструментов, они вынуждены обматывать труп шкурами и корой деревьев, а затем вешать его на развилке большого дерева, достаточно высокого, чтобы быть недостижимым для волков, лисиц и собак, которые скоро его съедят. Так тело висит до тех пор, пока не произойдет разложение, а кости, упавшие на землю, затем собирают и хоронят.

"Сразу же после смерти индейца все его ближайшие родственники впадают в траур, чернят лица углем и надевают самую потрепанную и грязную одежду, какую только могут найти. Они носят ее в течение года, что является обычным временем траура по мужу или жене, отцу или матери.

"По истечении года вдове или вдовцу разрешается вступить в новый брак. Если это произойдет до истечения года, это считается не только проявлением нежности к памяти умершего, но и большим оскорблением для родственников, которые имеют право претендовать на человека в дни траура. Первые несколько дней после смерти родственника

проводят в затворничестве и посте; в течение всего траура они приносят в жертву умершему часть своей дневной пищи, причем часть ее кладут в огонь, который горит во время еды. Я видел, как мои бедные соотечественники приносят в жертву усопшим огненную воду: они считают это очень приемлемым, поскольку она воспламеняется в момент соприкосновения с огнем. Иногда они посещают могилу умершего и устраивают там пиршество и подношение ушедшему духу: табак никогда не забывается в такие моменты. Все друзья умерших долгое время носят кожаные шнурки, обвязанные вокруг запястий и лодыжек, чтобы они напоминали им об умершем родственнике".

Вдовы всегда соблюдают обычай завязывать узелок с одеждой в виде младенца, часто украшенный серебряными брошками. С этим свертком она будет лежать и носить его с собой в течение двенадцати месяцев, как память об ушедшем муже. Когда дни траура заканчиваются, кто-то из родственников готовит пир, на котором она появляется в своем лучшем наряде. Впервые за двенадцать месяцев вымывшись, она снова выглядит опрятной и чистой.

Шахони хоронят своих умерших со всем, что им принадлежало. Команчи обычно хоронят воина с его оружием и любимой лошадью; раньше такая же участь постигала и его жен, но этот обычай исчез. В то время как сиу наносят на свои могилы яркие знаки, чтобы их можно было легко отличить, команчи покрывают их травой и растениями, чтобы сохранить их в тайне. Среди западных племен воинов до сих пор иногда хоронят верхом на лошади, закутанных в богатейшие одежды, с луком в руках, пряжкой на руке, колчаном, полным стрел, закинутым за спину, трубкой и лекарственной сумкой, висящей на поясе, и с запасом табака и сушеного мяса, достаточным для путешествия в зачарованные прерии.

Ассинебойны, как и некоторые другие племена великой американской пустыни, никогда не хоронят своих мертвых, а подвешивают их на кожаных веревках между ветвями больших деревьев или выставляют на подмостках, достаточно высоких, чтобы тело было недоступно для прожорливых диких животных. Ноги трупа повернуты к восходящему солнцу, а когда подмости падают от старости, кости собирают и религиозно сжигают в круге, образованном из черепов. Священное хранилище охраняется, как и у манданов, лекарственными деревьями или столбами, к которым подвешиваются амулеты или лекарственные мешочки.

После смерти члена своего племени потоватоми, оттавы и некоторые другие северные народы распределяют все вещи, принадлежавшие покойному, между его друзьями. Некоторые из них являются католиками, и они устанавливают на могиле большой шест, на вершине которого развевается знамя, украшенное черным крестом. Среди этих же племен, когда умирает женатый мужчина или женщина, оставшийся в живых платит долг за тело, отдавая деньги, лошадей и другие подарки родственникам покойного. Оттавы приносят в жертву лошадь на могиле умершего; они душат животное с помощью петли, затем отрезают ему хвост и подвешивают его к кольям, закрепленным на могиле. Женщины воронов также отдают долг умершим, делая надрезы в собственной плоти. Чиппева имеют привычку зажигать большие костры на могилах членов своей семьи в течение нескольких ночей после похорон.

О происхождении этого последнего обычая ничего не известно, но среди чиппева существует легенда, с которой, возможно, стоит ознакомиться читателю, чтобы пролить свет на этот вопрос.

"Когда-то, много лет назад, между чиппева и их врагами шла война, и земли враждебных племен были красными от крови. Тогда на открытой равнине в стране Великих озер чиппева встретили отряд своих врагов. Метеуан, вождь чиппева, был храбрецом; его боевые подвиги воспевал каждый юноша, мечтавший прославиться на тропе войны; молодые скво рассказывали о них у костров. И никогда вождь не действовал с большей храбростью и благоразумием, чем в этот раз. После того как он силой своей руки переломил ход битвы против своих врагов, и когда он издал великий крик победы, стрела вонзилась ему в грудь, и он упал на равнину. Ни один индейский воин, убитый таким образом, никогда не был похоронен. По старинному обычаю, на поле боя его клали в сидячей позе, спиной к дереву, а лицом к дороге, по которой бежали враги. Копье и булава были вложены в его руки, а лук и колчан прислонены к плечу. Так они оставили его.

"Он слышал, как они рассказывали о своих доблестных деяниях".

"Но неужели он ушел в страну духов? Хотя он не мог ни двигаться, ни говорить, он слышал все, что говорили его друзья. Он слышал, как они оплакивали его смерть и не мог их утешить; он слышал, как они рассказывали о его великих делах; он слышал, как они изображали горе его жены, когда ей сообщили о его смерти. Он чувствовал прикосновение их рук, но его конечности были скованы прочными цепями, и он не мог их разорвать. Его мысли текли свободно, как великие реки, но его конечности были подобны упавшим ветвям. Его муки,

когда он чувствовал себя покинутым, были тяжелы, но он был вынужден их переносить. Желание последовать за своими друзьями, которые собирались вернуться в свои вигвамы, настолько овладело его разумом, что, сделав сильное усилие, он поднялся, или казалось, что поднялся, и последовал за ними.

Но он был невидим; они не видели его фигуры и не слышали его голоса. Удивление, разочарование, ярость переполняли его, пока он пытался заставить себя услышать, увидеть или почувствовать, но не мог; но все же он шел по их следу. "Куда бы они ни шли, он шел; когда они шли, он шел; когда они бежали, он бежал; когда они разводили костры и садились, его ноги лежали в углях; когда они спали, он спал; когда они просыпались, он просыпался. Он слышал, как они рассказывали о своих доблестных деяниях, но не мог сказать, насколько его собственные превосходят их; он слышал, как они расписывали радости, которые ожидали их возвращения в свои вигвамы, но не мог сказать, сколько мира и сколько любви было в его.

"В конце концов военные достигли своей деревни, и женщины и дети вышли приветствовать их возвращение. Старый воин, которого слабость заставила бросить лук и копье, и орлиноглазый мальчик, поспешивший подхватить их, каждый внес свою лепту в радость. Жены выходили вперед с объятиями, робкие девы с любовью на веках, чтобы встретить своих храбрецов. И если старый воин не находил своего сына, он знал, что тот пал храбро, и не горевал; а если жена не находила своего мужа, она плакала недолго: не ушел ли он на великую Охоту?

"Никто, казалось, не знал о присутствии раненого вождя. Он слышал, как многие спрашивали о нем; он слышал, как говорили, что он сражался, победил и пал, пронзенный в грудь стрелой, и что его тело осталось среди убитых.

"Это неправда, - громко ответил возмущенный вождь. Я здесь; я живу! Я двигаюсь! Увидьте меня! Прикоснитесь ко мне! Я снова подниму свое копье и согну лук на тропе войны; я снова забью в свой барабан на празднике". Но никто не знал о его присутствии; они принимали громкие звуки его голоса за тихий шепот ветра. Он подошел к своей хижине; он увидел, что его жена рвет на себе волосы и оплакивает его. Он попытался ввести ее в заблуждение, но и она была нечувствительна ни к его присутствию, ни к его голосу. Она сидела в отчаянии, положив голову на руки. Он велел ей перевязать его раны, но она ничего не ответила. Тогда он приблизил свой рот к ее уху и крикнул: "Дай мне поесть". Жена ответила: "Это муха жужжит". Разъяренный муж ударил ее по лбу. Она приложила руку к голове и сказала: "Это маленькая стрела боли".

"Потерпев неудачу во всех попытках дать о себе знать, вождь стал размышлять о том, что он слышал от жрецов и мудрецов, что дух иногда покидает тело и может блуждать. Он подумал, что, возможно, его тело осталось на поле боя, а дух лишь сопровождает возвращающихся товарищей. Тогда он решил вернуться по их следу, хотя это было четыре дня пути. Он отправился в путь. Три дня он шел по дороге и ничего не видел, но на четвертый, под вечер, когда он подошел к краю поля битвы, он увидел на тропе костер. Он пошел по одной стороне, чтобы не наступить на него, но огонь тоже в сторону и остался перед ним. Он пошел в другую сторону, но огонь по-прежнему горел на его пути. Демон! - воскликнул он наконец, - почему ты не пускаешь меня на поле битвы, где лежит мое тело? Разве ты не знаешь, что я тоже дух и стремлюсь снова войти в это тело? Или ты говоришь, что я вернусь и не сделаю этого? Знай, что я вождь и воин, испытанный во многих тяжелых битвах, - я не поверну назад".

"Сказав так, он сделал энергичное усилие и прошел сквозь пламя. В этом порыве он очнулся от транса, в котором пролежал восемь дней на поле боя. Он обнаружил, что сидит на земле, спиной к дереву, а его лук прислонен к плечу, как и был оставлен. Подняв голову, он увидел, что на дереве над его головой сидит большой канье, боевой орел. Тогда он понял, что эта птица - та самая, которая снилась ему в юности и которую он принял за своего духа-хранителя, своего Маниту. Пока его тело лежало бездыханным, эта дружелюбная птица наблюдала за ним. Он поднялся и встал на ноги, но был слаб, и прошло немало времени, прежде чем он почувствовал, что его конечности принадлежат ему. Кровь на ране застоялась, и он перевязал ее. Обладая, как и все индейцы, знанием лекарственных корней, он усердно искал их в лесу и добыл достаточно для своей цели. Некоторые из них он растолок между камнями и приложил к ране, другие съел. Так за короткое время он настолько поправился, что смог отправиться в путь. С помощью лука и стрел он днем убивал птиц, которых вечером жарил на костре. Таким образом он не давал голоду одолеть себя, пока не дошел до воды, отделявшей от него жену и друзей. Тогда он подал тот сигнал, который говорит о возвращении друга. Сигнал был мгновенно принят, и каноэ переправило его на другой берег, и вскоре вождь высадился на берег под многочисленные крики. Тогда он позвал своих людей в свой домик и рассказал им обо всем, что произошло. После этого было решено развести костер возле мертвого воина, чтобы ему было светло и тепло, если только он будет видеть сны, как видел их вождь".

Индейцы Натчеца довели до еще более высокого уровня свое глубокое почитание тех, кого уже нет. На похоронах своих родственников или друзей они подавали недвусмысленные знаки крайней и самой искренней скорби. Они не сжигали тело, как греки, римляне и некоторые американские народы, а клали его на время в гроб из тростника и регулярно приносили ему еду в знак своей любви и заботы. Так продолжалось до тех пор, пока от тела не оставалось ничего, кроме сухих костей, которые затем собирали и помещали в погребальный храм. Эти храмы мертвых лишь отличались от обычных жилищ нэтчезов тем, что над входной дверью была подвешена деревянная голова. Ничто не могло превзойти их привязанности к этим реликвиям ушедших существ, которых они потеряли, и когда они эмигрировали, то обычно увозили с собой кости своих предков.

Погребение их государя или одного из его близких родственников принимало у натчезов масштабы общественного бедствия. Такие похоронные церемонии сопровождались настоящей добровольной резней, в которой сжигалось множество людей, связанных с семьей покойного, его друзей или слуг. Мы приведем еще несколько примеров этого обычая через аббата Доминеха, ссылаясь на некоторые подробности, связанные с историей смерти "Жгучего Змея", брата "Великого Солнца". Поскольку число жертв, которые должны были быть принесены в жертву во время похоронной церемонии, было весьма значительным, офицеры Порт-Розали отправились в деревню, где жил покойный, чтобы спасти от смерти как можно больше людей. Благодаря милосердному вмешательству французов число жертв ограничилось двумя женами покойного, камергером, врачом, слугой, трубочистом, удивительно красивой молодой индианкой, которая его очень любила, и несколькими старухами, которых должны были задушить рядом с бранными останками благородного покойника.

Тело "Жгучего змея" было облачено в прекрасные одежды и положено на государственное ложе; его лицо было выкрашено в пурпурный цвет, на ногах красовались красивые вышитые мокасины, а на голове он носил корону из красных и белых перьев, как принц крови. Рядом с ним лежали ружье, пистолет, лук и колчан со стрелами, лучший томагавк, а также все мирные средства, которые были предложены ему при жизни. Во главе кровати стоял красный

шест, поддерживающий цепь из тростника, также выкрашенную в красный цвет и состоящую из сорока шести колец, что означало количество врагов, убитых им в бою.

Все члены семьи окружили покойного и время от времени прислуживали ему, как при жизни; но поскольку вся еда, разумеется, осталась нетронутой, слуга воскликнул: "Почему ты не принимаешь наши подношения? Неужели ты больше не любишь свое любимое мясо? Неужели ты сердишься на нас и больше не позволишь нам служить тебе? Ах! Ты больше не говоришь с нами так, как раньше. Вы мертвы! Все кончено! Наше занятие окончено, и раз уж ты покинул нас, мы последуем за тобой в страну духов". Затем слуга произнес предсмертный крик, который повторили все присутствующие, и он разнесся от деревни к деревне до самых отдаленных уголков страны, как огромное похоронное эхо.

Прекрасная молодая индианка, которая не пережила своего возлюбленного, возвысила голос среди всеобщих причитаний и, обращаясь к офицерам, сказала: "Вожди и дворяне Франции, я вижу, как сильно вы сожалеете о моем муже. Его смерть - поистине великое несчастье как для вас, так и для вашего народа, ибо он носил их всех в своем сердце. Как он ушел от нас в мир духов; через два дня я буду с ним, и я скажу ему, что ваши сердца раздулись от печали при виде его бранных останков. Когда меня не станет, вспомните, что наши дети - сироты, вспомните, что вы любили их отца, и пусть роса вашей дружбы обильно падет на детей того, кто был дружелюбен к вам".

На следующий день главный церемониймейстер пришел за жертвами для смертельного танца и повел их в процессии к месту, где они должны были умереть. Каждого из них сопровождали восемь ближайших родственников, которые должны были исполнять обязанности палачей: Один нес томагавк и грозился в любой момент ударить жертву; другой - циновку, на которой должно было совершаться жертвоприношение; третий - веревку, служившую для казни; четвертый нес оленью шкуру, которую надевали на голову и плечи приговоренного; пятый - деревянную чашу с таблетками табака, которые больной глотал перед смертью; шестой - глиняную бутылку, наполненную водой, чтобы облегчить прохождение таблеток. Задача двух последних заключалась в том, чтобы сделать удушение как можно более быстрым, протягивая шнур то справа, то слева от пациента.

После казни эти восемь человек приобрели благородный вид: они шли по двое за жертвами, волосы которых были выкрашены в красный цвет. Прибыв на место, где стоял храм, все начинали выкрикивать предсмертный крик; те, кого должны были принести в жертву, ложились на циновки и танцевали танец смерти. Их палачи образовывали вокруг них круг и танцевали тот же танец; затем все возвращались в процессии к хижине покойного.

Когда наступил злополучный день похорон, законная жена "Жгучего змея" проводила своих детей со следующими словами. "Смерть вашего отца - большая потеря. Он хотел, чтобы я проводила его в мир духов, и я не должна позволить ему напрасно ждать меня. Я спешу уйти, ибо с тех пор, как он умер, я хожу по земле тяжелым шагом. Вы молоды, дети мои; перед вами долгий путь, который вы должны пройти с благоразумием и мужественным сердцем. Берегите свои ноги от терний двуличия и камней нечестности. Я оставляю тебе ключи от наследства твоего отца, блестящие и без ржавчины".

Тело принца несли восемь хранителей храма, а перед ним - множество воинов, которые, шагая, описывали непрерывные круги, пока не достигли храма, где было положено тело "Жгучего змея". Жертвы, после того как их задушили по обычаю, были похоронены в следующем порядке: две вдовы - в той же могиле, что и их муж, молодая индианка - справа от

храма, а горнист - слева. Остальные тела были отнесены в разные деревни, к которым они принадлежали. Затем жилище "Жгучей змеи" было подожжено и сгорело до основания. Таковы были варварские и трогательные церемонии, соблюдавшиеся натчезами при смерти высших сановников их древнего народа.

Вождь дакота.

ГЛАВА XXIX.

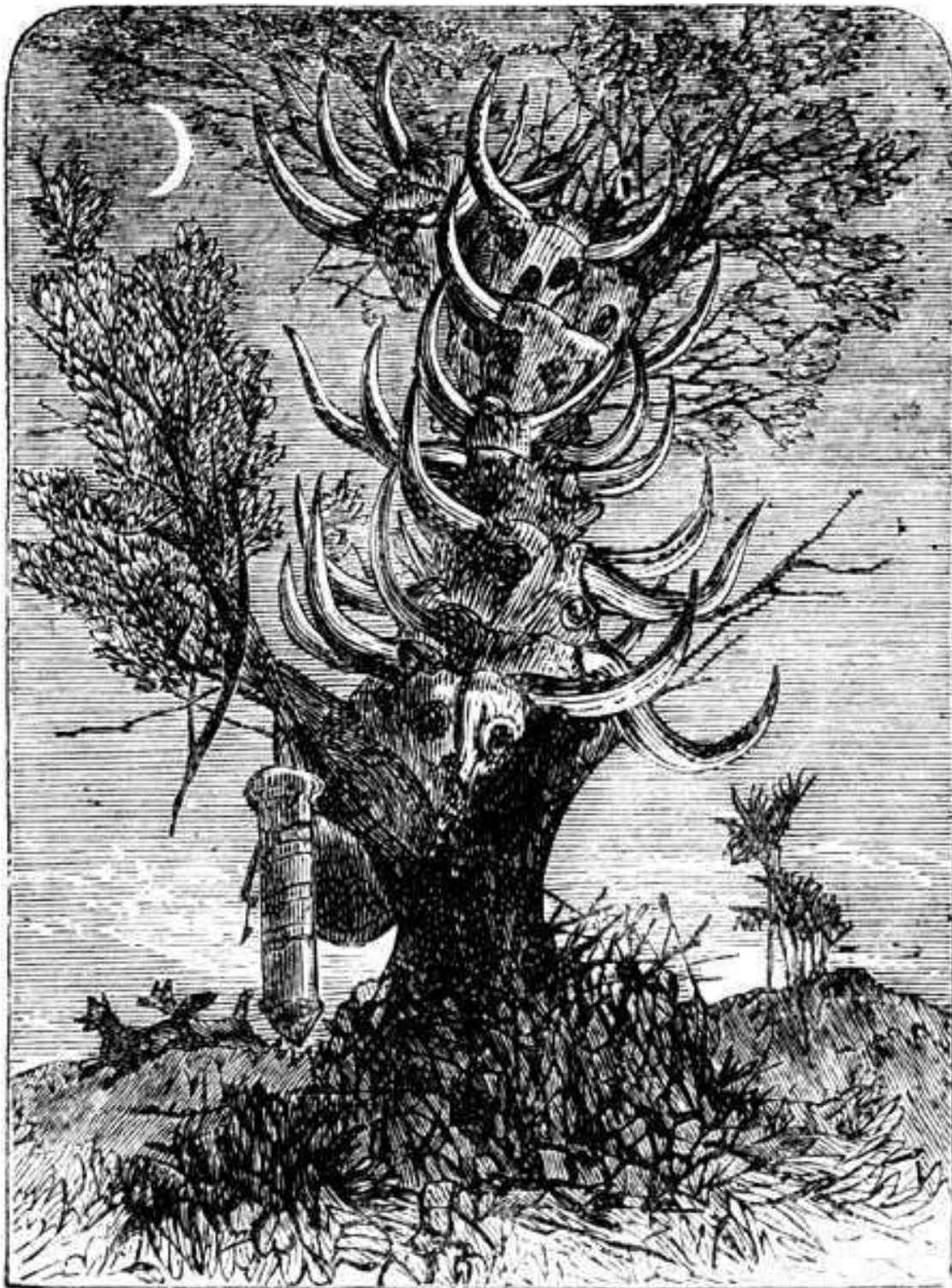
Погребальные обряды в стране Дамара - Кооссанский способ избавления от мертвых - Могила в загоне для скота - Никакого восстановления пролитой воды - Выход из траура - Никакого полутраура у дикарей - Праздник освобождения - Рабский барракон - Тысяча скелетов - Останки бечуанов - Захоронение в Фетич-Пойнт - Могила старого короля Пасса.похороны Барродо-Беондо - покойный король Джемми - уважение тиманцев к своим покойникам - религиозный самозванец - похороны в Мандинго - странное поведение скорбящих - от чьего "Грифа" ты умер?-Погребение короля Арчибонго - его дом дьявола - Погребальные церемонии на Мадагаскаре - Как избавляются от бедного малагасейца - "Возьми это, чтобы умереть" - Обряды в Абиссинии - Погребение в земле Самбо - Демон "Вулаша" - Правило крови в Дагомее - Самый последний великий обычай - Работа дьявола - Как хоронят короля Дагомеи - Горшок для костей короля.

Среди дамаров Южной Африки способ избавления от мертвых несколько отличается от того, который практикуют те, кто живет в более отдаленных частях этой страны. Андерссон рассказывает, что в случае с дамара, как только он умирает (иногда, по ужасным слухам, *еще до того, как* прекратится оживление), его ближайшие сородичи приносят большой камень и ломают позвоночник, чтобы удобнее было связать его нос и колени вместе. После этого тело заворачивают в бычью шкуру, выкапывают в земле яму и сажают в нее умершего на корточки лицом к северу. По словам туземцев, это делается для того, чтобы напомнить им, откуда они родом.

Когда умирает бедная женщина бечуана или дамара, у которой есть беспомощный ребенок, нередко маленькое существо кладут вместе с ее *живым* в яму, вырытую для приема взрослого тела. Мистер Рат, миссионер, однажды случайно подошел к погребальной церемонии, на которой собирались совершить это злодеяние, и ему удалось освободить бедняжку.

"После того как останки вождя отправляются в его последнее пристанище, - рассказывает Андерссон, - они собирают его оружие, военную одежду и т.д. и подвешивают их к столбу или к дереву у изголовья могилы. Рога быков, убитых в память об этом событии, подвешиваются таким же образом". Могила представляет собой большую кучу камней, окруженную кустами терновника, несомненно, для того, чтобы гиены и другие плотоядные животные не смогли растащить труп. Иногда, однако, вождя, если он выразил соответствующее желание, вместо погребения кладут в лежащем положении на слегка приподнятую платформу в центре его собственной хижины, которая в этом случае окружена крепкими и прочными палисадами.

Гробница Дамара.

"Когда вождь чувствует приближение своей кончины, он зовет своих сыновей к постели и дает им свое благословение, которое заключается лишь в пожелании им изобилия благ этого мира. Старший сын любимой жены вождя становится преемником своего отца, и как только заканчиваются похороны, он покидает опустевшее место, оставаясь в отсутствии в течение многих лет. Наконец, однако, он возвращается и сразу же направляется к могиле своего родителя, где опускается на колени и шепотом сообщает покойному, что он находится там со своей семьей и скотом, который тот ему подарил. Затем он молится о долгой жизни, а также о том, чтобы его стада процветали и множились, и, короче говоря, чтобы он получил все то, что дорого дикарю. Выполнив эту обязанность, он строит крааль на том самом месте, где когда-

то стояла стоянка предков; даже хижины и костры располагаются как можно ближе к их прежнему положению.

"Плоть первого убитого здесь животного варится в особом сосуде, и когда она готова, вождь раздает по порции каждому присутствующему. Изображение, состоящее из двух кусков дерева, которое, как предполагается, представляет домашнее божество, или, скорее, обожествленного родителя, затем изготавливается и увлажняется в блюде каждого человека. Затем вождь берет изображение и, прикрепив к его верхнему концу кусок мяса, сажает его в землю на том самом месте, где родитель имел обыкновение приносить жертву. Первое ведро молока, полученного от скота, также относят на могилу; небольшое количество также выливают на землю, а на остаток просят благословения.

Среди кооссас, племени южноафриканских туземцев, как только они видят, что больной человек близок к концу, его выносят из хижины в уединенное место под тенью дерева. Там разводят костер, ставят рядом сосуд с водой. С ним остается только муж или жена, или кто-то из близких родственников. Если он кажется умирающим, ему на голову выливают воду в надежде, что она его оживит; если же это не удается и становится ясно, что смерть приближается, его покидают все, кроме жены; если же больной - женщина, то с ней остается только муж. Однако родственники не расходятся по своим домам; они собираются в отдалении, и время от времени сиделка умирающего зовет их и сообщает, как продвигаются дела, пока не приходит окончательное сообщение: "Он умер". Когда все закончилось, родственники умершего идут к ближайшему ручью и, очистившись, возвращаются домой.

Однако жена, которая должна отдать последний долг своему мужу, не может этого сделать. Она оставляет тело, о котором уже никто не заботится, на съедение зверям и птицам, и идет с огнивом, взятым из костра, разожженного рядом с умирающим, в другое уединенное место, где снова разводит костер, и хотя дождь все время идет, она не должна допустить, чтобы он погас. Ночью она тайно приходит в хижину, где жила с мужем, и сжигает его, а затем возвращается в свое уединение, где должна оставаться месяц, полностью отгородившись от мира, и все это время питаться кореньями и ягодами. По истечении этого срока одиночного траура она снимает с себя одежду, которую уничтожает, моется, ранит грудь и руки острым камнем и, сшив себе длинное покрывало из камыша, возвращается на закате в крааль.

По ее желанию юноша из племени приносит ей зажженный огниво, и точно на том месте, где раньше стояла хижина ее мужа, она разводит костер; затем кто-то из ее племени приносит ей новое молоко, которым она полощет рот, после чего ее признают полностью очищенной, и снова принимают среди ее родственников и друзей. Однако, как ни странно, корова, от которой получают молоко, наоборот, становится нечистой, и хотя ее не убивают, но полностью игнорируют и оставляют умирать естественной смертью. На следующий день после возвращения вдовы убивают быка и, пообедав его мясом, отдают ей шкуру, чтобы она сшила себе новую мантию. Сразу же после этого невестки помогают ей построить новую хижину, и она полностью восстанавливается в социальной жизни.

Вдовец проходит почти те же траурные церемонии, только с той разницей, что его уединение длится всего полмесяца. Затем он сбрасывает свои одежды и готовит себе новую одежду из шкуры быка. Кроме волос он берет хвост быка, из которого делает себе ожерелье и носит его столько, сколько оно продержится. Если человек внезапно умирает, вся колония уходит, считая, что если они останутся, то им больше не будет сопутствовать удача, а телу внезапно умершего разрешается остаться там, где оно упало, и вместе с хижинкой для его погребения. Если же внезапно умерший - маленький ребенок, то считается, что нечистота

распространяется только на хижину, в которой он умер и которая либо снесена, либо закрыта навечно.

Хоронят только вождей и их жен. Их оставляют умирать в их хижинах; затем труп заворачивают в складки их мантии и выкапывают могилу в кошаре. После того как земля закидана, некоторые из волов загоняются в могилу и остаются там, так что земля полностью вытоптана и неотличима от остальной. Затем волов выгоняют; но они становятся священными волами и ни в коем случае не должны быть убиты для употребления в пищу.

Вдовы умершего берут всю домашнюю утварь, которой они пользовались вместе с мужьями, и, пробыв три дня в уединении, очищают себя обычным образом. Затем каждая из них убивает быка, и каждая делает себе новую мантию из его шкуры. После этого крааль полностью покидается племенем и никогда не выбирается в качестве места для строительства, даже если оно очень подходящее и орда в поисках места совершенно не знает того, к которому принадлежал умерший вождь. Вождь, чья жена умерла, должен соблюдать те же церемонии, что и любой другой мужчина, за исключением того, что время траура у него составляет всего три дня. Место, где похоронена жена вождя, оставляют так же, как и в случае с самим вождем.

У кооса нет жрецов и религиозных церемоний, а следовательно, и мало традиций. Они не знают никакой силы, превосходящей ту, которой наделены простые смертные, кроме той, что исповедуют чародеи, которые бывают двух видов - добрые и злые; первые более могущественны и способны разрушить замыслы вторых, если, конечно, вовремя обратиться к ним и сделать так, чтобы сделка стоила его усилий. Коосанские чародеи - это, как правило, старухи, бедные несчастные женщины, которые, несомненно, обнаружив, что они уже отжили свой век и являются объектом презрения и нетерпения среди своего племени, пользуются своим многолетним опытом слабостей и суеверий тех, кого они окружают, и смело выдают себя за ведьм, как самое верное средство завоевать не только благосклонность людей, но и их благоговение и уважение.

Если кооссанец оказывается на пороге смерти, о которой у него есть основания подозревать, он посылает за колдуньей. Волшебная женщина", выслушав его дело - неважно, какое именно, - приступает к его лечению; она делает несколько гранул из коровьего навоза и, положив их рядами и кругами на живот человека, напевает определенные таинственные звуки, танцует и скачет вокруг него; через некоторое время она внезапно бросается на своего пациента и подносит к зрителям змею или ящерицу, которая, по мнению зрителей, в этот момент была извлечена из места болезни пациента с помощью ее волшебной силы. Если больной умирает, она оправдывается тем, что время жизни истекло и "пролитую воду уже не вернуть", или же делает смелый вид и заявляет, что против нее действуют как минимум два злых колдуна и что против таких шансов успех безнадежен. Однако, имея дело с этими чародейками, кооссан может быть уверен, что для его излечения не останется камня на камне: плата оговаривается заранее и передается другу; если пациент выздоровеет, друг отдает вола или все, что составляет плату, лекару; если пациент умрет или по прошествии разумного времени окажется, что услуги старухи не стали лучше, он забирает домой своего вола, и на этом дело заканчивается.

Если же пациент требователен и склонен использовать все возможности коосанских законов, он, хотя и восстановил здоровье благодаря помощи ведьмы, все равно может отказаться платить ей гонорар, пока она не найдет и не привлечет к ответственности того, кто его заколдовал. Однако, поскольку это всего лишь вопрос крепкой клятвы в сочетании с небольшой дискриминацией при выборе жертвы, колдунья редко отказывается взяться за

это последнее дело. В определенный день собирается все племя, и посреди него строится хижина. В эту хижину ведьма удаляется под предлогом, что прежде чем она сможет открыть имя злоумышленника, она должна поспать, чтобы он предстал перед ней во сне. Народ в это время танцует и поет, и наконец мужчины входят в хижину и просят колдунью выйти вперед. Сначала она колеблется, но они берут ей в подарок несколько ассагаев, и через некоторое время она появляется с оружием в руках. Оставаясь в хижине, она усердно раскрашивает свое тело во всевозможные цвета и, почти не прикрываясь, выходит в середину собравшейся толпы.

С громким состраданием к ее нагоде люди спешат сорвать со своих плеч накидки из воловьей шкуры и накинуть их на ведьму, пока она не оказывается почти ошеломленной этими проявлениями их заботы. Однако внезапно она встает, сбрасывает с себя покрывало и бросается к какому-нибудь мужчине или женщине, ударяя его или ее связкой ассагаев. Неудачливому несчастному бесполезно доказывать свою невиновность. Собирище, издыхая, как звери, хватая злодея и с нетерпением ждет решения доброй ведьмы, что с ним лучше сделать - закопать под муравейником или положить в яму в земле и обложить большими раскаленными камнями. Если муравейник станет его погибелью, то томительные пытки и смерть неминуемы; но если он очень сильный человек, то может сопротивляться пыткам раскаленными камнями, а с наступлением ночи снять с себя страшную тяжесть и, вытащив свое бедное обгоревшее тело из ямы, совершить побег. Однако он никогда больше не должен появляться среди людей, среди которых, по всей вероятности, есть его жена и дети; если он это сделает, то будет казнен собственноручно, а его тело выбросят гиенам.

В некоторых частях внутренних районов Африки обычно практикуется обычай "пробуждения" умершего. У дю Шайю был слуга по имени Тонда, и однажды Тонда умер, а путешественник, подозревая о предстоящей церемонии, зашел в дом матери Тонды, где лежало тело. Узкая комната была переполнена; около двухсот женщин сидели и стояли вокруг, распевая траурные песни на тоскливые и однообразные мотивы. "Они так теснились друг к другу, что некоторое время я не мог различить, где лежит труп. Наконец кто-то отодвинулся, и вот - тело моего друга. Он сидел в кресле, одетый в черный фрак и панталоны, а на шее у него висело несколько ниток бус. Мать Тонды, подойдя к мертвому сыну, распростерлась перед ним и умоляла его еще раз поговорить ней. Тягостное молчание последовало за бесплодными наставлениями, но вскоре его нарушил громкий безнадежный плач, который издавала убитая женщина, а остальные члены компании подпевали ей."

Африканские поминки.

Дикари Центральной Африки не носят черное в память об ушедших родственниках, если только это можно назвать накопившимся слоем грязи; ведь среди этих людей способ выразить крайнюю скорбь - выйти немытым и очень грязным. Кроме того, они носят на теле любые лохмотья, которые попадают под руку, и в целом явно пытаются донести до окружающих мысль, что теперь, когда такой-то и такой-то умер, их радость от жизни закончилась и что легкомысленный вопрос о внешнем виде больше не стоит обсуждать. К их чести, однако, следует отметить, что они не виновны в чудовищном цивилизованном обычае *полутраура*. Они не наряжаются сразу же после смерти друга и не провозглашают: "Видите, как мне жаль! Посмотрите на мое платье или пальто цвета морской волны и черные шпильки на передней части рубашки!" И они не перекрашивают черное в белое, когда покойный прожил три месяца или меньше, и не заявляют: "Я стал *немного* веселее - вы можете увидеть это по ширине белой полосы на моих лентах". Африканцу, к счастью, неведомы эти степени скорби; когда он скорбит, он скорбит до самой пыли, но между этим настроением и бурным весельем у него всего один пропуск. Поэтому по истечении срока траура (он варьируется от одного до двух лет) назначается день, когда траур прерывается и можно вернуться на светлую сторону мира. Друзья, родственники и вдовы (их часто бывает шесть или семь) приходят группами по десять или дюжине человек из дальних деревень - кто-то по дороге, кто-то на своих каноэ, и никто не приходит с пустыми руками. Каждый из них имеет при себе

кувшин с *мимбо* или пальмовым вином, а также *то, что поможет устроить греблю: порох*, котелки с круглыми камнями для тряски, барабаны, томы и свистульки из тростника. Ряд является главным признаком расставания и называется *bola woga*. Практически траур заканчивается вечером перед началом церемонии, так как вся компания уже прибыла, как и наследник покойного (который, кстати, может, если захочет, потребовать и забрать домой всех вдов в заведении), а покойные жены, хотя еще и не очистились от своего давно изношенного и грязного траурного костюма, полны веселья и хихиканья, и приятно болтают между собой о том, какой наряд они примут завтра.

Наступает завтра. Рано утром в деревню сообщают, что вдовы уже встали и приняли некое волшебное варево, которое эффективно разводит их с сорняками. Выстрел из ружья также является сигналом для всех желающих прийти и принять участие в веселье, и так как неизменно случается, что многие, как неограниченные *мимбо*, принимают приглашение, все население вскоре можно увидеть направляющимся в одну сторону - к пиршественному дому. Там они находят циновки, расстеленные не только вокруг дома, но и по всей улице, ведущей к нему, и чисто вымытых вдов, одетых в безупречный ситец и носящих браслеты и напульсники, достаточно тяжелые, чтобы объяснить их степенный вид. Затем все гости, позаботившись о том, чтобы в пределах досягаемости были разлиты *мимбо*, занимают свои места, раздаются выстрелы, начинается оргия, которая заканчивается только после того, как все кувшины с пальмовым вином будут разбиты, весь порох израсходован, каждый барабанный наконечник пробит, а каждый чайник превращен в бесформенную вещь ударами камней внутри. Восходящая луна застает их сбившимися в кучу на циновках, залитых вином, беспомощно пьяными, с тушами друг друга, кухонными горшками, кувшинами и разбитыми барабанами в качестве подушек. На следующий день дом покойного сровняли с землей, и траур по богачу со многими женами закончился.

Когда Дю Шайю гостил в Сангатанге, владениях некоего африканского короля по имени Банго, чей основной доход приносит торговля рабами и налоги с рабовладельческих "факторов", чьи "барраконы" (так называют склады рабов) расположены на побережье; он был свидетелем избавления от тела бедняги, который, к счастью, умер до того, как его успели купить, погрузить на борт раба и "выменять" в любом месте, где рынок был наиболее оживленным. Если что и можно рассказать в связи с этой отвратительной системой, чтобы вызвать отвращение у ее врагов, к которым, к счастью, относится каждый человек в обширных владениях Англии, так это такие истории, как следующая:

"Во время моего пребывания в деревне, когда я в один прекрасный день стрелял птиц в роще неподалеку от моего дома, я увидел процессию рабов, идущих от одного из барраконов в дальний конец моей рощи. Когда они приблизились, я увидел, что две банды по шесть рабов в каждой, все закованные в цепи, несут между собой ношу, которая, как я вскоре понял, была трупом другого раба. Они донесли его до опушки рощи, примерно в трехстах ярдах от моего дома, и, бросив на голую землю, вернулись в свою тюрьму в сопровождении надсмотрщика, который с кнутом шел за ними до этого места. Вот оно, значит, место погребения барракона, с грустью сказал я себе, думая, признаться, о бедняге, которого утащили из дома и от друзей, чтобы он умер здесь и был выброшен на съедение стервятникам, которые, пока я стоял в раздумье, уже начали темнеть в воздухе над моей головой, а вскоре слышались звуки драки за останки.

"Роща, которая на самом деле была всего лишь африканской акелдамой, прекрасно просматривалась из моего дома, и я часто решал исследовать ее и отдохнуть в тени ее темно-лиственных деревьев. Сейчас, когда я приблизился к нему, чтобы поближе рассмотреть работу отвратительных стервятников, это место показалось мне довольно

жутким. Увидев меня, они разбежались, но лишь на небольшое расстояние, усевшись на нижние ветви окружающих деревьев и настороженно наблюдая за мной, словно опасаясь, что я лишу их добычи.

"Подойдя к телу, я почувствовал, как что-то треснуло под ногами, и, посмотрев вниз, увидел, что уже нахожусь посреди поля черепов. Я нечаянно наступил на скелет какого-то бедного существа, брошенного здесь достаточно давно, чтобы птицы и муравьи успели перебрать его кости, а дожди отбелили их. Наверное, в пределах моей видимости лежала тысяча таких скелетов. Это место использовалось в течение многих лет, а смертность в барраконах порой просто ужасающая. Сюда сбрасывали мертвых, и здесь стервятники находили свою ежедневную добычу. Траву только что сожгли, и белые кости, разбросанные повсюду, придавали земле необычный, а когда причина была известна, то и страшный вид. Пройдя немного дальше в кустарник, я обнаружил огромные груды костей.

Хозяин жизни", как его представляют в Экваториальной Африке.

"Здесь было место, где, когда много лет назад мыс Лопес был одним из великих невольничьих рынков на западном побережье и барраконы были более многочисленны, чем

сейчас, несчастных мертвецов бросали одного на другого, пока даже заплесневелые кости не остались в высоких кучах как памятники гнусной торговли".

В Анголе в случае смерти тело хранят несколько дней, и устраивают грандиозное сборище представителей обоих полов, с битьем в барабаны, танцами, развратом, продолжающимся пиршеством и т. д., в зависимости от средств родственников. Большое стремление многих чернокожих жителей Анголы - устроить своим друзьям дорогие похороны. Часто, когда человека просят продать свинью, он отвечает: "Я держу ее на случай смерти кого-нибудь из моих друзей". Обычно свинью забивают и съедают в последний день церемоний, а ее голову бросают в ближайший ручей или реку. Туземец иногда появляется в нетрезвом виде, а если его упрекают в невоздержанности, отвечает: "Разве вы не знаете, что моя мать умерла", как будто считает это достаточным оправданием. Расходы на похороны настолько велики, что часто проходят годы, прежде чем они могут их оплатить.

Бечуаны на юге Африки обычно хоронят своих умерших. Церемония погребения и т. д. варьируется в разных местностях и зависит от ранга покойного. Но ниже приводится пример того, как проходят эти похороны:

При приближении смерти человека на тело набрасывается шкура или сеть, которая удерживается в сидячем положении с подтянутыми под подбородок коленями, пока не угаснет жизнь. Затем выкапывается могила - очень часто в скотомогильнике - шесть футов в глубину и около трех в ширину, а внутренняя часть натирается определенной большой луковицей. Тело с покрытой головой проносят через отверстие, проделанное для этой цели в доме и окружающем его заборе, и укладывают в могилу в сидячем положении, стараясь, чтобы лицо трупа было обращено к северу. Под ноги кладут части муравейника, после чего сеть, удерживавшую тело, постепенно снимают. По мере заполнения могилы земля подается чашами, а двое мужчин, стоя в яме, утаптывают ее вокруг тела, стараясь не задеть ничего похожего на корень или камешек. Когда земля доходит до уровня рта, туда бросают небольшую веточку или ветку акации, а на макушку кладут несколько корней травы. Когда могила почти заполнена, сразу над головой закрепляют еще один корень травы, часть которого выступает над землей. Когда эта часть церемонии завершена, мужчины и женщины опускаются и руками соскребают на небольшой курган рыхлую землю, лежащую вокруг. Теперь приносят большую чашу с водой, настоянной на луковицах, и мужчины и женщины моют руки и верхнюю часть ног, выкрикивая "Pùla, pùla" (дождь, дождь). Затем пожилая женщина, возможно, родственница, приносит оружие покойного (лук, стрелы, боевой топор и даже кость старого вьючного быка) и другие вещи. В конце они обращаются к могиле, говоря: "Это все твои вещи". Затем вещи уносят, а на могилу выливают чаши с водой, после чего все удаляются, а женщины причитают: "Йо, йо, йо", с каким-то тоскливым причитанием, горюя без надежды.

Вот еще одна необычная картина африканского захоронения:

"Недалеко от Фетич-Пойнт находится могильник оронгу, который я посетил на следующее утро. Оно находилось примерно в миле от нашего лагеря, в сторону Сангатанги, от которой до него было около полудня пути на каноэ. Оно находится в роще благородных деревьев, многие из которых великолепного размера и формы. Туземцы относятся к этому месту с большим почтением и сначала отказывались идти со мной на предполагаемый визит, даже хотели, чтобы я не ходил. Я объяснил им, что иду не для того, чтобы посмеяться над их мертвецами, а чтобы воздать им почести. Но только пообещав большое вознаграждение, я наконец уговорил Ниямкалу, который был в нашей партии, сопровождать меня. Негры посещают это место только по похоронным поручениям и относятся к нему с величайшим

благоговением, считая, что здесь бродят духи их предков и что их нельзя тревожить. Я уверен, что здесь можно оставить в полной безопасности сокровища в любом количестве.

"Роща стоит на берегу моря. Она полностью очищена от подлеска, и, когда ветер пробирается сквозь густую листву деревьев и шепчет в темной и немного мрачной роще, это жуткое место, даже для не впечатлительного белого человека. Ниамкала молча стоял на берегу, пока я входил во владения мертвых оронгу. Их не кладут под землю; они лежат под деревьями в огромных деревянных гробах, некоторые из которых по своему новому виду свидетельствовали о недавнем прибытии, но гораздо большее их количество разваливалось. Вот гроб разваливается на куски, и внутри обнаруживается ухмыляющийся скелет. С другой стороны лежали скелеты, уже лишенные крышек, которые лежали в пыли рядом с ними. Повсюду валялись обесцвеченные кости и заплесневелые останки. Любопытно было видеть медные браслеты и браслеты, в которых была похоронена дева Оунгу, все еще окружавшие ее побелевшие кости, и замечать остатки вещей, которые были положены в один гроб с каким-нибудь богачом, теперь истлевшие в пыли у него под боком. В некоторых местах оставались лишь небольшие кучки бесформенной пыли, из которых поблескивало какое-нибудь медное или железное украшение или из слоновой кости, доказывая, что и здесь когда-то лежал труп. Переходя в еще более мрачный мрак, я наконец подошел к могиле старого короля Пасс-Алла, брата его нынешнего величества. Гроб лежал на земле и со всех сторон был окружен большими сундуками, в которых хранилось имущество его покойного величества. Среди этих сундуков и поверх них были навалены огромные фаянсовые кувшины, стаканы, кружки, тарелки, железные горшки и слитки, медные и латунные кольца и другие драгоценные вещи, которые этот старый Пасс-Алл решил, наконец, унести с собой в могилу. А еще вокруг лежали многочисленные скелеты несчастных рабов, которых в количестве ста человек убили при смерти короля, чтобы его черное царское тело не ушло в мир иной без должного ухода. Это было жуткое зрелище, и оно наполнило меня более печальным трепетом, чем даже отвратительная барраконская земля".

В вопросах смерти и погребения, как и во всех других вопросах, связанных с дикостью, Западная Африка занимает особое место. "В городе Амбаго, - пишет Хатчинсон, - когда все предварительные приготовления закончены, труп несут к месту последнего упокоения в сопровождении оставшихся в живых родственников, мужчин и женщин, которые несут в небольшом пакете часть волос, ногтей и т. д. покойного. Прибыв в уединенное место, приготовленное для приема тела, они кладут его на место последнего упокоения. Над ним возводят гробницу, на которой в своеобразной нише размещают различные маленькие глиняные или железные фигурки, тарелки, кружки, бутылки и т. д., а также разнообразные съестные припасы; сосуд, приготовленный для их приема, называется *quindumbila*. После церемонии выжившего - мужа или жену - выносят из могилы на спине человека того же пола и бросают в реку для омовения или очищения. Выйдя из реки, человек возвращается в свое жилище, где обязан оставаться в уединении восемь дней, в течение которых он не должен общаться ни с кем из представителей противоположного пола, не есть ничего вареного и не мыться в течение этих дней некроза. Друзья тем временем наслаждаются приготовленным по этому случаю пиром из птицы и других деликатесов, после чего каждый из них преподносит скорбящему что-нибудь в подарок для подготовки к празднованию большого батука, или танца. Если кто-то из родственников или друзей не в состоянии оплатить расходы на похороны, он обычно становится гарантом их оплаты; это называется "гунго". По истечении восьми дней помещение подметают, а скорбящему разрешают насладиться удобной и теплой пищей. По этому случаю приводят старшего ребенка или наследника (если таковой имеется) и заставляют его сесть на бенза - небольшое квадратное сиденье из бамбука. Затем ему на голову надевают кагингу, или калотту, - разновидность шляпы или

шапочки из переплетенной пальмовой соломы, и требуют предъявить все бумаги, принадлежащие покойному, чтобы узнать, какова была его воля в отношении распоряжения имуществом и не давал ли он свободу кому-либо из своих рабов. Ближайший родственник рассматривается как законный наследник и, соответственно, получает во владение все движимое имущество".

Африканский путешественник Вальдес приводит несколько любопытных примеров смерти и похоронных церемоний жителей многих отдаленных городов Западной Африки. Например, в Барродо-Беондо:

"Привлеченный странным шумом, доносившимся со стороны реки, я отправился выяснить, что это такое. Прибыв на место, я узнал, что он исходит от нескольких человек, которые образуют итаме, или похоронную процессию, только что умершего мукси-лоанда. Когда умирает какой-либо человек, скорбящие начинают причитать и проявляют, по-видимому, самую экстравагантную скорбь. Труп сначала заворачивают во множество тканей с ароматами и благовониями; затем его несут к месту погребения, за ним следует большой кортеж родственников и друзей покойного, причем женщины, сопровождающие похоронную процессию, одеты в длинный черный плащ с капюшоном, закрывающим голову.

"В данном случае Мукси Лоанда, не будучи христианином, был похоронен в месте, расположенном недалеко от дороги, и могила была покрыта небольшими камнями, на которые положили весло в память о профессии покойного. Многие могилы отмечены таким образом отличительными знаками должностей тех, кто в них похоронен.

"Среди этих людей существует еще один необычный обычай: один из оставшихся в живых, ближайший родственник покойного, обязан лежать в постели, которую он занимал в последнее время, в течение трех дней с момента отъезда. В течение этого времени скорбящие родственники произносят причитания через определенные промежутки времени каждый день - на рассвете, на закате и в полночь. По истечении восьми дней родственники и друзья, собравшись вместе, возобновляют свои причитания и рассказывают о добродетелях и хороших поступках покойного, время от времени восклицая "Уафу!" (он умер), а все присутствующие в это время хором восклицают "Ай-у-э" (горе мне). По истечении восьмого дня они идут торжественной процессией, возглавляемой главным скорбящим, к берегу моря, реки или леса, в зависимости от того, что ближе, неся череп свиньи, на которой они пировали, и по этому случаю полагают, что *zumbi* или душа покойного вступает в вечное счастье. Через месяц после смерти родственники и друзья снова собираются вместе и устраивают большой пир, на котором употребляют огромное количество кашасы или рома, и который они завершают развратным танцем батеке".

Среди булломов и тиманни, как сообщает нам Уинтерботтом, главная торжественность и пышность их похорон заключается в количестве рома и табака, израсходованных по этому случаю, что они называют "пускать слезу". Среди более бедных слоев населения эта церемония иногда откладывается на несколько месяцев после погребения тела, пока они не смогут раздобыть достаточное количество этих необходимых предметов, чтобы почтить память усопшего. Похороны или "плач" Джеймса Кливленда (любимого европейского чиновника), в силу некоторых политических соображений его преемника, были торжественно проведены лишь спустя почти три года после погребения тела. За время, прошедшее с момента его смерти до празднования "плача", для него постоянно готовили постель в пиршественном доме, ставили у кровати воду для его рук, а также мясо для еды. Во время празднования его "крика" было выпито до двадцати пуншеров рома и большое количество табака.

"Король Джемми", туземный вождь, живший в миле от поселения Сьерра-Леоне, умер в городе на реке Банч, куда он был перевезен около десяти дней назад для получения медицинской помощи и, вероятно, чтобы спастись от колдовства, которое, по его мнению, применялось против него. На следующий день после смерти тело было доставлено в город и помещено в палатный дом. Губернатору Сьерра-Леоне было отправлено послание с просьбой помочь народу оплакать короля Джемми. Около половины четвертого пополудни тело вынесли из пиршественного дома, где его сопровождали несколько женщин, в могилу, которую вырыли глубиной около четырех футов прямо за городом. Труп положили у края могилы, и разные люди, наклонившиеся для этого к гробу, задали ему несколько вопросов. Па Денба (соседний староста) в своей речи, длившейся несколько минут и обращенной к покойному, как если бы он был еще жив, выразил свое великое горе по поводу потери столь доброго отца; он добавил далее, что он и все люди желали, чтобы покойный остался с ними; но поскольку он счел нужным покинуть их, они не могли ничего поделать, но он и все люди желали ему всего хорошего. Аналогичным образом высказались и другие старосты. Зонттик, принадлежавший покойному, положили в гроб, потому что, по их словам, он любил ходить с ним. Подушку, которой он обычно пользовался, положили в могилу под голову гроба. Королева или главная женщина стояла в печали у края могилы, держа в руке его шляпу, которую она собиралась положить в могилу, но ей помешал один из главных мужчин, который, вероятно, оставил ее для собственного пользования. Когда труп опустили в могилу, что было сделано с большой осторожностью, каждый из зрителей взял горсть земли и бросил ее на гроб - большинство из них перекинули ее назад через плечо. Когда речи были закончены, друга мистера Уинтерботтома, который представлял губернатора на этом мероприятии, спросили, не хочет ли он "пожать руку королю Джемми". На просьбу объяснить это ему предложили прочитать молитву на манер белых людей, что и было сделано, но не за мертвых, а за живых, капелланом колонии, который также присутствовал на церемонии. В могилу положили несколько кусочков колы, чтобы король поел, и его шейный платок, чтобы он его надел.

Судя по всему, тиманнийцы очень трепетно относятся к уходу за своими могилами. Когда мистер Лаинг исследовал их страну, один человек из его партии неосознанно совершил пустяковое оскорбление на предполагаемой могиле отца одного из тиманнцев, который тут же поднял на него шум. Человек, обвиненный в преступлении, заявил, что не знал, что земля, на которой он стоял, покрывала чьи-то останки, поскольку не было никаких видимых следов, отличающих ее от другой земли, и что если бы он знал это, то был бы более осмотрительным; но явно пострадавший тиманни настаивал на удовлетворении и, согласно обычаям страны, потребовал штраф в размере двух "слитков", один из которых был из ткани, а другой из рома. Мистер Лаинг немедленно заплатил, всегда желая примирить (насколько это было возможно) добрую волю туземцев. Однако Тиманни, не зная мотивов и полагая, что благодаря его легкому согласию путешественник может еще больше навязаться, потребовал еще два бара, мотивируя это тем, что если бедняк должен заплатить два, то последователь богатого белого человека должен заплатить четыре. Однако это дополнительное требование было не только отклонено, но и предыдущие подарки были взяты обратно; мистер Лаинг заявил, что не возражает против соблюдения их обычаев, но когда он увидел, что целью было вымогательство, а не удовлетворение за предполагаемый ущерб, нанесенный мертвым, он ничего не даст, будучи хорошо уверенным, что ни один человек, принадлежащий к его партии, не сделает ничего плохого в этой стране намеренно. "Старшие люди, которые были судьями пира, остались довольны и подали голос против своего соотечественника, который, удалившись, пошел к своему домашнему грегги и, принеся в жертву птицу и немного пальмового вина, более часа обращался к нему, прося убить того, кто осквернил могилу его отца; Если он будет есть, пусть подавится пищей; если будет ходить, пусть порежется

колючками; если будет купаться, пусть его съедят аллигаторы; если будет плыть на каноэ, пусть утонет вместе с ним; но никогда, никогда не позволяй ему вернуться в Сьерра-Леоне.' Эта любопытная анафема была спета под такую патетическую мелодию, что, если бы я услышал ее скорбные интонации, сопровождаемые серьезной жестикуляцией тиманни, не зная причины, она должна была бы вызвать мое самое искреннее сочувствие; как это было, я пожалел, что способности к мимикрии, которыми одарен этот народ, должны настолько помочь им в искусстве диссимуляции, что они часто навязываются даже друг другу. Обращение почти обернулось против нашего соотечественника, и, вероятно, так бы и произошло, если бы не появился один человек с крепким здоровьем и не объявил все это надувательством, сфабрикованным ради получения денег, так как знал, что мой человек никогда не был рядом с могилой отца просителя".

Когда джентльмен, рассказывающий об этом инциденте, находился в Мабунге, молодая девушка умерла довольно внезапно, и перед ее погребением были соблюдены следующие правила:

"В тот момент, когда жизнь покинула тело, громкий крик вырвался из горла примерно сотни людей, собравшихся посмотреть на уходящую борьбу природы, после чего партия из нескольких сотен женщин, некоторые из которых били в маленькие барабаны, пронеслась по городу, захватывая и удерживая все движимые предметы, которые они могли найти за дверью; причину или происхождение этой привилегии я не смог установить. Спустя несколько часов после смерти девушки старейшины и знатные люди города собрались в зале для пирушек и долго совещались, выясняя возможную причину смерти. Спрашивали, не угрожал ли ей кто-либо при жизни, и долгое время предполагали, что она могла быть убита колдовством. Если бы существовала работорговля, какого-нибудь несчастного могли бы обвинить и продать в плен; но ее подавление в этой стране позволило волхвам после утомительного трехдневного совещания решить, что смерть была вызвана происками дьявола. В течение двух первых ночей этих дней большие партии ходили по городу, кричали, вопили и хлопали в ладоши, чтобы отвести гнев греев, а на третью ночь, которой было погребено тело, в домах греев были разложены значительные подарки из риса, кассады, ткани и пальмового вина, чтобы умиротворить злых духов и попросить их больше не убивать людей. В полночь появились пять или шесть мужчин, одетых в очень необычные и неприглядные костюмы, и, забрав подарки, дали понять, что все злые духи удовлетворены и что в городе еще долго никто не умрет. Затем начались танцы и веселье, которые продолжались до самого рассвета".

И снова он рассказывает: "Молодой негр Мандинго праздновал похороны своей матери, которая умерла около двух недель назад. В самый день ее смерти меня привлекли звуки музыки, раздававшиеся неподалеку. Во дворе я увидел два больших барабана, похожих на наши, и несколько человек били в них и звенели тарелками. Цимбалы состоят из двух кусков железа длиной около пяти дюймов и шириной два с половиной. Два негра, которые били в барабаны, держали эти тарелки в левых руках. На каждом из кусков железа есть кольцо, одно из них надевается на большой палец, другое - на указательный, и движением руки они ударяются друг о друга в такт. Женщины, живущие поблизости, принесли небольшие подарки в знак уважения к покойному. В центре двора ставили большую круглую корзину для подношений. Положив подарки, женщины принимали серьезный вид и, выстроившись в шеренгу, маршировали, прислушиваясь к музыке и делая руками и головой движения, выражающие скорбь. Иногда они отбивали время, хлопая в ладоши и напевая меланхоличную песню. Эта сцена продолжалась весь день. Я поинтересовался, должны ли

подарки, принесенные в честь покойной, быть похоронены вместе с ней, поскольку бамбара соблюдают этот суеверный обычай.

"Четыре маленьких мальчика, чьи тела были покрыты листьями деревьев, а головы украшены плюмажами из страусовых перьев, держали в каждой руке по круглой корзине с ручкой, в которой лежали кусочки железа и камешки. В такт музыке они прыгали и трясли корзинами, содержимое которых издавало странное звяканье. В оркестре было два руководителя, которые регулировали интервалы, когда исполнители должны были играть. На них были красивые мантии из хлопчатобумажной сети, очень белые и с круглой бахромой. На головах у них были черные шапочки, окантованные алым и украшенные коровьими и страусовыми перьями. Музыканты стояли у подножия баобаба. Собралось много народу, и все были хорошо одеты. Мужчины были наряжены во все свои наряды. Я видел нескольких с маленькими куссабами ржавого цвета, почти покрытыми амулетами, завернутыми в маленькие кусочки желтой ткани. Некоторые были вооружены мушкетами, другие - луками и стрелами, как будто готовились к бою. На голове у них были большие круглые соломенные шляпы собственного производства. Они ходили все вместе по кругу, прыгая и танцуя под звуки музыки, что показалось мне очень приятным. Иногда они приходили в ярость, стреляли из своих мушкетов и бегали с угрожающим видом. Люди с луками и стрелами выглядели так, словно собирались броситься на врага, и делали вид, что выпускают стрелы. За мужчинами следовали несколько женщин, опрятно одетых, с белыми пагонами, или мантиями из туземной ткани, которые они разбрасывали из стороны в сторону, шагая под звуки музыки и соблюдая глубокую тишину. Те, кто уставал, уходили, а их места тут же занимали другие. Когда они покидали праздник, то убегали очень быстро, а за ними следовали некоторые музыканты, которые сопровождали их, играя, до их хижин, где они получали небольшой подарок. Примерно в середине праздника появились все родственники покойного, одетые в белое. Они шли в двух шеренгах, каждый нес в руке кусок плоского железа, по которому ударяли другим куском поменьше. Они обошли вокруг собрания, соблюдая такт и напевая меланхоличную мелодию. За ними следовали женщины, которые хором повторяли ту же песню и в перерывах хлопали в ладоши. Затем появился сын покойного, хорошо одетый и вооруженный саблей. Он не выглядел сильно пораженным и, обойдя всех собравшихся, удалился, а воинственные танцоры возобновили выступление. Весь праздник организовали два старика, родственники покойного. Они обратились к собравшимся и произнесли хвалебную речь о хороших качествах своей ушедшей родственницы. Праздник завершился грандиозным пиром, во время которого был съеден убитый утром козел. Я с удовольствием отметил хороший порядок, царивший во время развлечения, которое проходило с большим весельем. Молодые люди танцевали почти всю ночь. Сын покойного отказался от ужина, который он приготовил для своих друзей, и пришел отведать нашего".

В Сьерра-Леоне, когда кто-то умирает, если это мужчина, тело вытягивают и приводят в порядок мужчины; если женщина, эту обязанность выполняют женщины. Перед тем как труп вынесут для погребения, его обычно кладут на своеобразный помост, состоящий из палок, сложенных наподобие лестницы, но с двумя плоскими кусками доски для головы и ног. Его ставят на головы двух мужчин, а третий, стоя перед телом и держа в руке тростник, называемый *каттол*, приступает к допросу о причинах смерти. Сначала он делает шаг или два по направлению к трупу, трясет над ним тростником и тут же отступает назад; затем задает несколько вопросов, согласие на которые означает, что труп подталкивает носителей, как предполагается, к человеку с тростником, а отрицание подразумевается тем, что он производит как бы катящееся движение. Сначала спрашивают: "Была ли твоя смерть вызвана Богом по причине твоего преклонного возраста и немощей, или (если это молодой человек) потому, что ему понравилось тебя взять?" Если на этот вопрос отвечают

утвердительно, что случается редко, а то и вовсе не случается, дознание заканчивается и происходит погребение; если же нет, то эксперт переходит к вопросу: "Была ли ваша смерть вызвана вашими плохими поступками?" (другими словами, из-за того, что вы были ведьмой). Если будет получено согласие, следующий вопрос звучит так: "Чьим гриффеем (колдовством) она была вызвана - таким-то или таким-то?" Последовательно называют несколько лиц, пока, наконец, не будет получен утвердительный ответ. В этом ответе обычно приписывается заслуга уничтожения гриффе главного человека этого места, - обстоятельство, которое усиливает страх перед силой демона главного человека и, как предполагается, удерживает других от дурных поступков. Если же выясняется, что умершего предали смерти не за то, что он был "плохим" - выражение, синонимичное ведьме, - тело спрашивают: "Твоя смерть была вызвана мужчиной или женщиной в таком-то городе (называются несколько городов), принадлежащим к такой-то семье", - называя столько, сколько дознаватель выберет, пока не будет получен ответ, возлагающий вину за убийство умершего колдовством на одного или нескольких человек. Этим людям, если у них есть друзья, которые могут за них заступиться, предоставляется привилегия обратиться к одному из колдовских испытаний в доказательство своей невиновности; если же таковых нет, их продают. За признанием в преступлении также следует продажа в рабство.

Читатель уже знаком со многими диковинными церемониями, принятыми в Старом Калабаре, но, по словам мистера Хатчинсона, который часто был их очевидцем, обряды, связанные с похоронами, являются самыми необычными из всех:

"Во время смерти "Железного бара", очень уважаемого торговца, и покойного короля Арчибонго я видел, как абсурдность этих обрядов была доведена до предела. У Железного Бара, когда я вошел во двор, собралась плотная толпа вокруг того, что должно было быть его могилой, которую сделали в комнате, где он умер, и затопили на глубину десяти или двенадцати футов, чтобы она могла вместить все вещи, положенные в нее для его использования в следующем мире. У изголовья могилы горел ярким пламенем светильник из пальмового масла, отбрасывая тусклую тень на человека, который спустился в нее, чтобы расставить свою мебель - латунные сковороды, медные прутья, кружки, кувшины, горшки, фужеры, супницы, тарелки, ножи, вилки, ложки, мыло, зазеркалья и ворох манчестерских тканей, нарушенных в своей целостности легкими трещинами или разрывами. Вечером я снова посетил это место. Могила была засыпана и выровнена. Поверх нее положили несколько циновок, на которых сидели на корточках несколько женщин. Во всех апартаментах двора множество представительниц слабого пола находились в подобном положении и поддерживали самый мрачный и тоскливый траур, какой только может представить воображение. Я не в силах передать ни малейшего представления об ощущениях, которые это вызывало у меня. Это был не резкий, не громкий, не плач, не вопль; он не походил ни на ирландские поминки, ни на визг стаи кошек; но это был тягучий, тошнотворный, меланхоличный вой, от которого у меня давно бы свело живот, прежде чем он смог бы повлиять на мой мозг. Над могилой, подвешенный на веревке к крыше, лежал живой петух, привязанный за ноги, с клювом, направленным вниз. В боку могилы всегда оставляют отверстие, через которое время от времени наливают ром или мимбо, чтобы освежить дух. Вместе с этим в доме, на общественной дороге или на берегу реки возводятся так называемые "дома дьявола", среди которых Айрон Бар был хорошим образцом. Для него было построено три таких сооружения: одно во дворе, пристроенном к дому, одно снаружи и одно на берегу, примыкающее к навесу, над которым возвышалась бамбуковая крыша, служащая для укрытия стола, а над ней - трио зонтов, два малиновых и один голубой, из шелкового материала, с белой бахромой на каждом. Вокруг стола стояли три больших дивана, а на обоих концах крыши - подвесные стеклянные лампы. Но больше всего

украшений было на столе. В центре стояло большое зеркало с огромным латунным кувшином за ним; по обеим сторонам, занимая каждый свободный дюйм стола, нагромождаясь друг на друга так высоко, как только можно было удержать равновесие, стояли чудовищные кувшины, графины, тумблеры, супницы, вазы для цветов, бутылки и кружки всех форм и размеров, фарфоровые и стеклянные изделия, столько, что хватило бы на большой магазин; Все они были повреждены, как и предметы, помещенные в могилы, возможно, исходя из предположения, что их материальность должна быть уничтожена, чтобы позволить духу сбежать с ними, для призрачной компании, которой они должны были служить, или, возможно, что более вероятно, чтобы сделать их бесполезными для любого из воровской братии, которая в практике своей науки может забрести на дорогу этих заведений. В другом из "домов дьявола" в калабаши было помещено большое количество вареного мяса, вареной равнины и толченого ямса, называемого "фу-лу", для угощения его самого и тех, кто должен был стать его попутчиками в мире духов. Это ясно показывает, что они верят в будущее существование, потому что эти "дома дьявола" всегда обставляются так обильно, как только позволяют средства, из убеждения, что какими бы качественными ни были удобства для умершего, когда он был в этом мире, они будут такими же и в следующем. Дома, возведенные для короля Арчибонго, в которых он развлекал своего дьявола, по своей мебели превосходили дома в Айрон-Баре. Особенно тот, что на берегу, содержал множество произведений туземного искусства. Женщины всегда соблюдают траур, рисуя на лбу узоры глубокого черного цвета, а мужчины - покрывая тело пеплом. По окончании траура все вещи в доме дьявола подвергаются всеобщему разгрому, сам дом сносят, и после него остаются лишь обломки материи. Вместе с вдовами и рабами, которых в прежние времена приносили в жертву при смерти джентльмена, к этому списку добавлялся ряд лиц, которых друзья покойного обвиняли в соучастии в его смерти и заставляли пройти так называемое испытание "отбивным орехом". Они не могут поверить или, по крайней мере, не хотят понять, как естественные причины вызывают болезни, и приписывают их и последующую смерть "иджоду", или колдовству. Поэтому для выявления виновного используется план, при котором несколько человек собираются и заставляют их принять некоторое количество ядовитого ореха, который должен быть безвредным, если обвиняемый невиновен, и смертельным, если он виновен".

На Мадагаскаре, в этой мрачной "стране без Бога", погребальные обряды гораздо более пышные и тщательно продуманные - по крайней мере, в отношении королевских особ, чем можно было бы ожидать, учитывая, что, по убеждению малагасийцев, смерть - это конец всего сущего, а одушевленная глина, называемая человеком, имеет не больше значения, чем пустой глиняный кувшин, как только злые страсти перестают ее будоражить и она лежит холодная и неподвижная.

Пока мадам Пфьеффер гостила при дворе королевы Ранаволы, шурин ее величества, принц Разакаоатрино, испустил дух и был похоронен. "Смерть этого великого господина, - говорит мадам Пфиффер, - даст мне возможность увидеть новый и интересный обряд; ведь похороны столь возвышенной персоны проходят на Мадагаскаре с величайшей торжественностью". После омовения тело заворачивают в симбус из красного шелка, которых часто бывает несколько сотен, и ни один из них не должен стоить меньше десяти пиастров, хотя обычно они стоят гораздо дороже. Закутанный таким образом, труп помещается в подобие гроба и лежит в главном помещении дома под балдахином из красного шелка. Рабыни обступают его как можно теснее, с распущенными волосами и склоненными в знак траура головами. Каждый из них снабжен своеобразным веером, чтобы отгонять от покойника мух и комаров. Это странное занятие продолжается день и ночь; а поскольку высоких особ часто не хоронят неделями, этих рабов приходится постоянно подменять другими.

"В то время, когда труп лежит под балдахином, приходят посланники от всех каст знати и из всех районов страны, сопровождаемые длинными вереницами слуг и рабов, чтобы вручить знаки соболезнования от себя и от имени тех, кем они посланы. Каждый из посланников приносит денежное подношение, варьирующееся в зависимости от его собственного состояния и популярности, которой пользовался покойный, от полудоллара до пятидесяти и более. Эти подарки получает ближайший родственник покойного, и они идут на покрытие расходов на погребение, которые часто достигают очень большой суммы; ведь помимо большого количества симбу, которые нужно купить, необходимо забить много быков. Все гости и посланники остаются до дня похорон, и их, а также их слуг и рабов, развлекают за счет наследников. Когда похоронные церемонии длятся несколько недель, а число гостей велико, легко представить, что расходуется изрядный запас провизии, тем более что жители Мадагаскара, хозяева и слуги, - доблестные окопники, когда кормятся за счет другого. Так, при смерти последнего командующего армией, отца принца Рахаро, было зарезано и съедено не менее пятнадцати сотен быков. Но этот человек пользовался большим расположением королевы, и его похороны считаются самыми пышными на памяти людей. Он пролежал в гробу три недели, и молодые и старые съезжались из самых дальних уголков королевства, чтобы отдать ему последние почести.

"Когда труп выносят из дома, у дверей обязательно кладут несколько зарезанных быков, и носильщики должны перешагнуть через их тела. Период государственного лежания и вообще траура устанавливается самой королевой. Для принца, о котором идет речь, этот срок был установлен в четыре дня. Если бы он был близким родственником королевы - братом или дядей - или одним из ее особых фаворитов, его бы не хоронили от десяти до четырнадцати дней, а период траура растянулся бы как минимум на двадцать или тридцать дней. Тело не становится неприглядным благодаря количеству симбусов, в которые оно завернуто".

"Мы не следовали за похоронной процессией, но видели, как она проходила. Она была очень велика и состояла из знати, офицеров, женщин, траурных женщин и рабов в большом количестве. Все, от высших до низших, носили волосы распущенными в знак траура; и с этими распущенными волосами они выглядели так особенно уродливо, так ужасно отвратительно, что я никогда не видел ничего подобного среди самых уродливых рас Америки и Индии. Особенно женщины, которые позволяют своим волосам расти дольше, чем мужчины, могли бы сойти за чучело или фурию.

"В середине процессии шел катафалк, который несли более тридцати мужчин. Как и костюмы на придворном балу, этот катафалк был скопирован с какой-то гравюры, так как орнамент его был вполне европейским, с той лишь разницей, что машина была увешана красными и пестрыми шелковыми нитями вместо привычного черного сукна. На ней лежала княжеская шапка и другие знаки отличия, а с обеих сторон шли рабы с хлопушками, чтобы отпугивать мух от катафалка.

"Труп был доставлен в поместье покойного, расположенное в тридцати милях, чтобы быть похороненным там. Большая часть офицеров и дворян сопровождала его только первые несколько миль, но многие проявляли вежливость настолько, что проходили все расстояние. На всем Мадагаскаре нет места, отведенного исключительно для погребения умерших. Тех, кто владеет землей, хоронят в их собственных поместьях. Бедняков несут в какое-нибудь место, которое никому не принадлежит, и там часто бросают под кустом или в дупле, причем никто не берет на себя труд даже присыпать их землей".

"Среди аборигенов Австралии, - рассказывает современный путешественник, - когда человек умирает, они старательно избегают называть его имя, а если вынуждены это сделать, то произносят его очень низким шепотом, настолько слабым, что думают, будто дух не слышит их голоса. Тело никогда не хоронят с головой, черепа умерших забирают и используют в качестве сосудов для питья родственники покойного. Мулу, туземец, которого я встретил у слияния с озером, расстался с черепом своей матери за маленький кусочек табака. Любимых детей после смерти кладут в мешки и помещают на возвышенные подмости, причем под одним покрывалом часто оказываются двое или трое. Тела пожилых женщин вытаскивают за ноги и либо затапливают в яму в земле, либо кладут на развилки дерева, не обращая на их останки никакого внимания. Стариков кладут на возвышенные могилы и оставляют гнить, пока конструкция не развалится на куски; затем кости собирают и закапывают в ближайший участок мягкой земли. Когда умирает юноша или воин, убитый в бою, его труп кладут на помост лицом к восходу солнца; руки вытягивают с помощью палок, голову откидывают назад, а все отверстия тела зашивают; волосы выщипывают, а жир трупа, который ранее был вынут, смешивают с красной охрой и натирают все тело. Затем под помостом разжигают костры, и друзья и скорбящие располагаются вокруг него, где остаются около десяти дней, в течение которых скорбящим не разрешается говорить; с каждой стороны от трупа ставят по туземцу, в обязанности которого входит отпугивать мух пучками перьев эму или небольшими ветками деревьев. Если тело, подвергшееся такой операции, принадлежит воину, убитому в бою, его оружие кладут на колени, а конечности раскрашивают красными, белыми и желтыми полосами. После того как тело пролежит на платформе несколько недель, его снимают и хоронят, а череп становится чашкой для питья ближайшего родственника. Сохранившиеся таким образом тела похожи на мумии; нет никаких признаков разложения, и дикие собаки не трогают их, хотя они пожирают любую падаль.

Когда друг или человек, принадлежащий к тому же племени, впервые видит одно из таких тел, он подходит к нему и начинает ругать умершего за то, что он умер, говоря, что здесь много еды и что он должен был довольствоваться тем, что остался; затем, внимательно посмотрев на тело в течение некоторого времени, он бросает в него копье и *вирри*, восклицая: "Почему ты умер?" или "Возьми это за смерть!".

Мистер Паркинс, абиссинский путешественник, рассказывает о своих наблюдениях за обычаями смерти и погребения, преобладающими в этой части света.

"Пронзительный и меланхоличный плач, внезапно ворвавшийся в мое ухо, заставил меня вернуться на площадь, чтобы стать свидетелем погребальных церемоний молодой женщины, умершей предыдущей ночью. Священники и дьяконы собрались в большом количестве, пришли в полном облачении, и их крикливые и безвкусные церемонии плохо сочетались со скорбным обрядом, который они собирались совершить. Некоторые из священников вошли в дом, где лежал покойный, чтобы утешить убитых горем родственников, но большая часть осталась снаружи, размахивая благовониями и распевая. Труп, который тем временем был обмыт и одет, вынесли на помост, и образовалась процессия. Увидев это, родственники и друзья дали волю своему неудержимому горю в самых бурных и мучительных причитаниях. Одни судорожно хватались за тело, словно желая удержать любимую; другие выражали свое отчаяние рыданиями и вздохами, рвали на себе волосы, рвали одежду и даже впились ногтями в шею и лицо, пока кровь не потекла обильной струей. Самое трогательное и умильное зрелище представляли собой мать, старая бабушка и две сестры, которые с каким-то пустяком на память об усопшем в руках рассеянно бегали по двору, рассказывая

каждому какую-нибудь историю или происшествие, связанное с этими драгоценными реликвиями нерушимой любви, которые они постоянно прижимали к губам.

"По окончании молитв груз подняли на плечи носильщиков и в сопровождении священников направились к могильному двору. Здесь, после пения псалма, уплаты платы священникам и формального отпевания усопшего, друзьям и родственникам разрешается в последний раз взглянуть на лицо умершего, которое, по желанию оставшихся в живых друзей, покрыто гробом или нет. Затем читается еще один псалом, и тело опускают в могилу.

"Теперь скорбящие удаляются в дом покойного, где каждое утро в течение целой недели повторяется церемония *леско* или пробуждения. В течение этого времени в доме нельзя зажигать огонь и готовить пищу; все нужды покойного должны обеспечивать друзья и соседи, которые охотно делают это, так как это считается хорошим и достойным делом".

Мы уже представили читателю цветную картину того, как индейца самбо с берега Москито несут, а точнее, волокут, к месту его последнего упокоения. Теперь, с разрешения мистера Барда, который был очевидцем этой любопытной сцены, мы расскажем о ней в деталях: - "Друг Ходжсон сообщил, что индейцы самбо несут на берег Москито.

"Мой друг Ходжсон сообщил мне, что в поселении, расположенном в нескольких милях вверх по реке, должны состояться похороны, и вызвался проводить меня туда в питпане, если Антонио возьмет на себя труд плыть на веслах. Предложение было весьма приемлемым, и после ужина мы отправились в путь.

"Но мы были не одни. Мы обнаружили десятки питпанов, наполненных мужчинами и женщинами, которые отправлялись в тот же путь. Невозможно представить себе более живописное зрелище, чем эти легкие и изящные лодки, с обитателями, одетыми в самые яркие цвета, плывущие по спокойным водам реки. Среди гребцов шла острая борьба, и они с криками и визгом, в которых участвовали и мужчины, и женщины, выкладывались по полной.

"Менее чем через час мы увидели небольшое скопление хижин, расположенных на берегу под сенью пальм, которые издаലെка представляли собой картину завораживающей красоты. На берегу уже собралась большая группа туземцев, и, приблизившись, мы услышали монотонный стук туземного барабана, который время от времени разбавлялся низкими и глубокими ударами в большую полую трубу. В паузах мы различали сдавленные причитания, которые длились около минуты, а затем сменялись тоскливой музыкой барабана и трубы.

"Продвигаясь к хижинам и центру группы, я обнаружил небольшой питпан, разрезанный пополам, в одной части которого, завернутое в хлопчатобумажную ткань, лежало мертвое тело мужчины средних лет. Вокруг питпана расположились несколько женщин с пальмовыми ветвями, чтобы уберечься от мух. Их всклокоченные волосы свисали с головы, как змеи с чела сказочной Горгоны, и они раскачивали свои тела взад-вперед, отбивая шаг по беговой дорожке в такт заунывному *тум-туму*. За исключением мужчин, которые били в барабан и дудели в трубу, эти женщины, похоже, были единственными, кто проявлял интерес к происходящему. Остальные стояли группами или сидели на корточках у корней пальм. Я уже начал уставать от этого представления, как вдруг с внезапностью, поразившей даже женщин, из глубины одной из хижин выскочили четверо мужчин, совершенно голых, если не считать ткани, обвязанной вокруг чресл и вымазанной разноцветной глиной, и, торопливо привязав кусок веревки к половине ямы, в которой лежал труп, умчались в сторону леса, волоча его за собой, как сани. Женщины с головами Горгоны, мужчины с барабаном и трубой последовали за ними, каждый отбивая такт на своем инструменте. Зрители в беспорядке

спешили следом, а большой негр, подхватив оставшуюся половину питпана, водрузил ее себе на голову и рысью двинулся за толпой.

"Люди, несущие труп, вошли в лес, а масса зрителей, толкавшихся на узкой тропинке, шла все тем же быстрым шагом. На расстоянии примерно двухсот ярдов находилось открытое пространство, покрытое низким, темным, спутанным кустарником, еще влажным от дождя предыдущей ночи, который, хотя и не был отмечен никакими знаками, я принял за место погребения. Когда я подошел, половина ямы, в которой находилось тело, была уложена в неглубокую траншею. Другая половина была перевернута. Женщины с головами Горгоны бросили пальмовые ветви, а раскрашенные негры быстро засыпали землю. Пока все это происходило, несколько мужчин собирали палки и пальмовые ветви, из которых поспешно соорудили над могилой небольшой шалаш. В нее поместили глиняный сосуд, наполненный водой. Черепашье копые покойника воткнули глубоко в землю у его головы, и один фантастический парень из старого мушкета сделал три или четыре выстрела по этому месту.

"Сделав это, вся толпа двинулась назад тем же путем, что и пришла. Однако не успели нарисованные люди дойти до деревни, как, схватив тяжелые мачете, принялись рубить пальмы, стоявшие вокруг хижины, в которой жил мертвый Самбо. Делалось это молча, в самой спешке, а закончив, они побежали к реке и с глаз долой погрузились в воду - своего рода обряд люстрации или очищения. Они оставались в воде несколько мгновений, затем поспешно возвращались к хижине, из которой вышли, и исчезали.

Эту дикую и на первый взгляд бессмысленную церемонию Ходжсон объяснил мне следующим образом: смерть, как полагают самбо, является результатом влияния демона, называемого "Вулаша", который, подобно людоеду, питается телами мертвых. Чтобы избавить труп от этой участи, необходимо усыпить демона, а затем выкрасть тело и закопать его, после чего оно будет в безопасности. Для этого на помощь приходят усыпляющий барабан и гулкая труба, а женщины исполняют медленный и успокаивающий танец. Тем временем в глубине какой-нибудь хижины, где их не может увидеть Вулаша, некоторое количество мужчин тщательно маскируется, чтобы впоследствии их не узнали и не стали мучить; и когда предполагается, что демон усыплен, они пользуются моментом, чтобы похоронить тело. Я не смог найти никакой причины для вырубки пальм, кроме той, что это всегда практиковалось их предками. Поскольку пальмы растут медленно, в результате этого обычая они почти исчезли в некоторых частях побережья. Мне не удалось узнать, что при рождении ребенка принято сажать ореховое дерево какао, как в некоторых частях Африки, где дерево получает общее имя с младенцем, а годовые кольца на его стволе отмечают его возраст.

"Если вода исчезает из глиняного сосуда, поставленного на могилу, - а так как сосуд пористый, это редко происходит в течение нескольких дней, - это считается доказательством того, что она была употреблена мертвецом и что он избежал пасти Вулаши".

Последним в этой меланхоличной главе об африканских похоронах идет Дагомей. И вот, наконец, мы подошли к концу нашей задачи, и нам хотелось бы еще раз обратить внимание читателя на то, что, за редким исключением, приведенные здесь иллюстрации жизни дикарей - это не дела прошлого, они существуют *сейчас*, в настоящий день и час. В тот самый момент, когда читатель знакомится с нашим рассказом о кровавом правлении дахоманов, кровавое правление является доминирующим. Только за многие тысячи миль отделяют читателя от места этих зверств, и, читая, он все еще может слышать плач жертв. То, что мы вправе делать эти замечания, мы докажем читателю, поместив перед ним самый

последний отчет из этой ужасной страны - отчет, представленный правительству коммодором Уилмотом в январе 1863 года. Как уже рассказывалось в этой книге, раз в год через город провозят все имущество короля, чтобы народ мог видеть и восхищаться.

Именно во время шествия королевских сокровищ, после того как пронесли коровьи вишни, ткани, табак и ром, которые должны были быть брошены народу, появились "человеческие жертвы". Появлялась длинная вереница живых птиц на шестах, за ними следовали козы в корзинах, затем бык и, наконец, полдюжины мужчин со связанными руками и ногами и тканью, завязанной особым образом вокруг головы.

Последний дахоманский "обычай".

Через день или два после этих процессий король появлялся на первом помосте: таких помостов было четыре, два больших и два маленьких. У его отца никогда не было больше двух, но он старается превзойти его во всем и сделать столько же, сколько сделал он. Если его отец давал в подарок одну овцу, то он дает две. Бока всех этих площадок были покрыты

малиновыми и другими цветными тканями с диковинными узорами и фигурами аллигаторов, слонов и змей; большие площадки имеют форму квадрата, по всей длине одной стороны которого проходит аккуратное здание значительных размеров, тоже покрытое. Подъем осуществлялся по грубой лестнице, покрытой крышей, а сама площадка была аккуратно устлана сухой травой и идеально ровной. Повсюду на ней сидели вожди под королевскими зонтиками, а в дальнем конце от входа стоял сам король в окружении избранных амазонок. В центре этой стороны платформы находилась круглая башня высотой около тридцати футов, покрытая полотнищами с такими же рисунками, как и других частях. Это новая идея короля, и с вершины этой башни жертвы сбрасываются людям вниз. Когда король готов, он начинает бросать людям каури в связках, а также по отдельности. Начинается беготня, и шум, производимый людьми, которые борются, чтобы поймать их, очень велик. Тысячи людей собираются, не имея на себе ничего, кроме поясного ключа и маленького мешочка для каури. Иногда они сражаются компаниями, одна компания против другой, в соответствии с прихотью короля; а лидеры сидят на плечах своих людей. После каури бросают ткани, что вызывает сильнейшее волнение. Пока это длится, король дает им понять, что если кого-нибудь убьют, то с тем, кто стал причиной этого, ничего не сделают, так как предполагается честный бой руками, оружие не разрешается. Затем вызывают вождей, раздают им коровьи вишни и ткани. Царь начинает с того, что сам все выбрасывает; затем его амазонки на короткое время берутся за дело, после чего царь возобновляет игру и заканчивает спорт, переходя с места на место вдоль передней части помоста. Когда все, что царь намеревался выбросить за день, израсходовано, наступает короткая пауза, и вот уже внутри платформы видны шесты с живыми птицами (все петухи) на конце, направляющиеся к круглой башне. Три человека поднимаются на вершину и принимают один за другим все эти шесты, которые опускаются на людей вниз. Подготовлено большое отверстие и грубый деревянный брус, на который кладут шеи жертв и отрубают им головы; кровь из тела должна падать в отверстие. После птиц идут козы, затем бык и, наконец, мужчины, которых сбрасывают вниз тем же способом. Вся кровь смешивается в яме и остается там вместе с глыбой до ночи. Тела мужчин тащат за ноги и по дороге издеваются над ними, избивая палками, в некоторых случаях отрубают руки и вырезают из тела большие куски, которые держат наверху. Затем их доставляют к глубокой яме и бросают в нее. Только головы сохраняются путем варки, так что череп можно увидеть в состоянии большого совершенства. Головы убитых человеческих жертв сначала кладут в корзины и выставляют на короткое время. Это продолжалось в течение двух дней. Мистер Уилмот не стал наблюдать за убийством этих людей в первый день, так как находился очень близко к ним и не считал правильным санкционировать своим присутствием подобные жертвоприношения. Поэтому он встал и пошел в палатку, а когда все закончилось, вернулся на свое место. Одна из жертв была спасена.

"Когда я сидел в шатре, прибыл гонец со словами: "Царь зовет тебя". Я пошел и встал под помостом, где он находился. Десятки тысяч людей были в сборе; не было слышно ни слова, ни шепота. Я увидел на помосте одну из жертв, готовую к закланию, которую держала под мышками узкая полоска белой ткани. Его лицо выражало глубочайшую тревогу, и большая часть его черноты исчезла; на нем была необычайная белизна. Король сказал: "Ты пришел сюда как мой друг, был свидетелем всех моих обычаев, добродушно участвовал в распределении моих коров и тканей; я люблю тебя как своего друга, и ты показал, что англичанин, как и ты, может сочувствовать черному человеку. Теперь я отдаю тебе твою долю жертв и вручаю тебе этого человека, который отныне принадлежит тебе, чтобы ты делал с ним все, что захочешь: дал ему образование, увез его в Англию или еще куда-нибудь по своему усмотрению". Беднягу спустили вниз, и белая лента оказалась у меня в руках. Выражение радости на его лице невозможно описать: оно говорило: "Горечь смерти, и такой смерти, прошла, и я не могу осознать своего положения". С его губ не сорвалось ни звука, но

глаза говорили о том, что чувствовало сердце; и даже сам король участвовал в его радости. Вожди и народ приветствовали меня, когда я проходил через них с покойной жертвой позади меня".

А теперь давайте опишем погребение дахоманского царя; если бы это был последний царь этой проклятой нации фанатиков и убийц:

После смерти царя в центре катакомбы воздвигается кенотаф, окруженный железными перилами. На вершине его ставят глиняный гроб, скрепленный кровью ста пленников, взятых в последних войнах, которых приносят в жертву по случаю смерти короля, чтобы они могли присутствовать при смерти своего государя на том свете. Затем труп короля кладут в этот гроб, головой на черепа других покоренных королей, и столько реликвий королевской власти, как черепа и кости, сколько можно поместить под кенотафом, кладут туда как трофеи усопшего государя. Когда все готово, двери этой подземной катакомбы распахиваются, и восемьдесят женщин-танцовщиц, связанных с двором, вместе с пятьюдесятью солдатами королевской гвардии вынуждены войти внутрь. Все они снабжаются провизией и должны сопровождать своего государя в страну теней - другими словами, они приносятся в живую жертву манам своего ушедшего короля; и, как ни странно, всегда находится достаточное количество добровольцев обоих полов, которые считают честью для себя так себя обезвредить.

Вход в катакомбу остается открытым в течение трех дней, чтобы принять заблуждающихся жертв, премьер-министр покрывает гроб черным бархатным покрывалом, а затем делит между собой, вельможами и оставшимися в живых женщинами различные подарки драгоценностей и одежды, сделанные новым королем тени усопших.

В течение восемнадцати лун, или месяцев, наследник действует как регент, управляя вместе с двумя своими министрами от имени умершего короля. По истечении этого срока он созывает весь двор во дворце Ахоме, откуда они направляются в подземную гробницу, где открывается гроб и вынимается череп усопшего короля. Регент, взяв его в левую руку, а в правой держа секиру, впервые вслух провозглашает факт, о котором, как предполагается, народ не знает, что король мертв и что до сих пор он управлял только от его имени. Все присутствующие, услышав это, падают ниц, засыпая себя землей в знак глубокой скорби, которая, однако, продолжается недолго; отложив череп и секиру, регент достает из ножен меч и провозглашает себя королем. Народ немедленно поднимает шум на своих грубых музыкальных инструментах, а затем следуют танцы и другие проявления веселья.

По этому случаю все вельможи главных белых людей, которые управляют *сараме*, или фабриками, преподносят ценные подарки. Это так называемый "великий обычай", чтобы отличить его от обычая шести месяцев. Даже в этот праздничный день несколько сотен человек подвергаются сожжению, чтобы передать покойному королю весть о коронации его преемника. Кровь жертв смешивается с глиной, образуется нечто вроде большого горшка, по форме напоминающего печь и пронизанного отверстиями. В него кладут череп и кости умершего короля, наполняют его шелком и другими предметами. В определенный день он отправляется навестить череп своего отца, которому делает подношение, вливая через отверстия бренди, цумби и каури - нынешнее средство обмена в королевстве. Последние преподносятся для того, чтобы умерший мог оплатить свой путь на том свете и не позорил своего преемника, влезая в долги.

КОНЕЦ.

НАПЕЧАТАНО БАЛАНТАЙНОМ И ХАНСОНОМ
ЛОНДОН И ЭДИНБУРГ

Лондон: *Warwick House, Dorset Buildings,*

Солсбери-сквер, Е. С.

ИЗБРАННЫЙ СПИСОК

ИЗДАТЕЛЬСТВА "УОРД, ЛОК И КО.

НОВЫЕ И ПОПУЛЯРНЫЕ КНИГИ

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ И СПРАВОК.

В основном в привлекательных тканевых позолоченных переплетах, с иллюстрациями, образующие восхитительные подарочные тома для школьных премий и т.д.

КНИГИ ПО ТРИ С ШЕСТНАДЦАТЬЮ ПЕНСАМИ.

Домашняя библиотека сокровищ.

Красиво напечатанные и переплетенные, с цветными пластинами и другими иллюстрациями, корона 8vo, красивая ткань с позолотой, 3s. 6d. каждая.

1. **Shiloh**; or, Without and Within. Миссис У. М. Л. Джей. С четырьмя цветными иллюстрациями.
2. **Принц дома Давидова**. By Rev. J. H. Ingraham. С тремя цветными иллюстрациями.
3. **Нравственные рассказы мисс Эджворт**. С четырьмя цветными иллюстрациями.
4. **Популярные сказки мисс Эджворт**. Четыре цветные иллюстрации.
5. **Трон Давида**. By Rev. J. H. Ingraham. Иллюстрировано.
6. **Огненный столп**. By Rev. J. H. Ingraham. Иллюстрированный.
7. **Anna Lee: The Maiden, Wife, and Mother**. По Т. С. Артуру.
8. **Широкий, широкий мир**. Элизабет Уэтерелл, автор "Дома в Мельбурне". Четыре цветные иллюстрации.
9. **Квичи**. То же. Четыре цветные иллюстрации.
10. **Дом Мельбурна**. То же. Четыре цветные иллюстрации.
11. **Скипетры и короны, и Флаг перемирия**. Автор "Квичи" и др. Три цветные иллюстрации.
12. **Семья Фэйрчайлд**. Миссис Шервуд. Цветные иллюстрации.
13. **Ступеньки к небу и герой тети Джейн**. Миссис Э. Прентисс. Четыре цветные иллюстрации.
14. **Мейбл Воган**. Автор романа "Светильник". Три цветные иллюстрации.
15. **Даналлан**. Грейс Кеннеди. Три цветные иллюстрации.

16. **Отец Клемент.** То же. Три цветные иллюстрации.

17. **Холден со шнурами.** Автор "Шило". Цветные иллюстрации.

18. **Хижина дяди Тома.** By Mrs. H. Beecher Stowe. С очерком жизни преподобного Джосайи Хенсона, известного под именем "Дядя Том". С тремя цветными пластинами и множеством иллюстраций.

19. **Barriers Burned Away.** By Rev. E. P. Roe. С тремя цветными иллюстрациями.

Популярные поэтические и стандартные книги.

Книги по три и шесть пенсов - продолжение.

Moxon's Popular Poets.

Edited by WILLIAM MICHAEL ROSSETTI.

Crown 8vo, с восемью иллюстрациями, в элегантном тканевом переплете с позолотой по краям, или в новом переплете, с имитацией фарфоровой центральной части, 3s. 6d. каждая.

- Байрон.
 - Лонгфелло.
 - Вордсворт.
 - Скотт.
 - Шелли.
 - Мур.
 - Худ (1-я сер.)
 - Китс.
 - Кольридж.
 - Бернс.
 - Таппер.
 - Милтон.
 - Кэмпбелл.
 - Поуп.
 - Каупер.
 - Юмористические.
 - Американский.
 - Миссис Хеманс.
 - Томсон.
 - Худ (2-я серия).
-

Beeton's Every Day Handbooks.

Crown 8vo, полупереплет, ткань, 3s. 6d. каждая.

1. **Beeton's Every Day Cookery and Housekeeping Book.** Состоит из инструкций для хозяек и слуг, а также коллекции практических рецептов. Со 104 цветными пластинами, показывающими современные способы подачи блюд к столу.

2. **Beeton's Dictionary of Every Day Gardening.** Популярная энциклопедия теории и практики садоводства. С цветными пластинами, сделанными по оригинальным акварельным рисункам, скопированным с натуры.

3. **The Manners of Polite Society; or, Etiquette for Ladies, Gentlemen, and Families.**

Всемирная библиотека стандартных книг.

Включая многие из признанных шедевров исторической и критической литературы, ставшие более доступными, чем до сих пор, для широкого читателя благодаря публикации по умеренной цене.

Crown 8vo, ткань, полупереплет или ткань с позолотой, 3s. 6d. каждая.

2. **Hallam's Europe during the Middle Ages.** Генри Халлам, автор "Конституционной истории Англии".

5. **Исследование Смита о природе и причинах богатства народов.** Автор Адам Смит, доктор философии, член Американской федерации труда.

8. **Очерки Юма,** литературные, моральные и политические. Дэвид Юм, историк. 558 страниц.

9. **Montaigne's Essays.** Содержащие все сочинения Михаила, сеньора де Монтеня. Перевод Чарльза Коттона, эскайра. 684 страницы.

11. **Aikin's (Lucy) Court and Times of Queen Elizabeth.**

12. **Burke's (Edmund) Choice Pieces.** Речь о законе о клевете-Размышления о революции во Франции-О возвышенном и прекрасном-Объяснение английской истории.

16. **Локк о веротерпимости.** 400 страниц.

23. **Macaulay: Рецензии, эссе и поэмы.**

24. **Эссе Сиднея Смита:** Социальные и политические.

25. **Лорд Бэкон: The Proficiency and Advancement of Learning,** the New Atlantis, Historical Sketches, with his Essays, Civil and Moral.

Иллюстрированные книги для мальчиков.

Любимая библиотека для мальчиков.

Post 8vo, ткань с позолотой, золоченые края, 3s. 6 д. каждая, с иллюстрациями.

1. **Чудеса света на земле, в море и в небе.** Как дядя Джон рассказывал своим юным друзьям.

2. **Пятьдесят знаменитых людей**; их жизнь и испытания, а также поступки, сделавшие их знаменитыми. Иллюстрировано многочисленными гравюрами на дереве.
3. **Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо**, моряка из Йорка. By Daniel Defoe. С биографическим очерком автора. Украшена большим количеством гравюр на дереве.
4. **История Сэндфорда и Мертон**. Томас Дэй. Иллюстрирована 100 гравюрами братьев Далзиэл.
5. **Жизнь мальчика на борту корабля**, рассказанная им самим. Полна приключений и смелых поступков.
6. **Жизнь на китобойце**; или Опасности и приключения в тропических морях. Матрос Чарли.
7. **Великие изобретатели**: Источники их полезности и результаты их усилий. Украшено многочисленными гравюрами.
8. **Бытовые истории**. Собраны братьями Гримм. К ней добавлена "Караван", восточная сказка, автор Вильгельм Гауф. Обильно иллюстрирована гравюрами на дереве по рисункам выдающихся художников.
9. **Чудеса природы**, или Очерки творения. By Elisha Noyce. С 400 гравюрами братьев Далзиэл.
10. **The Boy's Book of Industrial Information**. By Elisha Noyce. С 365 гравюрами братьев Далзиэл.
11. **Знаменитые мальчики и как они стали знаменитыми мужчинами**. Автор книги "Умные мальчики". Многочисленные гравюры. Новое издание.
12. **Триумфы настойчивости и предприимчивости**. Томас Купер. Полностью иллюстрированная. Новое издание.
13. **Edgar's Crusades and Crusaders**. С многочисленными иллюстрациями. Новое издание.
14. **The Merchant's Clerk**; or, Mark Wilton. Книга для молодых людей. Преподобный К. Б. Тейлер, магистр искусств.
15. **Герой-моряк**; или Фрегат и люггер. Капитан Ф. К. Армстронг. С иллюстрациями.
16. **Cruise of the Daring: A Tale of the Sea**. By Captain F. C. Armstrong. С иллюстрациями.
17. **Пиротехника**, или Искусство изготовления фейерверков без особых затрат, с полной безопасностью и чистотой. Со 124 иллюстрациями форм и схем для производства и выставки.
18. **Mont Blanc, A Boy's Ascent of**. By Albert Smith. Illustrated. С воспоминаниями об авторе, написанными Эдмундом Йейтсом.
19. **Poe's Tales of Mystery, Imagination, and Humour**. Edgar Allan Poe.
21. **Boy's Book of Modern Travel and Adventure**. Иллюстрированная.
22. **The Young Marooners**. По Ф. Р. Гулдингу. Иллюстрированная.

Подарочные тома для девочек.

КНИГИ ПО ТРИ И ШЕСТЬ РАЗА - продолжение.

Любимая библиотека для девочек.

Цена 3s. 6 д. каждая, с иллюстрациями.

Это все книги, которые завоевали репутацию сочетания глубокого интереса и развлечения с приятной подачей информации. Это действительно "любимые" книги; книги, которые девочки будут читать и сохранять как незаменимые в библиотеке школы или дома.

- 1. Пятьдесят знаменитых женщин:** Их достоинства и недостатки, а также уроки их жизни. Иллюстрирована многочисленными гравюрами на дереве.
- 2. Вечера дома;** или Открытый бюджет для несовершеннолетних. Состоит из множества различных пьес для обучения и развлечения молодых людей. Под редакцией доктора Эйкена и миссис Барболд.
- 3. Листья папоротника из портфеля Фанни.** Первая и вторая серии, полностью. Прекрасно иллюстрирована страницами и другими гравюрами.
- 4. Bunyan's Pilgrim's Progress** (from this World to that that is to Come). Новое издание, с мемуарами. Иллюстрировано 100 гравюрами братьев Далziel.
- 5. Цветы апельсина.** Книга для всех, кто носил, носит или может носить их. Под редакцией Т. С. Артура. С иллюстрациями.
- 6. Julamerk; or, The Converted Jewess.** Автор "Наоми". С многочисленными иллюстрациями.
- 7. Мученики Карфагена,** или Обращенные христиане. Повесть о древних временах.
- 8. Маргарет Кэтчпол,** девушка из Саффолка. Преподобный Р. Кобболд.
- 9. Современные достижения;** или Марш интеллекта. По Кэтрин Синклер.
- 10. Mary Bunyan, the Dreamer's Blind Daughter.** Сэлли Рочестер Форд.
- 11. Герой тети Джейн и шаг в небо.** Э. Прентисс, автор книги "Цветок семьи".
- 12. Девичество Фейт Гартни" и "Лето в жизни Лесли Голдтуэйта".** Автор романа "Гейворти".
- 13. Маленькие женщины и хорошие жены.** Истории для девочек. Автор мисс Л. М. Олкотт.
- 14. The Lamplighter; or, An Orphan Girl's Struggles and Triumphs.** By Miss Cumming. Иллюстрированная.
- 15. Квичи.** Автор "Широкого, широкого мира".
- 16. Широкий, широкий мир.** Мисс Уэтерелл. С иллюстрациями.

17. Хижина дяди Тома; или Жизнь среди низких. Миссис Гарриет Бичер-Стоу. Иллюстрированный.

18. Советы матери дочери. By Mrs. Pullan.

19. Матери из Священного Писания. Их влияние на сыновей.

20. Школьница во Франции. Мисс Маккринделл.

Подарочные книги для молодых людей.

КНИГИ В ТРИ И ШЕСТЬ РАЗА - продолжение.

Рассказы Жюль Верна.

Crown 8vo, элегантная ткань с позолотой, 3s. 6d. каждая. Двойные тома.

1. Приключения капитана Хаттераса. Содержит книги "Англичане на Северном полюсе" и "Ледяная пустыня". С шестью цветными картинками.

2. Двадцать тысяч лье под водой. Первая и вторая серии, полностью. С шестью цветными картинками.

3. Чудесные путешествия. Содержащие путешествие в недра Земли и пять недель на воздушном шаре. С шестью цветными картинками.

4. Лунное путешествие. Содержит путешествие с Земли на Луну и вокруг Луны. С пятью цветными картинками.

Beeton's Erckmann-Chatrion Library. Иллюстрированная, ткань с позолотой, золоченые края, 3s. 6d. каждая. Список *см. в разделе "Книги по 2s. 6d."*

Популярные сказки Андерсена для детей. Со многими полностраничными и другими иллюстрациями. Crown 8vo, ткань с позолотой, 3s. 6d.

Сказки Андерсена для самых маленьких. Со многими полностраничными и другими иллюстрациями. Crown 8vo, ткань с позолотой, 3s. 6d.

The Animal Picture Book for Kind Little People. С большими цветными картинками. Фолио, ткань, гладкая, 3s. 6d.

Тетя Фанни: детские сказки и стихи. С полностраничными цветными иллюстрациями. 4to, ткань с позолотой, 3s. 6d.

Aunt Fanny's Pretty Picture Book. С полностраничными цветными иллюстрациями. 4to, cloth gilt, 3s. 6d.

Книга о животных. С девятью цветными иллюстрациями Харрисона Вейра (напечатанными братьями Лейтон) и другими гравюрами. Фолио, ткань гладкая, 3s. 6d.

Ann and Jane Taylor's Poetry for Children. Содержит оригинальные стихи, гимны для младенцев и рифмы для яслей. Со многими иллюстрациями. Crown 8vo, ткань с позолотой, 3s. 6d.

Sacred Stories for Sunday Hours; or, Scripture Narratives from the Old Testament. С цветными картинками. Crown 8vo, ткань с позолотой, 3s. 6d.

The Children's Forget-me-Not. Книга с картинками и историями для самых маленьких. Королевский 4to, ткань с позолотой, 3s. 6d.

Webster's Universal Pronouncing and Defining Dictionary of the English Language. Сокращенный из большого труда Ноя Вебстера, с многочисленными синонимами, тщательно подобранными Чонси А. Гудричем, доктором философии, профессором Йельского колледжа. К ним добавлены ключ Уокера к произношению классических и писанных имен, словарь современных географических названий, фразы и цитаты из древних и современных языков, сокращения, используемые в письме, печати и т. д. 664 страницы. Demy 8vo, ткань, 3s. 6d.

Getting On in the World; or, Hints on Success in Life. Уильям Мэтьюз. Серия I. и II., полная. Crown 8vo, ткань с позолотой, 3s. 6d.

Beeton's Public Speaker. Содержит выдающиеся речи величайших ораторов мира. Crown 8vo, ткань с позолотой, 3s. 6d.

Религиозные и моральные подарочные книги.

Серия "Христианская жизнь".

Crown 8vo, ткань с позолотой, красивый переплет, 3s. 6d. каждая.

1. Христианский год. Мысли в стихах для воскресных и святых дней в течение года. Автор Джон Кебль.

2. Мысли о жизни. Генри Уорд Бичер. Красные пограничные линии.

3. The Christian Life. Библейские подсказки и советы на каждый день в течение года. Красная рамка.

4. Религия и наука. Серия воскресных лекций о взаимосвязи естественной и явленной религии; или, Истины, открытые в природе и Писании. Автор Жозеф ле Конте.

5. Совершенная жизнь. Уильям Э. Ченнинг.

6. Святые герои и мученики. По Дж. Т. Хедли. Пересмотрено и отредактировано Дж. У. Киртоном.

КНИГИ ПО ТРИ ШИЛЛИНГА.

Золотое детство к Рождеству 1875 года. Красивые картинки, милые истории, песенки для малышей, сказки, детские рифмы с музыкой для фортепиано. С набором бумажных выкроек для полного наряда кукол. Императорский 16мо, доски, 3s.

Веселые солнечные лучи: Ежегодник "Золотое детство" к Рождеству 1876 года. С очаровательными картинками, милыми историями, сказками, детскими песнями с музыкой и т.д. Императорское издание 16мо, доски, 3s.

Золотое детство. Том 1877 года. Значительно расширенный и улучшенный. Императорское 16мо, доски с картинками, 3s.

Знаменитая детская книжка с картинками. Со многими иллюстрациями. Фолио, тканевые позолоченные или оберточные доски, 3 с.

КНИГИ ПО 2 ШИЛЛИНГА И 6 ПЕНСОВ.

The Young Ladies' Library.

Crown 8vo, ткань с позолотой, 2s. 6d. каждая.

1. Солнечный свет и дождь; или Бланш Кливленд. Автор А. Э. У. С восемью полностраничными иллюстрациями.

2. Roses and Thorns; or, Five Tales of the Start in Life.

3. Библейские рассказы; или, Истории из Священного Писания. Преподобный Фредерик Колдер, М.А. С иллюстрациями.

4. Pleasure and Profit; or, Lessons at Home. С восемью иллюстрациями.

5. Country Pleasures; or, The Carterets. Автор А. Э. Р. С восемью полностраничными иллюстрациями.

6. Истории о мужестве и принципиальности; или Как стать герцогиней. By Mrs. Gillespie Smyth. 8 полностраничных иллюстраций.

7. Кто такие счастливики? или Домашние зарисовки. Автор "Тихих мыслей для тихих часов" и др. С восемью полностраничными иллюстрациями.

8. Прогресс характера, или Клиффорп. Автор Г. Пауэр. С восемью полностраничными иллюстрациями.

9. Что она может сделать? Преподобный Э. П. Ро, автор книги "От шутки до серьезности" и др.

Увлекательные презентационные тома.

КНИГИ ПО ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬДЕСЯТ - продолжение.

Библиотека Битона Эркмана-Чатриана.

В красивом тканевом переплете с позолотой, ровные края, 2s. 6d. Тома, отмеченные таким образом (*), прекрасно иллюстрированы.

- *1. Мадам Тереза.
 - 2. Призывник.
 - 3. Великое вторжение во Францию.
 - 4. Блокада.
 - *5. Генеральные штаты, 1789 г.
 - *6. Страна в опасности, 1792 год.
 - 7. Ватерлоо.
 - *8. Иллюстрированный доктор Матеус.
 - *9. Истории о Рейне.
 - *10. Друг Фриц.
 - *11. Эльзасский школьный учитель.
 - *12. Польский еврей.
 - 13. Мастер Дэниел Рок.
 - 14. Война.
 - *15. Первый год Республики, 1793 г.
 - *16. Гражданин Буонапарте, 1794-1815 г.
 - *17. Исповедь кларнетиста.
 - *18. Кампания в Кабилии.
 - *19. Человек-волк.
 - *20. Дикий егерь.
-

Библиотека юмора Битона.

Post 8vo, ткань, цена 2s. 6d. за штуку.

- 1. The Innocents Abroad; or, The New Pilgrim's Progress.** Марк Твен.
- 2. Bret Harte.** Complete Tales.
- 3. Out of the Hurly-Burly.** By Max Adeler. С 400 юмористическими иллюстрациями А. Б. Фроста.
- 4. Артемус Уорд: его книга и среди мормонов.**
- 5. Причуды и странности Гуда.** Иллюстрированный.
- 7. Biglow Papers** Лоуэлла и стихотворения Сакса.
- 8. Back Log Studies, and My Summer in a Garden.** By C. D. Warner.
- 9. Загадки и шарады.**
- 10. Американские потешки.** Содержит "Прыгающую лягушку" и "Крикунов". Марк Твен.
- 11. Письма Артемуса Уорда к Панчу и практические шутки Марка Твена.**
- 12. Смешные истории и юмористические стихи.** Марк Твен и О. У. Холмс.

13. Изречения Джоша Биллингса и майора Джека Даунинга.

18. Локтевая комната. Автор книги "Из суматохи". С юмористическими иллюстрациями А. Б. Фроста.

19. Младенцы Хелен и чужие дети. Автор Джон Хаббертон. С 16 полностраничными иллюстрациями.

20. Взрослые дети и другие люди. Джон Хаббертон. С иллюстрациями.

Книги хорошего тона.

КНИГИ В ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ РАЗ - продолжение.

Библиотека хорошего тона.

Post 8vo, элегантный переплет, ткань с позолотой, цена 2s. 6d. каждая.

1. Князь дома Давидова. Преподобный Дж. Х. Инграхам. Новое издание, с цветным фронтисписом.

2. Широкий, широкий мир. Мисс Уэтерелл, автор "Квичи" и др. Новое издание, цветной фронтиспис.

3. Квичи. Мисс Уэтерелл, автор "Широкого, широкого мира". Новое издание. Цветной фронтиспис.

4. Дом Мельбурна. Мисс Уэтерелл, автор книги "Квичи" и др. Новое издание. С цветным фронтисписом.

The Children's Forget-me-Not. Книга с картинками и историями для самых маленьких. Королевский переплет 4to, доски, красивое цветочное оформление, 2s. 6d.

Bunyan's Pilgrim's Progress from this World to that that is to Come. С мемуарами автора, написанными Х. В. Дулкеном, доктором философии. 100 страниц и другие иллюстрации Томаса Далзила, гравированные братьями Далзилами. Ткань, скошенные доски, позолота, 2s. 6d.

Христианский год (The). Мысли в стихах для воскресений и святых дней в течение года. Автор Джон Кебль.

Улучшенный дикторский словарь английского языка Вебстера. Сокращенный и адаптированный к английской орфографии и употреблению, с дополнениями из различных достоверных источников, составленный Чарльзом Робсоном. К нему добавлены подчеркнутые списки имен собственных из Священного Писания, классики и географии. Fcap. 4to, ткань, 2s. 6d.

Webster's Dictionary of Quotations: Книга, содержащая справочник по всем известным словам и фразам английского языка. С обширным указателем. Crown 8vo, ткань с позолотой, 2s. 6d.

The Good Shepherd: or, The Story of Jesus and His Apostles, for the Young. С цветными картинками. Императорский 16мо, ткань с позолотой, 2s. 6d.

Charles Lamb's Elia and Eliana. Новое издание, с портретами. Fcap. 8vo, ткань, 2s. 6d.

Язык и поэзия цветов. С полным словарем, цитатами, значениями, языком цветов и сборником стихов, иллюстрирующих природу, красоту, чувства, учения и ассоциации цветочного мира и т.д. Цветные фотографии и другие иллюстрации. Fcap. 8vo, ткань с позолотой, красные обрезки, 2s. 6d.

Ward, Lock, & Co.'s 2s. 6d. Романы.

В аккуратных тканевых позолоченных переплетах, 2s. 6d. каждый.

- 1. Шотландские вожди.** Автор мисс Джейн Портер.
- 2. Никогда больше.** По У. С. Мэйо.
- 3. Маргарет Кэтчпол.** Преподобный Р. Кобболд.
- 4. Импровизатор.** По Гансу Христиану Андерсену.
- 5. Артур Бонникастл.** По Дж. Г. Холланду.
- 6. Маргарет.** Сильвестр Джадд.
- 7. Эвелина.** Мадам д'Арбле.
- 8. Жена азартного игрока.** Миссис Грей.
- 9. Киддл-а-Винк,** или Три гостя. Автор "Олив Варко" и др.
- 10. Бербер.** Автор У. С. Майо.
- 11. Сожженные барьеры.** Преподобный Э. П. Ро.

Полезные произведения и книги для детей.

КНИГИ В ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ РАЗ - продолжение.

Книги Битон "Все об этом".

Готовые, в красивом переплете, цена 2s. 6d. каждая.

- 1. Все о кулинарии:** Словарь по кулинарии на каждый день. Миссис Изабелла Битон.
- 2. All about Everything:** Being a Dictionary of Practical Recipes and Every-day Information. Совершенно новая домашняя энциклопедия, расположенная в алфавитном порядке и снабженная полезными иллюстрациями.
- 3. Все о садоводстве:** Словарь практического садоводства.

4. Все о сельской жизни: Словарь сельских занятий и знаний, необходимых для управления фермой и т. д.

5. Все о трудных словах: Словарь ежедневных трудностей в чтении, письме и т.д. и т.п.

КНИГИ ПО 2 ШИЛЛИНГА.

Серия "Маленькие питомцы".

Императорский 16mo, полусукно, доски с картинками, 2s.; или аккуратное сукно, 2s. 6d.

1. Our Little Pet's Own Picture Book. 160 иллюстраций.

2. Новые комические детские рифмы и истории, которые заставят детей смеяться. С многочисленными гравюрами.

3. Маленькие уроки для маленьких детей. С 250 иллюстрациями.

4. Легкие сказки и приятные истории для наших юных друзей. С 200 гравюрами.

5. Библейские очерки из Ветхого и Нового Заветов, адаптированные для юношеского чтения. С около 80 иллюстрациями.

6. Священные чтения для маленьких детей. Избранные из Ветхого Завета. С около 60 иллюстрациями.

8. The Child's Own Book of Pictures, Tales, and Poetry. С многочисленными иллюстрациями.

9. Favourite Nursery Rhymes for Nursery Favourites. С около 200 иллюстрациями.

10. Веселые рифмы и истории для веселых маленьких учеников. С около 90 юмористическими иллюстрациями.

11. Книжка с картинками для маленькой Фанни. Суперкоролевский формат 16mo. С цветными иллюстрациями.

The Children's Picture Annual. История одной семьи с их путешествиями и приключениями дома и за границей. Автор Мерси Саншайн. С многочисленными иллюстрациями. Императорский 16mo, ткань с позолотой, 2s.

Книги для юношей и девушек.

КНИГИ ПО ДВА ШИЛЛИНГА - продолжение

Серия "Дружеский совет".

Crown 8vo, ткань с позолотой, 2s.; те, которые помечены таким образом (*), дополнительно ткань с позолотой, скошенные доски, золоченые края, 2s. 6d.

***1. Письма Тимоти Титкомба, адресованные молодым людям,** холостым и женатым.

***2. Лекции Бичера (Генри Уорда) для молодых людей.**

***3. Getting On in the World; or, Hints on Success in Life.** Уильям Мэтьюз, доктор права. Первая серия.

***4. Советы Коббетта молодым мужчинам и, кстати, молодым женщинам.**

5. Христиане в совете. Автор книги "Ступени к небесам".

6. Как заработать на жизнь. Джордж Кэри Эгглстон.

7. Искусство продления жизни. Переведено с прославленной работы Хуфеланда.

***8. Решение Фостера о характере и другие эссе.** С жизнью автора.

***9. Как устроиться в мире.** Вторая серия. By William Mathews, LL.D.

***10. Как преуспеть в бизнесе; или Инструктор клерка.** Джеймс Мейсон.

***11. Руководство для студентов Тодда.**

Библиотека Роуз.

Фсар. 8vo, ткань с позолотой, золоченые края, 2s.

1. Автобиография пятифунтовой банкноты. Миссис Дж. Б. Уэбб.

2. Зенон, римский мученик. Преподобный Р. Кобболд, автор романа "Маргарет Кэтчпол".

3. Пилигримы Новой Англии. Миссис Дж. Б. Уэбб.

4. Мэри Энн Веллингтон. Автор "Маргарет Кэтчпол".

5. История семьи Фэйрчайлд. Миссис Шервуд.

6. Скипетры и короны. Автор книги "Широкий, широкий мир".

7. Нидворт и его три волшебные палочки. Э. Прентисс, автор книги "Ступеньки к небу".

8. Фрестонская башня. Повесть о временах кардинала Вулси. Преподобный Р. Кобболд, автор "Маргарет Кэтчпол".

9. Таинственный брак; или Сэр Эдвард Грэм. Автор Кэтрин Синклер. (Сиквел к "Обители").

10. Джейн Бувери и как она стала старой девой. По Дитто.

11. Современные флирты; или Месяц в Хэрроугейте. By Ditto.

12. Звезда и облако. По А. С. Ро.

13. Нелли из Труро. Повесть из жизни.

14. Монахиня. Миссис Шервуд.

Волнующие истории и высококлассная фантастика.

Молодежная библиотека чудес и приключений.

Including Jules Verne's Startling Stories, with Coloured Plates, cloth gilt, 2s.

- 1. Путешествие в недра Земли.** Жюль Верн.
 - 2. Англичане на Северном полюсе.** Жюль Верн.
 - 3. Ледяная пустыня.** Жюль Верн.
 - 4. Пять недель на воздушном шаре.** Жюль Верн.
 - 5. Таинственный документ.** Жюль Верн.
 - 6. На трассе.** Жюль Верн.
 - 7. Среди каннибалов.** Жюль Верн.
 - 8. Двадцать тысяч лье под водой.** Жюль Верн. Часть I.
 - 9. -- Часть II.**
 - 10. Два года до мачты.** По Р. Х. Дана.
 - 11. От Земли до Луны.** Жюль Верн.
 - 12. Вокруг Луны.** Жюль Верн.
 - 13. История Сэндфорда и Мертон.** Томас Дэй.
 - 14. Барон Мюнхгаузен (Жизнь, путешествия и необычайные приключения).** By the Last of his Family.
-

Библиотека загородного дома.

Художественная литература, путешествия, очерки, биографии и т.д.

BY STANDARD LIVING AUTHORS. АВТОРСКИЕ ИЗДАНИЯ.

Crown 8vo, ткань с позолотой, 2s.

- 1. The Mad Willoughbys, and other Tales.** Миссис Линн Линтон, автор "Патриции Кемболл" и др.
- 2. Ложные звери и настоящие.** Фрэнсис Пауэр Коббе.
- 3. Цветение алоэ.** Миссис Кэшел Хоуи, автор книги "Вне двора" и др.
- 4. Очерки о загородном доме.** Джон Латуш, автор "Путешествия по Португалии" и др.
- 5. No Sign, and other Tales.** Миссис Кэшел Хоуи, автор книги "Цветение алоэ".
- 6. Грейс Толмар.** Джон Дэнджерфилд.

КНИГИ ПО ЦЕНЕ В ОДИН И ШЕСТЬ ПЕНСОВ.

Серия "Лилия". Шестьдесят шесть книг. В новом тканевом позолоченном переплете с ровными краями. Список см. в разделе "Книги по 2 с."

Библиотека Розы. Четырнадцать книг. В тканевом позолоченном переплете с ровными краями. Список см. в разделе "Книги" по цене 2s.

Серия "Добрая цель". Двадцать пять книг. В тканевом позолоченном переплете, скошенные доски, позолоченные края. Список см. в разделе "Книги" по цене 1s.

Кулинарная книга англичанки Битон. 255-я тысяча. Миссис Изабелла Битон. Коллекция экономичных рецептов, взятых из ее "Управления домашним хозяйством". Лучшая кулинарная книга за шиллинг. Новое издание. Иллюстрировано большим количеством подходящих и полезных гравюр. С 4 цветными пластинками, формат 8vo, полупереплет, ткань, 1s. 6d.

Beeton's Gardening Book. Содержит полные и практические инструкции по работе в саду, по выращиванию фруктов, цветов и кухонных растений, вредителей месяца и ежемесячный календарь работ, которые необходимо выполнить в саду. С 4 цветными иллюстрациями. Post 8vo, полупереплет, ткань, 1s. 6d.

The Christian Year. Мысли в стихах по воскресеньям и святым дням в течение года. By John Keble. Маленькая обложка. 8vo, ткань, позолоченные задник и бока, красные выгоревшие края, 1s. 6d.

Готов новый том под редакцией автора "Купите свои собственные вишни".

Kirton's Standard Temperance Reciter. Совершенно новый том чтений и декламаций для собраний "Группы надежды", собраний добрых тамплиеров и общего чтения. Содержит множество оригинальных произведений, написанных редактором Дж. У. Киртоном, автором книги "Купите свои собственные вишни". Fcap. 8vo, ткань с позолотой, 1s. 6d.

Также, в скором времени будет издана, единая с вышеупомянутой.

Kirton's Standard Band of Hope Reciter.

КНИГИ ПО ОДНОМУ ШИЛЛИНГУ.

Beeton's Pictorial Speller. Самая дешевая иллюстрированная книга по правописанию. 196 стр. 430 иллюстраций. Переплет 8vo, ткань гладкая, 1s.

Webster's Pocket Pronouncing Dictionary of the English Language. Сокращенный с оригинала Ноя Вебстера. С акцентированными словарями классических, священных и современных географических названий. Переработанный Вмом Г. Вебстером, сыном Ноя Вебстера. Королевский переплет 16mo, ткань, 1s.

Webster's Shilling Bookkeeping, in Single and Double Entry. Post 8vo, ткань гладкая, 1s.

Язык цветов. С многочисленными гравюрами и цветным фронтисписом. Fcap. 8vo, ткань с позолотой, 1s.

Поэзия цветов. Совершенно новая подборка подходящих стихотворений, тщательно отредактированная. С цветным фронтисписом и множеством иллюстраций. Fcap. 8vo, ткань с позолотой, 1s.

Христианский год. Мысли в стихах для воскресных и святых дней в течение года. By John Keble. Маленькая обложка. 8vo, ткань с позолотой, ровные края, 1s.

The Children's Picture Annual: История одной семьи с их путешествиями и приключениями дома и за границей. By Mercie Sunshine. С многочисленными иллюстрациями. Императорский формат 16mo, иллюстрированные доски, 1s.

Национальные справочники.

КНИГИ ПО ОДНОМУ ШИЛЛИНГУ... *Продолжение следует.*

S. Национальные справочники О. Битона,

ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ.

Самые дешевые и лучшие справочники в мире.

Каждый том завершен сам по себе и содержит от 512 до 590 колонок. Цена 1s. в крепком тканевом переплете.

Британский справочник Битона: Топографический и исторический путеводитель по Соединенному Королевству. Составлен по последним и лучшим источникам. В нем приведены последние улучшения в городах и поселках; указаны все железнодорожные станции в трех королевствах, ближайшие почтовые города и отделения денежных переводов.

Битон "Британская биография: С древнейших времен до воцарения Георга III.

Beeton's Modern Men and Women: Британская биография от воцарения Георга III до настоящего времени.

Библейский словарь Битона. Циклопедии географии, биографии, повествований и истин Священного Писания.

Классический словарь Битона: Циклопедии греческой и римской биографии, географии, мифологии и древностей.

Медицинский словарь Битона. Безопасное руководство для каждой семьи, с совершенной ясностью определяющее симптомы и лечение всех недугов, болезней и заболеваний. 592 столбца.

Книга дат Битона. Британская хронология от самых ранних записей до наших дней.

Торговый словарь Битона. Справочная книга. Содержит отчет о естественных производствах и мануфактурах, которыми занимается торговый мир; объяснения основных терминов, используемых в бизнесе, и способов ведения дел в стране и за рубежом.

Beeton's Modern European Celebrities. Биография континентальных мужчин и женщин, которые жили в течение последних ста лет или живут сейчас.

Цена 1s., ткань, содержит 208 страниц, 477 рецептов и формул для хозяек и слуг.

MRS. BEETON'S ENGLISHWOMAN'S COOKERY BOOK. Состоит из рецептов во всех отраслях кулинарии и точных описаний количества, времени, затрат, сезонов для различных блюд.

Капитальные цветные пластины делают издание "Кулинарной книги англичанки" за восемнадцать пенни совершенно непревзойденным по качеству и дешевизне. В этом томе бесконечно больше рецептов, чем в любой другой дешевой кулинарной книге, их точность не подлежит сомнению, а добавление этих цветных пластин устраняет всякую возможность успешного соперничества, которое может быть предпринято с помощью подражательных и меркантильных демонстраций.

Цена 1s., ткань, содержит 252 страницы.[**centered]

КНИГА САДОВОДА БИТОНА: Содержит такие полные и практические сведения, которые позволят любителю управлять своим собственным садом. С многочисленными иллюстрациями.

BEETON'S READY RECKONER. Деловая и семейная арифметика. Со всевозможными новыми таблицами и множеством тщательно усвоенной информации, никогда ранее не собранной. Ткань, 1s.

Story Books for the Young.

КНИГИ ПО ОДНОЙ ШИЛЛИНГЕ.

Серия "Хорошее настроение Битон".

Pott 8vo, ткань с позолотой, 1s.

- 1. Оригинальные стихи для детей.** Семья Тейлор, М. Е. Б. и другие.
- 2. Корзина цветов;** или Благочестие и истина торжествуют.
- 3. Идол Эллен.** Автор "Крошки" и "Книжки Тротти".
- 5. Проповеди на стене.** Автор Джон Тиллотсон.
- 6. Голди и друзья Голди.** Мэри Денсел.
- 7. The One Thing Needful;** or, Ethel's Pearls.
- 8. Я не знаю как.** Автор "Приоткрытых врат".
- 9. Поговорки и поступки детей.** Преподобный Дж. Б. Смит.

10. Кроха. Элизабет Стюарт Фелпс.
11. Воскресный вечер Крошки. Элизабет Стюарт Фелпс.
12. Мальчик-сирота; или От крестьянина до принца.
13. Том, Том, сын печатника: A Boy's Story. Написано им самим.
14. Всего лишь одуванчик. Автор "Шагая в небо".
15. Следуй за мной. Автор "Шагая в небо".
16. Новогодняя сделка.
17. В начале; или От Эдема до Ханаана.
18. Завоеватели и пленники; или От Давида до Даниила.
19. Звезда обетования; или От Вифлеема до Голгофы.
20. История робинзонов. Миссис Триммер. Цветной фронтиспис.
21. Гимны для младенцев. Энн и Джейн Тейлор.
22. Рифмы для яслей. То же.
23. Шесть дней рождения маленькой Сьюзи. Миссис Э. Прентисс.
24. Маленькие слуги маленькой Сьюзи. То же.
25. Шесть учителей маленькой Сьюзи. То же.

Книги сказок Ганса Андерсена для самых маленьких.

Фсар. 8vo, ткань с позолотой, 1s.

- Рождественская елка.
- Райский сад.
- Ивовое дерево.
- Тихая книга.
- Русалочка.
- Серебряный шиллинг.
- Снежная королева.
- Ледяная дева.
- Цветы маленькой Иды.
- Маленький Тук.
- Что увидела Луна.

Первая детская книга естественной истории. Иллюстрированная. Корона 8vo, ткань, 1s.

Легкие шаги для маленьких учеников. Много иллюстраций. Crown 8vo, ткань, 1s.

Издано Уордом, Локом и Ко.

Примечания транскриптора:

1. Очевидные типографские, пунктуационные и орфографические ошибки исправлены молчанием.
2. Там, где дефис вызывает сомнения, он сохранен в оригинале.
3. Некоторые дефисные и не дефисные варианты одних и тех же слов сохранены в оригинале.